Абузар Айдамиров

Буря

ГЛАВА I В КРЕПОСТИ ВЕДЕНО

Положение горцев до революции было самое ужасное. Горцы находились почти вне закона. Горцев считали только разбойниками, и за убийства горца почти не привлекали к ответственности. За самое малейшее проявление протеста целый аул подвергался экзекуции.

Г. К. Орджоникидзе

Не зря Ведено когда-то было избрано Шамилем столицей своего имамата, а позднее именно здесь командование царских войск разместило администрацию самой непокорной, мятежной части Чечни – Ичкерии.

Аул, хотя и находится в горах, расположен на широком ровном плато. С востока, запада и юга его окружают горы, покрытые дремучими лесами. В дни весеннего цветения кажется, будто на них кто-то накинул огромный зеленый каракуль с вьющимися локонами. Сотни родников, бьющие из скал, стекаясь в мелкие ручьи, собираются в ущелье Хулхулау и отсюда, перепрыгивая через валуны, пенясь, разбиваясь в миллионы жемчужных брызг, буравя тесные берега, словно необъезженные кони, устремляются на запад, на Чеченскую равнину.

Эти древние густые леса, студеные родники и не тающие снежные шапки на вершинах гор даже в летний зной поддерживают здесь приятный, прозрачный, здоровый воздух, а вода в родниках и речушках столь чиста, что переливается глубокой небесной синевой.

Кроме сказочной красоты, место это имеет и огромное стратегическое значение. Отсюда расходятся четыре дороги, которые, каждая в своем направлении, являются единственными: к северу в глубь Ичкерии, на юго-запад - в Чеберлой, на юго-восток - в Дагестан и на запад через ущелье Хулхулау - на Чеченскую равнину.

Недалеко от Ведено живут известные с древнейших времен знаменитые даргинские и джугуртинские оружейники, белгатойские кузнецы и плотники.

В горной Чечне очень мало пригодных к обработке земель, и потому горцы как зеницу ока берегут небольшие участки, отвоеванные ими у вековых лесов. На них не дают появиться даже маленькому кустику, с них тщательно собирают мельчайшие камешки. Их щедро удобряют навозом и перегноем, которые подвозят на арбах и санях, а ко многим участкам на горных террасах поднимают на собственном горбу. Здесь растут все фруктовые деревья, какие только есть в Чечне. Особенно много ореховых деревьев - в садах, на горных склонах. Но нет у ичкерийцев хлеба. Этого главного составляющего человеческого существования. Урожая со своих клочков земли и сена не хватает им даже на несколько зимних месяцев. Из-за нехватки пастбищ количество скота строго ограничено. Раньше горцы продавали орудия труда и всевозможные изделия собственного изготовления. Но сейчас иссяк и этот источник дохода. Местные и равнинные купцы везут сюда российские промышленные товары, которые дешевле и производительнее кустарных. Они оттеснили продукцию местных умельцев. Нищета, голод, бесправие и жестокость властей заставляют горцев периодически браться за оружие. Но недолог бывает век этих восстаний - их участников валяют в собственной крови. Переждав время и собравшись с силами, горцы вновь поднимаются против притеснителей, и снова их давит власть. За последние двадцать лет в Ичкерии не было крупного восстания. Теперь горцы поднимаются по одному и небольшими группами, чтобы мстить власть предержащим за жестокость и несправедливость. В одну из пятниц осени 1904 года по всем четырем дорогам в Ведено стекались люди. Из Дагестана через Керкетский перевал Андийских гор, из северной Ичкерии через Центерой, из равнинных аулов через ущелье Хулхулау и через Пешхой-лам из аулов верхнего Аргуна. Пешком, верхом на лошадях и ослах, на телегах и арбах. По одному, небольшими группами, мужчины и женщины. В Ведено сегодня - базар.

В потоке людей, поднимающихся через ущелье Хулхулау, выделялся худощавый мужчина лет сорока пяти, одетый в европейский костюм. В сером картузе, в серой же суконной куртке с большими карманами на груди и по бокам, и такого же цвета суконном галифе, в поношенных, но еще крепких сапогах и с почерневшим от времени фанерным чемоданом в руках.

По дороге добрые люди подсаживали его на арбу или подводу, но, видя, с каким трудом несчастные животные тащат свою поклажу, он, после непродолжительного отдыха, вежливо благодарил хозяина, соскакивал на землю и продолжал путь пешком.

За одну-две версты до Ведено рядом с путником остановилась арба, запряженная парой тощих волов. Старик, сидевший на арбе, доброжелательно улыбнулся и жестом пригласил его подсесть.

- Не слишком ли тяжело будет волам, если и я взберусь на арбу? - сказал путник, чуть запинаясь.

Старик удивленно посмотрел на него.

- Ты кто по нации?

- Чеченец.

- По одежде и речи ты не похож на чеченца.

- Я двадцать семь лет не был в Чечне. Старик на минуту задумался.

- Выходит, ты из сосланных после подавления восстания Алибека-Хаджи?

- Выходит так.

- Откуда же ты родом?

- С берегов Аксая. Из Гати-юрта.

Старик прикрикнул на волов, и они лениво поплелись вперед. На арбе лежали два мешка с шерстью и небольшой кувшинчик с плотно закрытым горлышком. Осы, летающие вокруг кувшинчика, указывали на то, что в нем хранился мед. Дно арбы было устлано шкурой буйвола и парой овчин. Старик вытер пот с лица и натруженной шеи снятой с головы папахой и тяжело вздохнул.

- Да-а, много ужасов принес нам тот год. Чеченцы восстали, когда уже не стало сил терпеть далее голод, нищету и несправедливость властей. Но не только не получили свободу и права, о которых мечтали, наоборот, все стало еще хуже. Сотни, тысячи людей погибли в боях, сотни аулов превратили в пепел, сотни семей сослали в Сибирь. Хватило бы погибших с одних только наших Махкетов и близлежащих аулов. Много горцев насильно переселили на равнину. Свободу нам, конечно же, не дали, зато горло сдавили еще сильнее. Начинаем хрипеть, чуть отпускают, а потом сдавливают снова. И жить не дают, и не добивают. Эх, скинуть бы лет тридцать! Продал бы этих волов, купил бы винтовку, патроны и подался бы к Зелимхану, чтобы искать и уничтожать всех, кто служит этой подлой власти.

Путник уже много раз слышал это имя с того самого момента, как вступил в Чечню. Говорили, что все злоключения харачойца начались из-за девушки, которую взял в жены его брат. Родители девушки отняли ее и вернули обратно в отчий дом. Между двумя родами харачойцев возникла ссора. С обеих сторон было убито по одному человеку. Власти арестовали Зелимхана, его отца, двоюродных братьев и сослали их в Сибирь, а противная же сторона осталась безнаказанной. После, вернув арестантов обратно, устроили новый судебный процесс, но их снова приговорили к различным срокам заключения. Совершив побег из Грозненской тюрьмы, Зелимхан вот уже три года абречествовал. Говорили также, что он держит в страхе всю местную власть.

За один день, проведенный в Грозном, путник узнал много нового и о нынешней ситуации в Терской области. По слухам и по сообщениям в печати, отношения между народами, живущими здесь, были сложными. Это был результат произвола местных властей. После войны лучшие чеченские земли были отданы в собственность казачьим станицам, чеченским и русским офицерам, купцам, чиновникам и духовным лицам. В результате нехватка земли приняла самую жесткую форму. Во-вторых, чеченцам запрещалось носить оружие, казакам же, наоборот, дозволялось. В-третьих, здесь установили особое военно-колониальное управление, направленное на угнетение коренных народов. Вдобавок ко всему, с чеченцев взимали налоги, каких не было нигде в огромной империи. Власть не только не стремилась сблизить живущие здесь народы, вместо этого она ссорила их, подогревала страсти, разжигая между ними вражду.

Из всего услышанного путник сделал вывод о том, что эти взаимоотношения нисколько не улучшились за те двадцать семь лет, которые он провел вне родины. Года два назад на базаре в Шаами-юрте казаки попытались отнять оружие у чеченцев. В возникшей стычке с обеих сторон погибли люди. В это же время казаки станицы Карабулакской разграбили ингушское селение Яндарка. А в прошлом году атаман Сунженского отдела под предлогом поиска сбежавших из ссылки горцев разграбил Экажево.

- Убийством чиновников мы никак не улучшим свое трагическое положение, только усугубим, - как бы самому себе сказал путник.

- А что же делать?

- Надо менять власть. Вместо убитого чиновника появляется другой. Более жестокий или глупый.

Хозяин арбы достал из кармана кисет с табаком и стал заворачивать цигарку.

- Пытались не допустить сюда эту власть, а когда она все же пришла и утвердилась, попытались скинуть ее. Когда из этого ничего не вышло, попробовали заставить ее хоть чуть ослабить сдавленное горло. Что из этого получилось, хорошо известно. Этой зимой ичкерийские аулы восстали против назначенных властью старост и непосильных поборов. Что же вышло? Из всех аулов выборочно арестовали людей. Нет, у нас не осталось иного пути, кроме как идти за Зелимханом.

На подступах к Ведено путников нагнал фаэтон, запряженный парой крепких коней. На нем, в мягком сиденье восседал мужчина преклонных лет с покрашенной хной седеющей бородой, полными красными щеками и двойным подбородком. Поравнявшись с арбой, он придержал коней.

- Ассалам алейкум, Тасуха.

- Ваалейкум салам, Бета.

- Что нового в нашем ауле? Все ли живы, все ли здоровы?

- Слава Аллаху, все хорошо. Сам-то как, не бедствуешь?

- Алхамдулиллах, слава Милосердному и Щедрому Аллаху! Хоть и не усерден я в молитвах, как же Он добр ко мне! Я же не слишком и гонюсь за мирскими благами, Тасуха, хотя многие считают иначе. Молюсь в меру сил и знаний, раздаю милостыню, как того требует Создатель. Словом, хочу предстать перед Всевышним безгрешным и благочестивым мусульманином.

Тасуха глухо рассмеялся, поглаживая желтые от табачного дыма усы.

- Правильно делаешь, Бета. Долго тебе придется бить лбом об землю, чтобы замолить грехи, накопленные тобой на грабежах бедняков, вдов и сирот. До Судного дня не управиться. Говорят, в стародавние времена, еще до возникновения христианства и ислама, когда людям, соответственно их ремеслу, раздавали богов,

одного бога не хватило. Тогда ворам и торговцам определили единого бога, посчитав два эти ремесла родственными.

Бета даже глазом не моргнул.

- Будет тебе, Тасуха, - махнул он рукой. - Просто вас бесит, что я один в нашем ауле сыт. Более того, Тасуха. торговля одобряется святыми книгами. Алай салат вассалам, да благословит его Аллах и приветствует, наш пророк тоже был в молодости купцом.

- Но он не обманывал бедняков, сдирая с них последнюю шкуру, как это делаешь ты?

- Не знаю, да убережет нас Аллах от неуважительных слов в отношении пророков и святых. Но во все времена не было и не будет честного купца. Все стремятся надуть друг друга. А если без шуток... Ладно, я покупаю у жителей здешних аулов разные товары. На их покупку и вывоз уходит немало времени, сил и денег. После этого я на несколько дней, а то и месяцев, уезжаю реализовывать их, покинув родной очаг, свой аул и этот край. Кто станет так трудиться, если не будет хоть небольшой прибыли? Скажи, что бы ты стал делать с этими шерстью, шкурой и овчинами, если бы я и подобные мне не стали бы их покупать? Они сгнили бы без копейки пользы. Ты не поехал бы продавать их ни в Грозный, ни в Кизляр, ни даже в Хасав-юрт. А если бы и поехал, то тебя и на базар не пустили бы. Что говорить о городах, когда нас стали гнать с базаров даже в собственных аулах. Разве ты не слышал, что было в позапрошлом году на базаре в Шаами-юрте. Будь поумнее, вам следовало бы носить нас на руках. Мы делаем для вас доброе дело. Тасуха глубоко вздохнул.

- Врагу я не пожелаю такого добра. С одной стороны власть налогами давит, увеличивая их с каждым годом. Если по какой-либо причине не выплатишь их в срок, приходит пристав с солдатами и уводит всю живность, если таковая есть, а если нет, то уносят утварь из хибар. А если соберешься свезти на базар накопленное нечеловеческим трудом, не додав его голодным детям, то и туда не пускают. Пользуясь нашим тяжелым положением, ты и подобные тебе, словно пиявки, впились в наши тела. Но ничего, Бета, наступит день, когда мы заставим вас пожалеть об этом. Смотри, как бы Зелимхан не сделал с тобой то же самое, что он сотворил с русскими купцами из Ведено.

- Ну, с этой стороны мне бояться нечего. Во-первых, я не так богат, как Носов, во-вторых, Зелимхан - наш человек, чеченец, вдобавок, его мать приходится мне дальней родственницей. Словом, он мой племянник.

Сделав последнюю затяжку, Тасуха бросил окурок.

- Значит, если все это правда, тебе нужно было поспешить на помощь зятю и его сыновьям, когда власть арестовала их.

- Ну-у, я не настолько влиятелен, чтобы вмешиваться в такие серьезные дела. Я всего лишь жалкий раб божий.

Торговец слегка тряхнул вожжи и поскакал вперед.

- Какие только звери не притаились в этой жирной шкуре,- произнес Тасуха, когда купец скрылся из вида. - Волк, свинья, лиса, крыса, хорек. Они меняются в зависимости от ситуации. Когда им выгодно, они жестоки, когда нужно - коварны, с легкостью предают, а перед сильными пресмыкаются. Бета - мой односельчанин. Моих лет. Во время восстания Алибека-Хаджи он был тайным осведомителем князя Авалова. Доносил властям о каждом шаге горцев в Махкетах, Хаттуни, Сельмен-Таузене и Элистанжи. После этого несколько лет был старшиной в Махкетах. Накопив денег на грабеже людей, начал купечествовать, но горцы не давали ему спокойно жить в этих местах. Дважды сожгли дом, поджигали хлеба и корма, угоняли скот. Поняв, что ему здесь житья не будет, переехал в Шали.

Путник ничуть не удивился рассказу Тасухи. Когда-то его собственный отец пошел по такому же пути.

Большая поляна позади Веденской крепости была занята базаром. Здесь были бедно одетые чеченцы из окружных аулов и облаченные, несмотря на зной, в овчины и бараньи папахи андийцы, мелардойцы, цадахаройцы. Среди них, изможденных, придавленных нуждой и непосильным трудом, одеждой цветом лица выделялись зажиточные чеченцы из равнинных аулов, мелкие торговцы, служащие в крепости чеченские и русские офицеры, солдаты, чиновники.

Перед стоящими и сидящими вдоль высокой крепостной стены мужчинами и женщинами лежали ремесленные изделия - топоры, косы, мотыги, серпы, сумки, сбруя. Изредка на вбитых в каменную стену деревянных колышках висели бурки и украшенные цветным орнаментом пестрые войлочные ковры.

В отдельном ряду стояли продавцы зерна. У дагестанцев, торгующих медной и глиняной посудой, был свой ряд. В стороне, к плетеным заборам аульчан были привязаны лошади, быки, коровы, буйволы с впалыми от голода боками. Чуть в стороне, под старыми ореховыми деревьями, висели мясные туши и курдюки, там же стояли женщины, торгующие разлитыми и разложенными в глиняную посуду маслом, медом, льном, творогом, сыром. Тасуха остановил арбу рядом с торговцами овчин, шкур и шерсти.

Путник сошел с арбы, поставил чемодан на землю и, взяв его за руку, сердечно поблагодарил Тасуху. Потом он снял с головы картуз, достал из кармана носовой платок, вытер пот с лысеющей головы и оглянулся вокруг. Сразу же бросился в глаза большой дом из обожженного кирпича, возвышающийся над базарной площадью. На большой синей доске, прибитой поверх широкой двери и двух окон, большими черными буквами было выведено: "Товары купца Носова". Двадцать семь лет назад, когда путник покидал эти места, ни этого дома, ни магазина, ни даже самого базара здесь не было.

Взяв в руки чемодан, путник пошел по рядам. Он несколько раз обошел весь базар, внимательно разглядывая людей, в надежде увидеть знакомое лицо. Может, здесь и были те, кого он знал, но прошедшие двадцать семь лет наверняка изменили их лица до неузнаваемости. Отчаявшись найти знакомых, он подошел к торговкам, купил у одной из них кусочек сыра, завернул в газету и, положив сверток в карман, отошел в сторону.

Пройдя шагов двести по спуску к Хулхулау, он повернул вправо и остановился под высокой чинарой с широким стволом и густой кроной, недалеко от ухоженного родника.

Бьющий из-под мощных корней чинары родник с трех сторон был обнесен каменной стеной и прикрыт небольшим черепичным навесом. Подставив кудал под светлую струю, обильно льющуюся через торчащую из каменной кладки железную трубу, у родника стояла красивая девушка лет шестнадцати. Заметив подошедшего мужчину, девушка убрала в сторону кудал, сняла с торчащего из каменной стены гвоздя глиняную кружку и, легким, еле заметным движением перекинув свисающую на грудь длинную черную косу за спину, поднесла ему воду.

Путник некоторое время стоял, позабыв обо всем на свете. В эти несколько секунд перед ним промелькнула картина тридцатилетней давности. Тогда, окончив учебу во Владикавказе и навсегда вернувшись в родной аул, он пошел к роднику, чтобы поведать о своих чувствах девушке, которую давно любил. Его избранница была примерно тех же лет, что и эта девушка, такого же роста, с таким же красивым лицом и такими же густыми смоляными волосами. В этот день он в первый и последний раз признался девушке в любви, первый и последний раз пил протянутую девушкой воду. Она не приняла его любви, сказала, что ее сердце принадлежит другому. Отвергнув его, сына богача и образованного человека, вышла замуж за бедного, одинокого молодого человека.

Внезапно пришедший в себя путник посмотрел на девушку, которая, прикрыв лицо уголком платка, продолжала стоять с протянутой кружкой. Заметив взгляд путника, девушка опустила глаза. Он выпил всю воду до капли и вернул кружку.

- Спасибо тебе. Да полюбят тебя все, кто любит воду, и да дарует тебе Аллах долгую, радостную жизнь.

Подняв полный кудал на плечо, девушка приблизилась к путнику на пару шагов.

- Кажется, вы чужеземный гость, - произнесла она голосом, подобным журчанию этого родника. - А если и местный, все равно идете издалека. Пойдемте со мной, мой отец и шестеро братьев примут вас как дорогого гостя.

- Спасибо. Пусть добро и изобилие никогда не покинут ваш гостеприимный дом. Мне уже недалеко идти. Будь счастлива.

После того, как девушка ушла, путник достал из чемодана мыло и полотенце, умылся холодной водой, стряхнул с одежды пыль и вычистил листом лопуха сапоги. Набрав полную кружку воды, он отошел в сторону и, выложив на траву городской черный хлеб и чеченский сыр, приступил к обеду.

Поев, путник достал из маленького внутреннего кармана куртки часы на серебряной цепочке и, откинув крышку, взглянул на циферблат. Был второй час. В это время в канцелярии округа не должно было быть посетителей.

Когда он подошел к канцелярии, у ворот крепости стояли старик, старуха и молодая женщина. У их ног лежали сумки и узелки. Рядом с молодой женщиной стояли вцепившаяся в ее подол маленькая девочка и мальчик лет десяти с уставившимися на крепостные ворота глазами. Против ворот крепости, на другой стороне улицы, у открытого окошка маленькой лавочки от скуки зевал бакалейщик с вытянутым лицом, длинным горбатым носом и закрученными к верху тонкими черными усами.

Вскоре из крепости вышел офицер - чеченец, одетый в голубую суконную черкеску с серебряными газырями. На его плечах сверкали новые погоны подпоручика. На наборном ремне офицера висел кинжал с украшенными серебром рукояткой и ножнами, на боку торчала кобура с револьвером. Слегка поглаживая рыжие усы, он остановился перед стоящими здесь людьми и окинул их недовольным взглядом:

- Зачем вы пришли сюда?

- Увидеться с арестованными родными... - ответил старик.

- Откуда ты? Как звать?

- Из Беноя. Зовут меня Бакар. Сын у меня здесь в заточении.

- Я его знаю. Это он ударил старшину вашего аула? Старик растерялся.

- Сын не виноват... На нем был налог, за два года... Нечем было платить. Старшина привел солдат и стал выводить из хлева последнюю корову. Сын попытался не допустить этого. Тот обругал его матом... Тогда мальчик ударил его.

- У тебя здесь кто? - офицер повернулся к старушке.

- Сын... Говорят, болен, несчастный...

- За что его арестовали?

- Он ходил батрачить за Терек. С ранней весны и до первых снегов работал на богатого казака. А потом его выгнали, не заплатив за труд. Покинув станицу и переждав день в камышах, он вернулся обратно, ударил бывшего хозяина кинжалом и бежал домой. Только куда убежишь в этом мире? Везде ведь власть. Месяц назад пристав арестовал его и привез сюда. Болен, говорят, родненький...

Третий день сюда хожу... Не допускают...

- И этого парня я знаю. Этого абрека. Вы двое откуда?

- Из Дарго.

- У вас здесь кто?

- У нее муж здесь, а я пришла к брату.

- В чем они провинились?

- Муж наткнулся в лесу на сбежавшую лошадь, привел ее домой. На объявление о находке никто не откликнулся. Всю зиму мы ее кормили и, не дождавшись хозяина, продали. Оказалось, что это была казенная лошадь.

Офицер жестом остановил женщину.

- Хватит! Твой брат, наверное, тоже преступник?

- Его обвиняют в том, что он настраивал аульчан против власти.

Офицер почему-то глубоко вздохнул и, надув мясистые щеки, будто собирался их разорвать, с шумом выпустил воздух.

- Надо было позаботиться о своих родственниках раньше, до совершения ими злодеяний. Теперь уже поздно. Один казака кинжалом ударил, второй дал пощечину старшине, третий угнал казенного коня, четвертый аул против власти настроил. Чего же вы от меня-то хотите? Открыть двери и выпустить их? Чтобы они опять творили зло?

- Конечно, нет. Мы всего лишь хотели передать им еду и увидеться с ними, - произнес старик.

- Бедненький, мой, говорят, болен... Ради Аллаха, сжалься над несчастной матерью. Он у меня единственный... Сирота, выросший без отца... Еще когда я носила его под сердцем, его отца сослали в Сибирь... Он пропал там без вести... Сжалься над нами...

- Значит, и отец его был преступником! - прервал офицер старуху.

- Нет, он был честным и благородным человеком...

- Хватит! Сегодня никого не допустят к арестованным.

Офицер, насвистывая что-то и похлопывая себя плеткой по сапогам, возвратился в крепость. Мальчик потянул мать за подол.

- Вернемся домой, нана.

Мать молча погладила его по голове. Приказчик, торчавший у окошка магазина, подошел к женщинам.

- Ваши просьбы ничего не дадут, - сказал он.

- Что же нам делать? - повернулась к нему старуха.

- Надо "умаслить" хакимов. Есть у вас деньги? Старуха притихла.

- Сколько нужно? - спросила одна из женщин.

- Сколько сможете.

- По одному рублю хватит? Приказчик задумался.

- Нечего делать, коль больше нет. Как говорится, не выходит как хочется, сойдет как получится.

Молодые женщины посовещались между собой.

- Как же мы передадим деньги? А если хаким нас выгонит?

- Давайте мне. Я передам, кому следует. Женщины развязали узелки на уголках платков и протянули серебряные рубли.

- Ты что-нибудь дашь? - приказчик посмотрел на старуху.

- У меня ничего нет... Только еда для сына... Чурек, сыр, лук...

Старик молча стоял в сторонке. Покрутив деньги в руках, приказчик закинул их в карман бешмета.

- Ну что же, посмотрю, что у меня получится, - произнес он и вошел в крепость.

Вскоре из ворот показались приказчик, офицер-чеченец и казачий вахмистр.

- Этих молодых женщин впустить, - офицер указал на них пальцем. - Проверить сумки. Самих тоже обыскать.

Офицер-чеченец и приказчик отошли к окошку магазина и стали о чем-то беседовать.

- А ну-ка, бабы! Подходи по одной! - выкрикнул вахмистр. - Ты, старая, погоди. Что у вас в сумках? Небось, бомбы притащили своим разбойникам?

Вахмистр стал копаться в переметных сумах с едой для узников.

- Приносили бы что-нибудь вкусное. Немного и мне досталось бы. А то носят сухой чурек, горький лук, кислый сыр... Почему не приносите сушеное мясо, курдюк? А теперь, давайте обыщем вас. Под-днимит-те руки!

Вахмистр начал обыскивать женщину, оскалив желтые от табака широкие лошадиные зубы. Когда его грубые ручища стали подниматься к груди, женщина размахнулась и влепила вахмистру звонкую пощечину.

- Свинья!

Вахмистр вытаращенными глазами уставился на женщину. Внезапно придя в себя, он набросился на нее с кулаками. Но впившийся зубами в икры ног мальчик и появившийся в воротах есаул остановили его.

- Вонючая сука! - закричал вахмистр. - Прочь отсюда, ослы! В глаза вы не увидите своих разбойников. Я сгною их в тюрьме!

Есаул от души смеялся, наблюдая эту сцену.

- Как же она тебя, Афонич! Ох, какой же ты дурак! Ха-ха-ха! Темнота ты, Афонич, самая, что ни на есть темнота. Разве можно так грубо с дамами. Лапаешь, словно медведь. Надо их словом приласкать да нежно погладить, пощупать.

- Прочь отсюда, ведьмы!

- Осторожно. Афонич. Какой-нибудь их башибузук вспорет тебе брюхо, - повернувшийся есаул заметил стоявшего в сторонке путника. Поняв, что этот не из здешних чеченцев, он перестал шутить. - Надо быть вежливым с населением, господин вахмистр. К арестантам допускают только по воскресеньям. Передачу примем, но увидеться сегодня нельзя.

Женщины непонимающе взирали на офицера. После того, как ушел вахмистр, они

набросились на приказчика.

- Где наши деньги?

- Ты обманул нас!

- Отдавай наши деньги!

- Это и есть твои связи?

Чеченец-офицер наблюдал за происходящим, прикидываясь ничего не понимающим.

- О каких деньгах они говорят? - спросил он приказчика.

- Они попросили меня быть посредником и дали деньги... для вахмистра. Вы сами испортили дело. На, забирайте свои деньги...

Среди всего этого шума вдруг у старухи вырвался страшный крик.

- Со-и-ийп...

Обернувшийся путник увидел унтера и трех солдат. Они вели мужчину с крепко связанными за спиной руками. Черная борода скрывала его длинное худое лицо. Нестриженые усы растопырились в разные стороны. Но прямой поджарый стан и упругая походка говорили о молодости арестанта. Старуха подбежала и, растолкав солдат, обхватила его руками.

- Со-и-ийп... Умереть бы твоей несчастной матери... Что с тобой сделали эти нелюди...

Сын изо всех сил старался успокоить мать.

- Не плачь... Ничего со мной не сделали. Просто я не стригся и не брился.

- Что вы стоите, уставившись на них? - заорал есаул. - Разнять их.

Солдаты оторвали старуху от сына.

- Нана! Будь стойкой! Ты забыла завещание моего отца? Ты же мать чеченца... Рожденная, чтобы вынести все, быть терпеливой и мужественной...

Рядом с ними появилась повозка, запряженная двумя лошадьми и управляемая солдатом. Солдаты и офицер посадили на нее молодого человека и взобрались сами.

- Не плачь по мне, нана! Я вернусь...

- Со-и-ийп... Ведь твой отец тоже пропал без вести... В синей Сибири... - побежавшая за тачанкой женщина споткнулась и упала.

Путник подошел и помог старушке подняться. Солдаты и арестант скрылись по улице за поворотом. До сих пор молча стоявший в сторонке старик подошел и стал успокаивать женщину.

- Твой сын прав. Смотри, как торжествуют эти гяуры? От того, что ты плачешь, никто из них не сжалится. И в первую очередь - вон те два чеченца. Может, и отпустят его. Даже если будет суд, дадут года два. Они быстро пройдут. Вернется. Он молод, здоров. Обязательно вернется.

Женщина потихоньку успокоилась. Вытерев глаза уголком платка, она глубоко вздохнула:

- Он-то вернется... Только доживу ли я до этого... И отца у него арестовали еще до

его появления на свет... Я одна растила его... Мне придется вернуться в пустую саклю...

- Родственники у сына есть?

- Дальние родственники есть. Но нет ни дяди по отцу, ни двоюродных братьев, ни троюродных... Ни одного близкого человека...

- Откуда ты?

- Из Гати-юрта...

- Что делать. Все от Аллаха. Будем уповать на Него. Алхамдулиллах, он плохого не допустит...

Обдав женщину пылью, мимо проскочила легкая тачанка, запряженная резвым вороным конем с белой продолговатой звездочкой на лбу. За спиной денщика на мягком сиденье восседал подполковник. Он проехал мимо собравшихся здесь людей, не поворачивая головы, будто у него свело шею, и уставив глаза вперед. Путник остановил подпоручика, побежавшего за тачанкой к крепостным воротам.

- Прошу прошения, поручик, кто это только что въехал в крепость?

Удивленный подпоручик во все глаза уставился на путника.

- Кто это был? Ты что, с неба свалился? Ты не знаешь его благородия начальника округа?

- Так это был Добровольский?

Удивление подпоручика перешло в подозрение. Он внимательно осмотрел одежду и лицо путника.

- А ты кто такой? Зачем тебе нужен господин Добровольский? Ты случаем не из шайки Зелимхана? А ну, вперед. Там разберемся, кто ты и почему пытаешься узнать Добровольского.

Путника развеселило усердие чеченца-офицера:

- Быстро будешь расти по службе, подпоручик.

- Это не у тебя будут спрашивать. Наверное, угождаешь, пытаясь купить меня. Не выйдет. А ну, вперед к крепости.

- Пошли. Я и так шел к господину Добровольскому. Подпоручик опять оглядел путника с ног до головы.

Он уже не знал, как себя вести с этим человеком. Но одно офицер знал точно: что этот его земляк не из начальства, и что, даже будь он из них, ни он, ни сам подпоручик никакой властью не обладали.

- Ну-ка, покажи документ! Мир полон бунтовщиками. Абреки, народники, эсдеки. Все они одинаковы. Воры и бандиты.

Путник достал из кармана кожаный кошелек, открыл его и, вытащив оттуда паспорт и какую-то бумагу, протянул их подпоручику.

Тот долго смотрел на бумагу, шевеля губами.

- Еще лучше, мне не надо будет вести тебя силой, - вернул он паспорт и бумагу. - Его благородие знает о твоем визите?

- Должен знать. О приезде такого дорогого гостя власти заранее сообщают хозяину.

По пути в канцелярию путник думал о только что представшей его глазам картине. Неужели все солдаты, офицеры, полицейские и жандармы всех национальностей здесь, в Сибири, везде одни и те же? С каменными сердцами? Может, они просто привыкли к несправедливости и жестокости, которых видят каждый день? Или это служба вывела их на путь несправедливости и жестокости?

Что же происходит с людьми и этим миром?

Дежурный офицер осмотрел документы путника и с ними на руках вошел в кабинет начальника. Через несколько минут он вышел оттуда и кивком головы указал на дверь.

Путник медленно вошел и, остановившись в дверях, поздоровался с подполковником. Начальник округа был человеком средних лет. Седеющие рыжие волосы, усы с чуть закрученными к верху кончиками, чисто выбритое лицо, толстый двойной подбородок и не вписывающийся во все это тонкий нос с широкими ноздрями.

Путник, переступив с ноги на ногу, оглядел комнату. Как у любого администратора за спиной подполковника на стене висел огромный портрет императора. Одну стену занимала большая карта империи. Рядом с ней был встроен в стену сейф с медными ручками на двух дверцах.

Наконец, подполковник, не отрывая глаза от бумаг, кивнул головой в сторону табуретки, стоявшей около двери, предлагая сесть. Через какое-то время он сурово взглянул на посетителя:

- Фамилия?

- Гатиев.

- Имя?

- Мансур.

- Отчество?

- Гатиевич.

- Место рождения?

- Веденский округ. Манди-хутор.

- Я не слышал об ауле или хуторе с таким названием.

- Его сожгли в последний год войны и потом не восстановили.

- Проверим. Год рождения?

- 1860-й.

- Родители есть?

- Нет.

- Братья, сестры?

- Нет.

- Родственники где?

- Не знаю. Мне неизвестно, что с ними стало после подавления последнего восстания.

Нахмурив лоб, подполковник уставил на путника лягушачьи глаза:

- Ты лжешь, господин Хортаев. Мы собрали о тебе сведения в первый же день, как ты ступил на территорию Терской области. Ты - Хортаев Овхад Хортаевич. Родился в Гати-юрте. Один из руководителей антигосударственного мятежа 1877 года. Ты скрыл это. Мы знаем о каждом твоем шаге с тех самых пор, как ты бежал отсюда в Грузию. Сначала ты жил в Хевсуретии, потом в Тифлисе работал учителем в народной школе. Был участником местной крамольной группы. После разгрома этой группы, бежал в Баку и работал на нефтяных промыслах. Будучи руководителем одной из рабочих стачек, в стычке с полицией ты убил жандармского офицера. За это тебя приговорили к десяти годам каторги и десяти годам ссылки. В ссылке ты был связан с социал-демократами. По приезду в Грозный попытался связаться с местными социал-демократами. Ты скрыл эти сведения о себе, господин Хортаев. Но ни одна тайна не остается для нас неизвестной.

- Нынче все эти сведения не имеют никакого значения, господин подполковник. После подавления восстания прошло двадцать семь лет. А за проступок в Баку я отбыл двадцать лет в Сибири.

- А твои крамольные связи с социал-демократами?

- Никакой связи у меня с ними не было. Мы вместе отбывали ссылку. А когда долгое время живешь вместе с кем-то, какие-то узы появляются.

- Проверим, - сухо сказал подполковник. - В области сложная обстановка. Особенно в этом округе. Социал-демократы тайно и явно мутят народ. Сообщаю тебе, что если ты сделаешь хоть один шаг по прежнему пути, будешь сурово наказан. В дальнейшем будешь жить в Гати-юрте. Или в любом другом ауле, на твой выбор. Покидать его имеешь право только с разрешения пристава. Вопросы есть?

Путник покачал головой.

- Тогда распишись вот здесь,- подполковник придвинул к нему карандаш и бумагу.

Путник, пробежав глазами бумагу, размашисто расписался.

- Теперь-то я могу идти? - он отодвинул обратно карандаш и бумагу и выпрямился.

- В добрый путь!

ГЛАВА II МСТИТЕЛИ

Мой дом - звериная берлога, Постель подо мною - трава и листва, Накрываюсь я холодным туманом, Вместо подушки - неотесанный камень, Проголодаюсь я - буковую ем кору, Жажду утоляю росой травяной, А верный товарищ мой - оружие...

Народная песня

Зелимхан часто менял места. Останавливаться в одном доме несколько дней подряд было небезопасно.

В последнее время он обнаружил, что до абреческой жизни совсем не знал людей. Все они казались ему честными, добрыми и милосердными. Но оказалось, он глубоко заблуждался. За подачки властей или от страха за свою шкуру многие готовы были продать собственную мать. Таких следовало опасаться. Из-за них ему приходилось всегда быть начеку, готовым в любой момент взглянуть в глаза смерти. Но были и такие, у кого он находил сочувствие и поддержку. И их было немало. В городах и аулах, в горах и на равнине.

Важное дело привело сегодня Зелимхана в маленький хутор близ Ведено.

Сюда ведет только одна узенькая дорожка, поднимающаяся по крутому горному склону. С остальных трех сторон хутор недоступен даже для пешего. Над хутором нависают угрюмые гранитные скалы.

Хотя двое сыновей хуторянина внимательно следят за единственной тропой, Зелимхан зорко прислушивается к каждому шороху за стенами сакли. Рядом с ним лежат две бомбы и прислоненный к стене карабин. На ремне, затягивающем его тонкую талию, висит револьвер, второй засунут в карман. С ними он не расстается никогда.

В очаге трещит огонь, разгораясь все ярче. Зелимхану нравится смотреть на его дрожащие языки - в такие минуты легко думается. Он только что завершил полуденную молитву и, перебирая четки, совершает вирд, возложенный на своих мюридов устазом Кунта-Хаджи.

Обычно во время молитвы все его мысли бывают обращены к Аллаху, но сегодня, как он ни старается, в голове кружат другие думы. Кое-как завершив вирд и прочитав длинный доа, он отложил четки и полностью отдался во власть этих дум.

Их семья мирно проживала в Харачое. Дед Зелимхана Бахо, которому исполнился сто один год, отец Гушмаца и его четыре сына: Хаси, Зелимхан, Солтамурд и Бийсолта. Последнему было всего десять лет, он был сыном Билкис, на которой Гушмаца женился после смерти первой жены. Старший из четырех братьев, Хаси, был болезненным, слабым и безобидным человеком. Были еще брат Гушмацы Хамза и два его сына, которые с сыновьями Гушмацы жили душа в душу.

Когда Зелимхан начинал абреческую жизнь, у него и его жены Беци было двое детей: Муслимат и Энист. Семьи Гушмацы и Хамзы занимались в основном скотоводством, держали крупнорогатый скот и овец. На полянах, с которых сами выкорчевали вековые деревья, выращивали кукурузу, фасоль, тыкву, картофель. Как и всем ичкерийцам, урожая с этих наделов не хватало им даже на зимние месяцы. Продавали приплод скота и покупали зерно. Кроме того, были и ульи. С них дважды в год брали мед, который продавали на базаре в Ведено, а на вырученные деньги покупали одежду и другие необходимые в хозяйстве товары.

Словом, это были семьи среднего достатка, не бедные и не богатые.

Они ни с кем не были в плохих отношениях и ни с кем не враждовали. Но, несмотря на их миролюбие и осторожность, абречество буквально висело над этим

родом еще с шамилевских времен.

Зелимхан не понимает, что за проклятие висит над Харачоем и харачойцами, в чем они провинились. Аллах наградил их буйным нравом, они не желают покориться силе и беззаконию. Особенно потомки Бахо. Когда имам Шамиль начал насаждать в Ичкерии шариат, воспротивились этому только харачойцы. Чеченцы не желали менять адат, по которому они жили с древнейших времен, на шариат. Но, опасаясь сурового имама и его жестоких муртазеков и палачей, нехотя уступили. Все, кроме харачойцев. Тогда Шамиль прибыл в Харачой и собрал самых влиятельных аульчан на главную площадь. Уложив на землю лицом вниз, муртазеки накрыли их плетеными заборами, которыми горцы огораживали огороды, и, усевшись на эти щиты, пировали с утра до вечера. Только один Бахо вышел из этого ада живым. На второй же день он ушел в горы. Чтобы мстить Шамилю и его муртазекам. Бахо абречествовал 18 лет, до того дня, когда Шамиль бежал из Чечни. Он бродил по горам и лесам, словно дикий зверь, и при любом удобном случае нападал на шамилевских палачей.

Гушмаца был горячим человеком с крутым бунтарским нравом. Пятнадцать лет назад он ввязался в драку со старшиной аула и двумя стражниками и нанес им раны, когда те заявились в его двор за очередным налогом. На второй день явился пристав с целым отрядом стражников и арестовал харачойца. В ответ Зелимхан похитил сына одного большого начальника и обменял его на заточенного в Веденскую тюрьму отца.

После этого двенадцать лет их семью никто не трогал. Но новое несчастье уже стучалось в дверь. У Солтамурда была возлюбленная, дочь его односельчанина Хушуллы Зезаг. Молодые очень любили друг друга, но из-за бедности парня свадьбу приходилось откладывать до лучших дней. На очередном свидании у родника девушка рассказала парню о том, что ее сватают за сына махкетинского старшины и что если сваты придут в их дом, ее родители дадут свое согласие на этот союз.

Она призналась, что не сможет пойти против воли родителей и потому, если он, Солтамурд, хочет ее руки, то должен устроить видимость похищения. Такое довольно часто случалось среди чеченцев. Обычно старцы улаживали такие конфликты, мирили стороны друг с другом, в результате влюбленные почти во всех таких случаях оставались вместе. В надежде на то, что и этот случай не станет исключением, Солтамурд на второй же день увез возвращавшуюся с родника Зезаг. Хушулла и его родня заявили, что их девушку забрали против ее воли; что, если она в ближайшее время не будет водворена домой, они будут мстить за нанесенное им оскорбление. Самые уважаемые и влиятельные аульчане вмешались в конфликт. Но все испортил старшина Харачоя, который заявил, что-де в ауле есть власть, что он один будет решать этот спор, что ни о каком примирении и речи быть не может, и что если девушка не будет немедленно возвращена в отчий дом, он засадит за решетку все семейство Гушмацы. Зезаг, надеявшуюся на счастливое соединение узами брака с Солтамурдом, отдали родственникам. Так бывало всегда: похищенную девушку возвращали родне, после этого уже официально, с благословения родителей молодоженов, заключался законный брак. Ничего позорного ни для одной из сторон в этом не было. Гушмацу и его сыновей оскорбило другое - невесту у них отобрали представители власти.

Даже после этого, с заключением брака между парнем и девушкой или без этого, оставалась надежда на мирный исход этого конфликта, если бы не вмешательство махкетинского старшины. Это был родственник харачойца Элсана, который в свою очередь приходился Гушмаце тестем. Опасаясь, что домашние все же выдадут Зезаг за Солтамурда или же ее похитят вновь, он уговорил родителей девушки вывезти дочь из Харачоя. Сын Элсана Шоип увез ее в Эшалхоти. Теперь ситуация складывалась таким образом, что Зезаг могла в любой момент оказаться женой сына махкетинского старшины. На худой конец семья Гушмацы смирилась бы и с этим. Но они не могли простить предательство Элсана, то, что девушку увез из Харачоя шурин Гушмацы, дядя Бийсолты. Они решили вернуть девушку в свой дом, пока ее не отдали за махкетинца, и отомстить за предательство Шоипу.

С той целью Зелимхан, сыновья Хамзы Элимха, Израиль и друг Солтамурда Ушурма поехали в Эшалхоти. В возникшей там стычке от руки Шоипа погиб Ушурма. Смерть совершенно постороннего человека, вызвавшегося помочь им, должна была быть отмщена. В ответ был убит Элсан.

На этом все могло бы и закончиться, так как с обеих сторон было убито по одному человеку. Но харачойский старшина каким-то злым демоном крутился вокруг этого конфликта, все сильнее раздувая его. Он привел из Ведено пристава Чернова, который вызвал к себе семейство Гушмацы. Все, кроме Зелимхана, готовы были явиться к приставу. Зелимхан же был уверен, что, если они заявятся туда, их арестуют и посадят в тюрьму. Но, уступив уговорам аульчан, которые боялись репрессий со стороны властей и наивно полагали, что власть вынесет справедливое решение, тем более что обе стороны были как бы в расчете, он согласился идти к приставу. Гушмаца, Зелимхан, Эламха и Израил явились в Ведено.

Пристав Чернов обругал их матом, ударил в лицо Зелимхана и бросил всех в тюрьму.

Как только весть об этом дошла до Харачоя, старый Бахо засобирался в Ведено. Женщины уговаривали старика отказаться от этой затеи. Они говорили, что царские чиновники безжалостны, что они не допустят его к себе. Но Бахо не изменил своего решения. Чорний молод, думал он, слишком маленький хаким, ума мало, полконак же большой хаким, взрослый, умный человек, он выслушает его, сжалится над его детьми.

И Бахо поехал в Ведено к начальнику округа Добровольскому. Бахо рассказал подполковнику о том, что все это началось не по вине его сына и внуков, что, чья бы ни была вина, все уже уладилось само собой, так как с обеих сторон погибло по одному человеку и мстить друг другу не за что. Попросил, чтобы он проявил снисхождение и отпустил арестантов домой.

Добровольский был краток.

- Кто это? Что он говорит? - спросил он толмача. - Отец Гушмацы? Дед Зелимхана? Просит сжалиться над ними? Старый дурак! Козел паршивый!

Подполковник встал, потянулся через стол, и, схватив длинную седую бороду старца, тряхнул его голову.

Старый Бахо, в молодые годы не покорившийся суровому Шамилю, восемнадцать лет, как матерый волк, рыскавший по горам и лесам, сегодня был бессилен. Его изборожденное морщинами лицо покраснело, потом почернело и в конце побелело. Старец попытался хоть что-то сделать, но не смог поднять вдруг потяжелевшие худые тонкие руки. Полуслепые глаза наполнились слезами. Все тело старца дрожало от бессильной ярости. Волоча ноги, он медленно вышел из канцелярии большого хакима.

Через полгода в Харачой пришло известие о том, что арестантов переводят в Грозный. Бахо собрался поехать с женщинами в Ведено, чтобы в последний раз взглянуть на сына и внуков. Взбираясь на арбу, старик зацепился за что-то ногой и упал. От этого падения Бахо скончался...

Суд состоялся в Грозном. Вернее, пародия на суд. Шоип поклялся на Коране в том, что он не убивал Ушурму, что тот сам напоролся на его кинжал. А пристав Чернов поклялся на Евангелии в том, что Элсан перед смертью назвал ему имена этих четырех человек, и что, по словам умирающего, именно они нанесли ему раны. Суд вынес решение об освобождении Гушмацы, Зелимхана и Израила, а Элимхана приговорил к ссылке в Сибирь. Чернов воспротивился этому решению. Он стал кричать, что если Зелимхана оставят на свободе, в Веденском округе не будет спокойствия. Председатель суда и старейшины, не утруждая себя удалением в совещательную комнату, просто перекинувшись вместо этого парой слов, тут же изменили приговор, вынесенный ими же самими несколько минут назад, и

объявили всем четырем подсудимым по три с половиной года. Двести рублей, уплаченные адвокату, пропали, словно брошенные в реку. Гушмацу, учитывая его старость, освободили от каторги и увезли во Владикавказ. Зелимхана, Элимху и Израила отправили сначала в Ростов, оттуда в Харьков и через Оренбург в Илецкую Защиту.

Через некоторое время осужденных привезли обратно в Грозный - шариатский суд запросил к себе их дело. Еще до суда в тюрьме умер Израил. Зелимхан знал, что и от шариатского суда не стоит ждать справедливого решения. Знал, что их опять отправят в Сибирь. Шариатский суд тоже был приучен к взяткам и с потрохами продался власть имущим. Проковыряв с помощью арестантов лаз в тюремной стене, Зелимхан совершил ночью побег. Гушмаца не захотел уйти, посчитав, что он слишком стар для абреческой жизни. Не желая оставлять его одного, не последовал за Зелимханом и Элимха. В ту ночь вместе с Зелимханом ушли из тюрьмы еще трое арестантов: Саратиев Муса, Дики из Шали и Бийсолта из Шаами-юрта. Они стали абреками. Но трое друзей Зелимхана прожили недолго. Дики в скором времени задержали, его приговорили к двадцати годам и сослали в Сибирь. Мусу и Бийсолту настигли кровники.

Еще в тюрьме Зелимхан поклялся, что, как только выйдет на свободу, в первую очередь выполнит следующие три задачи.

После ареста мужчин семейства Гушмацы осмелевший махкетинский старшина против воли девушки и с согласия ее родителей женил на Зезаг своего сына. Первая задача заключалась в том, чтобы отбить ее у них и привести в дом брата Солтамурда. Именно так он и сделал на второй же день после побега. Староста и его родственники не решились воспротивиться Зелимхану. Они не захотели кровной вражды из-за женщины. Хотя Зезаг и провела в их доме несколько месяцев, она не допустила к себе мужа. Зелимхан вручил ее брату чистой и непорочной.

После этого он должен был отомстить за два оскорбления: Чернову за пощечину и Добровольскому за оскорбление деда. Их следовало пристрелить. Во всех бедах своей семьи он обвинял этих двоих. И русскую власть.

Он должен сначала убить Чернова и Добровольского, а после этого до конца своих дней мстить этой власти. После побега Зелимхана Чернов, опасаясь за свою жизнь, перевелся в Назрань. Перед этим он посадил в Веденскую тюрьму жену Зелимхана Беци с маленькой дочерью и продержал их там три месяца. Но все равно Чернов был не настолько далеко, а Добровольский все еще находился в Ведено. От Зелимхана и его метких пуль они не укроются ни на небе, ни под землей.

По ущелью Хулхулау, по правой стороне реки, кружась, огибая ее каменные берега, поднимается дорога на Ведено. Она проложена много лет назад к приезду сюда брата царя, наместника Кавказа. Из России приехали инженеры, а насильно согнанные жители ичкерийских аулов дни и ночи бесплатно трудились на строительстве дороги.

Над дорогой с обеих сторон нависают каменные скалы, склоны гор укрыты вековыми лесами. Дубы и чинары, липы и тополя. Выросшие на дикой свободе груши и яблони, мушмула и боярышник, другие плодоносные деревья. Ранней весной, во время цветения, леса эти становятся пестрыми. Красный, белый, желтый, синий, зеленый - всевозможные цвета бывают разбросаны по этому колышущемуся ковру.

На каждом шагу из каменных скал вытекают прозрачные родники. Там, у подножий гор, все они вливаются в Хулхулау. И сама река чиста и прозрачна. Настолько, что отливается черным цветом. Но когда в горах идут дожди, Хулхулау полнеет и набирает страшную силу. Вырывая с корнями старые деревья, волоча огромные валуны, она устремляется вниз с бешеной скоростью. Выйдя на равнину, река, словно уставший после скачки конь, замедляет ход и плавно ползет на запад.

В ущелье, там, где дорога огибает дугу, на каменном выступе сидят двое молодых людей. Отсюда они могут без помех наблюдать за дорогой. Перед ними на плоской каменной плите разложена скромная снедь: половина чурека, кусочек сыра, две красные луковицы, завернутая в кусочек тряпочки грубая соль и вода в маленькой глиняной чашке. По тому, как они жадно едят эту не слишком аппетитную еду, можно было понять, что молодые люди довольно долго стоят на своем посту. Но даже во время еды они ни на минуту не спускают глаз с дороги из Ведено. Если где-то вдалеке появлялась арба или тачанка, один из них немедленно приставлял к глазам бинокль.

Рядом на земле лежат карабины. Тела их обмотаны патронташами, перекрещивающимися на груди, за поясом торчат револьверы, по две бомбы и инкрустированные серебром кинжалы.

Хотя молодые люди ровесники, один из них кажется старше другого. Такое впечатление создают давно нестриженые волосы и борода. Одет он в чеченскую бурку поверх тужурки, голова укрыта пышной бараньей папахой, на ногах чувяки под сапогами из сыромятной кожи.

Второй чисто выбрит, а густые усы тщательно подправлены. На голове красуется невысокая каракулевая папаха коричневого цвета, вся остальная одежда европейского фасона. У первого чуть продолговатое лицо, большой орлиный нос с горбинкой, у второго же круглое белое лицо со здоровым румянцем и правильными чертами. Он настолько красив лицом и статен телом, что, переодевшись в женское платье, вполне мог бы сойти за молодую девицу. Первый разговорчив, второй же только изредка произносит короткие фразы и при этом густо краснеет.

Они оба из Больших Атагов. Второй, о котором мы говорили, Аюб Тамаев, самый испытанный соратник Зелимхана. Он хорошо говорит на русском языке, знает письмо и поэтому в основном выполняет при Зелимхане функции писаря. Аюб красив лицом и телом, отважен душой, скромен и вынослив.

- Сидим здесь с самого утра, у меня все тело затекло, - произнес бородатый, отпив из чашки воду. - И одежда впитала сырость. А те, кого мы ждем, все не появляются. Аюб, проедут ли они вообще, если до сих пор не появились?

- Нам надо ждать до вечера.

- Слушай, а кого это мы должны освободить?

- Я не знаю.

- Ну хотя бы откуда он?

- Не знаю.

- Значит, от меня это скрывают? - обиделся небритый.

Аюб стал заворачивать цигарку.

- Разве ты не слышал, что "не знаю" называют золотым словом. Это сказано для таких вот волков, как мы. Но здесь никакого секрета нет. Молодой человек, которого мы должны освободить, мне не знаком, я не знаю кто он и откуда. Вчера Зелимхан вызвал меня к себе и сказал: "Аюб, завтра из крепости Ведено в Грозный перевезут молодого человека. Возьми с собой одного надежного человека, устрой на дороге засаду, отбей его у солдат и привези ко мне". Это все, что я знаю.

- Этого достаточно. А много солдат будут его охранять?

- А сколько бы ты хотел?

- Если их будет больше десяти, мы можем не справиться. Аюб сделал большую затяжку и улыбнулся.

- Будь их не больше десяти, я бы и один управился.

- Значит, я могу спокойно лежать и отдыхать. Раз ты сам справишься с солдатами, я тут явно лишний.

Пока они переговаривались, вдалеке показалась конная повозка.

Аюб приставил к глазам бинокль.

- Вот и показались наши друзья, - произнес он. - На телеге пятеро солдат и чеченец с завязанными руками.

- Дай мне бинокль! - протянул руку Абубакар. Приставив бинокль к глазам, он стал внимательно смотреть вперед.

- О-о! - вырвался у него крик.

- Что случилось?

- Арестант спрыгнул с телеги и побежал! Аюб выхватил бинокль.

Двое солдат бросились за арестантом. Еще двое сошли с повозки и, зарядив винтовки, стали у обочины. Не прошло и нескольких минут, как беглеца вернули обратно, несколько раз ударили прикладом и закинули обратно в повозку.

Руки Соипа, закрученные назад и крепко связанные за спиной, нестерпимо болели. Но это было ничто по сравнению с теми муками, которые испытывало его гордое сердце. Молодого человека терзала собственная беспомощность, то, что он не мог отомстить за учиненную над ним несправедливость, за нанесенные ему оскорбления. Перед его глазами все время стоял образ его несчастной матери, в ушах звенел ее надрывный крик. Вспоминалось, как в долгие зимние вечера она рассказывала ему об отце Болате и его родителях. Дед и бабушка, которых эти враги Божьи заставили покинуть отчий край, которые умерли в далекой, чужой Турции. Сосланный ими же в Сибирь отец пропал без вести. Теперь и его самого отправят туда же. За себя Соип не беспокоился. Он думал о старой несчастной матери, которая оставалась совсем одна. Ни у него, ни у нее нет ни родных, ни двоюродных, ни даже троюродных братьев. В Шали живут дальние родственники Болата, но от Шали до Гати-юрта расстояние не близкое, они не смогут из такой дали опекать Деши. Его старая мать осталась одна. Кто принесет ей кусок хлеба, кто позаботится о ней на склоне лет, когда болезни и старость свалят ее с ног?

Когда он прикрывал глаза, на него с новой силой накатывала безысходная тоска. К горлу подступал ком. В груди его пылал огонь. Потихоньку им овладела мысль о побеге. Надо попытаться сделать это сейчас, до того, как они покинут эти горы и леса. За Сержень-юртом уже равнина. Там нет даже кустарников. Там негде укрыться. Надо бежать. Если его довезут до Грозного, то расстреляют или повесят, в лучшем случае сошлют в Сибирь. На десять-двадцать лет. Или даже на всю жизнь. Как отца. И как отец же он сгинет на чужбине. Там его похоронят эти гяуры, как старого бездомного пса. Нет, лучше умереть. Здесь среди родных гор. Если суждено, он погибнет, если же нет, Божьей милостью и с Его помощью спасется. Подастся к абрекам и будет мстить тем, кто заставил его деда и бабушку покинуть Родину, отца сослал в Сибирь, кто сделал несчастными его самого и его мать.

Соип осторожно посмотрел вокруг. Двое солдат сидят за его спиной, двое - прямо напротив. В руках у них заряженные винтовки. Пятый управляет лошадьми. Ноги у Болата, к счастью, не связаны, но все четверо внимательно следят за ним. Особенно когда проезжают те места, где заросли вплотную подступают к дороге.

Выждав удобный случай, арестант внезапно соскочил с телеги и по откосу пустился к лесу. Солдаты, крича и ругаясь, побежали за ним. Соип успел добраться до леса, но связанные руки мешали ему. Солдаты догнали и схватили беглеца. Арестант попытался оказать сопротивление, но силы были слишком уж не равны,

да и что он мог сделать со связанными руками против вооруженных солдат. Голод, дни и ночи в камере и тяжелые мысли вконец ослабили его тело. Двое солдат схватили его за стянутые за спину руки и поволокли наверх, к дороге. Там их поджидали другие. Два-три раза ударив беглеца прикладом по спине, солдаты связали ему ноги и закинули в телегу.

Аюб опустил бинокль и поделился с товарищем своим планом:

- Ты остаешься здесь. Я выйду к ним навстречу. Оба карабина останутся у тебя, мне же дай свой револьвер. Если они попытаются оказать сопротивление, ты выстрелишь в телегу, но не попади в солдат. Если попытаются ускакать, прострели ногу одному коню. Если прибегнут к оружию, можешь их ранить, но не убивай. Но до этого, я думаю, не дойдет.

Аюб вышел из укрытия и, пройдя шагов пятьдесят, спрятался за толстым стволом чинары, росшей у самой дороги. Когда телега поравнялась, он подскочил к ней и, схватив вожжи, выкрикнул.

- Тр-р-р! Стой! Оружи земли бросай! Руки верх!

Унтер, сидящий на телеге, грозно заорал:

- Ты кто? Уйди с дороги!

- Астарожна, гаспадин унтер. Ми абреки.

- Гони лошадей! - приказал унтер.

Из-за каменного выступа раздался выстрел. Одна из лошадей, издав жалостное ржание, припала на колени и медленно завалилась на бок. Второй выстрел разнес в щепки борт повозки.

Аюб два года учился в русской школе в Грозном. Приходилось ему бывать в тюрьме и на каторге. Там он научился русскому языку и письму. Русским языком Аюб владел свободно, но шутки ради любил говорить на нем, коверкая слова.

- Астарожна, гаспадин унтер. Я - Аюб Тамаев. Адутант абрека Зелимхана. Кругом абреки. Вы окружен. Будешь кирчать, ружье стрелят, всех убьем. Ружье бросай земли. Харашо. Руки верх! Один - один слезай. Маладци. Ми вас убиват не будем. Зачем убиват? Зачем умират? У вас дома папаши ест, мамаши ест, матушки и баранчуки ест. Унтер бедний, солдат бедний. Зачем вам умират? Ми бедних не убиваем. Аи, маладци!

Унтер и солдаты откинули ружья в сторону. Аюб подошел к повозке и заглянул внутрь.

- Это што такой? Почему бедний чечен лежит? Кто он такой?

Унтер растерялся:

- Это арестант, везем его в Грозный...

- Развязат бистро! - приказал Аюб.

Солдат подошел к телеге и, разрезав дрожащими руками веревку, освободил Соипа. По команде Аюба тот собрал винтовки и отошел в сторону.

- Маладец, солдат! Деньги есть? - повернулся Аюб к унтеру.

- Нет. Откуда у нас деньги...

- Харашо. А теперь, солдат, свяжи руки всем. Крепко. Хорошо. Гаспадин унтер, что в твоей сумка?

- Документы арестанта...

- Сумка мне отдай. Он не арестант. Он свабодни чечен. Его дакументы теперь никому ни надо.

Аюб взял сумку и, достав из нее бумаги, стал их читать.

- Так, так. Болатов Соип... Двадцать семь лет... Рост выше среднего... Лицо смуглое... Глаза черные... Нос горбатый... Волосы черные... Опасный преступник... Харашо, унтер. Опасный преступник ми забираем.

- Господин адъютант! - у унтера вырвался отчаянный крик. - Я несу ответственность за арестанта...

- Э, унтер, ты не отвечает за арестанта. Теперь отвечает ми, абреки. Скажеш начальникам, абреки сделал засада. Они бистро напали. Они били много. Двадцать, тридцать. А солдат мала, пят. Все связали, арестант забрали и ушли в гора.

- Таким словам никто не поверит, господин адъютант...

- Я тебе документ дам. Хароший документ, - достав из кармана блокнот и карандаш, Аюб написал короткое письмо.

- Паслушай дакумент: "Гасподин палконак Дабравольски! Ты не палконак, ты сука и билед. Ты как баба сидиш крепости, боис абреков, война делаеш женшинам, старикам и детям. Ты свинья, праститутка. Ми найдем тебе, зарежим как свинья. Здесь ми били много, солдат мала. Ми связал бедних солдат, забрал арестанта. Это сделал я, Аюб Тамаев. Адутант Зелимхана". Пайдет такой дакумент?

- Пойдет, господин адъютант... Хороший документ... Спасибо...

Аюб обратился к солдатам:

- Как думает солдат?

- Вы очень хорошо написали, господин адъютант! Покинув место засады, Абубакар подошел к другу.

- Дасудани, гаспадин унтер! Дасудани, гаспада салдат! - Попрощавшись такими словами с солдатами и унтером, Аюб, Абубакар и Соип скрылись на тропинке, уходящей в горы.

Проводив их взглядом, один из солдат облегченно вздохнул:

- Упаси боже от свидания с вами!

- Их оказалось только двое. Мы слишком рано испугались.

- Закрой рот, глупый осел! - прикрикнул на него унтер. - Ты знаешь, сколько их товарищей скрывалось в лесу? Тебе всю жизнь следует благодарить Бога за то, что эти два абрека оставили тебя жить. И Бога, и их!

При желании солдаты смогли бы развязать друг другу руки. Но тогда их обвинили бы в трусости. Они жалели, что абреки не связали им и ноги. Тогда их вообще никто не осудил бы. Но ничего, хватит и этого. Солдаты затихли в ожидании какого-нибудь путника, который развяжет их.

ГЛАВА III МЕСТЬ

Соблюдайте Мой завет, тогда и Я буду соблюдать завет с вами.

Коран. 2 Сура, 38 аят

Скажи: "О люди! Пришла к вам истина от вашего Господа; и кто идет прямым путем, тот идет прямо для своей души, а кто заблудился, тот заблудился во вред ей; и я не поручатель за вас".

Коран. 10 Сура, 108 аят

Шариатский суд отменил приговор, вынесенный Гушмаце светским судом. Он был стар. И потому, возвратившись в Харачой, решил для себя, что остаток своих дней проведет мирно, без конфликтов с законом. Но власти не оставляли его в покое, требуя, чтобы он привел к ним Зелимхана, который продолжал совершать злодеяния. Наконец и Гушмаца вынужден был присоединиться к сыну.

Власти также делали все, чтобы не произошло их примирения с семейством Элсана. Добровольский приблизил к себе людей из этого рода. Больше всех был предан подполковнику Адод. Он доносил своему покровителю о каждом шаге Зелимхана, его семейства и родственников, после чего следовали жестокие репрессии. Зелимхан несколько раз через третьих лиц предупреждал Адода, чтобы он попридержал свой не в меру развязавшийся язык. Но тот не обращал внимания на предупреждения, полагая, что власть, которой он так верно служит, сумеет защитить его. И Зелимхан убил Адода.

Если до сих пор между двумя этими родами не было причин для кровной мести (против Ушурмы был убит Элсан, стороны потеряли по одному человеку), то убийством Адода на род Гушмацы ложилась кровь.

Брат Гушмацы Хамза был старым, немощным человеком. Вскоре, при выходе из мечети после пятничной молитвы, он был убит родом Элсана. Хамза просил не убивать его, клялся, что не имеет никакого отношения к делам брата и племянника, что один из его сыновей, которого люди Элсана сдали властям, уже умер в тюрьме. Но все равно его убили.

Старший сын Гушмацы Хаси был слабым, больным человеком. Не было у него и детей. Видя его состояние, кровники нетрогали Хаси. Но власти травили несчастного, требуя, чтобы он сдал отца и брата. В конце концов его арестовали и заключили в Веденскую тюрьму.

Сначала Солтамурд тоже не абречествовал с отцом и Зелимханом. Когда от притеснений властей невозможно стало жить в Харачое, он вместе с небольшой отарой овец перебрался к озеру Казеной-Ам. Однажды, возвращаясь в аул за мукой и сменой одежды, Солтамурд лицом к лицу столкнулся с Добровольским, ехавшим во главе небольшого отряда солдат. У харачойца было с собой кремневое ружье - чеченцам разрешалось ношение подобного оружия. Но Добровольский, грязно ругаясь, попытался отобрать его у Солтамурда. Понимая, что даже после сдачи оружия его все равно арестуют и сошлют в Сибирь, харачоец резко подстегнул коня и ускакал прочь. Убедившись, что в этих краях ему житья не будет, он перебрался в Андийские горы.

В результате в доме Гушмацы из мужчин остался только десятилетний Бийсолта. Женщины не справлялись со скотом и хозяйством. Зелимхан снарядил Беци и Зезаг к Добровольскому с просьбой о том, чтобы власти освободили от преследований Солтамурда. Но начальник округа не стал даже слушать несчастных женщин. Обругал их самыми грязными словами и выгнал вон. Тогда однажды ночью к Добровольскому явился сам Зелимхан. Часовые были устрашены абреком. Вдобавок он дал им слово, что не тронет начальника округа. Солдаты

тайно впустили его в крепость. Подполковник собирался лечь спать. Он с первого взгляда узнал Зелимхана, но не растерялся и не запаниковал. Видимо, был уверен в бдительности своих подчиненных. Более того, ему показалось, что Зелимхан пришел к нему с мирными намерениями. Гость начал без обиняков.

- Полковник! Ты вмешался в наш конфликт с родом Элсана, сослал меня и моих родных в Сибирь. Это ты сделал меня абреком. Ты арестовал мою жену с маленьким ребенком и продержал их в заточении три месяца. Жестокими притеснениями вынудил моего старика-отца присоединиться ко мне. Моего старшего брата, больного, слабого человека, прощенного даже нашими кровниками, ты бросил в тюрьму. Но, не успокаиваясь даже на этом, теперь ты вынудил бежать отсюда в Дагестан и другого моего брата - Солтамурда. Дома у нас не осталось ни одного мужчины. Женщины не справляются с хозяйством. Солтамурд не имеет никакого отношения ни ко мне как к абреку, ни к моим делам. От его руки никто не погиб, он не сделал ничего против этой власти и ее законов. Перестань преследовать его, полковник, дозволь ему жить в Харачое, в своем собственном доме. И не вмешивайся в наш конфликт с семейством Элсана. Это наше дело...

Добровольский не стал ждать, пока Зелимхан закончит свою речь.

- Часовые! - громко крикнул он. Зелимхан рассмеялся.

- От них тебе помощи не будет, полковник. Если они сунутся сюда, я уничтожу вас всех, а тебя - в первую очередь. Сегодня я оставляю тебе жизнь, чтобы не навредить этим несчастным солдатам. Но знай, ни ты, ни Чорни не спасетесь от моей пули ни под землей, ни на небе.

Зелимхан спокойно, без малейшего сопротивления со стороны солдат, вышел из крепости.

По чеченскому адату, когда возникает кровная месть, от нее освобождаются женщины и несовершеннолетние юнцы. Их нельзя трогать, нельзя требовать, чтобы они покинули дом или аул. Жена Гушмацы Билкис, мать Бийсолты, была из рода Элсана. Соблюдая адат, Гушмаца не стал разводиться с ней. Выяснять какие-то отношения с женщиной в таких случаях было неприемлемо для человека, воспитанного на чеченских обычаях. Гушмаца был человеком крутого нрава, и иногда, когда что-то выводило его из себя, с его стороны все же звучали упреки и угрозы в адрес жены. Но та относилась к этому спокойно. Она знала, что ее муж никогда не нарушит законов адата и не ударит ее.

Женщины рода Элсана не давали прохода женщинам из враждующего с ними семейства, ругая их самыми грязными словами и проклиная на чем свет стоит. Доставалось от их мальчишек и Бийсолте. Случалось, что и били. С другой стороны, их терзали и власти, требуя, чтобы они заставили своих мужчин сдаться. Беци и Зезаг, измученные этой неравной борьбой, посоветовавшись с мужчинами, продали скот, раздали родственникам домашнюю утварь и возвратились в родительские дома. В доме отца родила Беци Зелимхану первого сына. Иногда Зелимхан посещал семью, ласкал Муслимат и Энист, с большой любовью и надеждой глядел на Магомеда. Старался хоть как-то успокоить их мать. Говорил ей, что скоро в России весь народ восстанет против царя и скинет его с престола, уничтожит царскую власть, что тогда он будет свободен, и их семья мирно заживет в своем доме. Конечно, Зелимхан и сам не верил своим словам, но ему очень хотелось, чтобы все это действительно произошло.

В Чечне живут несколько человек, которых Зелимхан почитает и глубоко уважает. Это святой Баматгери-Хаджи из Автуров, Соип-мулла из Шали, Таштамир Эльдарханов из Гойты, сыновья Жамалдина Шерипова из Сержень-юрта. Он часто встречается и советуется с ними. Дней десять назад абрек побывал у Соип-муллы. В тот день мулла рассказал ему, что в Веденской тюрьме содержится молодой человек из Гати-юрта. Его предки - выходцы из Шали. И поныне здесь живут его дальние родственники, которым небезразлична его судьба. Деда узника звали

Данча, отца - Болат, его самого зовут Соип. Родители Болата умерли в Турции сорок лет назад. Когда самого Болата, ближайшего соратника имама Алибека-Хаджи, ссылали в Сибирь, Соип был в утробе матери.

Вот уже двадцать семь лет от Болата нет никаких известий. Мать одна воспитывала сына. Соип-мулла рассказал также, в чем провинился Соип.

- Ходят слухи, что скоро его переведут в Грозный. Там, скорее всего, приговорят к смерти или отправят в Сибирь на пожизненную каторгу. Минимальное наказание - 20-25 лет. Если это произойдет, то и он пропадет в этой проклятой Сибири. И тогда пресечется весь их род. Постарайся освободить этого парня по пути в Грозный, если можно сделать это без большого риска для себя.

Зелимхан дал слово Соип-мулле, что сделает все для спасения молодого человека.

В тот день у Зелимхана состоялась с Соип-муллой беседа, которая заставила его крепко задуматься. Абрек поведал мудрому мулле о несчастной доле своего рода. О вражде, возникшей не по их вине, о том, как они вместе с женщинами и детьми, изгнанные из родного аула, находятся в бегах, словно дикие звери, скитаются в горах и лесах.

- Зелимхан! Мы совершаем недозволенное Аллахом, а когда это оборачивается бедой, говорим, что так, видимо, было угодно Всевышнему, или же виним в своих несчастьях кого-нибудь другого. Вы в своих бедах вините род Элсана. Если же спросить их, они во всем обвинят вас. На самом же деле виноваты обе стороны. Вы, и те, и другие, сошли с прямого пути Аллаха и его шариата. Аллах через пророка Мухаммада (Алайхи Салам) ниспослал нам Коран. В нем он указал мусульманам два пути. С одной стороны - все хорошее, полезное, чистое, богоугодное, милосердное, благословляющее жизнь земную и загробную, дела и мораль, которые уберегут их от бед и несчастий. Аллах говорит, что всех, кто следует этому пути, Он будет оберегать и будет помогать им. Второй путь - это путь разврата, скверны, жестокости, таких дел и морали, которые сделают проклятыми их земную жизнь и потустороннюю вечность. Аллах говорит, что для тех, кто выбрал второй путь, у Него нет жалости и милосердия, и они не получат от Него ни помощи, ни защиты, и что не будет для них избавления ни в жизни, ни после смерти. Конечно, мы совершаем обязательные молитвы, держим пост, платим закят, даем милостыню, но все другие Его предписания не соблюдаем либо по незнанию, либо из-за нежелания. Так и мечемся между двумя этими дорогами. Но не будем углубляться в эту проблему, поговорим лучше о причинах ваших несчастий. Как заключается брак между мужчиной и женщиной, какими должны быть взаимоотношения между мужем и женой, родителями и детьми, каковы их обязанности - все это определено шариатом. Женитьба должна происходить с согласия жениха, невесты и их родителей. Женщина, взятая в жены против ее воли, является недозволенной для мужа. Прежде чем забрать невесту из родительского дома, имам должен официально, при двух свидетелях совершить обряд венчания. Соединяющаяся в браке пара должна быть верующей и соблюдающей предписания религии. Если же они оба или один из них эти предписания не соблюдает, то такую пару венчать нельзя. Более того, во время венчания и в момент первого прикосновения друг к другу они должны быть чисты телом и готовыми к намазу - то есть совершившими предмолитвенное омовение. Свидетели тоже должны быть верующими и соблюдающими все религиозные каноны, чисты телами и совершившими омовение. Это должны быть честные, богобоязненные люди, ведущие праведную жизнь. До венчания парню запрещено прикасаться к девушке. Если же они были вместе до этого обряда, то такая связь считается прелюбодеянием, а зачатый в этом грехе ребенок признается незаконнорожденным. Вера его будет слаба, родителям и окружающим он принесет только беду. А как вы привели в свой дом дочь Хушуллы?

- Мой брат любил Зезаг, и она любила его. Ее родители были против их союза. Поэтому, с согласия девушки, брат привел ее в свой дом без их ведома.

- А шариат не дозволяет жениться на девушке без согласия ее родителей. Более

того, твой брат дотронулся до девушки до венчания. Без венчания она провела в вашем доме сутки. По шариату она даже лицо может показывать только отцу, братьям, деду, дядям и другим ближайшим родственникам, но ни в коем случае не посторонним мужчинам. При этой женитьбе ваша сторона несколько раз нарушила шариат, поступила против воли Аллаха. То же самое сотворил и махкетинский старшина. Они взяли к себе девушку против ее воли, против ее воли совершили венчание и продержали в своем доме несколько месяцев. И родители выдали дочь без ее согласия. Аллах ведь не печется о тех, кто сошел с указанного им верного пути. В вашем же случае обе стороны от начала и до конца следовали именно по этому, проклятому пути. Потому все и обернулось такой трагедией. Когда клан Элсана отобрал у вас свою дочь, вы, посчитав себя оскорбленными, решили унизить их. С вашей стороны был убит человек. В ответ вы убили Элсана. В отместку за это они убили Хамзу. Вы ответили убийством Адода. А Аллах ведь не призывает нас убивать людей. Я дарую жизнь, Я ее и отнимаю, говорит Он. Всевышний запрещает убивать невинного человека. Он говорит, что не будет прощения тому, кто убьет мусульманина, для таких уготован ад, в котором они будут пребывать вечно. А вы, и те и другие, убили верующих людей, поклоняющихся Аллаху мусульман. Ислам разрешает лишить жизни того, кто сознательно убил невинного мусульманина. Заметь, только того, кто лично совершил такое преступление. В вашем же случае убитыми оказались как раз те, кто сами никого не убивали. Вы убили старого Элсана, они - такого же старика Хамзу. Потом от вашей руки погиб Адод. Никто из вас не имел права никого убивать, пока шариатский суд не выявит виновного. Вам же было все равно, лишь бы человек был из враждующего рода, даже если он ни в чем не повинен. У убитых остались вдовы и сироты. Матери, жены, сестры и дети пролили немало слез по вашей вине. А причина всего этого только в том, что вы отошли от пути, указанного Аллахом, пророком и шариатом. Зелимхан, если бы мы покорялись слову Аллаха, если бы следовали по указанному Им истинному пути, если бы очистились в вере, всех навалившихся на нас бед и несчастий удалось бы избежать. Ты обвиняешь во всем царскую власть, и это правильно. Это жестокая, безжалостная, коварная власть. Русский царь могущественен. Ты думаешь, царь и его власть переживают о том, что чеченцы, мусульмане убивают друг друга? Да нет, конечно. Наоборот, это как раз то, что им нужно. По малейшему поводу нас бросают в тюрьмы и ссылают в Сибирь. А чтобы такие поводы были, нас ссорят, натравливают друг на друга. Мы же своим невежеством и несознательностью помогаем нашим врагам. Если мы будем выполнять все то, что возложено на нас Аллахом, пророком и исламом, если очистимся в вере, Всевышний предохранит нас от потерь, бед и несчастий, будет нам от Него помощь и прощение в жизни и смерти. Если же мы не сделаем этого, нас ждет горькая доля в настоящей и будущей жизни. В этом нет никаких сомнений.

После этой беседы Зелимхан часто и подолгу размышлял над своей жизнью. В голове кружились разные мысли. Сколько себя помнил, он искренне верил в Аллаха, боялся Его и Судного дня, в меру сил и познаний молился Ему. Честно трудился и избегал недозволенного. Кроме обязательных молитв и поста, старательно творил и рекомендуемые молитвы, держал дополнительные посты. Платил закят со скота и урожая, давал милостыню неимущим. И считал себя истинным мусульманином. Но, послушав Соип-муллу, он стал сомневаться в этом. Зелимхан пришел к выводу, что только он, он один повинен во всех бедах своей семьи. В эти десять дней в молитвах он просил у Аллаха прощения грехов, милосердия для своего семейства.

Но Зелимхан ни в коем случае не собирался покориться грубой силе или заключить мир с царской властью, со свиньями, укрывающимися за толстыми и высокими каменными стенами крепостей. Они творят жестокость и несправедливость над бедными людьми. Он не прекратит войны и с прислуживающей врагам местной сволочью. Какой у него может быть с ними мир, когда из-за них нигде вокруг нет справедливости, везде бесправие и коварство? Сильный топчет слабого. Богач угнетает бедняка. Грамотный обманывает неграмотного. Улемы обернули религию в свою пользу, многие из них продались царской власти и хакимам. Слабый, бедный человек не имеет никаких прав. Власть

и богатеи не считают бедняков людьми. Их можно сажать в тюрьмы, ссылать в Сибирь, облагать непосильными поборами. Как можно не мстить, не наказывать этих безбожников? Как же можно дозволять им творить такое? Может быть он, Зелимхан, и такие как он, избраны Аллахом в качестве кары для этих нелюдей. А чтобы знать все тонкости и глубины ислама... Он не так учен, как Соип-мулла. Зелимхан - темный пастух, чабан, пахарь, косарь. Он, как и многие чеченцы, не знаком ни с Кораном, ни с шариатом. Не обладали слишком глубокими знаниями и муллы, которых он знал до сих пор. Они часто противоречили друг другу. Зелимхан не стал бы оступаться, если бы был знаком с Кораном и шариатом. Он не сошел бы с верного, чистого пути, указанного Аллахом. Всевышний простит ему грехи, совершенные им по неведению или случайно. Аллах знает и видит все, что у него на сердце...

Перспективы возвращения к мирной жизни, по крайней мере в ближайшем будущем, Зелимхан для себя не видел...

От этих тяжелых мыслей его оторвали топот ног и негромкие голоса во дворе. Через минуту в саклю вошли Аюб, Абубакар и обросший молодой человек. Зелимхан пригласил их присесть.

- Ты откуда? - обратился он к гостю, которого привели его соратники.

- Из Гати-юрта.

- Как зовут?

- Соип.

- Имя отца?

- Болат.

- Матери?

- Деши.

- Родители у тебя есть?

- Только мать. Отец пропал в Сибири...

- Где проживают родственники отца?

- В Шали.

Дальше можно было и не спрашивать - это был именно тот, о котором говорил Соип-мулла.

- Аюб, побрейте и подстригите его. Разогрейте воду, пусть искупается. Дайте ему новую одежду, а старую сожгите.

Через два часа перед Зелимханом предстал молодой человек с красивыми, мужественными чертами лица.

- Сколько тебе лет?

- Двадцать семь.

- Женат?

- Нет.

- Почему?

- Не было средств на женитьбу. Чтобы заработать на это и на кое-какие нужды по

дому, я поехал за Терек наниматься на работу к казакам. Там и начались мои беды.

- Я знаю. Что думаешь делать дальше?

- Если позволите, хотел бы остаться с вами. Чтобы мстить врагам Божьим, которые изгнали из Чечни в далекую Турцию моих деда и бабушку, сослали в Сибирь отца и повинны в тяжкой доле моей матери.

Зелимхан горько усмехнулся.

- Если бы сегодня тебя довезли до Грозного, то несколько месяцев продержали бы в тюрьме. После этого суд приговорил бы тебя к смерти или пожизненной каторге, где, впрочем, ты все равно не выжил бы. Но, по милости Всевышнего, тебя удалось освободить. Наша жизнь связана с ежеминутной опасностью. Смерть ходит за нами по пятам. Если останешься с нами, тебе придется скрываться в горах и лесах, испытывая голод и холод. В конце концов, однажды солдаты убьют тебя или же схватят и сошлют в Сибирь. Ты должен жить, а не искать смерти. Твои отец и дед были героями. Они отдали свои жизни за наш народ и за нашу веру. У них должны быть потомки, и потомки эти должны жить. Более того, тебе следует подумать о несчастной матери, растившей тебя двадцать семь лет. Кроме тебя у нее никого нет.

Соип опустил голову.

Зелимхан повернулся к Аюбу и Абубакару.

- Прежде всего, сообщите его матери и Соип-мулле, что Соип здоров и находится в безопасном месте. После этого отведите его в горы к нашим друзьям. Там позаботьтесь о сакле и обо всем необходимом для него. Когда сделаете все это, отвезите туда и его мать. Найдите ему набожную девушку, и если они приглянутся друг другу, не откладывая, жените его. Все формальности урегулируйте на месте. Сегодня же все хорошенько отдохните, завтра утром отправитесь в путь. Все понятно?

Аюб и Абубакар согласно кивнули.

- Ты же, Соип, без моего ведома не покидай аул, в который тебя отведут.

Молодые люди молча вышли. К оставшемуся в одиночестве Зелимхану вернулись прежние тяжелые мысли.

Овхад остановился на мосту, перекинутом через Хулхулау. Чьи-то добрые руки укрепили на сваях, вбитых по берегам, щиты из переплетенных прутьев. По дну ущелья бежала река Хулхулау, неся свои чистые воды на равнину. Овхад огляделся по сторонам. Мимо него проходили возвращавшиеся с базара мужчины и женщины с мешками и переметными сумами в руках и на спинах. Глаза путника остановились на Дышни-Веденском погосте. Ему вспомнилась жестокая битва, произошедшая там двадцать семь лет назад. Разрушенные русскими в тот день надгробные камни и сейчас валялись по всему кладбищу. Тяжело вздохнув, Овхад взял чемодан и медленно пошел вперед.

Пересекая Гамар-Дук, ему опять вспомнился тот военный год.

К закату солнца он поднялся на Кеташ-Корт близ Центероя. Отсюда его глазам предстала почти вся Ичкерия. К югу раскинулись аулы белгатойцев, даргинцев, центеройцев, гунойцев, курчалинцев; к западу - ялхаройцев, эникаллинцев, айткаллинцев, бийтарийцев; к северу - гордалинцев, шонойцев, аллеройцев, бенойцев, бильтойцев, гендаргенойцев, зандакцев. Овхад прекрасно знал все эти аулы, хребты, леса и ущелья. Двадцать семь лет назад, в течение восьми военных месяцев он верхом и пешком, в холод и пургу вдоль и поперек исходил эти места. Отсюда отчетливо виден Кожалк-Дук. Именно там в 1845 году чеченские наибы разбили основную часть отряда графа Воронцова.

А двадцать семь лет назад Алибек-Хаджи вместе с тремястами воинами дал там жестокий бой русским войскам. Гору штурмовал отряд из нескольких батальонов солдат, нескольких казачьих сотен, из чеченского, ингушского, аварского, кумыкского и осетинского добровольческих отрядов. Их поддерживали несколько батарей. Нанося врагу ощутимые потери, Алибек-Хаджи на третий день покинул Кожалк-Дук, прихватив с собой убитых и раненых товарищей.

Отсюда видны несколько домов Гати-юрта, родного аула Овхада. Он никогда не забывает, как терзали его отец Хорта и старший брат Асхад, когда он примкнул к Алибеку-Хаджи, как Асхад ударил его засовом, которым подпирали ворота. Мачиг и Васал убили Асхада, помогшего русским войскам разрушить родной аул. К тому времени Овхада уже пять месяцев не было дома. Он пришел на похороны брата, но отец выгнал его, посоветовав вернуться к своим новым вшивым братьям - Алибеку, Юсупу Васалову и Коре Мачигову.

Родители Овхада к тому времени были уже стариками. Были у него еще братья Асхаб, Абди и сестра Ровзан. Он понимал, что родители могли не дожить до сегодняшнего дня. Мог не вернуться домой с русско-турецкой войны и Асхаб. Ровзан и Абди были моложе Овхада. У них, должно быть, уже свои семьи. Он же не был даже женат. И скорее всего уже не будет. Видимо, таким же одиноким он состарится и умрет, не оставив после себя потомства.

Овхад вспомнил Деши, свою первую и последнюю любовь. Она славилась красотой не только в Гати-юрте, но и во всей округе. Тонкий, высокий стан, достающие до щиколоток густые смоляные волосы. Черные глаза, обрамленные густыми, словно нарисованными чьей-то искусной рукой, ресницами. Голос у нее был какой-то мягкий, добрый, ласкающий слух. Этот голос никогда не надоедал, его хотелось слушать и слушать. Все эти двадцать семь лет перед глазами Овхада стоял этот милый образ, в ушах звучал ее голос.

Овхад учился тогда во Владикавказе. В одну из поездок домой он встретился с девушкой у родника и поведал ей о своих чувствах. Но Деши не приняла его любви. Он из богатой семьи, а ее родители бедны. Родители и родственники не одобрят его брак с бедной девушкой сказала Деши. Их богатство и бедность ее родителей никогда не уживутся. Она не хотела жить в доме Овхада в роли прислуги. И, наконец, был Болат, который любил ее, и кому она отвечала взаимностью.

Овхад поблагодарил девушку за откровенность и ушел. Вскоре Деши вышла замуж за Болата. Овхад так и не смог полюбить другую. Да и не успел он познакомиться или сблизиться с девушками. Когда в Ичкерии началось восстание, он оказался в самой гуще событий. Среди восставших, в том числе и среди его лидеров, светское образование имели всего три человека: Берса, Дада Умаев и он. Берса был стар и болен, Даду повесили вместе с двенадцатью другими руководителями восстания. Берса вызвал к себе Овхада. "Ты молод, умен, образован, - сказал он, ты нужен нашему народу. Если же власти найдут тебя - пропадешь. Поэтому тебе нужно покинуть эти края". И Берса отправил Овхада к своим друзьям в Грузию.

К закату солнца между Шуани и Турти-хутором Овхад нагнал одинокую женщину. Через ее плечи свисали переметные сумы. Сгорбленная, будто кто-то тянул ее к земле, она шла тяжелой поступью, опираясь на посох. Когда дорога вышла на небольшую просеку, женщина остановилась, оглянулась по сторонам и присела на сырую землю. Поравнявшись с ней, Овхад узнал старуху, которую уже видел у ворот Веденской крепости.

Женщина не обратила внимания на подошедшего Овхада. Она развязала платок и обнажила голову. Волосы ее были белы, как снег. Овхад остановился рядом с ней. Он не мог уйти, оставив старую женщину здесь, вдали от людей. Тем более, что леса вокруг кишели дикими зверями.

- Какое неотложное дело тебя выгнало из дома, на ночь глядя? - спросил он.

- Домой иду. Вот, присела отдохнуть.

- Тебе куда?

- В Гати-юрт.

- Это же далеко отсюда.

- Конечно. Переночую в Аллерое.

- Я тоже собираюсь переночевать в Аллерое, а завтра с утра тоже должен идти в Гати-юрт. Сырая земля вредна для здоровья. Поднимайся, продолжим путь вместе.

Женщина молча встала.

- Ты откуда идешь? - спросил Овхад, чтобы убедиться, точно ли ее он видел у ворот крепости.

- Из Ведено. Сын у меня там. Сегодня его перевезли в Грозный... - голос старушки задрожал.

Вечер был ясный, струящийся с неба лунный свет освещал дорогу путникам. Густой лес, подступающий к дороге с обеих сторон, безмолвно затих.

- Сама-то откуда? Может, я знаю кого из твоих родных?

- Отца моего наверняка не знаешь. Он умер двадцать лет назад. Его звали Халид.

Овхад помнил Халида. Это был бедный, но мужественный и благородный человек. Его Деши была дочерью Халида.

- А как тебя звать? - сердце Овхада на минуту остановилось.

- Деши.

Деши... Первая и последняя любовь Овхада. Позже - жена самого верного, храброго, благородного его друга и боевого товарища Болата. Деши, которую после ее замужества Овхад почитал как свою сноху, как родную сестру.

У женщины, с трудом волочащей ноги, не осталось и следа от прекрасных черт двадцатисемилетней давности. Иссохшее лицо, перепаханное глубокими морщинами. Белоснежные виски. Сгорбившаяся спина. Тусклые, впавшие глаза. Грубый хриплый голос. Какие же беды и несчастья состарили ее раньше времени? О том, что Болат сослан в Сибирь, Овхад знал. Может, он не вернулся оттуда? Сын арестован. Если бы Болат был жив, Деши не ходила бы в крепость одна...

Шедший впереди Овхад остановился и обернулся к Деши.

- Ты не узнаешь меня, Деши?

Та внимательно посмотрела на его лицо.

- Я не знаю тебя.

- Я Овхад, сын Хорты.

Еще раз внимательно взглянув на попутчика, Деши уловила небольшое сходство его черт и голоса с чертами и голосом того Овхада, которого она когда-то знала. Женщина отбросила посох в сторону, медленно подошла, и, положив голову ему на грудь, зарыдала, даже не пытаясь сдерживать слезы. Поглаживая ее костлявую спину и подыскивая нужные слова, Овхад старался как-то утешить ее, но Деши не слышала его. Замолчал и Овхад. Плечи его вдруг мелко задрожали, глаза наполнились обильной влагой, и горькие слезы потекли по щекам. Перед ним возникли картины жестокой войны: горящие аулы, трупы воинов, женщин и детей, обезумевший скот, воющие собаки, бегающие в панике люди. Алибек, Умма, Берса, Болат, Кайсар, Кёри, Дада. Старики Мачиг и Васал. Ни одного из них нет в живых.

Они убиты, умерли, сгинули в Сибири...

Все горе, все муки, которые Овхад сдерживал в своей груди двадцать семь лет, словно переполнив ее и прорвав все преграды, обжигающими потоками вырвались наружу. Он беззвучно плакал, не выпуская из объятий Деши. В первый раз с детских лет...

Овхаду много о чем хотелось спросить. Но он боялся задавать вопросы, боялся разбередить раны этой женщины. Выплакавшись и успокоившись, та сама рассказала ему обо всем, что произошло в Гати-юрте за последние двадцать семь лет.

- После подавления восстания в числе многих других арестовали и Болата. Сначала его забрали в Ведено, оттуда перевезли в Грозный, затем - во Владикавказ. Так прошло несколько месяцев. Соипа к тому времени я уже носила под сердцем. Тогда я думала, что не переживу разлуки с мужем. Я не могла ни есть, ни спать, ни на минуту не находила покоя. Измученная, не зная что предпринять, я поехала во Владикавказ вместе с Умаром, сыном Али. Там один осетин написал письмо на имя самого главного хакима. В нем говорилось, что я жду ребенка, что заботиться обо мне некому. Я просила, чтобы они смилостивились и отпустили Болата. Если же это невозможно, я просила, чтобы меня посадили к нему в тюрьму или сослали вместе с ним в Сибирь. Мы простояли перед домом хакима два дня, никак не находя возможность передать ему наше послание. Наконец, какой-то добрый русский взял у нас письмо. Вернувшись, он сказал, что хаким не может удовлетворить нашу просьбу, так как не имеет таких полномочий. Так и не пустили меня ни в тюрьму к Болату, ни в Сибирь с ним. С тех пор прошло двадцать семь лет. Жив ли он, мертв ли - неизвестно. Я выскакиваю из сакли всякий раз, когда слышу какой-либо шум или топот коня, в надежде увидеть возвращающегося мужа или кого-нибудь с весточкой о нем...

- Болат вернется Деши. Аллах милостив. Будем уповать на Него. Видишь, и я возвращаюсь. Мои, наверное, тоже не знают, жив я или мертв. А я и жив, и возвращаюсь. Аллах милостив, всемогущ и милосерден. Ради тебя, ради сына Он возвратит Болата домой. И ради меня. Видит Аллах, я любил его больше родных братьев. Он был мне верным другом и братом. Таких людей на земле много не бывает, Аллах их оберегает. А ты с сегодняшнего дня и мысли не допускай, что у тебя нет брата. Разве ты забыла, ведь до нашей разлуки я называл тебя сестрой?

- Не забыла, Овхад. Когда ты был дома, я всегда знала, что у меня есть брат. Как и по Болату, я все эти двадцать семь лет горевала и по тебе. Слава Аллаху, хоть ты вернулся. Теперь мое сердце наполовину излечилось.

Иногда дорогу путникам перебегали лисы, время от времени в глубине леса ухал филин. Уставшая Деши с трудом двигалась вперед, тяжело опираясь на палку. Когда до Аллероя оставалось несколько верст, они подошли к роднику у самой дороги. Родник был огорожен невысоким забором, рядом лежало буковое бревно. Овхад остановился, чтобы дать Деши немного отдохнуть. Достав из чемодана кусок хлеба, сыр и разложив их рядом с женщиной, он принес воду в глиняной кружке, висевшей тут же на заборе.

- Присядь, Деши. Ты, наверное, проголодалась. Наши родственники в Аллерое не знают о нашем приходе и, скорее всего, не ждут нас с накрытыми столами. Конечно, это не лучшая еда, но попробуй поесть.

Деши не заставила его повторять. Отламывая маленькие кусочки от хлеба и сыра, она не спеша стала жевать.

- Накануне его ареста мы с Болатом долго беседовали. Видимо, он знал, что мы расстаемся надолго. Он рассказал, что в детстве в Шали у него был друг по имени Соип. В Турции, когда Соип забрался в сад местного турка за гроздью винограда, чтобы спасти от голодной смерти мать, хозяева зверски убили его. Он наказал мне, чтобы, если у нас родится сын, я назвала его Соипом, если же дочь - именем своей

матери Хеди. После ареста Болата родился Соип. Через два года умерла моя мать, еще через пять лет - отец. Ты же знаешь, я была единственным ребенком своих родителей. После их смерти я осталась совсем одна, без какой-либо опоры в жизни. Родственники Болата из Шали пытались забрать нас к себе, но я не захотела. Пусть не близкие, но у меня были родственники в Гати-юрте. И Болат там вырос. Гатиюртовцы хорошо заботились о нем. Когда-то Арзу, Али, Маккал и их семьи были для него, как родные. Поэтому мне не хотелось расставаться с ними. Сын Али Усман и сын Арзу Магомед заботились обо мне и сыне. Вспахивали участок, помогали при уборке урожая, заготовке сена, дров и во всем другом. Позже все это взял на себя повзрослевший Соип. Но, сколько мы ни трудились, нам никак не удавалось наладить хозяйство. Так и не накопив ничего на женитьбу, Соип перешагнул молодость. Некоторые мужчины из нашего аула каждый год выезжали за Терек, к казакам, наниматься на работу. За два-три года работы там им удавалось что-то накопить и наладить свое хозяйство. Соип тоже хотел идти с ними, я же была против. Боялась отпускать туда единственного сына, и, видимо, не зря боялась. Наконец он уговорил меня. За Терек шли наши аульчане и мужчины из соседних аулов, вот я и отпустила сына с ними, вручив его судьбу Всевышнему. Надеялась, что за пару лет он заработает на какую-то утварь, на самое необходимое в хозяйстве, и я смогу его женить. Отпустила от безысходности... И случилось то, чего я боялась...

Съев два-три маленьких кусочка хлеба и сыра, Деши протянула еду Овхаду.

- Соип проработал там семь месяцев, с ранней весны и до поздней осени, почти без сна и отдыха. К зиме решил вернуться домой и попросил хозяина рассчитаться с ним. Но тот, не заплатив ни копейки, прогнал его. Как ты, наверное, помнишь, Болат был очень спокойным человеком. Соип в этом отношении в отца не пошел. Прождав день в камышах, на окраине станицы, поздно ночью, когда станичники улеглись спать, он вернулся в дом бывшего хозяина и потребовал причитающуюся ему плату. У казака, оказывается, тоже была причина для отказа. Незадолго до этого чеченцы угнали коней из его конюшни. Он считал, что это Соип навел на него воров. Этот человек не только отказался что-то платить, но даже пригрозил, что сдаст бывшего работника властям как соучастника кражи. Когда он стал грязно ругаться, продолжая сыпать угрозы, Соип ударил его кинжалом и бежал домой. Казак знал имя Соипа, имя его отца и что он из Гати-юрта. А сам станичник оказался бывшим офицером, уважаемым властями человеком. Он сразу же доложил станичным властям, что нанятый им на работу чеченец навел на него конокрадов, ранил его самого кинжалом, и, похитив у него тысячу рублей, бежал. Оттуда это сообщение передали в Ведено. Веденский пурстоп со стражниками пришел в Гати-юрт и арестовал Соипа. Из-за этих воров пострадал совершенно безвинный человек, честный труженик, мой единственный сын. А то, что он похитил деньги - неправда. Он согласился бы на мою или на свою смерть, но никогда не сделал бы такого. Вернулся без копейки в кармане. Сегодня его перевезли в Грозный... Люди говорят разное: то ли казак тот погиб от ран, то ли остался калекой. Говорят также, что если он умер, Соипа приговорят к смерти, если остался жив - дадут 10 лет каторги. Если казак жив, то можно, говорят, нанять хорошего адвоката и добиться освобождения Соипа. Но я не могу найти адвоката, а если и найду, то все равно нечем ему платить. Вспоминая все беды и горести, которые испытала за эти 27 лет, удивляюсь, как же я не сошла с ума или не умерла от разрыва сердца... До сих пор меня пускали к Соипу. Сегодня же не допустили, и передачу не приняли. Изменился до неузнаваемости, похудел, весь оброс...

- Какие бы я ни находил слова для утешения, Деши, материнское сердце все равно будет болеть за сына. С сегодняшнего дня у тебя есть брат, который будет заботиться о тебе и Соипе. Я найду лучшего в этих краях адвоката, найду и деньги для оплаты его труда. Пробуду в ауле два-три дня и начну действовать. Если тот казак остался жив, мы освободим Соипа, если умер - добьемся минимального срока. Будем надеяться, что станичник остался жив и что в скором времени Соип вернется домой. Будем уповать на Аллаха, я же сделаю все от меня зависящее. Смотри, Деши, не мучай себя слишком тяжелыми думами, проси стойкости и

терпения у Милосердного. Он милостив к несчастным, все в его силах.

- Я верю в твои слова, Овхад. Аллах, который наградил меня братом в самый тяжелый день, когда сердце мое разрывалось от горя, и не на кого было опереться, этот Аллах сумеет вернуть мне и моего сына. Алхамдулиллах, слава Всемогущему, Милосердному и Щедрому Аллаху. Мы довольны Его приговором, Он придаст нам сил и терпения. Сейчас я спокойна, брат мой...

Ночь давно уже вступила в свои права, когда дорога вывела их на возвышенность. Впереди показался Аллерой, который раскинулся на ровной поляне на левом берегу Аксая. Были видны слабый свет в окнах и дым, стелющийся над крышами саклей.

Овхад вкратце рассказал Деши о своей жизни за последние двадцать семь лет. За всю длинную дорогу он ни разу не спросил о своих домашних, и Деши их не упомянула. Видя, что попутчица не обмолвилась о них ни словом, Овхад заподозрил, не случилось ли чего с его близкими. Овхаду захотелось узнать об этом до того, как они вступят в Аллерой.

- Деши, наши все живы? Женщина растерялась.

- Рассказывай, Деши, никто не избежал несчастий в этом мире, и прежде всего ты.

- Мне не хотелось наносить тебе еще один удар. Ты и так испытал немало, оторванный от родного очага, родины и своего народа. Но если я сегодня промолчу, завтра ты сам все равно все узнаешь. Смерть от Аллаха, все, созданное Им, когда-нибудь умрет, живым же надо быть терпеливыми и жить, пока Создатель не призовет их к Себе. Твои родители умерли. Асхаб не вернулся с русско-турецкой войны. Он погиб в Турции и похоронен там.

Овхад понимал, что родителей может не оказаться в живых. Когда он расставался с ними, им обоим перевалило за семьдесят лет. А Асхаб был старше Овхада всего на три года. Это был добрый, чистосердечный человек, преданный брат, не похожий на отца и Асхада. Асхаб всегда заступался за него. От известия, что его и матери нет в живых, у Овхада заныло сердце.

- Ровзан и Абди живы. У обоих дети, женатые сыновья и замужние дочери. Есть и внуки. А за время твоего отсутствия в ауле умерло много людей.

- Как поживает Абди?

- Посчитав, что оставшийся от вашего отца магазинчик слишком мал, он построил новый большой магазин. В этих местах ни у кого нет такого большого магазина. Он привозит из России разные товары. Его почитают власти и уважают хакимы. При посещении аула они каждый раз останавливаются у него.

- А те, кто ушел с Асхабом, вернулись? Они живы? Хюси Товсолта-Хаджиев, Саад Борахаев и Солтха Сатуев?

- Солтха вернулся, еще когда здесь шла война. Вернулся без руки. Он уже умер. Двое остальных живы. Саад - старшина аула, а Хюси - кадий.

- А сыновья Али и Арзу живы?

- Старшего сына Али Умара убили стражники, когда проводили в ауле аресты. Усман жив. Магомед Арзуев недавно ушел на японскую войну. Вместе с ним ушли Эла-Мирза Арсамирзаев и Солта Солтханов. Последний уже вернулся оттуда без левой руки.

Весной 1877 года, когда началась русско-турецкая война, администрация края для участия в этой войне снарядила воинские части из северокавказских народов. Среди других народов эта акция прошла вполне успешно. Из чеченцев нужно было набрать два полка, но людей не набиралось даже для одного. У волонтера должно

было быть свое оружие и свой конь. У бедняков же не было ни того, ни другого. Добровольцам было объявлено и вознаграждение, но и за плату желающих идти на войну нашлось немного. Бедняки не желали драться и умирать за царя, который многие годы воевал против них, сжигал их аулы, уничтожил половину народа, а оставшихся в живых подвергал жестоким притеснениям. Тогда формирование полка поручили богатым чеченцам. Их предупредили, что, если этот полк не будет сформирован, им не стоит рассчитывать на милость и поддержку властей, и что они будут освобождены от занимаемых должностей. Испугавшись, богатые чеченцы отправили на фронт своих сыновей и снаряженных на свои деньги бедняков. Из Гати-юрта ушли на войну четыре молодых человека: Хюси Товсолта-Хаджиев, Саад Борахаев, Асхаб Хортаев и Солтха Сатуев. Солтха был бедняком, он с трудом кормил семью.

Оставив дома деньги, выплаченные ему богатыми аульчанами, он ушел на фронт, вооруженный их оружием и верхом на их коне. Через три месяца Солтха вернулся домой без одной руки. А сейчас на войну ушли сыновья Арсамирзы и Арзу, бедняков из Гати-юрта.

- Почему же они пошли на эту войну? - спросил Овхад.

- Люди говорили, что власть платит деньги тем, кто идет туда, - сказала Деши.

Овхад задумался. Ему вспомнилась прочитанная им в прошлом году статья Энгельса "Внешняя политика Германии". В ней автор подвергал критике немцев, которые последние 70 лет проливали кровь борющихся за свободу европейцев, превратившись в наемников и палачей на службе у царей и королей других государств. Все это Энгельс считал позором немецкого народа. А сегодня и чеченцы вступили на позорный путь. Сначала они пошли на русско-турецкую войну. Против турков-мусульман. Против тех самых турков, которые приютили 70 тысяч чеченцев - женщин, стариков и детей, изгнанных из родных краев русским царем и русскими войсками. Продавшись русскому царю, своему палачу, они стали наемниками, встав в один строй с русскими солдатами, убивавшими их отцов, матерей, братьев и сестер.

Овхад был против того, чтобы Асхаб шел на войну. Но Хорта и Асхад не послушались его. Раз дети богачей идут туда, говорили они, значит, и из нашей семьи должен кто-то идти. Асхад нужен дома - хозяйство, торговля, магазин - все на нем. К тому же, у него жена и ребенок. Овхад еще молод, учится, ему надо получить образование. Асхаб же был холост. Его и отправили на войну с турками. Асхаба убили жадность и жестокость Хорты и Асхада. Он принял смерть на чужбине, в чужом краю предан земле. Ради кого? Ради чего? Ради царя, врага его народа, ради славы России?

А сейчас чеченцы пошли и на русско-японскую войну тоже. Это неправая, несправедливая война с обеих сторон. Земля, из-за которой воюют эти страны, не принадлежит ни России, ни Японии. Там не живут ни русские, ни японцы. Это две голодные собаки, грызущиеся из-за кости. И на эту драку отправились чеченцы, чтобы помочь русской собаке, чтобы воевать и умирать за нее. Нищета отправила. Но они не должны были идти туда, даже если бы умирали с голоду. Чеченцам нет дела до ссор каких-то русских, турков, японцев и других, им незачем проливать там свою и чужую кровь. Ведь чеченцы - маленький, несчастный народ. Он достаточно претерпел, испытал лишения, горести и беды. Ему самому нужно оберегать себя от новых бед и несчастий. Нет на земле народа, который придет ему на помощь, пожалеет и посочувствует. Нет и не будет.

А Деши одолевали тяжелые мысли. Мысли, терзавшие ее двадцать семь лет. Она поведала их Овхаду.

- Люди рассказывают, что наш народ несколько веков воевал за свободу и справедливость. Сражались за это и мой отец, и дед, и его предки. Когда поднял восстание имам Алибек-Хаджи, мой отец не взялся за оружие только потому, что посчитал себя слишком старым для этого. Я глупая женщина, и чего-то, может

быть, не понимаю, но скажи, до каких пор нам воевать и погибать? Неужели это наш вечный удел? Где же эти свобода и справедливость, в борьбе за которые полегли многие поколения наших мужчин? Нет их. И сколько ты ни смотри вперед, ничего хорошего не видно. Что сталось с нашими аульчанами, воевавшими за это? Погибли, не оставив после себя потомства. Арзу убит в Турции, его сын ушел на японскую войну и неизвестно, вернется ли живым. Али пропал в Сибири, один из его сыновей убит. Мачиг и его сын погибли в бою, их род пресекся. Отец Болата умер в Турции, Болат пропал в Сибири, Соипа тоже собираются отправить туда же. Таких можно перечислять и перечислять. Если их так много только в нашем маленьком Гати-юрте, то сколько же их в больших аулах и по Чечне в целом? А сколько вдов, сирот, стариков, калек, о которых некому позаботиться? Ведь это их мужей, отцов, сыновей и братьев казнили и сослали в Сибирь. А тысячи и сотни тысяч семей, оставшиеся без крова? Нам, матерям, война не нужна. Мы рожаем детей не для того, чтобы их убивали на войне. Мы рожаем их для жизни, чтобы плодился и развивался народ. Чтобы у нас была опора на старости лет. Зачем нам, женам и матерям, жить на этой земле, когда наши отцы, братья, мужья и сыновья убиты на поле боя? Разве мы сможем после этого защищать национальную свободу и ислам? Не нужны мне свобода и справедливость после смерти Болата и Соипа. И жизнь не нужна. Последние тридцать лет прошли более или менее спокойно, без войны и материнских слез. Но, позабыв испытанные ими до этого горести и лишения, терзавшие их беды и несчастья, чеченцы опять что-то затевают, рискуя навлечь на себя новые испытания. Этим летом взбунтовались некоторые ичкерийские аулы. Грозились свергнуть власть. Стянутые туда войска обстреляли эти аулы из пушек. Прошли аресты... Мы и не думаем успокоиться, взяться за ум. Везде кражи и грабежи. Даже в крошечном нашем ауле нет единства и согласия. Разбились на группы и враждуют между собой. Такие святые понятия, как честь, совесть, милосердие и богобоязненность, бесследно исчезли. В последнее время я все чаще думаю о том, что если наш народ не возьмется за ум, не вернется к вере, вряд ли его ждет достойная жизнь на земле и что-то хорошее в потустороннем мире.

Из журнала приказов начальника Чеченского округа полковника Беллика.

1857г., августа 29, № 18.

Я вижу, что некоторые деревни, нуждаясь в муллах, приглашают к себе для исполнения духовных треб таких людей, которые достойны более названия бродяг, нежели мулл, которые не только неграмотные и непонимающие свои обязанности, но они отличаются еще особенною бездарностью ума, а между тем, эти неспособные муллы вмешиваются в дела старшин по управлению деревнею.

1857г., сентября 13, № 21.

Между чеченцами считается пороком быть доказчиком преступления, тогда как в этом же народе не считаются предосудительными воровство и другие постыдные поступки. Из-за этого старинного и дикого своего обычая все еще продолжает поощрять воровство, а упрекать доказчика. Объявляю народу, что ни в одном благоустроенном государстве не существует такого дикого обычая, какой теперь у нас. Человек, посягнувший на чужую собственность, делается порочный, и он терпит за то тяжкое наказание и никуда уже в обществе не принимается. Доказчик же, за открытие какого-либо преступления, пользуется данью уважения. Я желал бы, чтобы и чеченцы перестали держаться вредного для самих себя обычая поощрять воровство, упрекать доказчика и по возможности перенимали бы законы общественной жизни от народов благоустроенных государств.

1858 г., февраля 25, № 13.

Внушите народу, что пора злодейства минула, надо жить честным трудом, который благословляет Бог, а воровство и всякие другие пороки наказывает.

Чеченцы! Вы одарены хорошим здоровьем и умом, земля у вас богата, нужен только ваш труд, и вы будете богаты и счастливы!

Наибы, старшины и старики! Я к вам обращаюсь со своей просьбой. Вы есть люди уважаемые народом, ваша есть обязанность понять и внушить народу желание Царя. Учите народ всему тому, чего желает от них Царь, то есть, чтобы они не воровали, жили бы мирно, не ссорились между собой и трудились для самих себя.

Есть еще порок между чеченцами, самый вредный для народа, - это есть муллы, толкующие вам о непременной ненависти вашей к нам.

1859 г., января 14, № 6.

Куларцы! Я знаю, что между вами есть два человека, которые считаются вами людьми учеными, потому что они больше всех и громче всех говорят. Но вы разберите этих людей хорошо и увидите, что они есть люди глупые и вредные для вас тем, что толкуют не повиноваться приказаниям начальства.

1860 г., января 7, № 1.

До сведения моего дошло, что народ изъявляет неудовольствие за телесное наказание, употребляемое мною над ворами. А как воры никогда не могут оставаться безнаказанными, то я приказываю наибам собрать народ и спросить его: согласен ли он будет, взамен телесного наказания, употребляемого над ворами, ссылать их навсегда в Сибирь? И что скажет народ на это - мне донести.

ГЛАВА IV НОЧНОЙ ГОСТЬ

Ночь. Дорога привела меня к аулу. В приоткрытой двери вижу свет. Я стою, прислушиваясь к гулу, Я его не слышал много лет.

М. Мамакаев

В холодную зимнюю ночь 1905 года в Гати-юрт вступил одинокий путник.

Высоко в небе ярко светила луна. Множество звезд, будто разбросанных по небу чьей-то рукой, освещали покрытую снежным покрывалом землю.

Путник, шедший по пустынной улице в столь поздний час, с трудом переставлял ноги. Казалось, большие, поношенные, латаные валенки на ногах вот-вот свалят его с ног. Звуки его шагов, грубая палка, на которую он опирался, скрипящий под ногами снег и частый сухой кашель потревожили собак во дворах по обе стороны улицы. Но, не желая покидать уютные углы, где они укрылись на ночь, они, лениво полаяв, тут же затихали.

На перекрестках путник останавливался, распрямлял сгорбленную спину и некоторое время стоял, оглядываясь по сторонам. Потом тяжело вздыхал, поправлял на плечах лямки висящего за спиной холщового мешка и медленно продолжал путь. Чем ближе он подходил к центру аула, тем медленнее становились его шаги и чаще остановки.

При виде мечети сердце его часто забилось, словно у пойманного в силки воробья. Мечеть, аккуратно выложенную из ровно отесанного чьей-то умелой рукой кам-ня, и устремленный высоко в небо минарет он искал глазами еще при подходе к аулу. Но слабое зрение не позволило увидеть их издалека.

Кинув взгляд на каждую из улиц, расходящихся от мечети, он, словно заблудившийся путник, нашедший дорогу после долгого плутания, резко сорвался с места и зашагал по одной из них.

Пройдя шагов двести по улице под нависающими над ней голыми ветвями ореховых деревьев, путник остановился у двух чуртов. Рядом не было могильных холмов. Чурты, стоящие друг возле друга, могли быть установлены в память о ком-то, кто пропал без вести в Турции или в Сибири. Путник долго стоял, прислонившись спиной к одному из них. Отсюда аул был виден как на ладони. Далеко внизу шумел быстрый Аксай. Недалеко прокричал петух, на его крик отозвался другой.

"Может быть в этом ауле, в одном из этих домов спят мои сыновья. И Айза... И внуки..." - подумал он.

Печальное лицо путника чуть посветлело, к уставшему телу вернулись силы.

Путник быстрым шагом прошел вверх по лощинке и остановился под старыми ореховыми деревьями. Когда он увидел старый, заброшенный двор без изгороди вокруг, радость, поселившаяся в его сердце, исчезла без следа. Внимательно глядя во все стороны, путник стал старательно искать что-то глазами. Его хаотичные движения напоминали беспорядочную беготню человека, охваченного безжалостным огнем.

Наконец, после долгой беготни из стороны в сторону, старик остановился на еле заметном холмике на западной оконечности сада. Этот холмик не мог быть ничем иным, кроме как останками стоявшего здесь когда-то жилища.

Стоя на холмике, путник беспомощным взором оглядывал окружающую его пустоту. Но он не находил того, чего искал, какого-нибудь маленького признака, который хоть как-то успокоил бы его израненную душу. Печально, словно в трауре по близким, смотрели на него старые ореховые деревья, искалеченные

безразличными к их судьбе людьми. Развалины сакли, от которых остался всего лишь еле заметный холмик, и этот пустой, безжизненный сад без изгороди вокруг напоминали старое, заброшенное кладбище. Мертвый пейзаж, который созерцал путник, вызвал бы боль и слезы у самого бездушного человека.

Любой, взглянувший на путника в свете дня, увидел бы, как медленно белеет длинный красный шрам над его правой бровью; как известная ему одному мука, пожирающая душу, гасит огонь его глаз; как предательски подрагивает подбородок.

Путник поднял глаза к небу и воздел худые, испещренные синими венами руки.

- О, наш Всесильный, Милосердный Аллах! Одному Тебе известно, сколько бед и лишений, сколько горя я испытал со дня своего появления на этот свет. Я состарился, потерял последние силы, повергнут несчастиями... Неужели, о Аллах, ты собираешься испытать меня новыми жестокими ударами? О, наш Аллах, где же, где моя семья, которую я оставил здесь тридцать восемь лет назад? Ты видишь, о Аллах, видишь меня, оставшегося на старости лет без родных, без семьи, словно одинокое дерево на голом, безжизненном поле! Кому я нужен, кто меня приютит? О, если бы, если бы Ты наградил меня смертью в пламени войны, в котором я горел шестнадцать лет... Если бы призвал к себе в Турции, где я лег бы рядом с братом... Или наслал бы на меня смерть в холодной Сибири, где отдали Тебе свои души мои товарищи... Если ты уберег меня для новых испытаний, о, Всемогущий Аллах, прошу Тебя, подари мне смерть сейчас, в эту самую минуту...

Крик, который вырывался из его уст, постепенно перешел в шепот. Слезы, сочившиеся из выцветших глаз, вдруг потекли обильными ручьями, словно прорвав какую-то невидимую преграду. Казалось, что каждое его слово плавилось в горле и вырывалось наружу, сметая барьеры на своем пути обжигающей силой. Старец взывал. Криком, шепотом, взглядом. Но ответа не было. Старец затих, но не затихало бешеное биение сердца в старческой груди. Несчастный схватился за грудь - он почувствовал, что его истерзанное сердце раздувается от переполнивших его мук, что оно вот-вот разорвется на части.

Он чувствовал из собственной груди запах гари, словно там, в груди, все выгорело дотла. Он плакал, позабыв об окружающей действительности, забыв даже, что он все еще на этом свете, все еще продолжает дышать. Сейчас он был уже далеко, мысли унесли его в далекое детство. Перед глазами, затянутыми пеленой слез, один за другим, словно гигантские деревья в мутных волнах разбушевавшейся горной реки, нескончаемой вереницей проносились страшные и горькие дни его долгой, безрадостной жизни...

...Семьдесят три года назад, здесь, на месте этих руин, в низенькой лачуге с земляной крышей жила маленькая семья его отца Абубакара.

Но еще не родившемуся к тому времени Али не суждено было увидеть ни своего отца, ни лачугу, в которой он жил. По берегам Аксая в глубь Ичкерии поднимался генерал Розен, неся с собой черную смерть, предавая огню чеченские аулы. Его пушки в одночасье разрушили мирную жизнь гатиюртовцев. Али не слышал, как пушечные ядра уничтожали аул, как огромные языки огня пожирали бедные сакли; не слышал дикого рева обезумевшего скота, воя собак; не видел ручьев крови, текущих из-под валяющихся по всему аулу трупов. Он не знал ничего. В тот день он был в утробе матери, которая, вместе с другими женщинами и детьми, спасаясь от этого ада, убежала из аула к горному склону и укрылась в густой лесной чаще. Еще не родившийся Али не знал, что его отец и четырнадцатилетний брат Лема бились с врагом в горящем ауле, а мать, обнимая пятилетнего Арзу и двух дочерей, как и остальные женщины, с тревогой прислушивалась к грохоту боя.

Только через несколько лет он узнал, что его мать упала с диким криком, когда отступившие к склону горцы положили перед ней погибшего мужа и раненого сына. Что в результате преждевременных родов появился на свет он. Что его

появление на свет, как у волчонка, произошло темной ночью в диком лесу. Все это он узнал позже. И вся его последующая жизнь на этой земле прошла, словно темная ночь.

По обеим сторонам холма, на котором сидит Али, еще два маленьких холмика. Один из них легко заметен и немного возвышается над землей, другой же почти сравнялся с ней. На этом месте построила тогда их семья саклю.

Через 14 лет защищая эту лачугу погиб Лема, заменивший им отца. Свидетелем всех ужасов, причиненных в тот день внезапно напавшими русскими войсками, стал и Али.

Этот день навсегда остался в его памяти. Был он и на кладбище, когда хоронили погибших в тот день односель-чан. Мертвых было так много, что не хватало мужчин, чтобы относить их к кладбищу. Оставшиеся в живых предавали земле убитых русскими отцов, матерей, сестер, братьев, сыновей, дочерей. На заросшей травой поляне, до сих пор пустовавшей, в один день выросли более ста могильных холмов...

Но это был не последний день жестокой войны. Одна из самых больших, самых сильных и самых жестоких стран, собрав все свои огромные силы, наступала на крошечную землю крошечного чеченского народа.

Маленький народ боролся за свою свободу. На место убитого отца становился сын, на место брата - брат. Место Лемы заняли Арзу и Али. Вся молодость Али прошла в боевых походах. В непрекращающихся боях, в постоянных набегах на русские части, без отдыха и горячей пищи. Они бились ожесточенно в этой дикой войне, не жалея ни своей крови, ни крови своих врагов. Эх, судьба. Как же они не хотели, чтобы в человека стреляли, чтобы человека резали сабли и кинжалы, чтобы плакали чьи-то матери и сестры! Но разве достаточно, если этого не хотят они? Им приходилось защищать от жестоких врагов свои семьи, аулы, родину, не жалея ни сил своих, ни жизней.

Они, чеченцы, тоже люди. Они тоже хотели жить свободно. Родители любили детей, дети - родителей; парни любили девушек, девушки - парней. Они любили свободную, мирную, счастливую жизнь и мечтали о ней. Хотя вокруг бесновалась война со всеми своими ужасами, посетила любовь и Али. В его молодом сердце властвовала их аульчанка Айза. Влюбленные мечтали о том дне, когда кончится война, когда они соединят свои судьбы и заживут счастливой жизнью, наслаждаясь любовью. Они мечтали запрячь пару волов и вспахать свою просеку, завести корову, соорудить маленькую саклю.

Но до исполнения этих желаний было далеко, конца войны не было видно.

...Принимая к себе Шамиля, чеченцы рассчитывали на то, что война скоро кончится, что, освободив Чечню от русских войск, они выгонят имама обратно в Дагестан и заживут прежней мирной и свободной жизнью. Но война продолжалась вот уже двадцать лет. С одной стороны - наибы Шамиля, с другой - царские генералы жестоко терзали народ. Последние десять лет войны проходили в постоянных стычках чеченцев с обеими этими сторонами. Но сопротивляться далее у народа не было сил. Когда царские войска занимали последний чеченский аул - Ведено, Али было двадцать семь лет. В этот день и намного ранее многие чеченские наибы отошли от Шамиля. Правда, и сам Шамиль бежал в Дагестан, бросив Чечню и чеченский народ, спасая свою жизнь. Один только беноец Байсангур не бросил имама. Вместе с Байсангуром в аварские горы ушел и небольшой отряд чеченцев. Среди них были Арзу, Али и Маккал.

В тот день, когда Шамиль сдался Барятинскому, когда чеченцы во главе с Байсангуром прорывали тройное кольцо, вражеская шашка ранила Али. Шрам от этой раны и остался у него на лбу.

Наконец-то закончилась эта длительная война, оставив за собой выжженные дотла

аулы, тысячи и тысячи сирот, разлучив друг с другом родных и близких, запечатлев в памяти народной страшные картины жестокости и бесчеловечности. Обессилевшие люди, которых она гоняла с одного места на другое, начали восстанавливать разрушенные жилища. После нескольких лет ожидания соединили свои судьбы и Али с Айзой. Молодые без устали трудились, создавая свое гнездо. Построили маленькую хижину на том месте, где когда-то стояла сакля отца Али. Все богатство молодоженов состояло из небогатого набора деревянной и глиняной посуды, двух овчин и старой циновки, которыми был устлан пол. Два одеяла и одна подушка, набитые шерстью, ручная мельница и немного кукурузы в залатанном мешке. Но и другие гатиюртовцы тоже жили не богаче. О свадебных торжествах в честь молодоженов Али и Айзы никто и не мечтал, не удалось устроить даже обыкновен-ной вечеринки. И подарков тоже не было. Тихо, без лишнего шума совершили обряд венчания, только и всего, как будто и не было никаких обычаев и традиций.

Несмотря на окружающую их нищету, не было на свете людей счастливее Али и Айзы. Более того, нужда и лишения еще более скрепили их любовь. Но такая идиллия не могла продолжаться долго. Прошли дни, когда они пытались обмануть себя, не желая смотреть в пасть голоду и нищете, безжалостной волчицей надвигающихся на них.

Ох, как же легко было биться с врагом, которого ты видишь, перед которым стоишь лицом к лицу. Биться, и, если нужно, умереть. Но как же воевать с голодом, нищетой? Как же забыть свободу, которую завещали отцы? Как же тащить такое непривычное ярмо рабства?

Лучше погибнуть, чем влачить жалкое существование, твердили себе горцы. С такими словами поднимался каждый против царской власти, но путь их заканчивался на виселице или в Сибири. Повесили легендарного Байсангура, сослали в Сибирь стариков Умму и Атаби. Власти переселили целые аулы. Поговаривали, что чеченцев, расселив в Кабарде и среди казаков за Тереком, отобрав родные земли, превратят в христиан. Чечня кишела русскими войсками. По селам пошли какие-то люди, призывавшие чеченцев покинуть этот край, где притесняют мусульман, и переселиться к братьям по вере в Турцию, уверяя, что только там они найдут свободу и покой, и что там находится земной рай.

Измученные длившейся десятки лет войной, задавленные нищетой и голодом, не зная, какие еще беды и лишения принесет им завтрашний день, некоторые поверили этим сплетням и переселились в Турцию. С первой группой переселенцев вышли в дорогу Арзу, Чора и Али. Но эти трое не были переселенцами. Арзу и Чора были направлены туда предводителями Ичкерии, чтобы проверить достоверность распускаемых кем-то слухов о том, что турецкий султан зовет в свою страну чеченцев, что переселившимся помогут наладить хозяйство. Чтобы своими глазами увидеть, как турки примут и обустроят первых переселенцев. Чтобы решить, стоит ли останавливать тех, кто собирается уезжать. Али не захотел отпустить родного брата одного и поехал с ним.

В начале ни Али, ни кто бы то ни было, не знал, что чеченцы, агитирующие соплеменников на переезд в Турцию, были куплены царской администрацией через осетина Мусу, что переселение чеченцев было мечтой русского царя и турецкого султана, что справедливости нет нигде в мире, в том числе и в Турции. Измученные люди поверили этой провокации.

Али вспомнилось, как в 1865 году под конвоем солдат первую группу переселенцев привели к турецкой границе.

Когда в Турцию прибыли последующие переселенцы, у городов Муш, Эрзерум и Эрзингам накопилось пять тысяч чеченских семей. Там, под открытым небом, они провели шесть месяцев. Голод измотал мухаджиров, всевозможные болезни каждый день уносили в могилу сто-двести человек. Терзаемые страшным голодом люди дважды нападали на город Муш. Поняв, что их жестоко обманули, чеченцы приняли решение вернуться домой.

Они написали письмо кавказскому наместнику с просьбой разрешить им вернуться в Чечню. Когда наместник отклонил эту просьбу, переселенцы пустились в обратный путь без дозволения русских и турецких властей. Али вспомнил 2600 чеченцев, подошедших к турецко-русской границе. Женщины, дети, старики. Пожелтевшие, еле живые существа с выпирающими костями. Как они подошли к Российской границе, и как там турецкие войска били по ним из пушек. В этот день турецкий офицер выстрелом из пистолета убил единственного брата Али Арзу...

Мысленно пролистав прошедшие сорок лет, Али вернулся в настоящее. Из глаз его потекли слезы, к горлу подступил комок.

Самым тяжелым днем в его жизни был день смерти Арзу. Ему вспомнились боевые товарищи, до последнего часа сражавшиеся за свободу. Люди, делившие с ним навалившиеся на переселенцев беды и лишения: жизнерадостный Мовла, в минуты ярости превращавшийся в свирепого льва; тихий и незаметный, но отважный и верный Мачиг; всегда суровый, но удивительно добрый Косам; мулла бедных и несчастных, мудрый, добродетельный, мужественный стоик Маккал. Как много их было, отважных, верных сынов несчастной Чечни.

Что же с вами сталось? Может, вы умерли от голода в чужой Турции, взывая к далекой родине, или до сих пор мыкаетесь на чужбине, тоскуя по родине, по милым горам, по своему народу.

Но и Али, который вернулся домой, преодолев столько трудностей, не обрел мира и спокойствия. Не прошел и год после его возвращения домой, как в Чечне начали готовить новое восстание. Долг конаха и завещание брата не давали ему права оставаться в стороне от этого движения. Али был одним из самых активных руководителей готовящегося восстания. Но проникший в их ряды предатель тайно сдал их властям. Али приговорили к десяти годам ссылки в Сибирь.

И не его одного. Их было несколько сотен. У Чечни еще раз отобрали самых верных, отважных сыновей. В тяжелых думах о страдающем под царским гнетом родном народе, об остающейся без горсти муки семье, закованный в холодные стальные кандалы ушел Али в далекую Сибирь.

Двадцать три года он не слышал родной речи. Тяжесть каторги, голод и болезни унесли в могилу сосланных с ним в Сибирь чеченцев. Предав их земле и оставшись один, Али попросил у Всевышнего смерти и для себя, но Аллах не дарил ему смерть. Али не погиб ни в огне войны, в котором горел шестнадцать лет, ни в Турецком аду, ни в морозной Сибири.

С самого дня рождения, за все эти семьдесят три года, в его жизни не было ни одного счастливого дня. Для чего же Аллах возвратил его домой? Чтобы подарить счастья на тот короткий срок, который ему осталось провести на этом свете. Или же испытать еще большими бедами, которые затмят несчастия, через которые он уже прошел?

Охваченный тяжелыми думами, Али просидел на морозе довольно долго.

Только сейчас он ощутил пробиравший его холод. Нижняя часть тела онемела. Слезы, стекавшие по бороде, превратились в льдинки. "Если задержусь здесь еще немного, я, наверное, окоченею, - подумалось ему. - Но куда же мне идти?"

Оглянувшись вокруг, он увидел слабый огонек лампы в дальнем краю сада. Кто же живет в этой сакле? Кто бы это ни был, он наверняка не узнает его. Должно быть, немногие из его ровесников живы. Да и тех, кто еще жив, Али вряд ли узнает. Как бы то ни было, но переночевать где-то все равно нужно. Больше же всего ему хотелось узнать, что сталось с Айзой и двумя сыновьями. Эти три человека, родной аул, отчий край... Стремление хотя бы еще один раз увидеть все это и вернуло старого Али домой. Что бы дальше ни случилось, цели своей он достиг - Али на родине, в родном ауле...

Тяжелая жизнь, несправедливость властей и коварство людей научили Али быть

осмотрительным. Он не хотел раскрывать себя, пока не узнает, какова обстановка в ауле, каковы нравы аульчан, какие произошли изменения за прошедшие 38 лет. Хотя он и вернулся из Сибири с ведома и разрешения соответствующих административных органов, местные власти могли, сочинив какой-нибудь повод, отправить его обратно. "Сначала посмотрю, жива ли моя семья. Если они живы, назову себя, если нет... Аллах подскажет. Выдерживал же еще большие испытания, выдержу и это..." - решил он.

Медленно перебирая ноги, пытаясь восстановить бег крови в онемевших мышцах, Али шел к сакле с мерцающим огоньком. Кем же ему представиться? Он вспомнил казака по имени Андрий из Червленной, с которым подружился после войны. У молодоженов Али и Айзы не было ни денег на создание своего хозяйства, ни зерна на продажу, ни скотины. Али запряг в арбу волов и повез на продажу в станицу Червленную древесный уголь и собранные в лесу дикие фрукты. Там он и познакомился с этим казаком. У Андрия были свой двор, кузня и много древесного угля в ней. Как же могло его не быть, если недалеко от станицы раскинулся большой лес. Но узнав, какая нужда привела сюда Али и Айзу, Андрий выгрузил в свою кузню привезенный ими уголь и, выдав взамен лопату, мотыгу, серп, косу, еще кое-что из необходимого по хозяйству, проводил их обратно. Завязавшаяся тогда дружба сохранялась между ними до самой ссылки Али. Андри приезжал в Гати-юрт и за низкую плату изготовлял аульчанам железные инструменты. Так, после возвращения Али из Турции казак провел у него два месяца.

"Если я сам не представлюсь, здесь меня никто не узнает. Русским языком я владею хорошо. Если спросят, кто я, скажу, что Андри", - успокоил себя Али.

Опасаясь, что со двора выбежит собака, он несколько раз кашлянул, прежде чем открыть калитку. Но во дворе не было никакого движения. Все равно, не веря, что собаки в этом дворе действительно нет, с опаской оглядываясь по сторонам, он подошел к сакле с земляной кровлей и тихо постучал в окно. В доме кто-то зашевелился. Потом до его слуха дошли приближающиеся к двери шаги босых ног. Вскоре дверь открылась, и на крыльцо вышел хозяин в накинутой на плечи черкеске и в обуви из сыромятной кожи на ногах.

- Доброй ночи, хозяин! - поприветствовал его Али на русском языке. Тот ответил на приветствие, с трудом подобрав русские слова.

- Прошу простить меня, что пришлось поднять вас в такой поздний час. Я добрался до этого аула поздно, а на улице слишком холодно. Если дозволите, я бы хотел провести эту ночь в вашем доме, - виновато сказал Али, поняв, что хозяин плохо знает русский язык, и потому стараясь как можно отчетливее выговаривать слова.

- У нас не принято спрашивать у хозяев разрешения войти в дом. Заходите, располагайтесь, будьте как дома.

Хозяин протянул вперед руку, приглашая гостя войти. В этот момент пола черкески распахнулась, и Али заметил у него заткнутый за пояс револьвер.

Али вошел в саклю. В комнате, чуть освещаемой слабым огоньком еле горящей лампы без стекла, на глиняной кровати спали четверо детей. Только что поднявшаяся хозяйка, растягивая руки и широко зевая, стала прибираться в комнате.

Давно не видел Али мирной семьи. Ему очень хотелось разбудить спящих детей и приласкать их. И этот теплый дом, и своеобразный, удивительно приятный сердцу, наполняющий душу запах чеченского очага, и эти спящие малыши отогнали куда-то мысли о смерти, о которой он молил недавно небо, и породили в его сердце любовь к жизни, желание жить.

- Поторапливайся, жена! - повернулся хозяин к супруге. - В наш дом пришел гость из другого народа. Русский. В первую очередь надо накормить его. А вы, дорогой гость, снимите пальто, обувь, располагайтесь, - добавил он, обращаясь к Али.

Больше месяца Али был в пути. Его тело, белье и одежда покрылись дорожной грязью. Когда ему предложили снять пальто и валенки, он растерялся. Но, не дожидаясь, пока он сам их снимет, хозяин подошел и стянул с его ног валенки. Али снял торбу с плеч, пальто и положил их рядом с собой на пол.

Хозяйка принесла горячее молоко в большой глиняной миске, поднос с кусками толстого чурека и поставила все это перед гостем.

- Скажи ему, что сейчас не время готовить горячее, сегодня придется ограничиться этим, - попросила она мужа. Али молчал, будто не понимая их слов.

- Гость, если вы не хотите сразу лечь отдохнуть, жена приготовит что-нибудь горячее, пока попробуйте это, - сказал хозяин.

- Спасибо вам, дети. Дай вам Бог долгой жизни, пусть достаток никогда не покинет ваш дом. Мне вполне достаточно, если вы позволите переночевать в каком-нибудь углу.

Кроме маленького куска сухого хлеба Али с самого утра ничего не ел. Он мелко накрошил чурек в молоко и стал не торопясь есть. Али дорого заплатил бы за возможность иметь зубы, чтобы большими кусками, смакуя, съесть этот чурек, о котором он мечтал столько лет. Но зубов не было. Он потерял их на каторге от цинги. Остались только четыре слабых зуба.

- Кто этот мюжги? - спросила женщина у мужа.

- Кто его знает.

- Господи, какой грязный. Он всю постель испачкает, - с досадой покрутила головой женщина, глядя на неухоженную бороду гостя, его длинные слипшиеся волосы и грязную одежду.

- Что это ты говоришь? - прикрикнул на нее тот. - Как тебе не стыдно? Он такое же творение Аллаха, как и ты.

- Я просто хотела сказать, что он весь оброс и оборван, - виновато сказала женщина и притихла.

- Кто знает, что станет с нами. Несчастного и обездоленного жалеть надо, а не презирать. За презрение Аллах наказывает такой же долей.

Прислушиваясь к их разговору, Али опустошил миску с молоком и отодвинул поднос. Хозяйка кинулась к кувшину с молоком, стоявшему на печи, собираясь налить еще.

- Спасибо, больше не нужно, - поднял руку действительно насытившийся Али. - Да отблагодарит вас Аллах. Пусть достаток никогда не покинет ваш дом.

Когда гость наелся и устроился, хозяин поинтересовался у него:

- Теперь, если это не тайна, расскажи, гость, кто ты, откуда и какие дела привели тебя в наш аул? Кто знает, может, я смогу чем-то помочь тебе?

- Я из станицы Червленой. Из Орза-кала.

- Как вас звать?

- Андрий..

- Андрий... Андрий... Кажется, когда-то я слышал это имя, - самому себе сказал хозяин. - А какие дела привели вас в Ичкерию?

- Нищета, нужда привела. Ищу работу, чтобы прокормить семью.

- Семья большая?

- Четверо детей... Внуки. Их отец погиб на войне.

- На какой войне?

- На японской. Его убили недавно.

- Да, любая война приносит людям горе и лишения. Трое из нашего аула тоже ушли на войну. Один недавно вернулся без руки. От двоих других нет никаких вестей. А какую работу стали бы вы делать?

- Я умею класть стены, плотничаю. Меня устроит любая работа, лишь бы платили.

Когда муж рассказал о состоявшемся между ним и гостем разговоре, лицо хозяйки посветлело.

- Очень хорошо, что он попал именно к нам. Поручим ему перетаскать навоз из хлева в огород.

- А деньги у тебя есть?

- Он же ночевал у нас, можно и бесплатно поработать.

- Что же ты за человек такой, - покачал головой муж. - Все считают тебя умной, доброй, воспитанной, но иногда ты говоришь откровенную чушь. Кто бы он ни был, русский, еврей или кто-то еще, это же гость. Мы должны почитать его. Ты действительно стала бы требовать у него бесплатной работы только потому, что он переночевал у нас и поел наш чурек? Стыдно даже думать об этом. Смотри, будь я дома или нет, ничем не выражай недовольства этому казаку, я этого не потерплю. Он не будет жить у нас вечно. Или не найдет в нашем ауле работу и уедет, или, если найдет, переедет жить к нанимателю. Будь терпеливой. Если же останется у нас, захочет - будет помогать мне по хозяйству, не захочет - пусть отдыхает. Не мечтай о несбыточном, лучше постели гостю. Несчастный, он, наверное, устал.

- Куда мне его уложить?

- Не знаю. В комнате для гостей холодно, как под мостом. Переложи детей на пол, а на кровати постели ему.

Али нисколько не винил хозяйку за брезгливое к себе отношение. Даже у самого себя он вызывал отвращение. Весь обросший, он действительно походил на старого мужлана. Давно не видевшее чистого белья немытое тело чесалось, завелись вши. От тела исходил какой-то кислый, вперемешку с горьким, отвратительный запах... Нечего было и думать о том, чтобы жить в этом доме. Если он останется здесь до завтрашнего вечера, надо будет искупаться, постричь голову и бороду.

Али, делая вид, что не понял ничего из их разговора, произнес:

- Теперь, с вашего позволения, я прилягу. У вас не найдется какой-нибудь старый войлочный коврик, чтобы постелить мне здесь, у двери?

- Ты ляжешь туда, - указал хозяин пальцем на детей. - Жена переложит детей на пол, а тебе постелит на кровати.

- Нет, я лягу здесь, на полу. Я не разрешаю вам будить детей.

- В этом доме я хозяин. Ты мой гость, и должен делать то, что я скажу.

- Я хорошо знаю обычаи вашего народа, молодой человек. Желание гостя для хозяина закон. Если вы разбудите детей, я уйду к вашим соседям.

- Как же я буду выглядеть, если люди узнают, что мой гость ночевал на полу? Вы хотите опозорить меня? Об этом вы подумали?

- Никто не узнает, если мы не расскажем. Время уже заполночь. Я не хочу будить детей. Я и так создал вам неудобства. Вдобавок, мои тело и одежда не совсем чисты. Завтра вечером, если останусь здесь, искупаюсь, сменю белье, и тогда сделаю, как ты скажешь. А сегодня пусть будет по-моему.

Сколько хозяин ни просил, гость стоял на своем, и ему пришлось сдаться. Женщина принесла из другой комнаты соломенный матрас, подушку и теплое одеяло. Забравшись в эту постель, Али почувствовал себя как на пуховой перине. Его уставшее тело не стало ждать, пока улягутся хозяева.

Через несколько минут Али уже спал...

ГЛАВА V НОВЫЕ ЛЮДИ, СТАРЫЕ НРАВЫ

Над тобою будет выть

Старый волк голодный,

Пожалеет же тебя

Черная лишь галка...

Народная песня

Али проснулся рано. Пробирающийся с востока день только-только начинал показываться над хребтом на том берегу реки. Разными голосами закукарекали соседские петухи. Где-то поблизости слышался ленивый, хриплый лай старого пса.

Хозяева еще спали. Сегодня, по вине гостя, дети спали в тесноте. Они перетаскивали друг с друга одеяла, временами переругивались, расталкивали друг друга и снова затихали.

Али прислушивался к просыпающейся природе, но мысли его были далеко. Ему до сих пор трудно было поверить, что он на родине, в родном ауле, на свободе. Он мечтал об этом дне. Мечтал выйти на улицу, окинуть взглядом эту землю. Сегодня он увидит места, где родился, где играл в детские игры. Глядя на все это, он будет вспоминать свое несчастное детство, горькую юность. Постоит над могилами отцов. Кто знает, может статься, увидит Айзу, Умара и Усмана. После этого не страшно было бы и умереть.

Вспомнились товарищи по каторге: "Что сейчас, интересно, делают бывшие мне вместо сыновей Петро, Кирилл, Датико, десятки других? Наверное, они уже прибывают на лесоповал. А Николаз? Он завтра дойдет до своего села. Дай Аллах ему долгих лет. Это он привел меня домой, когда я отчаялся уже выбраться из Сибири. По милости Аллаха, и оставшиеся мои товарищи тоже выйдут из этого ада. Они молоды, и сроки у них небольшие. Может, выйдут и до истечения срока, совершат побег, как многие другие. Вернутся домой и снова будут бороться за свободу. Всемогущий Аллах, помоги им, оберегай их! Не дай пропасть им, мужественным и молодым. Они дали слово, что приедут ко мне, как только освободятся. Чтобы поддержать мой народ, уже несколько столетий бьющийся за свою свободу. Чтобы помочь мне отомстить виновным в моих несчастьях и в несчастьях моего народа..."

От воспоминаний его оторвала хозяйка, которая встала и начала хлопотать у очага. Вскоре в нем запылали дубовые дрова.

Проснувшийся хозяин оделся, взял кумган и молча вышел. Теперь можно было вставать и Али. Он тихо, будто боясь, что его заметят, натянул свои нищенские одежды, обулся в валенки и вышел. В первую очередь ему захотелось посетить кладбище. Постоять над могилами отца, матери и Лемы. Но пока этого делать было нельзя - гатиюртовцам не понравилось бы, что по их кладбищу ходит какой-то "мюжги-христианин".

Али поднялся на холм, где прошлой ночью увидел два чурта. Отсюда аул был как на ладони. Домов, построенных до его ссылки, было немного. Прежних деревьев тоже не было, они либо высохли, либо их срубили. Ореховые деревья, посаженные Али сорок лет назад, состарились и уже не плодоносили. Высохла и яблоня, посаженная им когда-то у своего окна. Время изменило все. Только солнце было прежним. Оно по-прежнему всходило на востоке и заходило на западе.

Али два раза расставался с родным краем. Но при возвращении из Турции и сейчас его обуревали разные мысли. Тогда, как ни был он беден, дома была молодая Айза

с двумя сыновьями; сам тоже был молод, жизнерадостен, верил, что не сегодня, так завтра жизнь наладится. Теперь же у него, задавленного тяжкой долей, старого, обессилевшего, доживающего последние годы, не было даже надежды на лучшие дни. Неизвестно, что с его семьей. Старость навалилась всей своей тяжестью, теперь он хотел только умереть. Но смерть не придет раньше назначенного Аллахом срока. Ему не дали пожить на своей земле, но Али так хотелось провести здесь хотя бы оставшиеся дни. Умереть под родным небом, лежать рядом с могилами дорогих людей. Али боялся, что его опять разлучат с родиной и в конце концов похоронят на чужбине. Единственное, чего он сейчас желал, это чтобы его оставили жить в какой-нибудь землянке и дали с несколько локтей земли на могилу.

Солнце взошло над хребтом. Земля, покрытая свежевыпавшим снегом, блестела серебром под его лучами. Женщины шли к роднику за водой, кто-то вел скотинку на водопой. Проходя мимо Али, они удивленно озирались на него, некоторые долго оглядывались. Понимая тщетность своих усилий, Али все же внимательно вглядывался в лица изредка проходивших пожилых женщин, в глубине души надеясь увидеть знакомые черты.

Шепча о чем-то и громко смеясь, прошли две девушки, держа на плечах медные кудалы. Али вспомнилась его горькая молодость. Дорога, по которой Айза ходила к роднику, проходила мимо сада соседей Али. Из своего окна он мог наблюдать это место. Как только возлюбленная показывалась на тропинке, влюбленный Али тут же выходил ей навстречу, и они вместе шли к роднику. Айза набирала воду, и тот же путь они проделывали обратно.

Али казалось, что то время и события тех лет на самом деле были просто сном. С тех пор прошло больше сорока лет, сегодня того Али просто не существовало. Он состарился, поседел, сгорбился, беды и лишения покрыли его лицо глубокими бороздами, в ногах появился холод...

"Будь Айза жива, интересно, узнал бы я ее? - подумал Али. - Глаза узнал бы. Они у нее были особенные, непохожие ни на чьи другие. Умные, добрые, нежные. Черные, горящие огнем любви. Их бы я узнал среди тысяч и тысяч других".

Али собрался вернуться в приютивший его дом, но, подумав, все же подошел к двум чуртам.

Каменные чурты были одинаково украшены. Умелые руки мастера изобразили на них шашки, кинжалы, ружья, револьверы и черкески. Отсутствие изображений посоха и четок говорило о том, что памятники эти были установлены воинам, молодым людям. Солнце, дожди и ветер стерли краску с арабской вязи, выведенной на камнях, но Али все же удалось прочитать написанные здесь имена. На одном чурте было имя его брата Арзу, на другом... его самого. Не веря собственным глазам, он еще и еще раз перечитывал эти имена. Ошибки не было. Эти памятники были установлены ему и Арзу.

Али зашатался на ослабевших ногах, увидев установленный себе надгробный камень. Такое бывает только во сне. А это самая что ни на есть явь. Некоторое время он стоял в оцепенении. Но это состояние внезапно сменилось радостью. Ему и Арзу кто-то установил чурты! А это значит... Это значит, что его сыновья живы. Кроме Умара и Усмана это некому сделать. Огонь любви к жизни, живущий в его сердце, запылал с новой силой.

"Странное существо человек, - подумал он. - Состарился, и нет сил ни на что, а все равно не хочется умирать. Когда существование становится невыносимым и смерть кажется более желанной, чем эта горькая действительность, стоит появиться маленькой надежде на лучшую долю, и в человеке просыпается желание жить. Он ждет завтрашнего дня, будто это завтра принесет ему что-то хорошее, будто оно спишет старческие годы и вернет молодость, будто оно очистит его от болезней и вернет здоровье, будто прогонит нищету и станет богатым. С такими сладкими мечтами человек ложится, но завтра тоже ничего не меняется. Каждый новый день

приносит новое горе, новые несчастия.

Жизнь человека похожа на горный перевал. Человек думает, что, поднявшись на вершину горы, перед ним предстанет скрытая от всех новая жизнь, там он найдет счастье жизни, и, карабкаясь наверх, расходует всю силу молодости. Но, поднявшись туда ценой лучших сорока лет жизни, находит всего лишь пустоту. Наоборот, эти прошедшие сорок лет кажутся ему счастливыми, и он с ностальгией вспоминает о былых днях, мечтая вернуть их. Потому что теперь ему предстоит еще и спуститься по той стороне высоты. Это уже дорога к старости. И внизу, у подножия горы его ждет уже смерть. И кто знает, что ему придется испытать, с чем он встретится на этом спуске? Ведь земля наша - это вместилище горя, бед и несчастий..."

"А если сыновья погибли уже после того, как установили эти камни? После моей ссылки здесь же была война. К тому времени им уже должно было быть по шестнадцать-семнадцать лет. В таком возрасте они могли пойти на войну, ведь нам с Арзу было еще меньше, когда мы взялись за оружие. Арзу - семнадцать, мне же - пятнадцать. Они не могли сидеть дома, когда в Чечне шла война. Они должны были мстить за отца, за деда и братьев отца. А если они погибли на этой войне? А если остались живы, но их захватили и угнали в Сибирь? Увижу ли я их? Великий Аллах, я смиренно приму любое твое испытание..."

Али вернулся к дому, где он провел ночь, но не стал заходить, а пошел к сараю. Он решил убрать навоз, о котором ночью упомянула хозяйка. Навоз был старательно уложен в большую кучу, видимо, чтобы удобрить ею огород. Сначала он подумал было спросить хозяйку, куда его выносить. Но, узнав его мнение, та могла воспротивиться его желанию помочь им. Заглянув в огород, он увидел небольшую кучку навоза, уже перекинутого кем-то из сарая. Было ясно, что и остальной навоз нужно переносить туда же. Али снял фуфайку, отыскал вилы и в тайне от хозяйки дома принялся за работу.

Али закончил работу и присел на ясли. Ему вдруг захотелось спуститься к Аксаю. У этой реки проводила все лето местная детвора. Местами к реке с обеих сторон подступали крутые высокие берега. Под ними образовывались глубокие заводи, на поверхности которых бурное течение образовывало буравчики. Дети постарше купались в этих заводях, малыши же резвились в мелких местах.

Искупавшись вволю, дети валялись на теплом песке или же нагишом лазили по голым отвесным берегам, выискивая гнезда птиц, чтобы поглядеть на их кладки и, если повезет, птенцов. С ранней весны до первых заморозков здесь гнездилось неисчислимое множество всевозможных птиц. Вороны, сороки, скворцы, голуби, совы, ласточки, воробьи. Они строили гнезда на крутых склонах, куда не могли добраться люди и хищники. Их крики и гам перекрывали шум Аксая.

Дети и зимой ходили играть к реке. Они спускались вниз по катку на санках и салазках, резвились на толстом льду, покрывавшем реку. Даже голод не мог их завлечь домой, они утоляли его плодами мушмулы, боярышника и шиповника, которых здесь было предостаточно.

Только Али собрался спуститься к реке, чтобы дать волю своим невеселым мыслям, как откуда-то сверху до него донесся крик:

- Слушайте, люди! Слушайте!

Али прислушался.

- После полуденной молитвы собирайтесь у мечети! Сегодня сход жителей аула. Слышите, люди, после полуденной молитвы собирайтесь на площади возле мечети! На сход!

Этот крик напомнил Али старые годы. Общественные дела аульчане обсуждали на этой площади. Там, на сходе, утверждали решение аульских старейшин. Предводитель, избранный сходом, контролировал исполнение этих решений. Он

возглавлял и боевые отряды аула. Старейшин избирали из числа самых мудрых, добродетельных, милосердных, хладнокровных, богобоязненных, добрых и набожных людей. Если между аульчанами возникала ссора, именно их мудрый приговор улаживал ее. Не было никакого кумовства, для этих судей при рассмотрении дела не существовали такие понятия, как отец, брат, сын или родственник. Даже врагу не выносился несправедливый приговор. Властью и законом для этих старцев являлись шариат и чеченский национальный адат, их целью было сохранение мира, согласия, справедливости и изобилия в ауле.

"Кто же сейчас в ауле старейшины и глава? Как они управляют аулом? Пойду-ка я на площадь!" - решил Али.

Али подождал, пока аульчане совершат полуденную молитву, и пошел к мечети. Там уже собралось много народу, но люди продолжали подходить. К площади вели четыре улицы. На одной из них у чьей-то ограды и стал Али с безразличным видом, будто не понимая ничего, но внимательно наблюдая за всем происходящим.

В Гати-Юрте уже знали о прибытии "казака". Видимо, слух этот распространился среди женщин от хозяйки дома, в котором остановился Али. Проходящие мимо люди останавливались и здоровались с ним за руку, спрашивали о житье-бытье. Беседа длилась недолго, иногда ограничиваясь двумя-тремя словами, дальше уже объяснялись жестами и мимикой.

- Как дела, мюжги? Матушка яхши? Баранчук яхши? Баранчук чорак есть? - спрашивали они, крепко пожимая его руку.

Этот "русский язык" был с давних пор распространен среди чеченцев. С самого детства владел им и Али. "Как дела, мужик? Здорова ли жена? Здоровы ли дети? Есть ли в доме, хлеб?" - спрашивали они у Али. Последний из подошедших, высокий горец с суровым лицом, после приветствий потянул его за собой:

- Пошли, русский, на сход. Наш старшина побывал вчера в Ведено, в "родном своем доме". Поглядишь, какие он привез нам подарки.

Али не последовал за ним. Он избегал расспросов. Кто знает, и старшина может изъявить желание взглянуть на его документы. Тогда люди могли узнать его.

За железной оградой мечети на длинных досках сидели старики и тихо между собой переговаривались. Остальные стояли вокруг и слушали их или же, сбившись в кучки, вели неторопливые разговоры. Как ни силился Али, он так и не смог узнать, кто из сидящих здесь стариков входит в совет старейшин, а кто избранный глава аула.

Когда люди перестали уже подходить, из стоящего особняком дома вышли несколько человек и направились к площади. Первым шел крепкий мужчина высокого роста в папахе, обмотанной белой чалмой, и в широком, с ладонь, арабском поясе. За ним мелкими шажками семенил худощавый старичок среднего роста в очках, с рыжей козлиной бородкой и с четками в руках. Первый был хаджи, об этом буквально кричал весь его облик, второй, решил Али, явно мулла. Судя по одежде и походке, двое других тоже были не из бедняков. Когда эти четверо подошли, разговоры на площади поутихли.

Один из них, толстый мужчина небольшого роста с длинной лошадиной головой, крысиным лицом, с коротко подстриженной рыжей бородой и красивыми тонкими усами, вышел вперед и поднял руку.

- Люди! - крикнул он грубым голосом. - Как вы знаете, я был вызван начальником нашего округа и вернулся от него вчера. Неспроста вызовет к себе полковник старшину, минуя пристава, это вы понимаете. Я сообщу вам, почему он меня вызвал и что сказал. Первая причина заключается в том, что наши аульчане не платят налоги. Я перечислю долги, оставшиеся на вас с прошлого года. Среди собравшихся прошел недовольный ропот:

- Мы и так знаем о своих долгах!

- Ты уже сто раз говорил о них!

- Если есть что-то новое, говори об этом, Сайд!

- Правильно говоришь, Баштиг. Нечего зря торчать на этом холоде...

- Так вы хотите нового? Хорошо, скажу и это, - Сайд достал из нагрудного кармана бешмета сложенный вчетверо листочек и заглянул в него. - Я не буду перечислять копейки. Государственный налог - восемьсот рублей. Налог на общественные нужды аула - 120 рублей. Хороших дорог на территории Гати-юрта, мостов и чистой воды в ауле вы хотите, но тратиться на это не желаете. Военный налог - 200 рублей. Если каждый аул не будет платить налоги, вы представляете, какая набирается сумма? Если вы не будете платить, как же власти будут содержать войска в Чечне?

- Пускай забирают тогда эти войска в свою Россию. Мы не приглашали их сюда, - крикнул стоящий впереди худой, бедно одетый старик небольшого роста.

- Янарка, если бы войска пришли сюда по нашему приглашению или просто в гости, они давно ушли бы. И в первую очередь из твоего двора, где нет муки даже в одну гильзу. Они без спросу явились к нам, и не уйдут по нашему желанию. Далее, за освобождение от службы в армии мы должны выплатить налог в 900 рублей. Вы отказываетесь идти в солдаты, потому что там кормят свининой, приходится спать под одной крышей с неверными, есть приготовленную ими пищу, но и платить не хотите за освобождение от этой повинности. Или платите государственный налог, или идите на японскую войну. Тому, кто идет туда на один год, власти платят 240 рублей. Это цена среднего хозяйства. Скоро год, как воюют Эламурза Арсамирзаев и Магомед Арзуев. Правда, Солта Солтханов вернулся, потеряв руку, зато он получил деньги. С сотворения мира людей забирают на войны, их калечат и убивают, причем, заметьте, им за это до сих пор никто не платил. Разве не бесплатно мы шли на турецкую войну? Мы уходили туда вчетвером, вернулись же только трое. Асхаб Хортаев принял там смерть, Солтха Сатуев потерял руку. Да, война такая вещь. Или идите на войну, или дайте деньги, чтобы властям было чем платить тем, кто воюет. И последнее. В прошлом месяце в Червленной украли двух лошадей. Их следы ведут в наш аул. Цена лошадей 200 рублей. Вы до сих пор не выплатили и эти деньги...

- Это ложный след! Все это придумали, чтобы содрать с нас деньги!

- В нашем ауле нет воров!

- Даже будь здесь воры, они не стали бы подставлять свой аул. Это сделали не наши люди.

- Будь прокляты предки тех до седьмого колена, кто это сделал!

- Тихо, люди! - крикнул Сайд, подняв обе руки. - Доша, ты сказал, что в нашем ауле нет воров. Тогда кто же стоящий рядом с тобой Хомсурка? Святой? А вон стоит Мудар, этот, наверное, ангел? На какие деньги он пьет? Разве не Хомсурка угоняет скот у затеречных казаков и ногайцев? На какие деньги он купил добротного коня и превосходное оружие? Если в течение трех месяцев аул не выплатит долги в окружную казну в сумме 2500 рублей плюс 200 рублей за кражу червленских лошадей, то с ранней весной сюда прибудут стражники и солдаты, унесут всю утварь из саклей, вдобавок кое-кого сошлют в Сибирь. Таков приказ полковника. Он говорит, что вы против царя, что гатиюртовцы отказываются повиноваться своим старшине и старейшинам, и что это бунт. Более того, полковник узнал, что Зелимхан со своей шайкой провел ночь в нашем ауле. Я вам прямо говорю, Доша, Хомсурка, не водите сюда абреков и воров, иначе вы навлечете беду на этот аул. Полковник говорит, что если такое повторится еще раз, он определит на постой в Гати-юрт казачью сотню. Тогда придется кормить их самих и их лошадей. Более того, вы прекрасно знаете, что чеченцам запрещено носить оружие, однако даже

сюда все вы явились вооруженными. Зачем вам таскать с собой оружие? С кем вы собираетесь воевать? Или кто собирается воевать с вами? Как бы это оружие не принесло вам беды. У вас не только отберут его, да еще наложат огромный штраф, да кое-кого угонят в Сибирь, а оттуда редко кто возвращается...

- Полковник, который сидит в Ведено, никогда ничего не узнает, если вы не будете доносить!

- У чеченцев должны быть те же права, что и у казаков. Мы с ними живем не только в одном государстве, но и по соседству. Чеченцам запрещают ношение оружия, казакам же не только разрешают, но и выдают бесплатно тем, у кого его нет!

- Да не шумите вы так, люди! - подняв посох, крикнул старик в чалме. - Вы что же, думаете, это Сайд выдает разрешение на ношение оружия? Он лишь передает вам слова полковника. Если вы с чем-то не согласны, идите в Ведено и орите на полковника. Что вы за люди такие? Где ваша воспитанность? Дайте человеку высказаться!

- Тихо, люди, тихо, - спокойно сказал старик, сидевший впереди. - Вы выскажетесь потом. А ты продолжай, Сайд.

Старики с недовольным видом слушали речь старшины.

- Мне нечего больше сказать. Сколько бы я ни говорил, здесь никто не хочет слушать. Я попрошу полковника, чтобы он освободил меня от этой должности и назначил другого старшину. В ауле много людей, способных занять этот пост. Хомсурка, Янарка, Доша, Баштиг. Для Гати-юрта сойдет и Мудар. Они позаботятся об ауле.

Обиженные слова Сайда не только не успокоили собравшихся, а наоборот, еще больше взбудоражили.

- Ты что, считаешь меня хуже себя?

- Мы сами выберем старшину.

- Впредь никогда не собирай нас по поводу этих налогов!

- Осточертели и эти налоги, и ты вместе с ними!

- Постойте, люди! - крикнул старик в очках, которого Али принял за муллу. - Почему мы не стыдимся хотя бы Аллаха? Почему мы не боимся хотя бы Его? Какую бы они не исповедывали веру, цари назначаются по воле Всевышнего. Именно Он даровал им власть. Тот, кто противится царю и его власти, противится Аллаху. Кто такой Сайд? Это человек, назначенный старшиной в нашем ауле властью царя, действующего с дозволения Аллаха. Сайд отвечает перед ним за наш аул, как пастух перед хозяином стада...

- Стаду нужен пастух, а не волк!

- Власть считает нас баранами!

- Спокойно, братья! Вы не признаете власть русского царя, поставленного над нами Аллахом? Вы не согласны с решением Всевышнего? Вы хотите быть в числе непокорных Его воле? Покайтесь, люди, и Аллах простит ваши грехи. Законы царя также обязательны для мусульманина, как пятикратная молитва и тридцатидневный пост. Если мы не выполним свой долг перед Аллахом и властью назначенного им царя, у нас нет даже маленькой надежды попасть в рай...

- Хватит, Хюса, ты не на проповеди в мечети.

- Эх, разнесло сегодня нашего муллу!

- Аульчане, я бы хотел сказать пару слов. Вы позволите? Пользуясь тем, что люди прервали речь муллы, в центр круга вышел высокий горец средних лет. Это был человек, который пытался затащить Али на сход.

- Ты утверждаешь, Хюси, что эта власть, пролившая столько чеченской крови, от Аллаха. Ты утверждаешь, что русский царь и назначенные им чиновники действуют по воле и с одобрения Аллаха. Пусть будет так. Этот мир, окружающая нас природа созданы Аллахом, не будь на то Его воли, всего этого не было бы. Ты рассказывал нам, что цари, хакимы должны быть справедливы к народу, заботиться о доверенных им простых людях, обеспечивать их хлебом насущным, быть с ними честными и милосердными. Ты приводил в пример халифа Умара. Сегодня же ты говоришь совсем другое. Русского царя, христианина, творящего над нами беззаконие, жестокость и несправедливость, его власть и назначенных им чиновников ты восхваляешь, тех же, кто противится этой безбожной власти, ты проклинаешь. Ты призываешь нас безропотно повиноваться этой коварной, жестокой власти, которая держит народ в рабстве?

- Аллах сам с них спросит...

- Он-то спросит, а мне что, терпеть эту жестокость?

- Мы не можем сменить царя и больших хакимов, - вставил слово один из собравшихся. - Но в своем ауле мы хозяева. Хюси, Сайд, Абди, Инарла и подобные им вкусно и сытно едят, красиво одеваются, валяются на мягких перинах и ласкают по несколько молодых жен. Мы же грызем окаменевший чурек, одеваемся в лохмотья, спим на жестких нарах и с трудом кормим единственную жену. Нам надо отказаться от назначенных властями старшин и старейшин и избрать других. Таких, которые будут вершить справедливость, поддерживать между людьми согласие, заботиться о нашем ауле.

- Правильно, Доша!

- В других аулах делают то же самое!

- Мы тоже не лыком шиты!

- Я бы хотел сказать несколько слов!

- Тихо, люди! Хомсурка хочет сказать!

- Говори, Хомсурка.

От толпы отделился человек лет сорока, чуть выше среднего роста. На украшенном серебром ремне поверх добротной, но небогатой одежды горца висел кинжал. Он провел пальцами по густым длинным усам, скользнул взглядом по лицам собравшихся и повернулся к Сайду:

- Люди! Только что этот вот Сайд назвал меня вором. Я хочу ответить ему. Ты и присутствующие здесь Панта-хаджи, Хюси, Абди, Инарла, Чонака, это вы тайно и явно грабите людей. Уважаемые наши бяччи, пусть Создатель почитает вас, у меня же в доме девять душ, за которых я в ответе. У меня нет земли, чтобы прокормить их. Участок, оставшийся от моего отца, обрабатывает Сайд. Воспользовавшись тяжелым положением нашей матери, после гибели отца оставшейся одной с малолетними голодными детьми без какой-либо помощи и крошки хлеба, отец Сайда Товсолта-хаджи выменял у нее этот участок за пуд зерна. Это знает весь аул. Я просил у Сайда вернуть этот клочок, он не соглашается, а вернуть его с помощью властей или купить другой участок я не в состоянии. Конечно, я могу вспахать отцовский участок, и у Сайда не хватило бы мужества отобрать его у меня, но он подмажет власти, и меня сошлют в Сибирь. Власть всегда за богатых. Вы украли мою землю, Сайд. Это твой отец Товсолта был вором, и ты вор! Не я! У кого, что я украл, на какой краже ты меня поймал?

- Ах-ах-ах! Ты что, думаешь, у воров рога на голове растут? Разве не ты воруешь

скот и лошадей у казаков, ногайцев, кумыков и продаешь их в Ичкерии и Андах?

- Я не крал ни скот, ни даже крошки ни у ногайцев, ни у кумыков. Я угонял скот у затеречных богатых казаков, которые, подобно тебе, пьют кровь бедняков. Вернее говоря, я получал скот у бедных казаков, которые похищали его у своих богачей, перегонял в горы и продавал. Так я пытаюсь прокормить семью. Из-за меня и моих товарищей не пострадал ни один аул. Правда, был один случай, но мы с лихвой возместили убытки пострадавшему аулу. Не знаю, как на это посмотрят муллы, Хюси, но я вот что подумал. Несправедливо и не по-мужски получается, когда мои друзья-казаки вручают мне скот своих богачей, а я хожу к ним с пустыми руками. На удар ответь ударом, на подарок - подарком, говорят в народе. Так вот, надо будет мне, наверное, перегонять за Терек и скот подобных тебе зажиточных чеченцев. Благо, у вас его много...

- И куда бы ты скрылся от нас, Хомсурка?

- А никуда и не скрылся бы, Инарла, просто ушел бы к Зелимхану.

- И меня с собой возьми, Хомсурка!

- Зелимхану не нужны воры, вроде Хомсурки, и алкоголики, вроде тебя, Мудар! - Еще два слова, - добавил Хомсурка, заканчивая речь. - Сайд, или уговори власти отменить штраф в 200 рублей, несправедливо наложенный на наш аул, или найди виновного, и пусть он платит. Если у вас, у богачей, нет мужества сделать это, платите из своего кармана. С сегодняшнего дня не упоминай на людях мое имя даже с добрыми намерениями. И не трави на меня власти. Я ухожу отсюда.

Уже уходящего Хомсурку и нескольких аульчан, последовавших за ним, остановил человек лет пятидесяти с коротко стриженой бородой и усами, одетый в европейский костюм.

- Хомсурка, подождите немного. Я не отниму у вас много времени.

Хомсурка и другие нехотя остановились. Подождав, пока утихнет шум, человек спокойно, без крика и жестикуляций, заговорил:

- Аульчане, братья! Я бы хотел высказать свое мнение по поводу состоявшихся здесь разговоров. Сайд высказал то, что поручил ему начальник округа. По этому делу мне нечего добавить, кроме того, что власти творят большое беззаконие. Ну а по поводу спора Хюси и Хомсурки мне хотелось бы сказать пару слов. Хюси, ты алим, носишь звание кадия аула. Ты и подобные тебе должны доносить до людей правдивое слово Божье без изменений, чтобы оно запечатлелось в сердцах верующих, чтобы они поняли истинный смысл Божественного Писания. Сегодня ты от имени Аллаха врал этим людям, неправильно толкуя им Коран. Аллах призывает нас быть послушными и покорными царям, чиновникам и провозглашенной ими власти, если они сами в своих делах покорны Создателю, пекутся о благе народа, укрепляют среди подданных мир и согласие, творят добро и справедливость. Но если цари, чиновники и власть творят беззаконие, притесняют народ, если они не пресекают, а поощряют зло и несправедливость, Аллах призывает нас не подчиняться им, восстать и отобрать у них власть, а на их место усадить чистых, честных, милосердных царей и хакимов. Цари, хакимы и власть, которые правят нами сегодня, давно сошли с пути указанного Аллахом. Они держат народы в рабстве, притесняют бедный люд, они несправедливы, коварны и жестоки. Поэтому и русский народ, и другие народы не хотят жить под этой властью, они восстают против нее. А ты грозишь адом и гневом Божьим тем, кто не доволен царем и местной властью. Ты говоришь явную неправду.

- Ох, как же ты прав, Овхад!

- Да возблагодарит тебя Аллах!

- Русский царь хорош для таких, как Хюси...

- Поэтому они стоят за него горой...

- Дай Аллах, чтоб и в аду они были вместе...

- Ты же, Хомсурка, тоже вышел на неправильный, на неодобряемый Аллахом путь. Все, что ты заработаешь на этом пути, является недозволенным для тебя, твоей семьи и кого бы то ни было. Следование по этому пути принесет тебе и окружающим только зло. Ты говоришь, что во всем виновата нищета. Что ты крадешь не у мусульман, а у христиан, казаков. А Аллах ведь запрещает прикасаться к чужой собственности, независимо от вероисповедания собственника. Я не прощу и не имею права прощать грехи тех, кто присвоил чужое имущество, говорит Аллах. Даже умирая от голода, не спасай свою жизнь воровством. В такой ситуации человеку дозволяется есть свинину, мясо павшего скота, животных и птиц, но трогать чужое нельзя. Когда нищета, болезни и голод свалят тебя, все равно не воруй, проси милостыню. Воровство позорно и грешно, а просить подаяние ничуть не зазорно. Наши соседи дагестанцы приходят к нам просить подаяние, но не ходят воровать. Эти казаки проливают пот, выращивая скот, который вы угоняете. У них тоже, как и у тебя, есть дети. Их тоже нужно одеть, обуть и прокормить. Почему нет сострадания к ним? За это же придется отвечать в Судный день...

- Наверное, ты печешься о брате, боясь, что ограбят его магазин, или опасаешься за скот Сайда, Хюси, Инарлы и им подобных? Поэтому и читаешь эти проповеди? - крикнул Хомсурка.

- Ограбите вы моего брата или угоните скот других, это вовсе не мое дело, Хомсурка. Они такие же мужчины, как и ты, и сами позаботятся о своем магазине и скоте. Если вы все же совершите кражу, они, если у них хватит мужества, заставят вернуть свое. Это ваши с ними дела. А за кражу скота казаков, ногайцев и кумыков с вас спросит Аллах и жестоко за это покарает. Это бесспорно. Я же хочу сказать о другом. Русские газеты с удовольствием пишут о мельчайших проступках чеченцев. Они трубят о кражах, грабежах, убийствах, словом, обо всем, что может скомпрометировать чеченцев в глазах других народов. Они с упоением извращают факты, раздувают до вселенских масштабов любую мелочь. Но почти под каждым приводимым ими фактом бывает какая-то основа. Некоторые наши люди совершают кражи, грабежи, иногда и убийства. И по отношению к соседям, и между собой. Злодеяния, совершаемые тобой и подобными тебе, создают негативное мнение обо всем чеченском народе. Ваши дела позорят наш народ перед другими народами, возбуждают к нему ненависть и недоверие. Вы, наносите большой вред своему народу. Многие чеченцы, придавленные нищетой, ежегодно уходят к казакам за Терек батрачить. Они поступают так, чтобы не последовать за вами. Некоторые из них строят хутора и временно остаются там жить. Из-за ваших дел начальник области издал приказ, по которому чеченцев, честно работающих там, будут гнать обратно, а хутора их - уничтожать. Всякого чеченца, у которого на руках не будет бумаги от старшины аула или пристава, и у кого окажется с собой оружие, схватят и бросят в темницу. Кто пожалеет этих несчастных? Разве ты и подобные тебе не совершили зло по отношению к ним? Живой пример - наш односельчанин, сын Болага. Вот видишь, Хомсурка, этими своими кражами и грабежами вы, во-первых, совершаете тяжкие грехи перед Аллахом, во-вторых, позорите свой народ, а в-третьих, наносите ущерб своим сородичам, которые честно трудятся вдали от дома. Я не говорю, что лошадей, следы которых ведут в Гати-юрт, похитил ты. Но зная, что в этом ауле живет вор, злоумышленники специально подставили нас. Тебе нужно оставить эти недостойные дела и начинать честную жизнь...

Али почему-то показалось, что эти слова не произвели на Хомсурку никакого впечатления.

- Тебе легко так говорить, - кричал он. - У вас есть свой магазин, мельницы, пилорама. А я беден, Овхад. Будь у меня такое состояние, как у вас, и я бы не пошел по этому пути!

- Хомсурка, я не владею ничем, кроме собственных рук. То, что ты перечислил, принадлежит моему брату Абди. Мне не нужно из всего этого ничего. И не надо строить из себя нищего. Ты не нищий. У тебя есть хороший конь и оружие. Ты одет лучше, чем я. Кражи и грабежи за Тереком совершают вовсе не бедняки, им это не по силам. Бедные в поте лица трудятся на своих клочках земли, ухаживают за скотом, кто-то ищет работу у терских казаков. Словом, еле сводят концы с концами. Чтобы угнать чужой скот, нужны крепкий конь и надежное оружие. Голодный человек крадет хлеб, он не угоняет скот и лошадей, не грабит почту.

Когда Овхад припер его к стенке, Хомсурка повернулся к Сайду:

- А ты, Сайд, верни отцовский участок подобру-поздорову. Я все равно вспашу его этой весной.

- Надоел ты с этим участком. Был бы какой-то участок. Жалкий клочок величиной с ладонь. Мой отец купил его за гирду кукурузы в те времена, когда за эту гирду люди давали корову. Купил, потому что твоя мать буквально молила его об этом, обливаясь слезами. Я бы вернул тебе его, если бы ты был беден и попросил бы об этом, не угрожая каждый раз. Но сейчас не отдам. Продай коня, оружие, выплати мне цену коровы и забирай. Ты убьешь двух зайцев - и земля у тебя будет, и красть перестанешь.

Один из присутствующих рвался вперед, пытаясь что-то сказать. В конце концов ему дали слово.

- Говори, Абди.

- В нашем ауле есть люди, которые хотят попрекнуть меня магазином, мельницей и пилорамой. Их нам построили не гатиюртовцы, и с небес они не свалились. Мой отец и вся наша семья трудились годы, чтобы воздвигнуть их. Кто же вам запрещает делать то же самое? В долине Аксая есть место для сотен мельниц и пилорам. И дома у вас есть, что-бы открыть в них магазины. Давайте. Чего вы ждете? Хорошо, допустим, закрою я свою мельницу, пилораму и магазин. Где вы будете молоть зерно, распиливать лес для строек, где будете покупать ткани, одежду, посуду, инструменты, другие необходимые товары? В другие аулы будете ходить? Разве люди, которые ни разу в жизни не побывали даже за Военной дорогой, не знают ни одной буквы, у которых нет даже пятака на паром, разве эти люди смогут привозить товары из Москвы, Петербурга, Ростова? Хорошо, построят они мельницу и пилораму, откроют магазины. И тогда что, они будут раздавать товар бесплатно? Или бесплатно будут молоть зерно? Бесплатно распиливать лес? Я-то еще самым неимущим и зерно перемалываю бесплатно, и бревна распиливаю, и из магазина кое-какую мелочь даю. Но ведь те, кто клевещет на меня, не сделают и этого. Приближалось время послеобеденной молитвы. Люди потихоньку стали покидать площадь. Последними поднялись старики.

- Вы-то что скажете, Лорса? - обратился к ним Сайд. - Я-то только старшина. Но все проблемы аула решать все равно вам. Завтра придет какой-нибудь хаким и прикажет мне собрать старейшин.

Лорса ответил сразу.

- Мы не избранные старейшины, Сайд, чтобы держать ответ за аул. Наши имена назвали только ты да пристав. И ты прекрасно знаешь, что односельчане не будут прислушиваться к нашим словам, а заставить их подчиниться у нас нет сил. Вам нечего спрашивать с нас. Второе. Чтобы выплатить перечисленные тобой долги, каждый двор должен будет продать по одной корове. У многих же не только коровы, даже козы нет. Если люди продадут единственную корову или вола, что прикажешь им делать дальше? Людям и так есть нечего. Да и долги наши не могут быть такими большими. Сдается нам, что ты хочешь погреть на этом руки. Сайд, терпение людей кончилось, народ ожесточился. А тут еще и ты наседаешь. Будь терпеливей и осторожней.

Старики попрощались друг с другом и, опираясь на неизменные свои посохи, разбрелись по домам.

ГЛАВА VI ПОСЛЕДНИЕ РАНЫ

Я глаз твоих прежнего блеска не вижу, Когда он впервые меня согревал, Когда я счастливым себя почитал, Когда возносил он меня в небеса! Скажи, неужель не осталось с тобой И тепла, с чем в облаках мы парили? Ведь сердце без устали молодость кличет, И прошлого искру горящую просит...

М. Мамакаев

В молодости Али часто слышал от стариков, что чеченцы до войны с русскими были честными, набожными, милосердными, терпеливыми, жили в мире, согласии и единстве. Традиции и обычаи, о которых говорили старцы, в большинстве своем были уничтожены разрухой и жестокостью военного лихолетья, от сохранившихся же обычаев остались только жалкие тени.

Война - это жестокость. Война не рождает, а убивает. Война не строит, а разрушает. Не выращивает хлеб и скот, а уничтожает. Все, что создано мирными людьми с любовью, мудростью, терпением в поте лица на протяжении веков и тысячелетий, война безжалостно разрушает. Война оставляет за собой сирот, плачущих матерей, калек. Война приучает, подталкивает людей к злу, коварству, жестокости. Честный, добрый, милосердный человек, не обидевший до этого муху, приучается убивать себе подобных. Чтобы спасти свою жизнь, он вынужден стрелять во врага, идущего на него с оружием в руках. В первый раз очень трудно лишать человека жизни, но сердце человека, сделавшего это однажды, грубеет и ожесточается, привыкает к крови и насилию. Человек, до сих пор даже в мыслях не желавший чужого, приучается воровать и грабить, чтобы спасти от голодной смерти себя и свою семью. Иные, пользуясь народным горем, набивают мошну. Война во многих людях убивает все самое лучшее, человечное, доброе и взращивает на их месте бесчеловечную дикость. Сама же война превращается в ремесло, в смысл жизни иных людей. Они отвыкают от плуга, косы, других орудий мирной жизни. Они не хотят расставаться с оружием, именно оружием хотят добывать хлеб.

Во время войны и после нее все усилия администрации были направлены на то, чтобы разрушить единство чеченцев, уничтожить их обычаи и религиозность. И власти преуспели на этом поприще. Во многом с этой целью в Чечне расселили более ста тысяч русских. Чеченцы многое переняли у них. Но не полезное и благородное, а самые вредные, жестокие, подлые черты. Именно для такого влияния и привезли власти в эти края русских. Более того, во время войны и в последующие годы в Чечне осело много аварцев, осетин, грузин, черкесов, кабардинцев и так далее. Когда-то чистая кровь чеченцев перемешалась с их кровью, что неминуемо повлияло на нравы и обычаи.

Сегодняшний сход отчетливо показал, что чеченцы растеряли завещанные им отцами обычаи и традиции. Здесь обнажилась разобщенность людей. Взаимная нелюбовь, алчность, спесь, неуважение друг к другу. Али больше всего огорчило отсутствие у людей страха перед Аллахом, хотя они и совершали молитвы. Будь они по-настоящему богобоязненными, не стали бы воровать, присваивать чужое имущество, грабить и убивать. Их сердца были бы чисты от ненависти, зависти, гордыни, алчности. Они были бы терпеливыми, милосердными, отзывчивыми к чужому горю, между ними царило бы согласие.

В дни молодости Али на аульском сходе всегда соблюдали порядок и дисциплину. Каждый знал свое место. Без разрешения избранного главы аула никто не позволял себе высказываться. Каждого выступающего внимательно слушали, никогда не прерывали. А любое решение схода исполнялось неукоснительно.

На сегодняшнем же сходе всего этого не было. На старцев никто не обращал внимания, неясно было, кто руководит аулом, кто входит в совет старейшин. Никто не слушал выступающих, все кричали друг на друга. Единственный человек, который говорил мудрые, полезные слова, это тот, которого люди называли

Овхадом. Все остальные только и делали, что сыпали взаимные угрозы и оскорбления.

Словом, за эти сорок лет жители Гати-юрта ничуть не изменились в лучшую сторону, наоборот, стали намного хуже. И в других аулах Чечни наверняка то же самое.

Время и власти безжалостно поработали над этим народом, отбирая у него все самые лучшие качества...

Только вечером увидел Али приютившего его горца. Еще с утра он ушел пасти овец (сегодня была его очередь) и вернулся только вечером. Узнав, что гость выгреб навоз из хлева, он набросился на жену.

- В чем же я виновата? - заплакала та. - Клянусь всеми святыми, я узнала об этом только в полдень. Я оттаскивала его, но он не послушался. Зная, что ты будешь винить меня, я сделала все, чтобы он не убирал этот навоз, будь он неладен.

Видя, что хозяина все больше разносит, Али поспешил успокоить его. Он сказал, что хозяйка ни в чем не виновата, что он заскучал от безделья и втайне от его жены решил немного поработать.

Али рассказал хозяину о том, что побывал на сходе, но об услышанном там не промолвил ни слова.

- Не нужно ходить туда, чтобы узнать, о чем будет говорить старшина, - махнул рукой тот. - Надо платить налоги и штрафы, иначе придут стражники и унесут все из аула. А налогов этих под разными названиями и не сосчитать. Споткнешься где-нибудь на дороге, тут же налагают штраф. Каждого приезжающего и проезжающего хакима надо кормить, обеспечить лошадьми и повозкой для передвижения. Мои волы почти всегда работают не на меня, а на эту власть. Корова моя сорвалась в пропасть в прошлом году, оставшийся от нее теленок отелится только в будущем году, а детям нужно молоко. На мне налог в пятьдесят рублей. Старшина и писарь с завидным постоянством посещают мой двор, требуя его погашения. Откуда я возьму такие деньги? Волов продавать нельзя, без них я как без рук. В прошлом году явился пристав со стражниками и в счет налога унес из дома медный кудал и старый ковер. У меня не осталось ничего, что можно было бы продать. Когда попытались унести старое отцовское оружие, я воспротивился. В отместку они списали только половину налога, вдобавок забрали пестрый войлочный ковер. Жена, подай-ка мне чеснок, миску и скалку.

Али почему-то чувствовал себя в этом доме уютно, как среди своих. Ему приятно было видеть яркие языки огня в очаге, слышать бульканье воды в чугунном котле. Хозяйка готовила галушки из кукурузной муки. Она соорудила из теста что-то вроде башни. Отламывая от него кусочки, придавливала их руками и откладывала в сторону. Трое младших детей возились у очага, пытаясь испечь на углях кусочки теста, выпрошенные у матери.

- Даже в самый урожайный год хлеба со своей земли нашей семье еле-еле хватает на зиму, - рассказывал хозяин, очищая чеснок. - Иные аульчане, чтобы прокормить зимой одну корову и пару волов, уходят к низовьям Терека. Несколько человек объединяются и арендуют пастбища, а иногда и пахотные земли. Кто-то обрабатывает чужую землю в счет оплаты частью будущего урожая. Нелегко в наше время покидать семью на несколько месяцев. Жизнь заставляет. Сейчас, говорят, и это запретил какой-то большой хаким из Владикавказа. Ты сам видишь, в каком положении эти дети. Всю зиму им приходится сидеть у очага - мне не во что их одеть и обуть. Еле сводишь концы с концами, а тут еще эти налоги. Да еще частенько поселяют в ауле солдат, их тоже приходится кормить аульчанам, которым и самим-то есть нечего. Ладно, жили бы себе тихо эти солдаты, кое-как прокормили бы. Но это же не люди. Грязные, невоспитанные. Свиньи, самые настоящие свиньи. В каждый двор определяют по два-три человека. Ходят, лазят везде, как у себя дома. Жрут все подряд, забирают любую понравившуюся вещь.

Вдобавок, ты должен отдать в их распоряжение свою лошадь, волов, телегу. А твои дела подождут. После их ухода не услышишь в селе кудахтанья кур и петушиного кукареканья. Всю птицу съедают. Грязно ругаются. Хорошо еще, что женщины и дети не понимают их языка. Или терпи все это, как последний трус, или бейся с ними до смерти. Иногда приходит мысль взять оружие, подняться против этой власти, уйти к Зелимхану. Но приходится терпеть ради малых детей.

Али уже несколько раз за сегодняшний день слышал имя Зелимхана.

- Кто такой этот Зелимхан?

Хозяин удивленно посмотрел на гостя.

- Ты не слышал о Зелимхане из Харачоя?

Али растерялся. Если Зелимхан так знаменит, о нем не могли не слышать в Червленной. Такая неосведомленность могла выдать его.

- Слышать-то я о нем слышал, но в наших краях о нем ходят разные толки.

- Ты спрашиваешь, кто такой Зелимхан? Зелимхан абрек. С ним самые храбрые горцы - чеченцы и ингуши. Он поднялся против царской власти, он мстит ее жестоким, коварным хакимам, заботится о бедных и несчастных. Вот таков Зелимхан Харачойский!

Когда поели и сели отдохнуть, Али начал осторожно расспрашивать о своей семье.

- Сорок лет назад я жил в достатке. У меня были кузня, хорошая земля, две лошади, скот. В те времена я часто бывал в этом ауле, продавал кое-какие инструменты, чинил телеги, плуги. Примерно в этой части аула был у меня друг, у которого я всегда останавливался. По возвращению из Турции, где он провел год, его арестовали и сослали в Сибирь. В это же время разладились и мои дела. Чтобы прокормить семью, мне пришлось скитаться по Дону и Кубани. С тех пор мы с ним не виделись, не знаем ничего друг о друге.

Хозяин удивленно слушал гостя. Было видно, что он силится что-то вспомнить.

- Как звали твоего друга?

- Его имя...- уставился в потолок Али, будто копаясь в памяти. - Кажется, его звали Али. Помню, у него был старший брат. Его убили в Турции.

- Когда ты вчера назвал свое имя, я долго думал, пытаясь вспомнить, где я мог его слышать. Сейчас вспомнил. Когда-то в детстве я слышал от матери, что сюда приезжал кузнец по имени Андрий из Червленной. Она говорила, что этот казак много помогал им. Значит, это был ты.

Он внимательно посмотрел на Али, будто видя его в первый раз.

- Тогда, может, ты знаешь, что стало с моим другом Али?

- Он пропал без вести в Сибири, вот уже тридцать восемь лет от него нет никаких вестей.

- У него были жена и двое сыновей. Что сталось с ними?

- Кое-кто здравствует и поныне. Сердце Али радостно забилось.

- Где они? В этом ауле?

- Конечно. Я его младший сын, а... Хозяин заметил, как побелело лицо гостя.

- Что с тобой? - вскочил он. - Скорее, жена, неси воду.

- Не надо, - Али медленно отодвинул руку хозяина. - Это у меня с головой. Иногда схватывает, но быстро отпускает. Уже прошло. А ты рассказывай. Как тебя зовут?

- Усман.

- Да-да, их звали Умар и Усман. А Умар где? Лицо Усмана изменилось.

- Его нет.

На сердце Али появилась еще одна рана, но наученный жизнью терпению, он выдержал и это.

- Как это произошло?

- Он был с Алибеком-Хаджи. Воевал до последнего дня. Был тяжело ранен. После подавления восстания в ауле начались аресты. Он попытался бежать, чтобы не попасть в руки солдат. В стычке с ними Умар принял смерть.

На некоторое время оба замолчали.

- У Али были невестка - вдова брата и племянник. Что с ними?

- Невестка умерла пять лет назад. Племянник жив. Некоторое время назад он вместе с двумя аульчанами ушел на японскую войну.

Гость притих.

- Почему вы покинули место, где стоял отцовский дом?

- Это место было для нас несчастным. Дом, построенный там моим дедом, потом и отцовский дом сожгли русские. Ладно, тогда-то была война. Но и дом, который отец возвел второй раз, тоже сожгли. Люди советовали нам поменять место. Вот мы и покинули этот участок.

- Как звали вашу мать? - спросил Али.

- Айза.

- Она жива? Состарилась, наверное? Она живет не с тобой?

- Нет. Она замужем.

Этими словами Усман, словно кинжалом, проткнул сердце Али. Ему показалось, что последние несколько волосинок на его голове, до сих пор не поддававшиеся времени, в один миг поседели, спина еще больше сгорбилась. Много горя и лишений испытал он в своей жизни. Но прошел через все это достойно. Ни один человек в этом огромном мире не мог в чем-либо его упрекнуть. Теперь же, на краю могилы, он опозорен - его жена вышла замуж при живом муже. Его сердце, ни разу не дрогнувшее в самые тяжелые моменты, беспомощно сжалось от слов сына.

"Эх, Айза, Айза! Лучше б мне застать тебя мертвой. Или лучше бы мне умереть в далекой Сибири... Потерпи, Али, немного тебе осталось испытаний на этой земле", - сказал он самому себе.

Усман притих, наблюдая за замолчавшим гостем.

- Усман, может, мать стала тебе обузой? Почему она вышла замуж, имея взрослого сына, не зная, жив ее муж или нет?

- Мать никому не может стать обузой. Я и тогда любил ее, люблю и сейчас. Отца же моего она не забывает ни на одну минуту. Она с трудом растила меня и Умара. Потом погиб Умар, и я остался у нее один. После этого прошло десять лет. В нашем ауле жил хороший, добрый человек. Он был вдовцом. Так получилось, что

люди засватали за него мою мать. Говорили, что это одобрял наш дед по матери. В эти дни мать ходила хмурая, беспомощная, с вечно заплаканными глазами. Однажды дед вызвал меня к себе. "Я знаю, тебе не понравятся мои слова, - сказал он, - неприлично говорить с сыном о замужестве матери. Но я должен сказать тебе это. Айзу сватают за нашего односельчанина Ахмада Акболатова. Я и Айза отвергли это предложение. Но люди привлекли к этому сватовству моего устаза. Шариат и чеченский адат разрешают женщине выходить замуж по истечении некоторого времени, если муж умер или пропал без вести. Здесь нет ничего зазорного. Твоя мать погубила всю свою молодость, поднимая тебя и брата. Умершие не возвращаются, а живым надо жить. Ты остался один, у тебя никого нет. Бывают братья и сестры, пусть и не по отцу. Я бы хотел, чтобы и у тебя были брат, сестра по матери. Айза даже и слышать не хочет ни о каком замужестве. Сегодня устаз пришлет ко мне человека просить моего согласия на этот брак. Я не могу отказать своему устазу, но и не хочу что-либо предпринимать без твоего согласия". Как ни тяжело мне было, но я не стал противиться деду.

- Она замужем за Ахмадом?

- Да.

Али задумался...

Ему вспомнился жаркий день последнего лета войны. Герзельская равнина, густо заросшая кустарниками с ядовитыми шипами. Неожиданное наступление на Кошкельды конных отрядов генерала Баклана. Двести чеченцев должны были задержать это войско, пока женщины и дети из близлежащих аулов не уйдут в другие аулы и пока основные чеченские силы не укрепятся на хребте за Герзелем и Кошкельдами. Среди этих двухсот был и Али. В полдень начали бить пушки, разрывы ядер срывали с корнями и высоко подкидывали кусты. Загорелись дома кошкельдинцев. Укрыв в чаще на высотке единственные две пушки так, чтобы их без труда можно было забрать при отступлении, и, привязав в необстреливаемом месте коней, чеченцы стали ждать атаки.

После двух часов беспрерывной канонады, стрельба поутихла. По перепаханному ядрами полю широкой линией пошла вперед пехота. Бой барабанов становился с каждой минутой все ближе и ближе. На ярком солнце блестели штыки на солдатских винтовках и золотые погоны на плечах офицеров. Когда враг подошел на достаточное расстояние, стали бить две чеченские пушки, набитые мелкими камешками вместо картечи. Первые ряды наступающих стали падать под меткими выстрелами чеченцев. Но атакующие упорно шли вперед, будто не замечая огня противника. Временами останавливаясь и производя дружный залп, они, словно муравьи, все лезли и лезли вперед. В маленьком чеченском отряде были уже убитые и раненые. Одни относили их за хребет, другие сдерживали врага. Наконец чеченцы пошли врукопашную. Выстрелы замолкли, заскрежетала сталь.

Молча падали убитые и раненые с обеих сторон. Но Али и его товарищи не отступали. Они не могли отступать, за их спинами были женщины и дети. Враг не должен был пройти, пока они не будут в безопасном месте. Али видел, как двое солдат подняли на штыки и отбросили в сторону аллеройского Вару; как мескетинский Эдал вспорол брюхо одному из этих солдат, другого свалил выстрелом в грудь и поднял Вару на коня. Потоки крови, стоны, дым, сверкающие кинжалы и штыки, ржание коней...

Солдаты потихоньку отступали. Но вдали из-за кустов показались идущие рысью всадники. Чеченцы отступили в овраг, прихватив свои пушки, и вскочили на коней. Их оставалось меньше ста человек, на одного из них приходилось больше десятка врагов. Но враг не должен был пройти еще в течение часа.

Теперь они сражались верхом на своих конях. Рядом с Али отчаянно бился Ахмад Акболатов. В каждой руке у него - по сабле. Он косит врагов слева и справа. Конь Али падает, нога его застревает под трупом четвероногого друга. Али пытается освободить ногу, и в это время пуля вонзается ему в плечо. Убрав за ремень еще

дымящийся револьвер, рыжий всадник поднимает саблю. Али прощается с жизнью. Но в эту минуту голова рыжего слетает с плеч. "Спокойно, Али! Лезь на моего коня!" - кричит Ахмад. Али пытается вскочить на коня, но у него не хватает сил. Тогда Ахмад хватает его своими сильными руками, поднимает и укладывает перед собой поперек коня.

Что было дальше, Али так и не узнал. Когда он очнулся глубокой ночью, рядом с ним сидели Арзу, Маккал и Ахмад Акболатов с висящей на шее раненой рукой...

Али тяжело вздохнул и взглянул на Усмана. Он не мог узнать, о чем тот думал, что вспомнилось ему. Но сын тоже сидел, опустив голову на ладонь и с грустью на лице.

Ахмад Акболатов не был ни родственником Али, ни другом в полном смысле слова, только односельчанин. Но это был настоящий конах, надежный, верный товарищ в любом деле.

- Что за человек этот Ахмад? - спросил Али.

- Хороший человек. Ко мне относится как к сыну.

- А Айза довольна им и своим замужеством?

- Он и с матерью добр, и со всеми. Но моя мать глубоко несчастна. Каждый раз, приходя к нам, она уходит к месту, где мы жили раньше, садится на холмик, оставшийся от дома, и долго плачет. Она не может забыть моего отца. Но и с Ахмадом ладит. Говорят, когда-то в бою Ахмад спас от смерти моего отца. Я почитаю его и поэтому тоже.

"Эх, Айза, Айза! Как долго мы мечтали соединить свои судьбы, но каким же недолгим было наше счастье. И не потому мы расстались с тобой, что прошла наша любовь, наше влечение друг к другу... Что делать, такая уж у нас судьба", - думал Али.

Ему очень захотелось ее увидеть. Женщину, подарившую ему свою молодость, любовь, делившую с ним все трудности недолгой, но тяжелой совместной жизни. Но как же ее увидеть? К ним в дом никак не пойдешь, и сюда позвать нельзя. Но увидеть ее нужно, чего бы это ни стоило. Али казалось, что адская боль в его истерзанном сердце смягчится, как только он увидит Айзу, услышит ее голос. Ему казалось, что ровно половину этой боли, этой неимоверно тяжелой ноши она заберет себе.

- А далеко она живет?

- Нет. Между нами всего несколько дворов.

- Там у нее есть дети?

- Есть. Сын и дочь.

"Это хорошо. Значит, у моего сына есть брат. Но эти дети создают огромную пропасть между мной и Айзой".

- Она согласилась бы прийти сюда?

- Почему нет?

- Я много раз ел пищу, приготовленную ее руками, много раз останавливался в ее доме. Может быть, она и узнала бы меня. Скажи ей, что казак из Червленной по имени Андрий хочет ее увидеть.

- Конечно, - хозяин повернулся к жене. - Сходи к матери и пригласи ее к нам. Скажи, что ее хочет видеть казак по имени Андрий из Червленной.

Хозяйка торопливо вышла. Усман стал рассказывать о тяжелой жизни горцев. Али молча слушал его, но не слышал ни одного слова. Он смотрел на дверь, с трудом сдерживая бешеное биение сердца.

Али смотрел на дверь и внимательно прислушивался, не раздастся ли во дворе топот ног. Ему казалось, что он слышит веселый голос Айзы, ее жизнерадостный смех. С каждым мгновением усиливалось биение сердца. Слова Усмана с трудом доходили до его сознания. Али пришлось сделать над собой усилие, чтобы заставить себя слушать хозяина.

- Тяжела наша жизнь, Андрий. Земли мало. А в ней все наше богатство. У чеченцев были плодородные земли у Терека и Сунжи. Но их отобрал царь и подарил вашим казакам. Десятки тысяч чеченцев переселились оттуда в горы. Это еще более усугубило ситуацию. С тех пор мы и ютимся в этой тесноте.

- Ты не во всем прав, Усман, - прервал его Али. - Да, на ваши земли поселили казаков. Но они получают ее ценой собственной крови. Царь дает им земли, но они за это должны воевать за него. Да и не у всех казаков есть земли. Более половины из них не имеют ни земли, ни скота. У генералов, офицеров и богачей же сотни тысяч десятин земли. Неимущие казаки батрачат на них. А отобранную у вас землю подарили не только казакам. Ее подарили и представителям вашего народа, помогавшим русским завоевать этот край.

- Может быть и так. Мой клочок земли уместится под шапкой, а все угодья нашего аула в руках десятка человек.

- Как они достались им?

- Купили на деньги, заработанные предательством, рабским угодничеством, разбоем и грабежом народа. У кого купили? У вдов, оставшихся с малолетними детьми после гибели мужей на войне. У обессилевших женщин, не имевших возможности обрабатывать ее, которым нужно было спасать детей от голодной смерти. Купили за пуд зерна, а то и меньше. Или захватывали их обманом и угрозами. А иные земли, как ты сказал, подарила власть.

Али много повидал несправедливости и коварства и в Турции, и в России. Но он не мог допустить мысли, что такое возможно среди его народа, на протяжении веков восхищавшего всех своей культурой, честностью, добротой. Ему вспомнились слова Петро: "Чеченцы, до появления русских, жившие без князей и богачей, не знали, что такое несправедливость, предательство, жестокость. Теперь же узнаете их и вы. И вы разделитесь на две части: на богатых и бедных. Первые будут эксплуатировать, держать в рабстве вторых. Богатых меньше, но на их стороне царь, государство, религия, армия. При возвращении на родину ты все это увидишь своими глазами". Тогда, два месяца назад, он не поверил словам Петро. Оказывается, его молодой друг знал, о чем говорил.

- Кто же эти враги Божьи?

- О чем ты говоришь, Андрий? - засмеялся Усман. - Какие враги Божьи? Они не считают, что делают что-то противное Богу. Они мнят себя Его лучшими друзьями. Панта-хаджи, Хюси-мулла, Абди, Сайд, Инарла, Чонака... У нас много таких, чей голод не утолил бы весь этот огромный мир!

"И ислам, и христианство проповедуют, что Бог создал людей свободными и равноправными, они одинаково могут пользоваться дарами природы. Природа, земля общие, никто, говорит Бог, не имеет на нее прав больше, чем другие. Никто не может присваивать их себе. Он говорит, что дал всем одинаковые права и свободу, требует соблюдения справедливости между людьми. Сильные не должны притеснять слабых и беззащитных. Иначе Он строго спросит с них и жестоко накажет за ослушание. Но наши муллы и попы отошли от слова Божьего, они сделали религию орудием порабощения и угнетения бедных. Они провозгласили власть царя и богачей божественной, их самих - избранниками Божьими.

Призывают народы безропотно повиноваться им, обещая взамен загробный рай. Сами же стремятся устроить себе рай в этой жизни, не очень заботясь о жизни загробной", - рассказывал Петро. Выступление Хюси-муллы на сегодняшнем сходе подтверждало его слова.

Али услышал топот ног и женские голоса во дворе. Он ожидал, что в двери войдет его молодая Айза, такая же, как тридцать восемь лет назад. Но вошла совершенно другая женщина - сгорбившаяся старуха с посохом в руке...

Прислонив посох у двери, она поздоровалась с гостем и села на мягкое сиденье из овчины.

- Скажи ему, Усман, что я очень рада увидеть друга твоего отца, и что я благодарна ему за то, что он не забыл нас.

- Я никогда не забывал Али, вас, всю вашу семью. Я давно мечтал встретиться с вами. Но обстоятельства бывают сильнее нас. Все то время, что мы не виделись, я был далеко от этих мест. Годы и жизнь состарили нас. Встретившись в другом месте, мы и не узнали бы друг друга.

- Это правда, Андрий. Мы не виделись около сорока лет. Но я никогда не забывала, как ты помог мне и Али, когда мы приехали в Червленную, продать наш нехитрый товар. Казаки хотели побить нас, но заступился Корней. Ты отвел нас к себе на ночлег, подарил нам необходимые для нас товары. А наутро проводил нас домой. Я часто рассказывала об этом сыновьям... Усман тоже не забыл об этом...

Слезы, сочившиеся из глубоко впавших глаз Айзы, медленно стекались по глубоким бороздкам на щеках - печатям времени и тяжелой жизни.

Али молча смотрел на нее. Маленькие капли пота выступили у него на лбу. Он сорвал с головы ушанку и провел по лбу. "Что же мне делать? - спрашивал он себя. - Назваться? Или, раз уж они считают меня мертвым, уехать отсюда... в Грузию, к Николазу? Он же звал к себе. Если они поднялись на борьбу, стану в их ряды. Ничего, что стар, в чем-то я могу еще быть полезным. Кто знает, может, мои товарищи по каторге тоже приедут туда, когда освободятся..."

Когда Али снял шапку, чтобы вытереть пот, Айза вдруг осеклась, будто проглотила язык. Ее глаза широко раскрылись и уставились на Али. Она медленно поднялась, подошла к нему и мягко прикоснулась к длинному красному шраму на его лбу.

- Если я в своем уме, это шрам от раны, которую лечила я, - произнесла она шепотом. И тихо, так, чтобы слышал только Али, позвала, - Ала?

Айза схватила обеими руками его голову и прижала ее к своей груди:

- Ала-а! Кто же мог знать, что ты окажешься в живых?.. - Лучше бы ты явился сегодня на мои похороны, Ала-а...

Сын и сноха удивленно взирали на Айзу. Усман не понимал поведения матери. Почему она обнимает этого мюжги и называет его именем отца? Или старуха лишилась рассудка, увидев старого друга мужа?

Айза лишилась чувств и медленно осела. Подбежавший Усман взял ее на руки и перенес на кровать. Сноха обтерла лицо свекрови холодной водой и поднесла кружку к ее губам. Айза сделала пару глотков. Придя в чувство, она заплакала, раскачиваясь из стороны в сторону.

Из ее груди вырывались крики, переходившие в стоны. Наплакавшись, Айза утерла слезы. Усман не понимал поведения матери. Не проронивший ни одного слова, пока мать не успокоится, он присел перед ней и положил руки на ее колени.

- Что с тобой, нана? Почему ты обняла этого мюжги? Почему ты плачешь? У тебя что-то болит? - сыпал он вопросы.

- Умереть бы твоей матери, Усман! Это не мюжги, это твой отец! - с трудом произнесла она. - Шрам над его лбом... Я же так много рассказывала тебе о нем...

Усман только сейчас увидел этот шрам. Гость до сегодняшнего вечера ни разу не снимал глубоко надвинутую на лоб шапку в его присутствии. Усман медленно подошел к Али. Его губы и подбородок стали вздрагивать, словно в лихорадке.

- Отец? Отец! - закричал он и бросился в объятия Али. - Почему ты молчал? Отец...

На какое-то время установилось молчание. Все плакали. Усман плакал, уткнув лицо в колени отца. Айза лила обильные слезы, уставившись на пол и ухватив голову обеими руками. Сноха тихо рыдала, прижав уголок платка к подбородку. Проснувшиеся дети уставились непонимающими глазами на взрослых и испуганно молчали. Али плакал в душе. Но он тоже не в силах был сдерживать слезы, и они, стекая по его серой бороде, падали на голову сына.

Горькие мысли обуревали отца, мать и сына. Они понимали, что возвращение Али не принесло в их дом счастья. Невидимые нити, связывавшие их сердца, передавали друг другу горе, кипевшее в них. Слезы помогают отвести душу, но не уносят несчастья. Страдание Айзы было сильнее страданий мужа и сына. Но она успокоилась первой. Вытерев слезы подолом платья и глубоко вздохнув, она сказала:

- Усман, хватит проливать слезы. Узнав о приезде твоего отца, в этот дом придет много людей из Гати-Юрта и других аулов. В таком виде показывать его нельзя. Надо привести его в порядок: побрить голову, подстричь усы и бороду, искупать, сменить одежду. У тебя нет лишней одежды для него. Сходи в магазин Абди и принеси одежду и белье. Деньги я завтра отдам. А ты, Медана, затопи соседнюю комнату и разогрей воду. Я пришлю Дауда. Он приберет во дворе.

Сын и сноха вышли. Какое-то время Али и Айза сидели молча.

- Я с нетерпением ждал твоего появления, Айза. Думал, что увижу тебя молодой...

- Прежней твоей Айзы уже нет, Ала. Она умерла восемнадцать лет назад. Я долго тебя ждала. Дни и ночи напролет. Потом похоронила эту надежду. Три месяца назад вернулся Овхад Хортаев, который покинул эти края 27 лет назад, и которого все считали погибшим. В моем сердце проснулась искорка надежды на твое возвращение. Все эти три месяца я не могла уснуть по ночам, кусок не лез в горло. С одной стороны я очень хотела, чтобы ты оказался жив, вернулся в родной аул, к сыну. С другой же стороны... Молила Аллаха, чтобы Он подарил мне смерть до твоего возвращения... Но Господь не ответил на мои молитвы.

Айза снова заплакала.

- Почему ты плачешь, Айза?

- Я виновата перед тобой. Уже восемнадцать лет я живу с другим мужчиной...

- Я знаю.

- Я опозорила тебя... Ты волен убить меня...

- Ты ни в чем не виновата, Айза. Во всем виновата эта проклятая жизнь. Она нас разлучила. Разруха, беды и несчастия этого тяжелого времени заставили тебя выйти замуж. Ты чиста перед Всевышним и передо мной. Когда меня угнали в Сибирь, ты осталась одна с двумя малыми детьми. Без хлеба, коровы, козы или овцы. Некому было помочь тебе. Наша религия позволяла тебе выходить замуж уже через четыре-пять месяцев. Чтобы было кому заботиться о тебе и о сыновьях. А ты ждала меня двадцать лет. Своими силами, ценой неимоверного труда вырастила сыновей. Одного из них забрал к себе Аллах, второго ты женила, устроила. Я знаю, как и почему ты вышла замуж. На этом наш разговор об этом закончен. Я от чистого сердца прощаю тебя и молю об этом же Создателя. Ахмада

я уважал всегда. Это мудрый, честный, мужественный человек. Попозже мы с ним сядем и, учитывая твое мнение тоже, решим этот вопрос. В согласии с религией и шариатом. Никого не убьем, никому не причиним вреда. А теперь возвращайся домой. И Ахмаду сообщи обо всем.

Айза ушла. Оставив старого и несчастного своего Ала наедине с тяжелыми думами...

ГЛАВА VII РЫЦАРИ

Один достойный сын народа Ценой не меньше, чем весь мир. Ведь мир держался год от года За счет достойнейших мужчин!

А. Сулейманов

За последние три месяца в Гати-юрте произошло два удивительных события. Из Сибири вернулись люди, которых давно уже считали мертвыми. Овхад Хортаев после 27 лет и Али Абубакаров после 31 года. Возвращение не совсем старого Овхада как-то еще можно было понять, но то, что Али окажется живым, не ожидал никто.

Среди чеченцев даже у самого незначительного события вырастают крылья, и слухи об этом какими-то необъяснимыми путями уходят гулять среди людей. К обеду следующего дня во всех окружных аулах уже знали, что пропавший без вести Али вернулся домой. Это было действительно значительным событием. Особенно для любителей почесать языки. Али вернулся, а его жена замужем за другим. Теперь у нее два мужа. Это было что-то неслыханное. Что теперь делать Айзе? Как разрешат эту ситуацию Ахмад и Али?

Добрых же, благородных людей это обеспокоило. Между двумя уважаемыми аульчанами могла возникнуть вражда. Многие искали пути для недопущения этого.

Не было конца потоку людей в дом Усмана. Сюда приходили из дальних и близких аулов, пешком и верхом. Приносили подарки, соразмерные своим возможностям. Куски сушеного мяса и колбасы, кукурузную и пшеничную муку, фасоль, тыквы. Каждому хотелось оказать посильную помощь небогатому Усману. Все понимали, что у него нет возможности принять и накормить столько гостей.

Много народу стояло во дворе и на улице. На двух длинных бревнах сидели старики, перебирая четки и уткнув посохи в снег. Они усадили рядом с собой и Овхада, хотя тот был намного моложе. Али целый день был на ногах, из-за беспрерывно прибывающих людей ему с самого утра не удавалось даже присесть. Он не был похож на вчерашнего Али. Голова выбрита, усы и борода аккуратно подстрижены. В коричневой шерстяной черкеске поверх суконного бешмета, который стягивал ремень с серебряными бляшками. Каракулевая папаха на голове и новые сапоги из сыромятной кожи поверх шерстяных носков дополняли его костюм.

Старики вспоминали былое, рассказывали об увиденном и услышанном. "А вы помните?.." - начинал каждый из них, и перед глазами слушателей возникала картина ужасов минувших лет, вставали образы отцов, братьев, друзей, ровесников, матерей и сестер, перемолотых в жерновах многолетней войны. Вспоминались герои, о которых народ сложил и будет слагать песни.

- Ох, какой был герой! - слышалось изредка.

- Да, безвозвратно сгинула наша свобода. Павшие оказались счастливее живых. Словно в наказание за какие-то грехи Аллах не принял наши жизни, продолжая испытывать нас бесправием и лишениями.

- Не отчаивайтесь, недалек день, когда мы вернем свободу, - попытался взбодрить стариков Овхад.

- Нет, Овхад, власть не вернет нам ее.

- Конечно, не вернет, если мы сами не отберем. Надо бороться.

- Борьба ничего не даст, этому нас научили последние несколько десятков лет. Мы и наши отцы веками воевали, защищая свою свободу, а потом, пытаясь ее вернуть. Оказалось, все зря. Ровно половина нашего народа погибла. Нас, оставшихся, загнали в горы, а на лучших наших землях осели неверные. Мы не справились с ними, когда на нашей земле не проживало ни одного русского, не справимся и сейчас. Новая война уничтожит оставшихся чеченцев. А мертвому народу свобода не нужна.

- Я не призываю начинать войну, Янарка. Я против войны. Да, новая война действительно уничтожит весь наш народ. Есть другие, мирные пути к свободе. Мы не будем воевать против русских, неверных. Под гнетом царского самодержавия находятся и другие народы России, в десятки, сотни раз многочисленнее чеченцев. Мусульмане и христиане. И русский народ тоже, самый большой среди них. Мы обвиняли во всех своих бедах русский народ, считали его своим злейшим врагом. Но и русскому народу не была нужна война, которую ее цари и богачи вели против чеченцев. Они тоже не хотели, чтобы их братья и сыновья погибали здесь. Но цари и богачи действовали и действуют не испрашивая разрешения у народа. Русский народ тоже находится в рабстве, его тоже угнетают царь и его приспешники. Он много раз поднимался на борьбу с ними, но каждый раз эти восстания жестоко подавлялись. Русский царь и богатеи - это общие враги всех народов России. Но народы не смогут освободиться, если будут стараться сделать это поодиночке. Тем более ничего не получится у такого маленького народа, как мы. Но, несмотря на это, чеченцы всегда в одиночку лезли первыми на борьбу против притеснителей. Поэтому нам и доставалось лишений и горя больше, чем другим. Дальше уже мы не будет держать это первенство. Мы будем следить за действиями больших и малых народов, не будем лезть вперед, но и укрываться за спинами других тоже не будем. В этой борьбе мы не должны допустить вражды с христианскими народами - русскими, грузинами, армянами, осетинами. Наоборот, нам нужно искать с ними дружбу. С их помощью мы разобьем общего врага, с их помощью вернем свою свободу.

Молчавший до сих пор Хюси-мулла вмешался в разговор:

- Ох, Овхад, Овхад. Я вижу, двадцать семь лет, проведенные среди неверных, окончательно испортили тебя. Ты хоть понимаешь, о чем говоришь? Аллах в святом Коране требует, чтобы мы не искали сближения с неверными, не водили с ними дружбу. Между мусульманами и христианами никогда не будет согласия и мира. И не может быть. Тот, кто водит дружбу с неверными, тем самым отрекается от Аллаха. Он уже не может рассчитывать на милость Всевышнего.

- Позавчера на сходе ты говорил другое, Хюси, - подколол муллу Янарка, подмигнув товарищам. - Ты говорил, что русский царь, его хакимы и власть действуют с дозволения Аллаха, что восставший против них, восстает против самого Аллаха и будет вечно гореть в аду. А разве царь и его хакимы не такие же христиане, как и другие русские?

- Царь, его хакимы и мюжги не одно и то же. Мюжги не имеют ни Бога, ни веры. Это воры и разбойники, как вон те Доша и Хомсурка! С ними нельзя водить ни знакомства, ни дружбы.

Среди собравшихся возник смешок.

- Хюси, я не алим и арабского языка не знаю, - сказал Овхад. - Будучи в Баку, я снимал комнату в доме алима, мудрого и образованного старика. Позже, в Сибири, я провел несколько лет вместе с алимом, татарином по национальности. Из их рассказов и ответов на мои вопросы я узнал многое об исламе. Во время войны с мекканскими язычниками святой Пророк заключал союз с другими арабскими племенами, у которых не было никакой религии, и мусульмане бились с ними рука об руку. Почему мы не можем сделать то, что сделал пророк для укрепления ислама? Это одно. Второе. Мой брат Абди ездит в христианские, русские города, ведет знакомство с христианскими купцами, закупает у них товары, привозит их сюда и продает вам. Братья нашего старшины Сайда - пристав и начальник округа.

Служили русским в рядах милиции Инарла и Чонака, а сегодня там же служат их сыновья. Почему вам, богатеям и муллам, можно водить знакомство с неверными русскими, дружить с ними, служить им, а бедным чеченцам нельзя?

- Э-э, Овхад, разве ты не слышал, что мулла разрешил похоронить на кладбище собаку, когда ее хозяин дал ему овцу?

- Смотри, Хюси. Как бы твоя власть не наказала тебя за то, что ты объявляешь русских нашими врагами.

Хюси на какое-то мгновение растерялся. - Я говорю о мюжги, которые пришли сюда с войной, убивали чеченцев, сжигали аулы...

- Царь и богачи гнали их сюда силой. Эти солдаты и мы погибали на войне, а проливаемая нами кровь превращалась в золото и текла в их карманы.

- Овхад, у тебя с головой все в порядке? - попытался заступиться за Хюси Панта-хаджи. - За такие разговоры власти отсылают туда, откуда ты только что вернулся. Помни об этом, если не хочешь обратно в Сибирь. Тебя не исправили даже 27 лет каторги!

- Не беспокойся обо мне, Панта-хаджи. Эти 27 лет меня многому научили. Я увидел много краев и народов, познакомился со многими людьми. И я твердо знаю одно. Аллах создал на этой земле людей и народы с одинаковыми правами. И не для того, чтобы они враждовали, убивали друг друга, чтобы небольшая их часть угнетала, держала в рабстве остальных. Он призывает нас жить в мире, согласии, творя добро и справедливость. Русские - христиане, чеченцы же - мусульмане. Но русский царь, христианин, одинаково притесняет и русских, своих же христиан, и чеченцев - мусульман. Такое же отношение к христианам - грузинам и армянам - в мусульманской Турции и Персии. Везде, во всем мире. У бедных, беззащитных, угнетенных людей один враг - цари, богатеи и их приспешники. А отцы - толкователи всех конфессий повернули религии с прямого пути, указанного Аллахом в Торе, Библии, Евангелии и Коране, на путь служения царям и богачам. То же самое вы делаете и здесь.

Рассерженный Хюси-мулла попытался встать, чтобы уйти, но Панта-хаджи, потянув за полу черкески, усадил его обратно.

Спор, готовый перейти во взаимные оскорбления, прервался сам собой, когда на улице из-за поворота показался высокий, крепкий старик. Коротко остриженная седеющая борода, ухоженные густые усы, отливающие здоровым румянцем щеки. Он был одет в украшенную серебряным шитьем черную суконную черкеску поверх атласного бешмета, живот стягивал украшенный серебром ремень, на котором висел кинжал. Старику было далеко за 70, но казался он значительно моложе. Из-под пышной папахи, закрывающей высокий лоб, смотрели умные глаза. Эти глаза и крупный орлиный нос вызывали невольное почтение к их обладателю.

За стариком показались сани, груженные несколькими мешками кукурузной и пшеничной муки. Сзади к саням был привязан крупный упитанный бык. Старик остановился, подождал, пока его нагонят сани, и произнес, обращаясь к молодому человеку, ведущему их:

- Заведи сани во двор. Возьми с собой Усмана, зарежьте и освежуйте быка.

Али еще издали обратил внимание на этого человека, но из-за слабого зрения не мог узнать его. С пришедшим с ним юношей он познакомился вчера вечером. Это был Дауд, сын Айзы. Значит, этот человек не мог быть ни кем иным, как Ахмадом Акболатовым. Али почувствовал, как внимание собравшихся сосредоточилось на нем и на подошедшем старике. Он встал и пошел ему навстречу.

- Ассалам алейкум! С приездом, Али! - старик крепко пожал руку Али и обнял его. - С возвращением тебя. Пусть Аллах убережет тебя от бед и несчастий!

Сейчас, вблизи, Али легко узнал Ахмада. Это был несомненно он. Несмотря на годы, тому удалось сохранить многие черты.

- Спасибо и тебе, Ахмад! - Али, не отпуская руки, подвел его к бревну и усадил рядом с собой. - Ну что, Ахмад, не забыл тот день, когда на герзельском поле ты вытащил меня из пасти смерти и отвез в кошкельдинские леса?

Ахмад растерялся.

- Не забыл... Невозможно забыть те годы.

- В тот день, спасая меня, ты покалечил руку...

- Я поступил так, как поступали все мы, Али. Бывали случаи, когда товарищи спасали меня, иногда кого-то спасал и я. На войне такое бывает. Тысячи и тысячи погибли, еще больше остались калеками. Лучше расскажи о себе, как тебе удалось вернуться?

- Что рассказывать? Сибирь - далекий и холодный край. А эта каторга самый настоящий ад. Ее тяжесть преждевременно старит и убивает человека. Многие мои товарищи умерли уже в первые годы ссылки. Последний из них, беноец Ильяс, скончался после одиннадцати лет этих мук. 26 лет после этого я не видел чеченца. По правде говоря, я уже не надеялся, что смогу вернуться когда-нибудь в эти края, увидеть земляков.

- Тебя не отпустили домой после десяти лет, к которым приговорили?

- Нет. Перевели на вольное поселение, но разрешения вернуться не дали. Я и сам не знаю, почему меня там держали. Видимо, из-за восстания во главе с Алибеком-Хаджи. Много раз пытался бежать, но каждый раз меня схватывали, возвращали обратно и добавляли срок. Позже, когда уже состарился, отчаявшись достичь свободы, решил, что видно на роду у меня написано умереть в неволе. В последние годы к нам стали приводить необычных арестантов. Их называли революционерами. Иначе говоря, они выступали против власти царя. Узнав, как я попал на каторгу и почему до сих пор не освобожден, они стали писать ходатайства и жалобы вплоть до царя, и меня освободили. Среди них был молодой грузин по имени Николаз. Как раз к концу его срока подоспело и мое освобождение. Мы вместе ехали всю дорогу, я сошел в Грозном, он поехал дальше в Грузию. И вот я дома, вместе с вами.

- Надо было тебе этого грузина привести с собой, Али. Мы бы оказали ему должное гостеприимство, - сказал Янарка.

- Он спешил. Кажется, они готовят там большие дела. Но он дал слово, что как только появится возможность, приедет к нам в гости.

- А эти арестанты со странным названием, о которых ты говоришь. Что это за люди? - спросил Янарка.

- Это мудрые, мужественные, отзывчивые люди, Янарка. Они говорили именно то, о чем только что говорил здесь Овхад. Пока существует власть царя и богачей, народы не получат свободы, все бедные, неимущие, свободолюбивые люди всех национальностей должны объединиться, стать братьями и единым строем выступить против этой власти. Только так можно добиться свободы. Нужно отобрать власть у царя и богатеев и отдать ее в руки народа. Они хотят, чтобы все люди жили свободно, в мире и согласии, как одна семья, без войн и вражды. Поэтому власть бросает их в тюрьмы, угоняет в Сибирь.

Поняв, что опять начинаются крамольные разговоры, Хюси-мулла и Панта-хаджи встали и ушли.

- Это действительно необычные люди!

- А скоро произойдет то, о чем они говорили?

- Они сказали, что скоро. Правда, я не знаю, как они это сделают. Наши умы не в силах понять всю глубину их замысла. По пути домой, на поездах и в вокзалах, люди говорили, что в крупных городах России русские выступают против царя, недовольные своим тяжелым положением и начавшейся войной с Японией. А арестанты, о которых я рассказывал, говорили, что ни один народ в одиночку не добьется свободы. Все народы должны объединиться. А во главе этого восстания должен стать русский народ, как самый многочисленный. Долг русского народа вернуть малым народам России свободу, отобранную у них русским царем и богачами. А малые народы должны помочь русскому народу выполнить эту миссию. В этом, я думаю, эти арестанты правы.

Ахмад вернулся к этому разговору позже, когда они уединились в соседском доме, помолились и завершили вирд.

- Пока мы одни, я хочу тебе кое-что сказать, Али. Ты говорил слишком смелые вещи. Я пытался тебя остановить, но ты не понял моих знаков. Али, как только здесь укрепилась существующая власть, времена прежних благородных людей ушли. Многие сейчас готовы за деньги продать мать родную. Надо быть осторожным, когда говоришь на людях.

- Я знаю, что могут быть среди нас и такие люди. Но когда кто-то задает мне вопрос, я не могу не отвечать, не высказать правду, скрывать свое мнение. Я так и не научился лицемерить.

- Правда никому не нужна. По-моему, со дня сотворения человека никогда не побеждала правда, и не было справедливости. Правда всегда проигрывает, ложь побеждает. А правда приносит беды и несчастия тому, кто ее говорит. Я не призываю тебя лицемерить. Но когда твоя правда опасна для тебя же самого, можно же просто промолчать. В наше время за незначительные повинности, а то и вовсе без вины, по чьему-то навету или доносу людей схватывают и бросают в тюрьмы. Ты стар, Али. У тебя не тот возраст, чтобы опять уходить в Сибирь. Еще раз оттуда ты уже не вернешься.

- Я это знаю, Ахмад. Сам удивляюсь, как я выжил в первый год ссылки, что уж говорить о 38 годах. Молод был, поэтому, наверное, вынес все это. Но как же мне молчать, словно трусливому зайцу, когда меня о чем-то спрашивают, или ведут явно лживые, провокационные разговоры? Аллах требует, чтобы мы говорили правду в лицо.

- Значит, меня ты сравниваешь с трусливым зайцем! - рассмеялся Ахмад. - Не из-за трусости я отошел от борьбы. Просто я понял, что вся эта борьба и многочисленные жертвы бессмысленны. После твоего ареста в горах разгорелось восстание во главе с Алибеком-Хаджи из Симсира. Это был мудрый и мужественный молодой человек. Основные события разворачивались здесь, в Ичкерии. Руководителей восстания, тринадцать человек, повесили в Грозном, многие погибли при подавлении восстания, тысячи сосланы в Сибирь. Короче говоря, это восстание не принесло пользы чеченскому народу. Наоборот, только еще больше бед.

- Многие беды и лишения произошли по нашей же вине, Ахмад. Ошибки наших руководителей еще с шамилевских времен, допущенные ими сознательно или неосознанно, нанесли нам большой вред. Перед самым твоим приходом Овхад говорил очень умные слова, но мне показалось, что его никто не понял. Самой большой ошибкой наших вождей в далеком и близком прошлом - это то, что они считали все христианские народы, и близкие, и дальние, нашими врагами, объявляли против них священную войну. Видя в воюющих против нас русских войсках офицеров и генералов из грузин, армян, осетин и других народов, мы переносили свою ненависть к ним на их народы. А эти народы, в том числе и русский, сами находились в рабстве, под гнетом царя. Они также не желали этой власти. Позже я узнал, что когда мы воевали против царских войск, эти народы

тоже поднимались с оружием в руках против царя. Мы же не желали с ними объединиться и вместе подняться против общего врага - царя и богачей. У нас не хватало на это сознательности. Ладно, пусть мы не хотели объединиться с христианскими народами в общей борьбе. Но мы не должны были хотя бы отпугивать их, отгораживаться от них, объявлять их своими врагами. Многие наши неудачи происходили именно по этой причине. Представителя любого христианского народа мы считали своим врагом. Да и сейчас считаем. Нам надо хотя бы сейчас остановиться, оглянуться, проанализировать пройденный путь, понять, почему мы оказались на дне пропасти, и постараться в будущем не повторять эти ошибки. Насколько велика территория России, насколько силен ее царь, как многочислен русский народ, я узнал в Сибири. Чеченские земли меньше самой маленькой ее губернии. В России несколько сот городов, не говоря уже о селах. Жителей в любом городе больше всех чеченцев вместе взятых. Что там далеко ходить, даже в Чечне русских больше нас. Наш народ мал, его территория и силы неизмеримо малы, в одиночестве он не справится с Россией и царской властью. Поэтому, Ахмад, я не призываю людей с оружием в руках подниматься на борьбу против существующей власти. Я буду решительно выступать против тех, кто станет призывать к этому. Нам нужно делать то, что будут делать другие народы России. Как сегодня говорил Овхад, не забегая вперед и не отставая. Если мы, как и прежде, будем с оружием в руках лезть драться, не взвешивая свои силы и силы врага, чеченский народ погибнет. Надо быть умнее и терпеливее. Наступит и наш день.

- Али, хватит ли у тебя сил убедить в этом чеченцев?

- Конечно, нет. Наш народ отстал в образовании, отстает и его сознание. Сознание любого человека и народа связано с образованием. Святой пророк призывал изучать науку от рождения и до самой смерти. Чеченцы не хотят этого. У чеченцев весь ум сосредоточен в глазах. Обучить людей, поднять их сознание у нас с тобой не хватит ни знаний, ни ума. Даже имей мы с тобой все это, у нас уже и времени не осталось. Но наш долг постараться образумить людей, попытаться уберечь их от ошибок, от бессмысленной гибели. А за то, что ты беспокоишься обо мне, пытаешься уберечь, спасибо. Я буду осторожен.

- Больше всех остерегайся Хюси-муллы и Абди. У них среди людей есть глаза, уши и языки.

- Кто такой Абди, чей он?

- Ты помнишь торговца Хорту? Абди его сын.

- Разве и Овхад не его сын?

- Да, его. Но он не похож на остальных. Был у Хорты еще сын, по сравнению с которым отец и Абди просто невинные овечки. В последнюю войну, когда солдаты грабили аул, поджигая дома, он носился по дворам аульчан во главе солдат. Мачиг и Васал пристрелили его.

- А что сталось с ними самими?

- В тот день они оборонялись, укрепившись в доме Мачига. Много солдат они положили, но погибли и сами.

- Да обретут они рай. Это были бедные, несчастные, но безгранично храбрые люди.

Пришел Дауд и позвал стариков к очередным гостям.

Наконец прекратился поток людей к дому Али. Вернулись в свой дом Ахмад и Айза. Али остался в пустом доме, наедине с горькими мыслями.

Но еще сильнее были страдания Ахмада и Айзы.

Ахмад сидел на краю глиняной кровати, низко опустив голову и медленно

перебирая четки. Мысли его были далеко от молитв, которые он шептал. Его женой является женщина, которая по закону принадлежит другому. Он женился на ней через 20 лет после того, как все решили, что Али мертв. И не Ахмада это была инициатива. Это сделали другие, когда он остался один после смерти жены, без детей. Не советуясь с ним и с Айзой, против их воли. Ахмад не должен был брать в свой дом вдову Али. Пусть и не в полном смысле этого слова, но какие-то дружеские отношения между ними были. Более того, они очень ценили и почитали друг друга. Но люди нашли доводы и аргументы, чтобы склонить Ахмада и Айзу к этому браку. Солдаты убили старшего сына Айзы, забрали всю утварь, сожгли дом, и она осталась одна с пятнадцатилетним сыном. Без кола и двора. Без чьей-либо помощи. Без опекуна, если не считать старого, больного отца, прикованного к постели. Ахмада тоже жизнь не ласкала, на склоне лет он остался один, без жены и детей. Он боялся, что старость и болезни свалят его с ног, и тогда уже некому будет о нем позаботиться. Ахмад надеялся, что Усман станет ему родным, что в ответ на его заботу сейчас мать и сын будут заботиться о нем в будущем; что за помощь вдове и ее сыну Аллах возблагодарит его. Судьба распорядилась так, что они оказались вместе. Вначале между ними стоял холодок. Айза в душе все еще не могла смириться с тем, что Али не вернется. Но когда родился сын, последние капли надежды испарились, и она стала доброй и верной супругой Ахмада.

И вот, через тридцать восемь лет, когда уже никто не ждал, Али вернулся. Будто с того света. Его жена замужем за Ахмадом. Это что-то неслыханное. По чеченскому обычаю и вышедшая замуж при живом муже женщина, и взявший ее в жены муж подлежат смерти. Правда, здесь своеобразный случай. Который люди беспринципные, коварные и глупые могут подвести к вражде и мести, а благородные и набожные люди могут уладить миром, не входя в противоречие с кодексом чести чеченца и с религией. До ссылки не было по берегам Аксая человека благороднее, отважнее, добрее и милосерднее Али. Но, может, его изменили годы, проведенные вдали от Родины? Может, беды и лишения ожесточили его сердце? Может, он забыл благородные обычаи своего народа? Или может, его сердце отравит яд сплетников?

Пару дней назад Ахмад по какому-то делу завернул в магазин Абди. Хозяин магазина и Хюси-мулла стояли по разные стороны прилавка и о чем-то болтали. При его появлении у них вырвался смешок.

- Ахмад, шариат разрешает мужчинам иметь до четырех жен. Но я никогда не слышал, что женщина может иметь двух мужей. Айза твоя жена, но иногда ходит к сыну в дом Али. Кто из вас ее муж? - спросил Хюси, продолжая улыбаться.

Эти слова вызвали смешок и у Абди. Ахмад молча закрыл дверь изнутри на засов, подошел к Хюси, сильными руками схватил его за ворот атласного бешмета так, что сорвались застежки, и притянул к себе:

- ....., сын проститутки! Свинья, рожденная свиньей! Твое счастье, что я оказался здесь без кинжала. Но знай, если я когда-нибудь услышу, что ты по какому бы то ни было поводу произнес мое имя, имя Айзы или Али, я отрублю твою свиную башку! ..... продажная!

Ахмад поднял съежившегося Хюси, бросил его за прилавок на дрожащего от страха Абди и вышел.

Ахмад знал, что в ауле есть люди, распространяющие подобные сплетни.

Решив как-то разрешить создавшуюся ситуацию, он, втайне от всех, побывал у ученого алима в одном из равнинных аулов и посоветовался с ним. Тот рассказал, что по исламу женщина может выйти замуж через 4 месяца и 10 дней после смерти мужа. Если же муж уехал по какой-либо нужде, будь то торговая поездка, отъезд на войну, плен и так далее или пропал без вести, а жена вышла замуж за другого, то при его возвращении человек, взявший такую женщину в жены, должен с ней развестись, и она возвращается к первому мужу. Со всеми процедурами венчания, как в первый раз, если, конечно, он желает ее возвращения. Если же он

или она не хотят возобновления брачных отношений, бывший муж должен дать ей полную свободу для дальнейшего устройства своей жизни. Если муж уехал добровольно или по принуждению, не оставив жене средств к существованию, через 4 месяца и 10 дней она может выйти замуж даже при живом муже. По шариату оно, конечно, так. Но для человека, выросшего на обычаях и традициях чеченского народа, это было чем-то диким и развратным. Как-то это дело все равно нужно было уладить. Но как?

Айзу терзали те же мысли. Она сидела перед очагом на мягком сиденье из овчины и тихо перебирала четки. Дубовое полено в очаге давно уже выгорело, превратившись в светящиеся угли. Керосин в лампе кончался, и свет ее тускнел.

Айза знала, что Али и Ахмада терзают муки. Но это было ничем по сравнению с муками в ее сердце. Только она виновата в позоре Али. Меньше всего в этом повинен Ахмад. Он всего лишь женился на женщине, которая добровольно вышла за него. Во всем виновата она одна. Вышедшая замуж при пропавшем без вести муже. Ну и что, что двадцать лет прошло? Надо было ждать еще двадцать лет, до смерти. Пусть не было ни кола, ни двора. Надо было жить в землянке, просить милостыню, растить сына. Потом, в старости, и сын о ней заботился бы. Так она и решила тогда. Верила в возвращение Али. Но все изменило решение ее старого отца. Он говорил, что ему недолго осталось жить на этом свете. У тебя и твоего сына нет родственников, печалился старик. После смерти отца ты остаешься одна. Без дома. Без хозяйства, без опекуна. А сына надо женить. И тогда вам понадобятся дом, скотинка, плуг, арба. Ахмад мудрый, благородный, добрый, уважаемый человек. Есть у него и кое-какое хозяйство. Он будет заботиться о вас. Построит дом сыну, наладит хозяйство. Более того, у Усмана могут появиться братья и сестры, на все воля Аллаха. Родственники Ахмада собираются подключить к этому делу нашего устаза. Мы не можем отказать в просьбе устазу. Говоришь, что все еще веришь в возвращение Али? Как бы ни было тяжело, но с этой верой придется расстаться. Уже двадцать лет от него нет никаких вестей. Будь он жив, какую-то весточку с кем-нибудь да передал бы. Ты ждала двадцать лет, довольно тешить себя иллюзиями. Ты еще молода. Каждый человек умирает в назначенный час. Но живым надо как-то жить. Это моя последняя просьба к тебе...

Аллах всему свидетель. Она согласилась не потому, что забыла Али или желала мужа. Ей не нужен был мужчина, не нужно было замужество. Она и в молодости не успела насытиться любовью. Сначала муж уехал в Турцию, обещав скоро вернуться. Но возвратился только через три года. Вскоре его схватили и приговорили к десяти годам каторги. Еще через восемь лет солдаты убили Умара. Сожгли дом со всей утварью, увели пару волов и корову. И она осталась с Усманом под открытым небом. Разве она была в состоянии думать о муже и замужестве? Она ни на минуту не забывала Али, свою первую и последнюю любовь. Она согласилась на этот брак только ради Усмана и старого отца. О любви к Ахмаду нечего было и говорить. Как ни был он добр к ней и ее сыну, не возникало в ее сердце влечения к нему. Ахмад отстроил дом Усману, купил ему пару волов, корову. Но все равно она не в силах была забыть Али и полюбить Ахмада. Когда родился сын, а потом и дочь, она покорилась судьбе. Хотя и не родилась новая любовь в сердце, она стала верной и преданной женой Ахмаду. Аллах свидетель, Айзе не нужен был муж, не нужно было замужество. Если бы знать, чем все это обернется...

- Айза, - тихо позвал Ахмад.

- Что тебе, - еле слышно ответила Айза.

- После возвращения Али тяжелые думы сводят нас с ума. Долго так продолжаться не может.

- Что же нам делать?

- Ты знаешь, как у нас все это случилось. По правде говоря, после смерти жены мне нужна была хозяйка в доме. Но ты не нуждалась в муже, не хотела

замужества. Аллах по своей воле и по какому-то замыслу соединил нас. Ты родила мне сына и дочь. Но люди уже пускают грязные сплетни. Как ты думаешь, что нам делать?

- Не знаю. Лучше было бы, если бы я умерла до этого замужества или до возвращения Али. Но Аллах не пожелал этого.

На какое-то время установилась тишина.

- Али состарился, так и не познав счастья. Он перенес столько горя и лишений, что их хватило бы на сотню жизней. Его положение еще тяжелее, чем мое. По нашей религии и по всем законам человечности ты можешь вернуться к нему. Он уже стар для новой женитьбы. Кто же скрасит его старость, если не ты?

Айза молчала. Да и что она могла сказать? Ахмад сохраняет благородство. Но Айза не может так поступить. У нее трое детей. Там - сын, здесь - сын и дочь. И Али, и Ахмад - оба были к ней добры. Но огонь любви в ее сердце горел только для Али. Ее первой любви. Но и этот огонь погас, оставив после себя только слабую искорку. Его погасила жестокая судьба. Из глаз Айзы потекли горькие, обильные слезы.

- Айза, почему ты не отвечаешь?

Айза заплакала, уже не стараясь сдерживаться. Ахмад терпеливо ждал, давая ей выплакаться.

- Айза, скажи что-нибудь...

- Во всем виновата только я... Я не должна была выходить за тебя. Сердце подсказывало мне, что Али жив... Я верила в его возвращение даже тогда, когда в это не верил уже никто. О замужестве я никогда не думала. Я согласилась на это ради старого отца и сироты - сына. Ты заботился о нас, был нам родным. Неужели ты думаешь, что мы забыли или забудем твою доброту, все, что ты для нас сделал? Но лучше бы нам с Усманом умереть тогда от голода...

- Это все в прошлом, Айза. Я просто исполнял долг мусульманина. Наши слезы или сожаления ничего уже не исправят. И не будем искать виноватого. Все произошло по воле Аллаха... Что же на душе у Али?

Айза встала, выпрямляя спину, и посмотрела на Ахмада.

- Откуда мне знать? Ты же знаешь, я не стану задавать ему такие вопросы.

- Да я так спросил...

На какое-то время оба замолчали.

- Ахмад, ты знаешь, как все произошло. Сын Али Усман, твои Дауд и Седа - братья и сестра, рожденные одной матерью. Все, что случится с тобой или с Али, ранит сердца всех троих. Обо мне и говорить нечего. Любое событие среди наших людей распространяется быстро, обрастая слухами и недомолвками. Вы оба уважаемые, мудрые, благородные люди, истинные мусульмане. Вам надо встретиться и вдвоем, не привлекая посторонних, решить эту проблему. В соответствии с исламом и чеченскими обычаями...

Ахмад снова опустил голову и стал перебирать четки.

После долгой беседы с Усманом пару дней назад Али глубоко задумался над непростой ситуацией, возникшей между их семьями. Усман от начала до конца во всех подробностях рассказал ему об обстоятельствах замужества матери. О горе, окутавшем сердца Айзы и Ахмада, о своей растерянности. Сын чувствовал себя виновным в том, что согласился на брак матери и Ахмада.

- Усман, зачем вы терзаете себя? - сказал Али, внимательно выслушав сына. - Ничего страшного не произошло.

- Люди поговаривают, что ты должен убить их...

Али от души рассмеялся, в первый раз за сегодняшний день.

- Почему? За какую вину? Если бы твоя мать вышла замуж, опозорив нас, зная, что я жив, тогда по адату я мог бы мстить. Иначе говоря, обязан был бы. После смерти мужа женщина по шариату может выйти замуж, выждав положенный срок. Твоя мать же ждала меня двадцать лет. Судя по твоим словам, ждала бы и до смерти, если бы могла отказать в просьбе умирающему отцу, если бы была крыша над головой и если бы не вынуждена была думать о твоей судьбе. А Ахмад не забирал бы ее к себе насильно. Все было сделано строго по шариату и в соответствии с нашим адатом. В чем же они виноваты? На все воля Всевышнего. Я видел много женщин, которые, овдовев, выходили замуж, бросив на произвол судьбы детей. Твоя мать не первая и не последняя вдова, вышедшая замуж. Правда, мое "воскрешение" немного осложнило это дело, но ничего такого, из-за чего следовало бы терять голову, не произошло. Надо всего лишь проявить мужество и самообладание, и все разрешится.

Мысли Али, оторвавшись от беседы, вернулись на двадцать пять лет назад, на сибирскую каторгу. Похоронив всех высланных с собой чеченцев и оставшись один, Али сблизился с одним узбеком. Каждый вечер и в изредка выпадавшие свободные дни Сулейман обучал Али теологии. Через несколько лет Али вполне сносно владел узбекским и арабским языками. Когда они, изучая шариат, затронули вопросы женитьбы и взаимоотношений мужа и жены, Али засыпал учителя вопросами. Ему не раз доводилось слышать, что в вопросах брака имам Шамиль допускал нарушения норм шариата, насильно выдавая замуж девушек и вдов за мужчин, уже имевших жен и детей. Шла война, мужчины погибали, незамужних женщин же становилось все больше и больше, поэтому Шамиль принуждал мужчин брать в дом вторых жен. Али, конечно, понимал имама. Он старался возместить таким образом людские потери, особенно мужского пола. И еще для того, чтобы молодые незамужние женщины не выходили на путь разврата, чтобы они не опорочили свои честь и достоинство. Женщин, не желавших выходить за женатых мужчин, и мужчин, отказывавшихся брать в свои дома вторых жен, бросали в зинданы и держали там до тех пор, пока они не соглашались на брак. Вдобавок за каждую ночь в зиндане на них еще налагался штраф в двадцать копеек.

- Этот ваш Шамиль был мудрым человеком, хотя и нарушал шариат, - сказал Сулейман, выслушав Али. - Шариат обязывает молодого человека жениться, если подоспел срок женитьбы и если есть женщина, согласная на брак с ним. Так же и девушка должна выходить замуж в срок. Ислам считает большим грехом отказ от брака. Во-первых, их долг перед Алахом размножаться, во-вторых, неженатый мужчина и незамужняя женщина могут пойти по пути разврата и прелюбодеяний. Чтобы не допустить этого, ислам обязывает молодых людей вступать в браки. Но выдавать женщин за нелюбимых и заставлять мужчин вступать в брак не по любви запрещено. Оба, вступающие в брак, должны быть согласны на это. В этом ваш Шамиль нарушал шариат.

Хорошо обдумав слова Сулеймана, Али через несколько дней вернулся к этому разговору:

- У меня дома осталась молодая жена с двумя малолетними сыновьями. По адату моего народа она должна ждать меня, не выходя замуж. Десять лет, к которым меня приговорили, давно прошли. Жена и родственники не знают обо мне ничего. Может быть, они давно похоронили меня. Иногда я и сам теряю надежду на возвращение. Тем более, что и смерть здесь ходит по пятам. Как религия смотрит на то, что моя жена будет ждать меня, не выходя замуж, даже если потеряет всякую надежду на мое возвращение? Имеет она право выйти замуж?

- Женщина вольна выйти замуж через четыре месяца и десять дней после смерти мужа.

- Но я же жив?

- Даже если муж жив, но находится далеко. Муж, уходя на войну или по делам торговли в далекие земли, или, как мы, вынужденно покидая дом, должен оставить жене средств на еду, одежду, и другие нужды столько, чтобы этого хватило до его возвращения. Если муж всего этого не оставил, жена может обратиться к шариату, который позволяет ей выйти замуж через 4 месяца и 10 дней.

- А если она не хочет выходить замуж? У нас же двое детей?

- Выходить или нет, это ее дело. Твой же долг дать ей свободу выбора, освободить от связывающих вас уз.

- Как же я могу сделать это, если не с кем передать весточку, а письма отсюда не ходят? Что мне делать, если она выйдет замуж без развода?

- Если хочешь остаться чистым перед Аллахом, трижды, с перерывами в один месяц, беря в свидетеля Создателя, произнеси формулу развода. Тогда ты будешь безгрешен перед Аллахом и женой.

- А что будет, если она выйдет замуж без моего развода, а мне все же удастся вернуться домой?

- Если она захочет вернуться к тебе, а ты пожелаешь взять ее обратно, то муж должен дать ей развод. Ты же, как в первый раз, должен совершить обряд венчания. Если же ты не захочешь вернуть ее в свой дом, или этого не пожелает она, женщина остается с новым мужем. И то, и другое всецело будет зависеть от желания каждого из вас.

После этого Али, взяв в свидетели Сулеймана и одного татарина, трижды, с перерывами в один месяц, произнес формулу развода, тем самым освободив Айзу от связывающих ее с ним брачных уз. Тогда он не мог даже предположить, что когда-нибудь вернется домой, а свою Айзу найдет в доме другого мужчины…

Прослонявшись по двору, Али вернулся в дом, совершил вечернюю молитву и присел с четками в руках. Медана ушла навестить родителей, внуки где-то играли. В доме было тоскливо от тишины. Скоро с мельницы вернулся Усман.

Али сидел, надеясь, что кто-то зайдет скоротать с ним вечер. Когда он уже потерял надежду дождаться кого-нибудь, пару раз кашлянув во дворе, в дом вошел Ахмад. Поздоровавшись и справившись о здоровье, немного поговорили о сельских новостях. Ахмад поведал о своем деле. Его рассказ и рассказ Усмана полностью совпадали.

- Так, по воле Аллаха, соединились наши судьбы, - закончил Ахмад свой рассказ. - Если желаешь, можешь мстить мне по нашему адату. Но есть и дозволенные религией пути, позволяющие уладить это миром. Аллах свидетель, Али, все, что произошло, случилось не по вине Айзы и не по моей вине, видно, так рассудил Всевышний. От чистого сердца я хочу, чтобы Айза вернулась в твой дом. Я отдаю все это на твой суд.

Не отвечая Ахмаду, Али позвал в комнату Усмана.

- Пригласи сюда Панта-хаджи, Лорсу, Дошу и Солтху. Поторапливайся.

Не прошло и часа, как пришли все приглашенные.

- Полагаю, мне нечего рассказывать вам о ситуации, возникшей между мной и Ахмадом. И вы, и весь аул об этом хорошо знаете. Короче говоря, через двадцать лет после того, как моя семья и весь аул поверили в мою смерть, моя бывшая супруга Айза вышла замуж за сидящего здесь Ахмада, а Ахмад женился на ней. С точки зрения шариата это безукоризненный брак. Айза жила со мной в моем доме восемь лет, в доме Ахмада она уже восемнадцать лет. От меня у Айзы один сын, от

Ахмада же - сын и дочь. Все эти восемнадцать лет Ахмад заботился о моем сыне, как о своем собственном. Мой сын, сын и дочь Ахмада братья и сестра, рожденные одной матерью. Я, Ахмад и Айза уже старые люди, нам недолго осталось жить на этой земле. Но наши дети и их потомки должны жить. У нас с Ахмадом нет времени не только на вражду, но даже на незначительную ссору. Да и причин для этого нет, если мы с ним мусульмане и благородные люди. Есть еще одно обстоятельство, о котором знаем только я и Всевышний. Через пятнадцать лет ссылки, отчаявшись вернуться домой, я посоветовался с большим алимом, узбеком, и, взяв в свидетели этого узбека и одного татарина, в присутствии двух этих мусульман дал Айзе развод, строго следуя шариату. Она с тех самых пор свободна от уз, связывающих нас. Если же вы сомневаетесь в моих словах, я готов подтвердить их клятвой на Коране. Ни по шариату, ни по нашим обычаям Ахмад и Айза ни в чем не виноваты передо мной, они не сделали ничего позорного ни для меня, ни для себя. С моей стороны к ним не будет ни ненависти, ни вражды. Мой сын уже взрослый человек, у него своя семья. А сын и дочь Ахмада еще молоды, им 17 и 15 лет. Сын должен жениться, дочь надо выдавать замуж. Я хочу, чтобы Айза со своими детьми осталась в доме Ахмада. Я желаю, чтобы мой сын и дети Ахмада были братьями и сестрой. Панта-хаджи, противоречит мое решение исламу и шариату?

- Насколько я знаю, Али, твое решение не нарушает ни один знак ислама.

Али повернулся к остальным:

- Вас троих почитают в нашем ауле и за его пределами. Вы хорошо знаете адат. Есть ли в моем решении что-нибудь позорное для меня?

- Конечно, нет, Али. Твое решение подтверждает, что ты истинный мусульманин и благородный человек. То же самое мы можем сказать и о тебе, Ахмад. Спасибо вам обоим. Пусть любовь и согласие между вашими семьями будут жить вечно.

- И еще несколько слов. Я слышал, что женщины и некоторые мужчины похуже них распускают в нашем ауле сплетни обо мне и Ахмаде. Поэтому сообщите аульчанам о состоявшейся здесь беседе. С человеком, допустившим впредь такие недостойные речи, у меня никогда не будет мира. Эта просьба относится особенно к тебе, Панта-хаджи. Потому что, во-первых, ты сельский кадий, во-вторых, эти сплетники вьются вокруг тебя. На этом все. А сейчас будем вести другие беседы, пока вам не надоест.

Медана поставила перед гостями горячий чурек и вареную фасоль.

ГЛАВА VIII НЕСЧАСТНЫЕ

Поодиночке нас мало, и мы бессильны,

Если же вместе возьмемся, мы горы свернем!

К. Хетагуров

Все началось с лошадей Инарлы, чтоб им сдохнуть. По ночам хозяин выпускал их, и они уходили прямиком на небольшое поле Хомсурки, оставшуюся ему от тестя. То, что эти животные творили с посевами, не сделали бы даже дикие кабаны. Один раз, дважды, трижды просил Хомсурка Инарлу следить за своими лошадьми, но тот не снизошел до ответа. И вот однажды утром Инарла не нашел своих лошадей. Они пропали без следа. Инарла знал, что это дело рук Хомсурки, но явно заложить его властям боялся. Тайно договорившись, он привел в аул стражников во главе с приставом Хамовым.

Под предлогом поиска оружия солдаты стали обыскивать сакли. Начали с хозяйства Хомсурки. У солдата, попытавшегося заигрывать с его дочерью, Хомсурка отобрал оружие. Он избил его до потери сознания и бежал из аула.

Пристав уходил из аула в бешенстве и отчаянии. Он шел сюда с твердым намерением арестовать Хомсурку, Овхада и Солту, скрутить их и забрать с собой. Двое последних покинули аул еще до его прибытия, а Хомсурка избил солдата у него под носом, забрал его оружие и убежал. А что дали обыски? Берданка с десятком патронов, восемь ржавых кинжалов, три кремневых ружья и две шашки. Вот и все. Хозяина берданки Хамов забрал в Ведено. Но начальнику округа подполковнику Ханжалову этого было мало. Этот вонючий аварец грязно обругал Хамова. Вдобавок, жители Самби-хутора забросали камнями возвращающийся из Гати-юрта отряд. Один из камней попал Хамову в лопатку, отчего у него несколько дней болела спина. В отместку он арестовал и бросил в тюрьму четырех хуторян.

За отсутствие рвения при наказании дерзкого аула Гати-юрт и за медлительность, в результате которой сумели скрыться три главных бунтовщика, Ханжалов сделал предупреждение Хамову и взял руководство операцией на себя. Позавчера Хамов прибыл в Гати-юрт, собрал его жителей и зачитал приказ Ханжалова:

"*За выступление против Его высочества императора всея России и Его дома, против Его власти и установленного Им порядка на Гати-юрт налагается следующий штраф:*

Параграф 1. До истечения десятидневного срока сдать в Ведено 100 винтовок, 2000 патронов к ним, 500 кинжалов, 50 шашек.

Параграф 2. За каждую несданную винтовку выплатить 50 рублей, за не сданную шашку или кинжал - 10 рублей, за каждый патрон - 50 копеек.

Параграф 3. За найденное во время обысков оружие, помимо его изымания, наложить штраф в следующих размерах:

трехлинейная винтовка - 300 рублей,

японская винтовка - 200 рублей,

берданка - 100 рублей,

кремневое ружье - 50 рублей,

пистолет - 50 рублей,

шашка, кинжал - 20 рублей,

патроны - от 50 копеек до 3 рублей.

Параграф 4. В десятидневный срок погасить долг перед государством в 5104 рубля.

Параграф 5. Выдать властям Хортаева Овхада, Солтханова Солту и Сулиманова Хомсурку, этих смутьянов, которые настраивают против существующей власти.

Параграф 6. За невыполнение данного приказа Гати-юрт будет жестоко наказан.

Начальник Веденского округа подполковник Ханжалов".

Этот ультиматум и привел Янарку на Грозненский базар. Он уже продал четыре бурки, получив по 8 рублей за каждую, и расхаживал по рядам, накинув оставшуюся бурку на плечо.

Вчера после полудня он вышел из Гати-юрта. Преодолев пешком 20 верст, пришел на станцию Герзель. Переночевал у друзей. Рано утром сел на поезд и уже днем прибыл в Грозный. С самого начала этого пути его что-то беспокоило. Начать с того, что сразу же за калиткой навстречу ему попалась идущая за водой Сету с пустым кудалом в руках. Да будь у нее хоть дюжина полных кудалов, сама встреча с ней не сулила ничего хорошего человеку, предпринявшему такой далекий путь. Плюс ко всему и этот сон. Ему привиделись толпы людей, говорящие на непонятном ему языке, крики, драка. И кровь. Увидеть кровь во сне, говорят, хорошая примета, но Янарка все же не мог отделаться от какого-то недоброго предчувствия.

Все, что он услышал по прибытию сюда, тоже не успокаивало. По словам торговцев, обстановка в городе была напряженной. Рабочие с заводов, фабрик и нефтяных промыслов остановили работу и вышли на улицы, требуя от властей повышения зарплаты, улучшения условий труда и быта, увеличения прав и свобод трудящихся. Когда солдаты и казаки предпринимают попытки разогнать их, говорят, доходит до потасовок и применения оружия против рабочих. Еще говорили, что солдаты и казаки не справляются с рабочими, поднимающимися против властей, русскими и чеченцами в селах и аулах, и им на помощь прибывают войска из других областей. Рассказывали, что три дня назад, когда эшелон с войсками остановился в Назрани, солдаты разграбили близлежащие ингушские аулы, были убитые как среди ингушей, так и среди казаков. По-видимому, та же опасность висела и над грозненцами. Прибывшие этой ночью в Грозный солдаты и казаки сразу же начали избивать горцев, смертельно ранили одного чеберлойца. Пьянствуют и бесчинствуют.

Бед у Янарки хватало и без этого. Он должен был выплатить властям в общей сложности шестьдесят рублей. Господи, какие это большие деньги для него! Цена лучшей коровы! А у него в хозяйстве из скотинки всего лишь полуживая коровенка. Янарку и его старуху кормят только их высохшие, огрубевшие руки. Когда-то, лет пятнадцать-двадцать назад, они изготовляли в год двадцать пять бурок и продавали их по десять рублей за каждую. Но сейчас уже нет тех сил. Самое большее у них выходит десять бурок. Кроме того, раньше им не приходилось покупать шерсть, теперь же у них нет даже ягненка. Если удастся продать эту последнюю бурку, наберется сорок рублей. Хотя бы десять рублей нужно потратить на зимнюю одежду для себя и старушки. Она просила привезти теплый платок, жаловалась, что все время мерзнет голова. Янарка купит этот платок, даже если не останется денег для себя. Может, удастся вернуться хотя бы с тридцатью рублями. Тогда бы он погасил половину долга. Но если бы на этих шестидесяти рублях все заканчивалось. Требуют еще оружия и денег. А у Янарки нет даже примитивного чеченского кремневого пистолета. Единственное его оружие - это старый ржавый кинжал. В молодости, когда воевал, у него было самое лучшее оружие. Что-то отобрала власть, что-то он продал сам, спасаясь от голода. Зачем ему оружие на старости лет?

Янарка знает, что у них в ауле только десять человек имеют русские и японские винтовки. Одна из них ушла с Хомсуркой в лес. Допустим, остальные девять

человек сдадут свои винтовки, но и тогда на Гати-юрте останется еще девяносто один ствол. Их надо где-то покупать или выплатить по пятьдесят рублей за каждый несданный ствол. Еще остаются шашки, кинжалы, патроны. Сколько это будет денег? Да кто сможет это подсчитать? По самым скромным подсчетам, на Янарку приходится девяносто-сто рублей. А вместе со штрафами и налогами - сто шестьдесят рублей. Чтобы выплатить все это ему с его старухой надо работать два года, при этом не тратя на себя ни копейки... Но гатиюртовцы ни эти долги не выплатят властям, ни оружия не сдадут. Так решил сход аульчан. Если против них будет предпринята карательная операция, горцы тоже ответят силой.

- Кому сапоги? Хорошие сапоги! Подходи, дешево отдаю! - временами выкрикивал стоящий рядом с Янаркой худой русский с выцветшим лицом, засунув руки в сапоги и постукивая их друг о друга подошвами.

Небо заволокло тучами, и Янарка затосковал. Он решил сегодня же вернуться домой, если оставшуюся бурку удастся продать пораньше. Но больше шести рублей никто за нее не давал. Как же он отдаст ее за такую цену? Его старуха трудилась над ней целый месяц. Правда, эта бурка похуже четырех проданных. За семь с половиной рублей он, пожалуй, и отдал бы ее.

- Да, плохи наши дела, брат, - сказал русский, продававший сапоги. - Все хотят купить наш товар за бесценок. И никому нет дела до того, что дома меня ждут восемь голодных ртов. Кому нужны сапоги? Подходи! Дешево отдаю!

Внезапно весь базар заволновался и зашевелился, словно растревоженный улей. Янарка заметил, что торговцы в спешке хватали товар и убегали. В рядах с зерном недалеко от него возник какой-то шум. В основном там торговали чеченцы, и потому Янарка забеспокоился.

- Посмотри-ка, браток, на рвущихся сюда пьяных казаков! - Торговец сапогами притронулся к плечу Янарки.- Это наши станичники, из Слепцовской. Нет от них покоя ни дома, ни здесь! Они из зажиточных. Смотри, смотри! Чтоб мне сдохнуть, впереди идет вор Игнат из нашей станицы! Как же так, его же посадили! А он спокойно расхаживает по городскому базару! Не к добру все это. Давай уйдем отсюда!

Янарка не понимал его слов, но, проследив за его взглядом, увидел рвущихся к ним пятерых мужчин. В четверых из них Янарка с первого взгляда признал казаков. Но идущий впереди рослый сильный мужчина был одет в городской костюм. Янарке с первого взгляда не понравились идущие за ним пьяные казаки с осунувшимися лицами. Они напомнили ему рассказы о потасовках в Назрани три дня назад и на Грозненском вокзале вчера вечером.

- Эй, дед. Бурка продается? - предводитель четырех казаков ткнул палец в бурку на плече Янарки. - Сколько просишь?

- Десять рублей, - ответил Янарка. И подняв палец. Добавил: - Один червон.

- Старый дурак, кто даст червонец за эту циновку? Отдавай так, бесплатно.

Рослый стащил с его плеч бурку и бросил в руки сопровождавшему его рыжему, толстому коротышке.

Янарка, конечно же, понимал, что покупать у него бурку никто не собирается, но такого поворота тоже не ожидал. От неожиданности он на какое-то время растерялся, но поняв, что казаки собираются уходить, не заплатив ему, подбежал и выхватил из-под мышки толстячка свою бурку. Один из казаков, словно бугай, набросился на Янарку и изо всех сил ударил его кулаком в живот.

- Что вы делаете, станичники, за что вы бьете этого несчастного старика? - закричал продавец сапог. - По-бойтесь бога!

Тот же казак с бычьей шеей сбил его с ног.

- Братья! Бейте чеченцев!

- Бей орду!

- Дави азиатов! Это из-за них нас пригнали сюда!

- Бей дикарей!

От второго удара Янарка потерял сознание и уже не слышал их диких криков, не чувствовал топчущих его ног...

Янарка очнулся в каком-то незнакомом доме. Он приподнял со лба холодное, смоченное в воде полотенце и огляделся. Окружающую его обстановку никогда прежде он не видел: мягкая кровать с высокими спинками, на которой он лежал, стол, четыре высоких стула, портрет мужчины с приятным лицом, висящий в углу. Рядом с ним на табуретке стояла медная кружка с водой. Среди висящей у двери одежды он увидел свои черкеску и папаху, а на полу - свои сапоги из сыромятной кожи. Бурки нигде не было видно. "Интересно, где я? - думал он, силясь хоть что-то понять. - Я сплю или все это явь?"

Солнечный луч. пробившийся в окно, нежно грел правый бок. Чувствовался приятный запах горячего русского хлеба. Почувствовав жажду, он попытался дотянуться до кружки. К счастью, правая рука была повреждена не сильно.

Потихоньку в его памяти восстановилась картина вчерашних событий. Но как он оказался в этом доме? И бурки не видно. Куда же она пропала? Понятно же куда! Вчерашние свиньи с базара забрали, куда же ей еще деваться! Дьявол с ней, с буркой. Лишь бы деньги в кармане бешмета оказались на месте. О том, чтобы подняться и проверить это, не могло быть и речи - все тело словно зажато в тиски. Да и неудобно ходить по дому в отсутствие хозяев.

Вскоре вошла приятная русская женщина лет тридцати пяти. Увидев, что Янарка очнулся, она радостно улыбнулась, подошла и села на табуретку рядом с его кроватью.

- Уже очнулись! Как вы себя чувствуете? Тело не сильно болит?

Янарка понял, о чем она спрашивает, хотя и не знал языка.

- Харашо. Яхши, - широко улыбнулся он беззубым ртом.

- Слава богу, что все прошло, - всплакнула та. - Мы с мужем нашли вас еле живого, вы почти не дышали. Я-то думала, что вы и впрямь мертвы. Весь черный, в крови и ранах... Я закричала от ужаса. Федя попросил меня помочь. И мы втроем с его другом отнесли вас в сторону, кое-как очистили от грязи и крови, взяли извозчика и привезли сюда. Вчера вы всю ночь бредили, и, так и не приходя в себя, заснули заполночь. Эти обезумевшие звери страшно избили вас. Вы-то еще живы. Там много было и убитых...

Во время этого рассказа женщина то начинала плакать, то успокаивалась. Она часто клала свою мягкую, нежную ладонь ему на лоб, поправляла одеяло. Янарка не понимал ее слов, но внимательно слушал, улыбаясь ее улыбке и хмурясь ее слезам.

- Меня зовут София. Со-фи-я, - повторила женщина, показывая рукой на себя.

- Сопи, Сепият! Это чеченское имя, - смеялся Янарка, повторяя ее имя.

- А вы откуда, дедушка?

Янарка немало помучился, пока понял ее вопрос.

- Из Гати-юрта.

- Я не слышала об ауле с таким названием. Наверное, оно высоко в горах. - Да, да. Далико.

- Ничего, дедушка, мы найдем ваш Гати-юрт. Федя приведет чеченца, работающего с ним. Его зовут Хамзат, он наш друг. Это умный и благородный человек и хорошо говорит по-русски. Сейчас они на митинге, на базарной площади. Там собралось несколько тысяч человек - городские рабочие и чеченцы из аулов. Я тоже хотела пойти туда с Федей, но меня оставили присматривать за вами. Мы совсем недавно переехали в город. Федя работает на нефтяных промыслах, а я в прачечной. У нас маленькая зарплата, да и ее толком не платят. Перебиваемся кое-как. Нет возможности дать образование детям. Старшему сыну десять лет. За обучение в школе надо платить, а денег с трудом хватает на еду и кое-какую одежду. Заходите, Митя. Дедушка проснулся. Я отпустила их гулять, чтобы не шумели. Этот у нас второй. Не бойся, заходи. На улице дети слышат, что чеченцы жестокие люди, что они режут людей кинжалами. Вот и пугаются при виде чеченца.

Белобрысый мальчуган, одетый в поношенную, но чистую бумазейную рубашку и в поношенные штаны, остановился в дверях, исподлобья глядя на Янарку. За ним показалась рыжая голова маленькой девочки.

- И ты заходи, Марина. Дедушка ничего не сделает. Это хороший человек, как дядя Хамзат. Идите, поздоровайтесь с дедушкой.

Не зная, как ему приласкать подошедших детей, Янарка погладил их по маленьким головкам и попросил женщину подать ему бешмет. Он запустил руку в большой карман, пришитый его старушкой с внутренней стороны бешмета специально к его поездке на базар. Деньги за проданные бурки были на месте. Он развязал узелок, в котором хранил рубль медными монетами, захваченный из дома на дорогу, и отдал медяки детям.

- Вы что, дедушка! - вскричала женщина, поняв, что он хочет сделать.

- Кампет, кампет...

- Не надо! Нельзя! - отталкивала София руку Янарки, но ее остановили добрые глаза старика, которые глядели на нее с молчаливой просьбой.

- О Боже! Столько денег детям! Как это можно? Десяти копеек им вполне достаточно. Целый рубль! Кто знает, может, у вас так принято, тогда я не могу противиться. Ой, и я хороша! Болтаю тут, забыв напоить больного чаем!

Вскоре вернулся и хозяин дома Федор Тимофеевич. Это был немного полноватый человек с круглым лицом, густыми черными усами и голубыми глазами. Этот чуть шепелявящий русский сразу понравился Янарке.

- О-о, мой гость, оказывается, уже поправился! - подошел он к Янарке. - А я врача привел. Садитесь, Василий Степанович. Хамзат, и ты сядь поближе. Будешь нашим толмачом. Ну как, дедушка, как вы себя чувствуете? Василий Степанович, осмотрите его, пожалуйста, он в состоянии разговаривать?

Врач, худощавый человек высокого роста с аккуратно подстриженной круглой бородкой и большими усами, надел очки, сел на кровать рядом с Янаркой, взял его за руку и стал проверять пульс. Потом он прослушал живот и спину больного, прикладывая к его телу что-то похожее на зурну, и поднялся.

- Ничего опасного. Пролежит недельку и может ехать куда угодно.

Хамзат рассказал Янарке подробности вчерашних событий на базаре. Солдаты, вызванные для усмирения пьяных до безумия казаков, которые били и грабили чеченцев, не только не остановили их, но сами примкнули к бесчинствующим. Убито семнадцать чеченцев, а раненых, как Янарка, намного больше. Одних товарищи увезли в аулы, других положили в больницы. Кто-то смог уйти сам. Казаки и солдаты разграбили и разрушили дома и магазины чеченцев. Все это

сделано с одобрения властей и преследует цель вызвать вражду и противостояние между русскими и чеченцами.

- Слава Богу, что вы остались живы, - сказал Федор Тимофеевич, поговорив с врачом. - У вас оказался крепкий организм, только поэтому вы выжили. Он был в ужасном состоянии, когда мы нашли его. Кто бы мог подумать, что он выкарабкается. Теперь, Хамзат, расскажи-ка деду о сегодняшних выступлениях на митинге. Скажи ему, что собравшиеся там русские и чеченские трудящиеся осудили черные дела властей. У русских трудящихся и подобных мне бедных казаков нет ненависти к чеченцам. Наоборот, мы хотим встать с вами в один ряд, скинуть ненавистную царскую власть, завоевать свободу для себя и для вас и жить с вами в мире и братстве. Власти понимают, с какой грозной силой им придется столкнуться, если мы объединимся в борьбе за свободу. Поэтому они делают все, чтобы создать вражду и напряженность между нами. Сами казаки никогда не додумались бы до такой подлости. Власти заплатили им деньги, напоили водкой. Да и кто они, эти казаки, бесчинствовавшие на рынке? Воры, разбойники, убийцы. Одним словом - бандиты, у которых руки по локоть в крови. Арестанты, которым обещали свободу за учинение над вами такой дикости. Им все уши пропели баснями о том, что в этих краях и по всей России именно горцы, евреи, армяне и другие инородцы сеют смуту, провоцируют народ на неповиновение и открытое противостояние властям. Что вы хотите изгнать из этих краев русских и казаков. Это все, конечно, сплетни властей, богатеев и черносотенцев. Некоторые чеченцы совершают акты насилия по отношению к русским и казакам, а казаки и солдаты совершают карательные действия против ни в чем неповинных чеченцев. Как вчера. Власти запросто могут остановить злодеев с обеих сторон, но не хотят этого. Наоборот, казаков снабжают оружием, чтобы они повернули его против чеченцев. С другой стороны, и чеченские злоумышленники ходят безнаказанными. Все это делается для того, чтобы между чеченцами и русскими не было мира, а сохранялась и углублялась вражда. Но мы не враги и никогда ими не будем! Наш общий враг - царь, богатеи и их власть. Поэтому, верь, мой друг, придет тот светлый день, когда мы раздавим нашего общего врага и заживем в мире, согласии и счастье, одной семьей, как дети одной матери!

Когда Хамзат перевел ему эти слова, Янарка сел и схватил руку хозяина дома.

- Хамзат, скажи им, что чеченцы начинают разбираться во всем этом. Мы ни в чем не обвиняем русский народ, не он отобрал у нас свободу, не он держал под жестоким игом и не он сотворил вчерашнее безумие на базаре. Мы обвиняем в этом царя, богачей и их власть. Ведь царь, богачи и вчерашние злодеи - это не русский народ. Русский народ - это вы, Сепият, торговавший рядом со мной бедный русский и такие же, как вы. Так же, как и ты, говорили и наши односельчане Али и Овхад. Если в их словах я и сомневался до вчерашнего дня, то сейчас эти сомнения полностью рассеялись. Спасибо вам. Я говорю это не потому, что вы спасли мне жизнь. Нет. Я благодарю вас за то, что вы есть, за ваше гостеприимство, благородство и доброту, за то, что очистили мое сердце от сомнений и обид. Я даже рад, что меня вчера избили, ведь иначе я не познакомился бы с вами...

Янарка с самого детства не плакал, но тут его глаза увлажнились, губы задрожали. Чтобы скрыть это, он откинулся на подушку и отвернулся к стене.

Отвечая на вопросы Хамзата, он рассказал, откуда он и какие дела привели его на базар.

- Семья у тебя есть?

- Старуха. Детей у нас нет. Нет у меня ни родного брата, ни двоюродного.

Хамзат задумался.

- Эти русские мои друзья и очень хорошие люди. Но, тем не менее, оставлять тебя здесь было бы не совсем прилично. Да и живут они в тесноте. Я возьму извозчика и перевезу тебя к себе. Найдем человека из ваших мест и передадим весточку в

Гати-юрт, чтобы не беспокоились о тебе. Когда поправишься, отвезем тебя домой.

Янарка глубоко и свободно вздохнул.

Не зря говорится, что путь к сердцу человека лежит через его желудок.

Если чеченцы как-то мирились с политической и социальной несправедливостью, то терпеть голод у них просто не было сил. Только единицы способны сохранять человеческое достоинство и благородство, когда голод берет за горло. После покорения Чечни половину ее самых плодородных земель власти отобрали. По этой причине голод прочно поселился среди горцев. Он разлучал отцов со своими семействами и уносил на поиски заработков. И тут перед человеком возникало три пути: поиск работы в городе, воровство и разбой, возделывание земель у зажиточных казаков, кумыков, кабардинцев. Чеченцам запрещалось поселяться в городе. Не хотели они заниматься и воровством, это было запрещено религией. Поэтому многие чеченцы выбирали третий путь. Ровно половина казачьих земель не обрабатывалась, она лежала без всякой пользы, заросшая бурьяном. По этой причине горцы тянулись туда. Сотни семейств из Ичкерии арендовали там земли и работали на них по найму. Ичкерийцы ежегодно выплачивали новоявленным хозяевам этих земель до полумиллиона рублей. Но, несмотря на это, власти по политическим мотивам запрещали казакам сдавать чеченцам землю. Даже если бы они платили в десять раз больше, чем представители других народов. Власти опасались, что совместное проживание сблизит казачьих и чеченских бедняков, что между ними возникнут дружеские отношения, что на борьбу с существующей властью они поднимутся единым строем. Поэтому власти разрушали чеченские хутора вокруг казачьих станиц и гнали хуторян в горы. Одним из таких возвращенцев был Мусха Жантамиров, пять лет назад поселившийся в Арчхе в сооруженной им самим землянке.

Однажды прогуливавшийся по лесу Али наткнулся на маленькое поле в Арчхе. Пни от сваленных деревьев были до сих пор в саже, кое-где на них пробивались зеленые побеги. Нельзя было сказать, что хозяин поляны срубил государственные или принадлежащие какому-нибудь аулу деревья. Не было возможности и расширить поляну. Она находилась на части склона, сползшем вниз к реке. Этот своеобразный остров был со всех сторон окружен крутым невысоким обрывом.

На коричневой, пахнущей болотом земле с пятнами солончака росли желтые стебли кукурузы, доходившие до колен пропалывавшему их худому старику с длинной седой бородой. Среди кукурузы виднелись низкорослые кусты фасоли и редкие кусты тыквы.

- Ассалам алейкум, Бог в помощь! - крикнул Али, остановившись.

Старик выпрямился, рукавом бешмета вытер пот со лба и, заслонившись рукой от солнца, внимательно посмотрел на подошедшего.

- Ваалейкум салам! Спасибо. Это ты, Али? - накинув мотыгу на плечо, он подошел к Али. - Какие дела привели тебя сюда?

Али не знал этого человека.

- Заскучал дома, вот и вышел развеяться.

- Ну, как здоровье? Давай присядем. Здоровы ли сын, внуки?

- Спасибо. У вас как?

- Нас нет, Али. Я один. Присядь сюда, на траву. Заодно и я отдохну. Ты меня, наверное, не знаешь. Здесь немногие меня знают. Когда я расскажу о себе, может ты и вспомнишь меня. Давным-давно, когда мы с отцом переезжали в Затеречье, мы встретили тебя. С тех пор прошло 50 лет, но я до сих пор помню слова, которые ты сказал отцу в тот день.

- Как - звали твоего отца?

- Жантамар.

Воспоминания перенесли Али на 50 лет назад. В тот день он ходил по аулу, ища, у кого бы найти вола, чтобы впрячь его на пару со своим и вспахать участок Васала. Он наткнулся на старого Жантамара, который грузил на арбу свой нехитрый скарб. Со слезами на глазах Жантамар прощался с соседями. Али огорчился, когда узнал, что тот переезжает за Терек. В ауле и так оставалось мало людей. Мертвые, конечно, не воскреснут, но ему очень хотелось, чтобы хотя бы живые не покидали аул.

- Зря вы уезжаете туда, - сказал он Жантамару. - В беде и счастье легче среди своих. Вы же платите казакам за нашу землю, арендуете чеченские земли. Надо иметь гордость.

- Что же делать, Али? - лицо Жантамара нахмурилось еще больше. - Не от хорошей жизни я туда еду. Трудно кормить здесь эту саранчу. Как мы знаем, здесь я тоже пришлый человек. У меня, как у пришельца, нет здесь права голоса. Вдобавок - хочется жить на земле своих отцов, хочется умереть и быть похороненным там. Да и вам здесь не сладко. Такие же пришлые, как я, итак стеснили вас...

Сам Жантамар не был гатиюртовцем. Он переселился в Ичкерию и обосновался там после того, как русские сожгли его родной аул за Тереком и заложили на его месте казачью станицу. Таких семей, переселившихся из-за Терека, в Ичкерии было очень много. В результате этого в Ичкерии возникла острая нехватка земель, которых и для коренных было мало. Но приезжих нельзя было оставлять без земли. Ведь это были чеченцы, мусульмане, которых жестокая война изгнала из родных мест. Горцы выделили им небольшие участки земли, отрезав их от своих наделов и устроили у себя, пока не кончится война и те не вернутся к себе на равнину. Ичкерийцы оказывали приезжим внимание, помогали им. Но кончилась война, русские построили станицы на их землях, и равнинные чеченцы остались в Ичкерии. Их называли "пришлыми". Они не могли претендовать на сельские земли, не имели голоса на сельском сходе. Зная все это, Али не слишком осуждал уезжающих. В самом деле. Как им тут жить? Все земли были заняты. Ежегодно даже между коренными возникали споры и трения из-за земель. Раньше женившемуся молодому человеку и приезжему выделяли делянку, на которой он мог выкорчевать лес. Сейчас и это стало невозможно - все леса были объявлены государственной собственностью.

Али посмотрел на старика. Тот сидя продолжал срывать сорняки.

- Ты который из двух сыновей Жантамара?

- Старший. Мусха.

- Мусха... Кажется, тогда у тебя была семья.

- Была. Трое сыновей и две дочери. Старшему было 10 лет.

- А где они? Мусха долго молчал.

- Это слишком длинная история, Али, - сказал он наконец. - Рассказываешь - все переживаешь заново. Молчишь - эта боль горит внутри. Да и некому мне это рассказывать, некому посочувствовать мне, пожалеть меня. Но тебе расскажу. Ты повидал в жизни много горя. Можно сказать, тоже остался один на склоне лет, как и я. Когда на человека наваливается горе, он думает, есть ли кто-нибудь еще на этом свете, с кем судьба обошлась так же жестоко. Когда находит такого же горемыку, как он сам, человек успокаивает себя тем, что и другие подвергаются таким же испытаниям. Они же находят силы выстоять, думает он, значит должен выстоять и я. В твоей душе боль и тоска, Али, но, выслушав меня, ты поймешь, что у тебя была не самая худшая судьба.

"Что же повидал этот человек, если его лишения и горести были страшнее тех, которые пришлось испытать мне?" - удивился Али.

- Уехав отсюда, в Междутеречье мы заложили небольшой хутор недалеко от казачьей станицы и обосновались там. За разрешение там жить и за обрабатываемую землю мы ежегодно платили станице определенную сумму денег. Таких чеченских хуторов по обеим сторонам Терека было довольно много. Когда здесь или в Грозном чеченцы совершали что-то против русских, казаки срывали свою злость на нас, живущих там. Если где-то чеченцы совершали воровство или грабеж, это сразу же связывалось с нами, нас объявляли их сообщниками. Множество раз случалось, что ущерб от этих похищений возмещали живущие и работающие там чеченцы. А кражи и грабежи там совершались не одними только чеченцами. Среди казаков тоже было очень много воров. Они принимали там воров из чеченцев. Злоумышленники с обеих сторон сообща творили это зло. Кроме того, среди них было немало грабителей и других национальностей, но почему-то все списывалось на чеченцев. И не только потому, что большинство среди них были чеченцы, но и просто назло нам. Воры и грабители создают негативное мнение о нас, из-за них наш народ испытывает большие беды и лишения. Вчера здесь проезжал человек из Аргуна. Он рассказал, что недавно были большие стычки между ингушскими аулами и казачьими станицами, есть убитые и раненые, Яндарка разрушена. В такой же стычке между чеченцами и казаками вскоре после нашего отъезда был убит мой младший брат.

Про стычку в Яндарке Али слышал от Овхада. Возле станицы Троицкой нашли убитого ингуша, из-за этого между ингушами из Яндарки и станичниками возник конфликт. К обеим сторонам на помощь пришли ингуши и казаки из ближайших ингушских аулов и казачьих станиц. Поняв, что в начавшейся драке они не окажутся победителями, ингуши призвали войска рассудить и помирить их. Хотя знали, что в любом случае, как бы они ни были правы, вину возложат на них, что власти однозначно возьмут сторону казаков. Отряд в составе пулеметной роты, батальона пехоты и трех сотен казаков вместо примирения сторон напал на Яндарку и разрушил его. Рассказывали, что убито до двадцати ингушей, есть раненые, побито много скота, сожжены дома. Много семей осталось без крова.

Свидетелем же трагических событий на Грозненском базаре был и гатиюртовец Янарка.

- Лет десять назад власти разрушили чеченские хутора и изгнали оттуда чеченцев. Солдаты разбирали дома хуторян, что-либо ценное продавали казакам, все остальное бросали в огонь. Нас под конвоем сопроводили обратно в Ичкерию. Тогда мне удалось сохранить свой дом.

Наши друзья-казаки заявили властям, что жилище это уже куплено ими. Я планировал переждать, пока все успокоится, и вернуться назад. Больше мне некуда было идти. Конечно, там тоже было нелегко. Чеченцам приходилось платить двойные налоги - по месту постоянной прописки и на новом месте. Переждав год, вместе со своей семьей я вернулся туда. Мои друзья, казаки, сохранили в целости и сохранности наш дом. Года два-три мы жили спокойно. Наладилось хозяйство, расплодился скот. У нас было четыре вола, четыре трехгодовалых быка, четыре коровы и одна лошадь. Мы трудились днем и ночью, прося Аллаха о защите и избегая всяких контактов с властями. Но четыре года назад власти опять начали разрушать хутора. Как ни старались мои друзья, на этот раз и они не смогли ничего сделать. Это было как раз в период осенних дождей. Они размыли дороги, и они стали абсолютно непроходимыми. У обоих сыновей были маленькие дети. Пока мы и наши друзья носились с просьбами оставить нас там, пока Терек не затянется льдом, наступила зима. Прибывший с первым снегом в сопровождении казаков атаман предупредил нас, что если мы не съедем с хутора в течение трех дней, он сожжет наши дома. Я знал, что они так и сделают, такие случаи там бывали. Пути к спасению не было, и мы загрузили в арбы наш скарб, сверху усадили детей и тронулись в путь.

Али слушал Мусху и смотрел на его землянку. Через открытую, свисающую в

сторону дверь виднелась земляная кровать, устланная старым полушубком, и прислоненная к стене берданка в углу. Во дворе, недалеко от входа, был сооружен очаг из трех камней, рядом с которыми лежал опрокинутый чугунный котел, покрытый толстым слоем сажи. Здесь же лежал плоский камень, приспособленный для выпечки на нем чурека.

- К вечеру мы приблизились к Тереку. Велев сыновьям присмотреть за скотом, я верхом на лошади отправился на поиски удобного для перехода места. За спиной у меня сидел внук. В одном месте я наткнулся на след волка, перешедшего на тот берег. Верхом на лошади мы с внуком пересекли Терек туда и обратно. Лед, хотя и не был до конца затвердевшим, был достаточно крепким. По слабому льду волк никогда бы не стал переходить. Вскоре подоспели и наши сани. Чтобы еще раз проверить лед, я сначала перегнал на тот берег скот. Лед не проломился. Я махнул сыновьям рукой, чтобы они переходили, а сам поскакал за быком, отбежавшим в сторону. Внезапно за моей спиной послышался сильный треск, будто что-то взорвалось, и крики ужаса. "Дада, лед проломился!" - закричал мальчик за моей спиной. Я оглянулся. Врагу не пожелаю видеть то, что предстало моим глазам... Лед, проломившийся на большой площади, поднимающаяся наверх холодная бурлящая вода. Изо всех сил бьющиеся во все стороны волы, которых затягивают под воду груженые сани. Мои сыновья, пытающиеся спасти свою мать и детей. Я тоже, как угорелый, бросился на помощь, что-бы спасти их. Но где там! Я и подойти не успел, как их уже накрыла мутная вода. Проглотив в одно мгновенье двенадцать человек, четыре вола и пару саней, отрыгиваясь, словно объевшийся зверь, буйный Терек продолжал свой вечный путь... Мусха замолчал.

- А оставшийся мальчик с тобой? - спросил Али. Мусха тяжело вздохнул.

- Дальше рассказывать еще трудней, Али. Поэтому я и остановился.

Бледное, как бы скрученное горем лицо старика, покрытое испариной, даже отдаленно не напоминало лицо, которое Али видел час назад.

- Сначала мне пришла мысль самому броситься в воду и покончить с этой жизнью, - через некоторое время продолжал Мусха. - Тереку не составило бы труда проглотить и меня, тем более что я и плавать-то не умел. Только смерть могла погасить огонь в моей груди. Я решил, что грех и позор - ничто по сравнению с испытываемыми мною муками. Я шел по льду, над которым плескалась вода. Не знаю, что и почему заставило меня оглянуться, но, оглянувшись, я увидел внука, охрипшего от рыданий, в диком ужасе бегающего из стороны в сторону по краю берега. Он внезапно остановился, и, будто разгадав мои мысли, протянул вперед руки и закричал: "Дада, не оставляй меня!". С этими словами он бросился ко мне по льду. Этот крик заставил меня подумать. Случившееся не исправить ничем. Моя смерть ничего уже не изменит. А об этом сироте позаботиться уже некому. Словно поняв весь ужас случившегося, каким-то диким ревом огласил окрестности скот на том берегу. Когда я подошел к мальчику, он в каком-то ужасе стал пятиться назад. Позже я понял, что его так испугало... Мои борода и волосы на голове в одночасье поседели. Внутри у меня все горело, словно кто-то наполнил мою грудь горящими углями. Мысли путались. Вблизи не было аулов, чтобы позвать на помощь людей. Да и что они могли сделать? Исчезнувших подо льдом 12 человек не воскресить, даже если собрать все человечество. Надежды на то, чтобы отыскать трупы, тоже не было никакой. Немного придя в себя, я решил заночевать там, может к утру в голову придет какая-нибудь мысль, ведь я просто не знал, что мне дальше делать. К тому же и скот был голоден, их гнали целый день. Я не мог бросить на произвол судьбы эти Божьи создания. Я принес немного камыша, развел костер и устроился ночевать. С утра ничего неевший мальчик был голоден. И в счастье, и в горе ребенок остается ребенком. У нас не было ничего из съестного. В надежде подстрелить какую-нибудь дичь и чтобы проверить, не крутятся ли возле скота волки, я укутал в свою овчинку мальчика и, взяв ружье, углубился в камыш. Пройдя довольно большое расстояние и отчаявшись наткнуться на дичь, я возвращался. Вдруг мне показалось, что навстречу мне пробирается какой-то зверь. Решив, что это волк или кабан, я направил ружье в сторону шума и выстрелил. Я услышал какой-то крик, но не звериный, а потом и стоны, которые

удивили меня. Когда все стихло, я подошел к тому месту и нашел там умирающего внука...

- Остопируллах! Дай тебе Аллах терпения и сил вынести все это! - воскликнул Али. - Какое это страшное испытание для человека!

Грустные глаза под тонкими бровями на высохшем лице Мусхи, словно неживые, уставились на дальний склон и остановились. Кто знает, может быть, он и плакал иногда, оставаясь один в этом диком лесу, когда его не мог слышать никто, кроме Создателя. Но перед Али он не позволил слезам появится у себя на глазах, заталкивая обратно к себе в грудь горькие стоны, ищущие выход наружу.

- Не знаю, то ли он побоялся остаться там один, то ли обо мне забеспокоился, но, не дождавшись меня, несчастный пошел по моим следам. Я провел рядом с ним ночь, ни на миг не сомкнув глаз, а наутро с трупом внука на руках и скотом впереди я пришел в ближайший аул. Мальчика я похоронил там. Раздал в том же ауле на милостыню весь скот и обосновался в этой землянке. Вот видишь, Али, после всех нечеловеческих трудов и поисков удачи это все, что мне досталось. Тогда, погоняя к Тереку свой скот, я думал, что оставшийся мне на этой земле срок я проведу как нормальный человек, с чуреком в сакле, радуясь сыновьям и внукам. Все, что мы, начиная еще с моего отца, накопили потом и кровью, и детей, ради которых все это делалось, в один миг проглотил ненасытный Терек. Я слышал, что, вернувшись после тридцати восьми лет ссылки, ты нашел свою жену замужем за другим, и это тебя мучает. Если подумать, ты найдешь много таких людей, с которыми случились несчастья, подобные моим. Тогда ты поймешь, что твое горе на самом деле ничто. Ну что ж, в надежде как-то успокоить свое сердце, я слишком задержал тебя. Теперь иди.

Действительно, по сравнению с испытаниями, выпавшими на долю Мусхи, с Али, можно сказать, ничего не случилось. Али, как благородный человек, свои дела уладил, не позволив им раздуться во вражду. Но, как он ни старался, бес иногда все же овладевал его сердцем. Ведь выход замуж за другого твоей законной жены - позор. Лучше бы Али умереть...

Из жалоб казаков станицы Кахановской:

1905 год,

1 апреля. Ночью на своем поле убит казак Иван Максимов. Следы злоумышленников ведут на Гудермесские земли.

19 октября. Чеченцами убиты возвращавшиеся на повозке 85-летний казак Иван Стрельцов и его внук от дочери Захар Руднев. Их обгоревшие тела найдены в Черной Речке, на территории Цацан-юрта.

1 ноября. Десять чеченцев верхом на конях напали на чабанов Ивана Саенко и увели 300 овец. Следы злоумышленников обрываются на территории Амир-Аджи-юрта.

18 декабря. Банда из чеченцев напала на возвращавшихся из Грозного десятерых казаков и ограбила их. При этом убиты Егор Выпрецкий, Фрол Демченко и еврей И. Дубиллер. Следы уходят в Цацан-юрт.

18 декабря. Убит возвращавшийся из станицы Щедринской через Брагуны Михаил Стрельцов. Следы обрываются в Брагунах.

1906 год.

28 февраля. Проломив стену хлева, увели двух волов казака Ивана Бондарева. Следы ведут на земли Мескер-юрта.

17 апреля. Чеченцы убили возвращавшегося в Кахановскую через Шелковскую на фаэтоне дворянина из казаков Игнатия Гуминского и увели фаэтон и лошадей.

1 июня. Пятеро чеченцев отобрали коня у крестьянина Ивана Кишки.

22 сентября. Чеченцами ограблена почта из Кахановской на станцию Гудермес, при этом убит Кузьма Негодное, ранен Тихон Петрусенко. След ведет в Гудермес.

6 октября. Чеченец ранил казака Трофима Негоднова.

15 октября. Чеченцами ранен казак Самуил Максимов. След ведет в Цацан-юрт и Мескер-юрт.

Строки из печати:

"*На Северном Кавказе мы имели дело с высшей степени сложной политической обстановкой. Здесь мы имели, с одной стороны, многоземельное, зажиточное, в прошлом пользовавшееся всеми правами казачество, если можно так выразиться, "народ-помещик". С другой стороны, иногороднее население и горцы, безземельные и бесправные в прошлом*".

Г. К. Орджоникидзе.

"*К сожалению, насколько много сделано нами на Кавказе для того, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря, в этом отношении не сделано еще даже начального шага*".

Я. Абрамов.

"*После покорения Чечни, русские не сделали ничего, что-бы хоть сколько-нибудь просветить дикарей-чеченцев и хоть сколько-нибудь располагать их к культуре, просвещению и образованию*".

Профессор П. И. Ковалевский.

ГЛАВА IX МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДА

Управляют нами военные чины, отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют, незаинтересованы в судьбах его, и в деле смягчения нравов, обычаев народа ими не сделано буквально ничего.

Т. Эльдарханов

Шел второй год со дня возвращения Овхада.

Соип, освобожденный Зелимханом, обосновался в маленьком хуторе, затерявшемся в горах. Переехала туда и Деши. Там же вскоре Соипа женили. Все хлопоты, связанные с переговорами с родственниками невесты и со свадьбой, взял на себя Овхад.

Ровзан и сноха несколько раз заговаривали с ним о женитьбе. Но Овхад не соглашался. Конечно, хозяйка в доме ему была необходима. Он же не молод, уже пятый десяток разменял. Да и сноха не обязана вечно ухаживать за ним. Но ему не хотелось в это непростое время заводить семью. Тем более, что нынешняя деятельность вполне могла снова отправить его в Сибирь.

За это недолгое время Овхад успел ознакомиться с непростой обстановкой в Чечне. Он сблизился с представителями немногочисленной демократической интеллигенции - семьями Шериповых, Мутушевых, Эльдархановых и Саракаевых, завел дружбу со знаменитым алимом Соип-муллой, познакомился с руководителями Грозненского бюро РСДРП.

Тяжелая социально-экономическая и политическая обстановка в Чечне буквально бросалась в глаза. По нищете, болезням и смертности чеченский народ занимал первое место не только в Терской области, но и во всей России. Следом за ним второе место по этим показателям занимали местные русские рабочие и крестьяне. Казаки же по средним меркам жили благополучно.

У чеченцев не было даже тех политических прав, какими обладали живущие здесь русские. За убийство чеченца казак не привлекался к ответственности. Если же чеченец убил или ограбил казака, то суровому наказанию подвергался целый аул, к которому приводили следы злоумышленника. Словом, чеченцев держали вне закона, предварительно лишив их всех человеческих прав. Вдобавок, в Чечне сохранялось военно-колониальное управление, которого не было нигде в империи.

Еще более тяжелая ситуация сохранялась с внедрением в чеченское общество образования, науки, культуры, с налаживанием системы здравоохранения. Для чеченских детей была открыта всего одна школа в Грозном, из 97 учащихся которой в текущем году чеченцев было всего 47, да и те только дети из самых обеспеченных семей. В чеченских аулах не было ни одной больницы, амбулатории, аптеки, ни одного врача и фельдшера. Больных здесь лечили всевозможные знахари и муллы.

Остро стоял в Чечне и земельный вопрос. Жителям ее горной части урожая со своих маленьких участков не хватало даже на зиму. Вдобавок с них взимались государственные налоги, по самым незначительным поводам их подвергали штрафам. Чеченцы выплачивали военный налог, налог для нужд больниц и врачей, которых здесь вообще не было, на содержание сельских приставов и их канцелярий, старшин, писарей, толмачей, казначеев, из кармана чеченцев оплачивались расходы, связанные с разъездами по краю всевозможных чиновников. Более того, чеченцы со своими арбами и рабочим скотом бесплатно трудились на строительстве и ремонте дорог, заготавливали дрова для военных гарнизонов, выполняли многие другие работы.

Некоторые из этих повинностей были уже отменены властями, но темные горцы этого не знали. Одни старшины, не отличавшиеся сознательностью и грамотностью от простых людей, заставляли горцев выполнять все это по незнанию, другие

делали это в целях личного обогащения.

Когда в России началась революция, ее волна докатилась и до Чечни. Рабочие с Грозненских нефтяных промыслов, заводов, фабрик и железнодорожного депо беспрерывно бастовали. Они требовали от хозяев предприятий и властей улучшения условий труда, строительства жилья для рабочих и бесплатных школ для их детей, прекратить увольнения рабочих без согласия их представителей, отменить систему штрафов. Уволить жестоких, несправедливых инженеров и мастеров, предоставить рабочим право на проведение собраний, забастовок и стачек.

Выказывали неповиновение власти и чеченские аулы, особенно в Веденском округе, где нехватка земель ощущалась наиболее остро. Они прекратили платить государственные налоги, не соблюдали другие повинности. Освобождали назначенных сверху старшин, кадиев и мулл и на сходах избирали своих.

В Чечне распространились кражи, грабежи и разбои. Чеченцы совершали их и по отношению друг к другу, но в основном подвергали этому казаков. Пользуясь этим, власти усиленно вооружали казаков. По просьбе атамана Сунженского отдела генерала Суровецкого, генерал-губернатор области Колюбакин выдал семи тысячам казакам, проживающим на территории отдела, 5000 пятизарядных винтовок, дополнительно к уже имевшимся у них 2725, и один миллион патронов к ним. Более того, по просьбе Суровецкого в помощь местным казакам сюда перевели и 2-ой Кизлярско-Гребенской казачий кавалерийский полк.

Несколько тысяч грозненских рабочих провели митинг в знак протеста против дикой жестокости, совершенной против чеченцев на грозненском рынке в прошлом году. Они требовали наказания виновных. Но виновные, как всегда, остались безнаказанными. Тогда в отместку за это абрек Зелимхан расстрелял 17 русских (таких же безвинных, как и погибшие на рынке чеченцы), сняв их с поезда на Кади-юртовском разъезде, и ограбил эшелон.

Некоторые представители чеченской интеллигенции одобряли действия чеченцев по отношению к казакам, преследование Зелимханом наиболее жестоких чиновников и военных, ограбления почты и банков. Овхад был решительно против всякого террора, как с той, так и с другой стороны. Вражда между чеченцами и казаками, их взаимная ненависть - как раз этого и добивались власти. Любое действие чеченцев против казаков всегда оборачивалось для самих же чеченцев еще большим злом, наказанию подвергались целые аулы, вражда разгоралась с новой силой. Поэтому Овхад считал важным разоблачение коварной политики администрации края, проведение разъяснительной работы среди чеченцев и казаков, призывал их к миру и согласию.

Контрибуция, наложенная начальником Веденского округа Ханжаловым на Гати-юрт, так и не была выплачена в полном объеме. Гатиюртовцы выплатили некоторые долги перед государством и сдали холодное оружие. От карательных мероприятий их спасла сложная, опасная обстановка в Грозном и в округе. Горцы считали, что обстановка в их округе накалилась из-за жестоких действий Ханжалова. Он довел местное население до отчаяния, налагая на них непосильные поборы, за невыплату которых в полном объеме и за малейшее сопротивление этой несправедливости горцев бросали в тюрьму, ссылали на каторгу. От имени жителей округа Овхад вместе с товарищами несколько раз отправлял телеграммы в адрес генерал-губернатора Колюбакина с просьбой об отстранении от должности Ханжалова. Но на телеграммы эти никто не ответил. Тогда они собрали три тысячи человек из Веденского округа в ауле Устаргардой и пригласили туда Колюбакина. Тот прислал вместо себя своего советника Вертепова. Овхад, направленный сходом на переговоры, заявил, что они будут говорить только с генерал-губернатором, и Вертепов ушел с ни с чем.

Овхад позже узнал, как ответил Вертепов на слова Колюбакина о том, что он не выйдет к этой своре туземцев.

- Ваше превосходительство, там собралась не свора туземцев. Это военный лагерь из трех тысяч вооруженных воинов, подчиненных суровой дисциплине. Если вы не поговорите с ними и не уберете Ханжалова из этого округа, дело может обернуться для нас большой бедой. Более того, представитель собрания, с которым я говорил, в совершенстве владеет русским языком, хорошо разбирается в политике и искусный дипломат.

Через месяц, когда эти же три тысячи человек снова собрались в Устаргардое, Колюбакину все же пришлось явиться туда. Перед ним предстала картина, о которой рассказывал Вертепов. Собрание действительно напоминало военный лагерь. Никакого шума, никаких самовольных действий. Овхад коротко рассказал генерал-губернатору о напряженной обстановке в Веденском округе, сложившейся из-за преступных действий Ханжалова, о том, что волнения в аулах - это результат произвола начальника округа. В конце он подчеркнул, что если в ближайшее время Ханжалова не уберут из округа, дело закончится кровопролитием.

В результате всего этого Ханжалов был отстранен от должности, и на его место назначили Галаева. Этот выбор был не случаен. Администрация края осуществляла в Чечне коварную, провокационную политику. В округа с чеченским населением назначались представители других народов Кавказа. Такие назначения преследовали двоякую цель. До Ханжалова пост начальника Веденского округа занимал подполковник Добровольский. Это был тупой, алчный военный чиновник с грязными руками. Отстранив его от должности как не справляющегося со своими обязанностями, на этот пост назначили Ханжалова, а Добровольского оставили его помощником. Зелимхан, давно объявивший месть Добровольскому, вскоре убил его. Убийство русского не влекло за собой серьезных последствий для убийцы. Убийством же горца человек подвергал себя кровной мести, которая преследовала его всю жизнь и когда-нибудь да настигала. То ли из-за этого, то ли потому, что это был их сосед, дагестанец, такой же горец и мусульманин, как и они, но чеченцы не убили аварца Ханжалова, несмотря на его жестокость. Второе, администрация края свое жестокое военно-колониальное управление в Чечне поддерживала руками представителей соседних народов. А недоверие, ненависть, месть чеченцев к этим безжалостным администраторам распространялась и на их народы. С этой целью вместо Ханжалова начальником Веденского округа был назначен осетин Галаев.

Успехи схода в Устаргардое воодушевили Овхада. Сход добился от властей и ряда политических свобод для чеченцев. До сих пор старшины, кадии, муллы и старейшины в аульские советы назначались сверху. Сход добился у генерал-губернатора права на их избрание непосредственно жителями населенных пунктов. Овхад надеялся, что таким мирным, политическим путем, без применения оружия и без кровопролития, удастся вернуть свободу.

К этому же времени возникла и другая проблема, которая требовала безотлагательного решения. Когда в России началась революция, крестьяне стали грабить и поджигать имения помещиков. Власти вербовали среди горцев наемников для защиты помещиков от крестьян. Волонтер получал 460 рублей в год, коня и обмундирование. Более того, власти принимали на себя обязательство наградить медалью наиболее отличившихся и устроить их на государственную службу. С этой целью в Чечню приехал какой-то полковник Загоскин. Ему удалось завербовать среди чеченцев 200 человек. Он уже выдал им деньги и обмундирование, а коней обещал предоставить по прибытии на место. Короче говоря, 200 чеченцев согласились стать наемниками. Стать палачами крестьян, восставших против помещиков, на протяжении веков державших их в рабстве. Надо было во что бы то ни стало остановить выезжающих в Россию наемников. Чеченцев и так уже обвесили множеством позорных ярлыков. Нельзя было допустить, чтобы к ним прибавились и такие, как наемники и палачи. Для этого нужно было поднять грозненских рабочих. Депутатом в Государственной Думе от малых народов Терской области являлся Таштамир Эльдарханов. Надо было посоветоваться с ним и с другими товарищами.

Пристав Хамов, прибывший в Гати-юрт для проведения выборов сельского

управления по новому закону, задерживался в доме Сайда. Но это нисколько не беспокоило собравшихся на площади людей. У них накопилось много новостей, которыми они спешили поделиться друг с другом.

Одни обсуждали убийство Зелимханом своего врага, бывшего начальника округа Добровольского и оказавшегося с ним есаула Нецветаевского. Другие говорили о возвращении чеченских кавалеристов с русско-японской войны. Из трех гатиюртовцев до дома добрался только один - Солта Солтханов. Подобно отцу, когда-то воевавшему против турков, Солта потерял на фронте левую руку. За мужество и героизм, проявленные в боях, его наградили, но не медалью, а крестом. Он никогда его не носил, ведь христиане, как язычники, молились на него.

Кавалерийская бригада, сформированная из представителей кавказских народов, довольно быстро охладела к войне, которую две империалистические державы вели ради каких-то своих интересов. Вербовщики говорили им, что Япония напала на нашу общую родину, что защита Отечества - святой долг всех народов, живущих в России. Но прибыв на место горцы поняли, что война началась по вине обеих дерущихся государств, которые ни в коей мере не защищали интересы трудовых масс ни Японии, ни России. Их возмущала тупость генералов, из-за бездарности которых бессмысленно гибли солдаты. В октябре прошлого года в Манчжурии, близ села Лапузо, чеченский и кабардинский части решительно отказались выдвинуться на передовые позиции. Они заявили командованию о том, что им эта война не нужна, что их привезли сюда обманом и что они требуют возвратить их на родину. Когда командование отказалось удовлетворить их требование, обе части при полном вооружении двинулись домой. Однако, нагнавшие их казачьи соединения окружили горцев, разоружили их и вернули обратно. Временный военно-полевой суд, состоявшийся в скором времени в Мукдене, осудил виновников "бунта". Командиров обеих частей, чеченца Пашу Тасмахилова и кабардинца Зелам-Гирея Керифова приговорили к высшей мере наказания - смертной казни. 46 чеченцев и 22 кабардинцев приговорили к различным срокам каторги. Двум гатиюртовцам, Магомеду Арзуеву и Эламирзе Арсамирзоеву удалось бежать еще до суда.

Учитывая мужество и героизм, проявленные в боях, а так же по просьбе командира кавалерийской бригады князя Орбелиани и генерал-адъютанта Мищенко, смертный приговор Паше Тасмахилову был заменен десятью годами каторжных работ.

В Чечне довольно быстро узнали о том, что их соотечественники выступили против империалистической войны. Из попытки властей набрать новых волонтеров для доукомплектования изрядно поредевшего в боях Терско-Кубанского кавалерийского полка ничего не вышло. Вместо 240 рублей в год, выданных каждому в прошлый набор, сейчас платили 480 рублей, но найти в Чечне новых наемников не удалось. По просьбе наместника Кавказа, опасавшегося возникновения среди горцев бунта из-за сурового наказания их земляков, Терско-Кубанский кавалерийский полк был возвращен с фронта и распущен.

Говорили собравшиеся и о том, что в Чечню прибыл какой-то полковник, чтобы подыскать желающих служить стражниками в России, что изъявившему согласие платят большие деньги, дают коня, его одевают и обувают, что Мудар и Расу приняли это предложение.

И последняя новость, которую обсуждали аульчане, это приезд в Грозный наместника Кавказа Воронцова-Дашкова. Наместник получал письма от чеченцев, ингушей, осетин и кабардинцев. В них горцы жаловались на нехватку земли, указывали, что казаки и местные богатеи владеют огромными территориями, просили отдать в свое ведение хоть немного этих земель. В письмах были просьбы и о снижении налогов, и об отмене системы необоснованных штрафов и поборов, о разрешении самим избирать, с учетом местных традиций и обычаев, хотя бы сельские администрации. Люди просили хоть немного облегчить их тяжелую жизнь.

Горцы думали, что по прибытии в Грозный Воронцов-Дашков соберет уважаемых людей из аулов, выслушает их, изучит условия жизни чеченцев. Но на деле все вышло совсем иначе. Вместо избранных гатиюртовцами для поездки на эту встречу Овхада, Али, Ахмада и Солты полковник Галаев повез в Грозный Сайда, Хюси, Абди и Инарлу. После возвращения делегации люди узнали, что наместник удовлетворил только один пункт их прошений - им давалось право самим избирать сельские администрации. Этого права горцы уже добились ранее. Наместник всего лишь подтвердил его от себя. А вопросы о земле, то есть о наделении ею горцев, об отмене налогов и поборов и о многом другом наместник не стал даже обсуждать.

Для проведения выборов старшины и руководства аула и прибыл пристав Хамов в сопровождении трех солдат.

Среди старцев сидел Арсамирза. У него не было желания слушать все эти сплетни - старика терзало беспокойство о сыне. Если бы сын погиб на фронте, он свыкся бы с этой утратой, как это не было бы для него тяжело. Если бы сидел на каторге вместе с товарищами, что ж, старик тешил бы себя надеждой на его возвращение после отбытия срока. Полное же отсутствие всяких вестей о сыне буквально убивало отца. А тут еще и старуха с вечно плачущими глазами. Один ее вид, вид несчастной, убитой горем женщины, разрывал сердце Арсамирзы. Ведь говорил же он сыну, чтобы тот не ходил на эту войну, что эти деньги не сделают их богачами, что лучше бы им со старухой умереть с голоду, чем тосковать по нему. Но где там, разве его переубедишь, весь в отца пошел, горячий и упрямый. Ушел, оставив им с матерью выданные вперед 120 рублей. Арсамирза купил на эти деньги двух трехгодовалых бычков. Они выросли и окрепли, их уже можно впрягать в плуг и телегу. Но как же высока уплаченная за них цена! Солта вернулся без руки. Вернулись бы Эламирза и Магомед, пусть хоть без рук и ног, но живые.

Правда, Арсамирзу утешало одно - сын его не был трусом. За мужество и выносливость его уважали генералы. В боях проявлял героизм. Сумел пробиться из кольца окружения, когда казачьи соединения обложили их со всех сторон. Настоящий горец, достойный сын своего отца. От смерти же, когда наступает ее час, не спастись ни дома, ни на чужбине. Не спрятаться от нее ни в каком сундуке. На все воля Аллаха. Арсамирза все это понимает, у него хватит терпения и стойкости встретить любую весть. Но он не знал, чем, какими словами утешить свою старуху...

От тяжелых мыслей Арсамирзу отвлекла тишина, внезапно установившаяся на площади. Пристав наконец-то появился перед народом.

- Сегодня мы с вами, пользуясь возможностью, предоставленным новым законом, выберем руководство аула, - начал он хриплым голосом. - Но прежде чем мы приступим к голосованию, я ознакомлю вас с ответом наместника Кавказа, его превосходительства Воронцова-Дашкова, на прошение чеченцев. По земельному вопросу будет создана специальная комиссия. Вопрос о снижении налогов будет зависеть от нужд государства. Провинившиеся должны быть наказаны, и предусмотренные законом для таких случаев штрафы отменить никак нельзя. Вы требуете, чтобы вам, как и казакам, разрешили ношение оружия, или же чтобы казакам тоже запретили его ношение. Чеченцы не умеют жить с оружием. Вооруженный чеченец или убивает кого-то, или же выходит на грабежи и разбои. Казаки - опора государства, они защищают его и законную власть от внутренних и внешних врагов. Право казаков Терской области на ношение оружия будет сохранено, чтобы защищать от вас местную власть и живущих здесь русских, чтобы сохранять мир и спокойствие в области. По новому закону вам предоставлено право самим избирать старшину аула, писаря, кадия, муллу и представителей в совет старейшин. Без разрешения избранного вами руководства закон запрещает вам проведение сельских сходов. В случае необходимости они сами созовут сход. Кандидатуры, представленные вами на должности старшины и писаря, еще до выборов должны быть одобрены начальником округа, а после избрания - утверждены им. Выборы же кадия, муллы и совета старейшин полностью передается в ваши руки. Итак, какими же должны быть люди, занимающие эти ответственные должности? Мудрыми, терпеливыми, бескорыстными. Которые

будут честны и справедливы...

- А хакимы, назначаемые вами до сих пор, были такими? - крикнул кто-то из толпы.

- А среди представленных вами кандидатур нет ни одного такого человека. Например, вы предлагаете на должность старшины Ахмада Акболатова. Прошлой зимой он угрожал убийством уважаемым всеми мулле Хюси и купцу Абди. Разве достоин быть писарем Солта Солтханов, этот смутьян и сплетник?

Стоявший в последних рядах Солта стал пробираться вперед, расталкивая людей единственной рукой. Но Баштиг остановил его.

- Не спеши, Солта, пусть он сначала выскажется.

- В сельскую управу вы определили Дошу Султахаджиева и Арсамирзу Абубакарова, - на лице пристава появилась ироническая усмешка. - Это же смешно! Доша - вор, и он до сих пор на свободе только потому, что у нас пока нет зацепок. А Арсамирза? Он же всегда выступал против существующей власти. И сын Эламирза берет с него пример. Он один из главных бунтарей, поднявших чеченских кавалеристов против царя. Этот трус, каким-то образом сумевший убежать от суда, наверняка занимается грабежами где-то на большой дороге, если уже не убит солдатской пулей или не схвачен и не сослан на каторгу. Мы не против, если вы изберете Лорсу Маазова сельским муллой и кадием. Но здесь есть одно обстоятельство. Скоро во Владикавказе начнет работу комиссия духовенства. Она будет аттестовать кадиев каждого населенного пункта, проверять их лояльность царю. Кадием может быть только тот, кто пройдет эту комиссию. Надо отправить туда Хюси и Лорсу. Вашим кадием будет тот из них, которого одобрит комиссия. А кандидатами на должности старшины, писаря и старейшин определите других людей. Абди, переведи им мои слова, спроси, есть ли ко мне вопросы.

Абди потратил целый час на перевод десятиминутной речи Хамова, дополняя и раздувая его слова. Он рассказал о своей поездке в Грозный, о встрече с наместником, передал его слова, живо обрисовал черты его лица, поведал об увиденном и услышанном.

- Говори короче, - грубо прервал его Хамов. - Будешь болтать, когда я уйду. Скажи им, чтобы побыстрее определили новые кандидатуры.

- Хакимы не согласны передавать власть в руки названных вами людей. Пристав говорит, чтобы вы представили других.

- Мы изберем только тех, кого уже представляли, или не изберем никого! - отрезал Баштиг.

- С вашего дозволения я бы хотел сказать пару слов, - вышел вперед Мудар Домбаев. - Зачем нам против воли власти избирать новых людей? Может, оставим прежних? Вот Сайд, он и с хакимами находит общий язык, и об аульских делах печется...

- Будь проклят твой отец, если это не так!

- Уйди отсюда, холуй!

- Спокойно, люди, спокойно! - крикнул Баштиг. - Пусть человек выскажется.

Мудар, испуганный реакцией людей на его слова, посмотрел в сторону Инарлы и его друзей. Тот кивнул.

- Короче, нам надо избрать Сайда старшиной, а Абди писарем, - поспешил он закончить свое выступление. - А в администрацию аула нет у нас более достойных людей, чем Хюси, Панта-хаджи и Инарла.

- За бутылку водки продался, подонок!

- Чтоб она стала тебе ядом!

Хамов несколько раз крикнул, пытаясь установить тишину. Но его хриплый визг, словно неокрепший голос молодого петушка, растворялся в грозном шуме разгневанной толпы.

- Тише, люди! - Доша вышел вперед и поднял обе руки. - Что вы расшумелись, словно лягушки на болоте. Криками ничего не решить. Когда один говорит, остальные должны слушать. Где ваша воспитанность!

- Что вы орете? - воспользовавшись установившейся тишиной, Хамов набросился на собравшихся. - Если вы будете тут кричать, словно упрямые ослы, мне и за месяц не справиться с вашими выборами!

Все более распалявшегося пристава остановил возникший перед ним Солта.

- Это ты, осел, пристав! Самый что ни на есть чесоточный осел! Когда ты здесь пьянствовал и гулял, я на фронте кровь проливал. Ты прекрасно знаешь, рыжая ....., где я руку оставил!

Хамов в испуге посмотрел в сторону солдат, опасаясь, как бы слова Солты не долетели до их слуха. На его счастье, те стояли в стороне от собравшихся и, прислонившись к забору, о чем-то тихо переговаривались.

- Так это ты и есть тот самый герой, о котором столько говорят! - с саркастической улыбкой на устах Хамов осмотрел его с ног до головы. - Думаешь, если ты кавалер Георгиевского креста, то можешь дерзить представителю власти? Ради чего ты пошел на войну? Ради России? Как бы не так! Ты был наемником, воюющим за деньги! Где твои друзья Арсамирзоев и Арзуев? Я отправлю тебя вслед за ними в Нерчинск, это я тебе обещаю. Мы будем говорить в другом месте!

Хамов отвернулся от Солты и набросился на Абди.

- Что ты стоишь, навострив свои ослиные уши? Есть другие кандидатуры для избрания в сельское управление?

- Назовите имена людей, которых вы хотели бы избрать в сельское управление! - крикнул Абди.

- Мы согласны с кандидатурами Мудара! - произнес Чонак, двоюродный брат Инарлы.

- Сайд пусть будет старшиной! Абди - его писарем!

- Хюси, Панта-хаджи и Инарлу в совет старейшин!

- Будь прокляты и они, и вы вместе с ними!

- Их бы в ад избрать!

Площадь зашумела, словно растревоженный улей. Сквозь толпу друг к другу рвались Доша и Чонак. Спор, готовый перейти в кровопролитие, был прерван вышедшим вперед Овхадом.

- Люди! - крикнул он спокойным, твердым голосом. - Вы забыли благородные обычаи наших отцов. Потеряли самообладание. Оскорбляете друг друга, произносите недостойные вас слова. От того, что вы будете здесь орать, драться и убивать друг друга, дела аула не поправятся, наоборот, они еще более ухудшатся. Люди, собравшиеся здесь, разделились на два лагеря. Обе стороны предложили своих кандидатов. Их десять человек, по пять с каждой стороны. Включите их всех в выборы и голосуйте. Пройдут те, кто наберет больше голосов. Это же просто, и не надо будет ссориться. И не кричите вы так. Будьте терпеливы и благородны, здесь

же посторонние.

Овхад повернулся к Хамову.

- Господин пристав, пользуясь тем, что собравшиеся здесь люди не знают русский язык и не понимают ваших слов, вы позволяете себе оскорбительные слова и выходки в их адрес. Вы как-никак носите звание русского офицера и являетесь здесь представителем царя. Ваш долг охранять честь русского офицера, честь русского царя в любых условиях и в любом обществе...

- Тебе лучше сидеть тише воды, ниже травы, каторжник!

Овхад рассмеялся:

- То, что я был каторжником и как им стал, ни для кого не секрет, господин пристав. Я стал им потому, что боролся за свободу своего народа, за его права. Но я знаю и другое. Мне хорошо известно, кем были вы, кто вы есть в настоящем и по какой причине попали сюда. Служа в армии, вы проиграли в карты все свое состояние, из-за чего вас бросила жена, которая забрала с собой и вашего ребенка. После этого вы ушли в запой. По этой причине и из-за многого другого офицерский суд чести выкинул вас из своих рядов. Вас не приняли ни в одном порядочном обществе, после чего вы по вашей же просьбе были направлены сюда. Потому что здесь, в Чечне, могут найти себе применение даже такие тупые, бесчестные пьяницы и картежники, как вы. На этом, пожалуй, завершим обсуждение наших персон. Я думаю, нет нужды рассказывать вам о тревожной обстановке, сложившейся в России, Чечне и в этом округе. Виновниками же взрывоопасной ситуации в этом ауле являетесь вы и ваши сообщники в Гати-юрте. Если вы и дальше будете играть в эти игры, здесь может пролиться кровь. Я могу дать вам бесплатный совет. Мнения собравшихся разделились. Каждая из сторон предлагает своих кандидатов, их по пять с обеих сторон. Включите всех десятерых в голосование, победит тот, кто наберет больше голосов.

Хамов категорически отмел все доводы Овхада:

- В аульскую управу будут избраны только те, кого одобрил начальник округа. Дальнейшие разговоры ни к чему!

- В законе не сказано, что могут быть избраны только те, чьи кандидатуры одобрит начальник округа.

- Здесь мы устанавливаем законы!

- Хорошо. За последствия отвечать вам. Когда Овхад отошел, Хамов наклонился к Абди.

- Если сделать то, что предлагает твой брат-каторжник, ваши пройдут?

- У них не будет ни единого шанса...

- Тогда сами расхлебывайте свою кашу! Разве не говорили вам: договоритесь со своими сторонниками, созовите сход неожиданно, когда все будут на работе, на своих полях? Тогда здесь в большинстве были бы ваши сторонники. Кретины!

- А нельзя эти выборы отложить?

- В связи с чем?

- Повод я найду...

- Тогда вперед!

Абди повернулся к собравшимся.

- Люди! - крикнул он. - Пристав говорит, что вы своей несдержанностью,

недисциплинированностью сорвали проведение выборов. Поэтому голосование отложено. Мы определим день новых выборов и сообщим вам. Пристав говорит, что он тоже приедет. Более того, он сказал, что знает, по чьей вине сорвано сегодняшнее голосование, и что он должным образом накажет их. А теперь, идите по домам!

- Абди прав! Мудар, возвращайся домой и ты со своими товарищами!

- Хюси! Панта-хаджи! Стойте, и остановите этих людей!

- Сегодня бессмысленно проводить выборы, Баштиг, - произнес Панта-хаджи, остановившись. - Между нами нет согласия. Поэтому нет в этом ауле ни благочестия, ни благополучия. Нам остается только повиноваться приставу. Инарла! Чонака! Идите домой!

Около полусотни человек, сторонников Сайда, покинули площадь.

- Что нам делать, Овхад? - спросил Баштиг. - Нам тоже уйти, или же провести выборы?

- Мы будем проводить выборы. От того, что ушли эти несколько человек, ничего не изменится. Баштиг, выбери, пожалуйста, себе трех-четырех помощников и подготовь все к голосованию. А пока вы это делаете, я скажу людям несколько слов.

- Слушайте, люди! Слушайте Овхада!

Через некоторое время на площади установилась тишина.

Когда ушли пристав, солдаты и заносчивые богачи, люди облегченно вздохнули, словно у них гора с плеч свалилась.

- Пока Баштиг и его помощники готовятся к голосованию, я бы хотел сказать вам несколько слов, - как всегда спокойно начал Овхад. - Русский царь отдал казакам лучшие чеченские земли. Более того, он раздал земли в подарок некоторым чеченским офицерам, торговцам и духовным лицам, которые предавали свой народ и верно служили царю в годы войны. У любого из них в собственности больше земли, чем у десяти ичкерийских аулов. Но и это пустяки по сравнению с теми чеченскими землями, которых русский царь подарил десятку князей из соседних кавказских народов. Земли у них в десятки раз больше, чем во всей Ичкерии. Мы вынуждены арендовать у казаков, князей и чеченских богачей земли своих отцов, выплачивая за них высокую цену. Но даже после этого чеченцев гонят оттуда. Одного из них вы видели. Это Мусха, который живет в землянке в Арчхи. Мусха один из тысяч чеченцев, чью жизнь разбили и эти богачи, и эта власть.

- Да накажет Аллах повинных в его горе! - Аминь!

- Эти чеченские офицеры и торговцы, кабардинские и кумыкские князья, богачи из казаков сидят на землях наших отцов, вынуждают нас обрабатывать их за мизерную плату или на драконовских условиях, сами не работают и бесятся с жиру. Они льют наш пот, сосут нашу кровь. Таких людей в России называют помещиками. Среди чеченцев эти помещики появились всего лишь сорок лет назад, но мы уже не можем достигнуть с ними мира, уже воюем с ними. А среди русских эти помещики существуют уже более тысячи лет. Вся российская земля в собственности этих помещиков, народ же не владеет даже маленьким клочком. И власть тоже в руках помещиков. Народ работает на них, находится в рабстве, у него нет абсолютно никаких прав. Русские мужики, такие же простые крестьяне, как и вы, на протяжении столетий ведут с ними борьбу, пытаясь отнять у них власть, добиться справедливости и элементарных человеческих прав для себя. Каждое их восстание купают в крови. Их бросают в тюрьмы, угоняют в Сибирь. Вот и сейчас поднялись русские рабочие и крестьяне против царской власти, против помещиков и богачей. Во всей России сегодня пылает пламя. Крестьяне мстят помещикам, державшим их в рабстве. Отбирают у них земли, сжигают имущество,

наиболее жестоких из них убивают. У царской власти не хватает сил для защиты помещиков от народной мести. У нее нет войск для размещения в каждом селе. Вдобавок и солдаты не хотят поднимать оружие против своего народа. Ведь и сами солдаты - это вчерашние крестьяне, и они не хотят стрелять в своих отцов, братьев, матерей и сестер. Чтобы защитить помещиков от мести крестьян власти нужны наемники, вернее, люди, готовые за деньги стать палачами. Кто поедет туда, добровольно став палачом?

- Ни один честный человек не поедет туда!

- Мы тоже ненавидим солдат, которые истязают нас здесь!

- Солдаты-то пришли сюда не добровольно, их насильно сюда пригнали!

- Но мы все равно не любим их!

- Эти бесчестные люди, готовые за деньги проливать кровь ни в чем неповинных русских крестьян, нашлись и среди горцев. Среди чеченцев. А в нашем ауле на это подписались Мудар Домбаев и Расу Дасиев!

- Мудар за стакан водки и отца родного зарежет!

- И Расу не лучше, такой же босяк и пройдоха!

- Да накажет их Аллах!

- Такие люди позор для аула и всей Чечни! Овхад поднял руку, призывая к тишине.

- Среди чеченцев никогда не было рабов, наемников и палачей. Но в последнее время они появляются. Сорок лет назад наши люди за деньги пошли на русско-турецкую войну, а два года назад - на русско-японскую. Теперь же хотят поехать в Россию, чтобы подобно псам стеречь имущество помещиков. Мы должны остановить их. Чеченец обязан умереть с голоду, но не имеет права запятнать честь нации! Но что делать с теми, кто идет туда против нашей воли?

- Мы не должны пускать их обратно в наш аул! - Надо гнать из аула их семьи!

- Да накажет их Аллах!

Расталкивая людей, к Овхаду вышел мужчина лет сорока, среднего роста, в поношенной бараньей папахе на голове, в рваной суконной черкеске, надетой на голое тело, и в иссохших чувяках из сыромятной кожи.

- Овхад, пусть они замолчат, мне надо кое-что сказать.

Он положил правую руку на дорогой, отделанный серебром кинжал, прикрепленный к богато украшенному ремню, встал в гордую, независимую позу и прошелся острым взглядом по лицам собравшихся.

- Кто-то из вас назвал меня босяком и пройдохой, - начал он. - У кого что я украл, у кого просил чурек, перед кем склонил голову? На чем, на какой краже, в чьем курятнике поймали моих детей? Или кто тяжелее меня переносил горе, случившееся с любым нашим аульчанином? Кто сильнее меня радовался его счастью? Да, я беден. Но эти огрубевшие руки и сердце в моей груди честны и чисты. Пусть выйдет сюда тот, кто назвал меня босяком и пройдохой, если он мужчина. Овхад, у меня девять детей. Нет никакой скотинки в хозяйстве. Урожая с нашего клочка земли не хватает и на зиму. Я согласился ехать в Россию вовсе не ради себя. Но я не знал, как там обстоит дело. Теперь, благодаря тебе, я все понял. Даже если мне придется сегодня умереть вместе с десятью домочадцами, я не поеду туда. Это мое последнее слово!

Доша подошел и крепко обнял Расу.

- Да возблагодарит тебя Аллах, Расу. Никто никогда не сомневался в твоем

благородстве. А босяки и пройдохи все мы. Но твоя семья не будет голодать, когда наши будут сыты. Спасибо тебе!

- Если Мудар поедет в Россию против нашей воли, согласны ли вы изгнать его из аула? - крикнул Баштиг.

- Согласны!

- Кто против?

- Никого!

- Овхад, у тебя все?

- Всего несколько слов. Другие аулы написали письма в адрес наместника и царя с требованием прекратить вербовку чеченцев для подавления восстаний русского и других народов, борющихся за свою свободу. В письмах написано, что чеченцы никогда не были рабами, что чеченский народ, вот уже 200 лет героически борющийся за свою свободу, хорошо знает ей цену, что знакома ему и горечь рабства, угнетения и нищеты, которому он подвергается в последнее время. Бедняки всех народов и национальностей - это наши братья, мы не будем проливать их кровь. Горцы, подписавшиеся в стражники - это темные, несчастные люди, измученные нищетой, обманутые властью, не понимающие, что их ведут на насилие над такими же, как они сами. Прекратите обманывать их, прекратите их вербовку на это грязное дело. Если вы согласны, такое же письмо мы напишем и от нашего имени.

- Мы согласны!

- Пусть они христиане, но это такие же несчастные люди, как и мы!

- Так и напиши, Овхад!

- Может, кто против?

- Нет! Все согласны!

- Ну что же, и этот важный вопрос мы решили. Баштиг, у вас все готово к голосованию? - спросил Овхад.

Баштиг погладил рукой свои красиво подстриженные роскошные усы.

- К голосованию-то у нас все готово, Овхад. Но я вот о чем подумал. Полуденную молитву-то люди совершили в близлежащих домах, но никто из них не обедал. Да и время предвечерней молитвы близко. Многим нужно до вечера что-то сделать и по хозяйству. А с тайным голосованием мы не управимся и до ночи. Может, мы решим этот вопрос простым поднятием рук?

- Прекрасно. Спроси людей, согласны ли они на это. Собравшиеся с удовольствием согласились.

- Хорошо. Кто за то, чтобы старшиной аула был Сайд, писарем - Абди, а Хюси, Панта-хаджи и Инарла вошли в совет старейшин, поднимите руки.

Баштиг насчитал несколько рук.

- За них проголосовало двенадцать человек. А теперь кто за то, чтобы старшиной стал Ахмад, писарем - Солта, а старейшинами - Арсамирза, Доша и Лорса?

- Прежде чем голосовать, я бы хотел задать один вопрос, - крикнул кто-то из толпы. - Али и Овхад владеют русским и арабским языками, грамотны, повидали этот мир, это мудрые и мужественные люди. Почему их имен никто не называет?

- Мы говорили с ними об этом, Бета, - ответил Баштиг. - Али ответил, что он стар и

не здоров, Овхад же говорит, что не может постоянно находиться в ауле. Но мы будем советоваться с ними по каждому важному вопросу. Итак, кто за то, чтобы избрать названных мною людей в аульское управление?

Баштиг два раза пересчитал поднятые руки. Предложил сделать то же самое и своим помощникам. После этого он объявил итоги:

- Из 480 аульчан, имеющих право голоса, по той или иной причине отсутствуют, в том числе и покинувшие сход, шестьдесят человек. Голоса присутствующих здесь 420 человек распределились следующим образом: двенадцать человек - за Сайда и его команду, 408 человек - за то, чтобы Ахмад Акболатов стал старшиной, Солта Солтханов писарем, Арсамирза Абкархаджиев, Доша Султахаджиев и Лорса Маазов - старейшинами. Таким же количеством голосов Лорса Маазов избран аульским муллой и кадием. Есть ли здесь кто-нибудь, кто сомневается в честности выборов?

- Нет!

- Тогда, Лорса, завершим все это прочтением доа.

- Алхамдулиллах! Алхамдулиллахи раббил аламийна! О Аллах, Создатель всего сущего, Всемогущий, Милостивый и Милосердный! Благослови сегодняшние наши выборы, помоги нам оправдать доверие жителей этого аула, избравших нас, сохрани между нами доверие и уважение. Надели нас мудростью, сознательностью, терпением и силой, чтобы творить среди доверившихся нам людей справедливость, сохранять мир и согласие между ними, оберегать их от коварства и беззакония власти неверных, чтобы предохранять их от бед и несчастий...

- Аминь! - Аллаху аминь!

- Сделай эту христианскую власть отзывчивой на наши чаяния. Предохрани наши сердца и мысли от зависти, несправедливости, коварства и недозволенного. Если же дьявол нашепчет нам неугодное Тебе, и наши слабые сердца не устоят, о Всемогущий, убереги наши руки и ноги от недозволенного, отними у нас зрение и слух, останови наши языки...

- Аминь!

- Смилуйся над нами, о Аллах!

- О Аллах, наш Милосердный Создатель, освободи нас от гнета неверных. Возврати живыми и здоровыми домой изгнанных из родных мест наших отцов и матерей, братьев и сестер, наши семьи. Защити их и нас от коварства и жестокости неверных, оберегай нас от горя и бед. Одари благодатью и изобилием этот аул и всю Чечню. Прости нам грехи наши, сотворенные нами по незнанию нашему. Подари нам праведную жизнь и праведную смерть, благослови наши дела в этой жизни и в жизни будущей...

- Аминь!

- О, Всемогущий Аллах, прими и благослови наш доа! Пошли нам помощь и поддержку Своих ангелов, пророков и святых!

- ...Фатиха!

И после завершения доа люди не спешили расходиться. Они шутили, смеялись, беседовали, разбившись на небольшие группки. Гатиюртовцы радовались своей, пусть небольшой, но победе. В первый раз за многие годы пристав и богатеи отступили перед ними. А о последствиях они особо и не думали...

Из жалоб казаков станицы Кахановской:

1907 год.

8 мая. При возвращении из Грозного в Кахановскую убит купец, урядник Кирилл Бычков. Преступники забрали товары на сумму 229 рублей. Следы уходят в Мескер-юрт.

17 июня. Чеченцами убит крестьянин Степан Лысенко. След ведет в Мескер-юрт.

15 июля. Трое чеченцев нанесли раны Николаю Ковалю, работавшему на своем поле. Следы ведут в Гудермес.

2 августа. Возле селения Исти-Су чеченцами убит казак из Кахановской Степан Недошевин. У него забрали 963 рубля.

25 августа. Возле Кахановской чеченец кинжалом нанес рану уряднику Даниелу Бакуленко.

3 сентября. Возле селения Мескер-юрт убит и ограблен ехавший на повозке в Грозный Франц Минейкесь.

13 октября. У ехавшего из Шелковской в Кахановскую Ивана Парфомова чеченцы отобрали коня и 100 рублей денег. Следы ведут в Гудермес.

ГЛАВА X ПОРАЖЕНИЕ

Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах.

Коран. 2 Сура, 143 аят

Если вас коснулась рана, то такая же рана коснулась и того народа.

Коран. 3 Сура, 134 аят

Прошел месяц со дня выборов в Гати-юрте.

Уверовавшие в свою победу гатиюртовцы завершили весенние полевые работы и приступили уже к сенокосу. Али и Усман задолго до полудня закончили работу на своем небольшом участке и возвращались домой. Еще по пути в аул кто-то сообщил им, что сегодня состоялся сход, на котором Ахмад и его товарищи освобождены от должностей, а на их место избраны Сайд и его свора. Усман, ходивший узнать, в чем дело, рассказал о произошедшем.

Заранее договорившись с приставом, рассчитав время, когда многие аульчане будут на работе, Сайд и его команда созвали сход. Предупрежденные накануне их сообщники со своими родственниками остались в ауле. Они собрались на площади в заранее обговоренное время. Из 400 человек, голосовавших за Ахмада и его товарищей, на сходе оказалось только десяток стариков. Пристав сообщил, что из-за нарушений закона в проведении прежних выборов и по причине отсутствия тогда на сходе, многих жителей аула, старые выборы признаны начальником округа несостоявшимися, а избранные тогда аульчане не утверждены. Пристав сообщил, что надо избрать в управление аула пять человек, которых называли тогда аульчане и кандидатуры которых одобрены начальником округа. А именно - Сайда, Абди, Хюси, Панта-хаджи и Инарлу. Ахмад и Солта, оказавшиеся на этом спектакле, попытались воспротивиться этому произволу, но с полсотни человек, собравшиеся на площади, подняли руки и утвердили решение об избрании.

Али заранее знал, что Сайд и его товарищи когда-нибудь да совершат этот подлый трюк. Хотя они в ауле и в меньшинстве, на их стороне власть. Аульчанам остается только два пути: либо как прежде жить под пятой этих богатеев, либо сбросить их с постов силой. На второе у людей нет сил. Короче говоря, аул разделился на два лагеря. И Овхада нет, этот что-нибудь придумал бы. Он поехал вчера в Шали и Грозный по поводу наемников, выезжающих в Россию. И неизвестно, когда вернется. Обычно эти его отъезды длятся неделю, а то и две.

Вошла десятилетняя внучка Шовда. Она взяла тазик и кумган - Али только что завершил предмолитвенное омовение.

- Седа приходила сегодня, - сказала она, вытирая тряпкой пол.

- По делу?

- Нет. Просто чтобы увидеться с тобой. Говорит, соскучилась.

Прошло два года со дня возвращения Али. С тех пор, как он при свидетелях поговорил с Ахмадом, сплетни в их адрес прекратились. Раз в месяц или два Айза приходила к сыну. В основном, чтобы увидеть внуков, или если кто-нибудь из них прихворнет. Приходил и Ахмад, когда у Али собирались ровесники. Усман и Дауд почти всегда работали вместе, во всем помогали друг другу. Седа же, шестнадцатилетняя дочь Айзы и Ахмада, приходила сюда почти каждый день. Заходила прямо к Али, справлялась о здоровье и сразу же бралась за уборку в его комнате. Она держала в чистоте его постель, стирала одежду, мыла полы и готовила горячую еду.

Все они старались сделать ему хоть что-то приятное. Но Али уже ничто в этой жизни не радовало. Оказываясь среди аульчан, он обычно молчал, даже не

пытаясь принять участие в беседе. Не лез Али и в аульские дела. И не отсутствие в доме супруги было тому виной. Сколько вокруг старых вдовцов, у которых даже детей и внуков нет. У него же есть сын, невестка, внуки. И все они очень добры к нему. Заговаривали они с ним и о женитьбе. Только он не соглашался. Как, чем скрасит его существование жена? Постирает одежду, приберет в доме, приготовит поесть. Но ведь лучше снохи, внуков и Седы никто этого не сделает. Да и не будет любви и нежности между ним и новой женой. Просто жили бы под одной крышей два совершенно чужих человека. Зачем ему еще и эта проблема? И жить Али осталось, должно быть, совсем недолго, каждый день может оказаться последним. Прожил он без жены сорок лет, проживет и оставшиеся дни.

Иногда на него нападала непонятная, беспричинная тоска, которая буквально душила его. Как он ни противился, дьявол с завидным постоянством напоминал ему о том, что Айза, его жена, вышла замуж при живом муже. Каким бы стоицизмом он ни обладал, все же иногда его душу терзали страшные муки.

Еще в Сибири Али дал себе слово, что, если он когда-нибудь вернется домой, и если у него будут здоровье и возможность, поедет в Турцию и посетит могилы погибших на границе Арзу и его друга Чоры. Когда тоска брала за глотку, у него возникало желание немедленно осуществить этот замысел, или поехать в Грузию к своему другу Николазу. Но для таких поездок нужны были деньги, а у Али их не было, и вряд ли когда-нибудь будут.

Только Седа, одна Седа светила ему, словно сверчок в темноте. Только ей удавалось хоть немного рассеять его грусть-тоску, именно благодаря ей не обрывалась тоненькая нить, связывающая его сердце с жизнью и этим миром. У Али не было своей дочери. Но даже будь у него таковая, вряд ли она была бы такой же любящей и преданной, как Седа. У нее благородное воспитание, очень чистая и добрая душа. Было еще что-то, что влекло к нему Али - Седа как две капли воды была похожа на молодую Айзу. Те же черты, те же длинные смоляные волосы, тонкие брови, словно распростертые крылья неведомой чудо-птицы, умные, добрые черные глаза, тонкое стройное тело. А как похож голос! Ласковый, успокаивающий, словно чудодейственный бальзам. Иногда он забывался, представляя ее их с Айзой дочерью. Часто Али задумывался и о будущем Седы. Боялся, что она может выйти замуж за какого-нибудь недостойного человека, который разобьет ей жизнь. Ему хотелось дожить до того дня, когда она соединится в браке с хорошим человеком, наладит хозяйство и заживет счастливой жизнью. Эх, будь Овхад лет на 20 моложе, с ним Седа была бы счастлива.

Каждый день для Али начинался с ожидания прихода Седы. Он знал ее походку, узнавал ее голос среди многих других, даже не видя ее саму. Глядя на Седу, в его памяти всплывали дни молодости, давно уже превратившиеся в сон и сказку. Как он у родника первый раз признавался Айзе в любви. Как каждый вечер перед закатом солнца Айза шла по воду, держа на плечах кудал, как они вместе проделывали путь к роднику и обратно, ведя меж собой тихую беседу. Первые тяжелые годы их совместной жизни. И как испугалась Айза, беременная первенцем, когда в Червленной их окружили враждебно настроенные казаки. Потом всплывал в памяти отъезд в Турцию, вспоминались две ночи перед его арестом и ссылкой, проведенные вместе...

Али огорчился, когда узнал, что Седа уже ушла. Ведь сегодня она уже не придет. Этот день и наступающая ночь будут для него длиннее года.

Во дворе раздался топот ног. Это не был Усман, его он узнал бы сразу. Это был топот человека, который никогда не заходил в этот двор. Пришедший открыл дверь. Это был посыльный из аульской канцелярии. На приглашение Али войти он ответил отказом.

- Али, пристав вызывает тебя в канцелярию, - сообщил он после взаимных приветствий.

Али, понимая, что бессмысленно спрашивать у него о причине такого интереса

пристава к его особе, отпустил посыльного без вопросов. Он переоделся в чистую одежду, обвязался украшенным серебром ремнем, на котором висел кинжал, и вышел на улицу.

Во дворе аульской канцелярии Али увидел с десяток коней на привязи и несколько скучающих солдат, сидящих и стоящих в умиротворенных позах. Никто и не думал его останавливать. Али прошел в канцелярию. Хамов, раздраженный чем-то, раздувая мышиные усы и сверкая красными крысиными глазами, орал на Сайда. Старшина обрадовался появлению Али.

- Это и есть Абубакаров Али, которого вы вызывали! - лицо Сайда посветлело.

Али поздоровался с приставом на русском языке, но тот не ответил на его приветствие.

- Так это ты у нас бунтовщик? Каторжник? Социал-демократ? - стал он рассматривать Али, высокомерно улыбаясь. - Клянусь Богом, у них достойный брат! Чеченец - социал-демократ! Ревво-люцци-оннер! Даже очень смешно! - захохотал он, ткнув нагайку в живот Али.

Али с трудом сдержался.

- Ты из которых? Большевиков или меньшевиков?

- Ни из тех и ни из других, - спокойно ответил Али. - Я слишком стар для этого. Но от всего сердца болею за дело большевиков. Будь я лет на 20 моложе, без всякого сомнения, был бы с ними.

- Закрой пасть, старый осел! Забыл, перед кем стоишь? Шапку долой!

- У чеченцев не принято обнажать голову перед кем бы то ни было. И кто ты такой я тоже знаю. Овхад рассказал...

- Али, прошу тебя, делай, что тебе говорят, - испуганно встрял Сайд. - Каким бы он ни был, все же это представитель власти.

Грозный взгляд Али заставил старшину замолчать.

- Послушай-ка, господин пристав, а ты знаешь, кого ты пытаешься учить, кого ты хочешь запугать? - насел Али на Хамова. - Не кипятись попусту. Мне 75 лет. Я взял в руки оружие в 14 лет и 16 лет воевал против вас. Я провел год в турецком аду и 38 лет в аду сибирском. И не только я один прошел через это. Ваш царь отобрал у нас земли, вогнал нас в рабство. Наши кости рассеяны по всем уголкам России и Турции. Вашими штыками уничтожена половина нашего народа. Но вам никогда не удавалось поставить нас на колени, заставить нас обнажить перед вами головы! И никогда не удастся! Никогда больше не прикасайся своей ногайкой к моему телу, это кончится для тебя плачевно!

Хамов схватился за кобуру.

- Осторожно, господин пристав! - Али положил руку на рукоятку кинжала и сделал шаг вперед. - Опусти руки! Если пошевелишь ими еще раз, я выпущу из тебя кишки!

Хамов, так и не решившись застегнуть уже расстегнутую кобуру, опустил руку.

- Ты что дрожишь, словно в лихорадке? - набросился пристав на старшину. - Трус! Все вы заодно, ослы! Вызвать сюда солдат, схватить каторжника!

В это время во дворе возник какой-то шум. Выглянувший в окно Али увидел Дошу во главе нескольких вооруженных всадников.

- Сайд! Сука! Выходи оттуда! - послышался его грозный голос. - Если с головы Али упадет хоть один волос, мы сожжем в ярком пламени тебя и твоих сообщников!

Возвращавшиеся с полей гатиюртовцы узнали о том, что их подло обманули, и, не заходя домой, собирались во дворе канцелярии. Вдобавок, каждому прибывающему посыльный говорил, что пристав арестовал Али.

- Это ты их позвал? - указал Хамов пальцем во двор.

- Нет, - покачал головой Али. - Не такое уж это и серьезное дело, чтобы звать кого-то.

- Если в течение десяти минут ты не уберешь их отсюда, я прикажу повесить тебя!

- Я отправлю их домой, но не ради себя, а ради них самих. Чтобы они не пролили кровь.

Али вышел во двор. Направив на людей винтовки, в сенях стояли солдаты, растерянно озираясь и не зная, что предпринять дальше.

- Опустите винтовки, если не хотите умереть, - бросил им Али. - Мы же все люди, в конце концов.

Когда показался Али, люди притихли.

- Братья! Зачем вы собрались здесь?

- Эти собаки нас обманули!

- Они пришли арестовать тебя!

- Мы не позволим забрать тебя!

- Выходите оттуда, суки!

Али поднял посох, призывая к тишине.

- Несколько жителей этого аула действительно неугодны власти. Мы мешаем ей. В этом нет никакого сомнения. Они осуществили сегодня то, что давно замыслили в тайне от нас. На сегодняшний день мы не в силах что-либо изменить. Главное - терпение. Правда все равно победит. Дождемся возвращения Овхада, посоветуемся друг с другом, найдем какой-нибудь выход. Ваши действия навлекут беду на наш аул. Идите, возвращайтесь домой.

Янарка, размахивая над головой таким же старым, как он сам, кинжалом, лез вперед.

- Али, ты хочешь обмануть нас? - кричал он. - Они пришли арестовать тебя, Овхада и пятерых наших избранников. Эй, Сайд, мы предупреждаем тебя, если хоть одного из них заберут, в этом ауле сгорят десять домов! Ты знаешь, чьи эти дома!

- Янарка! - Али повысил голос, стукнув посохом по столбу. - Если арестуют нас семерых, остается этот аул, вся Чечня. Власти не смогут упрятать в тюрьму все народы России. Делайте, что я говорю, идите домой. Если кто-то из вас не сдержится и убьет солдата, нашим арестом уже не ограничатся, пострадает весь аул. Не будем спешить. Подумаем спокойно и с помощью Аллаха что-нибудь предпримем.

Али вернулся в канцелярию.

- Почему эти люди не уходят? - спросил окончательно струсивший Хамов. - Их действия указывают на то, что ты их вожак! Но знай, если они будут мешать руководству аула, твое старое тело будет раскачиваться на виселице или отправится обратно в Сибирь.

- Я же говорил тебе, пристав, не пытайся меня запугать. На земле не осталось ничего, что могло бы удивить или напугать меня. Жизнь же свою, которой ты

грозишься меня лишить, я не оцениваю даже в медный грош. Я уже достаточно пожил и немало повидал на свете. Скажи лучше, зачем вызывал меня?

Гатиюртовцы, хотя и покинули территорию канцелярии, никуда не уходили. Они продолжали наблюдать за канцелярией издали. То ли их Хамов испугался, то ли понял, что действительно бессмысленно пугать Али, только сейчас он говорил спокойно и без угроз.

- Мы знаем, что ты вел крамольные разговоры перед людьми, собравшимися по поводу твоего возвращения из Сибири. Гатиюртовцев будоражите ты и Овхад Хортаев. Если вы не прекратите эту крамолу, мне придется арестовать вас обоих. Таков приказ начальника округа Галаева.

После этого Хамов слово в слово пересказал все, что говорил Али в день его возвращения перед аульчанами, собравшимися в доме Усмана.

- Все это правда, господин пристав, это я говорил. Но все остальное ложь. Я стар, у меня слабое здоровье. Я никогда не присутствовал на сходах, редко выхожу из дома. Это первое. Второе, как бы мы ни выступали против существующей власти, мы с Овхадом решительные противники вооруженного сопротивления, кровопролития, противники каких-либо враждебных акций против мирных русских, живущих в этом крае. Так же мы решительно выступаем и против жестокой политики властей по отношению к чеченцам. Единственное наше желание заключается в том, чтобы мирными средствами, в соответствии с российскими законами, изменить в лучшую сторону сложную, взрывоопасную обстановку в Чечне, возникшую по вине властей. Но власти этого не хотят. Не хотят мира, согласия и спокойствия на чеченской земле. Не хотят мира и согласия между народами. Конечно же, я знаю и то, что с вами бессмысленно говорить об этом. Главный виновник всего этого - существующая власть. Кто есть ты? Посыльный. Марионетка в руках начальства. Приходишь сюда по приказу начальника округа, напиваешься здесь до свиноподобного состояния и уходишь. На прошлом сходе Овхад просил вас выставить на голосование все кандидатуры, представленные аульчанами и властями, и мирно решить этот вопрос. Вы этого не сделали. Ты уехал в Ведено, Сайд со своими единомышленниками покинул сход. А теперь ты направлен сюда начальником округа для того, чтобы освободить избранных аулом людей и назначить угодных вам. В ваших выборах не участвовало и сто человек. Вы нарушили закон. Вы взбудоражили аул. Сегодня они послушались меня и ушли. Завтра не послушаются и меня. То же самое вы сделали и в других аулах. Это вы, господин пристав, поднимаете народ против царя. Хотите вы того или нет, но вам придется держать ответ перед властью и народом.

Забросив руки за спину, Хамов стал расхаживать из угла в угол. Пристава оскорбило то, что Али назвал его марионеткой.

- Грамотой владеешь?

- Немного.

- Кто научил тебя?

- Настоящие русские, на каторге.

- Кто эти "настоящие" русские?

- Революционеры.

- Старик, у тебя слишком бойкий язык. До добра он тебя не доведет. Сайд, бумагу и карандаш. Напиши обязательство о том, что ты с сегодняшнего дня не скажешь ни одного слова против царя и существующей власти... Или не надо. Сайд, неси Коран. Пусть поклянется на Коране.

Проявляющий рвение Сайд, бросив на стол карандаш и бумагу, выскочил из канцелярии и вскоре вернулся с Кораном в руках.

- Клянись, - кивнул Хамов в сторону лежащего на столе Корана.

Али даже не пошевелился.

- Я не могу этого сделать, господин пристав.

- Почему?

- Я старый, слабый человек. Но если у меня хватит сил, если появится возможность, я буду мстить повинным в несчастиях чеченского народа, пока жив, я буду биться за свободу своего народа. Такую клятву я однажды себе дал. У меня не тот возраст, чтобы менять взгляды.

Хамов был в растерянности. Галаев приказал ему арестовать и доставить в Ведено Али и Овхада. Овхада нет в ауле. А этого Али вроде бы и не за что арестовывать. И Сайд с Абди говорят, что в аульские дела он не вмешивается. Да будь он хоть трижды преступником, разве эти люди позволят его забрать? Что могут сделать его восемь солдат против целого аула? Конечно, убить его солдат гатиюртовцы вряд ли посмеют, но оружие и лошадей отберут наверняка. А это большой позор для Хамова. Пусть Галаев сам приходит сюда с ротой солдат, если хочет арестовать этих людей.

- Хорошо, старик. Сегодня, так и быть, я прощаю тебя. Но если еще раз услышу твое имя, по любому поводу, я отправлю тебя туда, откуда не возвращаются. Свободен... пока.

Али вышел, не попрощавшись с приставом. Следом выскочил Сайд, который стал лебезить перед ним.

- Али, я тут ни причем... Эти безбожники пришли сюда без моего ведома, будь они трижды прокляты!

Али остановился.

- Зачем ты лжешь, Сайд? Разве я похож на ребенка, которого легко обмануть? Они пришли с твоего ведома и по твоей просьбе. Овхад просил вас решить все миром, он предложил учесть мнение обеих сторон, чтобы не допустить того, что случилось сегодня. Вместо того, чтобы послушаться его, вы покинули сход. Почему вы не сказали прибывшему сюда приставу, что аульчане свой выбор уже сделали, что вы согласны с мнением жителей аула и не будете проводить новых выборов?

- Но, Али, как же эти люди смогут управлять аулом, когда никто из них не знает русской грамоты, не ведает даже, где находится Грозный? Почему об этом никто не думает, в том числе ты и Овхад?

- Не справятся, ушли бы сами, или через год народ избрал бы других. Или вы помогли бы. Ваши интриги и жадность разделили аул на два враждебных лагеря! Вам же здесь жить и умирать, эти люди будут вас предавать земле. Вы хоть раз задумывались над этим? Почему вам не стыдно выставлять русских против своих же аульчан. Вы же совершили предательство, подлость по отношению к родному аулу! Вы во всем виноваты, и в первую очередь лично ты!

И Али ушел, не дожидаясь ответа Сайда.

В соседнем с Чечней Дагестане было много алимов, которые обладали глубокими знаниями в области исламской теологии, которые трудились, распространяя эти знания среди верующих, разъясняя им суть веры в Аллаха, наставляя горцев на путь истинный. Некоторых из них хорошо знали в Турции и арабских странах. Многие дагестанские алимы изучали не только теологию. Среди них были философы, математики, астрономы, географы. Несколько дагестанцев преподавали в Петербургском и Московском университетах.

В те времена из чеченцев выдвигалось только один-два человека, основательно

знающих исламскую теологию. Один-два за целое столетие. Бесконечные войны, не прекращающиеся здесь со времен шейха Мансура, не давали чеченцам возможность беспокоиться об образовании и науке. До пятнадцати лет мальчики учились в медресе, вернее будет сказать, их обучали арабскому письму. Но на изучение арабского языка времени не хватало. Пятнадцатилетний подросток брал в руки оружие и уходил на войну. Часть из них погибла, а выжившие просто забывали все, чему они когда-то обучались в медресе. Ведь война не заканчивалась за какой-то год или два, она длилась десятилетия.

Вдобавок, даже будь у них возможность продолжить обучение, в Чечне все равно не было преподавателей даже на уровне среднего образования. Во многих населенных пунктах не хватало преподавателей и для начального обучения. Поэтому в годы своего правления имам Шамиль привозил в чеченские аулы мулл из Дагестана, которые давали начальное образование чеченским детям. Этой акцией Шамиль преследовал и другую цель - воспитывать чеченских детей безгранично преданными себе, готовыми воевать и умирать ради него и его дела.

Обучение чеченских детей у дагестанских мулл проходило трудно. Муллы не знали чеченский язык, а дети не знали дагестанский, и это создавало большие сложности. Во-вторых, никто из основательно грамотных или обеспеченных дагестанцев не хотел ехать в вечно воюющую Чечню. Прибывающие сюда преподаватели в большинстве своем не имели знаний даже на уровне среднего образования. В Дагестане, оценивая образованность алимов, о самом слабом говорили: "У него достаточно знаний, чтобы быть муллой в Чечне". Многих из них приводили в Чечню нищета и голод, царящие в их краях. Зерном, которым расплачивались с ними родители обучающихся у них детей, муллы кое-как кормили себя и свои семьи.

Изредка кто-то из выпускников начальных медресе выезжал продолжать образование в Дагестан - Ботлих, Согратлу или Тилитл.

Мусульмане Дагестана делали очень многое для воспитания своих народов в духе ислама. Там было много медресе и высокообразованных преподавателей для углубленного изучения ислама. Они писали на своих языках книги, разъясняющие простым людям обязанности мусульманина, основы шариата и многое другое. В городе Темирхан-Шура работала типография, издающая эти книги на арабском языке и на языках народов Дагестана, алфавиты которых были разработаны на основе арабской графики. Более того, дагестанцы для каждой народности разработали новые адаты, в которых учитывались требования шариата и не противоречащие ему постулаты национальных традиций и обычаев. Каждый представитель данной народности должен был строго соблюдать установления нового адата, за нарушение которых была разработана система карательных мер.

Дагестанские алимы писали историю своих аулов и народа. Каждый аул вел свою летопись, в которой фиксировались все события, которые касались данного аула или его жителей. Записи эти сохранялись и передавались новым поколениям. Любой житель любого аула во всех подробностях знал историю родного аула со дня его основания.

У чеченцев же ничего этого не было. Здесь до сих пор встречались аулы, в которых не было ни одного человека, владеющего арабской грамотой. Люди не понимали ничего из Корана и книг, написанных на арабском языке. А чеченские муллы, имевшие только начальное образование, не могли разъяснять их содержание простым людям. Не было переводов Корана и исламской литературы на чеченском языке, не было грамотных людей, чтобы записать историю чеченцев. События, когда-либо произошедшие здесь, передавались потомкам в устной форме. С течением времени что-то из всего этого народ забывал, что-то менял, что-то добавлял, в результате чего историческое событие теряло реальные очертания и превращалось в легенду.

Одна из главных причин тех бедствий, которые обрушились на чеченский народ в последние несколько веков, заключалась в его отсталости, в отсутствии у него

религиозного и светского образования.

После завершения войны с Россией чеченцы начали делать первые шаги в освоении религиозных и светских наук. В начале 60-х годов XIX века несколько энтузиастов разработали чеченский алфавит на основе кириллицы (русской графики) и открыли школу для чеченских детей. Но через месяц она закрылась, по причине отсутствия всякой поддержки со стороны государства. Позже детей обеспеченных чеченцев начали направлять в учебные заведения Грозного, Владикавказа, Петербурга, Москвы. Потихоньку выросла и небольшая группа чеченской интеллигенции, появились широко мыслящие люди, интересующиеся историей своего народа.

В шамилевские времена жили чеченские муллы Сулейман и Атаби. Это были алимы, обладавшие глубокими религиозными знаниями, широко известные в Чечне и за ее пределами. Но они не успели сделать что-либо весомое в деле распространения религиозных наук среди чеченцев. Сулейман, восставший против жестокой политики имама, из-за глубоких разногласий с ним вынужден был уехать в турецкие и арабские края, не дожидаясь, пока злопамятный имам прикажет лишить его головы. А знаменитый наиб имама Атаби Атаев все время находился на войне. Через несколько лет после пленения Шамиля Атаби выступил одним из руководителей восстания чеченцев 1860-1861 годов. После его подавления, чтобы спасти народ от репрессий, он добровольно сдался властям и был отправлен в ссылку. Вскоре после возвращения оттуда Атаби умер.

В последнее же время много трудился над распространением религиозных знаний в Чечне знаменитый ученый Соип-мулла Гайсумов, выходец из Белгатоя, проживавший в селении Шали. Его хорошо знали в Дагестане, Стамбуле, Каире, Дамаске, Багдаде. Он переписывался с известными учеными-мусульманами со своего мира. Соип-мулла разработал чеченский алфавит на арабской графике и издавал в типографии в городе Темирхан-Шура жейны на чеченском языке, разъясняющие чеченцам основные обязанности мусульманина и требования шариата.

Если у человека есть талант, если разум его в состоянии усвоить прочитанное, увиденное и услышанное, если он хорошо владеет языком, чтобы пересказать все это, и если он будет без устали трудиться, то такой человек сумеет углубленно изучать науку. Он сумеет понять и донести до людей истины Корана, религиозных книг и других наук, и люди назовут его ученым или алимом. Но чтобы стать истинным ученым или алимом, такому человеку, помимо знаний, нужно обладать и многим другим. Ему нужен ум, чтобы объять глубину и широту своих знаний. Но даже знания и ум тоже недостаточны, чтобы назвать человека ученым, алимом. Истинный алим или ученый - это глубоко верующий, богобоязненный человек, сознающий свой долг, свою ответственность перед Богом, людьми и своим народом, говорящий и пишущий только правду, защищающий правду, закон и справедливость. Он стойко переносит беды и лишения, голод и нищету, одновременно принося пользу народу своими знаниями, мудростью. Живет в неустанных трудах во имя блага народа. Терпелив, благороден и милосерден. Это и есть настоящий ученый, алим. Но если он будет превращать свои ум и знания в товар для купли-продажи; если будет продаваться за земные блага, склонит голову перед царем, властью или иной силой; отойдет от правды, закона и справедливости; промолчит, видя несправедливость, коварство, жестокость и другие злодеяния сильных мира сего, или по какой-либо причине станет союзником творящих зло, то этот человек не есть истинный алим или ученый. Более того, ни один человек не имеет права на такую подлую позицию. Особенно религиозные деятели, ученые, писатели, судьи, никто из тех, кто взял на себя обязанности учить людей благородному, доброму, чистому, честному и справедливому.

Такие конахи-рыцари были в Чечне всегда. Одни из них умерли, так и не признанные народом, другие забыты сразу же после их смерти, и только имена единиц сохранила история.

Одним из таких истинных алимов, настоящих конахов и был Соип-мулла Гайсумов.

Овхад провел в Грозном три дня. Вместе со своими друзьями Ахматханом Мутушевым и Денилбеком Шериповым он встретился с руководителями Грозненского РСДРП, забастовочного комитета и стачкома. Вместе они договорились поднять рабочих для задержки поезда, на котором будут отправлять в Россию чеченских наемников.

После успешного завершения этой акции, Овхад, вместо возвращения в Гати-юрт, поехал в Шали к Соип-мулле. Он нашел известного алима в саду. Прислонившись к мягкой подушке, старик сидел на пестром войлочном коврике, расстеленном на траве в тени огромного орехового дерева с развесистой кроной. Перед ним стоял маленький стол с письменными принадлежностями и исписанной до середины тетрадью. Рядом на ковре лежали несколько книг.

До этого Овхад дважды бывал в доме Соип-муллы. Хотя алиму было только около 70 лет, выглядел он намного старше. Сильное крупное тело, переливающиеся румянцем щеки, белоснежная, густая, широкая борода, достающая до груди и раздваивающая в конце, умные, добрые глаза. Мягкий неторопливый голос, который хотелось слушать и слушать. У Соип-муллы была исключительная память. Его посещало очень много людей, но любого, побывавшего в своем доме хоть раз, он сразу же узнавал по чертам лица или голосу. В прошлый раз Овхад рассказал ему о своей жизни. Соип-мулла все это запомнил. Пока они справлялись о здоровье друг друга, невестка муллы поставила перед ними поднос с горячими чапилгами.

Закончив трапезу, Овхад рассказал о причине своей поездки в Грозный и о проделанной им и его товарищами работе, иногда прерывая рассказ, чтобы сделать глоток калмыцкого чая, искусно приготовленного на молоке и масле.

- Вместо того, чтобы поумнеть, наши люди все больше теряют разум, - грустно сказал Соип-мулла. - Мы же хорошо знаем, что такое война. Она никогда не приносит ничего хорошего. Длившаяся десятки лет без перерывов война нравственно разложила наш народ, отняла у него память. Научила коварству, алчности, жестокости. Я хорошо помню последние годы правления Шамиля, войну и многое другое. Мне было тогда лет 15-16. Чеченцы находились тогда между двумя жерновами, двумя огнями. С одной стороны - безжалостный Шамиль, с другой - жестокий русский царь. Не было аула, которого не разрушали и не выжигали несколько раз за эти двадцать лет. А аулы, которые по какой-либо причине выказывали неповиновение Шамилю или пытались заключить мир с Россией, устав от бесконечной войны, выжигались имамом. Некоторые чеченцы служили и аварцу Шамилю, и русскому царю одновременно. За деньги, должности, из страха, по неведению, от голода и нищеты. Продавая, предавая и уничтожая друг друга. А многих на эту позорную стезю зла выводила жадность. Ладно, будем считать, что во всем этом была повинна война. Но и через 40 лет после ее завершения мы не стали лучше. Аллах призывает нас не лишать жизни Его создания. Я их сотворил, говорит Он, я их и заберу к Себе. А некоторые наши люди запросто убивают себе подобных. Война ради защиты религии, Отечества, своих семей и домов от внешнего врага - священный долг человека, это и есть газават. Аллах дозволяет убивать агрессора в любом месте и в любое время. Но Он запрещает убивать мирных людей, к какому бы народу и вере они не принадлежали. Мы помним войну между Россией и Турцией 30 лет назад. Эту войну начала христианская Россия, стремясь поработить турков и захватить их землю. Рядом с русскими, развязавшими эту неправую войну, на битву против турков - мусульман добровольно пошли и некоторые чеченцы. Эти же русские десятки лет сжигали Чечню, уничтожили половину нашего народа, оставшихся поработили и держат под своим гнетом. А изгнанных царем руками этих русских тысячи и тысячи чеченцев турки приняли и расселили на своей земле. Но несмотря на это чеченцы вместе с врагами своего народа пошли против турков, братьев по вере, чтобы убивать их, разрушать, выжигать и грабить их города и села. Чтобы и турецкий народ, подобно чеченскому, подвести под русское иго! Какие причины повели их туда? Голод? Нищета?

- Нет, - покачал головой Овхад. - Их повела туда алчность. Из нашего аула на ту войну пошли четверо. Один был бедным, несчастным человеком, трое других - обеспеченные люди. Одним из тех троих был и мой брат. У нашего отца было много земли и скота, большой дом, магазин. Сам он был старшиной. Богачи пошли на эту войну, чтобы прислужиться перед царской властью, в надежде на ее подачки, на богатые трофеи, на хорошие должности после возвращения. Мой брат погиб там. Остальные двое приехали, обвешанные медалями, загруженные награбленным добром. Сейчас один из них старшина нашего аула, другой - кадий.

На какое-то время, пока невестка убирала со стола, оба замолчали.

- Так же чеченцы пошли два года назад и на войну с Японией. Японцы-то не мусульмане, но Аллах же не велит убивать человека, какую бы веру он не проповедовал. Тем более за деньги! А сейчас нашлись и такие, кто готов охранять русских богачей. Они-то, говорят, все неимущие, несчастные и глупые люди, которые хотят заработать хоть что-нибудь для голодных семей. Но Аллах в Коране запрещает брать в сотоварищи, в друзья неверных. Разве им не придется есть там пищу, приготовленную неверными, спать в их домах? Ведь в уничтожении нашего народа, во всех наших бедах и лишениях повинны прежде всего именно русские богачи. Лучше вместе с семьей умереть с голоду, чем становиться холопом, рабом своего врага.

Солнце, поднявшееся высоко в безоблачное небо, грело все сильнее. Уже и густая крона орехового дерева не спасала от его жарких лучей. Окружавший собеседников сад был небольшим. Но в нем плотно друг к другу росли яблони с созревшими и только начинающими наливаться плодами, груши, абрикосы, персики и многие другие, старательно ухоженные фруктовые деревья. В углу сада стояло несколько обмазанных глиной ульев.

- Странные мы люди, Овхад, - продолжал Соип-мулла. - Ислам запрещает присваивать чужое имущество воровством или каким-либо другим путем. Если человек не вернет добытое таким путем добро его законному владельцу, то будет держать ответ перед ним и Аллахом в Судный день. Аллах говорит, что Он не имеет права прощать чужое имущество. Даже умирающему с голода не дозволено притрагиваться к чужому добру. О таком несчастном должны заботиться родственники, если же таковых нет, эти обязанности возлагаются на аул, в котором он живет. Если же нет и этой помощи, человек может просить милостыню. Но никогда, ни в коем случае он не должен воровать. А что делаем мы, чеченцы? Обедневший чеченец выходит не милостыню просить, а воровать и грабить. У всех народов мира во все времена воровство считалось и считается позорным явлением, просить же милостыню - нет. А у чеченцев - наоборот. По шариату воров или воровок наказывают отрубанием руки или ноги. Ты видел когда-нибудь чеченца, наказанного таким образом. Не видел и не увидишь. Потому что, во-первых, мы не следуем шариату, во-вторых, чеченцы не считают воровство чем-то зазорным или греховным. Мы восхваляем в героических песнях людей, угонявших из-за Терека, из кумыкских или ногайских степей стада и табуны; но если кто-то из какого-нибудь рода когда-то просил милостыню, то таким человеком попрекают даже далеких потомков. Если ты узнал, что кто-то задумал злодеяние или же ты застал его уже совершающим такое деяние, ис-лам обязывает тебя остановить его. Если же ты не в силах сделать это, то обязан сообщить об этом проступке чело-века обществу, отдать его в шариатский суд, выступить свидетелем на таком суде, правдиво рассказать об уви-денном, обо всем, что тебе известно. Если же ты скрыл это, то становишься соучастником злодеяния. Чеченцы же не делают этого. Не пытаются остановить злоумышлен-ника, не сдают его власти, не выступают свидетелями. Одни считают это позорным делом, другие боятся мести преступника или его родни. Мы боимся и стыдимся зло-умышленника и не высказываем правду, а Аллаха, при-зывающего говорить только правду, не боимся и не сты-димся. Мусульмане ли мы после этого? Богобоязненный, верующий человек не сойдет с истинного пути, указанно-го Создателем. Он не будет убивать, присваивать себе чужое имущество, разводить сплетни, врать, клеветать на ближнего, сеять раздор между людьми. Если кто-то совершает все перечисленное мной и многое другое,

недозволенное Аллахом, то это явный признак того, что данный человек не есть верующий, богобоязненный мусульманин, даже если он совершает бесконечные молитвы денно и нощно.

Соип-мулла снял очки, вытащил из кармана бешмета белый платок и вытер пот со лба. Овхад впервые увидел муллу без очков. Из-под седых, густых, грозных бровей старца смотрели умные, добрые глаза, полные печали.

- В последние годы особенно участились случаи похищения чеченцами имущества казаков, - глубоко вздохнул Соип-мулла, надевая очки. - Если неверные не требуют от нас отречения от веры, не изгоняют нас с наших земель, не притесняют нас, если они ищут с нами мира, Аллах призывает нас жить с ними в мире. Русские не требуют от нас перехода в христианство, не запрещают проповедовать ислам и не оскорбляют нашу религию, не требуют, чтобы мы покидали родину. И когда ты говоришь это людям и призываешь их не совершать зло по отношению к русским, не искать с ними вражды, жить в мире, знаешь, что они отвечают?

- Знаю. Что эти русские наши враги, что живут на отобранной у нас земле, что их власть держит нас в рабстве, под жестоким гнетом, что они повинны в нашей нищете, в царящем у нас голоде. Что у горцев нет иного выхода, кроме как грабить их, и что это всего лишь благородная месть за все, что русские творили и творят на чеченской земле.

- Оказывается, ты все знаешь! - засмеялся Соип-мулла. - С одной стороны эти люди действительно правы. Но этими воровством и грабежами занимаются не бедняки. Неимущие люди сидят дома, обрабатывают свой клочок земли и еле сводят концы с концами. А у воров и грабителей есть хорошее оружие и крепкие кони. Они выходят не хлеб для голодных семей добывать. Они идут угонять скот и коней, грабить почту и путников. Ладно, молодые, здоровые, имеющие коней и оружие будут жить воровством и грабежами, их семьи не будут голодать. Но что делать тем, кто всего этого не имеет, или даже имея возможность, не пойдет по такому пути, потому что это не дозволено Аллахом? Что делать больным, старикам, женщинам и детям? Что делать тысячам и тысячам остальным чеченцам? Да, власти отняли у нас лучшие земли и расселили на них казаков. Да, чеченцы испытывают голод, острую нехватку земли. Русская власть безжалостна, она подвергает нас жестокому угнетению. Я тоже против такой власти на нашей земле. Я ненавижу ее более, чем что-либо. Но от того, что мы будем грабить их, убивать чиновников, русские не уйдут отсюда, их власть не падет. Чеченцев самих заставляют возмещать ущерб, нанесенный русским. Следы злоумышленников, грабящих казаков, в основном идут в Мескер-юрт и Цацан-юрт. Вот власти и карают ни в чем не повинных жителей этих аулов. Из-за небольшого количества воров и грабителей страдает весь народ, аулы возмещают нанесенный ими казакам ущерб в стократном размере. Арестовывают невинных людей, ссылают их в Сибирь, усиливается притеснение народа. Как я уже говорил, мы не хотим сами остановить этих людей, не хотим сдавать их власти, а если их все же задерживают, не желаем свидетельствовать против них. Выходит, мы сами виноваты в своих несчастиях. Если это и дальше будет так продолжаться, то с течением времени чеченский народ растеряет веру, лучшие обычаи и перестанет существовать. Если бы мы не совершали названные злодеяния, чеченскому народу удалось бы избежать некоторых бед. Когда какой-нибудь спор переходит в ссору или войну, примирения должен искать прежде всего слабый. Зная, что чем дольше длится это противостояние, тем больший урон он понесет. Мудрый человек живет в мире и согласии с сильным, богатым соседом, сохраняя свою честь и одновременно умудряясь получать пользу от такого соседства. Глупый же человек ссорится с ним, ругается, враждует и в конце концов разрушает свою жизнь. Когда я говорю это, чеченцы объявляют меня сторонником русских, врагом чеченского народа. А когда я обращаюсь к представителям власти с просьбами не притеснять чеченцев, не издеваться над безвинными людьми, не ссылать их в Сибирь, меня же обвиняют в том, что выступаю против власти, что я и возглавляемое мною духовенство подбивают чеченцев на неповиновение, подстрекаем горцев на злодеяния против русских. Я высказал правду, истину, указал дорогу к миру, и это сделало меня

врагом обеих сторон.

Овхад был рад тому, что мысли знаменитого алима перекликались с его собственными мыслями. Они хорошо знали сложную обстановку в крае, беды и лишения чеченского народа, его несчастную судьбу. Но главное заключалось в другом. Нужно было найти пути освобождения народа от рабства царизма, избавления от преследующих его бед. Овхад выбрал политический путь. Он решительный противник вооруженных выступлений чеченского народа. Этот путь со временем изведет народ. Как бы героически он ни сражался, чеченский народ не сможет завоевать свободу в одиночестве. Только вместе с русским народом и другими народами России можно одолеть власть царя и богатеев. Надо свергнуть ее и установить новую власть, народную власть. Тогда не будет рабства, угнетения и злодеяний. Народы будут жить в мире, согласии, счастье и достатке.

Овхад рассказал мулле об этих своих чаяниях.

- Ты не из тех, кого называют большевиками? - спросил алим, внимательно глядя на него.

- Нет. И не намерен входить в эту организацию. Но я и мои товарищи разделяем их цели. Они заявляют, что сразу же, как только придут к власти, отдадут заводы и фабрики рабочим, а землю - крестьянам, что предоставят свободу народам, установят справедливость в обществе и многое другое. Но мы наладили и сохраняем с ними связь, чтобы использовать их борьбу для освобождения нашего народа.

- Я плохо знаю политику. У вас светское образование, вам лучше знать, что делать. Но будьте осторожны. Аллах говорит, что наделяет человека властью или богатством, когда хочет испытать его. Неизвестно еще как себя поведут большевики, когда власть окажется в их руках. А повести сегодня чеченцев, с их нынешним уровнем сознания, по предложенному тобой пути будет очень трудно. Правда, мы иногда слепо, как отара овец, следуем за красивыми речами. Особенно, если речи эти ведет чужеземец. Когда накаляются взаимоотношения России и Турции, или когда между ними возникает война, по Чечне разбредаются турки и арабы. Разводят агитацию, подбивают на выступление против русских. А чеченцы, весь ум которых находится в глазах и ушах, следуют за ними. Для нас достаточно бывает, если человек умеет читать Коран и говорит по-арабски. Когда они называют себя курейшитами из рода пророка, горцы им верят. Но чеченцы не почитают никогда своего же чеченца, каким бы мудрым, отважным, честным и благородным он ни был. Прав был Шамиль, когда говорил, что у чеченцев нет горы для вознесения героев и ямы для низвержения преступников. В чем же причина всего этого? А в том, что мы не владеем ни религиозными, ни светскими знаниями. И не стремимся их приобрести.

Когда подоспело время полуденной молитвы, Овхад вдруг вспомнил, что находится здесь уже три часа. Слушать Соип-муллу никогда не надоедало, но и он нуждался в отдыхе. Более того, Овхад и от работы его оторвал.

- Отец еще ребенком отдал меня учиться во Владикавказ, - Овхад поднялся. - За это мулла нашего аула поссорился с ним. Он говорил, что из меня вырастет неверный. Ровесники измывались надо мной, обзывали христианином. Однажды они схватили меня и уложили на землю, чтобы проверить, не ношу ли я на шее крест...

- От приобретения образования у русских, христиан человек не становится христианином, - засмеялся Соип-мулла. - Наука, мусульманская или христианская, есть только наука. Но мусульманин, прежде всего прочего, должен, обязан изучать исламскую науку. В исламе показано, с одной стороны, все хорошее, благородное, доброе, честное, чистое, то есть все то, что облагородит и осчастливит человека в жизни и смерти. И все грязное, вредное, жестокое и бесчестное, то есть все то, что лишает жизнь и смерть человека божественного благословения, с другой стороны. Поэтому каждый мусульманин должен обладать религиозными знаниями. Но человек живет на земле, поэтому он должен изучать и светские науки. Аллах через

свой Коран призывает нас приобретать знания, почитать тех, кто владеет ими. В девятом аяте суры "Зумар" Аллах говорит, что обладающих знаниями и невежественных людей нельзя ставить на одну ступень - ученые выше. И пророк (да благословит его Аллах и приветствует) тоже много говорил о знаниях. "Изучай науки с первого своего шага из колыбели и до последнего шага в могилу". "Изучай науки даже если тебе 80 лет и одной ногой ты уже стоишь в могиле". И еще сказал пророк (А. С. С): "Иди за знаниями даже в Китай". Что это значит? Это значит, что если где-то на краю земли, какой-нибудь человек или народ обладает

знаниями, мусульманину следует идти туда и учиться у них. Пророк сказал, что молитва ученого перед Аллахом ценнее многих молитв невежды. И еще он сказал, что одного ученого дьявол боится больше, чем тысячи неучей. Таким образом, Аллах и пророк обязывают мусульманина приобретать знания. Наука учит человека познавать мир, природу, жизнь, людей, добро и зло, учит остерегаться от бед и несчастий. Безграмотный человек, как и безграмотный народ, является темным, слепым и глухим. Он не помнит хорошее и плохое в своей истории, забывает о своих прежних ошибках. Вследствие этого он не знает, что ему делать сегодня и завтра, как уберечься от опасностей. Он повторяет старые ошибки. И недруги легко обманывают его, держат в рабстве. А клевета, сплетни и злодеяния были среди всех народов и во все времена. Были, есть и будут. Сын пророка Адама из-за ненависти убил своего брата. Все началось еще оттуда. Но мы в состоянии хотя бы уменьшить вражду и зло среди нас. Надо вернуть народ в лоно ислама. Донести до его сердца слово Аллаха. В большинстве своем чеченцы - благородные, отзывчивые, терпеливые люди. Если их просветить, научить чистой религии, они способны отказаться от всего недозволенного Аллахом. А этих злоумышленников не так уж и много, и они тоже верующие люди. Если им все доходчиво объяснить, они сойдут с неверного пути. Чеченцы не знают арабского языка, из-за чего не могут изучать Коран, исламскую литературу, шариат. А для того, чтобы перевести все это на чеченский язык, у нас нет алимов. Поэтому я пытаюсь перевести на наш язык хотя бы основные требования, предъявляемые к мусульманину, и распространить их среди людей. Словом, чеченцы нуждаются в образовании. Религиозном и светском. Только тогда мы познаем слово Аллаха, наставления пророка (А. С. С), узнаем шариат, историю человечества и его настоящее. Тогда мы научимся отделять добро от зла, оберегаться от всевозможных напастей, распознавать хитрость и коварство врагов. Только тогда мы научимся уважать друг друга, почитать мудрых, благородных, стойких, глубоко верующих и богобоязненных, живо болеющих за судьбу народа конахов, выдвигать их в свои лидеры, повиноваться им и беречь их. А то, что происходит сегодня в России - это дело их, русских. Я бы не советовал чеченскому народу встревать в это. Он в своей сознательности далеко отстал от мировой политики.

Совершив вместе с Соип-муллой полуденную молитву и попрощавшись с его домочадцами, Овхад покинул гостеприимный дом алима. Весь неблизкий путь до Гати-юрта он проделал, размышляя над словами мудреца...

ГЛАВА XI КАРАТЕЛИ

Отдельные люди теряют благородство, но народы - никогда.

Ю. Фучик

Следовавший из Гудермеса поезд через какое-то время, возвестив о себе сильным гудком, въехал в Грозный. Чеченские наемники, которых собирали в Грозном для последующей отправки в Россию, с любопытством выглядывали из дверей вагонов. Эти двести человек сильно удивились бы, если бы месяц назад кто-то сказал им, что они поедут в Грозный, не говоря уже о России. В аулах их жизнь не отличалась разнообразием. Днем - работа, ночью - собирались у кого-нибудь из друзей, чтобы скоротать время. Каждый день одно и то же. Изредка, на похороны или свадьбу, ходили в соседние аулы. Если кто-то из аульчан ездил в Грозный или Кизляр, удивленные и восхищенные, они собирались у него и расспрашивали обо всем увиденном и услышанном. Никто из этих двухсот горцев никогда не думал, что увидит поезд, сядет на него, а если и сядет, то поедет на нем в такую даль. Но голод и нищета разлучили этих несчастных людей с домом и близкими.

Мудар стоял рядом с вооруженным винтовкой солдатом у самой двери вагона. Разогретая выпитым час назад в Гудермесе вином его голова потихоньку остывала и пьяная хмель уступала место какому-то неиспытанному им до сих пор чувству. Но это вовсе не была боль за семью, оставшуюся дома. Равномерный стук колес по рельсам больно отдавался в его сердце. Он задыхался от черного дыма, окутавшего поезд, и бьющего в сторону горячего пара. А тоска нарастала с каждым оборотом колес. Как он ни старался противиться, взгляд его сам собой возвращался к черной гряде гор, видневшихся на юго-востоке.

"Может, мне лучше было бы остаться дома? - подумалось вдруг Мудару. - Не такая уж у меня и большая семья, как у этих бедолаг, моих соседей по вагону. Что же со мной будет? Я же не знаю русского языка, не знаю ни одной буквы. Это Сайд и его шайка подбили меня поехать в эту неведомую даль, будь они трижды прокляты..."

Да, это они сагитировали Мудара записаться в стражники. Говорили, что за это платят 460 рублей, дают коня и обмундирование, что, проявив рвение в службе, можно заработать еще денег. Что его могут даже возвести в офицеры. А потом? А потом, после возвращения, продолжат они устраивать его будущее, станет он каким-нибудь хакимом или приставом в Ведено. Сволочи! Им-то что, если он отправится в Россию? Галаев обязал их достать хоть из-под земли двух гатиюртовцев, готовых стать стражниками. Вот они и достали.

А теперь и аульчане его прокляли. Объявили изгоем, поклялись не пустить обратно в Гати-юрт. Грозились даже изгнать из аула его семью, да над детьми малыми сжалились. Но ничего, он заставит их горько пожалеть обо всем. Он вернется через год с офицерскими погонами на плечах, с украшенной серебром шашкой, верхом на вороном коне. Кто тогда посмеет не пустить его в аул? Сайд, Абди и их свора, словно трусливые дворняжки, будут бегать вокруг него с высунутыми языками, вилять хвостом, стоять перед ним на задних лапках. Хватит Мудару холопствовать на них!

Внезапно остановившийся поезд оторвал его от этих сладких мечтаний. Он увидел толпы людей, заполнившие вокзальную площадь и примыкающие к ней улицы. Над собой люди держали растянутые куски ткани, прикрепленные к длинным палкам, и широкие доски с какими-то надписями. Стоящий за Мударом горец стал медленно читать:

- Брать-я... гор-цы, вас об-ма-ну-ли. Воз-вращ-щай-тесь в сво-и а-у-лы...

Вся эта огромная людская масса устремилась к вагонам. Полицаи медленно отступали, не в силах сдержать этот напор.

- Закрыть двери вагонов! - кричал полицейский пристав солдатам, охраняющим вагоны, бегая вдоль состава.

Внезапно поезд дал задний ход. Неужели хотят отвезти обратно в Гудермес, удивился Мудар. Но поезд, отъехав на самый дальний путь, скрипнул колесами и остановился. Потом, отцепив и отогнав куда-то паровоз с головы состава, оставили их вагоны стоять. Ничего не понимающие горцы, запертые в душных и тесных вагонах, в которые только через маленькие окна поступал свежий воздух, притихли. Снаружи доносились крики на русском и чеченском языках. Но такое состояние продолжалось недолго. Наседающие люди смели их охрану и открыли двери вагонов. Перед Мударом предстала пестрая толпа из нескольких сотен человек. Изредка виднелись чеченские папахи и черкески. Когда какой-то русский поднялся на сложенные перед вагонами ящики и поднял руку, крики и возня прекратились. Голова Мудара гудела от целой цепи невероятных событий сегодняшнего дня. Но все эти впечатления в один миг забылись, когда на ящики поднялся его аульчанин Овхад и стал рядом с русским. Изумлению Мудара не было предела. Он протер глаза, все еще не веря тому, что видит, и опять внимательно посмотрел на этого человека. Сомнений быть не могло. Высокое, подтянутое, стройное тело, коротко подстриженная аккуратная борода, гордый, мужественный взгляд. Его аульчанин, Овхад Хортаев!

"Интересно, он-то что здесь делает? - удивлялся Мудар. - Настроил против меня весь аул, а теперь и сюда явился. Думает он отстать от меня или нет?"

- Братья-горцы! - начал русский, стоящий рядом с Овхадом. - Вот уже много веков русский трудовой народ стонет под гнетом царя и богатеев. Не насытившись одной только русской кровью, огнем и мечом загнали они под свою пяту и другие малые и большие народы. Ваши отцы около ста лет оказывали героическое сопротивление царским колонизаторам, не склоняя свои гордые головы, не падая перед ними на колени. Царь и богатеи обманом и угрозами гнали на ваши аулы русских солдат. Их заставляли уничтожать ваш народ, выжигать ваши аулы. У вашего маленького народа не хватило сил защититься от самой жестокой в мире Российской империи. Русский царь отобрал у вас лучшие земли и загнал вас в каменные горы. Но вы не думайте, что отобранную у вас землю подарили русским трудящимся. Нет, не подарили. Их раздали богачам, сосущим нашу и вашу кровь, генералам, офицерам и помогавшим им предателям из чеченцев. Вы видели большие, красивые дома в Грозном? В них живут богатеи. А мы, трудящиеся, не разгибая спины работающие на них, вынуждены прозябать в полуразвалившихся хибарах и бараках, ничем не отличающихся от тюремных камер. У наших детей нет школ, нет для нас и больниц. Посмотрите на гору Суйр-Корт. Согнав оттуда чеченцев, там возвели нефтяные вышки. Богатства вашей земли русский царь продал толстосумам из Англии, Франции и Бельгии! А вы, истинные хозяева этого золотого края, нищенствуете. На вашей нефти жиреют господа Ахвердовы и Киреевы. У нас, у русского народа, нет ничего, кроме этих огрубевших от тяжелого труда рук. А русские крестьяне в еще более тяжелом положении. Мы и сами - вчерашние крестьяне, изгнанные из сел жестокими помещиками, живем в беспросветной нужде. Мы перебрались в город в надежде найти работу и кусок хлеба для детей. Братья-горцы! Русские рабочие и крестьяне поднялись против царя и богачей, не в силах далее терпеть жестокий гнет. Сегодня в России все сильнее разгорается пожар революции. Крестьяне поджигают дома и имущество помещиков. Народ мстит своим поработителям. Русский народ пытается сбросить с себя многовековое рабство. У нас у всех один враг. Русский царь, русские помещики и капиталисты эксплуатируют нас, вас и все другие народы России, это они повинны в тяжелой доле миллионов рабочих и крестьян. Они делают все, чтобы мы не объединились против них, чтобы между нами не было дружбы и единства. Они провоцируют столкновения между нами. Русский царь и русские богатеи до сих пор гнали на вас солдат. Сейчас же вас везут против русского народа, чтобы проливать кровь трудящихся, борющихся за свою свободу...

Через окно вагона Мудар увидел группу солдат, приближающуюся к собравшимся людям. Идущий впереди офицер, дойдя до толпы, остановился и несколько раз что-

то выкрикнул. Видя, что на него никто не обращает внимания, он повернулся к солдатам и отдал какой-то приказ. От толпы отделился человек и, подойдя к солдатам, сказал им несколько слов. Собравшиеся на площади люди размахивали руками и тоже что-то кричали. Офицер набросился на солдат, но те стояли неподвижно, поставив приклады винтовок на землю.

- Видите вон тех солдат? - выступающий указал на них рукой. - Их привели сюда разогнать нас, а если мы не подчинимся, то и убивать. Но эти солдаты, как и везде в России, отказываются проливать кровь своих братьев. Поэтому и везут вас в Россию. Охранять помещиков и их имущество, проливать кровь русских рабочих и крестьян, поднявших знамя свободы. За эту позорную работу палача вам заплатили деньги. Братья-горцы! В среде вашего мужественного, благородного народа никогда не было наемников и палачей. Не дайте обмануть себя царю и богачам! Не позорьте ради денег честь своего народа! Лучше умереть с голоду! Мы, пролетариат Грозного, ваши братья по несчастию, просим вас вернуться назад, в свои аулы! Да здравствует революция!

Крики и аплодисменты собравшихся оглушили Мудара.

- Да здравствует революция!

- Долой царскую власть!

- Долой богатеев!

- Да здравствует свобода!

Крики прекратились, когда тот же русский поднял руку. Теперь заговорил Овхад.

- Чеченцы! Все, что сказал вам стоящий рядом со мной русский, сказано не от него одного. Он выступал от имени и по поручению собравшихся здесь и не сумевших прийти сюда рабочих Грозного. Я переведу вам его выступление, не добавляя и не опуская ни одного слова...

Когда Овхад начал говорить, Мудар пожалел о своей обиде на него. Несколько тысяч собравшихся здесь людей выдвинули от себя для выступления русского и чеченца. И этот чеченец был односельчанином Мудара. Если бы Овхад не был мужественным, мудрым и благородным человеком, они не выбрали бы его.

"Что такое Сайд, Хюси и подобные им по сравнению с Овхадом? - говорил он себе. - Мелочь! Ничтожества! А я не послушался Овхада, продался своре Сайда. Это водка, будь она неладна, погубила меня".

Протрезвев, Мудар обычно жалел о содеянном в пьяном угаре. Но оказывалось уже поздно. Сейчас ему было стыдно перед самим собой...

- Это мой односельчанин, - гордо сказал он стоящему рядом крупному шатойцу.

- Действительно? Эх, как же он бойко говорит по-русски!

- Он два года назад возвратился из Сибири, провел там 27 лет. Так же хорошо он говорит на турецком и арабском языках...

В задних рядах толпы вдруг появилось какоето движение. Посмотрев туда, Мудар увидел пеших солдат и конницу, приближающуюся с трех сторон...

Когда взвод солдат, направленный для разгона митингующих, отказался применить против них оружие, в Грозный срочно были стянуты воинские части. Это их передовые отряды видел сейчас Мудар.

- Чеченцы! К сказанному только что этим русским мне добавить нечего. Все предельно ясно, - Овхад закруглял свою речь. - Свободу, отнятую русским царем, горцы смогут вернуть только с помощью русского народа и других народов России. Поэтому долг чеченского народа, который страдал и страдает больше всех, с

которым обращались наиболее жестоко, установить тесные дружеские связи с народами России, борющимися за свою свободу, встать с ними в один ряд. Но ваша позорная миссия в России никоим образом не будет способствовать этому, наоборот, вызовет между нашими народами недоверие и вражду. Вы станете позором нашего народа. Представители чеченских аулов направили сегодня телеграммы в адрес наместника Кавказа и в Государственную Думу на имя нашего депутата Таштамира Эльдарханова...

Солдаты первой роты заняли железнодорожный путь. Вторая рота вывела из депо паровоз и выставила вокруг него охрану. Третья рота, пулеметная команда и казачьи конные отряды получили приказ очистить платформу, вокзал, вокзальную площадь и примыкающие к ней улицы от митингующих рабочих. Наступавшие с трех сторон солдаты и казаки прикладами и нагайками оттеснили толпу к стене здания вокзала. Здесь команда курсантов стала зверски избивать людей. Многие рабочие, собравшись в организованные группы, оказывали военным сопротивление, не отступая ни на шаг. Под их дружным натиском курсанты начали отступать, но прибывшая им на выручку пулеметная команда взяла рабочих в плотное кольцо окружения. Оттесненные из других мест рабочие тоже стали подходить к вокзалу, в результате чего толпа здесь быстро возросла. В солдат полетели камни, куски битого кирпича, железки - словом, все, что попадалось под руки рабочим. То здесь, то там раздавались выстрелы, слышались глухие удары прикладов, свист нагаек и шашек. Под градом камней кони ржали, вставали на дыбы. Со всех сторон доносились ругань и стоны. На раненых никто не обращал внимания, их топтали свои и чужие.

Среди всего этого апокалипсиса до ушей Мудара дошли последние слова Овхада:

- Слышите, чеченцы! Вас везут, чтобы вы где-то там проливали кровь таких же несчастных! Позор вам, если поедете туда!

- Будьте вы прокляты, если поедете! Да встретит вас там смерть! - крикнул из толпы какой-то чеченец.

Паровоз, который рабочие несколько часов назад отцепили от вагонов, вывели из депо и под охраной солдат, стоящих по обе стороны платформы, подогнали обратно к вагонам с наемниками. Состав внезапно дернулся, повалив на спину Мудара. Раздался резкий гудок, и эшелон медленно тронулся. Постепенно набирая скорость, он помчался куда-то на запад.

Мудар был беден. Безысходная нужда пристрастила его к спиртному. Зеленый змий же в свою очередь превратил его в безвольное, беспринципное существо. Но, не смотря ни на что, в глубине души Мудар оставался горцем. Там, в тайниках его сердца, вызывая в нем муки, восставал один из благороднейших обычаев чеченцев, который запрещал поднимать оружие против невооруженного человека, даже если это твой кровный враг.

"Нас ведут против слабых, безоружных людей, чтобы избивать их, как это делали сегодня солдаты и офицеры. Какой позор! Но что же делать? Деньги я уже получил и истратил. Я не смогу их вернуть. А подписанная мною бумага находится у полконака... Что, если сбежать на первой же станции? Тогда схватят и сошлют в Сибирь..."

От злости на самого себя Мудар заскрежетал зубами и сжал кулаки.

"Даже Расу оказался умнее меня. Он послушался Овхада. А сам-то Овхад! Это же необычный человек! Он воевал рядом с Алибеком-Хаджи. Говорят, боролся против царской власти в Грузии и Баку. Двадцать семь лет провел в Сибири. И не покорился. А ведь мог жить припеваючи, ни в чем не нуждаясь. Видимо, у него свое понимание жизни и правды. Я же оказался слабым человеком. Я всегда думал только о выпивке..."

Да, конечно. Нет на земле силы, способной напугать, усмирить, покорить Овхада.

Он не забыл друзей, своих боевых товарищей, погибших в борьбе за свободу своего народа, умерших в далекой, холодной Сибири, - Кори, Болат, Кайсар, Юсуп, старики Мачиг и Васал, казненные Алибек, Дада, старый Умма. Сотни и сотни тысяч чеченцев, павших на полях сражений последних двухсот лет, имена которых он не знает. Ни на минуту не забывает он свой народ, стонущий под бременем царского гнета...

Зима в этом году наступила рано, была она и необычно холодной. По всему лесу тройным эхом разносился треск то и дело ломающихся под тяжестью снега деревьев. Дороги между аулами были занесены толстым слоем снега. Несмотря на все это полковник Галаев вышел из крепости Ведено для проведения карательных операций в горных аулах. В походе принимали участие большие отряды солдат и казаков, подкрепленные горной артиллерией. Срок, отведенный Галаевым горцам для погашения государственных долгов, уже истекал. Он останавливался в аулах, предлагал им в течении двадцати четырех часов выплатить все долги и изъявить покорность властям, угрожая в противном случае сравнять их с землей. В подтверждение его слов по окраинам аулов производилось несколько пушечных выстрелов.

Многие аулы Веденского округа подчинились требованиям Галаева. Помимо выплаты долгов и штрафов, они помогали перебазировать отряд к следующему аулу, подальше от своих домов. Гати-юрт был единственным аулом во всем Веденском округе, не выполнившим требования полковника.

В саклях аулов, где прошел Галаев со своим отрядом, воцарялась печаль, будто оттуда только что вынесли покойника. Но люди терпели, довольствуясь тем, что обошлось хотя бы без кровопролития. Однако каждый мужчина согласился бы сто раз умереть, лишь бы не видеть этот грабеж в своем дворе. Полковник выметал все хозяйство горцев, не сумевших выплатить налоги. В аулах, где прошли каратели, пустели хлева, сараи и курятники. В них не слышалось крика петухов, ржание коней, кудахтанье кур. Попадавшей в свои руки птице казаки и солдаты скручивали головы и тут же, кое-как изжарив, съедали ее.

А скольких детей оставили сиротами, угнав их отцов в Сибирь, откуда редко кто возвращается. Да, во многих ичкерийских семьях сегодня стоял траур. Люди стерпели и это унижение. Но этот день они не забудут никогда. Горцы подождут, потерпят... Но в один прекрасный день отплатят сполна добром - за добро, злом - за зло.

Гати-юрт отказывается повиноваться требованиям властей, даже когда свою покорность выразили все аулы Ичкерии. Страдают от непокорного Гати-юрта и соседние аулы - Самби-хутор и Шал-дук. Правда, эти два аула прислали послов к Галаеву с изъявлением покорности сразу после первых залпов по своим окраинам. Но гатиюртовцы молчат. Они для полковника, словно кость в горле. Позавчера Галаев предъявил Гати-юрту ультиматум с требованием в течение трех дней выплатить все долги. Подкрепив свои слова двадцатью пушечными выстрелами по окрестностям аула, начальник округа приказал разбить лагерь в Самби-хуторе. От гатиюртовцев же до сих пор никаких послов. Старшиной там он назначил Сайда, однако фактически аулом руководит Ахмад Акболатов. Вчера там целый день проходил сельский сход. Но полковник не знает, какое решение принято на сходе. Между тем время ультиматума истекает сегодня вечером. И тогда ему придется выполнить свою угрозу - сравнять аул с землей. А это невозможно. Он понимал это еще тогда, когда предъявлял ультиматум. Просто полковник хотел устрашить Гати-юрт, как и другие аулы. Он тогда не подумал о том, что здесь живут два самых отъявленных бунтовщика - Али Абубакаров и Овхад Хортаев. Вдобавок к ним еще и мятежный, буйный Солта Солтханов. Старик-то живет тихо. Говорят, не лезет в общественные дела. Но Галаев прекрасно знает, что люди, избранные в руководство аула, по каждому делу советуются с Абубакаровым. Овхад Хортаев имеет тесные связи с чеченской интеллигенцией и с Грозненской организацией РСДРП. Его уважают и почитают представители чеченской интеллигенции. Стало так же известно, что инициатором выступления грозненских рабочих против отправки в Россию чеченских наемников выступил все тот же Хортаев. Странное

дело, один из братьев - ярый сторонник власти, второй - такой же ярый, но только противник. Двое жителей этого же Гати-юрта входили в число тех, кто поднял против войны чеченский и кабардинский конные отряды в Маньчжурии. А в последнее время двое гатиюртовцев ушли в банду Зелимхана.

Для старших офицеров русской армии Чечня является дойной коровой, для него же она стала просто какой-то погибелью. Его округ - источник всех преступлений и злодеяний. Здесь, на территории его округа, находится логово абреков. Более того, и жизнь его находится под постоянной угрозой. Иногда из-за страха он не может уснуть. Зелимхан в письмах уже дважды предупреждал его о том, что если он не прекратит творить произвол, если отправит в Сибирь хоть одного человека, если прольет хоть каплю крови горцев, он, Зелимхан, отправит его в ад вслед за Добровольским. А ведь абрек действительно сделает это. Зелимхан никогда не бросает слов на ветер. Яркие примеры тому - смерть Добровольского, случай на Кади-юртовском разъезде... И многое другое...

"Да, здесь нужно держать ухо востро, - думает Галаев. - Пять казачьих сотен, выделенные в помощь округу после моих многочисленных просьб, после этой операции отзовут обратно. Тогда, если возникнет мятеж в округе, мой небольшой гарнизон уничтожат в течении часа. У начальников казачьих отделов такой головной боли нет. Кроме военных сил, предоставленных правительством, под их началом находится несколько тысяч вооруженных до зубов казаков. Готовые по первому зову наступать на чеченские аулы. Более того, недавно по просьбе генерал-губернатора Колюбакина Главный штаб Кавказских войск только одному Сунженскому отделу выдал десять тысяч винтовок и несколько миллионов патронов из Георгиевского военного склада. Разве только это! Правительство щедро финансирует вооружение казаков. А в моем округе не приходится надеяться на внешнюю помощь. Даже положенного по закону толком не выдают..."

Над Гати-юртом нависла опасность. Гатиюртовцы не выполнили условия прежнего ультиматума начальника округа. Ими не было выплачено ни копейки денег, не сдали они и ни одного ствола. Жители аула, выдачу которых требовали власти, спокойно жили в своих домах. Тогда все это прошло безнаказанно. Но остановившийся вчера за Аксаем Галаев потребовал выполнения прежних условий и предоставил им на это три дня. Как бы в подтверждение того, что шутить он не намерен, полковник приказал дать из пушек двадцать залпов по окраинам аула, что и было сделано незамедлительно. Испуганные женщины и дети плакали. Ревел скот. Тоскливо завыли собаки.

С раннего утра на площади в центре аула проходил сход. Сюда собрались все аульчане мужского пола старше 15 лет. Людям никак не удавалось прийти к единому мнению. Некоторые были решительно против выполнения требований полковника. Они выступали за вооруженное сопротивление. Другие, беспокоясь о женщинах, детях и небогатом хозяйстве, предлагали искать с властями компромисс и уладить дело без кровопролития. Зажиточные аульчане тоже выступали за мирное разрешение конфликта. Они предлагали выплатить все долги, сдать оружие, выдать в руки властей требуемых ими гатиюртовцев. Эти люди ни в коем случае не пеклись о благополучии Гати-юрта. Они просто хотели выслужиться перед начальником округа. С другой же стороны боялись, что в случае вооруженной стычки пострадают их дома, а имущество будет разграблено солдатами и казаками.

Оказывать вооруженное сопротивление, последовать совету первых, было бессмысленно. Несколько Чеберлойских аулов, оказавшие сопротивление, были недавно сожжены и разграблены, много чеберлойцев было арестовано. То же самое полковник сделает и здесь. А денег и оружия для сдачи у аульчан не было. Нельзя было также сдавать и тех, на чьей выдаче настаивали власти. Это легло бы на Гати-юрт несмываемым позором.

Было уже далеко за полдень. Гатиюртовцы не могли найти решение, которое устроило бы всех. Ахмад внимательно выслушивал каждого. Он и сам не знал, как поступить. А сами аульчане даже в течение месяца ни о чем не договорились бы.

Они спорили, ссорились, ругались. В конце концов, Ахмад решил посоветоваться с Али.

- А ну-ка, замолчите все и слушайте сюда! - крикнул он и встал. - Мы стоим на этом морозе с самого утра. Шумим, спорим, но ни до чего путного додуматься не можем. И вряд ли додумаемся, даже если простоим здесь еще месяц. Каждый из вас хочет, чтобы именно его слово было решающим. Над нами нависла серьезная опасность. Мы не можем найти выход из этой ситуации. Вы избрали нас, пять человек, именно на такой случай. Четверо из нас присутствуют здесь. Если вы не против, мы вчетвером - я, Арсамирза, Лорса и Солта - подумаем, посоветуемся с кем нужно и с помощью Аллаха попытаемся найти решение, которое спасет аул от кровопролития и разрушений. Вы примете наше решение?

После непродолжительных споров гатиюртовцы согласились.

Совершив вечернюю молитву и нехотя перекусив, Ахмад с тремя товарищами пошел к Али. Тот указал им единственный путь, который выведет аул из-под удара. С его слов Лорса написал ответ Галаеву. На следующее утро Ахмад вызвал в канцелярию Сайда, Хюси и Абди.

Здание канцелярии, покрытое русской черепицей и состоящее из двух комнат и прихожей с крепкими окнами и дверями, было построено Хортой на собственные средства в бытность старшиной Гати-юрта. В комнате, отведенной для старшины и писаря, стояли дощатый стол и два стула, вдоль стены было сооружено что-то вроде скамейки для посетителей, поверхность которой стерлась от времени. Около двери стояла давно не чищеная печь, вся черная от сажи. Вторая же комната была отделана в европейском стиле. Длинный широкий стол с резными ножками, покрытый черным лаком, четыре красивых мягких кресла с высокими спинками, обитые зеленым бархатом, и всегда пустой большой книжный шкаф. На стене висел огромный портрет царя, а пол был устлан мягким ковром. Камин был обложен жженым кирпичом. Комната эта служила приемной для высоких гостей, довольно часто посещавших аул, а все повседневные дела Хорта решал в первой комнате. Когда место Хорты, бывшего старшиной в течение 27 лет, занял Сайд, он не стал менять порядок, заведенный своим предшественником. А избранные недавно Ахмад и его товарищи ни разу и не вскрывали вторую комнату. Они всегда собирались в первой.

Арсамирза, Лорса и Солта рано утром собрались в канцелярии. Вскоре по одному подошли вызванные сюда Сайд, Хюси и Абди. В канцелярии, которую не топили два дня, было холодно. Ахмад, не тратя время на любезности, сразу же приступил к делу:

- Хюси, вы трое лучше других понимаете, какая опасность нависла над нашим аулом. Этот полконак опять требует выплаты государственных налогов, штрафов, выдачи оружия и сдачи в их руки четырех наших аульчан. Назначенное им время уже истекает. В случае невыполнения этих условий он грозится сравнять с землей аул. Вы прекрасно знаете, что у людей нет ни денег, ни оружия. О выдаче четырех человек нечего и говорить - все мы скорее умрем, чем сделаем это. Завтра вечером истекает срок, назначенный полконаком. Мы все и наши отцы до седьмого колена родились и жили в этом ауле. Наши предки умерли и похоронены здесь, похоронят здесь и нас. Между всеми аульчанами без исключения есть какие-то дальние или близкие родственные связи. Горе в любом доме так или иначе касается всех аульчан. Мы все должны жить в одном ауле, именно гатиюртовцы похоронят каждого из нас. Учитывая все это, мы вызвали вас сюда в надежде найти с вашей помощью выход из этой непростой ситуации. Хюси, ты алим, а Сайд и Абди разбираются в делах властей, ведут знакомства с хакимами. Как вы думаете, что нам делать? Как нам спасти аул?

Первым, опередив Хюси, заговорил Сайд:

- Ахмад, оттолкнув нас, знатоков ислама, шариат, власть, знакомых с хакимами, люди выбрали вас, посчитав, что вы умнее, надежнее и мужественнее. А сейчас, в

минуту опасности, вы вдруг вспомнили о нас. Заботиться об ауле, отвечать за него должны вы. И выход из этого тупика должны найти тоже вы. Если же вы хотите знать наше мнение, то мы считаем, что аул должен выполнить требования властей. Мы не видим другого пути.

- Но это же вы навлекли эту беду на аул, Сайд. Этим налогам, штрафам и всему другому аул был подвергнут, когда в этой канцелярии сидели вы! - не выдержал Солта.

Сайд повернулся к нему:

- Почему вы так считаете? Почему все только и делают, что клевещут на нас? Когда кого-то арестовывают, вы обвиняете нас, думаете, что это мы сдаем человека. Теперь и в этой каше, заваренной, заметьте, вами, вы пытаетесь обвинить нас. Почему вы не говорили людям, когда они выдвигали вас на выборах, что вы не знаете власть и не знакомы с хакимами, что у вас не хватит ума заботиться об ауле? Теперь же расхлебывайте эту кашу, вы сами ее заварили!

- Именно так! - поддержал его Абди. - Теперь еще говорят, что и солдат сюда привели тоже мы. Завтра без зазрения совести скажут, что это по нашей вине обложили налогами и поборами все аулы Ичкерии! Да, не любит чеченец того, у кого чего-то больше, чем у него...

Хюси молча кивал, как бы в подтверждение слов Абди.

- Что вы раскричались, словно ужаленные, - прикрикнул на них Солта. - Что хорошего для аула сделали вы, грамотные, имеющие панибратские отношения с хакимами? Какую пользу от вас получил хотя бы один человек? Лучше не кипятитесь и слушайте, что вам говорят!

Лицо Арсамирзы медленно багровело, его длинные рыжие брови надулись.

- Вы говорите, что ни в чем не виноваты? - набросился он на Сайда, Хюси и Абди. - Во всех бедах этого аула виноваты вы и ваши отцы! Разве не так? Абди, твой отец Хорта и старший брат Асхад были рабами этой власти, ее осведомителями! Скажешь, что это не так? Разве они не сбежали в Герзельскую крепость во время восстания Алибека-Хаджи? Разве твой брат Асхад не был убит, когда он водил по Гати-юрту солдат, сжигающих дома аульчан? Хюси, разве твой отец Товсолта-хаджи и отец этого вот Сайда Бора-хаджи не пресмыкались перед русскими, разве они не лизали им их вонючие задницы, разве не молили Аллаха даровать им победу? Половина земель этого аула в ваших руках, в руках десятка человек. Почему они у вас? Ваши отцы выкорчевывали с них лес? Ни одного кустика они не срубили! Эти земли отобраны вашими отцами у голодных вдов и сирот, чьи отцы и мужья погибли на войне. Они заплатили за них всего несколько зернышек. Эти сироты за мизерную плату работали на ваших отцов, их потомки работают на вас.

Разве не вы отправили на войну с японцами моего сына, Магомеда и этого вот Солту? Разве не вы отправили Мудара в Россию? Почему вы не отправили туда своих сыновей? Ваши отцы были грязными предателями, и вы тоже такие!

- Это не мы их туда отправили, а деньги! - с сарказмом сказал Сайд. - Они просто продались за деньги.

Арсамирза был горячим, скорым на руку человеком. Ничуть не отставал от него в этом отношении и Солта. Но отнюдь не были трусами и Сайд с Хюси, хотя второй и носил звание муллы. Абди же был хитер, как старая лиса. Опасаясь, что может возникнуть драка, а это могло испортить все дело, Ахмад остановил этот спор.

- Хюси, я начал беседу с тобой в надежде на сдержанность и понимание, потому что ты алим, около двадцати лет был муллой и кадием аула. А ты молчишь, согласно кивая словам своих товарищей. И вы тоже, Солта, будьте сдержанней. То, что здесь сгоряча сказал Арсамирза, есть чистая правда, известная всем. Но оставим прошлое. Что же касается наших должностей, скажу, что никто из нас не

просился и не стремился сюда, мы просто выполнили волю аула. И не очень-то рады этой обузе. Вы же, Сайд, когда люди выбирали старшину, писаря и старейшин, покинули сход вместе со своими сторонниками. И на этом не успокоились. Тайно сговорившись с приставом, вы собрали пятьдесят человек из пятисот, имеющих право голоса, и устроили какие-то игрища, после чего провозгласили себя избранной властью. Почему вы не сказали начальнику округа, что выборы в ауле уже прошли и нечего совать туда вас против воли аула? Вы же предали аул, Сайд, аул и аульчан. Вы раскололи Гати-юрт на два враждующих лагеря. В результате нас, избранных аулом, не признает власть, вас же, коварнейшим образом назначенных властью, не признает аул. Если мы поедем к представителям власти для улаживания сегодняшних разногласий, нас никто не примет. Поэтому уладить все это должны вы пятеро, назначенные этой властью.

- Если аул не выполнит его приказ, полковник не станет даже разговаривать с нами!

- Тогда вы и выполняйте его приказ.

- Мы не сможем ничего сделать, если аул не выплатит налоги и штрафы и не сдаст оружие.

- Вы, богачи, оплатите эти долги. И оружие сдайте. Те в изумлении разинули рты.

- С какой стати мы будем расплачиваться за весь аул? Все налоги, штрафы и долги справедливо поделены между всеми аульчанами. Конечно, свою долю мы выплатим без вопросов.

- Такая несправедливость существовала до сих пор. Теперь же хватит, у людей кончилось терпение. У вас в собственности половина аульских земель, скот, магазины, мельницы, фаэтоны, тачанки, много денег. Вы и ваши отцы накопили все это недозволенными, грязными, коварными методами. Более того, нам известны случаи, когда вы брали с ничего не подозревающих людей уже отмененные властями налоги и спокойно клали все это в собственный карман. Вы коварные люди, Сайд, вы предатели. Хотите, платите требуемые властями деньги, хотите, найдите пути для спасения аула через свои знакомства. Это ваше дело. Но мы заранее предупреждаем вас. Если в ауле будет разрушена хотя бы одна сакля, если солдаты утащат хоть одну курицу, если будет задержан хоть один человек, мы превратим в пепел ваши дома, дома известных вам и нам десяти человек. Одним словом, если вы хотите спокойно жить в этом ауле, если хотите, чтобы здесь жили ваши потомки, вам надо уладить этот конфликт без потерь для аула. Смотрите, мы вас предупредили. Вот, - Ахмад достал написанное ими заранее письмо, - передайте это наше послание полконаку. Вы же хакимы, назначенные им. Такие же ничтожества, как и он, готовые продаться за деньги. Давайте, работайте. И закончим на этом разговоры. Прощайте!

Трое, оставшиеся в канцелярии, устроили короткое совещание. Они договорились посоветоваться с остальными богачами аула и уладить конфликт собственными силами и средствами.

Полковник же, остановившийся в доме старшины Самби-хутора, то беспокойно расхаживал по комнате, заложив руки за спину, то останавливался у окна и с тоской глядел на улицу. Полковника одолевали тяжелые мысли. Он очень жалел, что предъявил ультиматум Гати-юрту. Начальник округа прекрасно знал, что у них нет возможности выплатить требуемые деньги не только за три дня, но и за три месяца, нет у них и оружия. И уж, конечно же, он знал, что названных им четырех человек аул ни в коем случае не выдаст, даже если его сожгут вместе со всеми жителями. А ведь он дал слово разрушить аул через три дня, если его условия не будут выполнены. Если он разрушит хоть один дом, поднимется весь аул. К нему присоединятся соседние аулы. Тогда этот мор, без сомненья, распространится на весь округ. А если в округе возникнет мятеж, все шишки посыплются именно на него. И никто не вспомнит, что приказ разоружить аулы он получил сверху. Если бы ты нашел общий язык с народом, если бы не был с ними неоправданно жесток,

скажут ему, народ не взбунтовался бы против власти. Найдут еще тысячу поводов превратить его в козла отпущения, замарать его репутацию, испортить карьеру. А если он не выполнит свою угрозу, то его авторитет в округе будет безвозвратно утерян.

Сумму штрафов он определил сам. Ее можно и изменить. С оружием то же самое. Его бы вполне устроило, если бы гатиюртовцы сдали несколько ружей, кинжалов, сабель и немного патронов. Но сумму налога определяет не он, это государственное дело, он не может как-либо изменить его. Если бы они сдали пока хотя бы половину. Тогда он смог бы уладить все это миром, сохраняя свое лицо. Как говорится, и волки были бы сыты, и овцы остались бы целыми ...

В комнату полковника вошел дежурный офицер.

- Господин полковник, прибыли послы из Гати-юрта с ответом на ваш ультиматум. Просят принять их, - офицер вручил Галаеву письмо.

Полковник развернул бумагу.

- Оно же написано на арабском языке. Пусть подпоручик Сейталиев переведет. И побыстрей. Сколько их там?

- Трое.

- Ты их знаешь?

- Так точно! Они принимали нас в Гати-юрте. Старшина и известный богатей Хортаев. Третий, по-моему, кадий.

Галаев нахмурил лоб. Нет, не их он ожидал. Он хотел, чтобы пришли мятежники во главе с Акболатовым.

- Сначала я прочту это послание. Продержи их часок, потом впусти.

Вскоре пришел Сейталиев с переведенным письмом.

- Могу я быть свободен, ваше благородие? - встал он по струнке.

- Да-да, отдыхайте.

"Начальнику Веденского округа полковнику Галаеву.

Жители Гати-юрта на своем сходе второй раз обсудили ваш приказ. После долгих размышлений гатиюртовцы договорились довести до вас и до вашего начальства свое окончательное решение.

Мы бедные люди. Урожая с наших небольших клочков земли не хватает нам даже на зимние месяцы. У нас нет пастбищ. Сена с лугов не хватает и для пары коров. Наши дети раздеты и разуты. Мы, взрослые, тоже одеты в лохмотья. Раньше, до появления здесь русской власти, мы ежегодно делили свои угодья по количеству хозяйств. Когда в ауле подрастал юноша и заводил свое хозяйство, общими усилиями мы выкорчевывали лес и обеспечивали молодую семью собственным земельным участком. Сейчас мы не можем этого делать. Пашни и сенокосы власти закрепили за отдельными людьми, из-за чего мы не можем заниматься ежегодным их переделом. Леса объявлены государственной собственностью, вследствие чего мы лишены права рубить лес не только для создания полянок, но даже на дрова для собственных нужд. Несколько человек из Гати-юрта по поощрению властей присвоили ровно половину общественных земель аула. Придавленные беспросветной нуждой люди уезжали на заработки за Терек к богатым казакам, или же арендовали у них земли. Сейчас же властями закрыт и этот путь.

В прошлый раз вы своим приказом обязали нас в течение десяти дней выплатить 5104 рубля государственных налогов и штрафов, сдать 100 винтовок, 2000 патронов, 100 кинжалов и шашек, или же выплатить вместо всего этого оружия

11500 рублей. Позже вы обязали нас выдать властям четырех гатиюртовцев. Два дня назад вы повторили этот приказ, подкрепив его двадцатью пушечными выстрелами, дали на его выполнение три дня. Завтра вечером этот срок истекает.Вы прекрасно знаете, что у нас нет оружия ни для вас, ни для себя. Нет у нас и денег, чтобы выплатить их вместо этого оружия, но даже будь они у нас, мы все равно не выплатипи бы ни копейки. Не выплатим мы и необоснованные штрафы. У нас нет морального права выдать вам и требуемых вами четырех человек. Али Абубакаров - старый, больной человек, он недавно возвратился из Сибири, где провел тридцать восемь лет. Он не вмешивается ни в дела власти, ни в дела аула. Овхад Хортаев бывает в ауле только изредка. А Хомсурка Сулиманов и Доша Султахаджиев давно уже покинули аул и прибились к отряду Зелимхана.

Во избежание конфликта мы попытаемся погасить 1120 рублей государственного налога, если сумеем собрать такую сумму. Мы не примем аульскую власть, назначенную вами таким коварным образом. Оставьте в руководстве аула людей, избранных нами. Если вы не согласны с нашим решением, разрушайте наш аул, убивайте женщин и детей, но пока мы живы, нога солдата не вступит в Гати-юрт..."

Главным для Галаева в этом послании было то, что гатиюртовцы готовы были заплатить государственный налог. Все остальное можно было легко уладить. Полковник облегченно вздохнул, у него словно гора с плеч свалилась. Но когда вошли посланники, он скрыл от них свой восторг. Слегка погладив редкие рыжие усы и нахмурив лоб, начальник округа уставился на вошедших.

- Вы с этим пришли? Все аулы выполнили мой приказ, вы же... Чья это вина? - совал он Сайду под нос послание гатиюртовцев. - Это и есть ваша благодарность за то, что я вручил вам власть в ауле, и заметьте, против воли его жителей? Вместо беспрекословного выполнения моего приказа вы принесли мне ультиматум этих вшивых псов? И это вся ваша сила? Или вы все трусы, или с ними заодно? Если не будет выполнен хоть один пункт моего приказа, я сожгу аул дотла, а вас, пятерых руководителей аула, сгною в Сибири!

Галаев, без сомненья, был человеком жестоким и мстительным. Но гости молчали, как ни в чем не бывало. Они очень хорошо изучили буйный нрав полковника. Они знали лекарство против этого, знали все слабые места осетина. Они же не первый раз сталкивались с ним. Поэтому, дав ему выговориться, вперед выступил самый хитрый, дипломатичный из гостей, торговец Абди.

- Ваше благородие, по правде говоря, гатиюртовцы действительно не в силах выполнить ваш приказ в полном объеме. Названную в вашем приказе сумму не набрать, даже если трижды продать весь этот аул. В ауле нет оружия, кроме нескольких кремневок и с десяток сабель. Кинжал-то есть у каждого мужчины. Все, что они написали о четырех разыскиваемых вами лицах, тоже правда...

- Ты говоришь так, потому что среди них и твой брат?

- Вовсе нет. Отец и мои братья, когда были живы, всегда пытались удержать Овхада на верном пути, они были против его выбора. Таково и мое мнение. Мы с ним живем как враги. Главное же в другом. У нас разные жизненные пути. Овхад политик, я же - купец. Он изредка появляется в ауле, но даже в эти редкие его приезды мы не видимся. Ваше благородие, сегодняшняя обстановка в Гати-юрте чревата непредсказуемыми последствиями для всего округа. Если вы пойдете на аул во главе войска, люди окажут ожесточенное сопротивление...

- Но ты же только что сказал, что у них нет иного оружия, кроме нескольких кремневок. Чем же они собираются обороняться?

- Они найдут чем сопротивляться. Кинжалы, вилы, топоры, лопаты, дубинки. Мы узнали, что соседние аулы договорились поддержать Гати-юрт, если он поднимется против вас. Тогда это однозначно раскинется на весь округ. В этом не может быть никаких сомнений. Наши аульчане Хомсурка Сулиманов и Доша Султахаджиев, примкнувшие к Зелимхану, по нашим сведениям, собирают в помощь Гати-юрту

отряды абреков и прочих разбойников...

Полковник высокомерно улыбнулся.

- Вы хотите испугать меня? Я не трус, чтобы бояться этих нищих!

- Все в Чечне знают, что вы не трус. Быть осторожным вовсе не значит быть трусливым. Ичкерийцы взбудоражены вашими действиями в Чеберлойских аулах. Сказать по правде, управляемый вами округ напоминает пороховую бочку, которая может взорваться от одной единственной искры. Мы опасаемся, что Гати-юрт может стать этой искрой. Мы так же боимся, что мятеж в этом округе может навредить и вам. Мы принесли вам не ультиматум гатиюртовцев. Нет. Мы пришли сюда, чтобы ознакомить вас с действительным состоянием дел, уберечь вас от неожиданностей, ну и посоветоваться с вами. Гатиюртовцы готовы выплатить государственный налог. Но они отказываются платить штрафы, они считают, что их подвергли штрафам необоснованно. Они готовы так же сдать все наличное оружие. А четыре человека, на выдаче которых вы настаиваете, аульчане отказываются выдавать при любых условиях. Сколько бы вы ни угрожали, какому бы наказанию их ни подвергли, люди не могут сдать оружия больше, чем у них есть. Поэтому мы пришли сюда попросить вас отменить наложенные на аул штрафы, удовлетвориться тем оружием, которое есть в ауле, не требовать выдачи бунтовщиков и уладить это дело без кровопролития. Абди будто читал мысли полковника. Как ни хотелось Галаеву поскорее завершить это дело, он не мог так быстро принять их предложение.

- Когда ваши люди собираются выплатить налог?

- Завтра до полудня деньги будут в Ведено. Все оружие тоже мы привезем туда.

- А аульчане выполнят это ваше решение?

- В этом нет никаких сомнений. Мы пришли сюда только после того, как договорились с ними обо всем.

- Хорошо. Если же вы не сдержите слово, и завтра до полудня...

- Не надо слов, ваше благородие, мы все прекрасно понимаем! Спасибо вам большое!

- Дай вам Аллах долгих лет! - добавил от себя Хюси. Они, конечно, не рассказали полковнику ни об угрозе гатиюртовцев в их адрес, ни о том, что все выплаты за всех жителей производят богатые аульчане. Начальнику округа незачем было это знать.

Когда попрощались и вышли, Абди задержался.

- С этими проблемами голова идет кругом, даже о здоровье не справились. Дома все в порядке, все ли здоровы?

- Спасибо, все хорошо.

- Я видел вашу супругу всего один раз, но успел узнать ее. Это очень чуткий, благородный человек. Я никогда не забываю ее гостеприимство. Передайте ей мой поклон. Я купил этот золотой медальон в Петербурге специально для нее, - Абди протянул маленькую коробочку, обитую бархатом. - В наше непростое время всегда чего-то недостает, - продолжал купец. - Прошу вас принять от меня и этот скромный подарок...

Абди сунул в карман полковника деньги, завернутые в носовой платок.

- Абди, ты что! Подарок жене еще куда ни шло, но это уже взятка!

- Такие слова между нами неуместны, ваше благородие, они оскорбляют наши добрые отношения. Спасибо вам, ваше благородие. Да убережет вас Аллах! До

свидания!

После ухода Абди полковник достал сверток и пересчитал деньги. Там было две тысячи рублей новенькими купюрами...

Из выступления депутата Государственной Думы от народов Терской области Таштемира Эльдарханова в Госдуме 23 июня 1906 года.

"Горцев Терской области с недавних пор стали сравнивать с теми, кто кнутом и винтовкой пытаются придавить и задушить сознание и стремление крестьян России, встающих на борьбу за свои права и свободы. Пользуясь их бедностью и необразованностью, власти обманом и подачками отправили чеченцев и осетин охранять богатства помещиков в Россию, поощряя насилие и самосуд над такими же крестьянами. Может казаться, что они с упоеньем проливают кровь себе же подобных, что у них патологическая потребность к крови. Напрочь отвергая подобные утверждения и разговоры, мы заявляем Государственной Думе, что горцы Кавказа всегда стремились к миру и согласию, что они ни тайно, ни явно не питают ни к одному народу неприязни и ненависти, что у них нет ничего общего с той горсткой отщепенцев, которые по своему непониманию и недомыслию вышли на позорный путь выполнения роли черносотенцев. Мы просим вас, мы требуем от вас прекратить вовлечение обманутых чеченцев и осетин в эту позорную сделку, а уже отправленных немедленно вернуть в свои аулы".

"Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного! Полковнику Галаеву.

Если ты думаешь, что с царскими законами можно творить что угодно, значит мозги в твоей голове высохли. Тебе не стыдно истязать безвинных людей? В чем виноваты женщины и дети, которых ты терзаешь? Весь народ и ты сам, все знают, что единственный виновник событий в Ведено - это ты.

Эй, начальники, судьи! Вы судите неверно. Держите в тюрьмах и угоняете в Сибирь невинных женщин и детей. У вас нет крыльев, чтобы подняться в небо, и нет когтей, чтобы зарыться в землю! Или вы собираетесь всю жизнь укрываться за крепостными стенами? Вам ведь негде спрятаться от моей мести! Я, Зелимхан, защищающий народ, мстящий от его имени. Убиваю виновных, оставляю жить безвинных. Я прошу вас не нарушать законы, я требую не нарушать законы. А вы, собирая ложные свидетельства, нарушаете их. Вы, в конце концов, пожалеете об этом.

Если посмотрите на небо, увидите, что все в руках Аллаха. И вы утверждаете, что Бог всесилен. Но этот всесильный Аллах на моей стороне. Он помогает мне в моей праведной мести, все мои дела угодны Ему. Когда я задумываю что-то угодное Ему, Он помогает мне, когда задумываю неугодное Ему, Он останавливает меня. Все, что делаю, я делаю во имя Аллаха, я не признаю иного царя, иную власть и иной закон, кроме пророка и шариата. Возьмите всю казну государственную и все войска, преследуйте меня - и все равно не найдете меня. Валлаги! Биллаги! Я подчиняться вам не буду. Когда я вам понадоблюсь - я буду от вас далеко; когда же вы мне понадобитесь - будете вы очень близко ко мне.

Эй, начальствующие! Я вас считаю очень низкими. Вы нехорошие люди! Вы недостойные люди!

Эй, полковник! Я тебя прошу ради создавшего нас Бога и ради возвысившего тебя - не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться, чтобы женщины и дети не плакали и не рыдали. Они же плачут и проклинают меня. Говорят: "Хоть бы убили его, и чтоб он был уничтожен Богом!" Так они проклинают меня. Они не виноваты. Ты же не должен сомневаться, что если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда. А мы до сих пор жили хорошо: кто мне сделает добро, тому отплачу тем же; кто мне сделает дурное и злое, тому отвечу тоже тем же.

Пусть Милостивый Аллах сохранит того, кто будет читать его. Читающего прошу

прочесть, ради Аллаха, не преувеличивая и не приуменьшая.

Зелимхан Гушмазукаев".

"...Полковник Галаев! Все, что я пишу тебе в этом последнем письме, я с помощью Аллаха безусловно исполню. Это будет скоро. Мнение мое такое: ты, кажется, знаешь, что я сделал с Добровольским, с таким же полковником, как ты; что мое сердце подсказывает мне необходимость сделать с тобой то же самое: во-первых, за незаконные действия твои и, во-вторых, из-за меня заключенных тобой людей, которые совсем невинны.

Я тебе говорю, чтобы ты освободил всех заключенных, о вине которых ты не слыхал и не видел ничего правдивого. За неисполнение этого, с тобой, гяуром, что будет, смотри на другой странице.

Я Добровольскому говорил так же, как и тебе, гяур. Но ты меня тоже не понимаешь.

Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю тебе, гяур. Раз я говорю - не позволю, значит, правда.

Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Я заставлю тебя трусливо, как проститутку, пачкать штаны и в конце концов убью тебя, как собаку.

Ты, кажется, думаешь, что я уеду в Турцию. Нет, ..., этого не будет с моей стороны, чтобы люди не обложили меня позором бегства. Не кончив с тобой, я на шаг дальше не уйду. Я слушаю о твоих делах, и ты мне кажешься не полковником, но проституткой.

Освободи же людей невинных, и я с тобой ничего иметь не буду. Если же не послушаешь, то, будь уверен, что жизнь твою покончу или увезу в живых казнить тебя.

Зелимхан Гушмазукаев".

ГЛАВА XII МЕСТЬ

Власть терроризировала народ, абреки же в ответ на это терроризировали власть.

А. Шерипов

Полковник Галаев испытывал неизменно отвращение к местным жителям. Чеченцы ему представлялись примерно такими: мужчины - с обритыми наголо головами, с жирными нечесаными бородами и длинными неухоженными усами, одетые в грязные лохмотья; женщины - укутанные в огромные шали, в длинных платьях, одна сторона которых прибрана и засунута за пояс, в широких шароварах, достающих до пяток, всегда печальные и хмурые; дети - вечно в соплях, с грязными руками и рукавами от их частого вытирания. Каждого чеченца, с которым он встречался вне стен крепости, полковник считал или абреком, или их тайным сторонником, в крайнем случае, врагом существующей власти. От этих чеченцев всегда пахло навозом, даже если они никогда не приближались к хлеву.

Сам полковник был осетином. Кто знает, может быть именно такими, какими он представлял себе чеченцев, и являлись живущие в горах осетины - темными, оборванными, вонючими и вшивыми. Сам же Галаев родился и вырос в Моздоке. Его отец и дед жили там же, среди казаков, обладая теми же правами, что и они. Он никогда не видел жизни простых осетин.

После убийства Зелимханом начальника Веденского округа подполковника Добровольского, Галаев был назначен на его место. В этом выборе, в числе многих других, сыграло свою роль и то, что и сам он тоже был горцем, знал обычаи и традиции кавказцев. Но главное - полковник был жестоким, мстительным человеком, а именно такой, по мнению администрации области, здесь и нужен был. Галаев видел Добровольского только один раз. Но этого было достаточно, чтобы понять, что это за человек. Подполковник, внешне чем-то напоминавший кабана, отличался тупостью и жадностью. Говорили, что через Чернова, свою правую руку, он брал взятки от старшин аулов, что оба они покровительствовали бандам разбойников, которые делились с ними своей добычей. Может быть, именно в его кармане и оседала большая часть награбленного. Как бы то ни было, но Добровольский за все время, что был на должности, не поймал ни одного абрека или серьезного преступника. Но тем не менее местная тюрьма всегда была набита несчастными, схваченными за незначительные провинности. Галаев почему-то был уверен, что именно Добровольский виноват в том, что Зелимхан стал абреком и терроризирует власть. В рядовом внутреннем конфликте харачойцев подполковник взял сторону старшин Харачоя и Махкетов. Он, Галаев, мог бы поклясться, что Добровольский поддержал старшин не просто так. Эта поддержка однозначно была щедро оплачена через Чернова. Эта жадность и погубила подполковника.

Галаев вовсе не хочет сказать, что сам он ангел о двух крылах. Вовсе нет. Но он намного лучше и чище многих и многих других. Здесь каждый офицер и чиновник, от урядника до начальника области, берет взятки, ворует или откровенно вымогает деньги у населения. Он не может и не хочет быть белой вороной. У него тоже есть семья. Жену и детей нужно кормить, одевать и обувать соответственно их общественному положению. Надо дать образование двум сыновьям. Нужно построить хороший, богатый дом. Кто знает, сколько еще он продержится на этой должности, у него ведь тоже есть недоброжелатели. Найдут какой-нибудь повод и выкинут из армии. А там и старость не за горами. Он не хочет оказаться нищим на старости лет. Думает Галаев и о возможных последствиях. Как ни любит он деньги, но голову не теряет, максимально осторожен. Не разменивается на мелочи. Берет по крупному, от проверенных людей. Самый надежный из них - купец из Гати-юрта Хортаев. Умный, очень хитрый, но беспредельно преданный ему и властям.

Галаев борется с разбойниками другими методами. Более надежными. Он не гонится во главе отряда за абреками по горам и лесам. Эта охота не оправдала себя. Он просто хватает за горло родственников абреков и их жен. Веденская тюрьма никогда не пустует. Он бросает туда горцев. В одной камере, в жуткой

тесноте оказываются женщины, дети и столетние старцы. Их избивают и истязают, требуя выдать властям своих разбойников. В противном случае полковник грозится сгноить их в тюрьме, сослать в Сибирь вместе с женами и детьми.

Полковник не обходится одними лишь угрозами, он действует. До сих пор злоумышленников ссылали в Сибирь одних. Они какими-то путями возвращались домой, отсидев срок или организовав побег, и пополняли ряды разбойников, воров или абреков. Галаев нашел против этого действенное средство - злоумышленника он угонял в Сибирь вместе с семьей. С отцом, матерью, женой, малыми детьми. Сосланный не сможет бежать вместе с ними. А когда такие возвращались, отсидев срок, то становились покорными и безвольными. Вернувшийся не забывал ужасов Сибирского ада, через который прошли он и его семья. Знал, что за малейшую провинность он снова может оказаться там. Он и его семья.

Галаев активизировал и другую сторону своей работы. Правда, он не был здесь первооткрывателем, русские генералы на протяжении столетий нарабатывали опыт в этом направлении. Но, тем не менее, Галаев имел все основания гордиться своими успехами. Во всех аулах округа полковник наладил целую сеть платных осведомителей. Всякая информация имеет свою цену, большую или меньшую, в зависимости от степени важности. Эти чеченцы оказались жадными до денег людьми. По информации доносчиков солдаты устраивают засады и облавы, в большинстве своем это дает хорошие результаты. Именно таким образом он схватил знаменитого соратника Зелимхана дишнинца Мехку, которого вскоре повесил. Зелимхан объявил Галаеву месть. Но полковник не так глуп как Добровольский. Он знает о каждом шаге Зелимхана и его шайки. Он везде расставил капканы. Не далек тот день, когда он отвезет этого разбойника, связанного по рукам и ногам, в Грозный. Тогда на его плечах заблестят генеральские погоны. И кто знает, может быть, он займет должность если не начальника области, то по крайней мере где-то рядом с ним.

В прошлую зиму Галаеву часто приходилось отходить от своих методов управления округом. Воровство, грабежи и убийства, словно какой-то мор, охватили весь Кавказ. Особенно Чечню и Ингушетию. Веденский же округ, как всегда, держал в этом деле пальму первенства. Шестьдесят аулов округа решительно отказывались повиноваться властям. Они разогнали назначенных старшин и избрали своих, отказывались выплачивать налоги и прочие поборы. Были случаи поджогов аульских канцелярий, захвата государственных земель, вырубки лесов. Администрация области обязала Галаева навести в округе должный порядок, собрать государственные налоги, разоружить аулы и примерно наказать бунтовщиков, будоражащих народ. В августе прошлого года Галаев начал осуществление своих планов. Заранее узнавая о приближении отряда, мятежники вместе с семьями уходили в леса. Во избежание этого администрация прибегла к испытанному методу - стала проводить карательные операции зимой. Теперь мятежникам трудно было бежать, они не могли укрыться среди голых деревьев, а если и укрывались, то лютый холод на второй же день гнал их обратно в аулы.

В начале ноября отряд Галаева, состоящий из солдат, казаков и горной артиллерии, начал карательную операцию в аулах Чеберлоя. Даже перед лицом такой огромной силы горцы отказывались повиноваться властям. Особенно упорствовали Макажа, Нижала, Хой, Нохчкела и еще несколько аулов. Но Галаев жестоко покарал это бунтарство. Он заставил их выплатить налоги и контрибуцию, сдать оружие. Несколько сотен человек бросил в тюрьму, многие из них уже в Сибири. Из домов тех, кто не смог выплатить долги государству, забрал весь скарб. Дома главных мятежников сжег. Солдаты и казаки вымели из аулов все маломальски ценное. Тогда утихомирились и эти аулы. Галаев хорошо изучил этих чеченцев. Безнаказанность превращает их в жестоких, обезумевших зверей, однако силе они покоряются сразу же. Даже далекие потомки этих дикарей будут помнить его грозное имя!

Галаев ненавидел ичкерийцев, но очень любил местную природу. Горы к югу от Ведено, проткнувшие облака своими острыми вершинами, укрытыми вечными снегами, древние леса на хребтах и горных склонах, идеально чистой, ледяной

Хулхулау, мчащейся с бешеной скоростью. Наблюдая все это, полковник забывает о каждодневной опасности, не замечает враждебные взгляды туземцев. Каждое утро, прежде чем идти на службу, Галаев садится на скамейку с чугунными ножками в крепостном саду и выкуривает сигарету, созерцая эту величественную панораму. Чистый воздух, пропитанный ароматом трав и цветов, приятно кружит ему голову. В такие минуты он чувствует, что молодеет на добрый десяток лет.

Здесь он в безопасности. С этой стороны сад обведен высокой каменной стеной. За ней - обрыв и глубокий овраг. Чуть дальше - пойма Хулхулау. Чтобы подойти к крепости с этой стороны, абреку надо сначала пройти пойму реки, где не за что спрятаться. Потом ему нужно спуститься в овраг и подняться по откосу наверх. А откос этот крутой и скользкий. Если ему все же удастся подойти к стене, то подняться на него он сможет только по лестнице или если ему кинут сверху веревку. Проделать это незаметно просто невозможно - когда Галаев отдыхает, за стеной, оврагом и поймой реки зорко следят солдаты.

Зелимхан уже два часа сидел в засаде. Он знал, что каждое утро в восемь часов, если нет дождя, Галаев выходит в сад. Сначала он прогуливается по аллее, потом садится на скамейку, закуривает и примерно час отдыхает. Только после этого он уходит в канцелярию.

Зелимхан мог бы прийти и после восхода солнца (в этих лесах редко кто появлялся), но посчитал, что осторожность не помещает - он мог напороться на охотника или дровосека, а это было нежелательно. Жизнь научила его не доверять даже диким зверям, не то что людям. Поэтому Зелимхан встал спозаранку, совершил утреннюю молитву и добрался сюда, обходя стороной даже звериные тропы.

Отсюда отчетливо видна сама крепость, сад, скамейка. Зелимхан хорошо знает всю крепость, канцелярию, тюрьму. Через нее прошло все семейство Гушмацы - он сам, Зелимхан, Хюси, Солтамурд, Элаха, Израил, Беца, Зезаг. И даже маленькая Муслимат.

Все эти годы Зелимхан ни на минуту не забывал об оскорблении, нанесенном ему Черновым. Эта пощечина до сих пор жжет ему лицо. Не забывал он и о том, что его жену и дочь три месяца держали в тюрьме; что до бороды его деда дотронулся этот жирный боров Добровольский; что их род изгнан из родного аула. Их дом в Харачое пустует, изгороди сгнили, земля заросла сорняками. Двери и окна забиты. В очаге не горит огонь. В хлеву давно нет скота, по утрам не кукарекает петух. Везде, в каждом углу их некогда шумного веселого двора установилась могильная тишина.

Добровольскому-то он отомстил. Но все получилось не так, как он планировал. Вместе с подполковником от руки Зелимхана пали оказавшиеся с ним несколько солдат и какой-то хаким из крепости. Все это получилось не по воле Зелимхана. Солдаты открыли по нему бешеный огонь, он вынужден был отстреливаться. Солдаты-то ладно, они, по крайней мере, были в этой стычке не посторонние. Но в тот день в тачанке Добровольского оказался и сын агишбатойцев Саракаевых. Этого Зелимхан знать не мог. Парню было не больше 17 лет, он учился в русской школе в Грозном. Его смерти Зелимхан не может себе простить. Он хорошо знал их семью, это были благородные и честные люди. Между ними и семейством Гушмацы никогда не было никаких трений. Наоборот, Зелимхан имел дружеские отношения со старшим братом убитого юноши Ибрагим-беком. Последний был высокообразованным, умным, благородным человеком. Пусть он не абречествовал, как Зелимхан, но от всей души ненавидел эту власть. Болел за свой народ, бесстрашно выступал в его защиту, не оглядываясь на возможные трагические последствия для себя. И Зелимхану он помогал не раз. Нет, не хотел Зелимхан этой смерти...

А сколько их было еще, смертей, которых он не желал! Сколько у него кровников, вражды с которыми он никак не хотел! Как он ни старается, избежать этого никак не удается. На его век с лихвой хватило бы конфликта с одним только семейством

Элсана. В результате войны между этими родами противная сторона потеряла убитым на одного человека больше. Вдобавок, буквально ни за что убита и их женщина. Когда Гушмаца, Зелимхан и Солтамурд возвращались в Харачой, им повстречались женщины клана Элсана, которые шли на свое поле. Женщины, ненавидевшие род Гушмацы, стали осыпать их проклятиями, ругаться, не скупясь на неприличные выражения. В Зелимхана и Солтамурда, шедших далеко впереди отца, полетели камни. Просьбы никак не действовали на разъяренных женщин, и Зелимхан с Солтамурдом скорым шагом пошли прочь, оставив их ругаться. В это время подоспел Гушмаца. Он был необузданным, скорым на руку человеком. Гушмаца выхватил винтовку и выстрелил в сторону женщин. Одна из них погибла на месте. На выстрел прибежали трое вооруженных мужчин их рода. Завязалась перестрелка. Гушмацу и его сыновей не задела ни одна пуля, их противники же, все трое, получили ранения. Вскоре после этого и убили они брата Гушмацы, старого Хамзу.

Это был не единственный случай, когда они страдали из-за горячности Гушмацы. В свое время Зелимхан пытался уладить миром и конфликт с Хушуллой. Но Гушмаца не унимался. Они опозорили нас, кричал он, надо отобрать у них Зезаг силой и возвратить в наш дом. Иначе мы станем посмешищем...

Зелимхан всегда был глубоко верующим, богобоязненным человеком. Много и трепетно молился, старался избегать всего недозволенного Всевышним. Сначала во всех бедах своего рода он обвинял власть и ее ставленников. Но после беседы с Соип-муллой стал понимать, что кое в чем виноват и он сам, потому что отошел от шариата. Зелимхан сожалел о многом. В долгих молитвах просил Аллаха простить ему грехи.

Но сожалениями ничего не исправить. Враги и власть отрезали ему пути возвращения к мирной жизни. Загнанный в угол, обложенный со всех сторон красными флажками, он вынужден был защищаться сам и защищать свою семью. За ним и его семьей буквально по пятам ходили враги, мечтавшие уничтожить их. Тут уж не до тонкостей.

Когда человека загоняют в угол, когда в него стреляют из засады, он вынужден отстреливаться. У него нет времени на размышления. Если он замешкается, его убьют, а чтобы не допустить этого, он вынужден убивать сам. Такова суровая жизнь абрека.

У семьи Зелимхана нет своего хозяйства, нет крыши над головой. Они ютятся в затерявшихся в горах хуторах, ночуют у чабанов. Но и там приходилось часто перебираться из одного места в другое, чтобы не навлечь беду на этих гостеприимных людей. Нужно было еще одевать и обувать семью, обеспечивать ее едой. Ведь их доброжелатели, тайно принимавшие их у себя, тоже не были богачами. А тут еще и семьи, которых лишили кормильцев из-за него, Зелимхана. О них он тоже обязан был заботиться. Зелимхан и его товарищи нуждались в оружии, одежде, обуви, пропитании. У его соратников тоже были семьи. На все это нужны были деньги. Добровольно их никто не дает. Значит, деньги нужно было отбирать силой у тех, у кого они имелись.

Помимо всего этого была у Зелимхана и еще одна головная боль. Ему надоела эта волчья жизнь. Но он понимал, что здесь, в Чечне, жить ему не дадут. Абрек мечтал уехать с семьей в Турцию. После долгих размышлений Зелимхан стал готовиться к отъезду. Его друзья Шериповы и Мутушевы пообещали ему сделать во Владикавказе паспорт на имя какого-то кумыкского князя. Врач-татарин из Баку обещал перевести их в Иран и оттуда, через знакомого турка, - в Турцию. Но на дорогу и обустройство на месте нужны были деньги. Именно их отсутствие и помешало исполнению этого замысла.

Позже он радовался, что эта затея сорвалась. Примерно через год после этого ингуш Саламбек, верный товарищ Зелимхана, мужественный, благородный человек, сказал ему:

- Зелимхан, мы вместе около десяти лет. Каждый день, каждый час, каждую минуту мы плечом к плечу противостоим врагам. Я всегда считал тебя верным и надежным товарищем, ты был мне ближе родного брата. Хотел, чтобы и ты относился ко мне так же. Думал, что между нами никогда не будет тайн. Ты мужественный, благородный, стойкий человек. Но ты допустил недостойную тебя оплошность. Оказывается, в тайне от нас ты собирался уехать с семьей в Турцию. Я понимаю, у тебя жена и пятеро малых детей, на тебе вдова брата с ребенком. О них некому заботиться, кроме тебя. Я знаю, что они, словно бездомные попрошайки, бродят по Чечне. Попади они в руки властей, их тут же сошлют в Сибирь. Я понимаю, как все это тебя мучает. Я знаю, что не ради себя ты замыслил отъезд в Турцию, это делалось ради спасения женщин и детей. Но ты совершил большую ошибку, не поделившись с нами своим замыслом. Мы же всегда были с тобой, с тобой вместе шли на смерть. Нас ведь тоже не пожалеет эта власть. У нас ведь тоже есть семьи, которые любят нас и которых любим мы. Неужели ты собирался бросить нас и убежать в Турцию? Зелимхан попытался оправдаться.

- Саламбек, на моей шее действительно висят жена, пятеро детей, вдова брата и ее маленький сын. Единственный мужчина в нашем доме, не считая меня, - четырнадцатилетний Бийсолта. Он еще ребенок. Мои братья, отец, дяди и кузены убиты. Я бы не остался в Турции, даже если бы и уехал туда. Устроил бы семью и вернулся бы к вам. Чтобы разделить с вами все трудности этой жизни, чтобы умереть рядом с вами...

- Ты не должен был скрывать от нас, Зелимхан. Мы бы поняли.

- Я собирался сказать, когда подготовлю все к отъезду...

- Надо было поделиться с нами сразу же, как только задумал отъезд. Ты допустил недостойную тебя ошибку, Зелимхан.

Зелимхану за всю свою жизнь никогда не было так стыдно за себя, как в этот день. После этого разговора Зелимхан навсегда похоронил мысли о Турции. Похоронил надежды на свободу, на мирную жизнь. Но как-то жить все равно надо было. Надо было кормить семью. Ему и его друзьям. Поэтому они грабили магазины, почту и банки. Но это не всегда приносило прибыль. На почте и в банках часто оказывалось мало денег, иногда их не бывало там вовсе.

Зелимхан искал другие пути добывания денег.

В давние времена у всех народов, в том числе и кавказских, был обычай возвращать за выкуп плененных во время войны людей. Брали они друг у друга заложников и в мирное время. Иных из них обменивали на своих сородичей, томившихся в неволе, за других брали выкуп, а те, чьи родственники не располагали деньгами или иным имуществом, оставались в рабстве. В устном творчестве чеченского народа зафиксирован только один случай, когда чеченцы брали заложника с целью выкупа - когда-то Магомед Мескетинский пленил грузинского князя. Но позже, когда началась многовековая война России с чеченцами, такие случаи стали довольно частым явлением. 27 сентября 1802 года Бейбулат Таймиев напал на казачью станицу Порабочевскую и пленил полковника Дельпоццо, который впоследствии стал генералом. Бейбулат потребовал за него семь арб серебряных денег. У родственников полковника не оказалось таких денег. По всей России были распространены лотерейные билеты, на вырученные от их продажи деньги и освободили Дельпоццо в 1804 году. Позже, во времена имамата, было довольно много случаев, когда захватывались русские офицеры - дворяне, которые возвращались родственникам за немалые деньги.

Об этом Зелимхану много рассказывал Заурбек Жамалдинов из Сержень-юрта. После долгих раздумий харачоец решил прибегнуть к этому способу. Первым его заложником стал инженер-дорожник Турченко. Этот выбор был не случаен. Инженер безбожно грабил неграмотных, темных чеченцев, работавших на строительстве и ремонте дорог. Зелимхан знал, что он таким способом накопил солидное состояние. Чеченцы не раз жаловались на инженера, но их обращения

оставались безответными. Зелимхан остановил его где-то на дороге и потребовал денег, угрожая в противном случае пристрелить. Тот ответил, что все его деньги находятся в крепости и что если Зелимхан приедет туда, он отдаст их. Зелимхан согласился и назначил время, обязав инженера сохранить в тайне их договор. Но Турченко, сразу же по прибытии в крепость, все рассказал, и на абрека устроили засаду. Зелимхан пришел в крепость не один - с ним были товарищи. Турченко стал звать на помощь, и разозлившийся Зелимхан убил его. После непродолжительной перестрелки абреки ушли из крепости без копейки денег.

В сорока верстах от Хасав-юрта на бывших землях кумыкских князей жил Архип Месяцев - владелец больших отар. Кроме нескольких тысяч овец, по сведениям Зелим-хана, у него было еще и немало денег. Однажды летней ночью отряд Зелимхана, переодевшись в казачью военную форму, явился в дом Месяцева и пленил его. Жене скотовладельца заявили, что если она уплатит 15000 рублей, ее муж вернется живым и здоровым, в противном же случае она получит его труп. Абреки ушли, прихватив с собой Месяцева и четырех его коней. Поднятые по тревоге местные казаки и милиционеры погнались за отрядом Зелимхана, но крестьяне направляли их по неверному пути, и преследователи вынуждены были вернуться ни с чем.

Зелимхан и его товарищи без приключений добрались до Ичкерии. Здесь, на территории тейпа беной, навстречу им вышла большая группа бенойцев во главе с человеком по имени Буццу. Абреки сразу заподозрили неладное. Кто знает, может быть начальник Хасав-юртовского округа сообщил о налете абреков своему коллеге из Ведено, и тот выслал этих бенойцев? Но Буццу убедил их, что у них самые мирные намерения, и что он просто хотел бы поговорить с Зелимханом. Когда уверенные в своей безопасности абреки смешались с бенойцами, те неожиданно открыли огонь. Сразу же были убиты Солтамурд и трое ингушей. Рослый и сильный как бык Буццу обхватил своими ручищами Зелимхана, лишив его всякой возможности двигаться. Абреки стали теснить бенойцев, и те бросились бежать. Товарищи Зелимхана погнались за ними, прихватив с собой пленника. Сцепившиеся друг с другом Зелимхан и Буццу, продолжая бороться, скатились по склону в глубокий овраг. Только что подошедший Гушмаца, не заметив их, побежал в сторону выстрелов.

Зелимхан не раз смотрел смерти в глаза. Он не ведал страха и тогда, когда ему в одиночестве приходилось сражаться с целой сотней врагов. Даже на такой неравный бой он выходил с уверенностью в своей победе. Но сегодня в схватке с этим Буццой абрек засомневался в своих силах. Этот беноец был хитер, жесток и силен, словно мифический нарт. Он выкручивал, дергал уши, нос - все, что попадалось в его могучие руки. Пытался выдавить ему глаза. Кусался, словно волк, вонзая свои большие и острые зубы в лицо и горло противника. Но Зелимхан был ловчее своего крупного противника. Абрек дрался со злостью и остервенением, мобилизовав все свои силы. В последний момент, когда смерть, казалось, уже завладела его душой, Зелимхану удалось схватить кинжал за лезвие и ранить бенойца в горло. От этой небольшой раны и умер гигант Буццу.

На пятый день Зелимхан нагнал своих товарищей. В небольшом хуторе близ Бамута его встретили Саламбек, Аюб, Абубакар, Зокку, Пойрач, Сайд и другие. Месяцев был с ними. Но здесь не было Гушмацы, Солта-мурда и троих ингушей. Они пали от рук бенойцев. Были убиты и трое нападавших - Буццу, Борга, Хамзат. Из-за 15 тысяч рублей погибло восемь человек. Среди них - отец и брат Зелимхана. Получили абреки и непримиримую вражду с бенойцами. Они, бенойцы, должны ответить за две лишние смерти. Против пятерых товарищей Зелимхана убито всего трое бенойцев. Зелимхан, если он мужчина, должен уравнять этот счет. В противном случае он потеряет уважение горцев и доверие товарищей. Единственное, что как-то успокаивало Зелимхана, это то, что не он был виновником стычки с бенойцами. У него и его друзей не было к ним никаких претензий. Первыми напали они и предательски убили Гушмацу, Солтамурда и троих его людей. На это их подбил пристав, русский. Чтобы угодить русскому, чеченцы тейпа беной напали на чеченцев. Только после этого убили Зелимхан и

его товарищи троих бенойцев. Именно этим и утешал себя Зелимхан. Но какое же это было слабое утешение. Ему не нужны были новые враги. Он и без этого был сыт по горло бесконечной войной с властью.

Учитывая все произошедшее, Зелимхан взял за Месяцева 18 тысяч рублей. Но все равно эти деньги достались слишком дорогой ценой.

Зелимхан стареет раньше времени. Сердце его устало болеть за убитых им самим и за погибших из-за него. Особенно часто он вспоминает семнадцать человек, снятых им с поезда у Кади-юрта.

В воскресенье 10 октября 1905 года на рынке в Грозном из-за какого-то пустяка возникла ссора между чеченцами и русскими. В этой стычке был убит один русский. На этом все и закончилось бы, но вмешались власти. Ворвавшийся на рынок Ширванский полк во главе с полковником Поповым стал грабить и избивать чеченцев. Семнадцать горцев было убито, многие получили ранения.

Ровно через семь дней, в воскресенье 17 октября Зелимхан остановил пассажирский поезд возле станции Кади-юрт, обчистил всех ехавших в нем пассажиров, вывел из вагонов 17 человек и тут же расстрелял их.

Позже Зелимхан подверг серьезной критике эту свою акцию. Во всем, что произошло на Грозненском рынке, была виновата власть. Чеченцев ограбили и убили солдаты и полковник. А Зелимхан, в отместку за убитых военными горцев, расстрелял семнадцать мирных русских. Никогда не бравших в руки оружие, никогда не выступавших против чеченцев. Семнадцать человек, возвращавшихся домой к своим семьям. Он должен был убивать не их, а полковника и его солдат, действительных виновников трагедии на рынке...

Власти арестовывают и ссылают в Сибирь семьи родственников Зелимхана. Это тоже терзает его. Одна его родственница, измученная властями, недавно приходила к нему и со слезами на глазах умоляла его сдаться. Она просила подумать о женщинах и детях, о многих безвинных людях, страдающих из-за него. Зелимхан и сам не раз думал об этом. Ему и самому надоела абреческая жизнь. Но он не доверял власти, не верил, что она смилостивится над ним. Тем не менее, Зелимхан написал прошение на имя начальника Терской области генерала Михеева. Свой ответ генерал опубликовал в газете "Терек". Аюб прочел его Зелимхану.

Газета "Терек" писала:

"Несколько времени назад генерал-губернатором генерал-лейтенантом Михеевьм было получено от знаменитого абрека Зелимхана письмо, написанное на арабском языке.

Выражая желание сдаться в руки властей, Зелимхан в письме указывал, что он стал абреком в результате несправедливости отдельных представителей окружной администрации и потому, что видел вокруг себя зло. Вместе с тем он просил генерала Михеева взглянуть на его дело беспристрастно и помиловать его.

В ответ на это письмо генерал-губернатор разослал начальникам всех округов области, за исключением Нальчикского, следующий циркуляр:

"Я получил от абрека Зелимхана Гушмазукаева письмо, в котором он, описывая причины, побудившие его стать абреком, просит меня расследовать и убедиться в правдивости его слов и затем "во имя бога и царя" помиловать его.

Предлагаю объявить всем муллам и кадиям, для освещения населения в мечетях, что письмо Зелимхана я прочел и со своей стороны отвечаю:

...Мне известно и без указания Зелимхана, что на царскую службу иногда принимаются люди нехорошие, с порочными и противными духу закона наклонностями. Мне также хорошо известно, что от этого страдает служба и

справедливость и что с этим злом надо бороться беспощадно. Но зачем Зелимхан говорит о них, когда он первый отступил от закона, когда он нарушил его больше, чем кто-либо, сделавшись абреком.

Всякий виновный в нарушении закона преследуется по закону же, а не путем, который избрал себе Зелимхан, не путем произвольного насилия и убийств, которых никогда не одобрит ни Бог, ни государство, ни человеческая совесть. Пусть Зелимхан знает, что я, как представитель закона и порядка в области, считаю его, Зелимхана, самым крупным нарушителем закона и виновником перед Богом и царем, а потому заслуживающим понести тяжелую кару...

Относительно же его просьбы о помиловании добавлю, что, во-первых, миловать я не в праве. Это не в моей власти. Эта власть принадлежит только царю. Во-вторых, меня крайне удивляет, что Зелимхан говорит о помиловании.

Где же его уважение к закону, если он же склоняет меня к беззаконию, то есть призывает к помилованию, тогда как я во имя закона обязан судить его?

Закон, конечно, примет во внимание чистосердечное признание, но во всяком случае Зелимхану следует помнить, что раз он имел мужество судить и наказать других, пусть имеет мужество и отдаться в руки правосудия".

Зелимхан внимательно слушал Аюба, крепко обхватив голову обеими руками. Наконец, он глубоко вздохнул.

- Как бы я ни каялся, как бы ни молил их, ползая на коленях, эти хакимы не намерены простить и помиловать меня, Аюб. Им нужно не наше покаяние, а наши жизни, наши головы. Но этого не будет, пока бьются наши сердца. Поэтому мы будем убивать их до тех пор, пока не погибнем сами. Дай сюда эту газету, Аюб.

Зелимхан сложил газету и засунул ее за пазуху...

Добровольскому он отомстил. Доберется Зелимхан и до Чернова. Но до этого он должен отправить на тот свет другого офицера - нынешнего начальника Веденского округа полковника Галаева. Чернов ударил Зелимхана. Посадил в тюрьму Беци и маленькую Муслимат. Добровольский дернул за бороду старого Бахо, держал в тюрьме несчастного Хаси, которого не трогали даже кровники. Добровольский сделал Зелимхану много зла. Но даже Добровольский оказался ангелом по сравнению с этим осетином.

Добровольский не угонял в Сибирь стариков, женщин и детей. Не трогал родственников жен Гушмацы, Зелимхана и его братьев. Галаев же буквально истязает их, требуя выдачи абреков. Хотя знает, что они не смогут этого сделать, даже если захотят! Полковник целыми семьями ссылает чеченцев в Сибирь. А Зелимхан знает, что это такое. Кругом бескрайняя тайга, где нет ни сел, ни людей. Жестокий холод, мерзнет даже слюна во рту. Голод, болезни. Как же это выдержать им, родившимся и выросшим в теплых южных краях? Особенно женщинам, детям, старикам? Многие из сосланных, говорят, уже умерли. В этом виновата эта ..... в полковничьих погонах. А ведь тоже горец, как и они. А может, и нет. Иначе он не был бы таким жестоким и коварным. Но ничего. Этот ублюдок сегодня в последний раз в жизни увидит солнце...

Вот уже два часа сидит Зелимхан в своем укрытии, перебирая в уме все эти тяжелые мысли. Но его глаза ни на секунду не упускают из виду скамейку в крепостном саду.

Искупавшись утром и усладив желудок изысканной пищей, Галаев в окружении охраны вышел в сад. Одет он был в гражданский костюм. Солдаты выстроились под деревьями с интервалом в двадцать шагов. На крепостной стене тоже показались вооруженные винтовками солдаты. Полковник минут десять бегал трусцой по аллее сада и остановился возле скамейки. Он сделал несколько приседаний, разведя при этом руки в стороны, сел и закурил. Двое солдат стали по правую и левую стороны от него.

Полковник сидел лицом к абреку. Но Зелимхан не спешил. Между ними было пятьсот шагов, полковника же следовало убить одним выстрелом, и обязательно в висок. Зелимхан взял винтовку и прицелился.

- Всемогущий Аллах, Справедливый и Милосердный! - произнес он шепотом. - Если задуманное мной угодно Тебе, сделай мой глаз острым, сердце - крепким, руку - верной. Дай мне силы осуществить задуманное...

Прицелившись в толстый ствол дерева рядом с полковником, Зелимхан нажал на курок. Абрек мгновенно перезарядил винтовку и прицелился снова. Солдаты и полковник, услышав выстрел и удар пули о дерево, повернули головы налево. Теперь правый висок полковника был доступен. Зелимхан выстрелил во второй раз. Галаев дернулся, медленно соскользнул со скамейки и упал на бок. Солдаты подбежали к нему.

Зелимхан встал, закинул винтовку на плечо и, раздвигая ветки, не спеша зашагал в сторону гор.

ГЛАВА XIII В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Дума есть политически оформленный общественный союз политических организаций помещиков и крупной буржуазии.

В. И. Ленин. ПСС. Т. 15. С. 368

Буржуазная революция 1905 года разбудила народы России. Некоторые из них находились под гнетом Российской империи уже несколько столетий, другие были присоединены к ней в прошлом столетии. Малые народы Севера и Сибири уже свыклись со своим положением и не предпринимали никаких усилий для освобождения из-под пяты царизма. Молчали и народы Средней Азии и Казахстана, веками пребывавшие под гнетом своих феодалов. Им было не так уж и важно, кто их угнетает - русский царь или собственные феодалы. Правда, сейчас им приходилось тянуть два ярма - русского царя и своих феодалов. Для сопротивления у них не было ни сил, ни единства. Но поляки, финны и народы Прибалтики не покорились России. Ни на один день. Там не утихало движение сопротивления, эти народы искали пути к свободе мирными средствами. Вскоре после добровольного вхождения в состав России, узнав истинное лицо "старшего христианского брата", восстали и грузины. Но после жестокого подавления русскими войсками, этот народ тоже затих на сто лет. Армяне же никогда не оказывали никакого сопротивления России. Но вовсе не из-за любви к ней.

Армяне боялись, что в случае отделения от России их проглотит мусульманская Турция. Поэтому им приходилось терпеть. Азербайджанцам тоже не нужны были русские, хозяйничающие на их землях. Они тайно и явно тянулись к туркам, с которыми у них была общая религия, схожие культура и язык. Но азербайджанцы по крови, по духу своему никогда не были воинами. Это были мирные люди, желающие только покоя.

Больше всех ненавидели царскую власть горцы Северного Кавказа. Россия являлась их историческим врагом. Она десятки лет проливала их кровь. Мечом и огнем разрушала все, что они на протяжении веков создавали потом и кровью. Выслала несколько горских народов. Поселила на их земли русских колонистов. Жестоко угнетала их. Но и эти народы были придавлены, дезорганизованы безжалостной властью. Только чеченцы, одни чеченцы продолжали сопротивление, отказываясь жить в рабстве. В чем же заключалась причина столь упорного сопротивления чеченцев? Нельзя сказать, что чеченцы превосходили своих соседей мужеством. Горские народы все были одинаково мужественны, выносливы и благородны. Чеченцы же отставали от соседей в сознательности, в освоении религиозных и светских наук. Вдобавок чеченцы обладали своеобразным мятежным, бунтарским нравом. В их характере была какая-то мстительность, зависть, алчность, бесшабашная отвага. Они никогда не задумывались о будущем, всегда жили сегодняшним днем. Отличались наивностью и доверчивостью, поэтому их легко было обмануть.

После революции среди всех народов Кавказа наблюдались антироссийские волнения. Где-то это происходило более активно, где-то - менее, соответственно силе и возможности того или иного народа. Центром, очагом сопротивления во все времена являлась мятежная Чечня. Царская власть развернула против Кавказских народов широкую пропагандистскую кампанию. На местах и в столице. В печати и Государственной Думе. Главным объектом клеветнических измышлений оставалась, естественно, Чечня.

В Северо-Кавказской прессе много и часто выходили статьи античеченского и антиингушского содержания. Иные авторы не подписывали свои опусы. Так было безопасней.

Один из таких безымянных авторов писал в "Терских ведомостях" о том, что

чеченские и ингушские разбойники - самые грязные и бесчеловечные, они совершают разбои и грабежи, не опасаясь кары Божьей и возмездия властей; ложь, коварство и предательство вошло в плоть и кровь этих людей. Чеченцы и ингуши, продолжал писака, не признают никакой власти и никаких законов, не понимают человеческого языка, и только ответная жестокость может усмирить их. Другой призывал через газету установить в крае казачью диктатуру с наделением их особыми полномочиями. Идеологи казачества Вертепов и Ткачев называли чеченцев и ингушей дикарями. Другой советовал выслать или вообще уничтожить два этих народа.

На страницах выходившей в Грозном газеты "Терский край" какой-то Губарев пытался раздуть древнюю вражду чеченцев и казаков. После пленения Шамиля прошло 53 года, писал он, но у казака к чеченцу сохранилась прежняя ненависть. Чеченцы же смотрят на казаков как на своих старых врагов. Между ними никогда не было мира и быть не может. Губарев, по его собственным словам, не мог понять природы этой вражды. Правда, и казаки не любят чеченцев. Когда по станице идет чеченец, казаки, в том числе женщины и дети, закидывают его камнями, комьями земли, всем, что попадется под руку. Казакам осточертели эти чеченцы!

Губарев лукавил. Он прекрасно знал природу ненависти чеченцев к казакам. Власти расселили их на лучших 400 тысячах десятинах земли, отобранной у чеченцев. И не где-нибудь с краю, а прямо в центре Чечни, заключая чеченские аулы в тиски станиц. Не пропуская жителей этих аулов через захваченные станицами территории. Как писал Губарев, "забрасывая прохожих камнями и комьями земли". Власти запрещали чеченцам ношение оружия, а казаков вооружали. Чеченцам, за исключением служащих и купцов, запретили жить в Грозном... И многое-многое другое!

Всего этого Губарев, конечно же, не перечислил...

Пятьдесят восемь депутатов сделали запрос в Государственную Думу с просьбой обсудить обстановку на Кавказе. Авторами запроса являлись в основном черносотенцы и несколько депутатов из близких им октябристов и кадетов. Лидерами последних были Пуришкевич, Гучков, Милюков, Родзянко, Марков и другие. Во взрывоопасной обстановке на Кавказе они обвиняли наместника Воронцова-Дашкова и его администрацию. И в первую очередь лично Воронцова-Дашкова, директора его канцелярии Петерсона и начальника Терской области Колюбакина. Управления областей, округов и станиц стали сборищем взяточников. Это распространилось на весь Кавказ. С националистами, сепаратистами, разбойниками и другими злоумышленниками не ведется никакой борьбы. Грузинским, армянским и азербайджанским националистам предоставлена полная свобода действий. Наместник и чиновники сочувствуют им. В Терской области есть силы и средства, чтобы остановить творящийся там разбой, но генералу Колюбакину не достает ума и решительности для этого. Из-за тупости наместника и его администрации государственная власть на Кавказе на грани развала. Авторы запроса просили сменить администрацию Кавказа.

Председатель Думы Хомяков, зачитав этот документ, предоставил слово депутату Ибрагимбеку Гайдарову. В первой и второй Думе депутатом от народов Терской области был Таштамир Эльдарханов из чеченского аула Гойты. Горские народы выдвинули его кандидатуру и в Третью Думу, но местные богатеи завалили его на выборах. Терских казаков в Третьей Думе представлял Лисичкин. Так как в запросе содержались открытые обвинения в адрес горских народов и, учитывая то, что в Думе не было их депутата, Гайдаров принял на себя роль защитника горских народов Кавказа.

- Господа депутаты. Многое из того, что сказано о работе администрации Кавказа в депутатском запросе, имеет под собой реальную основу. В областных, окружных, станичных и сельских органах управления широко распространены взяточничество и кумовство, чиновники поддерживают связи с преступными элементами, притесняют и угнетают совершенно безвинных людей. Но я глубоко не согласен, господа депутаты, с теми пунктами документа, подготовленного нашими

коллегами, где необоснованно обвиняются и оскорбляются туземные народы, особенно чеченцы и ингуши. Казаков расселили на полумиллионах десятинах лучшей земли, отобранной у чеченцев и ингушей. Два этих народа испытывают острую нехватку земли. Они бродят по всем уголкам империи в поисках работы, чтобы хоть как-то прокормить семью. У них нет школ и больниц. Никому нет дела до налаживания среди них системы образования и здравоохранения. Они лишены всяких юридических прав и находятся вне закона. Казак, убивший чеченца или ингуша, не привлекается ни к какой ответственности. Экономический потенциал этих народов разграблен и уничтожен. Казаки по собственному произволу облагают штрафами и поборами их аулы. Именно поэтому и только поэтому ожесточились сердца чеченцев и ингушей. Они поставлены в нечеловеческие, дикие условия. Ничем не спровоцированная жестокость, несправедливость властей толкает их на путь воровства, грабежей, кровопролития. Яркие примеры тому - восстание в Чечне 1877 года и сегодняшняя борьба Зелимхана против властей. Каждая акция Терской областной администрации против разбоя терпит фиаско, потому что жертвами таких мероприятий становятся ни в чем неповинные мирные люди. Администрация проводит жестокие карательные операции против мирных аулов, казаки и солдаты грабят население, сжигают их дома, безвинные люди вместе с семьями ссылаются в Сибирь. Я прошу депутатов учитывать приведенные мною примеры, когда они будут обсуждать запрос наших коллег, и дать нам, депутатам от Кавказских народов, две недели на подготовку. Я прошу депутатов принять закон, который защитил бы туземные народы Кавказа от несправедливости и жестокости местной администрации.

Поднявшийся первым на трибуну князь Шервашидзе подверг резкой критике национальную политику Кавказской администрации.

- Людям, собравшимся в управлении Кавказа, глубоко безразлична историческая судьба Российского государства. Они разжигают вражду между местными народами, заботясь только лишь о своей карьере и преступной наживе. Отдельные чиновники разжигают вражду между туземными народами и казаками. Казак, убивший туземца или оскорбивший их женщину, остается безнаказанным. Разбойникам там предоставленная полная свобода! - закончил он свое выступление.

На трибуну поднялся один из основателей и лидеров черносотенных партий "Союз русского народа" и "Союз Михаила Архангела", ярый монархист, реакционер и антисемит Владимир Митрофанович Пуришкевич. Черносотенцы и октябристы стоя приветствовали его долгими аплодисментами.

- Господин Гайдаров попросил две недели для подготовки к рассмотрению нашего запроса! - зло улыбнулся он, оглядев зал. - Какая подготовка нужна господину Гайдарову? Плачевная обстановка на Кавказе видна как на ладони! Кавказская администрация во главе с Воронцовым-Дашковым натянула ширму между собой и Его императорским высочеством. Укрывшись за ней, немцы, поляки и евреи, которых наместник собрал вокруг себя, копают яму под русское государство. Взяточники, карьеристы и авантюристы! Они вступили в сговор с грузинскими, армянскими, азербайджанскими националистами и сепаратистами и разрушают там русскую власть, гонят оттуда русское население! Они преследуют цель разбить Кавказ на части и продать его туркам, немцам и англичанам! Русский народ собственной кровью заплатил за Кавказ! Кавказ принадлежит русским! На вершинах Кавказских гор тысячелетия будет развеваться русский флаг! Русский двуглавый орел должен свободно парить в небе Кавказа, над его горными вершинами!

В зале раздались крики:

- Выше знамя русского государства на Кавказе!

- Туземцы должны стоять перед ним на коленях!

- Не согласных на это надо уничтожить!

Для выступления от своего имени авторы запроса подготовили другого депутата - Николая Евгеньевича Маркова. Он был одним из лидеров обеих Союзов черносотенцев. Помещик, монархист, реакционер. Известный шовинист. Единомышленники и его встретили бурными аплодисментами. Марков отличался хорошими ораторскими способностями. Это был человек с пряником в одной руке и кнутом в другой.

- У меня нет абсолютно никакой ненависти к Кавказским народам. Я не желаю им зла. Поэзия Пушкина и Лермонтова научила меня любить и уважать горцев Кавказа. Думаю, что такие же чувства испытывают и 58 авторов запроса в Думу. Поэтому ошибаются те, кто считают, что мы не любим туземцев, желаем им зла, призываем выслать или уничтожить их. Мы глубоко уважаем не только грузин, но и армян. Но, как депутаты Государственной Думы России, в делах и мыслях мы с русским народом. Поэтому наш святой долг, долг всех депутатов, блюсти прежде всего интересы русского народа, русского государства. Мне кажется, лидеры мусульманских народов преследуют цели создания Соединенных Штатов азербайджанцев, дагестанцев, чеченцев и ингушей. Управлению жандармерии стало известно о переговорах знаменитого богача, помещика Асельдербека Казаналипова со своими сообщниками в Темирхан-Шуре. Мусульманские народы Кавказа даже не пытаются скрывать свою ненависть к русским, к гяурам. Они ждут нашей войны с Турцией, чтобы с ее началом выгнать русских с Кавказа и создать независимое мусульманское государство. Наместник не знает об этом тайном сговоре. Или делает вид, что не знает. Он пригрел под своим крылом одного из главных лидеров мусульманских народов Казаналипова, где тот чувствует себя как у Христа за пазухой. Наместник верит ему, как Богу. Я бы хотел, господа депутаты, чтобы вы обратили внимание еще на один момент. На Кавказе действует несколько политических союзов и объединений, деятельность которых направлена против русского государства и русской власти. "Армянский союз культуры", "Грузинское объединение культуры", "Объединение по распространению просвещения среди мусульманских народов" и другие. Все они работают против русских и русского государства.

Марков отпил из стоящего перед ним стакана, вытер губы белым платком и, кашлянув, продолжал:

- Но для распространения на Кавказе идей русского государства, русского языка и культуры не создано ни одного объединения. Языком межнационального общения на Кавказе является не русский язык, господа, а азербайджанский, вернее, язык исторического врага России - Турции. В этом я обвиняю мусульманские народы Кавказа. Это их лидеры распространяют там турецкие, пантюркские и панисламские идеи. Чиновники Кавказской администрации, и прежде всего шталмейстер Его Императорского Высочества, правая рука Воронцова-Дашкова - Казаналипов! Я глубоко уважаю союзы и объединения туземных народов. Но их деятельность направлена против русского государства. Они распространяют антихристианские, антирусские, протурецкие идеалы. Представитель фракции мусульман попытался тут скрыть факт распространения среди мусульман идей панисламизма. Однако они есть и активно работают. Движение панисламизма чрезвычайно опасно для России. Я хочу, чтобы Дума обратила внимание на то, что в России проживает 15 миллионов мусульман. Идеи панисламизма - это проблема не одного Кавказа. Оттуда они, через Среднюю Азию и казахские степи, распространились на Поволжье. Словом, эпидемия панисламизма охватила весь мир. Цель панисламизма - объединение всех мусульманских народов мира и создание единого, сильного исламского государства. Вторая идея, которую они хотят претворить в жизнь в случае провала первой - создание единого исламского государства из турецких и российских мусульман. Мне кажется не случайным создание в Думе фракции мусульман. Я не против такой фракции, но она должна работать на благо русского государства.

Маркову долго аплодировали черносотенцы и близкие им октябристы.

Удивительное дело. Иногда встречаются люди, внешность которых, их манера и голос точно соответствуют их фамилии. При упоминании казака перед нами встает

образ рослого, широкоплечего человека с сильными руками, густыми рыжими или черными усами, с длинным чубом, грубым голосом и так далее. Депутат от Терских казаков Лисичкин, поднявшийся на трибуну, не обладал ничем из перечисленного нами. Его голова, действительно похожая на лисью, еле выглядывала из-за трибуны. Узкое вытянутое лицо, длинный острый нос. Красные, круглые, маленькие крысиные глаза, вкрадчивый голос.

- Уважаемые господа депутаты! Господин Гайдаров обвинил казаков в том, что они отобрали у чеченцев и ингушей полмиллиона десятин земли и расселились на ней. Землю у чеченцев и ингушей не отбирали ни казаки, ни правительство. Казаки купили у них эту землю за огромную цену. За нее уплачены жизни тысяч казаков. Прежде чем осесть там, вспахать эту землю, казаки щедро напоили ее своей кровью. Господину Гайдарову придется забыть о притязаниях на нее. Никто не отберет у казаков ни пяди земли, да и не отдадут ее казаки никому. Если господин Гайдаров не знает, как и почему поселились там казаки, ему следует оглянуться назад в историю. Нелегко им было оставить в России земли, где веками жили их отцы, и осесть на Кавказе, под пулями и кинжалами горцев. Они поселились там, чтобы охранять южные рубежи русского государства от диких горцев. Поэтому я считаю, что депутат Государственной Думы Гайдаров не имеет права распространяться здесь о судьбе и правах Терских казаков.

Лисичкин водрузил на нос очки, достал из кармана какую-то бумагу и развернул ее:

- Господин Гайдаров сказал, что казаки преследуют цель выслать из этих краев чеченцев и ингушей или уничтожить их на месте. Нет, это не казаки притесняют чеченцев, а чеченцы не дают казакам мирно жить. В качестве примера я зачитаю вам решение схода казаков станицы Червленной: "Мы просим довести до туземцев через печать и начальников округов, что у казаков нет никакой к ним вражды, и что казаки не замышляют против них каких-либо акций. У нас никогда не было и не могло быть таких намерений. Казаки хотят мира. Поэтому мы призываем горцев сесть с нами за один стол, протянуть друг другу руку братства и жить на этой земле в мире и согласии". Терские казаки призывают горцев к миру и согласию, протягивают им руку братства, а они грабят нас, убивают наших людей, не дают нам спокойно жить, работать на полях, пасти скот. Гайдаров заявил, что казаки занимаются поборами. Это смешно! Казаки не имеют права штрафовать горцев. Это дело администрации, которая в этом отношении проявляет справедливость и беспристрастность. В качестве примера скажу, что во время вооруженной стычки казаков и ингушей в Яндарке, прибывшие на место солдаты направили свои пулеметы и на тех, и на других. Одним словом, администрация области ни в коем случае не выступает сторонником казачества, она занимает объективную позицию.

Гайдаров попросил слова.

- Господин Лисичкин неправильно истолковал мои слова о казачестве. Я не обвиняю в ненависти к горцам всех казаков огульно. Многие казаки живут в таких же жалких условиях, как и горцы. У них нет никакой ненависти к чеченцам и ингушам. Вражду к чеченцам провоцируют и раздувают богатые казаки и администрация. Одним из этих поджигателей розни между горцами и казачеством является идеолог Терского казачества господин Лисичкин. А на счет захваченных казаками земель я сказал правду. И не важно, казаки это сделали или правительство. Факт, что эти земли у горцев отобрали и живут на них казаки. Вы говорите, господин Лисичкин, что за эту землю уплачены десятки тысяч жизней казаков, что она напоена их кровью. Но вы не упоминаете об убитых при их захвате чеченцах, об их женах и детях, о сожженных аулах. Бог наделил землей все народы, созданные Им. Какое право имели казаки приехать на Кавказ, уничтожить половину чеченского народа и, загнав оставшихся в каменные горы и болотистые леса, поселиться на их землях?

Последним на этом обсуждении выступил приглашенный на заседание помощник наместника Кавказа по гражданским делам Мицкевич:

- Уважаемые депутаты Государственной Думы! Две недели назад наместник получил текст запроса 58 депутатов в Государственную Думу об обстановке на Кавказе. Мы внимательно и обстоятельно изучили каждый пункт документа. Действительно, в Кавказском управлении много недостатков. Некоторые из них - результат наших ошибок и недочетов, другие возникли по независящим от нас причинам. Другими словами, в непростой ситуации на Кавказе повинна не только местная администрация, но и правительство. Поэтому я считаю не совсем справедливым перекладывать всю ответственность только на Кавказскую администрацию. В запросе много необоснованных и откровенно ложных фактов. Обвинения в адрес управления высших и низших звеньев во взяточничестве, продажности, потворстве националистам и сепаратистам, в непресечении их антигосударственной деятельности не имеют и не могут иметь под собой никакой основы. По каждому своему шагу мы советуемся с Его Императорским Величеством и Советом министров, строго выполняем их установления и инструкции. Как здесь подчеркнули господа Гайдаров и Бобринский, причиной всех неудач на Кавказе является отсутствие государственной политической и экономической программы, составленной с учетом исторического прошлого Кавказских народов и их сегодняшнего дня, с учетом их обычаев, традиций, характера, сознания, религии, культуры и экономики. В этом меня лишний раз убедили и сегодняшние выступления депутатов. Все знают о непростой обстановке на Кавказе, но никто не говорит, что нужно сделать, чтобы народы Кавказа были верны русскому государству, никто не предлагает реальных путей борьбы с преступностью в этом регионе, установления мира и согласия между народами, налаживания спокойной жизни. Из зала кто-то крикнул:

- Предлагали! Убрать оттуда всех вас, воров, взяточников и авантюристов во главе с Воронцовым-Дашковым.

- Наместник и его помощники назначены туда Его императорским высочеством, и уволит их, когда сочтет нужным, тоже он. Но смена администрации ничего не даст. Нужна государственная политическая и экономическая программа, составленная с учетом всего того, что я перечислил выше. Наместник за последние две недели сделал немало для наведения порядка в Терской области. Начальник области генерал Колюбакин освобожден от занимаемой должности, на его место назначен генерал Михеев. Уволен главный епископ православной церкви в Закавказье Гедеон, на его место назначен викарий Агапит. Наместник обязал нового начальника области Михеева разместить отряды экзекуции в аулах, принимающих у себя разбойников. Такие отряды размещены уже в пяти аулах. Наместник также приказал создать казачьи партизанские отряды за счет населения; установить военные посты и секретные дозоры на дорогах, по которым передвигаются разбойники; придать войсковые команды в помощь администрации для поимки или уничтожения разбойников и других злоумышленников; объявить туземцам, что все средства на расходы, связанные с содержанием отрядов экзекуции, постов и дозоров, а также на восстановление ущерба, нанесенного разбойниками русским жителям, будут взиматься с жителей аулов, приютивших разбойников или отказавшихся помогать властям в их поимке; разоружить аулы, которые по той или иной причине до сих пор не разоружены. Целый ряд чиновников, плохо справлявшихся с задачами по борьбе с разбойниками, освобождены от занимаемых должностей. В том числе и начальник Хасав-юртовского округа полковник Котляровский. Мы проверяем поступающие к нам сообщения о том, что он помогал Зелимхану захватывать людей, за что тот делился с ним выкупом. Если эти факты подтвердятся, Котляровского ждет суровое наказание. Более того, мы начали работу по усилению милиции Терской области...

Депутаты Чхеидзе и Милюков зачитали составленные ими проекты резолюций по запросу пятидесяти восьми. Депутаты посчитали проект Чхеидзе жестким. Лейборист Милюков был сторонником мира. Он всегда искал мира и согласия. Между монархией и буржуазией. Между ними и народом. Между партиями и фракциями в Думе. Проект Милюкова не отвечал требованиям запроса черносотенцев. Остальные депутаты тоже посчитали его мягким. Председатель Думы Хомяков поручил комиссии в составе представителей нескольких фракций

подготовить новый проект с учетом запроса пятидесяти восьми, выступлений депутатов и сообщений Мицкевича.

На второй день Дума единогласно приняла следующее постановление:

1. Одобрить первые шаги администрации Кавказа по наведению порядка в крае.

2. Создать комиссию сенаторов по расследования запроса 58 депутатов с обвинениями в адрес администрации Кавказа.

3. Сменить начальников и чиновников в некоторых округах.

4. Навести порядок в земельном вопросе, в судопроизводстве, в народном просвещении, в делах переселенцев.

5. Провести реформу в городских и земских управах.

6. Передать Кавказское Управление в прямое подчинение Совета министров.

Этим постановлением Дума предоставила администрации право на усиление репрессий против чеченского народа...

ГЛАВА XIV ЧИНОВНИКИ, БОГАЧИ

Они хотели бы, чтобы вы оказались неверными, как были неверными они.

Коран. 4 Сура, 91 аят

Вот уже третий век Чечня подвергалась геноциду со стороны российского государства, и не видно было этому конца.

Двести лет тому назад началась борьба между сильнейшими странами того времени - Англией, Францией, Турцией, Ираном и Россией - за господство над Кавказом. Он привлекал их внимание не только красотой природы, мягкостью климата и богатством недр, но и выгодным географическим расположением. Укрепившийся в этих горах властитель становился хозяином двух морей, у него появлялся плацдарм для дальнейшей экспансии на восток. Дипломатические, политические, разведывательные и шпионские столкновения этих стран вокруг Кавказа продолжались до сих пор, время от времени переходя в столкновения военные. В жерновах этой борьбы гигантов беспрерывно перемалывались местные народы.

Россия вышла из этого противостояния победителем. Тому было несколько причин. Иран и Турция - исторические враги России в борьбе за Кавказ - несколько раз вступали в войну с Россией, но каждый раз оказывались побежденными. Эти феодальные государства, до восемнадцатого века причислявшиеся к сильнейшим странам мира, состарились, отставали в своем историческом развитии, тогда как Россия, только что вступившая на путь капиталистического развития, делала большие шаги в экономическом, политическом и военном росте. Феодальные Иран и Турция не имели сил и возможностей военной победы над Россией.

Три других государства - Англия, Франция и Италия, тоже стремившиеся на Кавказ, в своем историческом развитии намного опережали Россию, но географическая отдаленность сводила на нет все их усилия.

У России же были все условия для аннексии Кавказа. Бурно развивающаяся Россия имела большую армию и крупный флот, снабженные самой современной техникой и оружием. В случае войны с Ираном и Турцией Россия могла перебрасывать свои военные силы на их территорию через Каспийское и Черное моря. Но главным козырем России в Закавказье являлось отнюдь не это, а два христианских народа - грузинский и армянский. Они подвергались нападениям турок и персов, которые разрушали их города и села, грабили, убивали и уводили людей в плен. Поэтому, когда между ними и Россией возникало военное противостояние, Грузия и Армения тут же переходили на сторону последней. У них не было регулярной армии для совместных военных действий с Россией, но они в массовом порядке добровольно вступали в русскую армию, оказывали ей материальную помощь, помогали налаживать коммуникации, собирали разведданные.

Во второй половине XVIII века два этих народа похоронили мечты о свободе. В особенно тяжелых условиях находился грузинский народ. С одной стороны на них беспрерывно нападали турки, которые владели отдельными территориями Грузии. С другой стороны местные феодалы находились в постоянном противостоянии друг с другом, вели междоусобные войны, в результате чего народ и страна оказались раздробленными. Пользуясь этим, с трех сторон наседали внешние враги - Иран, Турция и Россия, стремившиеся к установлению своего господства в этом благодатном крае. Перед грузинским и армянским народами встал выбор: или согласиться на господство своих исторических врагов, мусульманских Ирана и Турции, или войти в состав христианской России. Они выбрали последнее. Вдобавок ко всему, в войнах с турками и персами в Закавказье, Босфоре и на Балканах Россия использовала пропагандистские лозунги, преподнося себя освободителем христианских земель от мусулы - некого ига.

Азербайджан, находившийся тогда на феодальной ступени исторического

развития, оказал короткое, слабое сопротивление немногочисленным русским войскам, вступившим на ее землю, и принял российское подданство. Половина этого народа уже находилась в составе Ирана.

Россия захватила Закавказье без особых трудностей. Местные народы не оказали ей вооруженного сопротивления, а феодалы, кто под угрозой, кто в результате подкупа деньгами и чинами, перешли на сторону новой власти.

Присоединение Закавказья к Российской империи было завершено, но Северокавказские народы оказывали решительное сопротивление установлению на их землях Российского владычества. У России не было наземного пути в Закавказье, минуя Северный Кавказ. Горцы как бы отрезали ноги русского государства, прочно упиравшиеся в Закавказье, от туловища. Но вооруженное сопротивление горцев агрессору, длившееся десятилетия, завершилось их поражением. Некоторые западные народы Северного Кавказа полностью, а другие частично были выселены с родных земель, а на освободившихся территориях расселили колонистов. Малые горские народы, потерявшие в войнах тысячи и тысячи своих сыновей, обескровленные переселением значительной своей части в Турцию, прекратили сопротивление. Они, согнанные со своих земель в горы, на голые камни, с трудом выживали.

Когда границы России приблизились к правому берегу Терека, начались ее столкновения с чеченцами. Первое такое столкновение состоялось в 1708 году. Второе - через 13 лет. В июле и августе 1721 года русские войска совершили два похода в Чечню.

С 1721 по 1785 год, за 64 года, прошедших до начала восстания Шейха Мансура, русские войска предпринимали шестнадцать военных походов в Чечню. И не малыми силами. К примеру, в походе на Чечню в апреле 1758 года под началом генерала Фрауендорфа находилось 2196 солдат регулярной армии, 3203 калмыка, 360 кумыков, кабардинцев и ингушей. Иные походы были скоротечными, войска уходили в течение какой-то недели, разграбив и уничтожив чеченские аулы. Другие же походы продолжались месяцы. Так, война чеченцев против русских войск в 1758 году длилась семь месяцев, в 1783 году - восемь месяцев. Каждый поход заканчивался для русских большими потерями. Например, в бою возле чеченского аула Алды 26 июня 1785 года со стороны русских участвовали Астраханский полк, батальон Кабардинского пехотного полка, гренадерская рота Тенгинского пехотного полка, несколько Терских казачьих сотен. В этом бою чеченцы уничтожили 300 и 200 солдат взяли в плен. Погиб и полковник Пьери, командовавший русским экспедиционным корпусом.

В 1791 году завершилась шестилетняя война чеченцев во главе с Шейхом Мансуром против колонизаторов. Следующие за этим тридцать два года прошли спокойно, если не считать мелких стычек. Очередная война, начатая уже Ермоловым в 1816 году, длилась 45 лет, до 1861 года.

Горские народы Кавказа - малые и большие - оказывали героическое сопротивление Российской империи, несущей им угнетение и рабство. В авангарде же этой долгой борьбы горцев против жестоких колонизаторов стоял чеченский народ. По численности он превосходил своих соседей, был относительно свободен, не знал феодального гнета. Бунтарский, мятежный по своей природе, он оказал самое длительное и ожесточенное сопротивление расползавшейся по Европе и Азии гидре. Главной, ударной силой шамилевских войск тоже были чеченцы, самые отважные и стойкие его наибы являлись представителями чеченского народа. В Чечне происходили самые жестокие бои, главные свои силы агрессоры вынуждены были держать тоже здесь. В Чечню направлялись самые опытные, самые известные русские полководцы. Именно в Чечне несли русские наиболее ощутимые потери. Генерал Граббе, во главе 10 тысяч солдат предпринявший поход в Ичкерию в 1842 году, отступил, оставив в горах убитыми и ранеными 1700 солдат и 66 офицеров. Генерал-адъютант князь Воронцов, вступивший в Ичкерию с юга, со стороны Дагестана, во главе 30000 солдат, 1200 казаков, грузинских, осетинских и кабардинских милиционеров, с 22 орудиями, вынужден был бежать с остатками

своего корпуса, оставив в чеченских лесах трупы 4000 солдат, 166 офицеров и 4 генералов.

Учитывая, что наиболее сильным и опасным противником России на Северном Кавказе являлись чеченцы, русское командование направило основные удары именно против них, вследствие чего чеченский народ нес большие, чем его соседи, потери, испытывал большие трудности и лишения. По свидетельству академика Берже, не было ни одного чеченского плоскостного аула, который за промежуток времени с 1840 по 1850 годы не подвергался бы полному уничтожению несколько раз. И это не считая того, что творилось здесь до 1840 и после 1850 года. Война, длившаяся долгие десятилетия, уничтожила более половины мужского населения Чечни, памятники истории и культуры, природу, все, что в поте лица создавалось народом на протяжении веков. Враг разрушал все, что являлось гордостью и достоянием чеченского народа. Эта война по меньшей мере на триста лет остановила его историческое развитие.

1877 году в Чечне произошло последнее крупное восстание. Возглавлял его Алибек-Хаджи. Под знамена молодого двадцатипятилетнего имама встали горные аулы Чечни, находившиеся в наиболее нищенских условиях, но равнинные аулы не присоединились к ним. Во-первых, они находились вблизи военных крепостей или в окружении казачьих станиц; во-вторых, жили относительно благополучно. Здесь, на равнине, земельный вопрос стоял не так остро, как в горах. Но главное все же было в другом. В первые годы XIX века, когда начиналась русско-чеченская война, в Чечне не было ни одного постоянно проживающего здесь русского. Но с 1818 года начали возникать русские слободы вокруг закладываемых на захваченных землях крепостей и гарнизонов. Во второй половине XIX века на лучших чеченских землях, на месте уничтоженных аулов, были заложены казачьи станицы. И сейчас, к концу XIX века, в Чечне, помимо города Грозный, было 22 крепости и 22 станицы. Власть вооружила около 100 тысяч станичников, как говорится, до зубов, в военных гарнизонах стояли тысячи солдат и множество пушек. Одним словом, сейчас в Чечне русских было значительно больше, чем собственно чеченцев.

И еще. Длительная война окончательно измотала народ. И главное, жестокость, коварство и несправедливость властей, постоянные провокации, тяжесть военных лет постепенно разрушали вековые обычаи и традиции чеченцев, они растеряли те благородные черты, которыми восхищались его друзья и враги. Вчерашние лидеры и воины, отважные, благородные, мудрые, преданные народу и идеалам свободы, погибли, умерли или были сосланы. Поэтому многие разуверились в том, что чеченцы смогут когда-нибудь одолеть такого сильного противника, как Российская империя, и изгнать из Чечни колонизаторов. Эти люди вручили свою судьбу Всевышнему и отказались от бессмысленной, на их взгляд, борьбы.

Несмотря на отсутствие единства в своих рядах, чеченцы ни в коем случае не отказывались от притязаний на свободу. Они прекратили войну против России, но ни на минуту не покорились ее господству. Отдельные чеченцы, не щадя сил, мстили царской власти, отобравшей у них свободу, пытавшейся надеть на их народ ярмо рабства. Они нападали на военные гарнизоны, убивали наиболее жестоких чиновников и администраторов, грабили банки, почту, богатых казаков. Они всеми силами пытались лишить колонизаторов спокойной жизни, делали все, чтобы у них под ногами горела земля, надеясь таким образом вынудить захватчиков покинуть чеченские земли.

Этих народных мстителей называли абреками. Абреческое движение началось со знаменитого абрека Вары из аула Гехи в начале 60-х годов XIX века. Последней яркой звездой абречества, народных мстителей, славных сыновей народа был Зелимхан.

Были, к сожалению, воры и разбойники, называвшие себя абреками, которые приносили одни лишь несчастия чеченцам. Им не было решительно никакого дела до судьбы собственного народа.

Чечня была и оставалась никогда незаживающей, вечно кровоточащей раной на

теле России. Было бессмысленно надеяться на то, что рана заживет. Надо было дать чеченцам свободу и, таким образом, ампутировать незаживающую конечность. Россия же этого не хотела. Потому что, во-первых, Чечня являлась одним из двух источников, питающих Россию нефтью. Во-вторых, предоставление независимости Чечне могло бы спровоцировать другие малые и большие народы империи на борьбу за предоставление таких же прав и себя.

У местных колонистов были свои взгляды на справедливую борьбу чеченцев против России. В случае победы чеченского народа в этой борьбе, или обретения ими самостоятельности в результате революционного свержения царской власти и неизбежных после этого изменений, они лишились бы всего. Богачи боялись потерять свои заводы, фабрики, промыслы, банки, магазины и так далее. Казаки - что у них отберут земли. Русские же рабочие и крестьяне не имели в собственности ничего, и поэтому не испытывали к чеченцам никаких антипатий. Но и они опасались, что их оторвут от насиженных мест и прогонят обратно в Россию. Ведь именно нищета и голод, властвующие там, заставили их приехать сюда.

Маркс и Энгельс, характеризуя внешнюю политику России, подчеркивали, что она, Россия, со дня своего образования была варварской страной. Она являлась, по их словам, спинным хребтом европейской реакции, ее главной опорой, жандармом Европы, врагом и палачом революций и народов, борющихся за свою свободу. Она всегда ссорит, натравливает друг на друга европейские страны и народы, провоцирует войны между ними, пытаясь установить на земле свое господство. Российская дипломатия - это своеобразный иезуитский орден настоящего времени. Во внешней политике она не утруждает себя выбором средств. Коварство и предательство вошли в ее плоть и кровь. Тайные убийства стало ее профессией. Она не жалеют денег на подкуп и убийство политиков, дипломатов и военных деятелей других стран. Ее вдохновляют собственные победы, она никогда не мирится с поражением, безжалостно гонит на войну миллионы солдат и через их трупы, через реки крови расширяет и укрепляет империю. Но вместе с тем у России очень хитрая внешняя политика. Она старательно избегает конфликтов с сильными державами, одновременно ведя жестокие войны со слабыми, нищими шведами, турками, персами и захватывая их земли. Маркс и Энгельс писали, что историческая мечта России - это отторжение от мусульманской Турции главного города православной церкви - Константинополя, захват Босфора, Дарданелл, Эгейского и Адриатического морей, Балкан и, установив господство над Средиземным морем, взять под свой контроль морской путь из Восточной Европы.

С этой целью Россия часто воевала с Турцией. Но, объявляя ей войну, Россия никогда не открывала своих истинных замыслов. Она заявляла, что единственная цель затеваемой ею войны - это освобождение от турецкого ига христианских Армении и Греции, братьев-славян болгар и сербов. Или сначала провоцировало восстание греков, болгар или сербов против Турции и после этого под лозунгом "помощи христианским братьям" вступала в войну. Другими словами, Россия всегда заявляла, что захватывает чужие территории и порабощает народы с единственной целью - распространение культуры и цивилизации среди отсталых в историческом развитии народов. Христиане армяне, греки, болгары и сербы, проживавшие в мусульманской Турции, прозванной в Европе варварской страной, жили в несравненно лучших условиях, имели намного больше прав и свобод, нежели русские мужики, проживавшие в своей собственной стране. Русский царь, правительство и богачи, державшие в рабстве не только другие народы России, но и свой собственный, никогда не собирались предоставлять свободу освобожденным от турецкого гнета народам. Россия сама стремилась господствовать над ними.

Такую оценку дали Маркс и Энгельс внешней политике России. Мало чем отличалась от нее и ее внутренняя политика, потому что внутренняя и внешняя политика любого государства - это две сестры, ничем не отличающиеся друг от друга. На протяжении столетий Россия держала в рабстве русский народ, захватывала земли других народов, расширяя и укрепляя империю, уничтожала миллионы русских мужиков, одетых в серые солдатские шинели, продавала и

покупала крестьян, словно скотину. Помещик своей борзой дорожил больше, нежели крепостным крестьянином.

Другие же народы империи не имели даже десятой доли тех прав, какими обладал русский народ. На захваченных землях в Сибири, Поволжье, Казахстане, Средней Азии и на Кавказе Россия расселяла русских колонистов и особенно казаков, наделяя их значительно большими правами, нежели туземцев. Они были опорой империи в колониях. Эти русские мужики, жившие в Российских губерниях без земли, без каких-либо человеческих прав, всю жизнь находившиеся в рабстве, а освободившись из-под крепостного права, не имевшие возможности найти кусок хлеба для своих голодающих семей, получали на захваченных империей территориях лучшие земли и права, каких у них никогда не было на родине. Государственные чиновники и церковные служащие беспрерывно напевали им, что по уму, сознательности и крови они находятся несравненно выше туземцев, что они должны быть опорой Российского господства в колониях. Но если вы, продолжали они, не будете верны русскому государству, власти и царю, если вы будете поддерживать какие-либо связи с восставшими против русских туземцами, если будете помогать им, государство лишит вас земель, прав и превратит в нищих. Поэтому самыми преданными империи, царю и его власти русскими были именно колонисты. Вдобавок ко всему, самый тупой и нищий мужик, проживающий в колонии, считал себя выше туземца, мнил из себя господина, перед которым туземцы обязаны были трепетать.

В целях сохранения и упрочения господства в колониях, правительство разжигало вражду между народами с одной стороны и между феодалами, тейпами, родами, религиозными сектами каждого народа с другой, создавая атмосферу недоверия и ненависти друг к другу. Разрушалось взаимное уважение народов, единство внутри них. Правительство тайно и явно убивало неугодных людей, безжалостно расправлялось с любым проявлением неповиновения. Наряду с этим, Россия преследовала еще две далеко идущие цели - русифицировать малые народы или уничтожить их национальные языки, историю, культуру, традиции, обычаи, любовь к родине, уважение, все то, что является духовной ценностью нации, превратить их в безликих космополитов, манкуртов.

Политика России в колониях не была однотипной. Она менялась в зависимости от характера данного народа, его силы и степенью сопротивления, от предельно жестокой в одном месте до относительно мягкой в другом. В непокорной же Чечне установили особое военно-колониальное управление и особенно жестокие законы. В своем стремлении покорить чеченский народ, удержать его под своей пятой, Россия использовала все перечисленные выше средства одновременно.

Февраль, обычно морозный в этих краях, в 1909 году не принес привычных холодов. Выпадавший время от времени снег тут же таял под лучами довольно теплого солнца. Стоял туман, улицы Владикавказа тонули в слякоти из грязи и перемещавшегося с ней талого снега.

10 февраля площадь перед гранд-отелем "Империал" и примыкающие улицы были заполнены фаэтонами и тачанками. Стоял здесь и автомобиль. Кучера, денщики и прохожие глазели на него, будто на диковинного зверя.

В банкетном зале отеля собралось более ста человек. Казаки в украшенных серебряными вышивками черкесках, в богато отделанных серебром ремнях и кинжалах, в высоких каракулевых папахах. Владельцы отар и стад, осетинские и кабардинские богачи. Промышленники, банкиры и купцы в шляпах и цилиндрах, в сюртуках и френчах, в разнообразных галстуках.

Этих богачей Терской области собрала здесь одна цель - найти пути спасения своих жизней и имущества от народной мести. Они не делили себя по национальному или религиозному признаку. Здесь присутствовали русские, армяне, евреи, осетины, кабардинцы. Христиане, мусульмане и иудеи. Но это были всего лишь слова. На самом деле все они принадлежали одной национальности, молились одному Богу, проповедовали единую религию - это золото, деньги, богатство.

Большие люстры ярко освещали зал. Нефтепромышленник Ахвердов, невысокий, плотный человек, избранный председателем собрания, поднялся на сцену, подготовленную для оркестра. Он остановился возле большого стола, обтянутого синим бархатом, и оглядел сидящих на установленных полукругом стульях и в партере своих единомышленников. Достал из кармана белоснежный платок и тщательно вытер мясистую шею, лоб и большую лысую голову.

- Дорогие господа! - начал Ахвердов. - Самый тяжелый, опасный удар недавней революции в России приняли на себя мы. Если в Российских губерниях против властей поднялись только русские рабочие и крестьяне, то здесь вместе с русскими рабочими против нас выступили и чеченцы. В России только в редких случаях рабочие оказывали вооруженное сопротивление, а крестьяне только грабили и сжигали имения помещиков. Для подавления этого бунта во всех губерниях хватило нескольких рот солдат и столько же казачьих сотен, тогда как для подавления сопротивления чеченцев пришлось ввести сюда не малые военные силы. Но сопротивление чеченцев до сих пор не сломлено, этот народ далек от умиротворения. Чеченцы беспрерывно совершают злодеяния, они грабят путников, банки и почту. Убивают и похищают людей. Особенно свирепствует известный всем Зелимхан. Он убивает государственных чиновников. Чиновник не может разъезжать без сопровождения роты солдат. А власть бессильна против этих злоумышленников и их злодеяний. Вернее говоря, у власти нет никаких обдуманных, направленных на перспективу планов обуздания преступности. Из-за бессилия и бездействия властей жизнь и имущество живущих в этом краю представителей русского и других народов каждый час, каждую минуту находятся под угрозой. Из-за забастовок и стачек рабочих, иначе говоря, из-за царящей здесь анархии, несколько месяцев простаивали промыслы, заводы, фабрики, мастерские. Не открывались магазины и банки. Рабочие с большой дикостью разрушили много техники и инструментов. Ущерб, нанесенный хозяевам предприятий, составил несколько миллионов рублей. Кто восстановит им это? Да никто. Мы платим государственные налоги, строим в городах дома и общественные здания, прокладываем и ремонтируем дороги, помогаем школам и больницам. Поэтому я считаю, что мы имеем право выразить властям свои пожелания, или напрямую, без всякого заискивания, высказать свое мнение. Я приглашаю вас высказаться, а потом мы примем общий итоговый документ.

Богачи выходили к трибуне, установленной с краю сцены, и выступали. Один выступил от имени собственников нефтепромысловых фирм. За ним следом на сцену поднимались владельцы отар, стад и табунов. Купцы, банкиры. Русские, армяне, казаки, осетины, кабардинцы. На собрании не было ни одного чеченского богача. Ни Мурзабековых и Эльмурзаевых из Старо-юрта, ни Бамурзаевых из Майртупа, ни Закаевых и Муртазовых. Не было здесь Мустапаевых из Кень-юрта, Орцуевых из Оди-юрта, не было ни знаменитых купцов Мациевых, ни Башировых и многих других богачей-чеченцев. То ли их не пригласили, то ли они сами не пришли из страха мести своих соплеменников, то ли не захотели присутствовать на мероприятии, где будут звучать античеченские и антиингушские выступления. Как бы то ни было, но ни одного чеченца в тот день в гранд-отеле "Империал" не было.

Выступающие с пеной у рта, визгливыми криками проклинали чеченцев и ингушей, призывали поголовно уничтожить их, не исключая женщин, детей и стариков, стереть с лица земли даже память об этих народах. Другие спокойно перечисляли все беды, нанесенные чеченцами и ингушами России и живущим здесь русским за последние полвека. Кражи, грабежи. Убийства и похищения людей. Сжигание живых людей и трупов. Любое преступление в области они приписывали чеченцам и ингушам. На самом же деле шайки разбойников были не только и не столько чеченские и ингушские. Существовали банды казаков, осетин, кабардинцев, калмыков, дагестанцев. Национальные и интернациональные. Но все равно обвинения сыпались только в адрес чеченцев и ингушей. И потому, что злоумышленников среди них было больше, и потому, что обвинители слепо ненавидели эти народы. Ни один выступающий не сказал даже слова о тяжелой жизни чеченского народа. О причинах, толкавших отдельных чеченцев на преступный путь. Казачьи богачи, присутствовавшие здесь, тоже не упомянули о

том, что 22 казачьи станицы возведены на полумиллионах десятинах чеченской земли. О том, что согнанные с этих земель чеченцы вынуждены жить в каменистых горах и болотистых лесах, где не могут прокормить свои семьи. Не говорили о жестоком притеснении этого народа властями и самими богачами. О том, что у чеченского народа - самая высокая в империи заболеваемость и смертность. Что в Чечне нет ни одной школы для местных детей и ни одной больницы. Что в семьях с 8-10 детьми имелась только одна пара зимней обуви, теплая одежда только на одного человека.

Главным богатством чеченской земли являлась нефть. Но ни одной капли черного золота не доставалось собственно народу. Ею владели русские, армяне, англичане, французы, бельгийцы, немцы. В числе этих нефтяных магнатов была только одна чеченская семья - семья генерала Чермоева, верой и правдой служившего царю.

Самую же тяжелую работу на нефтяных промыслах выполняли именно чеченцы. Они копали колодцы лопатами и кирками, вытаскивая землю в ведрах, привязанных к веревкам. Для предохранения от ядовитых газов работающий в глубоком колодце рабочий надевал маску из тонкого листа железа, к которой был подсоединен резиновый шланг. Через этот шланг сверху с помощью мехов подавался воздух. В последние годы появилась кое-какая бурильная техника, но основную работу все равно приходилось делать вручную. Этот тяжелый труд был сопряжен с ежеминутной опасностью, чеченцы, занятые им, часто и серьезно болели, получали увечья, преждевременно умирали от физического истощения. Условия труда русских рабочих были не намного лучше. Они работали по 12-14 часов в день. Но рабочий день чеченцев был несравненно длиннее, а оплата труда в несколько раз ниже. Чеченцев, работающих в Грозном и на промыслах, было очень мало. Они не владели соответствующими специальностями, более того, их просто не принимали на работу, им не разрешали поселяться в городе.

Не говорили на собрании и о тысячах чеченцах, за плату работающих на своих же исконных землях, подаренных царем казакам, кабардинским, черкесским и кумыкским князьям. О тысячах и тысячах чеченцах, которых безработица и нищета выгнали из родных мест, которые с сумами на плечах, голодные и раздетые, бродили по Владикавказу, Баку, Тифлису, Харькову, Батуми, Ростову, Москве, Петербургу. Не говорили сытые толстосумы и о многих других бедах, возникших по их вине и по вине существующей власти, они не хотели замечать тяжелое, крайне тяжелое положение народа. Нет. Они хотели видеть и видели только то, что мешало им получать еще большие прибыли. Они искали более жестокие пути усмирения народа, который все еще пытался оказывать хоть какое-то сопротивление безжалостным угнетателям.

Члены собрания страдали от действий чеченцев не в одинаковой степени. Владельцы нефтяных промыслов, заводов и фабрик чувствовали себя в относительной безопасности. За исключением отдельных случаев ограбления касс, где в наличии бывали только небольшие суммы денег, чеченцы не приносили им вреда. Гораздо больший ущерб им наносили действия русских рабочих. Они целые дни, недели, а то и месяцы бастовали, останавливая производство. Вслед за ними ощутимый ущерб несли владельцы магазинов и банков, государственная почта. Больше же всех, конечно, страдали от чеченцев казаки и купцы. Поэтому на собрании в основном выступали они.

На трибуну поднялся рослый сильный казак с закрывающим лоб длинным волнистым чубом, толстым горбатым носом, густыми рыжими усами и квадратным подбородком. Казак представился, это был атаман станицы Кахановской.

- Я знаю, что в годы революционной эпидемии вы понесли многомиллионные убытки, - начал он грубым голосом. - Господин Ахвердов спрашивает, кто возместит их. Мы, казаки, сочувствуем вам. Но, к счастью для вас, ваши убытки ничто по сравнению с теми убытками, какие несли и несут казаки. Здания ваших заводов, фабрик, промыслов и средства производства удалось сохранить. Вы заранее перевезли в безопасное место свои деньги и ценности. Как только прошла революционная буря, вы за короткое время восстановили здания, технику и

рабочие инструменты. После увольнения бастовавших рабочих, другие продолжили работу. Как бы вы ни жаловались, понесенные вами убытки вы давно уже возместили. Продлением рабочего дня, сокращением заработных плат, штрафами, отменой или уменьшением социальных выплат. Плюс ко всему на страже ваших жизней и имущества стояли власть, солдаты, полиция, жандармерия, казаки... Избранный секретарем собрания мужчина лет сорока с лошадиным лицом и спадающими на плечи волосами, длинными бакенбардами и тонкими аккуратными усами сидел в откровенно скучающей позе, крутя между пальцами карандаш и изредка бросая взгляд в зал. На чистом листе, лежащем перед ним, не было никаких записей. За него работала сидящая чуть поодаль за маленьким столом худенькая стареющая женщина в больших очках.

- Убытки же, которые несли и несут наши станичники, опасность, которой подвергаются их жизни и имущество, в сотни раз выше. Чтобы вырастить одну корову, овцу или коня, казак должен трудиться пять лет. Их нужно пасти, обеспечить запасом корма, убирать за ними, кормить и поить, приглядывать днем и ночью. Чеченцы же приходят и уводят с пастбища или из хлева корову, овцу или коня, выращенного казаком тяжелым трудом в течение нескольких лет. Или где-нибудь на большой дороге отбирают волов, лошадей, запряженных в телегу или тачанку. Как вы знаете, человек, работающий на земле, без волов и лошадей как без рук. Казак же тоже должен кормить семью, у каждого из них по пять-десять детей. Им нужно есть. А чтобы восстановить в своем хозяйстве волов и лошадей, нужно потратить несколько лет. Чтобы их купить, нужны деньги. А откуда им быть у казака, если не продавать скот или хлеб. А если он снова заведет скот или лошадей, нет никакой гарантии, что их тоже не уведут чеченцы... В большинстве случаев они не ограничиваются угоном скота. Хозяина скота или пастуха убивают или жестоко избивают, превращая в калеку. Мы лишены возможности пасти свои стада, отары и табуны, не можем ездить на своих повозках в город, из станицы в станицу. Наши жизни и имущество находятся под постоянной угрозой днем и ночью. По этому поводу мы писали прошения в адрес начальника области, министра внутренних дел, вплоть до Государственной Думы, в которых приводились имена и фамилии убитых и искалеченных чеченцами станичников, перечислялись их преступления против нас. Мы просили оградить нас от их набегов. Но до сих пор никакой помощи мы не получили. У вас есть оружие, защищайте свои станицы сами, ответил на наше прошение генерал Михеев. Это необдуманный, иначе говоря, безответственный ответ. Так мог ответить только человек, которому безразлична наша судьба. Как вы знаете, военнообязанные казаки редко бывают дома. К примеру, во время войны с Японией и в годы революции в станицах оставались только подростки и старики. Даже будь казаки дома, как они смогут защитить от чеченцев станицы? Они же не извещают заранее о своем набеге, не сообщают, какими тропами придут. Они нападают внезапно, в самых неожиданных местах. Вдобавок, казаки не могут все время стоять на постах, не работая на своих полях, отложив на неопределенное время все свои дела...

Председатель собрания корректно прервал атамана, речь которого стала затягиваться:

- О состоянии дел в станицах всем нам хорошо известно, господин атаман. Какие вы видите пути выхода из этой непростой ситуации?

- Я не знаю. Мы пытались держать посты на дорогах и тропах. Из этого ничего не вышло. Пытались не пускать в станицы чеченцев, работающих у нас. Но и в этом власти нам не помогли. На самом деле именно эти "мирные" чеченцы и приманивают к нам воров и разбойников. По нашему мнению, власти должны закрыть для чеченцев дорогу в станицы.

Большинство членов собрания были землевладельцами и скотовладельцами, а среди них большинство составляли казаки. Никто из кумыков и ногайцев на трибуну не поднялся. По-видимому, они боялись мести чеченцев. У них не было военных сил, как у казаков, не особо заботились о них и власти, поэтому они посчитали за лучшее отмолчаться. Кабардинский богач, владелец конезавода, в коротком выступлении пожаловался на ингушей. Он напомнил, что выращиваемая

ими порода коней известна и популярна во всем мире вот уже несколько веков. Ингуши угоняют у них целые табуны, не дают работать. Из-за непрекращающихся набегов они вынуждены были закрыть конезаводы, говорил он.

Последним на трибуну поднялся атаман Сунженского отдела. Его выступление было грозным, атаман то и дело сыпал угрозы.

- Власти не только ничего не делают для обуздания чеченцев, но в иных случаях выступают их защитником. К примеру, возьмем обращение земельной комиссии, созданной недавно Владикавказской городской думой. Туземцы Терской области испытывают острую нехватку земли пишут они. Казаки согнали чеченцев с равнинных земель в каменистые горы и ущелья. Не успокаиваясь на этом, казаки замышляют выгнать их и оттуда, чтобы захватить участки, освоенные ими на горных склонах, поднимая туда землю на собственных спинах, пишется в документе. Казакам не нужны эти камни. Слава Богу, у них достаточно земли, около двадцати десятин на каждую душу мужского пола. Есть и запас на будущее - несколько сот тысяч десятин. Самые плодородные, жирные земли, в недрах которых есть нефть и лечебные источники. Хотя добывают и продают эту нефть не казаки, но казаки получают с нее свою долю. У нас уже накоплен капитал в семь миллионов рублей, который работает и приумножается из года в год. У нас есть виноградники, стада и табуны. Есть реки и озера, полные рыб. Богатые сады. Зачем нам нужны камни этих нищих чеченцев? Вы помните выступление в Государственной Думе нашего депутата Маслова несколько лет назад, в котором он со слезами на глазах рассказывал о тяжелой доле чеченцев? А истошные крики в печати некоторых наших продавшихся или просто трусливых интеллигентов? Мол, чеченцы бедствуют, умирают от голода, власти притесняют и угнетают их, держат в рабстве! Мы хорошо знаем одно. Пока чеченцы живут в этих краях, в области и на Кавказе не будет мира и спокойствия. Их всех, поголовно, в том числе женщин и детей, нужно выселить в северные губернии России, где на несколько тысяч верст вокруг не будет населенного пункта, который они могли бы ограбить. Когда они станут охотиться на собачьих упряжках, поймут, что значит труд. Только тогда оставят они свой непокорный, дикий, кровожадный норов. Или сдохнут там все!

Атаман, уверенный в том, что собравшиеся в зале поддержат его призыв, скользнул вопрошающим взглядом по их лицам и проворно спустился в зал.

Но ни один слушатель не проронил ни слова...

Идея переселения чеченского народа в северные губернии России возникла у царского правительства в первые годы войны с ним, когда чеченцы стали оказывать ожесточенное сопротивление колонизаторам.

Одни народы Северного Кавказа имели выбранных ими мудрых, сознательных правителей, которым небезразлична была судьба своего народа, которые всеми силами пытались объединить народ, уберечь его от всевозможных напастей. Среди иных народов каждый род или клан имел своего предводителя. Хотя они и отставали от современной цивилизации, у них были соблюдаемые всеми адаты, законы и хоть какая-то власть. Эти народы почитали своих предводителей, слушались и поддерживали их. Поэтому царскому правительству было легко строить с ними свои взаимоотношения.

У чеченского же народа уважаемого, почитаемого и признаваемого всеми предводителя не было никогда. Не было таких лидеров у тейпов и тукумов. Чеченцы не хотели вручать власть и свою судьбу в руки мудрых, мужественных и благородных людей из своей среды, почитать и беречь их, не хотели кому-либо подчиняться. Каждый чеченец сам хотел быть первым, пытался оклеветать или даже уничтожить более умного, благородного и почитаемого людьми, чем он сам. Он не соблюдал установления национального адата или шариата, если это не приносило ему материальной пользы. Был у чеченцев Мехкан-Кхиэл (Совет старейшин), куда входили самые известные старейшины, который рассматривал и обсуждал общенациональные проблемы, принимал важные решения, но не было

абсолютно никакой власти или общественной силы, которая заставляла бы людей соблюдать и выполнять постановления Совета.

Чеченец не умел уважать, почитать мудрого, благородного человека, ни в коем случае не хотел склонить перед ним голову, но уважал, поклонялся и следовал за отважным, сильным и жестоким человеком. Когда у имама Шамиля спросили, как ему удавалось держать в повиновении чеченцев, он ответил, что отсекал головы отказывающимся выполнять его приказы и соблюдать законы и надевал их на колья; увидевший их чеченец становился послушным и податливым, как воск.

Самые непокорные из всех народов, оказывавшие самое длительное и ожесточенное сопротивление русским войскам, одерживавшие над ними победы и наносившие им наибольший урон, шедшие в авангарде горских народов, возглавлявшие их борьбу за свободу, упорно сопротивляющиеся колонизаторам... - все это были мятежные, свободолюбивые чеченцы. Именно они будоражили горские народы, поднимали их против России. Чеченцы любили и желали свободу, но в качестве средств ее защиты могли и умели использовать только оружие и отвагу. Других средств они не ведали. Да и не знали чеченцы, что такое истинная свобода. Они знали и хотели только одну свободу - возможность не подчиняться ни человеку, ни власти, ни закону. Свобода в их понимании - это воля каждого делать все, что ему заблагорассудится.

Поэтому Ермолову, понявшему тщетность усилий по усмирению этого народа, пришла мысль переселить весь чеченский народ в северные губернии России. Но он не смог осуществить задуманное из-за начавшейся войны с турками и персами. Позже царь убрал его с Кавказа, обвинив в чрезмерной жестокости к горцам.

После этого к идее переселения лет двадцать никто не возвращался. В 40-х годах XIX века русские войска в Чечне терпели одно поражение за другим. В 50-х годах, когда уступать стали уже чеченцы, началась Крымская война, и многие воинские части пришлось перебросить туда. Крымская война завершилась победой России и подписанием Парижских мирных соглашений с Англией, Францией и Турцией. У России появилась возможность ввести в Чечню новые войска. Чеченцы опять стали уступать под натиском превосходящей силы врага. Правительство России вспомнило об идее Ермолова. Переселить чеченский народ в северные губернии России, раз и навсегда сломить его сопротивление и тем самым, отрезав эту язву с тела империи, установить мир и спокойствие на Кавказе. Вначале планировалось жителей каждого захваченного аула переселять в Вологодскую губернию. Но на это уходило много времени и средств. В 1856 году в Ставрополе собрался совет высших чинов правительства и представителей командования войск. На этом совете было принято решение о переселении чеченцев не в северные губернии, а в Маныч. Во-первых, он находился недалеко от Чечни, и переселение чеченцев обошлось бы дешевле. Во-вторых, этот план давал возможность провести операцию по переселению в сжатые сроки. В-третьих, хотя Маныч был не особо холодным краем, но по климатическим условиям мог уничтожить чеченцев не хуже северных холодов. Голые степи, сухая жара, твердая, непригодная к обработке земля. Ветра, летом горячие, зимой же, наоборот, холодные. Большие, болотистые водоемы, ставшие источниками всевозможных болезней и эпидемий. Не было абсолютно никакого риска, что чеченцы будут тайно возвращаться оттуда. С юга дорогу им закрывали донские, кубанские, ставропольские и терские казаки. С юго-востока - преданные России, но не дружелюбные к чеченцам, воинственные, своенравные, разбойничьего духа калмыки и их голые, занесенные песком равнины. Оказавшись в Маныче, чеченцы вынуждены были бы навсегда распрощаться с мечтой о возвращении на Родину. Более того, была надежда, что голод, болезни и лишения уничтожат там весь этот народ.

Наступил самый благоприятный момент для осуществления этого дикого замысла. Чеченцы были обессилены. Каждый аул подвергался сожжению по несколько раз. Ровно половина мужского населения погибла на войне. Царские войска выжигали аулы, посевы, пастбища, сады, леса, уничтожали скот. Народ испытывал голод, был раздет и разут. Сопротивляться дальше русским войскам не было сил, в случае продолжения сопротивления реальной становилась угроза физического вымирания

нации. В то же самое время, когда в Ставрополе принималось это решение, представители чеченского народа побывали у Шамиля и предложили ему остановить войну и заключить мир с Россией. Они заявили, что в случае отказа имама, сделают это против его воли. Представители народа говорили, что они не смогут одолеть Россию, с которой не справились три сильнейших державы мира, и что у них нет сил для продолжения войны. Шамиль же ни в коем случае не хотел прекращать войну. Он знал, что в случае отхода от него чеченцев, его имамат падет в течение месяца, что дагестанцы просто сдадут его русским. На свое счастье, имам знал о ставропольском решении. Он воспользовался этим. Имам сказал, что в случае прекращения войны русские выселят чеченцев из родных мест и перебросят их или в края, где вечно стоит зима, или в сухие, безводные пустыни, где ничего не произрастает, и там уничтожат их. Вдобавок, русские заставят их отказаться от ислама и принять христианство. После этого чеченцы активизировали борьбу против русских войск.

В 60-х годах, уже после войны, эта идея всплыла вновь. Но, побоявшись, что попытка выселения целого народа может вызвать его протест, а это в свою очередь может вызвать массовые протесты, а это в свою очередь спровоцировать возобновление только-только завершившейся войны, власть ограничилась переселением в Турцию пяти тысяч самых мятежных чеченских семей.

После жестокого подавления восстания чеченцев в 1877 году, идею выселения чеченцев подняли уже в четвертый раз. Ее инициаторами на этот раз выступили начальники Терской и Дагестанской областей генералы Свистунов и Медиков. Но это решение не было принято, и всего лишь потому, что рядом с ними оказались несколько милосердных, человечных и мудрых высших офицера. Наиболее активных участников восстания вместе с семьями сослали в северные губернии, других переселили на равнину и на этом вопрос закрыли.

Таким образом, в XIX веке, с 1825 по 1877 годы, вопрос о выселении чеченцев возникал четыре раза. Эта идея до сих пор жила в головах Кавказских и Петербургских администраторов. Осуществление этой идеи только обрадовало бы членов сегодняшнего собрания и казаков. Но они не решались явно высказывать свои мысли, как делал это атаман.

В зале установилась тишина. Никто не одобрил и не осудил предложенный атаманом вариант. Тогда встал Ахвердов. В душе он всем сердцем был за выселение чеченцев. Но умный и хитрый нефтепромышленник, привыкший быть осторожным в словах и делах, не хотел, чтобы такое исключительно важное и ответственное дело рассматривалось на собрании, где он председательствует.

- Господин атаман, здесь собрались не государственные, политические и военные деятели, мы не имеем права обсуждать и принимать такое предложение или предлагать его хотя бы наместнику Кавказа, не говоря уже о Его Императорском Величестве. Мы промышленники, купцы, землевладельцы и скотовладельцы. Принять решение о выселении целого народа и вручить его царю и правительству вовсе не шуточное дело, господин атаман. Если станет известно, что такой вопрос даже обсуждался на данном собрании, газеты тут же раструбят об этом на весь мир, многое добавляя от себя. Такая информация станет оружием в руках эсдеков и особенно большевиков, которое тут же направят против нас самих. У них появится повод публично проклинать нас, и, наконец, это может спровоцировать выступление чеченского народа против властей. Мы должны принять здесь такое решение, чтобы у областной администрации были полномочия и силы для его реализации. Мы не имеем права переходить эти границы.

В итоге, собрание приняло решение просить администрацию области исполнить целый ряд решений и постановлений, принятых ею ранее, но до сих пор не претворенных в жизнь.

В мирном договоре от 1859 года отдельным пунктом определялось, что у чеченцев остается право на ношение оружие. Позже, когда это оружие стало стрелять, власти не раз пытались изъять его. Не сумев сделать это, они запретили чеченцам

его ношение. В последние годы были случаи, когда власти пытались разоружить отдельные аулы. Но о разоружении целого народа до сих пор никто не заговаривал. Члены собрания сошлись во мнении, что источником всех бед в области является наличие у чеченцев оружия и что только их разоружение может исправить ситуацию. Собравшиеся договорились направить соответствующее письмо в адрес начальника области.

Не меньшую угрозу порядку члены собрания видели в чеченцах, живущих по левому берегу Терека и в выезжающих на временные работы. 5 мая 1885 года начальник области, наказной атаман Колюбакин своим постановлением обязал приставов и атаманов станиц выселить оттуда чеченцев. Тогда, исполняя это постановление, чеченцев отправили обратно в свои аулы, а их хутора разрушили. Но подавленные нищетой чеченцы снова возвращались на эти благодатные земли. Постановление Колюбакина последние годы не работало. Собрание приняло решение просить начальника области выселить в горы чеченцев, живущих по левому берегу Терека и на кумыкской равнине, и не допускать их туда вновь.

Во время Кавказской войны и после ее завершения на чеченской земле возвели 22 станицы. Чеченцы не давали спокойно жить рассевшимся на них непрошенным гостям. Они нападали на станицы, уводили скот и коней, грабили путников, а изредка совершали убийства. Одни чеченцы таким образом мстили захватчикам, других выводила на этот путь нужда, третьи выходили на разбой из чистого удальства. Злоумышленников задерживали только в редких случаях. Поэтому ущерб, нанесенный казакам, возмещал аул, на чьей территории терялись следы грабителей, или же несколько близлежащих аулов. Такие карательные действия против чеченских аулов тоже стали редкостью в последние годы, так как революционная смута внутри России привлекала к себе основное внимание властей. Или, вернее будет сказать, чеченцы отказывались выплачивать эти поборы. Вдобавок, когда следы краж уходили в горы, власти оказывались бессильными что-либо предпринять. В конце члены собрания договорились просить власти заставлять чеченские аулы возмещать весь ущерб, нанесенный и наносимый чеченцами казакам, тавричанам, кумыкам и ногайцам, вернее, их богачам.

Областная администрация приняла множество решений и постановлений, направленных против этих злодеяний. 14 декабря 1905 года выходил даже приказ начальника области о введении в области военного положения. Но всякое начинание заканчивалось безрезультатно. И настоящее собрание приняло очень важные резолюции. Но как, какими силами и средствами претворить их в жизнь? До сих пор всякие средства оказывались бесполезными. Вокруг этого вопроса разгорелись жаркие дискуссии и споры. Для выполнения решений собрания нужны были крупные военные силы во главе с умным и опытным военачальником. Полицейскими и жандармскими силами и методами невозможно противостоять чеченцам. С ними придется воевать, и это будет большая война!

В Чечне есть военные силы. В Ведено, Шатое, Воздвиженской и в нескольких других крепостях находятся несколько тысяч солдат. В станицах несколько тысяч вооружейных до зубов казаков. Есть начальники округов и атаманы станиц. Храбрые, умные, опытные военные. Что еще нужно?

- Солдаты, дислоцированные в Чечне, не будут воевать против чеченцев. Разве вы забыли, как они решительно отказались применить против них оружие в Грозном в 1905 году? Большевики влили отраву в их головы. Они до сих пор под влиянием революции. Во-вторых, преследование в горах шаек абреков очень опасное занятие. Не-ет, от имеющихся у нас здесь воинских частей толку будет мало, или вообще никакого!

- Казаки полностью отвечают этим требованиям. Они храбры, выносливы, закалены в боях и имеют немалый военный опыт. Но самое главное - они испытывают ненависть к чеченцам. Казаки мечтают отомстить им. Но и они, привлеченные к карательной операции против чеченских аулов, захватывают людей, грабят дома и возвращаются в свои станицы. Во-первых, они не хотят длительное время

находиться вне своих станиц, на которые беспрерывно нападают чеченцы; во-вторых, дома их ждут семьи, хозяйство, работа.

- Начальники округов? Конечно, они носят военную форму и погоны. Но это, как говорится, паркетные офицеры, не нюхавшие пороха. Одни находятся в сговоре с чеченскими бандами, деля с ними награбленное, другие откровенно трусливы. Более того, чеченские абреки просто уничтожают мешающего им начальника округа или офицера. За примерами далеко ходить не надо. Вспомните Добровольского, Галаева и других офицеров. Жить среди чеченцев и быть их врагом очень опасно. Каждый хочет жить...

- Значит, в области нет храбрых, умных, стойких офицеров, патриотов?

- Храбрых, умных, стойких офицеров сколько угодно, но патриотов нет. Нынче патриотизм подешевел. Одни офицеры обосновались в администрации и штабах, в теплых, безопасных местах. Другие, накопив всевозможными путями капитал, отстроили особняки и виллы, приобрели хороших коней и фаэтоны, неплохо устроив, таким образом, свою жизнь. Они выезжают с женами и детьми в парки, на пикники за город, на отдых в курорты. Это их устраивает больше, чем быть патриотами и гоняться за абреками по горам и лесам в зной и стужу, в дождь и пургу, ежеминутно рискуя своей жизнью...

Но что же делать?

Члены собрания все же нашли выход - собрать отряды добровольцев из храбрых и жестоких людей, щедро оплачивая их службу. Наделить добровольцев широкими полномочиями без всяких ограничений, не привлекая их ни к какой ответственности за нарушение государственных законов.

Начали искать в области командира для этого отряда. Было названо множество имен. Никто не упоминал умных, благородных офицеров. Искали наиболее храброго, жестокого, кровожадного. Не найдя такого в Терской области, стали искать в соседних областях. Все сошлись на кандидатуре атамана Кубанских казаков Вербицкого. Отличился храбростью, героизмом и воинским мастерством на русско-японской войне. Имеет опыт в подобных делах. И главное, не знает, что такое жалость. Знаком с повадками горцев. Все вышеперечисленные стороны своего характера он показал в 1905 году во время кровавой расправы над выступлением Пятигорских рабочих и в уничтожении абреков в Дагестане.

Кое-кто засомневался в возможности найти добровольцев в этот отряд. Таких быстро успокоили. Найдутся, и не только для одного отряда, а для целой дивизии, корпуса. Безработные и те, кто не хочет работать. Искатели легкой наживы. Пьяницы, готовые продать родную мать за бутылку водки.

Собрание единодушно постановило просить временно исполняющего обязанности начальника округа генерала Михеева создать из добровольцев "временный отряд охотников" для окончательного искоренения зла в области и назначить его командиром казачьего атамана, войскового старшину Вербицкого.

Строки из печати:

1908 год.

19 марта. Убит возвращавшийся на телеге из Грозного в Шелковскую Федор Умрихин, который вез строительные материалы. Чеченцы увели его коней и телегу, забрали стройматериалы и 500 рублей. Следы ведут в Мескер-юрт.

20 марта. Убит возвращавшийся домой на повозке, запряженной тройкой коней, Ушерелев Дмитрий. Чеченцы увели коней, повозку и забрали товары, купленные на сумму в 295 рублей. Труп найден на территории Мескер-юрта.

23 июня. У Ивана Школяра, взломав хлев, увели двух волов. Следы ведут в Гудермес.

27 сентября. Шестеро чеченцев напали на Ивана Саенко по пути из станицы на хутор и увели двух коней. Напавшие в ту же ночь на хутор чеченцы пристрелили сторожевого пса и угнали овец. Следы ведут в Гудермес.

28 сентября. Напавшие вечером на кутан Саенко пятеро чеченцев десять раз стреляли в чабана Арефана Неберекутя, ни разу не попали. Злоумышленники скрылись в Гудермесе.

1909 год.

12 января. Чеченцы напали на кутан Силая Саенкова, убита одна овца, угнать отару не удалось. В ту же ночь обстрелян сарай Федора Родиченко, разрушена черепичная крыша.

20 января. Совершено нападение на Филиппа Марафовского и Наума Иваненко, угнаны трое лошадей.

21 июня. Пятью чеченцами ограблен возвращавшийся из Веденской слободы Андрей Ребров. Злоумышленники завладели его черкеской, пятью рублями и хлебом.

12 сентября. У возвращавшегося с дровами из леса крестьянина из станицы Кахановской Ивана Чебаненко чеченцы отобрали лошадь. Лошадь найдена на территории Иласхан-юрта.

30 сентября. Возвращавшиеся из станицы Кахановской Евстрап Бакуленко и Иосиф Цыбин обстреляны четырьмя чеченцами между Гудермесом и Исти-Су. Цыбин убит.

20 октября. Возвращавшиеся из Амир-Аджи-юрта в станицу Кахановскую Василий Лужков и Касьян Андрий ограблены напавшими на них тремя чеченцами. У них отобрали коней и деньги.

В этот же день шестью чеченцами ограблены Семен Якушенко, Никита Тихоненко, Федор Бабилуров, Владимир Батыров. У них отобраны кони, деньги, одежда. Следы злоумышленников ведут в Гудермес.

ГЛАВА XV НАЕМНИКИ

Если Аллах окажет вам помощь, то нет победителя для вас, а если Он вас покинет, то кто поможет вам после Него?

Коран. 3 Сура, 154 аят

Со стороны могло показаться, что собрание во Владикавказе созвано исключительно по инициативе его участников. Но, судя по тому, как закипела работа в канцелярии администрации области на второй же день после собрания, становилось понятным, кто являлся истинным организатором этого мероприятия. Сценарий будущей драмы был написан заранее. Четыре специальных отряда были давно определены - один конный и три пеших. Первый назвали партизанским, три других - охотничьими. Уже было подготовлено необходимое им оружие, обмундирование, были готовы кони и повозки, определены денежные ставки для рядовых и офицеров, составлены план, карта и смета общих расходов. Приставы участков во всех округах и атаманы станиц заранее получили распоряжения, обязывающие их искать и вербовать добровольцев в охотничьи отряды. Были готовы инструкции для отрядов и проекты приказов начальника области. Командиры и офицеры отрядов были уже определены, но главный герой драмы, войсковой старшина атаман Вербицкий еще не прибыл. До его приезда на место дислокация отрядов и их цели особо не афишировались.

Вербицкий был определен на эту роль администрацией области еще до собрания. После соответствующей беседы с ним и получения его согласия, он был представлен членам собрания с тем, чтобы они предложили его кандидатуру как бы от себя. Атаман Вербицкий был готов приехать, но по сценарию его приезд не должен был быть таким спешным.

Михеев был наделен огромными полномочиями. Он мог организовать все сам, без постановлений и просьб собрания. По-видимому, генерал-губернатор просто подстраховался. В случае провала плана он мог снять с себя ответственность, сославшись на то, что пошел навстречу просьбам самых именитых людей области. В случае же успеха вся слава доставалась ему одному.

Михеев сразу же принял Вербицкого, приехавшего во Владикавказ через неделю после собрания. Генерал с первого взгляда понял, что это именно тот человек, который им нужен. Рослый, сильный. Широкие плечи. Жесткие, стоячие волосы на голове. Узкий лоб, густые сросшиеся брови. Чуть сплющенный широкий азиатский нос, большие ноздри. Толстые губы, маленькие, черные, острые крысиные зубы. Длинные руки с густыми волосами на пальцах. И совершенно неестественные, маленькие, круглые, разноцветные, немигающие, словно у змеи, глаза. Льстивый, хриплый голос.

Такая своеобразная внешность указывала на тупой ум, звериную жестокость, алчность и коварство. Во внешности этого сорокалетнего человека сочетались свойства медведя, волка, лисы, суки и змеи. От всех понемногу.

Генерал, довольный экстерьером атамана, потер руки, погладил густые рыжие усы и чуть заметно улыбнулся:

- Ну что ж, атаман, я думаю, что вы знакомы с криминальной обстановкой в области. Ваши обязанности, равно как и обязанности вашего отряда, подробно расписаны в инструкции. Но мне хотелось встретиться с вами лично. Прежде всего вы должны осознавать, что задачи, стоящие перед отрядом, имеют чрезвычайно важное государственное значение. От успешного их выполнения будет зависеть установление мира и спокойствия не только в области и на Северном Кавказе, но и на Кавказе в целом. Источники зла находятся в Веденском, Грозненском, Назрановском и Хасавюртовском округах, логово же бандитов - в Веденском округе. Оттуда эта эпидемия распространилась на весь Кавказ. Ваша задача и задача вашего отряда - вырвать с корнями это зло, чтобы никогда впредь на этой

земле не появлялись его ростки. Главная же и первейшая ваша задача - это уничтожение Зелимхана, его шайки и всех его пособников, а также принимающих и укрывающих их у себя. Арестовывать и убивать их всех до единого.

- Ваше превосходительство, хватит ли у отряда сил для выполнения этого очень важного и ответственного задания...

Михеев прервал начальника отряда:

- Мы подумали об этом. В ваше подчинение передаются все армейские части, находящиеся в области, начальники округов, атаманы отделов, приставы участков, атаманы станиц. В случае необходимости вы можете, не испрашивая у меня разрешения, привлекать роту, батальон, полк, бригаду, артиллерийские команды. Местным администрациям вменено в обязанность обеспечить ваш отряд транспортом, провиантом, фуражом. Поэтому у вас не будет никакого оправдания, если отряд не выполнит поставленные задачи. Что же касается ваших прав, скажу, что вам предоставляются все права и полномочия, не противоречащие закону. Вы можете разоружать туземцев, живущих в названных мной четырех округах. Всех, кроме тех, кому право ношения и хранения оружия предоставлено властями. Холодное оружие можно оставлять, но только у тех, к кому у властей нет претензий. Перед началом операции в том или ином ауле известите его жителей о том, что им в дни проведения операции запрещается покидать аул. Предупредите их, что будут уничтожены на месте те, кто укрывает разбойников, отказывается сдать оружие, не подчиняется вашим приказам или попытается скрыться. Другие же, в соответствии со степенью их вины, будут наказаны штрафами, конфискацией имущества, тюрьмой и каторгой. В общем, каждый шаг, каждое слово должны быть глубоко обдуманными и по возможности безошибочными, каждое карательное действие должно быть соответствующим закону. Если же население отказывается выполнять требования власти и закона, вам предоставляется право наказывать безжалостно. Командиров отрядов мы определили, но утвердим их только после личной вашей беседы с каждым из них и вашего одобрения их кандидатур. Набираемые в отряды люди тоже должны быть всесторонне проверенными и отвечающими нашим требованиям. Их отбор возлагается на вас и на командиров отрядов. Отвечать за них будете тоже вы. Инструкции получите у моего помощника. Есть вопросы ко мне?

- Нет, Ваше Превосходительство.

- Ну что ж! Да поможет нам Бог!

Атаману было понятно все. Генерал дал ему право по любому надуманному поводу избивать, арестовывать, убивать туземцев, разрушать, сжигать и грабить их аулы. Атаман же в этом деле был большим мастером!

На второй же день после беседы с генерал-губернатором Вербицкий открыл штаб в Грозном и, не откладывая ни на день, начал активную работу. В Терской и соседних областях, через неофициальные беседы с приставами и атаманами станиц, заранее была распространена информация о наборе добровольцев в отряд и определен день его начала. Поэтому с первого дня работы штаба сюда нескончаемым потоком шли люди, желающие служить в отряде. Вначале Вербицкий сам принимал их, но через два-три дня такой работы поручил это подчиненным. Во-первых, на прием и беседы уходило много времени, а его у атамана было в обрез, во-вторых, не нужно было большого ума и труда для отбора кандидатов. Каждый прибывающий был словно создан для службы в таком отряде. Безработные офицеры, изгнанные из армии из-за пьянства, взяточничества или страсти к карточным играм, проигравшие доверенное им казенное имущество, уголовники, мошенники, бродяги, пьяницы, воры и разбойники.

В штабе на них не тратили много времени. Каждому задавались одни и те же вопросы:

- В армии служил?

- Участвовал в войне?

- Принимал участие в подавлении революционных бунтов?

- Стреляешь хорошо?

Многим и эти вопросы задавались только для видимости. Повадки и черты лица красноречивее любых слов показывали их сущность. Шрамы на лицах, сломанные носы, татуировки на груди и руках. Красные от пьянства глаза, мешки под ними. Пожелтевшие и почерневшие лошадиные зубы. Длинные, как у шимпанзе, руки. Одного из этих признаков было достаточно для зачисления добровольца в отряд. Одни рассказывали о своих подвигах во время службы в армии, полиции или на войне. Были и такие, которые на русско-японской войне в одиночку уничтожали целую роту, батальон самураев и камикадзе, или брали их в плен. Были и захватившие десятки опасных преступников во время службы в полиции. По их словам, им ничего не стоило уничтожить Зелимхана и его банду, или доставить их в Грозный, связанными по рукам и ногам. Все будет зависеть от оплаты их труда. Атаман знал, что они безбожно врут, но в данном случае главное было не это, а то, что добровольцы были жестокими людьми, готовыми за деньги зарезать собственную мать.

С разрешения Михеева люди Вербицкого поработали и в тюрьмах. Арестанты, готовые служить в отряде охотников, освобождались из-под стражи.

Но, наверное, было бы не совсем правильно утверждать, что временный отряд охотников состоял только из таких вот безнадежных преступников. Хотя основной контингент и был именно таковым, в отряд записывались и другие категории людей. Были и такие, кто действительно шел в отряд, только чтобы послужить царю и отечеству. Были и пострадавшие от чеченцев, потерявшие из-за них хозяйство, отца, сына, брата, стремящиеся отомстить горцам. Были и промотавшие все свое состояние в ресторанах, за карточным столом или в публичных домах, мечтающие наполнить во время службы в отряде свои опустевшие карманы. Словом, каждый доброволец, записавшийся в отряд, готов был за деньги убивать чеченцев.

Прошедшего отбор добровольца заставляли подписывать письменное обязательство:

- Подписывайся вот здесь. Сим ты обязуешься быть верным Его императорскому высочеству и Отечеству, не отступать перед опасностями и трудностями в борьбе со злоумышленниками, не жалеть на этом поприще своих сил и жизни, и что в случае проявления с твоей стороны предательства или трусости ты готов принять самое суровое наказание по законам военного времени...

Штаб в Грозном не справлялся с набором добровольцев. По этой причине Вербицкий разослал своих офицеров во Владикавказ, в Назрань, Хасав-юрт и Ставрополь. Отобранных ими людей сразу же оформляли в отряд. Такая работа позволила к концу февраля полностью укомплектовать один конный и три пеших отряда.

После утверждения Михеевым командиров отрядов, начальника штаба и младших офицеров, атаман провел с ними первое совещание. Или, говоря проще, ознакомил их с инструкцией, разработанной им на основе инструкции, врученной ему начальником области:

- Борьба полиции и войсковых частей против разбойников в этом крае до сих пор больше напоминала игру в прятки, нежели действительно бескомпромиссную борьбу. Когда разбойники совершали грабеж или убийство, все дружно пускались за ними вдогонку, но, как только те укрывались в своих горах, преследовали, карали попавшиеся под горячую руку аулы и возвращались обратно. Поэтому, уверенные в безнаказанности со стороны властей разбойничьи шайки плодятся, совершают все более жестокие и дерзкие преступления. Наша задача

преследовать и уничтожать их везде и всюду, на небе и под землей. Безжалостно уничтожать всех, кто помогает им, предоставляет кров и еду, и таким образом установить в этом крае мир и спокойствие. Вы поняли: безжалостно уничтожать всех до единого? Чтобы их потомки до седьмого колена пугались одной только мысли о краже, разбое или убийстве! Чтобы они знали, что ни один злодей не уйдет, не спасется от Божьей кары! Наша цель - уничтожить разбойников, при этом сохраняя наши жизни. Если разбойник или группа разбойников укрылись в каком-нибудь здании, не надо тупо лезть на них. Надо занять позиции не напротив окон и дверей, а по сторонам, где их пули не могут вас достать, но откуда вы сможете вести прицельный огонь. Одну дверь или одно окно надо оставлять свободным, необстреливаемым, чтобы разбойники могли бежать - пристрелить выскочившего из укрытия не составит труда. Если же они не поддаются на эту уловку, надо держать под оружейным огнем одну сторону здания, другую же сторону следует поджечь. Как только их начнет душить дым или поджаривать огонь, они станут выскакивать. Самое же главное в нашем деле - это метко стрелять. Если будешь стрелять метко, ты убьешь врага, если же промажешь - он убьет тебя. Поэтому каждый доброволец должен в совершенстве овладеть стрельбой, он должен знать, куда и как следует стрелять. Спрятавшийся лежащий, бегущий или скачущий враг должен быть уложен одним выстрелом. Надо научиться рукопашному бою, уметь использовать в таких случаях винтовку, шашку, кинжал, штык. Будем обучать этому наших солдат в течение пары недель. Это я поручаю моему помощнику штабс-капитану Григорчуку.

Атаман прикурил сигарету и бросил спичку на пол. Глубоко затянувшись, он оглядел лица офицеров.

- Каждая наша пуля должна поражать разбойника в лоб или висок. Но знайте, что наш самый опасный враг - это жалость. Наша доброта, милосердие и гуманизм не сделают диких туземцев людьми. Их усмирит только страх и жестокость. Чеченцы храбры лишь тогда, когда превосходят противника в силе и заранее уверены в победе. Но, видя перед собой крепкую силу, бегут, поджав хвосты. Если мы станем проявлять милосердие, прольем больше своей крови. Когда же враги видят, что с нашей стороны жалости не будет, они бросят оружие и убегут. Его превосходительство начальник области предоставил нам широкие права. Мы можем применять оружие против всех, кто откажется выполнять наши приказы или окажет малейшее сопротивление. Они же не немые скоты. Понимают, что им говорят. Наши нагайки и кулаки сделают их послушными. Вышибайте им пулями мозги, отсекайте им головы шашками, протыкайте штыками грудь, сердце! Отправляйте их в ад к праотцам!

Вошедший в раж атаман встал и стал расхаживать перед офицерами:

- Не держите долго отряды в одном пункте. Надо беспрерывно нападать на чеченцев, и именно оттуда, откуда они меньше всего ожидают удар. Надо устраивать засады на больших дорогах и тропах, по которым разъезжают воры и разбойники. Собирайте сведения о них у населения с помощью подкупа или устрашения. Щедро платите за информацию о местонахождении разбойника, за сведения о людях, имеющих оружие. На эти цели с населения собрана большая сумма денег. Знайте, чеченцы - самые жадные люди на земле, за деньги они согласятся лишиться собственных глаз, готовы продать саван с трупа отца. Как говорится, протягивайте в одной руке пряник, в другой же держите кнут.

После совещания Вербицкий отпустил офицеров, попросив задержаться своего помощника штабс-капитана Григорчука и начальника штаба штабс-капитана Вобица. Атаман достал из тумбочки початую бутылку водки и стакан, налил и выпил, после чего поставил их перед Григорчуком и Вобицем.

- Наша операция должна завершиться до появления листвы, то есть где-то в апреле, - атаман прикурил сигарету и глубоко затянулся. - На дворе март месяц, господа. Он обычно бывает дождливым. В горах лежит снег, а на хребтах и склонах - снег и грязь. Но мы не можем сидеть без дела целый месяц. Алексей Матвеич, вас я попрошу обучить военному делу младших чинов отряда. Хотя многие из них

служили в армии и участвовали в войне, повторение им не помешает. Для этого есть удобные места возле крепости Воздвиженской. С одной стороны равнина, с другой - покрытые лесами горы. Это одно. Второе. Чтобы не сидеть без дела до апреля, мне кажется, было бы полезным провести несколько операций по изъятию оружия в равнинных аулах. К примеру, в Гудермесе, Мескер-юрте или Цацан-юрте, куда ведут следы многих краж, совершенных в казачьих станицах. С одной стороны, если устрашим равнинные аулы до начала нашей главной работы, мы обеспечим себе безопасный тыл. С другой же - и солдатам не придется скучать без дела. Первую операцию проведем в Гудермесе. Моя агентура не раз сообщала, что в базарный день туда съезжается немало разбойников, там продают оружие и ворованный скот. Даю вам две недели на подготовку операции. 14 марта в Гудермесе базарный день. Утром там должны быть разведкоманда 8-го Ширванского полка, сотня хорунжего Яицкого, сотня Кизлярского-Гребенского полка, временно стоящая в Кахановской. Если считаете нужным, можете привлечь еще роту солдат Ширванского полка. Окружите базар, арестуйте разбойников, отберите у туземцев оружие и ворованный скот. Сурово накажите всех, кто окажет сопротивление. После операции отведите отряды в Хасав-юрт. Поручите возглавить операцию начальнику разведкоманды Ширванского полка штабс-капитану Ардабьевскому. Я же по ряду неотложных дел еду во Владикавказ.

По главному из этих "неотложных" дел Вербицкий должен был посетить редакцию газеты "Терские ведомости".

На западной оконечности Качкалыкского хребта, на берегу маленькой реки Гумс располагается аул Гудермес, рядом с ним проходит широкая дорога из Грозного в Хасав-юрт, проложенная среди густых лесов русскими войсками в годы войны и которую чеченцы называют Военной дорогой.

Рядом с аулом проходит и железнодорожная ветка из Грозного через Хасав-юрт на Порт-Петровск. Гудермесская железнодорожная станция - одна из крупнейших на Северном Кавказе.

Станция и окружающая ее русская слобода находятся впритык к аулу. Там живут железнодорожные рабочие, казаки, русские. Недалеко отсюда и до казачьих станиц - Кахановской, Петропавловской, Амир-Аджи-юрта, Джалкинской, Червленной. А за Тереком, протекающим в двадцати верстах от Гудермеса, - станицы Шедринская, Шелковская, Гребенская.

Аул Гудермес, состоящий примерно из пятисот дворов, на протяжении столетий стоял в стороне от истории. Целые века Гудермес не упоминался ни в хорошем, ни в плохом смысле. Во времена длившейся многие десятилетия войны, когда разрушались и выжигались все чеченские аулы, у гудермесцев хватило ума и смекалки сохранить свои дома целыми, поддерживая хорошие отношения с обеими воюющими сторонами.

Когда рядом проложили военную дорогу, возвели казачьи станицы, провели железную дорогу и построили станцию, история вспомнила о Гудермесе. После войны открыли большие базары в Шалях, Ведено, Курчалое, Шатое, Девкар-юрте, Урус-Мартане и Ачхой-Мартане. Теперь же и в Гудермесе. Из-за близости этого аула к железнодорожной станции, казачьим станицам и дагестанской границе базар здесь бывал намного крупнее, а товары разнообразнее. Ачхоймартанцы привозили сюда на продажу ковры собственного изготовления, веденцы - шерстяную пряжу и одежду, шалинцы, шаамиюртовцы, девкарюртовцы - керамическую посуду. Из всех аулов Чечни - кукурузу, пшеницу, просо.

Казаки выставляли на продажу арбузы, дыни, тыквы и другие овощи, пчелиный мед, вино.

Когда-то Чечня была знаменитым краем пчеловодства. Но длительная война уничтожила леса и сады, и оно по-тихоньку пошло на убыль. Вымирало и садоводство. Из-за нехватки земель не выращивались и овощи.

Поэтому на базаре было мало чеченцев торгующих овощами и медом. Они главным образом продавали зерно, особенно кукурузу. Покупателями чеченского зерна были дагестанцы, купцы из России, Азербайджана, Ирана. Последних здесь стало гораздо больше после открытия рядом с аулом Гудермес железнодорожной станции. Зерно ссыпалось в огромные амбары, отстроенные возле станции, и, по мере накопления, загружалось в вагоны для отправки в эти страны.

День выдался теплым и ясным, по этой причине сегодня на базаре было особенно многолюдно. Длинные ряды торговцев выставили свои товары: ковры, истанги, черкески, башлыки, каракулевые и бараньи папахи, бешметы. В другом ряду - плуги, колеса для телег, подносы, ложки, глиняная посуда. Отдельно продавались косы, серпы, топоры, лопаты, вилы и другие инструменты. Особняком сидели дагестанцы, торгующие медными кудалами, кумганами, глиняной посудой. С краю, отдельно от основного базара, располагались продавцы скота и казаки со своими овощами и ягодами. Здесь сновали одетые в черкески и бешметы чеченцы и не слишком отличающиеся от них по одежде казаки, железнодорожные рабочие в униформе и русские мужики, чеченские и русские женщины. Здесь слышались диалоги на нескольких языках и на особом, не принадлежащем никому, общем и доступном для всех базарном языке.

Когда солнце поднялось довольно высоко, и базарная площадь до отказа наполнилась людьми, неожиданно раздались какие-то крики. Ничего не понимающие продавцы и покупатели стали тревожно озираться по сторонам.

- Зелимхан!

- Абреки!

Засовывая товары в мешки, загружая их в телеги, русские стали спешно покидать рынок. Чеченцы же, зная, что абреки не навредят им, спокойно стояли у разложенных товаров.

Ситуация изменилась в течении нескольких минут. В базарную толпу, размахивая нагайками, ворвались казаки хорунжего Яицкого. За ними, выставив вперед винтовки с приткнутыми штыками, шли солдаты Ширванского полка. Вскоре перед шокированной толпой появился руководитель операции штабс-капитан Ардабьевский. Этот высокий, широкоплечий смуглый офицер с тонкой талией, большим носом и ухоженными густыми усами был известен в области своей храбростью и рвением в службе.

- Базар окружен! Оставайтесь на своих местах! Всем, у кого есть оружие, сдать его! Винтовку, револьвер, шашку, кинжал. По любому, кто окажет сопротивление или попытается скрыться, будет открыт огонь! - кричал он, с трудом удерживая на месте разгоряченного коня.

Солдаты и казаки начали свою работу. Не дожидаясь, пока человек снимет с пояса и отдаст кинжал, они обрушивали на голову и грудь несчастного град ударов нагайкой и прикладами. В поисках оружия разбрасывали сено с арб и телег, высыпали прямо в лужи и грязь зерно из мешков. Когда стали обыскивать женщин, некоторые попытались оказать сопротивление. Это еще более разозлило доблестных представителей русской армии и казачества, лихо воюющих с безоружными горцами и их женщинами. Со всех сторон доносилась матерщина вояк, сыплющих на людей удары прикладами и шашками плашмя, крики и визг женщин. Базар превратился в невообразимый хаотичный клубок. Никто не обращал внимания на убитого или раненого. Люди и кони топтали упавших и не сумевших встать. Испуганные кони и скот, выставленные на продажу, рвали веревки и уносились прочь от людей.

Услышав выстрелы и крики людей, на базарную площадь прискакал красивый чеченец пятидесяти лет, одетый в голубую суконную черкеску, украшенную серебряными вышивками, в высокой каракулевой папахе. Поискав глазами офицера, он подскакал к хорунжему Яицкому.

- Что все это значит, господин офицер? Хорунжий нахмурил лоб и уставил красные пьяные глаза на чеченца.

- А ты кто такой?

- Я старшина этого аула. Лицо хорунжего скривилось.

- Старшина, говоришь? Клоун ты, самый что ни на есть клоун! Если ты старшина, почему держишь здесь этот разбойничий базар? Урядник! - позвал он обросшего, похожего на медведя казака. - Урядник Тонкогубов! Разоружить этого разбойника!

Урядник приблизился к чеченцу.

- Отдайте оружие, господин старшина!

- Право на ношение оружие мне предоставлено властью. Урядник посмотрел на хорунжего.

- Урядник Тонкогубов! Выполняйте приказ!

Когда к нему на помощь пришли два казака, урядник стеганул старшину нагайкой по голове. Тот в ответ рассек щеку урядника плеткой и схватился за револьвер. Но навалившиеся с разных сторон казаки стащили его с коня и стали избивать нагайками и ногами. В этот момент к ним подошел Ардабьевский.

- Кто это такой, хорунжий?

- Говорит, что старшина этого аула.

- Отпустить его! - приказал штабс-капитан казакам. Драка прекратилась. Старшина выплюнул кровь изо рта и оглядел свой ремень. На нем висели пустые ножны и такая же пустая кобура. Из носа урядника текла кровь вперемешку с соплями. Один его глаз уже посинел и сильно распух, на лбу остался красный след от удара плетки. У второго казака были выбиты зубы, лицо третьего не пострадало.

- Покажите документы, - приказал Ардабьевский старшине.

Тот достал из нагрудного кармана бешмета бумаги и протянул их штабс-капитану.

- Верните ему оружие, - приказал Ардабьевский, ознакомившись с документами.

Старшина вложил кинжал в ножны, спрятал в кобуру револьвер, стряхнул с себя комья грязи и повернулся к хорунжему:

- Господин офицер, одиннадцатый пункт инструкции Его превосходительства начальника области запрещает отбирать оружие у находящихся на государственной службе чеченцев. Вы грубо нарушили его. Второе, вы приказали троим казакам избить меня, зная, что я старшина этого аула. Я напишу жалобу на имя начальника области с подробным рассказом об этом инциденте с просьбой призвать вас к ответу и соответственно наказать.

После этого старшина повернулся к уряднику:

- Ты же, трусливая сука, свинья вонючая, запомни! Я надену платок собственной жены, если не отомщу тебе!

Слова старшины никак не задели хорунжего. Он знал, что, во-первых, куда бы и что бы ни написал чеченец, он не найдет свидетелей и, во-вторых, даже если свидетели и найдутся, его, русского офицера, никто не накажет из-за такого пустяка. Но угроза в адрес урядника попала в цель. Тонкогубов жил в одной из станиц Затеречья, чеченцам не составляло особого труда найти и убить его.

Ардабьевский, преследовавший какую-то свою цель, миролюбиво заговорил:

- С нашей стороны была допущена ошибка, старшина, мы просим прощения. В это трудное, сложное время порой бывает трудно отличить добро от зла, правду от лжи. Все мы заняты одним делом, служим одной стране и одной власти. Не будем искать правых и виноватых. Прошу вас находиться рядом со мной.

Старшина молча подошел к своему вороному коню, стоявшему поодаль, похлопал его пару раз по шее и, вставив ногу в стремя, ловко вскочил в седло.

Операция имела явно не тот итог, на который рассчитывал Ардабьевский. Базарная площадь представляла собой ужасное зрелище. Рассыпанные в грязи кукуруза, пшеница, пшено, кукурузная и пшеничная мука. Валяющиеся колеса, плуги, детские качалки, косы, серпы, разбитая глиняная посуда и многое другое. За два часа работы не было захвачено ни одной винтовки, ни одного револьвера, не выявлено ни одной украденной коровы или коня. На площади валялись четыре трупа и десять тяжелораненых человек. По-видимому, это были не все жертвы и не все пострадавшие. Многих из них забрали с собой односельчане, знакомые или родственники, а легкораненые ушли сами.

Когда несколько лет назад такая же трагедия разыгралась на Грозненском базаре, демократическая печать и рабочие подняли большую шумиху. Это преступление, унесшее жизни семнадцати чеченцев, власть списала тогда на пьяниц и уголовников, хотя главным виновником трагедии являлась она сама. Сегодня же всю эту дикость в Гудермесе сотворили не уголовники, а части регулярной армии. Во главе с ним, русским офицерам, штабс-капитаном Ардабьевским.

Демократическая пресса опять поднимет шум, рабочие выйдут на митинги. Во всем обвинят его, Ардабьевского. Тогда, в отместку за убитых в Грозном чеченцев, Зелимхан высадил с поезда на Кади-юртовском разъезде семнадцать русских и расстрелял их. Кто знает, что он натворит сейчас? Ардабьевский ведь тоже не хочет умирать, у него тоже есть семья. А у Зелимхана очень длинные руки. Он не привык прощать такое...

Солдаты и казаки же, наоборот, были очень довольны исходом операции. Их двухчасовой труд принес неплохие материальные плоды. Солдаты несли подмышкой и на плечах бурки, башлыки, папахи, кинжалы. К казачьим седлам тоже были приторочены ковры, истанги, бурки, мешки, наполненные всевозможными товарами.

До сих пор был только один случай, когда наказали казака, убившего чеченца. В позапрошлом году в Грозном состоялись, один за другим, два судебных разбирательства. Чеченца, угнавшего у казака коня, приговорили к трем годам и шести месяцам; казака же, убившего чеченца - к трем годам. Наказание же офицера, грубо нарушившего закон во время проведения жестоких акций против чеченцев, заключалось в административном взыскании и переводе в другой национальный край с сохранением прежних должности и звания.

Все это было хорошо известно штабс-капитану, Но он не хотел, чтобы в печати и на рабочих митингах клеймили позором звание русского офицера, которое он свято берег и хранил чистым до сих пор. Поэтому Ардабьевский искал хоть какое-нибудь оправдание сегодняшним событиям.

- Кто эти люди на арбах? - спросил он, указывая пальцем вперед.

- Не знаю. По-видимому, приехали забрать отсюда убитых и раненных.

- Пошли, подойдем к ним.

Это были аульский мулла и около десятка гудермесцев. Они осторожно укладывали на устланную на арбы солому трупы и прикрывали их истангами. Раненых уложили на другие арбы, отдельно от убитых. Пробитые черепа, сломанные руки, ноги, ребра. Одни стонали, другие, стиснув зубы, с трудом сдерживались.

- Спросите у них, знают они этих убитых и раненых, откуда они?

Старшина перевел вопрос штабс-капитана.

- Они не знают?

- Что они собираются делать с ними?

- Трупы будут держать в мечети, пока не появятся родственники убитых, а раненых расселят по домам местных жителей. Нельзя же оставлять их здесь.

- Конечно, конечно. Это же все-таки люди, хотя и разбойники.

Старшина бросил на штабс-капитана недовольный взгляд.

- У меня к вам просьба, старшина. Когда появятся их родственники, узнайте фамилии этих погибших и из какого они аула. Нам понадобятся документы, подтверждающие их принадлежность к разбойникам.

Пораженный старшина какое-то время молчал, удивленно уставившись на Ардабьевского.

- Это не входит в мои обязанности, господин офицер.

- Они же убиты на вашей территории.

- Это не моя территория. Базарная площадь находится между аулом и станицей. Расследовать происшествие обязаны начальник округа, пристав и полиция. Я отвечаю только за свой аул.

- Хорошо. Эти документы составит пристав. Но вам нужно поставить под ними свою подпись, как свидетелю.

- Ни в коем случае, - категорично сказал старшина. - Сюда на базар приходит много народу. Из всех чеченских аулов и казачьих станиц. Из России, Азербайджана, Дагестана, Ирана. Отовсюду. Откуда мне знать, что это за люди? Повторяю, я отвечаю за свой аул и только. Как говорят у вас, у русских, сами расхлебывайте заваренную вами кашу!

Старшина Гудермеса, рассерженный устроенным здесь русскими апокалипсисом, выведенный из себя напавшими на него казаками, просто забыл слезть с коня, когда подходил к старцам и трупам, как это принято у чеченцев. Вдруг спохватившись, он проворно соскочил с коня и, подбежав к односельчанам, стал им помогать.

При других обстоятельствах Ардабьевский говорил бы с этим чеченцем совсем по-иному. Но опасаясь последствий сегодняшних событий - плачевных для себя последствий, - штабс-капитану приходилось сдерживаться, выискивая наиболее миролюбивые выражения. Но все оказалось напрасным. А угрозами добиться у старшины чего-либо было невозможно, это он показал со всей ясностью.

"Придет день, когда я поговорю с тобой по-другому!" - подумал штабс-капитан, плюнул в сторону и, ворча себе под нос, ускакал прочь.

...Ардабьевский как в воду глядел. Газеты подняли шум. Зашевелилась чеченская интеллигенция. В Грозном прошел митинг, хотя и не очень большой. Все они требовали строго наказать виновников трагедии в Гудермесе. Вербицкий упорно настаивал на своем, утверждая, что на базаре в Гудермесе они имели дело с разбойниками, торгующими ворованным скотом, что убитые и раненые чеченцы - это бандиты, оказавшие отряду вооруженное сопротивление. Созданная для расследования этого инцидента официальная комиссия установила, что утверждения Вербицкого не имеют под собой никакой почвы, что убитые и раненые на базаре горцы - мирные люди, чистые перед властью и законом.

Но виновные, как всегда, остались безнаказанными. Ведь чеченцы были вне законов империи...

ГЛАВА XVI ГРОЗНЫЕ ПРИЗЫВЫ

Зелимхан неуловим. Его оберегают 250 тысяч чеченцев.

Профессор П. И. Ковалевский

Последний год прошел для гатиюртовцев относительно спокойно. Власти не особенно беспокоили Гати-юрт. Во главе аула остались Сайд и его сообщники. С ними-то аульчане справлялись без особых усилий, но у них не было сил для противостояния более высоким властям. Люди готовились к весеннему севу. Ремонтировали и смазывали телеги, меняли неисправные детали плугов, боронов. Волов и быков вволю кормили и не привлекали ни к каким работам, давая им, таким образом, набраться сил перед началом полевых работ.

Вечерами аульчане засиживались допоздна на площади в центре аула, где обычно собирались, обсуждая последние новости, которых они узнавали у проезжих горцев или у совершивших поездку на равнину гатиюртовцев. Известия эти, пока добирались до них, обрастали домыслами, иные новости оказывались вообще беспочвенными.

О событиях в Гудермесе гатиюртовцы знали во всех подробностях. Несколько их аульчан стали свидетелями нападения отрядов русской армии и казаков на безоружных людей. Были в Гати-юрте и пострадавшие. Дурде, ездившему в Гудермес продавать фасоль, выбили зубы и разорвали ухо. Но это было ничто по сравнению с понесенным им ущербом - у Дурды пропало два полных мешка фасоли.

Но больше всего людей встревожила другая новость. Поговаривали, что сардал области издал приказ задержать или уничтожить Зелимхана, абреков, воров, разбойников и иных злоумышленников, разоружить чеченцев и ингушей. Такие приказы выходили и раньше. Но сейчас, по сведениям горцев, для исполнения этого приказа сформировали какое-то особое войско, состоящее из оголтелых головорезов. Говорили, что на базаре в Гудермесе бесчинствовали солдаты и казаки именно из этого войска.

Со вчерашнего дня в ауле ходили слухи, что приказ этот уже поступил к Сайду, и что в пятницу он ознакомит с ним аульчан.

Сегодня, по завершению пятничной молитвы, мулла Хюси попросил людей задержаться на площади перед мечетью. Все мужское население аула присутствовало на обязательной коллективной молитве, они заполнили площадь. На уложенных у заборов специально для таких случаев длинных бревнах расселись старики - Али, Ахмад, Арсамирза, Лорса и другие. Остальные стояли на ногах. Когда шум затих, Сайд вышел вперед:

- Как вы знаете, ходят слухи о том, что сардал области издал приказ об аресте или уничтожении абреков и о разоружении чеченцев. Этот приказ поступил и к нам. Старшинам поручено довести его до жителей каждого аула. Более того, офицер, которому поручено исполнение этого приказа и который командует специальным войском, перед тем, как начать действовать, выступил с обращением к чеченцам. Выслушайте приказ сардала и это обращение.

Абди вышел в центр круга, развернул одну из газет, которых он держал в руках, кашлянул, поправляя голос, и стал громко читать:

"ПРИКАЗ №16"

от 17 марта 1909 года. г. Владикавказ.

Еще до вступления моего на пост начальника области, мне неоднократно

приходилось слышать, что в области царят грабежи, разбои и воровство, при этом в таких размерах, что жизнь мирного трудящегося населения становится невозможной. Слухам этим я, признаться, не придавал большого значения. Но в настоящее время, когда я ознакомился с жизнью области, мне пришлось, к сожалению, убедиться, что все слышанное ранее - горькая правда. Мне пришлось убедиться, что целый ряд преступлений: грабежи, воровство, разбой; нападения вооруженных шаек на хозяйства и хутора, угон целыми стадами скота и табунами лошадей, принадлежащих не только частным лицам, но и целым сельским обществам; убийства на улицах сел и даже городов, не говоря о больших дорогах; нападения на станции железных дорог; затем глумление над жертвами нападения, вроде изнасилования женщин на глазах их мужей, отцов и братьев, наконец, увоз и пленение отдельных лиц с целью получить за них большой выкуп, - все эти, повторяю, преступления сделались настолько обычными явлениями, что уже перестают вызывать удивление окружающих.

Действительно, при таких условиях не может быть и речи о мирной трудовой жизни. И это мы видим на примере: казаки еще кое-как борются со злом, но крестьяне и немцы-колонисты массами бегут из края; земледельцы и арендаторы-овцеводы бросают свои хозяйства и переселяются в города, терпя большой ущерб в деле; одни хозяева не могут по пять лет посетить свои хозяйства, другие не могут осуществить своего права аренды и собственности на землю и так далее, а в результате - промышленная и торговая деятельность резко падает. Край разоряется. Завтрашний день человека не обеспечен. Нечего говорить, что государство не может допустить такого порядка вещей, и я, как представитель власти, которому высочайше вверено попечение о нуждах, благе и мирном преуспеянии области, считаю своим первым и священным долгом приложить все силы к тому, чтобы искоренить это зло и, не останавливаясь перед самыми суровыми мерами, подсечь его в самом корне, не ожидая, пока зло это разрастется до опасных размеров..."

Абди оторвал взгляд от газеты и оглядел собравшихся. Люди молча слушали. Абди продолжил.

"Однако, намечая ниже ряд мер для борьбы с указанными преступлениями, я вместе с тем хотел бы рассчитывать на благоразумие самого населения, особенно туземного, от участия которого в деле подавления зла в большой степени зависит возможность предотвратить применение тех или иных строгостей.

Население, во имя собственного благополучия, должно, наконец, сознать, что нельзя рассчитывать на спокойное и безбедное существование, когда под одной крышей с ним живут воры и разбойники, которых оно укрывает; когда население дает им поедать, подобно саранче, все, что создает в поте лица и зарабатывает мирный труженик.

Ведь пора же, наконец, установить такой порядок, чтобы честные люди властвовали и держали в страхе воров и разбойников, а не наоборот.

Всем, и большинству туземцев в том числе, известно, что русская власть - не враг туземцу. Она уважает его религию, не нарушает его обычаев и адатов, не обременяет государственными повинностями.

Но она требует только одного: живи мирно и честно, трудись и дай возможность трудиться другим. Требование государственной власти в данном случае ничуть не расходится с требованиями закона пророка Мухаммада. Коран предполагает суровое наказание для воров и разбойников, а имам Шамиль за воровство отсекал руки и ноги.

К сожалению, несмотря на все это, порок не только не исчезает, но далее разрастает, находя сочувствие и поддержку в широких кругах населения. А вместе с тем все усилия администрации в деле искоренения этого зла до сих пор не достигали цели..."

- Клянусь Аллахом, в чем-то этот сардал действительно прав!

- Если и христиане упрекают нас в невыполнении требований Аллаха и пророка, наступило, видимо, время крепко подумать, до чего мы докатились!

- Мы отошли от веры!

- Дослушаем до конца, люди!

Люди затихли. Абди возобновил чтение.

"...Как известно, с наступлением теплого периода года преступность растет, поэтому населению необходимо теперь же подумать над этим вопросом и заблаговременно освободить себя от порочных элементов. Со своей же стороны, дабы дать возможность полевым работам протекать в полной безопасности, я намечаю в настоящее время ряд мер к искоренению зла, каковые заключаются в следующем:

1. Я вхожу с представлением о выселении порочных лиц в отдаленнейшие от железной дороги места Сибири и Средней Азии вместе с семействами.

2. Возлагаю на войскового старшину Вербицкого специальное поручение по ловле и уничтожению вооруженных разбойничьих шаек в пределах Хасав-юртовского, Веденского, Грозненского и Назрановского округов при помощи поступающих в его распоряжение партизанской конной и трех пеших охотничьих команд и на основании особой, данной для действий, инструкции.

3. Объявляю вместе с сим приказом означенную инструкцию во всеобщее сведение и вместе с тем предупреждаю жителей, что оказавшие сопротивление или уклонившиеся от выполнения данной инструкции будут строго наказаны.

Вместе с тем полагаюсь на подведомственных мне административных лиц, что они проявят самую дружную и энергичную деятельность в разрешении возложенной на них задачи; призываю и все местное население, всех тех, кому дороги интересы родины и ее процветание, благо и безопасность ее жителей, сплотиться и оказывать мне самое широкое содействие в этом деле, памятуя, что только при условии полной взаимопомощи возможна плодотворная работа во всех делах и, в частности, в искоренении зловредного абречества и восстановлении нормальной жизни в области.

Временно исполняющий обязанности начальника Терской области генерал-лейтенант, наказной атаман Михеев".

Когда Абди закончил чтение и свернул газету, среди толпы возник шум. Солта Солтханов протиснулся вперед, собираясь что-то сказать.

- Подожди минутку, Солта, - остановил его Сайд. - Послушаем сначала обращение офицера, после этого выскажется каждый желающий.

Солта недовольно покрутил головой, махнул рукой и отошел в сторону.

Али, который никогда не посещал сходы и показывался на людях только на чьих-нибудь похоронах, сегодня попал на это мероприятие из-за пятничной молитвы. Он и сидящий рядом с ним Арсамирза слушали Абди, но мысли обоих были далеко в Турции. Племянник Али, единственный сын Арзу Магомед и сын Арсамирзы Эламирза, тоже единственный, пропали без вести несколько лет назад. Неизвестно, живы они или нет. Магомед и Эламирза входили в число лидеров антивоенного мятежа на русско-японском фронте. Во время арестов обоим удалось бежать. Военно-полевой суд, состоявшийся в Мукдене, приговорил их товарищей к различным срокам каторжных работ. И вот несколько месяцев назад из Турции пришли известия о том, что Магомед и Эламирза после трех лет мытарства добрались до Турции, что они устроились у местных чеченцев и не могут вернуться домой, так как русские власти тут же схватят их и сошлют в Сибирь. Такие вести

очень обрадовали Али и Арсамирзу. У них не было сомнения, что будь Магомед и Эламирза дома, они однозначно находились бы рядом с Зелимханом. А жизнь абрека сопряжена с ежеминутной опасностью, смерть ходит за ним по пятам.

- Нас никто не обязывал знакомить вас с обращением этого офицера, - произнес Сайд. - Но вам не помешает знать, что он говорит. Читай, Абди.

Абди развернул другую газету.

- Вербицкий, командир специального отряда, сформированного для разоружения населения, задержания абреков и других злоумышленников, для окончательного уничтожения преступности в этом крае, выступает со следующим обращением к чеченцам и ингушам:

"Приказом по области я, войсковой старшина Вербицкий, назначен искоренить разбойничество в родном нам крае. Обращаюсь поэтому к чеченскому и ингушскому народам и всему туземному населению.

Чеченцы, ингуши! Вы - храбрые племена! Слава о вашем мужестве известна по всей земле: ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, бились вы и под русскими знаменами во славу России.

Но за последние годы между вами завелись люди, которые своей нечистой жизнью пачкают, грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил им головы, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство решило положить конец всем творящимся ими безобразиям. Оно требует, чтобы каждый пахарь, купец, пастух и ремесленник, к какому бы племени он не принадлежал, мог спокойно трудиться на свою и общую пользу.

Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их свободы святого гостеприимства.

Я обращаюсь и к вам, воры и разбойники.

Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени. Поэтому советую вам помнить мои слова и отнюдь не отдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не будет трус, умрет как мужчина, с оружием в руках.

Все же, кто не отдался целиком самим Кораном осужденному пороку воровства и разбоя, опомнитесь и займитесь мирным трудом. Возрастите ваших детей в почитании закона и выучите их в школах во славу пророка Магомета и в пользу своего народа!"

Когда Абди свернул прочитанную им только что газету и отошел в сторону, к собравшимся обратился Сайд:

- Прежде чем вы начнете высказываться по поводу приказа сардала и обращения офицера, я бы хотел сказать вот что. Хотя этот генерал и этот офицер христиане, мне кажется, что во многом они правы. И в самом деле, русская власть не оскорбляет нашу религию, не мешает нам соблюдать предписания ислама. В каждом ауле действует мечеть, а в крупных аулах их по два и по три. Функционируют медресе, где наши дети могут получить религиозное образование. В Чечне живут авлияи и алимы. Власти уважают наши национальные обычаи, традиции и адат. Коран и хадисы научили нас отличать добро от зла, чистое от грязного, дозволенное от недозволенного. Аллах призывает нас пользоваться только тем, что добыто собственным трудом, запрещает прикасаться к чужому имуществу, воровать, убивать людей, совершать другие злодеяния...

- Сначала сами откажитесь от злодеяний! - крикнул Солта. - Мы не воруем и не грабим! Расскажите лучше о себе!

- О нас говорили и говорят многое, Солта. Сегодня речь не об этом. Русская власть требует от нас лишь то, что требуют Аллах через Коран и пророк в своих хадисах, мы же не соблюдаем требовании религии, ни властям не подчиняемся. Поэтому беды и несчастия преследуют нас, мы бедны и находимся под постоянной угрозой. Как эпидемия, как мор распространилось по Чечне зло. Власть призывает нас оказать ей помощь в борьбе с бандитами, которые впились в тело народа, словно ненасытные пиявки. Сардал призывает нас не укрывать разбойников, не помогать им, если мы хотим жить в мире и спокойствии, мирно и честно трудиться. Он говорит, что пока у населения есть на руках оружие, преступления не прекратятся. Если же вы не поможете ему в борьбе со злом и в разоружении населения, предупреждает сардал, он уничтожит разбойников поголовно и жестоко накажет всех, кто так или иначе помогает им. Если дойдет до этого, можете не сомневаться, погибнет немало невинных людей, женщин, стариков и детей отправят в Сибирь, будет разрушен не один аул. Если мы не возьмемся за ум, пострадает и наш аул, потому что абречествуют и два наших аульчанина: Доша и Хомсурка. Я не говорю, что они занимаются грабежами и убийствами. Они вышли на трепу абречества, пытаясь спастись от возмездия властей. Но для властей любой абрек - грабитель и убийца. Не сегодня, так завтра здесь появятся русские войска и потребуют у нас их выдачи и сдачи оружия. Что нам тогда делать?

С трудом сдерживавший себя Солта единственной рукой растолкал людей и вышел вперед:

- По твоим словам, Сайд, выходит, что русский царь и сардал - Божьи ангелы, а чеченцы - дикари без всякой веры и Бога. Что эти гяуры пытаются направить нас на путь истины, ислама, устроить для нас рай на земле, а дикие чеченцы упорно противятся этому. Ты, Сайд, и они, вы все во все горло кричите о паре сотнях ограбленных или убитых чеченцами русских, но не говорите даже слова о том, как русские, их цари и власть уничтожали и уничтожают чеченский народ. Как вырезают, выжигают целые аулы, как угнетают оставшихся в живых, как чеченцев ежедневно сотнями угоняют в Сибирь. Почему ни ты, ни сардал не говорите о нищете и голоде, которые испытывает народ?

С момента своего возвращения с фронта Солта не упускал ни одного случая, подобного сегодняшнему, чтобы не поддеть Сайда. Но Сайд терпел. И потому, что отец Солты был его фронтовым товарищем, и потому, что Солта был в два раза моложе него. И потому еще, что оставшийся калекой Солта вообще был всегда злым. Все знакомые уважали его отца Солтху за отвагу, стойкость, верность и уравновешенность. Он не был таким вспыльчивым и задиристым, как сын. Учитывая все это, Сайд каждый раз сдерживал себя. Но сегодня не выдержал и он:

- Слушай, Солта, почему ты каждый раз, когда собираются люди, поднимаешь этот визг против меня? Здесь же, кроме тебя, сотни людей. Твои ровесники и ровесники твоего отца. Чем ты недоволен? Если ты так ненавидишь этих русских, их царя и их власть, почему поехал воевать за них за деньги? Почему пожертвовал для них свою руку? Или ты не знал тогда, что они уничтожили половину твоего народа, разрушают и выжигают аулы, угоняют в Сибирь твоих соплеменников и угнетают оставшихся в живых?

- Знал. Меня отправили на войну нищета и голод. И твои байки. Я-то поехал убивать христиан за христианские деньги, почему же ты пошел в составе войска русских - врагов твоего народа, убивать турков-мусульман? Ты и твой отец ведь не бедствовали?

- Между прочим, твой отец тоже убивал там турков!

- И моего отца отправила туда проклятая нужда! Потом он жалел об этом!

Поняв, что этот спор может перейти если не в открытую ссору, то излишнюю

напряженность на сходе вызовет однозначно, Арсамирза встал со своего места:

- Замолчите оба! Хватит! Солта, ты не знаешь своего места. Здесь присутствуют ровесники твоего деда, ты же всегда лезешь вперед. Что это за упреки? Разве вам есть в чем упрекнуть друг друга? Ты, Сайд, и ты, Солта, и мой сын, все вы продались врагу чеченского народа, русскому царю, и пошли на войну, чтобы убивать людей за деньги. Разве Аллах призывает нас добывать хлеб убийством людей? Человек, если он хоть чуточку, хоть на волосок мусульманин, не будет убивать другого человека ради денег. Лучше сидите тихо, поджав уши, ведь вы навлекли позор на свой народ! Поймите это и помните всегда. Али, выскажи свое мнение о сегодняшнем деле.

Али тяжело встал, вышел вперед и стал, опершись обеими руками на посох. Его печальные глаза сначала уставились в землю, потом медленно прошлись по лицам собравшихся.

- Прежде чем обратиться к вопросу Сайда, я бы хотел сказать несколько слов вот о чем. На войне с русскими погибли мои отец и брат. Брату тогда было всего пятнадцать лет. Были убиты мои мать и сестра, убежавшие от войны в лес. Брату Арзу было шестнадцать, а мне - пятнадцать лет, когда мы с ним ушли на войну, чтобы отомстить русским за смерть отца, матери, брата и сестры. Мы воевали шестнадцать лет. На моем теле множество шрамов от ран, полученных на этой войне, так же, как и на телах тысяч выживших чеченцев. Выехавший в Турцию вместе с переселенцами, изгнанными из родных краев русским царем, мой брат Арзу погиб на русско-турецкой границе, когда вместе с другими чеченцами пытался вернуться обратно в Чечню. После возвращения на Родину я был схвачен властями и сослан в Сибирь, где провел тридцать восемь лет и откуда вернулся только четыре года назад. Когда я уходил в Сибирь, дома оставались два моих сына, при возвращении я нашел только одного. Старшего убили опять-таки русские. Из нашей семьи ими убито шесть человек, меня же самого они держали на каторге тридцать восемь лет. Все эти годы я находился в самом настоящем аду. Я узнал, в каких условиях живет русский народ. Его угнетают, держат в нищете и рабстве, почти как нас. Мои враги - русский царь, русская власть и русские богачи. Они виноваты в смерти моего отца, матери, братьев, сестры и сына, во всех несчастиях моего народа. Ни у одного чеченца нет и не может быть большей, чем у меня, ненависти к ним. Будь у меня силы, я бы уничтожил русскую власть на этой земле, собственными руками убил бы царя и богачей. Но ни у меня, ни у всего чеченского народа таких сил нет. Мы боремся, стремясь отомстить за отцов, матерей, братьев, сестер, сыновей, стремясь завоевать свободу, и эта борьба уничтожает чеченскую нацию. Наш народ не растет из года в год, как это было всегда, а уменьшается. Нам не следует бередить собственные раны, им нужно дать зажить. Наверное, еще не наступил день, определенный Аллахом для нашего освобождения. Что же касается людей, промышляющих кражами и разбоями, то они не приносят народу ничего хорошего, наоборот, вредят ему. Они вышли на этот путь не во имя Аллаха, религии или народа. Их вывела туда жадность. Их не волнует то, что из-за их действий страдает народ. Они должны остановиться, или их должен остановить народ. Что касается нашего аула, то Доша, Хомсурка и их семьи покинули его. Мы не слышали, что эти двое совершают кражи и грабежи. Все имеющееся в ауле оружие мы сдали ранее. Поэтому, Сайд, если сюда заявятся солдаты, тебе следует уладить дело миром, без ущерба для аула. Это мое мнение. Если у кого-то есть другие предложения, пусть выскажет их.

- К сказанному добавить нечего. Сайд, ты старшина аула, ты отвечаешь за него. Тебе мы поручаем уладить это дело миром.

- Арсамирза, мне ничего не стоит отдать за аул собственную жизнь, если бы аульчане хотя бы ценили все, что ради них делается...

- Ценят, видят. И хорошее, и плохое. Народ не глуп, Сайд.

- Али прав, не надо бередить старые раны, к месту и не к месту вспоминая все былое. Нашему народу нужен мир.

- Народ не может противостоять ворам и грабителям, с ними должна бороться власть.

- Не надо мучить безвинных людей, женщин и детей.

Люди не обедали, дома их ждали дела по хозяйству и собравшиеся потихоньку начали расходиться. Хотя в их ауле не было воров и грабителей, хотя оружие было уже сдано, в сердцах гатиюртовцев поселилась тревога. Солдаты и казаки не уйдут просто так, ведь они сами и есть самые грязные, самые безжалостные грабители и убийцы.

Капитан Дудников, назначенный временным исполняющим обязанности начальника Веденского округа, во взаимоотношениях с Зелимханом был предельно осторожен. Капитан боялся разделить судьбу двух своих предшественников. Дудников не вел активных действий против знаменитого абрека, но истязал население, облагая его непомерными штрафами и поборами. У отказавшихся выплачивать их или не имеющих такой возможности уводили скот или забирали весь домашний скарб. Веденская тюрьма была набита виновными и безвинными горцами. Не помещавшихся туда отвозили в Грозный.

Прежде чем наказать жестокого чиновника, Зелимхан обращался к нему с письмом, в котором просил прекратить бесчинства, не истязать безвинных горцев, женщин и детей, прекратить охоту за ним самим. Если и после этого чиновник не прекращал свои злодеяния, абрек сурово карал его. Такие письма получали полковники Добровольский и Галаев, другие наиболее жестокие офицеры. Получил подобное письмо и Дудников. Капитан боялся, что если он не ответит на него, то будет сожалеть об этом. Вдобавок он понимал, что на должности начальника округа находится временно. Начальниками чеченских округов назначались обычно представители кавказских народов. Это была обычная практика властей, преследующая далеко идущие цели. Поэтому до тех пор, пока сюда не назначат нового человека, Дудников решил провести с Зелимханом что-то вроде переговоров для достижения с ним какого-то личного мира. Кто знает, может в процессе этих взаимоотношений ему удастся даже заманить неуловимого абрека в ловушку?

Дудников отправил к Зелимхану своих доверенных людей. Капитан предлагал абреку встретиться один на один, обещая в случае заключения мира между ними ходатайствовать перед властями о его помиловании и предоставлении ему полной свободы. Было обозначено место встречи и определено время - затерявшаяся в лесу возле Ведено поляна, раннее утро. Зелимхан, потерявший всякое доверие к людям и существующей власти, привыкший всегда быть начеку, с первыми проблесками дня выдвинулся к обозначенному месту и занял позицию в укромном месте. Отсюда он мог наблюдать и за крепостью, и за поляной. Рано утром из крепости вышли солдаты и заняли позиции вокруг поляны. Зелимхан в сердцах выругался и ушел.

После убийства Галаева, из-за начавшейся вслед затем отчаянной охоты на него, Зелимхан вывез свою семью из Чечни. Во всех аулах Чечни, хуторах и горных кутанах у харачойца были верные люди, готовые отдать за него свои жизни. Но и врагов было не меньше. Власти знали о каждом шаге Зелимхана. Сурово наказывались или ссылались в Сибирь горцы, предоставившие Зелимхану и его семье кров хотя бы на одну ночь. Зелимхан не очень дорожил своей жизнью, но не мог допустить, чтобы из-за него и его семьи страдали безвинные люди. Поэтому абрек вывез семью в Ингушские горы, к истокам реки Асса.

По пути туда, в ингушском ауле Лажга, Беци родила сына. Отец назвал его двойным именем - Умар-Али. Пока власти не знали о местонахождении семьи абрека, но не было сомнения, что с течением времени это станет им известно. У властей существовала хорошо налаженная агентурная сеть в ближних и дальних чеченских аулах. Но и Зелимхан везде и всюду имел свои глаза и уши. В Грозном, Ингушетии, Владикавказе, дагестанских горах. Его агентура работала не хуже телеграфа.

Дудников, осмелевший после создания временного отряда для проведения генеральной операции против Зелимхана, приехал в Харачой и, угрожая выжечь весь аул, потребовал у несчастных людей информации о месте, где укрываются Зелимхан и его семья. Для устрашения аульчан по приказу капитана сожгли одну саклю. Получив это известие, Зелимхан немедля явился в родной аул. Больше всего он волновался за юного Бийсолту, единственного своего брата.

Зелимхан оставил на окраине аула двух товарищей и на закате вступил в Харачой. Иные аульчане, попадавшиеся ему навстречу, откровенно радовались его появлению, расспрашивали о жизни, приглашали к себе в дом. Но многие откровенно избегали его, спеша удалиться после двух-трех слов приветствия. Зелимхан не осуждал их. Из-за него, его отца и братьев харачойцы изведали не мало горя.

Билкис и Бийсолта жили отдельно от семейства Элсана в низенькой сакле с узкой дверью и маленькими окнами. Зелимхан спешился, привязал коня к изгороди и вошел во двор. Его встретил свирепый лай огромного черного пса. Пес был на привязи. Выскочивший на лай Бийсолта прикрикнул на него. Увидев брата, он подбежал и обнял его. Вслед за сыном вышла и испуганная Билкис. Внимательно вглядевшись, она узнала пасынка. Женщина подбежала, крепко обняла брата своего сына, положила седеющую голову на его широкую, сильную грудь и заплакала. Билкис плакала навзрыд, долго не успокаиваясь. У нее было на это много причин. Между отцом ее сына и ее собственным отцом восемь лет назад возникла вражда. Кровь, пролитая с обеих сторон, только углубила ее. Оказавшаяся по этой причине между двух огней Билкис все эти годы не находила себе места. Когда муж и двое его сыновей стали абреками, и власти стали притеснять женщин и детей, она вернулась в дом отца.

Но и здесь не нашла она покоя. С одной стороны ее беспокоили власти, с другой же стороны сжигал постоянный страх за сына, которого могли убить кровники Зелимхана. Все эти несчастия преждевременно состарили, высушили эту еще восемь лет назад такую красивую женщину. Хорошо зная все это и виня во всех бедах мачехи только себя, Зелимхан молчал, нежно гладя женщину по иссохшей спине и седой голове.

Бийсолта молча стоял в стороне, еле сдерживая выпиравший из груди ком и обжигающие глаза слезы. Выплакавшись, Билкис завела Зелимхана в саклю.

Накормив гостя чуреком и вареной черемшой, Билкис рассказала о произошедшем в ауле. Начальник округа вызвал к себе всех мужчин аула и по отдельности допросил их, угрожая сжечь аул, если они не сообщат, где укрываются Зелимхан и его семья. После допрошенные клялись, что не сообщили ничего. На самом деле никто и не знал, где они находятся, кроме того, что слышали, будто скрываются в Ингушетии, где-то в верховьях Ассы. Но доносчики найдутся. Никому нельзя доверять в это безумное время.

Совершив вечернюю молитву и вручив мачехе все имеющиеся у него деньги, Зелимхан собрался уходить. Бийсолта бросился к брату:

- Брат, возьми меня с собой...

Зелимхан растерялся. Бийсолте шел пятнадцатый год, но он, в сущности, был еще ребенком.

- Ничего не получится, Бийсолта.

- Ну почему?

- Во-первых, ты еще мал. А моя жизнь очень трудна. Каждая минута, каждый шаг могут стать последними. Везде предательство, везде засады. Бессонные ночи. Иногда целыми днями приходится обходиться без еды и питья. Ты еще ребенок, ты не сможешь выдержать все это. Во-вторых, ты единственная опора старой матери.

- У нее есть братья и сестры. У меня же нет никого, кроме тебя. И не будет. Тебе нужен товарищ, чтобы охранять Муслимат, Энист, Магомеда, Лом-Али и Умар-Али. Ты только изредка бываешь с ними. Беци и Зезаг нужен помощник. Я не ребенок, брат, мне пятнадцать лет. Нана согласна отпустить меня с тобой...

Зелимхан посмотрел на мачеху.

- Если вы договоритесь, я не против. Бийсолте идет пятнадцатый год. Когда ему исполнится пятнадцать, здесь некому будет его защитить.

Зелимхан понял Билкис. У Зелимхана много кровников. Враги не могут достать его. А Бийсолту пока не трогают... до пятнадцатилетия. После этого юноша получает право на ношение оружия, он может идти на войну. По чеченским обычаям до этих пор он считается ребенком и не отвечает за кровь, пролитую кем-то из его семьи и рода. Когда же Бийсолте исполнится пятнадцать лет, кровники имеют полное право потребовать с него ответ за убийство, совершенное Зелимханом. У Зелимхана нет кроме него ни братьев, ни племянников по мужской линии. Как ни трудна жизнь абрека, Зелимхану будет легче сберечь брата, если он будет находиться рядом.

- Хорошо, Билкис. Конечно, со мной Бийсолте придется нелегко. Но там, рядом с братом и его товарищами, будет безопасней, чем здесь. Твои родственники до сих пор хорошо заботились о нем. Спасибо им. Ну что ж, собирайся побыстрей.

И Зелимхан забрал с собой Бийсолту. Своего единственного брата...

Зелимхан родился в одном из красивейших аулов Чечни, сам же он считал, что прекраснее места на земле нет и быть не может. До абреческой жизни он видел только окрестности родного Харачоя и Казеной-Ам, к которому летом горцы перегоняли отары. Потом, будучи уже известным абреком и рыская по всей Чечне и Ингушетии, он узнал сначала Чеберлойские, потом уже находящиеся в Верховьях Аргуна и Ассы чеченские и ингушские горы. Только тогда он узрел бедность и убогость родных мест.

Горы-то везде были одинаковыми. Они стояли, проткнув облака своими вершинами, покрытыми нетающими снегами и ледниками, и вонзив их в синеву небосвода. Издали казалось, что можно было спокойно подняться на них. Маленькие горные родники, огибая гранитные скалы, падая с них, собирались в большие реки и, превращаясь в грозную силу природы, устремлялись вниз. Древние дремучие леса на склонах гор и у их подножий. Заросшие сочной травой, пестрые от разнообразных цветов просеки в поймах. Блестящие на ярком солнце редкие маленькие озера с обрамленными густой зеленью берегами. В горах встречаются всевозможные птицы и звери. Медведи, лоси, серны, дикие козы и бараны. Сидящие на вершинах скал или парящие в небе гордые орлы, соколы, ястребы. На описание всего этого великолепия не хватит слов и красноречия.

Зелимхан хорошо изучил эти горы и прекрасную природу. Звериные тропы, пещеры, развалины древних жилищ, все сохранившиеся башни.

Зелимхан не мог насытиться этой прекрасной, но грозной природой. Но удивляла здесь его не эта природа. Нет. Она создана Всемогущим Аллахом, а Его возможности не могли удивлять, ведь Он - Всесилен. Зелимхана изумляло созданное здесь человеческими руками. Башни, отстроенные на вершинах гор, куда и пеший-то поднимался с большим трудом. Во-первых, каждый камень в стенах башен настолько массивен, что и на ровном-то месте даже несколько человек вряд ли сдвинут его с места. Во-вторых, каждая эта глыба тщательно отесана, что придало им строгую прямоугольную форму. На все это, должно быть, уходило не мало времени и тяжелого труда. Ну ладно, работая ежедневно в поте лица можно, наверное, лет за десять-двадцать проделать все это. Но как же подняли тяжеленные камни на горные вершины, как удалось их так безупречно сложить? И что за раствор использовали древние мастера для связки? Сколько ни думал Зелимхан, он не мог понять этого.

Этих башен в горах было великое множество. Широкие в основании и сужающиеся к верху четырехугольные здания с остроконечным верхом. Иные - в несколько этажей. Башни имели только одну дверь, но окон у каждой было по несколько. Вернее, не окна, а узкие прорези. Старики рассказывали Зелимхану, что в стародавние времена, когда на эту землю приходили захватчики, предки вайнахов укрывались в этих башнях и отражали нападения врага. Странное дело, удивлялся Зелимхан, всегда, во все времена люди были жестоки друг к другу, воевали, убивали себе подобных. Хотя имели все условия для свободной и мирной жизни...

Встречались здесь и развалины домов и иных зданий, построенных из гладкого камня. Камни обросли мхом, кое-где густые кусты укрывали древние руины. Отдельные захоронения и группы могил. Из могил, разрушенных дождем, ветрами и оползнями, торчали широкие и толстые каменные плиты огромных размеров. Ими, наверное, прикрывали склепы, думал Зелимхан. По-видимому, эти башни построили нарты, и похоронены здесь тоже они, никто другой не смог бы использовать в строительстве эти огромные камни.

Уже около года семья Зелимхана находилась в маленьком, состоящем из нескольких саклей, ингушском хуторе, расположенном среди высоких гор в верховьях Ассы, вдали от больших аулов. По всему было видно, что ингуши жили здесь не одну сотню лет. Об этом свидетельствовали две башни, стоящие как стражи этой маленькой уютной поймы.

Еще вчера сюда должен был прибыть Аюб. Обеспокоенный его отсутствием Зелимхан вот уже два часа сидел на высокой скале, наблюдая за единственной тропой, ведущей к хутору. Отчаявшись дождаться товарища, абрек вернулся домой, чтобы совершить полуденную молитву и пообедать. Во дворе под установленным на треножник чугунным котлом горел огонь, над котлом поднимался густой пар. Присев на корточки Беци готовила галушки из кукурузной муки. Чуть поодаль в большом медном тазу стирала Зезаг. Рядом с ней стояла жена приютившего их хуторянина и тихо о чем-то рассказывала. В другом конце двора играли дети, мальчики отдельно от девочек. Наблюдая за этой идиллической картиной, можно было подумать, что нигде в мире нет оружия, царей, властей, войск и тюрем, что нет вражды между людьми. Что в душах Беци и Зезаг нет того горя, которое уже столько лет сжигает их изнутри.

Бийсолты не было дома. Каждое утро он выгонял в горы скотинку хуторян с двумя коровами семьи Беци и целый день пропадал там. Скотина здесь не нуждалась в пастухе, но Бийсолта не возвращался. Целые дни он охотился или учился метко стрелять. Позавчера Зелимхан лично экзаменовал брата. Он нашел, что у Бийсолты не по годам сильная рука и верный глаз.

Зелимхану оперативно доносили о каждом шаге властей, направленном против него. Не прошло и трех дней с момента завершения работы собрания во Владикавказе, как он знал обо всех его итогах и решениях, о приказе начальника области и поставленных им перед Вербицким задачах. О событиях на Гудермесском базаре он узнал в тот же день во всех подробностях. Знал он и о готовящейся охоте на него силами отряда Вербицкого. Аюб читал ему все публикации в газетах, так или иначе касающиеся его самого и чеченцев в целом. Правда, пока свежая газета доходила до абреков, проходила минимум неделя.

Зелимхан помолился, поел, отдохнул часок и, прихватив бинокль, снова ушел к скале, на которой дежурил первую половину дня. Абрек время от времени приставлял бинокль к глазам и направлял его на единственную извилистую дорогу, поднимающуюся к хутору. Наконец на ней показались два всадника. Это могли быть только стоявший в дозоре сын хуторянина Торшхо и Аюб.

После того, как Аюб поел, Зелимхан отвел его в сторону.

- Рассказывай теперь, какие новости ты привез? - спросил он Аюба, когда они остались вдвоем.

- Основные силы отряда Вербицкого готовятся к наступлению в горы по ущельям рек Аргун и Асса. Отряд Ардабьевского, устроивший погром на Гудермесском базаре, в настоящий момент находится в Хасав-юрте. По-видимому, они выдвинутся в Ичкерию по руслам рек Ярыксу и Ямансу. В некоторых равнинных аулах проходят аресты.

- Что еще?

- Я принес газеты.

Аюб вышел и принес газеты, спрятанные в переметных сумах.

- На этой газете напечатаны обращения Вербицкого к населению и к абрекам и письмо лично к тебе.

Коротко пересказав содержание обоих обращений, Аюб стал переводить письмо Вербицкого к Зелимхану, не пропуская ни одного слова:

"Теперь ты, Зелимхан!

Имя твое известно всей России, но слава твоя скверная. Ты бросил отца и брата умирать, а сам убежал с поля битвы как самый подлый трус и предатель. Ты убил много людей, но из-за куста, прячась в камни, как ядовитая змея, которая боится, чтобы человек не раздавил ей голову каблуком своего сапога. Ты мог пойти на войну, и там заслужить помилование царя, но ты прятался тогда, как хищный волк, а теперь просишь у начальства пощады, как паршивая побитая собака. Ответ начальства тебе уже известен. Но я понимаю, что весь чеченский народ смотрит на тебя, как на мужчину. И я, войсковой старшина Вербицкий, предоставляю тебе случай смыть с себя пятно бесчестия и, если ты действительно носишь штаны, а не женские шаровары, ты должен принять мой вызов.

Назначь время и место и укажи по совести, если она у тебя еще есть, число твоих товарищей, и я явлюсь туда с таким же числом своих людей, чтобы сразиться с тобою и со всей твоей шайкой, и, чем больше в ней разбойников, тем лучше. Даю тебе честное слово русского офицера, что свято исполню предложенные тобой условия. Кровникам твоим не позволю вмещаться в наше дело. Довольно между вами крови.

Но если ты не выйдешь на открытый бой, я все равно тебя найду (даже и в Турции, куда ты, кажется, собирался удрать), и тогда уже пощады не жди и бейся до конца, чтобы не быть повешенным.

Докажи же, Зелимхан, что ты мужчина из доблестного чеченского племени, а не трусливая баба. Напиши мне, войсковому старшине Вербицкому, в город Владикавказ, и помни, что на перевод письма твоего на русский язык с арабского или чеченского мне нужно время".

Зелимхан внимательно слушал Аюба. Лицо его не выражало ни злости, ни даже огорчения. Иногда абрек крутил головой, временами губы его дергались в странной улыбке, смысл которой невозможно было понять. Закончив чтение, атагинец посмотрел на товарища.

- Есть там еще что-нибудь, касающееся нас?

- Немного в другой газете.

- Читай.

"*В последнее время даже среди интеллигентной части публики создались разные нелепые толки относительно личности разбойника Зелимхана, чему свидетелем был и я сам несколько раз. Слухи эти таковы, что Зелимхан человек образованный, что он обладает широким умом, что он неустрашимый герой, что он свободно разъезжает по городам в офицерской форме и так далее.*

Происхождение Зелимхана, его биографию и так далее я знаю очень хорошо и, как близко изучивший его психологию, официально заявляю, что разбойник этот - житель селения Харачой, 1-го участка Веденского округа, простой чеченец, нигде не учившийся и совершенно не умеющий говорить по-русски. Он бывший пастух. Героизмом и храбростью не обладает. Он самый жалкий трус. Это он показал в перестрелке 31 августа 1908 года с моей партизанской командой. В то время, когда мои партизаны убили его отца, брата и трех товарищей, он, оставив их на месте схватки, бросив винтовку, постыдно бежал, не сделав ни одного выстрела. "Храбр" он из-за угла, да и то на далеком расстоянии, в городах, а тем более у знаменитых лиц не может бывать, как не знающий русского языка. Если же он безнаказанно оперирует так долго, то это благодаря невежественной массе, укрывающей его, и, отчасти, неумелым действиям властей".

- Что за офицер написал это?

- Пристав Гордалинского участка, тот самый, который натравил на нас бенойцев в прошлом году.

- Где он сейчас?

- Я слышал, что он служит приставом где-то в Ингушетии.

Хотя Зелимхан говорил спокойно, Аюб видел, как нахмурен его лоб, как грозно вздулись брови и как время от времени скрипят зубы абрека. В сердце Зелимхана кипела злоба.

- Мы уже знаем, где бывает Вербицкий. Надо найти и этого офицера. Сейчас приляг и отдохни, вечером мы едем в Грозный.

Аюб не стал задавать вопросы. Он знал, почему они идут в Грозный. Зелимхан уже приговорил Вербицкого...

ГЛАВА XVII ОПЕРАЦИЯ

И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, и убивайте их где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас.

Коран. 2 Сура, 186,187 аяты

Зелимхан был спокойным и уравновешенным человеком. Он не выражал восторгов по поводу какого-либо успеха или счастливого события, не видели его и подавленным, когда случались несчастия или поражения. Он умел держать свои эмоции при себе. После ознакомления с письмом Вербицкого его сердцем овладела бешеная злоба. Войсковой старшина оскорбил и унизил его не только перед чеченским народом, но и перед другими народами Кавказа, всей России. Этого нельзя было простить. Зелимхан должен дать соответствующий ответ. Он согласен и готов драться с атаманом. Как же иначе. Зелимхан не возьмет с собой никого. Вдобавок, и Вербицкий хочет боя один на один. Да, Зелимхан будет один, он принимает этот вызов. Эта свинья оскорбила именно его, и он, Зелимхан, собственной рукой покарает его.

Да, нужно было написать ответ Вербицкому. На худой конец, можно поручить это и Аюбу. Он дважды побывал в тюрьмах и Сибирской ссылке. Оба раза совершил побег. Вернувшись после второго побега, через Абубакара, уже находившегося рядом с Зелимханом, примкнул к абрекам. Аюб умен и безгранично храбр. Он знает русский язык и грамоту. Это правая рука Зелимхана. Письма к Добровольскому, Галаеву, Дудникову и другим написали для него Аюб и Бетарсолта. А письмо в Государственную Думу составил Ахматхан Мутушев. Ахматхан - знаменитый абалкант, его уважают в Москве и Петербурге. В данный момент его нет в Чечне. Говорят, что он в Германии. Зелимхан же не может ждать. Надо ответить Вербицкому как можно быстрей. Через газету. Чтобы об этом ответе знали во всех уголках России. Ответ должен быть написан грамотно, на чистом русском языке. Написать так сможет не каждый.

После долгих раздумий выбор Зелимхана остановился на Деналбеке, сыне Джамалдина Шерипова. Он живет в Грозном, и Зелимхан часто бывает в его доме. Братья Шериповы всегда рады ему. От них всегда можно получить мудрый совет. Они множество раз помогали абреку в самые трудные минуты.

Под утро Зелимхан и Аюб добрались до Ачхой-Мартана. Здесь харачоец расстался с товарищем. На равнине в любой момент можно было напороться на солдатский или казачий пост или дозор. Одному было удобнее обходить их и спасаться в случае опасности.

Рассвет Зелимхан встретил в Шалажах. День абрек провел в доме верного человека, а с первыми сумерками направился в Грозный.

Жамалдин Шерипов родился в маленьком ауле близ Шатоя. Будучи офицером царской армии, он был назначен приставом аулов, расположенных вокруг Шали. Он перевез семью в Сержень-юрт и осел там. Но его сыновья Деналбек, Назарбек, Заурбек и Майрбек, получившие светское образование, жили и работали в Грозном. В семье Жамалдина у Зелимхана был друг - его младший сын Асланбек. Дружба эта завязалась четыре года назад. Лицо цвета булата, глаза, горящие каким-то звездным огнем, храбрый орлиный взгляд - эти истинно чеченские черты мальчика с первого взгляда полюбились Зелимхану. Асланбеку было двенадцать лет.

Оставив коня у друзей в Старой Сунже, Зелимхан пошел в город пешком. К счастью, ночь была лунной, и Зелимхан не заблудился. Калитка и ставни окон дома Деналбека были закрыты, но сквозь щели в ставнях пробивались узкие полоски света. Зелимхан постучался заранее условленным паролем. Через какую-то минуту Деналбек открыл калитку и впустил абрека. У Деналбека почти всегда бывали гости, но сегодня, к счастью, кроме брата Асланбека никого не было.

Чеченская национальная интеллигенция к тому времени была очень малочисленна, ее представителей можно было сосчитать на пальцах. Опубликованное в газете письмо Вербицкого каждый из них воспринял как личное оскорбление. В сердцах даже самых либеральных представителей чеченской интеллигенции кипела злоба. Деналбек без всяких слов понял цель визита Зелимхана.

Пока гость не поел, Деналбек не стал его ни о чем расспрашивать. Асланбек, читавший при свете лампы какую-то книжку, подошел к Зелимхану, поздоровался и стал во все глаза глядеть на знаменитого абрека, начисто забыв о своей книжке. Зелимхан завел беседу со своим юным другом:

- Ну, волчонок, как твои дела?

- Хорошо.

- Что это за книжку ты читаешь?

- Я готовлюсь поехать учиться.

- Куда?

- В Полтаву.

- Это где?

- Далеко. Дальше Москвы.

- Разве здесь нет школ, зачем ехать так далеко?

- Я еду изучать военную науку. Такой школы здесь нет. Зелимхан рассмеялся.

- Значит, собираешься воевать против абреков?

- Мой отец тоже офицер, но он никогда не выступал против абреков. Наоборот, он ваш друг.

- Почему ты не идешь изучать другие науки? Инженера, абалканта?

- Я хочу изучать военную науку.

- Ну почему?

- Чтобы освободить чеченский народ от царской власти.

- Значит, ты собираешься стать абреком? Абреку не нужна учеба. Его школа-это леса и горы. Пошли со мной, я обучу тебя этой военной науке.

- Нет, я не стану абреком. Абреки не смогут освободить чеченский народ. Их мало.

- Что же сделаешь ты?

- Я подниму весь народ, все горские народы и, как Шамиль, возглавлю их.

Зелимхан привлек к себе мальчика и обнял его.

- Ты настоящий волк, Асланбек! Но и Шамиль, поднявший все горские народы и воевавший двадцать пять лет, не смог победить царскую власть. Надо убивать хакимов этой власти. Другого пути нет...

Зелимхан поужинал вместе с хозяином дома. Абрек рассказал о своем деле:

- Полконак Добровольский был свиньей. Полконак Галаев - самым жестоким зверем. Дудников - шакал. Но ни они, ни другие, хотя и пытались меня убить, ни разу не оскорбляли меня. Никто не назвал меня бабой и трусом. Они знали, что я

не трусливая баба. А эта ..... по фамилии Вербицкий назвала меня трусливой бабой. Причем через газету, которая раструбила эти слова на всю Россию. Я покажу этому подлецу, кто из нас трусливая баба! Напиши этой проститутке ответ от моего имени и отдай его в газету. Чтобы его прочитали во всех уголках России, как и вызов Вербицкого. Я выйду с ним один на один. Со мной не будет никого. Выбор оружия за ним. Я готов поклясться на Коране в том, что с моей стороны не будет никакого коварства или обмана. Напиши о подлости Дудникова. Если и Вербицкий собирается сыграть в подобную игру, предупреди, что это не пройдет. Он предлагает мне назначить время и место поединка. После получения им моего ответа, я буду ждать его до полудня каждой пятницы на маленькой поляне в трех верстах от Ведено. Я буду ходить туда ровно один месяц. Дудников знает, как найти эту поляну. Напиши, что именно там мы и выясним, кто из нас трусливая баба. Я не убью его. Стяну с него штаны, отрежу мужское достоинство и отпущу! Чтобы он до конца своих дней жил с этим позором!

Деналбек составил письмо в корректных выражениях, запечатал в конверт и надписал адрес газеты "Терек".

- Завтра я отдам это на почту, - сказал он. - Послезавтра оно дойдет до редакции. Некоторых товарищей, работающих в этой газете, я знаю лично. Я напишу им письмо с просьбой опубликовать твой ответ атаману. Но, Зелимхан, этот Вербицкий не будет с тобой драться.

Изумленный Зелимхан уставился на Деналбека.

- Как? Почему? А его слова в газете?

- Они не считают для себя зазорным нарушать договоренности с нами, данное нам слово. Они не считают нас за людей. В их понимании мы - туземцы, разбойники, дикари.

- Тогда почему этот подлец напечатал в газете такой грозный вызов?

- Потому что он действительно подлец. Прежде всего - чтобы унизить тебя, втоптать твое имя в грязь, чтобы люди перестали уважать тебя. Второе, чтобы выглядеть мужественным человеком, героем перед властями и населением, чтобы и те, и другие произносили его имя с почтением. И третье, чтобы ты разозлился, потерял терпение и допустил какую-нибудь ошибку, которой они поспешат воспользоваться. Возможно, эта хитрая лиса преследует и другие цели.

- Разве он не боится, что его назовут трусом, если он не выйдет со мной на бой?

- Нет. Он найдет тысячу причин отказаться от своего слова и выйти незапятнанным из этой ситуации.

Зелимхан ушел от Деналбека с разбитым сердцем. Какая странная это власть. Еще удивительнее ее хакимы. Жестокие. Трусливые. Коварные. Зелимхан написал письмо сардалу области с просьбой прекратить преследовать его. В своем ответе сардал писал, что он, Зелимхан, совершил много зла властям и населению, что по существующим законам он должен быть сурово наказан, что у него нет пути избежать наказания, и что ему не стоит рассчитывать на милость царя. Несколько месяцев назад Зелимхан отправил письмо и в адрес Государственной Думы, в котором он перечислял факты, которые стали причиной его абречества и несчастий его семьи; о том, какой тяжелый путь он проделал в эти последние девять лет, как несправедливо обходилась с ним и с его народом местная власть; просил свободы для себя и для сосланных из-за него в Сибирь безвинных людей. И эта просьба осталась неудовлетворенной. Зелимхан слышал, что какая-то газета опубликовала это письмо.

Теперь на охоту за ним пустили свору шакалов. Несколько тысяч солдат и казаков. Чтобы убить его. Его товарищей. Захватить его семью. Сослать ее в Сибирь. Изгнать из родных краев тысячи и тысячи ни в чем неповинных людей. Разграбить, разрушить и выжечь аулы. А помощи ждать неоткуда. Кроме как от Аллаха. Он

поможет Зелимхану бороться с врагами, мстить им. С помощью Всесильного Аллаха Зелимхан покарает этих врагов Божьих. И, прежде всего, эту трусливую суку Вербицкого...

Письмо Вербицкого опубликовала черносотенная газета "Терские Ведомости". Нечего было и думать, что она напечатает на своих страницах и ответ Зелимхана. Поэтому Деналбек отправил письмо абрека в относительно либеральную в то время газету "Терек". После подавления революции по всей России усилился разгул реакции. Более-менее демократические газеты за малейшее выступление против властей в защиту обездоленного народа тут же закрывались или подвергались огромным штрафом. Поэтому "Терек" не решился опубликовать письмо Зелимхана. Но редакция сделала все, на что у нее хватило сил. Благодаря газете "Терек" письмо дошло до Вербицкого.

Вербицкий, когда его вызывали для наведения порядка в области, был глубоко уверен в своих силах, умственных способностях и большом опыте, приобретенном во время подавления революции в Пятигорском отделе и охоте на абреков в Дагестане. Исходя из этого опыта, он принял решение завершить свою миссию до появления на деревьях листвы, иначе говоря, в апреле.

Атаман был доволен результатами деятельности подчиненных ему сил в Хасав-юртовском округе. Хорунжий Яицкий сообщал оттуда, что местная тюрьма забита арестантами и что отсутствие в них места для новых арестантов сильно тормозит его работу. Хорунжий просил, чтобы атаман позаботился об отправке уже осужденных судом заключенных в лагеря. Вербицкий же в свою очередь вышел с этой просьбой на Михеева.

Отряд провел и ряд успешных операций по разоружению населения в отдельных равнинных и предгорных аулах. Но главная его цель - операция в горах - еще ждала своего часа.

Протоиерей Попов вел активную пропаганду в церкви и печати, направленную на поднятие духа руководства области, бойцов и командиров отряда. Население Британской империи на 88 процентов состоит из инородцев и колониальных народов, говорил святоша. И во Франции их 50 процентов. Эти инородцы живут за тридевять земель от самих Англии и Франции. Но, тем не менее, подчеркивал Попов, англичане и французы умудряются незначительными полицейскими силами держать в слепом повиновении сотни миллионов туземцев. Полиция намертво держит в своих руках их глотку так, что они и пикнуть не смеют. В Российском же государстве инородцев намного меньше, чем собственно русских, продолжал протоиерей. И не за семью морями они живут, а тут, под носом у русских властей. Но все равно Россия не может установить закон и порядок в своих колониях. Это смешно! Русские чересчур добрые, милосердные, мягкосердечные люди. Они хотят ассимилировать, русифицировать инородцев, не применяя к ним жестких методов воздействия. Это было бы очень хорошо. У нас есть шансы со временем ассимилировать все другие народы, распространить среди них русскую культуру. Но на это нечего рассчитывать в Чечне. Эти чеченцы, хотя и считают себя мусульманами, являются самыми что ни на есть язычниками. Они анархисты и разбойники, не признающие никакой власти. Им нужен кнут. Не покоряющемуся кнуту надо дать пулю в лоб. Или проткнуть ему грудь штыком. Хотите ассимиляции и русификации? Тогда выселите чеченцев в Сибирскую тайгу и тундру, в пустыни Средней Азии, распылите их среди других народов по пять-десять семей. Только тогда русские будут жить спокойно в этом благодатном крае!

На сегодняшний день у Вербицкого все шло хорошо. Каждый день до самого вечера в его штабе кипела работа. Гонцы и посильные не успевали приносить донесения и рапорты с мест и уносить из штаба приказы и распоряжения. Изредка Вербицкий выезжал к отрядам. Ночью же атаман освобождал себя от всех дел, перекладывая их на начальника штаба капитана Вобица. Вербицкий каждую ночь гулял и веселился допоздна, после чего заваливался спать. В Грозном ему особенно приглянулся офицерский клуб. Там собирались шикарные дамы, устраивались танцы, на столах всегда стояли изысканные блюда и великолепная выпивка. А

когда все это надоедало, можно было сыграть с офицерами партию в карты.

Сегодня у атамана было особенно хорошее настроение. Ему каждый раз выходила хорошая карта. Перед ним скопилась солидная куча небрежно сложенных купюр. На столе стояли бокалы, наполненные искрящимся шампанским, и открытая серебряная коробка с дорогими сигаретами. Иногда он позволял себе отпускать шутки в адрес снующих по залу дам. Кое-кто из офицеров останавливался рядом и заводил с ним беседу.

- Ну как, господин атаман, ответил Зелимхан на ваше письмо?

- Да.

- И когда состоится дуэль?

- А никогда.

- Почему же?

- Я два раза ездил на условленное место, не опаздывая ни на минуту. Этот трус не явился!

- Удивительно! До сих пор он держал свое слово...

- Здесь нет ничего удивительного, господа. Вы всегда думали, что этот Зелимхан - герой, на самом же деле, как я и сказал ему, это трусливая баба.

Вербицкий ни чуточку не краснел от своей лжи.

Главная задача, поставленная перед отрядом Вербицкого, заключалась в задержании или уничтожении Зелимхана и его абреков и в захвате семьи Зелимхана. Но никто не знал, где находится семья харачойца. Агенты могли лишь сказать, что они укрываются в горах, где-то в верховьях Ассы. А этих гор там было великое множество.

Высокие и не очень. Большие и маленькие. Покрытые дремучими лесами и укутанные в нетающие снежные шубы. Под ними сотни пещер, в любой из которых может поместиться аул средних размеров. Сотни башен. Узкие тропы, с которых запросто можно сорваться в пропасть. А там и костей не соберешь! Разве найдешь там абреков! Они появляются в самых неожиданных местах. Устраивают засады. Внезапно нападают, меткой стрельбой поражают солдат и также внезапно исчезают. А иногда, когда у них достаточно патронов, устраивают засады в таких местах, где один укрывшийся абрек может запросто уничтожить целый отряд. Попробуй с ним справиться! Ведь хорошо известно, что эти абреки не только отважные люди, но и исключительные стрелки.

Поэтому Вербицкий, хотя и скрывал это от всех, боялся проводить операцию в горах. Этот страх усилился, когда он получил ответ Зелимхана. Иные офицеры в шутку говорили ему, что он этим письмом сам подписал себе смертный приговор. Но и отступать он уже не мог. Захваченный этими тяжелыми думами Вербицкий два дня назад во Владикавказе, в канцелярии начальника области, встретился с исполняющим обязанности начальника Веденского округа капитаном Дудниковым.

Создание временного отряда охотников не освобождало начальников округов от выполнения задач по борьбе с преступностью в своих округах. Они по-прежнему обязаны были наводить порядок и укреплять власть на подвластных им территориях. У начальника же Веденского округа, считавшегося гнездом абречества, этой работы было непочатый край. Во время допросов в Харачое один из аульчан сообщил ему, где скрывается семья Зелимхана, нарисовал что-то вроде карты этих мест. По его словам, где-то в верховьях Ассы расположен маленький хутор из нескольких домов с двумя башнями в центре. Он не знал дороги к хутору по ущелью реки, потому что ходил туда через горы, по узким тропам. Харачоец рассказал, что Зелимхан часто посещает там свою семью.

Дудников считал, что именно он, прежде чем кто-либо, обязан захватить Зелимхана, а если это не получится, пленить его семью. Но у него не было военных сил для такой опасной операции в горах. В Веденской крепости располагались рота солдат и полсотни стражников. Если вывести оттуда роту, крепость останется без защиты. Вдобавок, углубляться в горы с одной лишь ротой солдат было чересчур рискованно. Поделившись своими планами с помощником начальника области князем Орбелиани, Дудников попросил помощи. Тот ответил, что временный отряд охотников находится в подчинении Вербицкого, что он не имеет права отдавать ему приказы, и посоветовал договариваться непосредственно с атаманом.

Во время встречи за обедом в ресторане во Владикавказе, Дудников рассказал Вербицкому о своей проблеме.

- Я один знаю, где укрывается семья Зелимхана, но у меня нет военных сил для осуществления операции в горах...

- Сколько солдат в вашем гарнизоне?

- Одна рота.

- Ты должен пленить подростка, которому нет и пятнадцати лет, двух женщин и шестерых детей, так?

- Так. Но я не могу вывести из крепости всю роту целиком. Полроты я бы мог взять с собой.

- Выходит, тебе нужен полк?

- Григорий Николаевич, для захвата Зелимхана и его банды мне вполне хватило бы и роты солдат. Если бы они бились в открытом бою, соблюдая военную науку. Но вы же хорошо знаете их стратегию и тактику. Привлечение к экспедиции больших военных сил преследует особую цель. Эта цель - устрашение населения, помогающего Зелимхану и его шайке. Мне думается, Григорий Николаевич, эта операция - наше общее дело, общий долг. Может, объединимся для операции в верховьях Ассы? Мои - полроты солдат, ваши - рота солдат и казачья сотня. Руководить операцией будете вы. Мне слава не нужна. Главное для меня - успех предприятия.

Вербицкий не стал долго раздумывать. Этот капитан направлен к нему рукой провидения. Успех операции вызывает большие сомнения. Если экспедицию возглавит он, Вербицкий, то и за ее провал придется отвечать ему. Если же он поможет Дудникову, то при любом исходе дела окажется, что атаман выполнял свой долг. А если экспедиция принесет плоды, то и слава достанется именно Вербицкому. Но на это он не особо рассчитывал. Да и среди офицеров такого объединенного отряда не будет единства. Ладно, будь что будет! Главное, самому Вербицкому не надо будет идти в это осиное гнездо!

- Я дам вам роту солдат и казачью сотню, капитан, - сказал атаман, как бы нехотя соглашаясь. - Руководство на себя не возьму. У меня много работы, а времени, наоборот, мало. В помощь вам я выделю трех лучших офицеров своего отряда. Моего помощника Григорчука и подъесаулов Медяника и Вертепова.

На этом и договорились.

Соединившиеся в станице Тарской отряды Дудникова и Григорчука 8 мая выступили по ущелью Ассы на юг, в сторону горы Борах-лам. Три дня гулявшие в станице казаки и солдаты сегодня утром вместе со станичниками выпили для опохмелки и за здоровье гостеприимных хозяев, поэтому находились явно навеселе. Казаки, идущие длинной колонной по два, сразу же за станицей затянули песню. Солдаты же, загруженные походным снаряжением и уже вспотевшие, испуганно озирались по сторонам и плелись за казаками. Офицеры ехали отдельно, тоже по двое. Они негромко переговаривались, шутили и смеялись.

Это было время, когда природа особенно щедро украшает здешний край. Далеко впереди виднелись снежные вершины гор, обмотанные облаками, словно старцы башлыками. Чуть ближе, у их подножий - зеленые леса. На пастбищах по обеим сторонам дороги пасся скот. Цветы на полях и плодовые деревья в цвету создавали вокруг волшебную пестроту. Жители аулов, пропалывавшие кукурузу, завидев отряд, спешно удалялись, подальше от греха. Попадавшиеся на пути горцы тоже спешили укрыться в лесу или на полях, погоняя запряженных в арбы волов. Даже птицы при приближении отряда выпорхали из придорожных кустов и уносились прочь.

Уже через несколько верст отряд начал свою "работу". Ехавший впереди отряда маленький разведывательный разъезд во главе с урядником Тонкогубовым в чаще, там, где дорога делает поворот, наткнулся на ингуша. Это был молодой человек лет двадцати пяти, среднего роста, с длинноватым лицом, высоким лбом и аккуратными тонкими усами. На голове горца красовалась невысокая каракулевая папаха, живот стягивал ремень, на котором висел кинжал. С боку к ремню была прикреплена кобура с револьвером. Пятеро казаков окружили ингуша, направили на него винтовки и потребовали сдать оружие.

В голове молодого ингуша завертелся целый клубок мыслей. Это был житель аула Сурхахи, шел он на вечеринку в Экажево. Кинжал-то парень мог отдать, это был его собственный кинжал, револьвер же он взял у друга, специально на вечеринку. Если он отдаст его казакам, то покроет себя несмываемым позором. После этого он не сможет показываться на людях, друзья отвернутся от него, ни одна девушка не посмотрит в его сторону. Может быть, в лицо никто ничего и не скажет, но за спину все будут осуждать его за трусость. Никто не будет с ним считаться. Нет, лучше смерть, чем этот позор. Этих гяуров пятеро, а у него в револьвере семь патронов. Если он внезапно нападет на них и убежит в чащу, у него есть шанс спастись. Для первого выстрела ингуш выбрал казака с какими-то рисунками на погонах.

Молодой человек тянул время, спорил, но убедившись, что казаки намерены отобрать у него оружие, даже если для этого придется его убить, стал медленно доставать из кобуры револьвер, незаметно взводя курок. Первым выстрелом ингуш уложил урядника, вторая пуля нашла казака рядом с ним. Проворно отскочив в сторону и укрывшись в чаще, он продолжил стрельбу оттуда. Когда у него кончились патроны, горец вскочил и побежал, и в этот момент пуля поразила его в спину.

На выстрелы прискакали казаки.

- Что здесь произошло? - спросил Григорчук, увидев раненых казаков.

- Мы наткнулись на разбойника. Он неожиданно выхватил оружие и стал стрелять...

- Где этот разбойник?

- Валяется в чаще, - казак мотнул головой в сторону. Григорчук соскочил с коня, осмотрел рану Тонкогубова и недовольно покачал головой. Пуля вошла в грудь урядника и застряла там. Рана второго казака была не опасной. Ему пуля попала в плечо и прошла навылет, не задев кость.

После этого капитан подошел к трупу горца, застрявшему в кустах орешника. Григорчук разжал пальцы убитого, вырвал из его руки револьвер и положил себе в карман. Приказав казакам снять с трупа ремень и кинжал, он отошел в сторону. Казаки выполнили его приказ. Они сняли с убитого не только ремень и кинжал, но и папаху, черкеску, сапоги.

Уложив раненых на повозки, отряд продолжил путь. Добравшись до Сурхахи, Григорчук вызвал к себе местного старшину, поручил ему доставить раненых казаков в Тарское и указал место, где лежит убитый ингуш.

Когда отряд вступил в ущелье Ассы, навстречу идущему впереди разъезду попались два ингуша. Одному было лет сорок, другой был глубоким стариком. Молодой был вооружен берданкой, с плеч старика свисали переметные сумы. Когда казаки потребовали сдать оружие, ингуш без всякой паники не спеша снял берданку с плеч и неожиданным выстрелом убил наповал одного из казаков. Сделать второй выстрел он уже не успел - пуля из винтовки одного казака и шашка другого вонзились в его тело одновременно. Сбросив на землю переметные сумы, старик бросился бежать. Отскочить в сторону он не мог - с обеих сторон к дороге подступали вертикальные стены высоких скал. Старик бежал зигзагами, чтобы в него не могли целиться, но не сумел пробежать и двадцати шагов - пули казаков настигли старого ингуша.

Других двух ингушей, попавшихся им навстречу примерно через час пути, казаки убили без всяких разговоров.

Капитан Дудников был жестоким человеком, но уважал воинские законы и порядок. Убийство двух ингушей, оказавших вооруженное сопротивление, он мог понять и оправдать, но был очень недоволен убийством трех мирных, безоружных горцев. Перед его глазами стоял бегущий зигзагами, отчаянно пытающийся спастись старый ингуш.

- Капитан Григорчук, надеюсь, вы не допустите впредь такой жестокости, - сказал он ехавшему рядом Григорчуку.

- О какой жестокости вы говорите, капитан?

- Об убийстве ни в чем неповинных людей.

- Убийство ими одного и ранение трех казаков вы не считаете виной? Может быть, и урядник Тонкогубое уже отдал концы.

- Только двое ингушей оказали вооруженное сопротивление, ранили и убили казаков. Только двое. Остальные трое были безоружны и не оказали никакого сопротивления. Один из них был ровесником твоего деда. Даже его вы позволили убить!

- Я сам буду отвечать за свои приказы.

- Да ни перед кем вы не ответите, и никто не будет требовать у вас ответ - вы ведь не оставили свидетелей. Что было, то было, там уже ничего не исправить. Но впредь прошу согласовывать свои приказы со мной.

- Господин капитан, - грубо заговорил Григорчук. - Я не думаю, что должен согласовывать здесь с кем-то приказы, которые я отдаю своим солдатам и казакам. У меня только один начальник - Вербицкий. В его отсутствие я сам себе командир.

- Попрошу не забывать, капитан, что именно я руковожу этой операцией и за ее последствия отвечать тоже мне.

Пестрое от оспинок лицо Григорчука побелело.

Этот спор между капитанами возобновился на второй день, теперь уже на военном совете. Первым на пути отряда лежал ингушский хутор Цорхе. По сведениям, собранным Дудниковым через свою агентуру, в этом хуторе проживал человек по имени Габис, у которого Зелимхан часто останавливался. Дудников планировал внезапно окружить хутор, обыскать сакли и собрать оружие. Там мог оказаться и Зелимхан, говорил он, если не он, так другие абреки. Григорчук выступил против этого плана. На выполнение плана Дудникова, возражал он, уйдет целый день. За это время везде в горах узнают о прибытии сюда отряда. Шайки абреков объединятся и станут нападать на отряд, устраивать засады. В этом случае отряд понесет большие потери. Поэтому нужно неожиданно напасть на хутор, задержать всех мужчин-хуторян и забрать их с собой, чтобы они не трубили по горам о нашем появлении. Большинство офицеров поддержали Григорчука.

Цорхе состояло из полсотни домов, разбросанных на склоне горы на берегу Ассы. Сакли были построены из разнообразных материалов - стены одних были выложены из камня, других - самана, а стены третьих представляли собой плетеные щиты, обмазанные глиной. Изредка попадались крыши, покрытые черепицей, в основном же они были земляными. К иным саклям можно было подъехать на арбе, к другим вели только пешеходные тропинки.

Шедшие в авангарде казаки разбрелись по узким улочкам хутора, беспорядочно стреляя по сторонам. Некоторые кричали и размахивали шашками. Подоспевшие солдаты дали несколько пулеметных очередей в воздух. Послышались крики, визг женщин и детей. Они в панике бегали по улицам, но мужчины прикрикнули на них, и они попрятались в саклях. Собаки лаяли и стали набрасываться на солдат и казаков, но пули и шашки заставляли их затихать.

Неожиданный ружейный залп из двух саклей повалил нескольких солдат и офицеров. Обстреляв эти сакли из пулеметов, солдаты, прячась за деревьями и перебегая от одного укрытия к другому, попытались приблизиться к ним. Но меткая стрельба из окон отсекала им все пути подхода.

Дудников остановился на высотке за хутором под большим тутовым деревом и оттуда руководил операцией. Он не знал, где расположена сакля Габиса, о котором рассказывали его агенты. Капитан приказал привести к себе любого местного ингуша и расспросил его об этом. Сакля Габиса была одной из двух обороняющихся. По узким и кривым улочкам хутора было трудно и опасно скакать верхом на коне, поэтому казаки спешились, привязали коней на окраине хутора и выставили к ним охрану.

Когда из одной сакли огонь прекратился, Григорчук окружил ее силами пеших казаков. Наступающие долго обстреливали окна, но в ответ никто не стрелял. Григорчук стал размышлять. Может, им удалось уйти? Или они все убиты? Кончились патроны? А могут ведь и какую-то хитрость задумать. Капитан решил отправить в саклю кого-нибудь из местных жителей. Казак привел старика и женщину из соседней сакли. С помощью другого казака, знавшего чеченский язык, Григорчук объяснил, что от них требуется.

- Посмотрите, есть там кто живой. Если нет, принесите их оружие.

Старика и женщину грубо толкнули в сторону сакли. Старик быстро вышел наружу.

- Там трое убитых мужчин, - сообщил он.

Вслед за ним со страшным криком выскочила женщина.

- Люди, на помощь! Эти гяуры убили моего сына! Женщина набросилась на Григорчука, схватила его одной рукой за волосы, а ногтями другой стала царапать лицо.

- Уйди отсюда, ведьма! - кричал капитан.

На помощь ему прибежал казак. Но женщина не отпускала офицера.

- Стукни ее по башке! - заорал Григорчук. Крупный казак ударом в голову большого, как молот, кулака повалил старуху на землю.

- Будь ты проклята, ведьма! - Григорчук изо всех сил пнул в живот лежащую без сознания женщину.

Пятнистое лицо капитана было обезображено глубокими царапинами.

Хотя старик и сказал, что в сакле нет ни одного живого человека, Григорчук все же из осторожности пустил перед собой двух казаков. Как только первый из них переступил порог, раздался выстрел. Казак отпустил винтовку, схватился за живот,

медленно осел и свалился на бок. Второй казак выстрелил в саклю.

- Больше здесь никого нет, ваше благородие, - сказал он, обернувшись.

Григорчук вошел внутрь. В маленькой комнате лежали три трупа, двое у окон и один в углу напротив двери. Рядом с каждым из них валялись берданки. Лежащий в углу погиб не сразу. Видимо он, собрав последние силы, отполз в угол и выстрелил в первого вошедшего казака. Это был его последний патрон.

Григорчук выскочил во двор, намереваясь наказать обманувшего его старика, но ни его, ни женщины там уже не было. Капитан, в поисках старика, вошел в соседнюю саклю. Там он увидел только испуганно прижавшихся друг к другу двух женщин и мальчика. Старик пропал.

Григорчук услышал стрельбу и крики солдат и казаков в нижней части хутора. Посмотрев туда, он увидел около полусотни коней, скачущих в сторону Алкуна. Оставив раненого под охраной одного казака, капитан побежал туда.

Укрывавшимся во второй обороняющейся сакле пятерым абрекам удалось уйти. Пока солдаты и казаки обстреливали окна и дверь они по одному взобрались на чердак, соскочили с него в огород, под прикрытием густых зарослей выбрались из окружения. Абреки отвязали коней, взяли себе по одному и ускакали на них. Остальные кони, испуганные стрельбой, понеслись в сторону Алкуна. Погнавшимся за ними казакам с трудом удалось выловить их.

Итоги первой операции временного отряда охотников были плачевными. В первый же день убит один и ранено трое казаков. Причем, сделали это не какие-то там абреки, а два мирных путника, под носом у сотни казаков и около двух рот солдат. В маленьком хуторе Цорхе убито шесть казаков и десять солдат, ранено восемнадцать. Отряд же уничтожил трех разбойников, убил двух мужчин, одну женщину и двух детей. Одним из убитых оказался разыскиваемый Дудниковым Габис.

Дудников был расстроен и зол. Пятеро абреков ушли из хутора, окруженного четырьмястами солдат и казаков. На конях казаков, убив двух часовых.

Григорчук тайно радовался, что операция завершается позором для Дудникова. Когда он, Григорчук, бегал по хутору под пулями разбойников, возомнивший себя Наполеоном Дудников сидел под деревом на его окраине. Рассылая гонцов с глупыми приказами.

Где-то разыскали старшину хутора, которому поручили собрать у тутового дерева, где Дудников установил свой командный пункт, всех мужчин.

- Зелимхан был здесь этой ночью? - грозно спросил руководитель экспедиции у собравшихся хуторян.

Старшина вышел вперед.

- Нет. Нам не известен ни один случай, когда он останавливался здесь.

- Ты веришь в своего Аллаха?

- Да, я верующий человек.

- Тогда почему ты врешь, старый козел!

- Я не вру. Я никогда не видел в нашем хуторе Зелимхана и никогда не слышал, чтобы он бывал здесь.

- Но я же знаю, что он часто бывал в доме Габиса! Почему ты, живущий здесь, не знаешь этого? К тому же ты старшина, который должен знать все, что происходит в этом хуторе.

- Я не знаю. И никто из присутствующих здесь тоже не знает. Если бы Зелимхан бывал здесь, кто-то да знал бы об этом.

- А кто это воевал с нами, укрывшись в двух саклях? Разве не абреки?

- Нет. Это были не абреки, это были приехавшие к нам гости.

- С каких это пор у вас заведено, чтобы гости воевали в доме принявшего их хозяина?

- Такого обычая у нас никогда не было. Нет его и сейчас.

- Тогда почему эти твои гости из сакли приютившего их человека стреляли в царских солдат?

- Во-первых, первыми начали стрелять ваши солдаты, ворвавшиеся в хутор. Во-вторых, гости мстили вам...

- Месть? Какая месть?

- За убитых вами вчера пятерых ингушей. Это были родственники убитых, остановившиеся у нас на обед...

Заложив руки за спину, Дудников стал расхаживать из стороны в сторону. В конце концов, он остановился перед старшиной.

- Вы знаете, что я с вами сделаю за то, что вы приняли у себя этих разбойников? Я превращу ваш хутор в пепел!

- Это были гости. Мы не имеем права не впускать гостей...

- Это были разбойники! У вашего народа нет обычая оказывать гостеприимство разбойникам!

- Это были мирные люди. Вышедшие на благородную месть за убитых вами ни в чем неповинных людей!

Дудников замахнулся и ударил старшину плеткой в лицо. Из носа старшины потекла кровь, на щеке появилась красная полоска. Ингуш грозно посмотрел на капитана, но не проронил ни слова. В этом взгляде просматривалась неприкрытая ненависть, которая никогда не уступит место миру и дружбе.

- Обыскать все сакли! Искать скрывающихся там разбойников! Искать оружие! Разбойников и укрывающих оружие схватить и доставить сюда! До завершения операции ни одного человека отсюда не отпускать! - приказал Дудников стоящим рядом офицерам.

Лица солдат и казаков, понявших истинный смысл приказа, засияли. Они разбрелись по хутору, спеша раньше других добраться до наиболее богатых жилищ. Уверенный в их усердии Дудников устроил с офицерами короткий военный совет.

- Итак, господа, что нам предпринять дальше?

- Все, что нужно сделать, вы уже сказали жителям хутора, - сказал Григорчук. - Надо сжечь хутор и продолжить продвижение на юг, к Борах-ламу.

Дудников посмотрел на остальных семерых офицеров. Они молчали. И было непонятно, то ли офицеры согласны с Григорчуком, то ли не хотели вмешиваться в спор двух старших офицеров.

- Я против сожжения аула, - сказал Дудников, не дождавшись от младших офицеров ни слова. - Из-за того, что казаки вчера ни за что убили пятерых ингушей, их родственники сегодня убили шесть казаков и десять солдат, ранили

восемнадцать человек. До конечной же цели нашей экспедиции еще далеко. Если мы сожжем этот хутор, разъяренные люди присоединятся к пяти убежавшим горцам, созовут еще людей и будут нападать на отряд. Мы понесем большие потери. Я согласен сжечь две сакли, в которых оборонялись разбойники. Потом мы продолжим поход туда, где, по нашим сведениям, укрывается семья Зелимхана. Главная задача отряда - захват разбойников и семьи Зелимхана.

Выцарапанное женщиной лицо Григорчука горело.

- В инструкции, врученной нашему отряду его превосходительством Михеевым, прямо сказано: жестоко карать аулы в целом и отдельных людей, оказавших сопротивление отряду или отказавшихся выполнить его приказ. Этот хутор оказал нам вооруженное сопротивление. Здесь убиты и ранены казаки и солдаты. Надо сурово наказать этот хутор, чтобы был пример другим хуторам и аулам. Другими словами, хутор надо сжечь.

- Нам оказал сопротивление не хутор, господин штабс-капитан, а оказавшиеся там посторонние люди. Вернее, остановившиеся там на отдых проезжие. Завершайте обыски, сожгите обозначенные мною сакли и готовьтесь трогаться в путь.

Рассерженный Григорчук, забыв о царапинах, провел рукой по лицу. Везде появились пятна крови.

Обыски завершились примерно через час. Солдаты и казаки нашли одну берданку и несколько кинжалов. Но каждый из них под мышкой и на плечах нес большие свертки с награбленным добром. Офицеры не среагировали на это никак, сделав вид, что ничего не заметили. Позже солдаты и казаки должны были отдать офицерам их долю награбленного.

После полудня отряд продолжил путь на юг. Еще до того, как охотники сделали первый шаг, по горам уже разнеслось известие о содеянном им в Цорхе. Сын убитого Габиса позвал на помощь свой тейп. К ним присоединились и родственники убитых вчера пятерых ингушей. Они пропустили отряд в глубь гор. Не найдя место, о котором Дудникову сообщил харачоец, отряд повернул назад. На каждом шагу натыкаясь на засады, неся большие потери, он с трудом выбрался на равнину.

Но Вербицкий в рапорте на имя начальника области написал, что в ходе этой операции отряд уничтожил десятки абреков, захватил большое количество воров и грабителей, собрал много оружия. На самом же деле отряд не уничтожил ни одного абрека, убитые и захваченные им горцы были мирными жителями. Никто не стал заниматься подсчетом изъятого оружия и установлением степени виновности или невинности убитых и захваченных горцев. Властям не было до этого никакого дела. Участвовавшие в операции солдаты и казаки сочиняли небылицы о своих подвигах в горах. Поэтому власти, богачи и мещане встречали их как героев.

По приказу наместника Кавказа Воронцова-Дашкова жителей Цорхе переселили на равнину, а сам хутор сожгли...

ГЛАВА XVIII ДВА ВРАГА

Кто обречен Зелимханом на смерть, тот будет убит.

Его не спасет ни отставка, ни переселение.

Профессор П. И. Ковалевский

Зелимхан просто не верил словам Деналбека о том, что Вербицкий не придет на условленное место. Атаман не назначил место дуэли. Не пришел он и на назначенное Зелимханом место. Опозорив его на весь край, выставив себя героем, Вербицкий спрятался, как трусливый заяц.

Но Зелимхан не имеет права оставить его безнаказанным. Он пустил за Вербицким свои глаза и уши. Получив однажды сообщение, что атаман на поезде приедет из Владикавказа в Грозный, Зелимхан сменил свой обычный костюм, загрузил разнообразными товарами арбу, запряг в него волов и поехал на станцию. Абрек дежурил три дня, встречая каждый прибывающий поезд. Но Вербицкий так и не приехал.

В другой раз Зелимхану донесли, что его враг гуляет в Грозненском отеле "Франция".

К дежурившему ночью у отеля харачойцу подошел Деналбек.

- Аллах помог мне успеть к тебе, пока ты ничего не натворил! - Деналбек задыхался от бега. - Пошли, надо как можно быстрей уходить отсюда.

- Почему? Я не уйду отсюда, пока не убью эту проститутку!

- Никто точно не знает, здесь он или нет. Разве ты не видишь этих полицейских и жандармов? Пошли отсюда! Мне сообщили, что ты здесь, поэтому я и пришел сюда! Быстрее!

- Я никуда не пойду!

- Молю тебя именем твоего устаза Киши-Хаджи, послушайся меня!

- Остопируллах! Зря ты пришел!

Поняв, что без него Деналбек не уйдет, Зелимхан последовал за ним. По правде говоря, сообщение о том, что Вербицкий находится в этом отеле, действительно могло оказаться ложным. Может быть, он ушел до появления здесь абрека, ведь уже далеко за полночь.

Два дня назад поступила информация, что атаман проедет сегодня по Военно-Грузинской дороге, направляясь в Тифлис. Прибыв рано утром вместе с десятью товарищами в Дарьяльское ущелье, Зелимхан устроил засаду на берегу Терека. Хотя уже наступил первый месяц осени, стоял теплый день, на безоблачном небе ярко светило солнце. Вверх по Тереку дул слабый ветерок, который приятно ласкал тело. Зелимхан откинулся на расстеленную на траве под высокой древней чинарой бурку и, положив руки под голову, наблюдал за ястребом, парящим высоко в небе, под самыми облаками. Рядом слышался шум маленькой быстрой речушки, которая, выбравшись из тисков узких берегов, с радостным журчанием вливалась в Терек. Товарищи Зелимхана по очереди наблюдали за дорогой.

Десятки лет по этой дороге разъезжали люди на арбах, телегах, фаэтонах. А в последние годы появились автомобили под названием "Бенц", которые имели восемь пассажирских мест. Автомобиль этот издавал оглушительный шум и выбрасывал клубы дыма, который разъедал глаза. Он дребезжал, подбрасывая вверх и из стороны в сторону сидящих в ней пассажиров, но люди считали большой

честью передвигаться на нем.

Зелимхану сообщили, что Вербицкий купил билет на этот автомобиль. Дежурившие на дороге Аюб и Абубакар услышали шум автомобиля. Когда машина приблизилась, Аюб вышел на середину дороги и поднял руку. - Стой! Астанавись! - крикнул он.

Абубакар стоял в стороне.

Увидев на дороге молодого человека с винтовкой на плече, обвязанного патронташами, с двумя бомбами за ремнем и свисающим на боку маузером, шофер не стал дожидаться повторения команды. Пару раз кашлянув, выдохнув черный дым и задрожав, машина остановилась.

Аюб быстро оглядел пассажиров - в машине сидели четверо мужчин и четыре женщины. Две женщины из четырех - молодые красавицы лет по двадцать. Зелимхан и его товарищи никогда не видели Вербицкого, не знали его в лицо. Двое из мужчин не могли им быть, другие двое подходили по возрасту.

- Выходи па аднаму, падхади ка мине!

Первым вышел из машины невысокий полный мужчина, одетый во все черное и с висящим на шее большим серебряным крестом. Следом сошла женщина и стала рядом с ним. По-видимому, это были муж и жена. Вытащив из кармана сутаны золотые часы и кошелек, мужчина протянул их Аюбу:

- Я священник. А это моя супруга. Кроме серебряного креста и цепочки, ничего ценного у нас нет.

- Что это такое? - Аюб оттолкнул руку священника. - Нам не нужны твои деньги, золото и серебро. Нам нужно другое. Уберите в карман ваши часы и кошелек!

Молодые девушки испугались, решив, что абреки собираются увести их в лес и подвергнуть насилию.

- Господин Зелимхан! О вас идет молва как о благородном человеке, неужели вы собираетесь надругаться над женщинами? Сжальтесь над нами!

- Бог покарает вас, если вы опозорите нас!

- Не кричите! Я не Зелимхан. Я его адъютант Аюб Тамаев. Сейчас вы увидите Зелимхана. Мы не воюем с женщинами, как это делают ваши солдаты. Сидите в машине. А вы, мужчины, идите за мной.

Когда к нему подвели пассажиров, Зелимхан встал и оглядел их. Ни один из них не был похож на Вербицкого. Но Зелимхан знал, что можно менять внешность путем наложения усов и бороды, надевания парика и другими способами. Иногда ему самому приходилось менять свою внешность.

- Кто из вас атаман Вербицкий? Который назвал меня трусливой бабой? Который вызывал меня на поединок?

Который побоялся назначить мне место для встречи и который не решился явиться на назначенное мною место? Который охотится за мною во главе целого войска? Который истязает безвинных женщин, детей и стариков? Выходи вперед! Будем драться выбранным тобой оружием на глазах всех этих людей!

Испуганные грозными словами Зелимхана пятеро мужчин на какое-то время притихли. Первым заговорил высокий мужчина с черными усами и бородой, с обритой наголо головой:

- Батоно Зелимхан! Я не Вербицкий! Я грузинский купец... торгую вином... Если вам нужны деньги, у меня они есть...

Поняв по акценту, что это на самом деле грузин, Зелимхан движением руки остановил его.

- Ты кто? - повернулся он к худощавому человеку.

- Я шофер этой машины, господин Зелимхан... - протянул он вперед мозолистые руки, покрытые масляными пятнами.

Зелимхан отошел и от него. Следующим был священник. - Я раб Божий, священник, господин Зелимхан...

- Эти волосы и борода у тебя настоящие, не накладные?

- Упаси Боже! Я ношу те, что дарованы мне Богом! - священник дернул себя за бороду.

- Я верю. Вы трое уходите.

Вперед вышел человек, одетый в полосатый костюм, с белой шляпой на голове и обутый в туфли с узкими и длинными носками, чуть закрученными к верху. Лицо человека было гладко выбрито.

- Господин Зелимхан, я не Вербицкий и даже не русский, я француз. Артист цирка. Фокусник. Девушки в машине - мои ассистентки. Посмотрите, вот моя специальность!

Француз потер руки, как бы моя их под водой, и в них появилось яйцо. Потом он подошел к одному из абреков и вытащил яйцо из его кармана. Он покрутил перед глазами абреков пустую внутри шляпу, положил ее на землю, покрутил над ней рукой, перевернул ее и стал доставать из нее разноцветные ленты. Фокусник подходил к абрекам и вещи одних из них стал доставать из карманов других.

Абреки удивленно восклицали:

- Остопируллах!

- Чудеса Аллаха! - Бозбуунчалла!

Зелимхан видел такое в первый раз и был удивлен не меньше товарищей, но не подавал вида. Со стороны можно было подумать, что харачоец по десять раз на дню наблюдал такие представления. Поблагодарив артиста и похлопав его по спине, Зелимхан отпустил его.

Оставался только один пленник.

Это был приятный человек лет сорока с круглым чисто выбритым лицом. Одет он был в черный суконный костюм, с черной фетровой шляпой на голове и в таких же черных туфлях на ногах. На согнутой левой руке мужчины висел белый плащ, в правой руке он держал зонт с изогнутой в конце, как у посоха, ручкой. Внимательно наблюдая за всем происходящим, мужчина молча стоял в стороне.

Это был Федор Шаляпин.

Он много слышал о жизни и подвигах Зелимхана. Читал он и письмо Зелимхана в Государственную Думу. По прибытии во Владикавказ он узнал, что за абреком охотится большой карательный отряд во главе с Вербицким. Читал он и пошлое письмо атамана, адресованное харачойцу. Поэтому певец понял, что Зелимхан ищет своего врага Вербицкого.

Родившийся в бедной семье, испытавший в детстве не мало лишений, выходец из народа Шаляпин питал в душе горячую любовь и уважение к этому знаменитому и несчастному абреку. Но он никогда не смел даже надеяться на личную встречу с ним.

"Нет, этот тоже не Вербицкий, - думал Зелимхан, глядя на пленника. - У него особые черты. Человечные, добрые. Печальные глаза, бесстрашный взгляд. Все это не может принадлежать жестокому, коварному и трусливому человеку..."

Взгляды их встретились. Шаляпин, чуть кивнув, поклонился.

- Знаменитый Зелимхан! - произнес он, широко улыбнувшись. - Как бы мне не хотелось этого, но вынужден огорчить вас. Я тоже не Вербицкий.

- Кто же ты?

- Мое имя вам ничего не скажет.

- Я знаю, что ты не офицер. Купец, инженер, богач - кто ты?

- Ни тот, ни другой и ни третий. Я артист. Певец Федор Шаляпин. Мой паспорт остался в машине, в чемодане.

Зелимхан подошел к певцу и, взяв его за руку, указал на расстеленную бурку:

- Присядь. Ты сказал, что твое имя мне ничего не скажет. В этом ты ошибся. Я не знал тебя до сих пор лично, но не раз слышал о тебе. В Грозненской тюрьме и Сибирской ссылке. Там попадались хорошие певцы, они часто рассказывали о тебе. Они говорили, что ты король певцов. Что же касается паспорта... Он не нужен певцу и абреку. Паспорт им заменяют их профессии и дела. В те редкие минуты, когда удается отдохнуть, мы тоже поем песни и исполняем назмы. Певец обладает мощным оружием и огромной силой. Он заменяет тысячи воинов. У чеченского народа есть легенда о певце. В давние времена многочисленные войска одного могущественного и жестокого царя вторглись в наши края. Они загнали чеченцев высоко в горы. Но чеченцы не покорились этой силе. Они спускались с гор и нападали на врага, делали ночные вылазки. Тогда царь захватчиков направил в горы свои лучшие войска с самым опытным и мудрым полководцем во главе. Он получил приказ уничтожить всех чеченцев и принести доказательство того, что ни одного из них нет в живых. Возвратившийся через некоторое время полководец доложил царю о том, что все чеченцы до единого уничтожены. "Какое доказательство ты принес?" - спросил царь. Войско полководца сложило огромную гору из отрубленных голов убитых чеченцев. "Ты убил чеченского народного певца, принес мне его пандур?" - спросил царь. Тот ответил, что не принес. "Значит, ты не уничтожил чеченский народ. Пока жив певец и пока в его руках пандур, чеченский народ не умрет. Возвращайся в горы и принеси мне голову певца и его пандур!" Царь отправил полководца и его войско обратно в горы. Чеченцы уважают певца и почитают пандур. Ты говоришь, что ты Федор Шаляпин, певец. За эти девять лет, что я абречествую, многие пытались меня обмануть. И коварные, и трусливые, и просто хитрые. Я не хочу сказать, что ты из их числа. Нет, ты не похож на них. И все же, в подтверждение того, что ты действительно Шаляпин, спой нам. Певец растерялся.

- Я знаю песни только на русском языке...

- Ничего. У песен всех народов один общий язык - это голос, мелодия. Мы поймем тебя.

- Я знаю одну чеченскую песню, записанную русским писателем. Про абрека Хамзата. Я спою ее для вас.

Шаляпин встал, отошел на несколько шагов и остановился, повернувшись лицом к абрекам. Медленно оглядев лицо каждого абрека, певец остановил свой взгляд на вершинах гор и запел:

Подымите песню большой старины, Как были гехинцу Гамзату верны. За Терек ушли от погони, И лодками стали их кони. Нагайки их веслами стали, Шли кони, пока не устали. Тогда, окруженны врагами, Гехинцы легли за стогами...

Приятный, своеобразный голос певца разнесся по берегам Терека. Этот мощный и вместе с тем нежный голос заглушал шум буйной реки.

"Сдавайтесь!" - враги им кричали, Их пули в кольчуги стучали. "Довольно сверкать вам очами, Нет крыльев у вас за плечами, Чтоб в небо взлететь бы ретивым, Когтей нет, чтоб в землю уйти вам!" Вскричал им Гамзат: "Вы забыли, Что крымские ружья - нам крылья! Что когти нам - шашки кривые, И мы не сдадимся живые!"

Шаляпин изредка бросал взгляд на абреков. Они внимательно слушали мелодию песни. Абреки знали слова. Они и сами ее пели, когда враги наседали на них...

Вскричал тут Гамзат муталимам: "Сражайтесь неутомимо! А вы, перелетные птицы, В Гехи полетите проститься. За нас полетите проститься, Скажите, как стали мы биться..."

А песня раздавалась все шире. Временами казалось, что горы и леса подпевают певцу, а бурный Терек плачет под эту печальную мелодию...

"...Скажите красавицам ясным, Что умерли мы не напрасно, Что плечи свои не согнули, Подставив, как стены, под пули. Лежим на Черкесском холме мы, Недвижны в крови мы и немы. Мы голые шашки сжимаем, К нам волки приходят, хромая..."

В песне рассказывалось о несчастной доле таких же абреков, как и они. Они не раз оказывались в подобных ситуациях. Перед их глазами вставали образы погибших друзей. Отцов, матерей и семей, которых терзают власти...

"...И вороны к нам налетели, Не сестры поют нам - метели. Скажите народу вы, птицы, Что нами он может гордиться..." И бросились в бой муталимы, Сражаясь неутомимо. Так пали гехинцы, Гамзату верны, У Терека пенистой, вольной волны...

Когда песня закончилась, голос Шаляпина, медленно затихая, исчез в горах и лесах, утонул в мутных водах Терека. Певец печально посмотрел на тихо сидящих перед ним абреков.

"Когда-нибудь такая же геройская смерть настигнет и каждого из этих одиннадцати человек...", - тяжело вздохнул он.

- Спасибо тебе, Федор. Ты увидел сегодня усталых, печальных, несчастных абреков - не смейся над нами. Несправедливость и жестокость властей вывели нас на эту безрадостную и трудную дорогу. Мы нисколько не рады своей судьбе. Хотя нас оторвали от семей и односельчан, разлучили с близкими и родными, хотя живем в диких условиях, словно звери, мы остаемся людьми. Не сегодня, так завтра нам тоже придется принять смерть, как гехинцу Гамзату и его товарищам. Наши матери рожали нас не для абреческой жизни...

- Я знаю, Зелимхан. Я читал ваше письмо в Государственную Думу...

- Значит, ты знаешь все. Вернее, не все, а главное, о своих муках знаю только я один. До того, как власти заставили меня выйти на тропу абрека, у меня был старый дед, были отец, два его брата, два родных брата, много двоюродных братьев. Мы жили мирно, без вражды и ненависти к кому бы то ни было. Обрабатывали землю, пасли скот. Сейчас нет никого из них. Все убиты. Властями и, с их помощью, кровниками. И вражду нашу с кровниками создала тоже эта власть. У меня остался один брат, ему только четырнадцать лет. Он тоже пошел по моему пути. У него нет иного выхода - если останется дома, его убьют власти или кровники. У меня есть жена и пятеро малых детей. Есть вдова брата с маленьким сынишкой. Им приходится укрываться в горах, часто меняя место. Их жизнь тоже сопряжена с ежеминутной опасностью. За ними охотятся власти, как гончие за зверем. За двумя женщинами и шестью детьми. Такое же горе у каждого из моих товарищей.

Провожая Шаляпина к машине, Зелимхан остановил его, когда они оказались

одни.

- Поэтому, Федор, не смейся над нами, не осуждай нас за то, что твоя песня растопила наши сердца. И не рассказывай об этом никому. Над нами будут смеяться наши враги, говоря, что песня Шаляпина заставила плакать Зелимхана и его товарищей, словно каких-то женщин. Ну, счастливого пути.

Шаляпин забрался в машину и сел на свое место. Шофер покрутил ручку, и машина, кашляя, дергаясь и выплевывая черный дым, нехотя завелась.

Пассажиры не прекращали махать руками смотревшему им вслед Зелимхану. Машина скрылась за поворотом.

Отряд Вербицкого, разделившись на несколько частей, при поддержке солдат местных гарнизонов, проводил операцию за операцией. Главные их силы находились в горах Чечни и Ингушетии. Отряд проводил там те же операции, что и в Цорхе. Под предлогом поиска абреков, воров, грабителей и оружия, солдаты врывались в убогие сакли горцев и уносили их нехитрый скарб. А если в руки не попадало разбойников, хватали безвинных мирных людей и довершали дело сожжением целого аула или отдельных дворов.

Все тюрьмы области были наполнены арестантами. Чтобы освобождать место для новых задерживаемых, в спешном порядке проводились подобия судебных разбирательств, горцев приговаривали к различным срокам и тысячами отправляли в северные губернии России и в Сибирь.

Зелимхан не бегал от охотящихся за ним карателей. Наоборот, он активизировал борьбу против властей.

До этого года отряд Зелимхана был довольно малочисленным. Дело было вовсе не в невозможности сколотить большой отряд. Нет. Просто до сих пор в этом не было нужды. Многочисленному отряду было бы трудно бороться с наседающими войсками, неожиданно нападать на них и быстро уходить от преследования. Более того, при наборе людей в отряд могли просочиться предатели и агенты властей. Однажды уже была попытка внедрить в его отряд агента. У Зелимхана вызвал сомнения какой-то человек, просившийся в отряд. Зелимхан предложил ему убить начальника Грозненского округа подполковника Стрижева, и прийти после этого. Больше этот человек не показался.

После этого случая Зелимхан тщательно проверял каждого, кто просился к нему в отряд. Человек, убивший какого-нибудь чиновника, потерявший от рук властей отца, брата или родственника, совершивший побег из каторги, преследуемый властями, не выдержавший несправедливостей, творимых властью по отношению к народу, и поклявшийся мстить ей - только таких людей принимал харачоец в свой отряд.

С весны этого года, с тех самых пор, когда власти активизировали охоту на него и под этим предлогом стали терроризировать народ, Зелимхану пришлось увеличить свой отряд. Да и желающих стать под его знамена сейчас было несравненно больше, чем когда-либо до этого. Это был результат бесчинств отряда Вербицкого. Среди рвущихся к абреку особенно много было ингушей. Но все равно Зелимхан тщательно проверял каждого новобранца, из какого он тейпа и рода, из какой семьи и что его толкнуло на этот путь. Если все эти стороны устраивали, человеку предлагали поклясться на Коране в том, что он при любых обстоятельствах будет верен своим товарищам.

Таким образом, летом 1909 года под знаменами Зелимхана было сосредоточено несколько сот человек. Не все они принимали участие в операциях абрека с оружием в руках. Одни выполняли функции разведчиков, другие обеспечивали надежные места, где могли скрываться он, его товарищи и их семьи, третьи снабжали отряд оружием, одеждой и продовольствием.

Сам не сознавая этого, Зелимхан организовал и возглавил большие партизанские

силы. Харачоец собирал их в один большой отряд или разбивал на маленькие группы для какой-нибудь операции и распускал после ее завершения. Некоторые из них возвращались к своим семьям, а те, за которыми охотились власти, укрывались в горах у надежных людей, готовые по первому зову снова стать под знамена своего предводителя.

Поэтому за восемь месяцев охоты Вербицкий смог захватить только одного абрека - Нукку Домбаева из Урус-Мартана.

Зелимхан достойно отвечал на жестокость карателей.

В горах и лесах его абреки устраивали засады, нападали на солдат и казаков, в результате чего отряды охотников несли большие потери. Более того, Зелимхан совершал дерзкие рейды в Грозный, во Владикавказ и грабил богачей. Он проделывал это не только под покровом ночи, но и ясным днем, давая тем самым понять, что угрозы Вербицкого мало кого пугают. За последние восемь месяцев Зелимхан ограбил владельца мельниц Проханова, купца Резакова, склады Кролика, знаменитый магазин Симонова и многих других богачей.

Но больше всего шуму в области наделало нападение Зелимхана на Грозненскую железнодорожную станцию 9 января 1910 года. Это была чрезвычайно дерзкая и рискованная акция, так как станция находилась в самом городе, и ее охраняли стражники. Более того, в примыкающей к станции станице Грозненской находилось несколько сот вооруженных до зубов казаков. И это - не считая армейских частей, расквартированных в городе.

Ночь была холодной, мороз буквально обжигал лицо. Абреки оставили коней в маленьком овраге вблизи станции под охраной двух товарищей, обмотали лица башлыками так, что свободными оставались лишь глаза и носы, и по одному, сохраняя дистанцию шагов в двадцать, тихо вошли в здание станции. Впереди шел Зелимхан, за ним ингуш Саламбек и ишхоец Жабраил, за ними Аюб, Абубакар, Жамалдин Анагиев и Али Митаев. Станция и станица спали. Снег под ногами предательски скрипел. Увидевший приближающихся абреков машинист попытался поднять тревогу, но Саламбек заколол его кинжалом. Двое стражников выскочили на шум. Один из них был моментально убит, второй - тяжело ранен. Абреки ворвались в здание вокзала. Телеграфист заполз под стол. Его не тронули, потому что он был настолько перепуган, что не представлял никакой опасности. Но абреки на всякий случай перерезали провода телеграфных и телефонных аппаратов.

С помощью лома абреки легко вскрыли дверь кассы, с двумя сейфами из толстых листов железа пришлось повозиться. Они били в них кувалдами, сотрясая все здание вокзала, пытались сбить замок с помощью зубила и лома. Дверца сейфов оказались двойными. Зелимхан то и дело подходил к дверям.

- Что там у вас?

- Вроде что-то начинает получаться!

Через час возни наружные и внутренние дверца сейфов были вскрыты. Внутри лежали деньги, аккуратно сложенные в пачки и перевязанные шпагатом. Саламбек и Джабраил быстро закинули их в мешки.

Вокруг вокзала поднялась стрельба.

- Вы закончили?

- Да!

- Скорей! Нас обнаружили!

Стреляли проснувшиеся станичные казаки. Сначала они стреляли в воздух, не понимая, что происходит. Но, увидев уходящих от вокзала абреков, стали стрелять уже в них, пытаясь отрезать им пути к отходу. Но пока казаки пришли в себя,

организовались и сумели наладить погоню, абреки, убивая или обращая в бегство оказавшихся на их пути казаков, добрались до своих коней и ускакали прочь.

Они забрали из кассы вокзала 18000 рублей.

Получив сообщение о нападении абреков, на станцию прибыл начальник Грозненского округа подполковник Стрижев, оказавшийся этой ночью в Грозном Вербицкий и назначенный вместо него начальником временного отряда охотников полковник Веселовский. Они организовали погоню силами солдат и казаков, но абреки уже давно углубились в горы...

Вербицкий охотился за Зелимханом около девяти месяцев. Успехи атамана были более чем скромными - за все это время был схвачен, как мы уже говорили, только один абрек. Местная общественность поняла, что весь гонор атамана, все его угрозы в адрес знаменитого абрека оказались не более чем пустым бахвальством. Первые месяцы после назначения Вербицкого на должность командира временного отряда местная пресса воспевала его как героя. Потом на какое-то время эти восхваления прекратились. В конце концов пресса стала критиковать вчерашнего героя, то и дело напоминая ему о его же самоуверенных заявлениях. Чем занимается бравый атаман Вербицкий? Герой Пятигорска и Дагестана? Куда девалось обещание, данное им властям и общественности? В своих реляциях он уничтожил сотни абреков, а Зелимхан разгуливает на свободе. Не прячется и не бегает. Наоборот, средь бела дня нападает на Владикавказ и Грозный. И намного чаще, чем раньше. А Вербицкий грабит и разрушает чеченские и ингушские аулы, убивает и бросает в тюрьмы ни в чем неповинных людей, тем самым умножая ряды последователей Зелимхана. Вербицкий не приносит никакой пользы ни властям, ни общественности, наоборот, наносит им непоправимый вред.

Сначала Вербицкий сыпал угрозы. Потом перестал это делать. Еще через некоторое время его покинули уверенность и даже надежда на то, что ему удастся уничтожить Зелимхана и его абреков. Хотя главным и самым известным в этих краях был отряд Зелимхана, все же Вербицкого, больше даже, чем он, беспокоили другие маленькие, независимые от Зелимхана группы абреков, состоящие в основном из жителей разрушенных и разграбленных им аулов. У этих людей не будет мира с властями, даже когда такой мир заключит сам Зелимхан, что, впрочем, тоже нереально. Они тоже, как и харачоец, поклялись отомстить ему, Вербицкому, и везде охотятся за ним.

1 декабря 1909 года Вербицкий написал рапорт на имя начальника области с просьбой освободить его от обязанностей начальника временного отряда охотников. Но истинная причина подачи такого рапорта заключалась вовсе не в том, что он не справлялся с поставленными задачами, правда была в том, что атаман боялся за свою жизнь. По ночам Вербицкого мучили страшные сны, он то и дело вскакивал с постели, боялся заснуть. Бравый атаман становился параноиком.

Михеев удовлетворил просьбу Вербицкого. В приказе отмечались успехи и достижения атамана за прошедшие девять месяцев. Объявив благодарность, его освободили от должности начальника временного отряда охотников и направили в Кизляр, на должность атамана Кизлярского отдела. На освободившееся место назначили полковника Веселовского.

Но Зелимхан не собирался оставлять Вербицкого в покое, где бы тот ни находился. Абреку не удалось убить его во время операций временного отряда охотников. Сам атаман принимал участие только в наиболее крупных из них, да и тогда его окружала пара тысяч солдат и казаков. Время своих переездов из Грозного во Владикавказ он держал в строжайшем секрете.

Не сумев достать Вербицкого, Зелимхан все же нашел способ унизить его в глазах властей и общества. Он стал нападать на Владикавказ и Грозный, унося оттуда добро наиболее известных богатеев. Так абрек мстил Вербицкому за его оскорбительные выпады против него через газеты и за дикость, сотворенную на базаре в Гудермесе. Но и то, и другое казались просто какой-то детской шалостью

по сравнению с тем, что творил атаман в чеченских и ингушских аулах позже.

Вербицкий уже не командует временным отрядом охотников. Не участвует в операциях. Его убрали из Чечни и назначили атаманом отдела в казачьем Кизляре. Но Зелимхан должен отомстить ему, даже если атаман окажется на краю земли. Он должен умереть или быть изгнанным из области, униженный и опозоренный.

После долгих раздумий Зелимхан принял решение ограбить Кизлярский банк, прямо под носом у новоиспеченного атамана Кизлярского отдела. Это ограбление станет для Вербицкого позором!

Зелимхан думал над планом этой рискованной акции два-три дня. Наконец он вызвал к себе Аюба.

- Напиши письмо этой суке Вербицкому, - сказал абрек. Аюб достал письменные принадлежности. Зелимхан продиктовал короткое письмо:

- Через три дня я приду брать Кизлярский банк. Написал? Если ты не трусливая баба, попробуй помешать мне сделать это.

Аюб записал.

- Дальше? - посмотрел он на старшего товарища.

- Все. Напиши внизу мое имя. Говорят, эта свинья в Грозном. Поезжай к Деналбеку и поручи ему доставить это письмо адресату. Скажи, пусть напишет еще одно такое же письмо и передаст в газету.

Когда вечером Аюб вернулся, выполнив это поручение, Зелимхан отвел его и Саламбека в сторону и познакомил их со своим замыслом и планом его осуществления.

Саламбек возразил.

- Банки Грозного и Владикавказа намного ближе, - сказал он, подумав.

- Мне не деньги нужны, Саламбек. Во-первых, я хочу доказать Вербицкому, что я не трусливая баба. Во-вторых, если мы ограбим этот банк, власти уберут его из области. И в-третьих, это будет своего рода местью этой суке за сотворенные им жестокости.

Саламбек опять задумался.

- Кизляр расположен далеко отсюда, Зелимхан. Нам надо будет пройти через земли кумыков, ногайцев, казаков. По этим дорогам бродят тысячи отлично вооруженных казаков верхом на крепких конях. В Кизляре расквартированы войска. Есть войска и в Хасав-юрте. В ногайских и кумыкских селах сидят приставы и множество стражников. Кроме регулярных войск, в Хасав-юрте располагается и отряд Ардабьевского, устроившего погром в Гудермесе. Сумеем ли мы пройти через все эти преграды? Как бы нам не повторить тяжелых последствий похищения Месяцева. Тогда мы ходили намного ближе. Именно при возвращении оттуда погибли твои отец и брат, еще трое наших товарищей.

- Это был особый случай, Саламбек. Тогда на нас напали предательски. В тот момент, когда мы почувствовали себя в безопасности, оторвавшись от преследования. Сейчас же я даю вам слово, что каждый из нас вернется живым и здоровым, без единой царапины. По правде говоря, Саламбек, если бы там не было нескольких тысяч вооруженных солдат и казаков, ограбление Кизлярского банка не было бы таким значимым делом. Именно потому, что их там так много, я и хочу пойти туда. Чтобы доказать врагам, что мы не малодушные трусы. Доказать им, Саламбек, что как бы много их не было и каким бы хорошим оружием они не обладали, им никогда не удастся устрашить или покорить нас.

Саламбек и Аюб были безгранично храбрыми людьми. Но Саламбек, прежде чем принять любой план Зелимхана, всесторонне изучал и тщательно взвешивал его. И не из-за трусости вовсе. Это была осторожность, продиктованная нежеланием бессмысленно подставляться под пули. Саламбек мало думал о себе и своей жизни. Он пытался уберечь товарищей от наиболее рискованных операций, пытался сохранить их жизни. Он всегда был готов пожертвовать собой во имя спасения жизни товарища.

- Хорошо, Зелимхан. Мы с Аюбом готовы следовать за тобой. Когда выступаем? - спросил Саламбек.

- Как можно скорей. Я сообщил Вербицкому, что возьму банк через три дня. Для этой операции мне нужно шестьдесят человек. Вы найдете достаточно людей, желающих такой добычи. Выберите из них наиболее храбрых, надежных и выносливых. Сообщите им, что все добытые деньги достанутся им. Мы идем на это не ради денег, у нас другая цель. Разошлите Бетарсолту, Джабраила, Жамалдина и Абубакара по разным аулам. Пусть отобранных людей направят на поляну между Атагами и Чишками, туда, где дорога вступает в лес. Там я по одному приму их. Они не должны быть знакомы друг с другом, не должны знать имен друг друга. Мы пойдем на Кизляр, разделившись на три группы. Возглавим эти группы мы втроем, каждый по одной. Маршруты групп и все остальные подробности мы обсудим непосредственно перед выходом в путь. Теперь идите и готовьтесь, дорога каждая минута. Но не сообщайте пока людям, куда мы идем. Сообщения о том, что добыча будет большой, вполне достаточно.

На том и договорились...

Чишки расположены на большом ровном поле под самой горой, в том самом месте, где Аргун вырывается на равнину. Перед аулом за Аргуном возвышаются горы, со спины аул прикрыт покрытым древними лесами высоким хребтом. С востока, по берегу реки, через густые леса к аулу ведет единственная широкая дорога. По правой стороне этой дороги, на маленькой просеке Зелимхан принимал претендентов на участие в акции. Лицо каждого подходящего к нему было обмотано башлыком так, что неприкрытым оставались только носы и глаза. Таков был приказ харачойца. Чтобы никто из них не знал друг друга в лицо. До возвращения из Кизляра каждый отобранный получал псевдоним.

Когда набралось пятьдесят человек, Зелимхан разделил их на три группы, включив в каждую по три своих человека, и выступил перед ними:

- С каждым из вас состоялся отдельный разговор. Сначала у моих товарищей, потом и у меня. Вам так же сообщили, что я задумал очень рискованное дело. Мы выходим в далекий и опасный путь. В минуты смертельной опасности нам абсолютно не на кого рассчитывать. Все мы или некоторые из нас можем погибнуть, получить тяжелые ранения и даже попасть в руки врагов. Кто боится смерти, или у кого не хватит мужества выдержать пытки в плену и не выдать товарищей, пусть выходит вперед и возвращается домой. Знайте, что если кто-то сдастся в руки врагов по своей трусости или попадет туда раненым и выдаст своих товарищей, тот будет жестоко наказан. Есть среди вас трусы или предатели?

Все молчали. Зелимхан повторил свой вопрос еще дважды, и снова никто не отозвался. На просеке стояла мертвая тишина.

- Ну что ж. Тогда мы, с позволения Аллаха, тронемся в путь. В пути громко не разговаривать и не курить. Оружие держать готовым к бою. Беречь коней. Со встречными в беседы не вступать. В случае опасности не теряться. Опасность проходит быстро, за какие-то полчаса - или мы убиваем врагов, или враги убивают нас. Не продвигаться толпой, идите группами по два-три человека, сохраняя дистанцию в пятнадцать-двадцать шагов. Не отставать и не отходить в сторону. Если кому-то нужно отойти по нужде, следует предупредить товарища, находящегося рядом. Все остальное вы узнаете, когда мы доберемся до условленного места. Бисмиллахи рохманир рохим! Да поможет нам Аллах! Да

помогут нам пророки и святые!

Зелимхан держал в тайне маршруты продвижения групп, об этом знали только трое, возглавлявшие их. Группы Зелимхана и Саламбека вышли одновременно. Группа харачойца пошла через Гудермес, переправившись через Терек у аула Азамат-юрт, группа Саламбека - через Таш-Гечо. Аюб со своей группой вышел через час после них по тому же маршруту, каким пошла группа Саламбека.

Ночь выдалась ненастная. Шел монотонный дождь. Хотя на дворе стоял апрель, было холодно и неуютно. Над Тереком стоял густой туман, за двадцать шагов невозможно было ничего разглядеть. С какой-то стороны, это, конечно, было на руку абрекам. Благодаря тому, что Зелимхан и его товарищи хорошо знали эти места, они к рассвету без проблем добрались до условленного места верстах в двадцати от Кизляра. Зелимхан остановился на левом берегу Терека на маленькой поляне, скрытой со всех сторон высокими камышами. С интервалом в один час туда подошли и две другие группы.

Совершив утреннюю молитву, напоив и накормив коней, абреки устроились здесь на отдых. Поев, Аюб достал из переметных сумок погоны дагестанских всадников и раздал их товарищам. Атагинец объяснил, как их прикреплять к плечам. Зелимхан заранее предупредил всех, чтобы они были в черкесках и в бараньих папахах. Пятидесяти трем товарищам Аюб раздал погоны рядовых, а трем - погоны вахмистра. Себе и Саламбеку атагинец взял погоны сотника, а Зелимхану вручил погоны ротмистра. Теперь их никто не смог бы узнать.

Оглядев свое войско, Зелимхан остался доволен.

- Итак, мы идем в Кизляр, чтобы ограбить банк. До Кизляра осталось верст двадцать. Это путь на один час. Саламбек и Аюб знают, что вам нужно сделать. Всем остальным строго выполнять их приказы. Мы захватим ведущие к банку улицы. Мы втроем, я, Саламбек и Аюб, войдем в банк. Если будет какая-то опасность, мы предупредим вас выстрелами. Услышав их, стреляйте в воздух, вокруг себя, словом, поднимите шум и отступайте к Терскому мосту. Если на вашем пути возникнет какая-нибудь преграда, не теряйтесь, атакуйте врагов, как свирепые львы, пробейте брешь в их обороне и продолжайте путь в горы. Но не оставляйте здесь убитых и раненых товарищей. В город мы пойдем группами по трое с интервалом в пять шагов. А теперь, с позволения Аллаха, в путь!

9 апреля 1910 года в 12 часов дня абреки вошли в Кизляр. Зелимхан выставил охрану на ведущих к банку улицах и на пути отхода группы. Все спешились, Зелимхан оставил для охраны коней пятнадцать человек, которые должны были держать их наготове. Зелимхан, Саламбек и Аюб вошли в банк. Ничего неподозревающие служащие банка спокойно работали. Никто не обратил внимания на их появление.

- Всем оставаться на местах! Поднять руки! - крикнул Аюб. Потом он повернулся к богато одетому человеку в очках, решив, что именно он может быть здесь главным. - Ты казначей Копытко?

Читая письмо Зелимхана о том, что он ограбит Кизлярский банк, Копытко долго и от души смеялся вместе с Вербицким. Разве посмеет Зелимхан сунуться сюда! В Кизляр, где стоит большой военный гарнизон, минуя несколько казачьих станиц! Да его вместе со всеми разбойниками уничтожили бы сразу же за Тереком. Да и не успели бы они пересечь его, их расстреляли бы прямо в реке, как лягушек.

А Зелимхан стоит перед ним, собственной персоной. Вербицкого нет в городе. Наверное, развлекается где-нибудь в Грозном или во Владикавказе. Неизвестно, где его помощник Аверьянов. Он тоже, наверное, валяется где-нибудь пьяный в доску. Словом, Копыткову не приходится надеяться на помощь. Хотя он и не принимал всерьез письмо Зелимхана, но решив, что береженного Бог бережет, Копытко изъял все деньги из сейфов и закрыл их в хранилище банка со стальными дверями. Казначей был доволен своей предусмотрительностью.

- Я, - слабым голосом ответил он.

- Это Зелимхан, - указал Аюб на Зелимхана. - Где твои деньги? Открой сейфы!

Копытко дрожащими руками открыл дверцы сейфов. В них лежала только медная мелочь.

- Где ваши деньги? - прикрикнул на него Зелимхан.

- Больше нет...

- Я спрашиваю, где деньги?

- Когда ты написал Вербицкому письмо с угрозой ограбить банк, испуганные вкладчики забрали свои деньги.

- Ты врешь, говори, где деньги! - Зелимхан ткнул в живот казначея пистолет.

Испуганный, побелевший, весь дрожащий Копытко неожиданно переменился и... стал кричать.

- Нет денег! А если бы и были, я бы не сказал, где они! Разбойник! Грабитель! Ты не уйдешь отсюда живым!..

Все произошло за какую-то пару секунд. "Он что, сошел с ума или это истерика?" - промелькнуло в голове Зелимхана. Увидев в глазах дрожащего, словно в ознобе, русского глубокую ненависть, Зелимхан машинально нажал на курок. Копытко схватился за живот, дико крикнул и упал на пол...

На улице раздалась бешеная стрельба. Зелимхан сам инструктировал товарищей устроить стрельбу и отходить к мосту, если они услышат из банка выстрел.

- Взять все деньги, какие есть! - поторопил товарищей Зелимхан. - Надо быстро уходить из города.

У Зелимхана мелькнула мысль заглянуть в банковские хранилища. Но когда они выходили, закинув в мешки деньги из сейфов, подоспели солдаты, охраняющие банк. Пока они успели понять, что здесь происходит, абреки напали на них и уложив их кого раненым, кого убитым, выскочили на улицу.

Услышав оглушительные выстрелы в этом маленьком и мирном городке, который последние сто лет не видел войны, начальник местного гарнизона подполковник Меркулов сразу же вспомнил о Зелимхане. Ему тоже показал Вербицкий полученное от абрека письмо. К растерянному подполковнику, не понимающему, что происходит в городе, прибежал офицер, который сообщил, что во главе сотен разбойников в город ворвался Зелимхан, что он ограбил банк и что среди охраны банка есть убитые и раненые. Меркулов объявил тревогу, направил две команды солдат в банк и на Терский мост, послал за помощью в станицу. Подполковник сразу же отправил телеграмму начальнику области, в которой рассказал о произошедших в Кизляре событиях.

Спешащие на зов Меркулова около полусотни казаков во главе с атаманом и стражники пристава Вариева лоб в лоб столкнулись с выходящими из города абреками. Скачущие во весь опор казаки и стражники вместо того, чтобы атаковать, почему-то остановились и стали беспорядочно стрелять.

- Вперед! Бей врагов Всевышнего! - отдал приказ Зелимхан, подстегнув коня.

Зелимхан в одной руке держал винтовку, в другой - револьвер и стрелял во все стороны. За ним во весь опор неслись товарищи. Подражая русским, абреки изо всех сил кричали "Вуррей" и вели бешеную стрельбу. Казаки и солдаты разошлись, освобождая им путь.

Зелимхан поспешил с товарищами на Терский мост. Он не знал, что там их ждет

направленная туда Меркуловым команда солдат. Кто мог знать, что за такое короткое время солдаты успеют занять мост? Когда вдали показались абреки, солдаты почему-то стали бегать из стороны в сторону. Потом, заняв позиции, они начали стрелять из винтовок и пулемета, как бы стараясь спугнуть горцев. Но пули летели непонятно куда и падали где-то в стороне.

Неожиданно повернув коня против течения Терека и разыскав брод, Зелимхан остановился.

- Быстро переправляйтесь!

Абреки, рассекая мутный по весне Терек, переправлялись на его правый берег. Солдаты с моста стали приближаться к ним. Хотя на левом берегу оставались только трое абреков - Зелимхан, Саламбек и Аюб, они не решались подойти на расстояние выстрела. Остановившись поодаль, солдаты открыли частую стрельбу.

Когда все их товарищи переправились, Зелимхан обратился к Саламбеку и Аюбу:

- Переправляйтесь оба. Я задержу солдат. Те не сдвинулись с места.

- Я вам говорю! Не тяните время!

- Ты хоть понимаешь, что ты говоришь, Зелимхан? Я никогда не допущу, чтобы люди говорили, что Саламбек оставил Зелимхана одного против наседающих, как саранча, солдат и бегством спас свою жизнь? Или ты так и не узнал меня за эти десять лет?

Зелимхан хорошо знал Саламбека. Не забывал он никогда и то, что сказал ему Саламбек, когда он несколько лет назад собрался выехать в Турцию. Знал Зелимхан и Аюба. Оба они были отважными, верными и стойкими товарищами. Вместе с ним они не день и не год. Целых десять лет. Это были два крыла Зелимхана. Спорить с ними сейчас было бесполезно. Они не переправились бы на тот берег, оставив на этом берегу Зелимхана.

Зелимхан бросил своего коня в Терек. Саламбек и Аюб последовали за ним.

На землях Таш-Гечо абреки устроили привал. Здесь они пересчитали деньги. В мешках оказалось всего пять тысяч рублей. Зелимхан предпринял эту акцию не ради денег, это была его месть Вербицкому. Эта цель была достигнута. Но он хотел, чтобы его товарищи получили деньги. Всю сумму Зелимхан раздал им. Девять старых товарищей харачойца тоже отказались от своей доли, и ее тоже поделили между остальными. Зелимхан принял с каждого клятву не выдавать товарищей, если кто-либо из них по какой-либо причине попадет в руки властей, и распустил отряд.

В тот день, когда Зелимхан вошел в Кизляр, Вербицкий развлекался в Грозненском офицерском клубе. В программу вечера, как всегда, входило питие шампанского, игра в карты и танцы с изысканными дамами.

- Правда ли, атаман, что Зелимхан написал вам письмо, в котором грозится ограбить сегодня Кизлярский банк? - спросили у Вербицкого проходящие мимо его стола офицеры.

- Правда, - атаман показал им письмо.

- Тогда почему же вы сидите здесь и развлекаетесь? Взяв у них письмо абрека, атаман засунул его в карман кителя.

- Зелимхан большой сплетник и пустослов, точь в точь базарная торговка. Он хочет напугать меня. Разве посмеет бегающий от меня по горам, скрывающийся среди камней, словно змея, трусливый Зелимхан, разве посмеет он, говорю я вам, сунуться в Кизляр? В моем отделе десять тысяч отважных казаков, готовые по одному лишь свисту вскочить на коней. Мало этого, в Кизляре находятся военный

гарнизон, полиция, стражники. Над моим отделом даже муха не пролетит!

От страшной новости, дошедшей до Грозного к вечеру, у Вербицкого застыла кровь в жилах. Помощник начальника области князь Орбелиани сообщал, что Зелимхан ограбил Кизлярский банк, убил до двадцати солдат и ушел без малейшего вреда для себя. Князь также сообщал Вербицкому, что он сам с прокурором области Зайцевым едет на место событий и что атаману следует дождаться их в Грозном. Вербицкий потерял покой. События в Кизляре означали конец его карьеры. И не только это. Его могли отдать под суд. Ведь он оставил без внимания сообщение, поступившее к нему два дня назад от начальника Грозненского округа. Через своих агентов тот узнал, что Зелимхан сколачивает группу для ограбления Кизлярского банка. Стрижев передал эту информацию Вербицкому, но тот не воспринял ее всерьез. А сейчас полковник засвидетельствует, что заранее предупреждал атамана о готовящейся акции абреков. Еще и эти офицеры из клуба, с которыми он разговаривал. Нет, освобождением от должности и разжалованием дело не ограничится. Его будут судить. Зелимхан сдержал свое слово. Он отомстил ему - абрек опозорил атамана перед всем миром. Лучше бы Вербицкому погибнуть от руки абрека, приняв его вызов на поединок! Это был бы славный конец для офицера. Но в глубине души атаман все же надеялся, что до суда дело все же не доведут. Ведь Вербицкий немало послужил этой власти. В Пятигорске, в Дагестане, в самой Терской области. И Михеев в своих приказах это отмечал...

На второй день Орбелиани и Зайцев вместе с Вербицким прибыли в Кизляр. Расследование обстоятельств ограбления выявило целый ряд фактов преступной халатности и безответственности местных властей. С сообщениями Зелимхана о том, что он ограбит сегодня Кизлярский банк, были знакомы помощник начальника отдела Аверьянов, руководитель городской администрации Воробьев, начальник гарнизона Меркулов, пристав Вариев, словом, все руководство местной администрации. Но ни один из них не сделал абсолютно ничего для недопущения этого. Вдобавок, оставшийся вместо Вербицкого Аверьянов и Воробьев в этот день основательно накачались водкой и где-то провалялись, пьяные в стельку.

Когда к начальнику области поступила телеграмма об ограблении Кизлярского банка, князь Орбелиани поставил на ноги все военные силы Грозненского, Веденского и Хасав-юртовского округов. Они взяли под контроль все дороги и тропы, ведущие из Кизляра в Чечню.

Активнее всех действовал герой Гудермеса Ардабьевский. Его отряд, располагавшийся в Хасав-юрте, находился к Кизляру ближе всех. Добравшись до Таш-Гечо, он наткнулся на след Зелимхана. Ардабьевский расспросил горцев, возвращавшихся домой из мечети.

- Зелимхан проезжал здесь? - спросил офицер.

- Проезжал. Примерно час назад!

- Разбойников с ним много было?

- Пожалуй, человек сто было.

- Нет, их было не меньше двухсот!

- В какую сторону они поскакали?

- В сторону Азамат-юрта.

- Нет, они разделились на две группы. Одна из них действительно ушла в сторону Азамат-юрта, другая же - к Акбулат-юрту!

- Где ваш пристав Абдулкадыров?

- Абдулкадыров? Он со своими стражниками помчался за Зелимханом!

Эти люди прекрасно знали, что Зелимхан со своими абреками ушел в сторону Герзеля, но умышленно направили Ардабьевского по ложному следу.

Местный пристав Абдулкадыров отнюдь не горел желанием нагнать Зелимхана. Он понимал, что в случае встречи с абреками его небольшой отряд будет моментально уничтожен. Поэтому, не отъезжая слишком далеко, он остановился между Таш-Гечо и Герзелем и устроил здесь привал. Вечер был холодным, и люди пристава разожгли костры. Зелимхан же, заметив зарево этих костров, обогнул это место и ушел в Ичкерию.

Князь Орбелиани орал на Вербицкого, не скупясь на оскорбительные выражения.

- Мы думали, что ты умный и храбрый человек! Достойный представитель славного семейства русских офицеров! Ты же оказался не только круглым дураком, но и трусом, ничтожным пустышкой, который думает только о водке, картах и женщинах! Почему ты покинул свой отряд, несмотря на письмо Зелимхана и сообщения Стрижева? Почему ты находился не в Кизляре, а здесь, в Грозном, играя в карты и развлекаясь с дамами? Ты что, до сих пор не изучил Зелимхана? Не знал, что он ответит на твои глупые вызовы, что отомстит тебе за твои газетные публикации? Тебе не хватало ума понять это? Или ты просто трусливо бежал, хорошо понимая это? У тебя в отделе десять тысяч казаков, гарнизон солдат, городская полиция и стражники. Этих сил хватило бы даже на поимку летящих по воздуху бандитов. И действительно хватило бы, если бы их возглавляли не дураки и трусы, как вы все, а достойные люди! Твой помощник и руководитель администрации города тоже валялись вчера в пьяном беспамятстве. Из-за вас, дураков, убиты тридцать два солдата и казначей банка, многие получили ранения. Зелимхан же со своими разбойниками ушел без единой царапины! Вы опозорили честь русской армии и казачества! Тебя и твоих помощников следовало бы расстрелять, как бешеных собак. Но вынесение этого приговора мы доверим суду!

Вербицкий молча выслушал разъяренного князя. Он понял, что это конец. Войсковой старшина ехал в Терскую область с радужными надеждами. Перед его глазами маячили слава и генеральские погоны. Сейчас же он терял все. И не только это. Его ждал позорный суд...

"В Канцелярию Наместника его императорского величества на Кавказе.

1910 год, 8 июня.

О разбойничьих шайках в Терской области.

Сообщаю, что за время с 1 января по 15 мая сего года в пределах Терской области было два случая появления организованных разбойничьих шаек: в Грозном 9 января, когда произведено было нападение на Грозненский вокзал, и в городе Кизляре 9 апреля, когда разгрому подверглось Кизлярское казначейство. В обоих случаях, как следует полагать на основании добытых сведений, разбойничьи шайки находились под предводительством абрека Зелимхана Гушмазукаева.

Нападение на вокзал имело успех всецело благодаря нераспорядительности и полному бездействию железнодорожной администрации, которая должна была своевременно принять все меры к организации правильной и целесообразной охраны в районе полосы отчуждения, чего, однако, не было сделано, между тем как вся охрана и выработка мер по этому поводу возложена на особый комитет по охране железной дороги...

Обращаясь к нападению на Кизлярское казначейство, приходится сказать, что администрация Кизлярского отдела во главе с атаманом отдела войсковым старшиной Вербицким своей преступной бездеятельностью, полной растерянностью и неумением организовать ни защиты вверенного района, ни преследования разбойников помогла шайке грабителей разгромить казначейство, что сопровождалось целым рядом человеческих жертв и дала ей

возможность скрыться совершенно безнаказанно.

Генерал-лейтенант Михеев".

ГЛАВА XIX ВОЙНА С ЖЕНЩИНАМИ И ДЕТЬМИ

Что такое Чечня? Это 250 тысяч горных орлов.

Чечня - это пространство земли, меньше наших уездов,

но она представляет собой неприступную крепость...

Профессор П. И. Ковалевский

Временный отряд охотников, укомплектованный из разбойников, авантюристов, пьяниц и бездомных бродяг, не справился с поставленными задачами. Они грабили аулы, убивали, бросали в тюрьмы совершенно невинных людей, но у них не доставало сил схватить или уничтожить Зелимхана и его абреков. Погорел на этом и атаман Вербицкий, провозглашенный незадолго до этого чуть ли не народным героем.

Администрации Кавказа и Терской области искали другую тактику и стратегию. В этом им помог начальник Назрановского округа Андронников, назначенный туда вместо убитого ингушами полковника Митника.

Ротмистр Андронников был гвардейским офицером. Здесь никто не знал причины его отставки из гвардии. В большинстве своем из рядов гвардии офицеров изгоняла за пристрастие к спиртному, к картам, к женщинам, за казнокрадство и так далее. Офицеров, имевших наверху знакомства или родственные связи, чтобы спасти от позорного суда, направляли для продолжения службы в другие войска. Так попал на Кавказ и князь Андронников.

Андронников был кавказцем, грузином - соседом чеченцев и ингушей. Князь хорошо знал обычаи и традиции горцев. Когда администрация области лихорадочно искала пути и методы борьбы с Зелимханом и его абреками, Андронников заявил, что может помочь им. Генерал Михеев с радостью принял ротмистра.

С тех самых пор, как 30 лет назад кабинет начальника Терской области занимал граф Лорис-Меликов, в нем мало что изменилось, хотя за это время здесь сменилось несколько хозяев. Прежний широкий, длинный стол с резными ножками, обтянутый зеленым сукном. Стулья с такими же ножками, с высокими спинками и мягкими сидениями. Висящие на стенах карты империи, Кавказа и Терской области. Красивый шкаф во всю стену, обставленный книгами в дорогих переплетах. Толстый, мягкий персидский ковер на полу. Портрет Николая II, висящий на том же самом месте, где тридцать лет назад висел портрет Александра II. Деревья под окнами, молодые во времена Лорис-Меликова, уже состарились.

Михеев внимательно слушал Андронникова.

- Ваше превосходительство, последние годы борьбы с разбоем убедили нас в том, что регулярные войска не в состоянии поймать или уничтожить Зелимхана, его абреков, иных воров, грабителей и убийц. Абреки - не регулярные войска. Они не воюют по правилам, тактике и стратегии, признанной военной наукой и принятой в мировой практике. Абреки сегодня в одном месте, завтра же - совсем в другом. Устраивают засады, делают внезапные выпады и рассеиваются в горах. Если они сегодня объединяются в большой отряд, то завтра от этого отряда не остается и следа. Они знают в горах каждую тропинку, ущелье, пещеру, башню и скалу. Вдобавок, народ дорожит ими, бережет их как зеницу ока. Пеший казак - не воин. По горным же склонам невозможно продвигаться верхом на лошадях. И солдаты наши не обучены ведению боевых действий в горных условиях. Итоги деятельности отряда охотников, укомплектованного из наемников, тоже хорошо известны...

Михеев хорошо знал грузин. Они были любителями и мастерами поболтать. Уже заскучавший генерал взял со стола карандаш и стал крутить его в руках.

- Покороче, если можно, князь, - не выдержал он. Андронников понял генерала.

- По моему мнению, ваше превосходительство, в борьбе против Зелимхана надо использовать самих горцев. Я думаю, было бы полезным вовлечь в наши воинские части чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, кумыков, аварцев, особенно - аварскую кавалерийскую сотню из состава Дагестанского регулярного полка. Если Зелимхан убьет кого-нибудь из них, другие, следуя обычаю кровной мести, уничтожат Зелимхана и его шайку.

Михеев усмехнулся.

- Вы хорошо знаете нравы горцев, дорогой князь. Но, кажется, недостаточно знакомы с историей. Предложенная вами тактика не нова. Впервые Кавказская администрация использовала ее во времена Шамиля. Тогда против Шамиля, вернее будет сказать, против чеченцев, были созданы отряды из числа грузин, дагестанцев и других горских народов. А в 1877 году в подавлении восстания чеченцев наряду с нашими войсками участвовали чеченский, дагестанский, ингушский, осетинский и кумыкский отряды наемников. Правда, воевали они без особого энтузиазма, но в грабежах проявляли большое усердие.

- Тогда была война, Ваше Превосходительство, против горских народов. Сегодня же принципиально другая ситуация. Зелимхан порядком надоел не только властям, но и всем народам этого края. За сдачу Зелимхана властям живым или мертвым вы объявили награду в 18 тысяч рублей. Горцы же, и особенно чеченцы, за такие деньги запросто продадут собственных родителей. Поэтому, ваше превосходительство, я думаю, что привлечение на нашу сторону горцев может принести только пользу. На Зелимхане и его разбойниках лежит кровь многих горцев. Мне кажется, что активизирование работы с их кровниками тоже принесло бы неплохие плоды.

- Эта работа тоже ведется нами. Награда за поимку Зелимхана тоже объявлена, и уже достаточно давно. Пока мы не нашли желающих заработать эти деньги.

- Из опыта прошлых операций против Зелимхана мы знаем, - продолжал Андронников, - что в случае особой опасности для себя он со своей бандой укрывался в Дагестане, Осетии, Хевеуретии. Надо закрыть туда все дороги. Кажется, в Терской области нет достаточных военных сил для этого. Думается, было бы нелишне обратиться к наместнику Кавказа с просьбой временно выделить нам в помощь войска из Дагестана и Грузии. Прежде всего - дагестанскую кавалерийскую сотню.

- Хорошо, князь. Я подумаю над вашей идеей.

- Буду рад, ваше превосходительство, если моя идея окажется полезной нашему общему делу. Но как бы ни завершилась операция, какими бы ни были ее итоги, я всегда считал и считаю своим святым долгом уничтожение Зелимхана и его разбойников, которые трусливо, из-за угла нападают на людей. Если в схватке с ними мне придется умереть, я буду считать, что не зря прожил свою жизнь!

- Спасибо, князь. У меня нет сомнений в том, что ваши слова исходят из самой глубины вашего благородного сердца.

Нечего было и думать о проведении операции весной и летом, когда леса покрыты густой листвой. В эти времена года каждое дерево, каждый куст становились для абреков укрытием. Поэтому администрация области приняла решение провести генеральную операцию осенью, когда опадет листва. Михеев согласовал свои планы с наместником Кавказа и получил с его стороны одобрение. 25 сентября 1910 года в верховья Ассы, где укрылся Зелимхан, и в Джейрахское ущелье с четырех сторон выдвинулись войска. Со стороны Владикавказа - рота Апшеронского полка и саперный взвод; из Ведено и Грозного - дагестанская кавалерийская сотня, кавалерийская сотня милиции, пулеметная рота, по одной роте Ширванского и Самурского полков. Из Тифлиса в Тионетский уезд

выдвинулся гренадерский батальон, а из Телави в Малхист перебросили драгунский эскадрон, мобильный отряд, отряды милиции и стражников во главе с приставом.

В операции против маленького отряда Зелимхана принимали участие более двух тысяч солдат, казаков, аварцев и грузин, вооруженных пулеметами и несколькими горными пушками...

Семья Зелимхана уже шесть лет не была в родном Харачое. Она давно уже потеряла надежду вернуться туда. А если бы по какому-то чудесному стечению обстоятельств им и разрешили бы возвратиться домой, их все равно там ничего не ждет - ни сакля, ни хозяйство. Все разрушено и сожжено стражниками. Ограда вокруг сада и огорода давно сгнила. Двор и огород заросли бурьяном. Многие плодовые деревья в саду высохли, словно в знак траура по тяжелой судьбе хозяев. Их скотина частью продана, частью роздана родственникам. Говорят, что на месте их жилищ стоят лишь обгоревшие стены.

А эти шесть человек - двое женщин и четверо детей - как нищие бродят по горам, ночуя в чужих саклях. Конечно, мир не без добрых людей. Их с радушием принимают, хозяева стараются угодить им. С готовностью делятся с ними последним куском, сами ложатся на пол, но их укладывают в мягкие постели. Ласкают их детей. А ведь эти люди очень рискуют, принимая их у себя. Если власти узнают об этом, не раздумывая хватают хозяина дома и угоняют его в Сибирь. Иногда даже вместе с семьей.

Магомед, Лом-Али и Умар-Али не знают вовсе, что такое Харачой. Они и Ахмад родились не там. Они появились на свет в этих горах. Муслимат и Энист помнят аул смутно, словно какой-то полузабытый сон. В их памяти остались только отдельные картины. Особенно хорошо девочки помнят чистую речку, которая сбегает с горы, подпрыгивая на камнях, и протекает недалеко от их двора. Люди называли речку "Девичьей косой".

За эти шесть лет семья Зелимхана увидела много новых, доселе невиданных мест. В Чеберлое, в верховьях Аргуна и Ассы. Им приходилось ночевать в башнях, пещерах, горных кутанах. Они привыкли к этой тяжелой жизни. В Чеберлое о них заботился Соип. Гатиюртовец, которого несколько лет назад Зелимхан вырвал из рук солдат, когда те перевозили его из Ведено в Грозный. Соип обеспечивал их кукурузной мукой, сушеным мясом, маслом, творогом и сыром. Когда они покинули Чеберлой, гатиюртовец появлялся реже. Но сюда, в горную Ингушетию, он еще не приходил.

Около года назад к ним переехал Бийсолта. Он еще подросток, ему только пятнадцать лет. Но все равно женщины и дети чувствуют себя уверенней, когда рядом мужчина, пусть и такой юный. Бийсолта сторожит их днем и ночью. Висящая на его плече винтовка достает до земли, на шее качается бинокль, с которым он никогда не расстается.

Сейчас они находятся в Малхисте. Не в ауле. Они нашли приют у нескольких семей малхистов, живущих высоко в горах, в башнях, вокруг которых пасется их скот.

Вернувшийся вчера с равнины хозяин принес известие о том, что власти собирают войска для поимки Зелимхана. Конечно, это было не впервой - за ними и Зелимханом войска охотятся вот уже десять лет. Но Бийсолте все равно нужно быть начеку. Прошедшей ночью он ни на минуту не сомкнул глаз. Услышав ночью за стеной какой-то шорох, юноша вышел с заряженной винтовкой в руках и облазил все углы и кусты вокруг, но ничего не нашел.

Они не знали, где находится Зелимхан, он уже месяц не появлялся здесь. Если солдаты придут сюда, Бийсолта не сможет защитить детей и женщин. Бийсолта молил Аллаха, чтобы он привел к ним брата.

Беци и Зезаг занимались какими-то делами по хозяйству, пытаясь хоть как-то отвлечься от тяжелых мыслей. Они стирали и латали одежду, вязали шерстяные

носки и варежки, помогали хозяевам, несмотря на их протесты.

Зелимхан появился как всегда неожиданно. Справившись у хозяев и соседей об их здоровье и делах, он обнял Лом-Али, погладил по головам стоящих рядом детей.

- Ну, как у вас дела? - спросил он Беци и Зезаг. Зелимхан знал это и сам. И все-таки спросил. Надо же было как-то начать разговор. Глаза Беци наполнились слезами. Она с трудом растянула губы, пытаясь изобразить улыбку.

- У нас все хорошо, лишь бы ты был жив и здоров. Мы волнуемся за тебя. До нас дошли слухи, что власти собирают войска для твоей поимки.

- Они делают это уже десять лет, я же, как видишь, жив и здоров. Пусть вас не беспокоит то, что где-то там собираются какие-то свиньи. Дети не болеют?

- Ахмад болен уже несколько дней, у него был жар, - сказала Зезаг. - Сейчас ему лучше.

- Как у вас с едой?

- Хозяева и соседи обеспечивают нас всем необходимым. Приносят все: пшеничную и кукурузную муку, мясо, молоко, масло и многое другое.

- Да возблагодарит их Аллах!

Позже Зелимхан поговорил с Бийсолтой один на один. Хотя они и являлись сыновьями одного отца, по чертам лица и характеру сильно отличались друг от друга. Зелимхан был среднего роста, широкоплеч, с длинными руками и большими кистями. Черные волосы, борода и усы. Длинноватое, сужающееся к подбородку лицо, прямой нос. Густые брови, словно крылья орла раскинувшиеся над строгими и внимательными глазами. При внимательном рассмотрении левый глаз абрека казался чуть меньше правого.

Бийсолта отличался красивыми чертами лица. Он тоже был широкоплеч. Круглое лицо, коричневые волосы, прямые брови, голубые глаза, высокий лоб. Бийсолта был молчалив, разговаривал медленно.

Он рассказал старшему брату о ночном происшествии. Зелимхан перевел все в шутку.

- Разве я не говорил тебе, что ты еще мал для абреческой жизни? Абрек - это же двуногий волк. Я же говорил тебе, что ты еще не волк, а только волчий щенок. Ты не послушался меня. Теперь тебе придется терпеть. И кровники придут, и солдаты. И убить тебя попытаются. Ты же всегда должен быть начеку. Как волк. Готовый защищаться и нападать. Но пока бояться нечего. Власти не знают, где вы укрываетесь. И кровники наши не станут сюда соваться. Если что, приеду и я.

Зелимхан дежурил три ночи, давая Бийсолте возможность отдохнуть. За эти три ночи поблизости не появлялся ни один посторонний человек.

Через трое суток Зелимхан ушел, пообещав часто посещать их. Бийсолта опять остался один с женщинами и детьми.

В течение нескольких дней их никто не беспокоил. Однажды приехал малхинец Элбарт, друг Зелимхана. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что принес он не радостные вести. Лицо Элбарта было мрачным, в глазах стояла печаль. Он старался не смотреть им в глаза. Поздоровавшись, малхинец завел ничего не значащий разговор, не зная, как сообщить им новость, которую принес. Наконец, Элбарт произнес:

- Сюда идут солдаты. С трех сторон. Вам надо уходить отсюда...

- Куда мы пойдем в такой холод? - одновременно вырвалось у Беци и Зезаг.

Муслимат и Энист заплакали. Зелимхан называл их Меди и Эни. Элбарт стал успокаивать девочек, называя их этими же именами:

- Меди, Эни, почему вы плачете? Я же с вами! Не бойтесь.

Девочки затихли и стали вытирать слезы маленькими кулачками.

- В горах есть несколько мест, где вы можете укрыться...

- Как мы доберемся туда с шестью детьми, Элбарт... Здесь же уже наступила зима, везде снег... Выше в горах его будет еще больше... Да и зимней одежды у детей нет...

- Не знаю, Беци, но оставаться здесь очень опасно, даже на один день. Если с вами что-то случится, как я посмотрю в глаза Зелимхану. Он же доверил вас мне. Вручим свою судьбу Аллаху и пойдем.

Женщины растерялись.

- К чему эти разговоры? - прикрикнул на них Бийсолта. - Не будем же мы дожидаться здесь солдат! Быстро готовьтесь в дорогу!

Прежде всего женщины стали готовить детей. Специально для такого дня у них было припасено кое-что из одежды. Овчинные шубки, большие толстые платки и высокие галоши для девочек. Башлыки, черкески, байковые штаны и обувь из сыромятной кожи для Магомеда и Лом-Али. Шерстяные носки и варежки для всех.

С собой они взяли только самое необходимое, как это делали всегда. Собрав в переметные сумы и мешки минимум посуды, немного кукурузной муки и одежду, закрепили все это на спине лошади. Умар-Али и Ахмада женщины взяли на руки.

Узкая тропа то зигзагами вилась по склону горы, то круто поднималась вверх, то скатывалась вниз. Попадались места, где с одной стороны к тропе подступала высокая вертикальная каменная стена, с другой же - глубокая пропасть, от одного взгляда в которую кружилась голова. Здесь от одного неверного шага человек мог сорваться в бездну. Глубокие снега и скользкие льды, то и дело попадавшиеся на пути беглецов, отнимали у них последние силы. Впереди по очереди шли Элбарт и Бийсолта, держа под уздцы лошадь и прокладывая по снегу путь женщинам и детям. За ними пробирались женщины с двумя сыновьями на спинах, за женщинами - Муслимат и Энист. Последними плелись Магомед и Лом-Али.

После двух верст пути дети устали. Они часто останавливались, чтобы перевести дыхание. Через опасные участки Элбарт и Бийсолта переводили их по одному, взяв за руки. Хотя женщины и пытались выглядеть бодро, но было видно, что и они порядком устали. Выкинув кое-что из взятого в дорогу и освободив тем самым переметные сумы, устроили в них Магомеда и Лом-Али. Четырех остальных стали по очереди сажать на лошадь. До вечера преодолели еще одну версту. Ночью идти было невозможно. Выбрав безветренное место, беглецы развели огонь и остановились на ночлег.

Чем выше они пробирались в горы, тем трудней становилось идти. На третий день беглецы добрались до подножия высокой горы. Здесь дорога обрывалась. Это был критический момент: путники не могли продвигаться вперед, не было возможности и вернуться назад. На их счастье, удалось отыскать пещеру, где они свободно могли разместиться. Элбарт и Бийсолта собрали дрова и развели костер. Появление людей распугало прилипших к верхнему своду пещеры летучих мышей. Угрожающе щелкали клювами совы. В углу пещеры нашли уложенную толстым слоем сухую траву. Накормив детей, женщины перенесли траву поближе к костру и уложили их спать. После этого, наскоро поев, устроились на отдых и взрослые.

Дождавшись, пока все улягутся, Бийсолта взял винтовку и вышел разведать окрестности. Ночь была светлая, на безоблачном небе властвовала яркая луна. С трудом взобравшись на ближайшую скалу, Бийсолта осмотрелся. Далеко внизу

горели костры - это могли быть только солдаты. Бийсолта вернулся в пещеру, разбудил Элбарта и рассказал ему об увиденном. Они решили до утра не беспокоить женщин. Да и что это сообщение могло изменить. Пути вперед все равно не было.

Утром, когда Беци и Зезаг проснулись, Элбарт и Бийсолта рассказали им о нависшей над беглецами опасности.

- Если бы мы смогли подняться на вершину горы, за нею уже хевсуры, - сказал Элбарт. - Там у Зелимхана много верных людей, они с готовностью приютят нас. Подняться на гору будет чрезвычайно сложно. Но и оставаться здесь опасно. Может, оставим коня здесь, я и Бийсолта возьмем детей на руки... и попытаемся продолжить путь вперед?

Беци и Зезаг посмотрели на еще не проснувшихся детей.

- Элбарт, вы сделали все, что было в ваших силах, сейчас же вы хотите предпринять невозможное, - произнесла Беци. - Спасибо вам за все. Мы никогда не забудем вашу братскую заботу. Мы не в силах идти дальше. Тем более с детьми на руках. Самой старшей, Меди, только четырнадцать лет. Запасы еды уже на исходе. В горах дети погибнут от голода и холода. Лучше уж плен, чем это. Солдаты, наверное, не убьют женщин и детей. На все воля Божья. От судьбы не убежишь. Но если вы останетесь с нами, вас или убьют, или сошлют в Сибирь. Бийсолта, конечно, еще подросток, но на вид и он уже мужчина. То же самое грозит и ему. Да и помочь он нам ничем не сможет. Из наших мужчин в живых остались только Зелимхан и он, ну и эти дети. Поэтому возьми с собой и Бийсолту. А нас солдаты, быть может, и не заметят. И запасов еды у нас хватит дня на два. Мы будем экономить. Найдите Зелимхана и сообщите ему, что мы остались здесь...

Бийсолта сидел молча, уставив глаза на огонь. В его голове кружился целых клубок мыслей - юноша не знал, как ему поступить.

- Бийсолта, ты что скажешь? - спросил Элбарт. Бийсолта тяжело вздохнул.

- Я не знаю, как мне поступить. С одной стороны, Беци, конечно, права. Оставшись здесь, я ничем не смогу им помочь. Как сказала Беци, солдаты или убьют меня, или заберут с собой. Я не справлюсь с ними. Ладно, уничтожу я десять солдат, сотню. Или погибну еще до того, как успею что-то сделать. И в том, и в другом случае я не смогу хоть чем-нибудь помочь ни женщинам и детям, ни брату. Мне думается, что, выбравшись отсюда и примкнув к брату, я принес бы значительно больше пользы. С другой стороны, я не могу покинуть оставленных под моей защитой Беци, Зезаг и детей. Не могу бежать как последний трус. Люди скажут, что я убежал из страха за свою жизнь. Видит Аллах, я не боюсь смерти. Но и бессмысленно умирать тоже глупо. Я поступлю так, как скажут Беци и Зезаг. Решать им, я не имею права не подчиниться их воле.

Женщины категорически отказались оставлять с собой Бийсолту. Юноша попрощался с невестками, обнял племянников и племянниц и последовал за Элбартом...

Чтобы уже никогда не увидеться с ними...

За голову Зелимхана давно уже была объявлена награда в восемнадцать тысяч рублей. Восемь тысяч из них были выделены из государственной казны, десять тысяч собрали с чеченских аулов. В течение нескольких лет в горах не объявлялось предателя даже за такую огромную сумму. Народ не хотел предавать своего сына, поднявшегося против власти, чтобы мстить ей за угнетение. Народ гордился им и берег его. Предателей хватало и среди чеченцев, но они боялись сдавать Зелимхана. Знали, что их предательство не укроется от народа. И тогда, во-первых, их ждала неминуемая смерть от руки Зелимхана, если он выживет, или от его друзей, если харачойцу спастись не удастся. Во-вторых, они понимали, что народ навеки проклянет их потомков.

Но находятся все же люди, готовые ради денег, богатства или славы не моргнув глазом продать собственных родителей, братьев, жен. Их не пугает ни гнев Всевышнего, ни проклятье народа. Они не думают о своей семье и потомках. Деньги, богатство, слава лишают их разума, зрения и слуха. Именно таким был один из абреков Зелимхана Юсуп, выходец из ингушского аула Даттах. Зелимхан давно не доверял ему, не верил его бегающим глазам. Но Юсуп пока что не попадался на предательстве, а подозрения в любом случае оставались всего лишь подозрениями. Этот самый Юсуп договорился с властями убить своего предводителя и боевого товарища за обещанную награду в 18000 рублей. Но ему не удалось осуществить свой замысел.

По доносу Юсупа власти схватили четырех товарищей Зелимхана из хамхойцев и цоройцев - Эдалгери, Магомеда, Азамата и Мута-Али. Андронников уже три дня допрашивал их в своем штабе. Лица пленников были в сплошных синяках от бесконечных побоев.

Андронников каждый день задавал одни и те же вопросы и получал на них одни и те же ответы.

- Где Зелимхан?

- Зелимхан не останавливается на одном месте, он везде...

- Где его семья?

- Не знаю. Он часто перевозит ее с места на место...

- Говори, где Зелимхан и его семья? Я повешу тебя на первом же суку, плешивая собака!

Их допрашивали по одному. Прибегая ко всевозможным уловкам, пытаясь обмануть. Когда не добивались от них ответов, за дело брались два рослых, сильных казака. Они били их в голову, живот, пах. На первом допросе ноги пленников не были связаны. Цороевец Азамат, получив удар от казака, ответным ударом ноги в живот повалил его. После этого арестантам связали и ноги.

Пленники, измученные пытками и побоями, договорились выдать место, где скрывалась семья Зелимхана. Жизни женщин и детей все равно ничего, кроме ареста, не угрожало, за то их перестали бы пытать. Выбив, таким образом, у пленников информацию о местонахождении семьи Зелимхана, Андронников на время оставил их в покое. Улучив момент, четверо пленников убили охранника и скрылись.

Они быстро нашли Зелимхана и рассказали ему все, не утаив ни одного слова. Первым делом отправились к предателю. Разбудили спящего у себя дома Юсупа, вывели его за аул и расстреляли. Перевернув труп на спину, абреки положили на толстые лошадиные губы Юсупа медную трехкопеечную монету и прикрепили к его груди записку: "Цена предателя - три копейки".

Беци и Зезаг остались одни в этих диких горах с детьми на руках. То ли почуяв в пещере коня, то ли людей, то ли еще почему-то, но по ночам к пещере приходили волки и выли до утра. Солдаты не появлялись. Кончались дрова, заготовленные Элбартом и Бийсолтой, продуктов оставалось от силы на один день. Правда, на самый крайний случай в узелке хранилось немного жареной муки из сушеных диких груш, но это мало утешало. Они не имеют абсолютно никакого понятия, где находятся. О продолжении пути нечего и думать. На обратный же путь нет сил, да и дороги назад они не найдут. Элбарт и Бийсолта сообщат все Зелимхану. Но когда еще они его найдут и когда он найдет их?..

Вход в пещеру занесло снегом. Беци кое-как разгребла его руками и вышла наружу. На ближайшей скале стояли какие-то люди. Женщина заскочила обратно в пещеру.

- Здесь какие-то люди! - закричала она.

- Это солдаты?

- Нет. Кажется, аварцы.

- Они видели тебя?

- Конечно! Как же им не увидеть?

- Дым от нашего костра... Он же выдает нас...

Зезаг подошла к выходу из пещеры и осторожно выглянула наружу.

- Ва-й, Боже мой, они идут сюда! Что же нам делать!

- А что мы можем сделать? Сохраняй спокойствие. Они не должны видеть на наших лицах испуг.

Скрываться было бесполезно и женщины вышли из пещеры. Рядом с дагестанцами появились и солдаты. Они, не решаясь подойти к ним, укрылись за огромными валунами и направили на пещеру винтовки.

- Люди, есть с вами мусульмане? Чеченцы, ингуши? - крикнула Беци. - С нами нет мужчин, у нас нет оружия! Нас двое женщин и шестеро детей! Самой старшей из детей четырнадцать лет!

Оказывается, солдаты были и на скале над пещерой. Оттуда сползли вниз два человека.

- Мы ингуши. Не надо нас бояться. Зелимхан с вами? Женщины успокоились, услышав родной язык.

- С нами нет ни Зелимхана, ни кого-либо из мужчин. Нас двое женщин и шестеро детей.

- Где Зелимхан?

- Мы не знаем.

Двое дагестанцев осторожно вошли в пещеру. Не найдя там никого, кроме прижавшихся друг к другу испуганных детей, они вышли наружу. Подошли еще несколько дагестанцев. Поняв, что для них здесь никакой опасности нет, вдруг осмелевший рыжий дагестанец с лошадиной головой повернулся к женщинам и захохотал, обнажив большие желтые зубы.

- Теперь-то вы в наших руках! - сказал он на чеченском языке. - Наш труд оказался не напрасным!

- Что ты ржешь, как аварский осел? - прикрикнул на него стоящий поблизости ингуш. - Что-то ты осмелел перед женщинами и детьми! Будешь смеяться, когда поймаешь Зелимхана! Если он до этого не отправит тебя в ад к твоим вонючим предкам!

Женщины с благодарностью посмотрели на ингуша.

- Сворачивайте свой скарб, - сказал второй ингуш. - Нам надо отвести вас к князю.

Сборы были недолгими. Зезаг собрала одежду. Посуда и все прочее им уже не пригодится. Какой-то аварец тщательно осмотрел их переметные сумы в поисках чего-нибудь стоящего. Не найдя ничего, он закинул их себе на плечо. Двое ингушей взяли детей за руки, и они по глубокому снегу вереницей пошли вперед. Неожиданно один из дагестанцев остановился, побежал обратно к пещере и вскоре вернулся с лошадью.

В Эшкалах Андронников лично допросил женщин. Беци и Зезаг видели много офицеров. Добровольского, Ханжалова, Чернова, офицеров ниже рангом. Этот грузин был не первым, кто их допрашивал, они научились быть терпеливыми, отвечать осторожно. Почему-то офицеры из кавказцев отличались большей жестокостью, нежели русские. Одного взгляда на Андронникова было достаточно, чтобы понять, что рассчитывать на милосердие этого человека было делом безнадежным. Кучерявые волосы, красивое лицо, строгая офицерская выправка. Но заостренные кончики тонких усов, лягушачьи губы, не мигающие, как у змеи, разноцветные глаза свидетельствовали о том, что в этом франтоватом князе не было ни капли благородства.

- Твое имя?

- Беци.

- Ты жена Зелимхана?

- Да.

- Сколько тебе лет?

- Тридцать пять.

- Сколько у тебя детей?

- Пятеро. Две дочери, три сына.

- Их возраст?

- Старшей дочери четырнадцать лет, младшему, сыну один год.

Вопросы и ответы переводил ингуш, сидящий здесь же офицер все записывал.

- Другая женщина с тобой, кто она?

- Жена моего деверя.

- Где ее муж?

- Убит, три года назад.

- Где Зелимхан?

- Не знаю. Я уже месяц не видела его.

Беци и Зезаг допрашивали два дня. Каждый раз они давали одни и те же ответы. Это выводило Андронникова из себя.

- Я повешу тебя, ...! - набросился он на Беци, брызгая слюной. - Перережу твоих ублюдков! Говори, где Зелимхан!

Ингуш перевел слова князя и добавил от себя:

- Все это болтовня. Он не имеет права ни повесить тебя, ни даже дотронуться до тебя. Не говори им, где прячется Зелимхан, даже если знаешь это!

- Скажи ему, что я не знаю где Зелимхан, не знаю, жив он или нет. Ты мучаешь женщин и детей, захватив нас с помощью нескольких тысяч солдат. Если он такой герой, пусть захватит Зелимхана. Скажи, что Зелимхан не повесит и не зарежет его, а одной лишь пулей вышибет ему мозги.

Ингуш не стал переводить ее слова.

- Она говорит, что не видела Зелимхана месяц, что не знает, жив он или мертв.

- Ладно, проклятая ведьма! - угрожающе помахал пальцем Андронников, скривив губы. - Я отведу тебя во Владикавказ, ..., и брошу в тюрьму вместе с твоими поросятами! Когда тебя начнут таскать за волосы, станут вытягивать твой язык и выдергивать зубы один за другим, когда каленое железо начнет жечь твое тело, тогда ты быстренько расскажешь, где скрывается Зелимхан!

Вошел ингуш Дауд-Гери и вывел Андронникова, в бешенстве расхаживающего из стороны в сторону, в коридор.

- Ваша светлость, мы узнали, где Зелимхан.

- Где он?

- На границе с Хевсуретией!

- Много с ним разбойников?

- Пятеро. Шестой - его пятнадцатилетний брат. Но идти туда опасно, ваша светлость...

- Почему?

- Как бы он не устроил засаду... Андронников высокомерно улыбнулся.

- Жаль, что с ним не будет всех его разбойников! Чтоб уничтожить их одним ударом! Спасибо тебе, Дауд-Гери. Ты принес прекрасную новость. Мы этого не забудем.

Веселый Андронников вошел обратно к себе. Князь подошел к Беци.

- Ты слышишь, ...? Не сегодня, так завтра я узнаю, что за герой твой Зелимхан! Я пленил его жену и детей. Какой это позор для горца! Он не имеет права носить папаху, если не отобьет вас у меня! Если он мужчина, то обязан заявиться сюда! Тогда я расправлюсь с этим трусливым шакалом!

Ингуш не стал переводить его слова, но Беци поняла, что слова ротмистра не обещают ничего хорошего.

Андронников стал готовиться к операции на границе с Хевсуретией. Князь вызвал к себе начальника саперного взвода поручика Афанасьева:

- Завтра утром к девяти часам отряд выступает в горы. Но до этого вам надо выполнить одну работу. Мои лазутчики сообщили, что Зелимхан и его разбойники провели несколько ночей в Нелхе и Эрштах. Вы должны взорвать там башни и самые богатые сакли. Да так, чтобы от них камня на камне не осталось.

В девять часов утра следующего дня отряд снялся с места. Беци и Зезаг разместили в середине отряда. Ахмада и Умар-Али женщины несли на плечах. Другие четыре ребенка шли пешком по глубокому снегу. Перед пленниками и позади них шли дагестанские всадники. Казаки и солдаты запели. Все тот же рыжий аварец опять оказался рядом.

- Как вам нравится эта песня?

Беца старалась сохранять спокойствие, но в конце концов не выдержала:

- Дай вам Аллах оказаться в таком же положении, что и мы! Как тебе не стыдно унижать женщин! Разве ты не мусульманин? Разве ты не горец? Завтра на нашем месте могут оказаться и твои жена и дети? Если ты такой мужчина, скажи это Зелимхану!

- И Зелимхана поймаем. С ним у меня будет совсем другой разговор!

Песня солдат и казаков как острие кинжала проходила по сердцам женщин, а

слова рыжего аварца ложились солью на эти раны.

Через одну версту пути Магомед и Лом-Али устали. Они стали часто падать в глубокий снег. Женщины взяли их за руки. Беци всю дорогу просила помощи у Аллаха. Всевышний услышал ее молитву - проезжавший мимо полковник Курдиев поднял Магомеда и усадил на коня перед собой...

Окруженный со всех сторон царскими войсками, преследуемый ими по пятам, Зелимхан остановился в малхинских горах. Здесь он был поближе к семье. Товарищи его на время укрылись в разных частях Чечни и Ингушетии. С харачойцем остался только брат. Позже к ним присоединились сбежавшие из плена четверо ингушей и Элбарт. Теперь их было уже шесть человек, даже не считая юного Бийсолту.

До появления здесь пятерых своих товарищей Зелимхан планировал на время уйти в Хевсуретию. Но известия о нависшей над его семьей угрозе перечеркнули эти планы. Тем более, что и путь в Хевсурегию для него уже был закрыт. Повсюду в горах, словно муравьи, сновали солдаты, казаки, дагестанцы, грузины. На границе с Хевсуретией, по всей ее длине, стояли грузинские милиционеры и солдаты. Но Зелимхан не мог, словно лиса, загнанная охотниками в нору, укрыться в горах и ждать, ничего не предпринимая. У него не было сил освободить семью, увезенную во Владикавказ. Но что он мог сделать, так это отомстить своим врагам. И он отомстит. Прежде всего - Андронникову и Донагулову. Эти двое - горцы. И не только. Они - его соседи. Грузин и аварец. Слуги, рабы русского царя, его цепные псы. Но у Зелимхана только пять человек, врагов же - больше тысячи. У них вдоволь оружия. Пушки, пулеметы, у них кони и ослы. Ладно, этих свиней-то они перестреляют, будь их хоть тысяча, хоть две. Но для этого нужно оружие. А где его взять? У них только две винтовки и сотня патронов. Зелимхану нужно еще пять винтовок и две тысячи патронов...

- Элбарт!

- Да.

- Мне нужно пять винтовок и две тысячи патронов.

- Зачем?

- Чтобы перестрелять этих свиней.

Элбарт молчал. Остальные товарищи спали. Не дождавшись от Элбарта ответа, Зелимхан позвал его снова.

- Элбарт!

- Да.

- Почему ты молчишь?

- Я думаю. Откуда нам взять столько оружия?

- Я не знаю. Потому и спросил. Я вот что подумал. Может, удастся найти оружие в ваших аулах. Пятизарядных винтовок никто не даст. Меня устроили бы любые, даже кремневки. Лишь бы было побольше пороха и пуль. Ты хамхоец, Элбарт, люди твоего тейпа не могут не помочь тебе. Сходи, посмотри что получится. Заодно попробуй узнать, где эти проститутки Андронников и Донагулов.

Элбарт надел бешмет и черкеску, обулся в сапоги из сыромятной кожи, натянул на голову баранью папаху и вышел.

За Зелимханом охотится более двух тысяч врагов. Они перекрыли все дороги. Но в горах есть тропы, которые им неизвестны. Тропы, по которым ходят лишь архары. Даже если бы они и знали их, солдаты и казаки все равно не смогли бы ходить по

ним. А для Зелимхана и его товарищей это вполне обычное дело. Абреки лазят по горам как заправские альпинисты. Их научила этому тяжелая жизнь. Абреческая жизнь. Все, что нужно Зелимхану - это пять винтовок и две тысячи патронов. Чтобы уничтожить две тысячи врагов...

О том, что саперы получили задание взорвать дома в Эрштах, Зелимхан узнал в ту же ночь. Он передал сообщение об этом Саламбеку и поручил ему уничтожить взвод саперов. Ингуш устроил засаду и перестрелял множество солдат, в их числе и поручика Афанасьева. Но как же много еще живых врагов...

Зелимхан ни на минуту не забывает свою семью. Несчастные Беци, Зезаг, Меда, Эни, Магомед, Лом-Али, Умар-Али, Ахмад. Две женщины, две девочки, четыре мальчика. Все они в тюрьме. Особенно много Зелимхан думает о Зезаг. Она овдовела слишком рано, когда только-только начинала семейную жизнь, в начале самой счастливой ее поры. Беременная первенцем, которому суждено было остаться единственным. Зезаг могла вернуться в отчий дом после одного-двух лет жизни в семье мужа, оставив Лом-Али родственникам его отца. Имела никем не оспариваемое право выйти замуж вторично. Но она этого не сделала. Зезаг осталась в семье покойного мужа, рядом со своим сыном. И это при том, что ни мирной жизни, ни спокойствия здесь она не приобрела. Вместе с семьей Зелимхана испытывает горькие лишения. У нее нет ничего, кроме собственного тела. Да и ему она не хозяйка. Всегда, каждую минуту и секунду за нею неотступно ступает смерть, наступая на пятки. А впереди маячит тюрьма. Сейчас она уже в тюрьме, как и остальные. И только Аллаху известно, какая судьба их ждет впереди. Может, и в Сибирь сошлют. Туда угнаны сотни семей. Женщины, дети, старики. Семья Зелимхана не первая и не последняя. Именно он, Зелимхан, виноват в несчастной доле Зезаг...

На вторую ночь вернулся Элбарт. Он принес всего лишь одну одностволку, немного пороха и штук двадцать пуль.

Зелимхан покрутил в руках ружье.

- Больше ничего не нашел, Элбарт?

- Ничего. Конечно, у людей не может не быть оружия. Но оно спрятано. Люди боятся его показывать. Даже родственникам. Власти запугали людей.

- Тебе удалось узнать о планах этих свиней?

- Они поднимаются вверх по ущелью Ассы.

- Андронников и Донагулов с ними?

- Да. Оба. И полковник Курдиев тоже. Кто-то донес им о том, что ты находишься здесь.

Не теряя времени Зелимхан отправился на мост через Ассу. Хотя мост находился недалеко, но дорога к нему была очень трудной. Точнее, ее не было вовсе. Нужно было пробираться по скалам. Снег. Льды. Кое-где приходилось прорубать топором уступы. В иных местах не помогало и это. В этом случае абреки пользовались веревками. В местах с глубоким снегом на ноги надевали дирки. Кроме всего прочего, сохранялась опасность напороться на врагов. Солдатам не составило бы труда перестрелять их здесь, как куропаток.

Поздним вечером второго дня абреки добрались до моста. Разыскав укромное место, где зарево и дым от костра не были бы заметны издалека, они высушили намокшую одежду, поели и легли спать. Вернее, разложили вокруг костра нарубленный в лесу хворост и, скрючившись, обняв обеими руками колени, прилегли на бок. Несмотря на жесткость постели и поднимающийся от земли холод, уставшие абреки моментально заснули. Не спал только Зелимхан. Сон не шел к нему. Завтра отряд должен подойти к этому мосту. У них же только две пятизарядные винтовки, сотня патронов к ним, одно ружье и около двадцати пуль к

нему. Зелимхану же нужно еще пять винтовок и две тысячи патронов...

- Элбарт.

Только-только заснувший Элбарт присел.

- Среди поднимающихся сюда войск есть офицер-ингуш?

Элбарт подумал.

- Да. Их несколько.

- Есть среди них кто-нибудь из твоего тейпа? Да, двое. Хамхойцы Магомед-Гери и Ирисхан.

- Что они за люди?

- Это благородные люди, уважаемые в нашем тейпе.

- Они конахи?

- Я могу ручаться за одного из них, Магомед-Гери. Это мужественный, надежный человек.

- Где он может находиться этой ночью?

- Я слышал, что ночью он бывает дома. В Эшкалах. Зелимхан некоторое время молчал, обдумывая что-то.

- Ты смог бы устроить мне с ним встречу? Сегодня?

- Если он дома, смогу.

- Тогда мы идем в Эшкалы.

Зелимхан не стал посвящать Элбарта в свои планы. Они сразу же пустились в путь, прихватив с собой только револьвер.

Через час пути по обходным тропам, по полям и огородам они вступили в Эшкалы. Минуя улицы, задами, перелезая через ограды, абреки добрались до чьего-то сада. Оставив здесь Зелимхана, Элбарт зашел в саклю, в окне которой мерцал тусклый свет. Вскоре он вернулся вместе с хозяином. Вполголоса поприветствовав гостей, хозяин без лишних слов завел Зелимхана в саклю. Это было бедное жилище, как и большинство жилищ в этих горах. Голые стены, почерневший от сажи очаг, ниша в стене, в которой слабо горела лампа без стекла. Трое детей, укрытые одеялом спали крепким сном на земляной кровати. Хозяйка поприветствовала гостей и принялась готовить еду. Но Зелимхан остановил ее - абреки спешили.

Хозяин вышел, оставив гостей в сакле, и вскоре вернулся, ведя с собой Магомед-Гери. Это был крепкий человек лет тридцати пяти со стальным цветом лица. После взаимных приветствий Зелимхан сразу же перешел к делу.

- Магомед-Гери, ты знаешь, что за мной охотятся две тысячи солдат, казаков, дагестанцев и грузин. Они решили захватить или убить меня. Андронников пленил мою семью. Мою жену, вдову моего брата, ее сына и пятерых моих детей. Завтра эти враги Божьи полезут в горы. Две тысячи свиней во главе с двумя боровами - Андронниковым и Донагуловым. Я должен уничтожить их всех. Со мной пятеро товарищей и пятнадцатилетний брат. У нас две пятизарядные винтовки и одно ружье. Этого оружия мало. Мне необходимо найти еще пять винтовок и две тысячи патронов. С этой проблемой я и пришел к тебе, Магомед-Гери. Мне нужна твоя помощь.

Магомед-Гери долго молчал, положив голову на ладонь и уставив глаза на пол. Он не мог отказать в помощи человеку, тем более Зелимхану, но у него не было

никакой возможности выполнить его просьбу. А это гость. Дорогой гость. Чеченец. Зелимхан.

- Зелимхан, у меня одна винтовка и около двадцати патронов. У меня нет другого оружия. Я отдам тебе все, что у меня есть.

- Магомед-Гери, я знаю, что у тебя нет пяти винтовок и двух тысяч патронов. Но у вас в отряде несколько тысяч винтовок и множество патронов.

- В отряде оружие есть, Зелимхан, но оно недоступно для меня. Его хорошо охраняют днем и ночью. Я не имею права взять оттуда хоть один патрон. А отобрать его у солдат я не могу. У меня не хватит на это сил.

- Магомед-Гери, я пришел к тебе после того, как твой брат по тейпу Элбарт рекомендовал тебя как мужественного, благородного горца. Пришел за помощью. Я верю, что ты именно такой человек, каким тебя представил Элбарт. Но, может быть, свое мужество, благородство и верность ты подарил царю, или в твоих жилах течет не вайнахская кровь?

Магомед-Гери вскочил, словно ужаленный.

- Зелимхан, в моих жилах течет вайнахская, мусульманская кровь! Я готов отдать свою жизнь, всю свою кровь, до последней капли, во имя ингушского, вайнахского народа. Но у меня нет сил выполнить твою просьбу. Это одно. Второе, даже будь у меня такая возможность, переданное мною тебе оружие принесет только зло чеченскому и ингушскому народам. Ты устроишь засаду и убьешь десять-двадцать солдат, а власти схватят и сошлют в Сибирь сотни людей, выжгут аулы, оставят детей сиротами, женщин - вдовами, стариков - без опоры на старости лет. Я не хочу принять на себя такой грех, Зелимхан. У тебя у самого убиты дед, отец, братья и дяди, твои жена и дети в тюрьме. За последние десять лет из-за тебя пролиты кровь многих людей, слезы многих женщин и детей. Они проклинают тебя, молят Аллаха наслать на тебя смерть. Мы созданы не для вечной жизни, каждый из нас умрет в свой срок. Как бы ты ни бегал, придет и твой час. Остановись хотя бы сейчас, сдайся властям, предстань перед их судом. От судьбы ведь все равно не уйдешь.

Зелимхан внимательно выслушал Магомед-Гери. Его слова не были для харачойца чем-то новым. Он и сам много думал о своей судьбе. Но Магомед-Гери раздул не угасавший в его душе огонь, который забушевал с новой силой.

- Значит, Магомед-Гери, в бедах народа ты обвиняешь меня? Эти слова принадлежат не тебе, они принадлежат царю и его власти. Это говорит не ингуш, а царский офицер. Мой дед Бахо прожил больше ста лет. Еще до рождения его деда, двести лет назад вступили русские на земли чеченцев и ингушей. Чтобы захватить этот край, обратить в рабство наши народы, превратить нас в христиан. За эти двести лет русские войска умертвили сотни тысяч чеченцев, сожгли дотла сотни аулов. Сотни чеченских и ингушских аулов разрушены по несколько раз. Сотни тысяч чеченцев изгнаны с родной земли. Одни томятся в Сибири, другие медленно умирают в Турции. Русские отобрали лучшие земли чеченцев и ингушей и обосновались на них. В те годы меня еще не было на свете, Магомед-Гери. Когда чеченцев и ингушей, выезжавших работать за плату на земли своих отцов, чтобы батрача на русских заработать кусок хлеба для голодной семьи, когда их изгоняли оттуда обратно в горы, дотла выжигая их хутора, так вот, Магомед-Гери, тогда ведь я не был абреком. Кровь чеченцев, слезы наших женщин и детей льются уже двести лет. Во всех бедах чеченцев и ингушей за последние десять лет, в гибели тысяч горцев, в слезах женщин и детей, в уничтожении аулов виноват не я, Магомед-Гери, в этом виновата власть русского царя, которой верно служите вы, ты и такие же, как ты. Что же касается моей жизни, то знай, я не оцениваю ее даже в медный пятак. Вот уже десять лет я каждый час, каждую минуту, каждую секунду сталкиваюсь со смертью. Я не знаю, что ждет меня за этой дверью. Я не боюсь смерти, Магомед-Гери, я боюсь умереть, не отомстив врагам моего народа за все то, что они сотворили с ним. Чтобы выполнить это, чтобы наказать их, мне

нужно пять винтовок и две тысячи патронов. Найди их для меня, Магомед-Гери, если ты ингуш, мусульманин и хамхоец!

- Зелимхан, я ингуш, мусульманин и хамхоец. Но у меня нет возможности передать тебе оружие отряда. Я поищу у людей и попробую достать для тебя пять винтовок и пятьсот патронов. Зелимхан, не пытайся опозорить меня, требуя невозможного!

- Хорошо, Магомед-Гери. У нас много оружия, оно спрятано в разных местах. Но сегодня оно для меня недоступно. Есть и вооруженные товарищи, которые укрываются по всей Чечне и Ингушетии. У меня нет времени собрать их или добраться до оружия. Оно мне нужно этой ночью. Чтобы завтра утром уничтожить свиней, которые идут к мосту через Ассу. Если ты принесешь мне оружие, купив, выпросив или взяв взаймы у людей, я верну его не позже чем через три дня, если останусь жив. Или то же самое оружие, или лучше него.

Магомед-Гери и Элбарт вышли вместе с хозяином. Через два часа они вернулись и выложили перед Зелимханом пять винтовок и пятьсот патронов...

Мост через Ассу был возведен в самом узком месте ущелья. Края его опирались на каменные берега. Мост был деревянный, при его строительство не было использовано ничего металлического, за исключением железных гвоздей. От одного взгляда с моста вниз у иных людей кружилась голова. По мосту нельзя было проехать на повозке, да и не было здесь подходящих для них дорог. Пешие могли спокойно разминуться на мосту, а всадник, прежде чем ступить на мост, спешивался. Верхом на коне через мост переходил только очень уверенный в себе человек, в себе и в своем четвероногом друге. Прибывший на рассвете к мосту Зелимхан устроил из своих военных сил две засады. Взяв с собой Азамата, Магомеда и Бийсолту, он занял позицию на высокой скале прямо напротив моста. Эти четверо должны были открыть огонь, когда передовая часть отряда вступит на мост. Элбарт, Мута-Али и Эдал-Гери взобрались на скалу в пятистах шагах ниже от моста. Эти трое должны были обрушить огонь на арьергард отряда сразу же после выстрелов первой группы, отрезая солдатам пути отхода. У каждого из семи абреков были винтовки, по сто патронов, еда и вода на один день на тот случай, если им придется прождать здесь до вечера.

Когда солнце поднялось высоко в небо, в ущелье показался авангард отряда. Две конные сотни казаков и дагестанцев впереди и две роты пеших солдат за ними. В самом хвосте отряда шли ингуши, насильно взятые в отряд. Они везли продовольственные припасы, ящики с патронами и другое имущество отряда.

Зелимхан через бинокль внимательно следил за приближающимся к мосту отрядом. Впереди ехали офицеры. Их было несколько человек. Зелимхан сразу же узнал двоих из них - Андронникова и Донагулова. Князь и аварец о чем-то беседовали. Судя по их беспечному виду, офицеры были уверены в своей безопасности.

- Сначала уничтожим офицеров. Я беру Андронникова, ты же, Азамат, убери Донагулова. Магомед, ты и Бийсолта возьмите по офицеру.

- Э, Зелимхан, я не согласен! Андронникова надо оставить мне.

- Нет, Азамат, он пленил мою семью. Я поклялся убить его.

- А меня, связанного по рукам и ногам, по его приказу избивали двое казаков! Он стоял и смотрел, подсказывая, как и куда бить. Хохоча от удовольствия. Нет, Зелимхан, этого грузина убью я. Вдобавок, будучи начальником нашего Назрановского округа, он пролил немало слез ингушских женщин и детей. А ты убей другого, аварца Донагулова. Он же тоже участвовал в захвате твоей семьи. Допрашивал по очереди с Андронниковым Беци и Зезаг. Его аварцы немало вредили твоей семье.

- Хорошо, Азамат, Андронникова я оставляю тебе. Зелимхан возвел глаза к небу и поднял руки для доа:

- Аллах, сотворивший мир и все живое! Всесильный наш Владыка! Милостивый и Милосердный, наделяющий от Щедрот своих все создания свои на земле и под водой! Оказывающий помощь слабым и бессильным! Наделяющий нас терпением в минуты горя! Мы свидетельствуем, что Ты един и нет у Тебя сотоварищей! Мы свидетельствуем, что Мухаммад - раб твой и пророк! Мы признаем и почитаем Твоих святых, стремимся идти указанной Тобой прямой дорогой! Смилуйся над нами и помоги нам сегодня! Если мы предприняли сегодня неугодное Тебе дело, лиши на зрения и отними силу рук наших, посели страх в наших сердцах! Если же Ты одобряешь наш путь, проясни наши глаза, укрепи руки и придай нашим сердцам мужества! Дай нам, измученным врагами Твоей истинной религии, дай нам силы отомстить им! Нам не на кого уповать, кроме как на Тебя! Помоги нам, изгнанным из своих домов этой христианской властью, гонимым ею по горам и лесам, испытывающим голод и холод! Помоги нам, о Аллах, наш Всесильный, Милосердный и Щедрый Господь!..

У самого моста офицеры спешились и взяли коней под уздцы. Впереди всех шли Андронников и Донагулов. За ними - полковник Курдиев.

- Что будем делать с Курдиевым? - спросил Магомед.

Зелимхан не забывал малейшего доброго дела, совершенного по отношению к нему и его семье. Когда его сын, пробираясь по глубокому снегу, устал и стал падать, Курдиев, заметивший это, поднял мальчика и усадил на коня. Зелимхан помнил это.

- Курдиева не трогать.

Сначала Зелимхан прицелился в лоб Донагулова, точно между глаз. Чтобы развеять по ущелью его мозги. Потом перевел прицел на сердце. Но абрек не нажимал на курок. Выстрел в лоб или в сердце сразу же убил бы этого вонючего подонка! Зелимхан не хотел, чтобы он умер так быстро. Надо, чтобы он жил, но жил в каждодневных муках. Как и семья Зелимхана. Чтобы он был ни живым и ни мертвым. Куда же стрелять? Офицеры дошли до середины моста. Внезапно Зелимхана осенило. Говорят, у Донагулова очень красивая жена. Он ее безумно любит. Но, несмотря на это, говорят, этот аварец еще и большой любитель ходить к чужим женщинам. Словом, этот Донагулов... в мужской одежде. Надо отстрелить ему мужское достоинство, чтобы до самой своей смерти он мог любить женщин только глазами...

- Аллаху акбар!

Четыре винтовки выстрелили одновременно. Андронников и два других офицера упали. Донагулов сначала схватился за живот ниже пупка, наклонился вперед и медленно упал на колени. В это время раздались выстрелы и засевших внизу товарищей Зелимхана. После чего и здесь, и там началась беспрерывная пальба. Из-за растерянности офицеров среди солдат возникла паника. Конные казаки, дагестанцы и пешие солдаты перемешались, превратившись в живой клубок. Растаптывая убитых и раненых, не обращая на них никакого внимания, они бегали по дороге в поисках укрытия. Пришедшие, наконец, в себя офицеры стали наводить кое-какой порядок в рядах своего войска. Укрывшись за валунами и в ямах, отряд открыл беспорядочную стрельбу во все стороны. Заработали пулеметы. Но даже целый год такой стрельбы не смог бы причинить вреда Зелимхану и его товарищам. Пули же абреков попадали точно в цель. Враги падали убитыми и ранеными. Раненые стонали, кричали, тщетно зовя на помощь. На них никто не обращал внимания. Воспользовавшись суматохой, ингуши, принудительно вовлеченные в отряд, ускакали прочь.

Поняв, что стрелять в камни бессмысленно, отряд собрал убитых и раненых и, во избежание еще больших потерь, повернул назад.

Когда отряд отошел на недосягаемое для их пуль расстояние, Зелимхан поставил приклад нагретой стрельбой винтовки на землю. Он смотрел вперед, пока

последний солдат не скрылся из вида. Потом опять, как и перед боем, воздел руки, устремил ясный взор на небо поверх гор и воскликнул:

- О Аллах, наш Всесильный, Милосердный и Щедрый Владыка! Мы славим Тебя за то, что ты дал нам силы одержать победу над этими гяурами!

Когда подошли сидевшие в засаде товарищи, Зелимхан ушел еще выше в горы.

В ущелье Ассы установилась тишина, будто здесь никогда не было войны.

"*Начальнику Терской области.*

1910 год. 22 сентября. № 1678. г. Владикавказ.

Доношу Вашему Превосходительству, что 20 сентября близ полудня начальник округа, ротмистр гвардии князь Андронников с шестью сотнями Дагестанского полка, сопровождая захваченную им семью абрека Зелимхана Гушмазукаева, близ хутора Ерш Соринского общества, в узком Ассинском ущелье был встречен засадою абреков, открывших по нем с трех пунктов неприступных скал усиленный огонь. За девять часов сильного боя оказались убитыми: начальник округа ротмистр князь Андронников, поручик 3-го кавказского саперного батальона Афанасьев, 4 всадника с шестой сотни Дагестанского полка, один милиционер 4-й сотни Терской постоянной милиции Цыганков, проводники - житель цоринского общества Мишхиев и представитель шамхинского общества. Ранены: командир 6-й сотни вышеупомянутого полка ротмистр Донагулов четырьмя пулями, пять всадников его сотни, милиционер 4-й сотни Терской постоянной милиции Козлов. Лошадей убито 10, ранено 4. Из разбойников, по заявлению некоторых участников перестрелки, убит один и ранен один. Причем оба унесены товарищами...

Помощник начальника Назрановского округа".

ГЛАВА XX СЫН НАРОДА

Воистину, друзья те, кто наши кандалы надели на себя...

Хисроу

Итоги боя на Ассинском мосту вывели генерала Михеева из себя. Инициатор этой операции и ее руководитель князь Андронников убит. Убиты еще несколько офицеров, больше полусотни солдат. Раненых еще больше. Он не берет в расчет раненых и убитых дагестанцев и иных туземцев. А самая большая надежда Андронникова ротмистр Донагулов! Все знают, почему Зелимхан не убил его, а только ранил! Раздробив самую дорогую для мужчины часть тела! Для аварца лучше было бы умереть, чем жить с таким увечьем. Все радости жизни ему уже недоступны.

Но генерала злило совсем другое. Поверив Андронникову, Михеев дал наместнику слово покончить со знаменитым абреком. С каким лицом он появится теперь перед наместником? Шестеро разбойников и один подросток заставили отступить роту солдат и две конные сотни казаков и дагестанцев! И не только это. Русские солдаты позорно бежали. Андронникову повезло. Останься он в живых, пришлось бы ему до конца своих дней носить на себе клеймо этого позора!

Через дверь из своего кабинета генерал вошел в зал. Нахмурив лоб, надув густые рыжие брови и крепко сжав тонкие губы, он прошел вперед и стал у стола. Все присутствующие встали, приветствуя начальника. Старшины ингушских аулов, имамы, кадии, уважаемые в народе старцы. Михеев молча, жестом предложил им сесть. Генерал бросил поверх собравшихся сердитый взгляд. Каракулевые папахи, турецкие тюбетейки, арабские чалмы. Суконные черкески с украшенными серебром газырями, суконные и атласные бешметы, башлыки. Черные, белые, покрашенные красной хной длинные, короткие и широкие бороды.

Когда в зале установилась тишина, Михеев начал неторопливую, жесткую речь:

- Его императорское Высочество, его власть и государство оказали вам доверие и назначили вас старшинами, имамами и кадиями. Вы лидеры своего народа, обязанные отвечать за него, за его судьбу, обязанные болеть душой за свою нацию, беречь ее от бед и несчастий. Но вы не выполнили свой долг перед царем и своим народом. По вашим просьбам власти списали с ингушского народа многие долги. Ингушам было предоставлено право работать на казачьих землях, жить там. Начальником вашего округа был назначен Андронников, о котором вы все хорошо отзывались. Вы взяли на себя обязательства соблюдать государственные законы, выплачивать государственные налоги, поставить в своем крае заслон против всякого рода злодеяний. Но ни это, ни многие другие свои обязанности перед государством вы не исполняете. Если думаете, что раз государство простило вам старые долги, то простит и новые, вы глубоко заблуждаетесь. Не простим ни копейки. Вы обязались изжить преступность. А ее стало еще больше. Кругом воровство и грабежи. Русские не могут разъезжать по дорогам, их убивают, похищают. Зелимхан и его разбойники бывают в ваших аулах. Вместо того, чтобы не пускать их к себе, вы, наоборот, охраняете их. Вместе с Зелимханом, устроившим засаду на Ассинском мосту, были пятеро ингушей. Вы знаете этих пятерых и других ингушских разбойников. Как же не знать, если они ночуют в ваших домах, если вы снабжаете их едой и оружием. Даю вам две недели на выплату всех государственных долгов. Если до конца этого срока вы не уплатите все сполна, я вышлю в ваши аулы войска и они выметут из ваших дворов всю живность, весь скот и всю утварь. Вдобавок расселю на постой по аулам солдат, а вы будете их содержать. Если до конца этого срока вы не выдадите своего главного разбойника - Саламбека и пятерых соучастников нападения Зелимхана на Ассинском мосту, мы сожжем дотла все аулы, где хоть раз бывали Зелимхан и его разбойники, а жителей этих аулов сошлем в Сибирь. Кандидаты на отправку с ними на каторгу могут оказаться и среди вас, сидящих здесь. И последнее. Я освобождаю всех вас от занимаемых должностей. На ваши места будут назначены

другие. Более мудрые. Временно передайте свои полномочия помощникам.

Михеев, не произнося больше ни слова, развернулся и вышел в ту же дверь, через которую вошел в зал.

Ингушские лидеры возвратились в свои аулы с разбитыми сердцами...

Михеев не стал ждать, пока пройдут две недели, отведенные ингушам. Начальник области начал действовать. Под угрозой оказались самые непокорные из ингушских аулов и аулы, откуда вышли известные абреки. Раньше других этот несчастный жребий выпал Сагопшам, родному аулу Саламбека. Власти требовали у аула выдачи Саламбека. В случае невыполнения этого требования угрожали сжечь аул, а всех его жителей сослать в Сибирь.

А на дворе стоял октябрь. Снег, давно уже шедший в горах, добрался и до их подножий. Холодная зима пробиралась в бедные сакли этих несчастных людей. Люди не знали, что делать. Они не хотели спасать себя и свои семьи ценой сдачи властям своего аульчанина. У Саламбека ведь тоже семья. Жена и маленькие дети. Он ступил на абреческий путь не по своей воле, не ради удальства. Саламбек поднялся на защиту народа. Ради народа он рыскал зверем по горам и лесам. Каждую минуту рискуя своей жизнью. Его толкнули на этот тяжелый и опасный путь жестокость и несправедливость властей с одной стороны и бедность и нужда - с другой. Саламбек не только их аульчанин и брат. Он сын несчастного ингушского народа.

Но если разрушат аул, женщины, дети, старики, больные и калеки останутся под открытым небом. Даже если их оставят в этом краю, кто их приютит? Все живут в нужде, пытаясь как-то прокормить семью. Им самим негде укладывать на ночь детей, не хватает постели. А если сагопшинцев все же разлучат с родными горами и сошлют в Сибирь? Не только у детей, даже у взрослых нет теплой одежды и обуви. Нет хлеба на дорогу, значит, все они умрут еще в пути. Там, в Сибири, говорят, зимы очень холодные. Выплюнутая слюна замерзает еще до падения на землю. Земля замерзает на два аршина вглубь, иногда она не оттаивает и летом. Зимой, говорят, ездят на санях, запряженных оленями и собаками. В горах есть люди, побывавшие там, видевшие все это своими глазами. Поэтому сагопшинцы были в растерянности, не зная, что делать, как поступить в такой непростой ситуации. Выдача Саламбека ляжет позором на весь ингушский народ, не одно столетие сагопшинцев будут проклинать за такое малодушие. Из народных проклятий вырастет целая гора. Но нельзя так же допустить и разрушения целого аула. Нельзя же допустить убийства ни в чем неповинных людей, нельзя допустить ссылки женщин и детей. Кто знает, могут появиться и те, кто будет проклинать Саламбека и старшину аула, когда женщины и дети начнут умирать от голода.

Самые уважаемые и почитаемые сагопшинцы не один раз обсуждали между собой эту проблему, с этими тяжелыми мыслями в голове они отходили ко сну и пробуждались по утрам. В конце концов аульчане решили, что будет правильно, если Саламбек сам определит свою судьбу и судьбу родного аула.

На улице было светло. Яркие звезды и луна освещали землю. Лужи на дорогах затянулись тонким льдом. Снятые Михеевым со своих постов старшина аула Орцхо, имам Межед и кадий Элаха открыли калитку и вошли во двор Саламбека.

Этот двор и эта сакля ничем не отличались от жилищ и дворов рядовых ингушей. Низкая сакля с длинными сенями, покрытая черепицей. На одной стороне двора хлев и небольшой навес. Чуть в стороне дуо - приспособление для хранения кукурузных початков. Рядом с ним курятник. Небольшой навес для печи, где его топили только летом.

Когда трое посетителей оказались во дворе, на них, потрясая огромной цепью, набросилась большая кавказская овчарка. Вышедший в сени подросток лет двенадцати прикрикнул на собаку, и она тут же успокоилась.

- Ва-а Хадижат!

- Хо-вай! - отозвалась жена Саламбека и в ту же минуту вышла из сакли.

- Ты дома?

- Да, конечно. Заходите!

- Добрый вечер, Хадижат!

- Здравствуйте, Орцхо! Да будет свободным ваш приход.

- Спасибо. Да пребудут в этом доме милость и щедрость Аллаха!

- Спасибо. Межед, Элаха, заходите!

Внутреннее убранство жилищ всех аульчан, за исключением нескольких домов более-менее обеспеченных сагопшинцев, настолько походили друг на друга, что могло показаться, будто их обставлял один человек. Земляная кровать, устланная камышовой циновкой, прикрытой сверху войлочным ковром. Сложенная на краю кровати постель. Покрытый копотью очаг. Медные таз и кумган на длинной подставке. Дешевый ковер на одной стене и пестрый истанг, украшенный национальным орнаментом, на другой. Полки в нише стены, уставленные глиняной посудой.

- Как хорошо, что вы пришли! Как дома, все ли здоровы? Когда посетители расселись, хозяйка дома поставила перед ними вареную фасоль и чурек. Гости поели и запили еду калмыцким чаем на молоке и масле.

Когда в ее саклю вошли трое уважаемых в ауле человек, по телу Хадижат пробежал холод. Неужели с Саламбеком что-то случилось, а они пришли сообщить ей об этом? Сначала она стала успокаивать себя тем, что если бы они принесли дурную весть о ее муже, то в первую очередь пришли бы не к ней, слабой женщине, а к ее деверю. Когда же гости стали спокойно есть, обмениваясь шутками, Хадижат в конец успокоилась.

- Что ж, Орцхо, рассказывайте, какое дело привело вас сюда? Вы ведь не частые гости в этом доме.

Орцхо рассказал женщине все. И об угрозах Михеева, собравшим их во Владикавказе, и о том, что сказал вчера на сельском сходе пристав, и о своей растерянности.

- Обо всем этом слышала и я, - сказала Хадижат. - Чего же вы хотите? Чтобы Саламбек сдался властям? Если вы пришли за этим, вам следует посоветоваться с его братом.

- Нет, Хадижат, нам и в голову не приходило сдавать Саламбека властям! - вскричал Межед. - Мы готовы на сожжение аула, на ссылку в Сибирь, но никогда не сделаем этого. Мы пришли, чтобы сообщить Саламбеку, что именно таково наше решение.

- В любом случае ты увидишь Саламбека раньше, чем мы. Передай ему наши слова, - добавил Элаха.

Переложив ответственность за судьбы аула и Саламбека на хрупкие плечи женщины и освободившись, таким образом, от тяжкой ноши, авторитеты аула спокойно ушли домой.

Хадижат не сомкнула глаз до самого утра. Что ей сказать мужу? Отцу своих детей? Сдайся властям, дай себя убить и спаси аул от нависшей угрозы? Или пусть уничтожат аул, сошлют в Сибирь женщин и детей, но ты не сдавайся, спасай свою жизнь? Если он сделает первое, то будет убит отец ее детей, если же второе - ее мужа проклянут женщины и дети, его потомки вынуждены будут жить под этим

проклятием века и века.

Хадижат хорошо знает своего мужа. Это человек безграничного благородства и чувства ответственности, он добр и честен. Он с готовностью пожертвует жизнью во имя спасения любого аульчанина. Он не допустит, чтобы из-за него пострадал родной аул.

Хадижат была в отчаянии, ее сердце усиленно билось, словно у попавшего в силки воробья...

Саламбек появлялся у себя дома только изредка. И всегда именно в тот час, когда Хадижат меньше всего его ожидала. Выбирая самые темные, дождливые ночи, когда притуплялась бдительность властей. Тщательно разведав, где находятся и чем занимаются в данный момент пристав, стражники и их доносчики. Когда он приходил домой, двенадцатилетний сын Алихан до самого утра стоял на часах, не заходя в саклю и не ложась спать. Саламбек проводил ночь в кругу семьи, менял износившуюся одежду на новую и на рассвете покидал аул.

Неожиданно появился Саламбек и этой ночью. Хадижат накормила, уложила детей и сама только-только забиралась в постель, когда в окне со стороны сада раздался условный стук. Хадижат и Алихан подбежали к двери. Отодвинув засов, они выскочили во двор.

Саламбек вошел в саклю, ведя под руку Алихана, нежно посмотрел на троих спящих детей и остановился. Хадижат бросилась к мужу.

Саламбек повесил на вбитый в стену гвоздь снятые с себя тужурку и башлык и сел на край кровати.

- Ты же не так давно был дома, Саламбек. Что-нибудь случилось, почему ты вернулся так быстро?

- Ничего больше того, что было и случалось за последние десять лет, не произошло. Я пришел, потому что узнал о том, что сказал вчера на сходе пристав.

Хадижат рассказала о посещении их дома авторитетами аула и состоявшемся между ними разговоре.

- Сходи и позови сюда Суламбека и Арслана, - сказал Саламбек, внимательно выслушав жену.

- Зачем они тебе?

- У меня к ним дело. Узнаешь, когда они придут. Хотя она делила с мужем все тяготы и лишения, хотя он часто и о многом советовался с ней, Хадижат никогда не лезла к нему с вопросами. То, что можно и нужно рассказывать ей, если это не было тайной его товарищей, Саламбек рассказывал и без ее вопросов. Поэтому Хадижат молча накинула на голову шаль, обулась и вышла за дверь.

Саламбек был орстхойцем. Это был особый тукум, который отличался и от чеченцев, и от ингушей. Их диалект языка представлял собой что-то среднее между чеченским и ингушским. Орстхойцы свободно говорили на обоих этих диалектах.

Все долгие годы и десятилетия борьбы чеченского народа за свою свободу орстхойцы всегда находились рядом с чеченцами, защищая общую для них независимость и свободу, общую родину. Поэтому в 1865 году, когда Царские власти выселяли в Турцию пять тысяч самых мятежных, самых непокорных чеченских семей, в их числе оказались и орстхойцы. По официальным сообщениям, на родине остались сто тридцать орстхойских семей, в основном бедные или многодетные семьи. Позже много орстхойцев тайно вернулись домой. Они растворились среди чеченцев и ингушей. Одни стали называть себя чеченцами, другие - ингушами.

Суламбек был старшим братом Саламбека, Арслан же был из их рода. У Саламбека было множество двоюродных и троюродных братьев, которые по родственным связям приходились ему намного ближе Арслана, но тот был испытанным другом абрека, которому он доверял больше всех, человеком мужественным, надежным, честным и благородным. Арслан не абречествовал рядом со своим другом, но он всячески оберегал Саламбека, заботился о его семье. Через него узнавал Саламбек о каждом шаге властей округа, о том, кто является предателем, тайным доносчиком властей.

Первым пришел Арслан. Это был ровесник Саламбека, человек с крупным и сильным телом, со стальным цветом лица, с внешностью настоящего горца. Друзья обнялись, справились о здоровье. В это время подошел и Суламбек. Хадижат быстро накрыла стол. Выпив чаю, Саламбек рассказал о причине своего внезапного появления дома.

- Арслан, тебе придется поехать завтра во Владикавказ, - сказал он в конце.

- Зачем?

- К адвокату Баширу.

- Какое у нас к нему дело?

- Вы знаете о том, что сказал генерал Михеев лидерам ингушского народа, и пристав - нашим аульчанам...

- Да, мы знаем, но это же не впервой. Они любят болтать, перестанут, когда надоест.

- Нет, Арслан, теперь уже не перестанут. Бой у Ассинского моста вывело власти из себя. Михеев получил приказ из Петербурга, в котором его обязали окончательно решить проблему абречества. Говорят, сюда перебрасывают войска и из других областей. Разрушат аулы, людей будут угонять в Сибирь. Я не хочу, чтобы из-за меня пострадал хотя бы один аульчанин, хотя бы один ингуш.

- Что ты собираешься предпринять?

- Сдаться властям.

- Они же убьют тебя, Саламбек!

- Когда-нибудь все равно придется умирать. Я уже принял решение. Моя смерть спасет народ от многих бед. Сегодня я жив, но что со мною будет завтра, известно одному лишь Аллаху. У меня уже давно нет надежды на мирную, спокойную жизнь. Правда, ради детей хотелось бы еще пожить. Но наши желания и наши мечты ничего не значат. Все предопределено Аллахом. Поэтому я вручаю свою судьбу Всевышнему и сдаюсь в руки властей. Я не хочу одного - смерти через повешение. Мы же слышали рассказы о том, как повесили руководителей ингушского восстания 52 года назад - Чандара Арчакова, Магомеда Мозургаева, Жаластука Бехоева, Башира Ашиева и Урусби Мугуева, как семнадцать человек провели сквозь строй солдат, избивая их ружейными шомполами, после чего отправили в Сибирь. Я не хочу подвергнуться такому позору. Надо послать Башира к генералу, пусть он возьмет с него слово, пусть генерал пообещает, что я буду расстрелян, а не повешен. Второе, власти требуют у ингушей выдачи Зелимхана. Потребуют это и от меня. Зелимхан не наш аульчанин и не ингуш. Он сам ответит за себя. Я не предам его. Надо сказать генералу, чтобы он сам решил вопрос с Зелимханом, если сумеет. Пусть они сами убьют, или же пусть убедят сдаться. Даже если бы я просил его сдаться властям, Зелимхан все равно не послушался бы меня. Поручи Баширу донести все это до генерала.

- Они обычно убивают арестованных еще в пути, а потом говорят, что те оказали сопротивление или пытались бежать, - произнес Арслан.

- Какая разница? В пути или на месте? Главное, чтобы не повесили. Видит Аллах, я никогда не был трусом и предателем. Я был верен своим товарищам, аульчанам и народу. Главное, чтобы я умер, не навлекая позор на себя, на вас, на народ. Все остальное не важно.

- Может, власти проявят милосердие, учитывая то, что ты сдался добровольно и жалеешь о том, что ступил на путь абречества, - сказал Суламбек, пытаясь успокоить скорее себя, чем брата и его друга.

- На все воля Аллаха. Я добровольно сдаюсь в руки властей, но нисколько не жалею о прошлом. Я боролся против несправедливости. Я мстил врагам народа. И не искал счастья и богатства для себя. Я нисколько не жалею ни о чем.

Проводив Суламбека и Арслана до калитки и вернувшись в саклю, Саламбек и Хадижат остановились посреди комнаты и целую минуту смотрели друг другу в глаза. Саламбек улыбнулся и распростер руки. Хадижат бросилась в объятия мужа, прижала голову на его широкую грудь и тихо заплакала, подрагивая плечами...

Михеев дал слово не вешать Саламбека. Когда абреку передали это, он попрощался с семьей, родственниками и собрался к приставу. Весь аул вышел провожать абрека. Все знали, что они никогда больше не увидят Саламбека. Женщины плакали, мужчины обнимались, кто-то, пытаясь найти какие-то подходящие слова, кто-то молча, и, склонив голову, отходили в сторону.

Конечно же, нелегко было Саламбеку расставаться с родным аулом и его жителями. Все эти десять лет он виделся с ними очень редко. Но тогда можно было утешить себя тем, что завтра он может встретиться с любым из них. Сейчас же не было и этой надежды. Десять лет смерть буквально бегала за ним, наступая на пятки. Но он одерживал над ней победы. Он научился бороться, играть с ней. Сегодня же он навсегда расстается с родным аулом и аульчанами. Будто умерший, которого несут на кладбище. Завтра или послезавтра его расстреляют. Поставив к стенке. Невозможно будет сопротивляться, нельзя будет спастись. Он и не будет стараться делать это. На этот раз смерть победит. Она ведь всегда одерживала победы над людьми. Она терпелива, но когда наступает ее срок, наносит жестокий удар. Потом труп Саламбека отдадут родственникам...

Саламбек сдал свое оружие приставу. Пристав отвез его во Владикавказ. Без кандалов и охраны, как и договорились с генералом. Там абрека посадили в тюрьму, в отдельную камеру. Толстые каменные стены, замазанные цементом. Квадратная комната по три аршина в длину и ширину. В углу узкая, жесткая железная кровать с прикрепленными к полу ножками. Наверху маленькое решетчатое окошечко с грязным стеклом. Лампы нет. В сутки выдают один кусочек черного хлеба и три раза какой-то бульон. Точнее, не бульон, а какое-то пойло, к которой не притронулся бы и бездомный пес. Саламбек-то не сбежал бы даже и в том случае, если бы окна и двери оставили открытыми настежь. Он добровольно пришел сюда не для того, чтобы потом бежать. Но, несмотря на это, через маленькое отверстие, проделанное в дверях на высоте человеческого роста, в камеру то и дело заглядывал надзиратель.

Саламбек думал, что его сразу же расстреляют, без всякого суда и следствия. Но вот уже почти месяц его держали в этой каменной могиле. Как ни был терпелив и выносли Саламбек, но постоянное ожидание угнетало его. Но не смотря ни на что он не жалел о своем поступке. Наоборот, был спокоен. Десять лет, проведенные в напряжении, в постоянном ожидании смерти, были очень тяжелыми. Сейчас ему намного легче. И какая разница, завтра он умрет, через десять лет, двадцать или пятьдесят. Ему сорок пять лет. Через десять-пятнадцать лет он состарился бы, и тогда его убили бы обложившие со всех сторон болезни. Сейчас же, по крайней мере, из-за него не будет страдать народ.

Он часто предлагал Зелимхану вместе сдаться властям, чтобы из-за них не мучили невинных людей. Зелимхан не соглашался. Это вовсе не был страх перед смертью. Он ни разу за эти десять лет не видел, чтобы Зелимхан струсил или терялся даже в

самых опасных, безвыходных ситуациях. Харачоец говорил, что русские цари уже двести лет угнетают чеченский народ. Еще с тех пор, когда на свете не было его отца, деда, деда его деда. Зелимхан говорил, что пока он жив, будет убивать этих врагов Аллаха и народа. Сейчас сжимается кольцо и вокруг Зелимхана. Ему уже трудно найти укрытие в Чечне и Ингушетии. В настоящий момент харачоец укрывается в Осетии. В Алагире. Под носом у генерала Михеева. Саламбека допрашивают каждый день. Главный вопрос - где Зелимхан? Но Саламбек не говорит, где укрывается харачоец. И не скажет, даже если его будут резать на мелкие части.

Иногда его будят среди ночи и ведут на допрос. Два офицера допрашивают его по очереди. Саламбека удивляло их поведение. Каждый из них задавал одни и те же вопросы, его ответы каждый раз записывались. Когда ты стал абреком? Почему ты им стал? В каких ограблениях участвовал, сколько человек убил лично? Кто были твои товарищи, где они сейчас? Кто был с вами связан, у кого и в каких аулах вы останавливались?

Саламбек знал, что известно властям о Зелимхане и его товарищах, и что им неизвестно. Поэтому Саламбек рассказывал только то, что власти уже знали.

- В группе Зелимхана постоянно находились только несколько человек. Я, Аюб и Абубакар из Атагов, Джабраил из Ишхой-юрта, Хамзат и Хасанбек из Гехов, Зелимхан из Гелдигена и Олсанка из Цацан-юрта. Другие присоединялись к нам, только когда мы шли за добычей. На одни сутки. Мы не знали ни их имен, ни откуда они. Вдобавок, они скрывали лица под башлыками, так что мы видели только их глаза.

- Почему они это делали?

- Чтобы не знать друг друга.

- Вы шли на такие опасные дела с незнакомыми людьми?

- Их знали те, кто приводил их к нам. И Зелимхан. Мы же не знали никого из них, а они не знали нас.

- Это очень странно. Я не понимаю этого?

- Тут ничего странного нет. Мы поступали так для того, чтобы кто-либо по какой-либо причине не выдал властям или врагам своих товарищей. Поэтому не знал их и я. После завершения операции они покидали нас. Иногда случалось, что кто-то из них позже присоединялся к нам. Многие же, получив свою часть добычи, более уже не возвращались.

Когда подошли к похищению Архипа Месяцева, тавричанина, владельца отар, допрос затянулся.

- Почему вы особенно часто уводили отары тавричан? Ведь такие же отары были и у казаков, ногайцев, аварцев и кумыков?

- Мы узнали о том, что они отправили своего человека, некоего Мамонтова, в Петербург с просьбой выселить из этих краев чеченцев и ингушей и отправить их в Сибирь.

- Почему был выбран Архип Месяцев?

- Его выбрали не мы.

- Тогда кто же?

- Его выбрал начальник Хасав-юртовского округа полковник Котляровский.

Всегда хмурый офицер вдруг рассмеялся:

- Здесь неподходящее место для шуток, Саламбек.

- Я и не шучу. Котляровский не только навел нас на Месяцева, но и помог нам похитить его.

Офицер опять нахмурился.

- Тебе придется отвечать за клевету на русского офицера. Ты знаешь об этом? По российским законам за это полагается два года тюрьмы.

- Это не клевета. Котляровский был нашим тайным соучастником, через абрека Юнуса Умакаева.

- Продолжайте.

- За то. что Котляровский не пустит по нашему следу войска, когда мы будем уходить с похищенным Месяцевым, Зелимхан обещал полковнику три тысячи рублей.

- Зелимхан выполнил обещание?

- В полном объеме.

- Почему вы не стали похищать других тавричан?

- Другие платили нам за то, что мы не будем их трогать.

- Например?

- С Карпушина и Нестеренко мы взяли по пятьдесят тысяч рублей, Лойке и Коваля - по десять тысяч.

- Они сами приносили вам деньги?

- Нет. Нашим посредником был Мамонтов.

- С него вы брали деньги?

- Нет. За него тоже уплатили эти четверо.

- Когда вы совершили эту сделку?

- Прошлой зимой.

Офицер на какое-то время задумался. В прошлом году по области распространилось много фальшивых денег. После долгих поисков полиция установила, что следы ведут к тавричанам. Под подозрение попали Мамонтов, Кирьянов и Калмыков. Полиция установила за ними наблюдение. В отеле "Империал", где они долгое время проживали, в их номерах был произведен обыск. Фальшивых купюр в номерах не нашли, но в руки полиции попали пять-десять пачек аккуратно нарезанной бумаги, готовой для печатания денег. Кроме того, у Мамонтова нашли пять писем Зелимхана и Саламбека в адрес Карпушина, Нестеренко, Лойке и Коваля с угрозой похитить и убить их, если каждый из них не выплатит денежный ясак. В то время полиция не нашла против них никаких улик, кроме названной выше бумаги. Не нашли никаких станков или иных приспособлений для печатания денег. Их они, оказывается, хранили в другом месте. Что касается бумаги, то подозреваемые заявили, что когда они заселялись в номера, она там уже была. Они, мол, решили, что прежний жилец попросту забыл эти пачки и обязательно вернется за ними, потому и держали их у себя. За неимением никаких улик, суд освободил их. Сейчас же офицер, допрашивающий Саламбека, поверил в то, что Мамонтов и его компания действительно являются фальшивомонетчиками. Не было сомнения и в том, что они выплатили Зелимхану и Саламбеку именно фальшивые деньги. За этот месяц два офицера исписали немало бумаги. Саламбек подписывал каждый лист. В течение последней недели узника

никуда не водили. По-видимому, допросы закончились. Но о суде пока никто не говорил. Саламбек был конахом в полном смысле этого слова. Мужественным, стойким, верным и терпеливым. Он не ведал, что такое страх. Его могли расстрелять в любую минуту, но и этого он нисколько не боялся. Но как же медленно тянется время в этой каменной могиле. Каждый день к тюрьме приходят аульчане, близкие и дальние родственники, друзья в надежде увидеться с ним. Но Саламбеку не показывают их. А им - его. Только изредка отдают принесенную ими передачу.

Наконец наступил день, которого Саламбек так долго ждал. Надев на руки и ноги кандалы, его посадили на телегу и в окружении порядка двадцати казаков и полицейских по городским улицам повезли к зданию суда. Горожане во все глаза смотрели на абрека, показывали на него пальцами и о чем-то говорили между собой. Иногда Саламбек замечал сочувствующие лица, но на лицах большинства горожан он видел только злорадство. Саламбек не понимал, почему они ненавидят его, ведь он не сделал им ничего плохого.

Такова человеческая натура. У Саламбека нет к ним никакой вражды. Им твердили, что он - вор, грабитель, убийца. И не раз. Это твердят вот уже десять лет. Капли, падающие в одно и то же место, пробивают и камень. Точно так же в их голову проникла и пропаганда властей. Но ничего. Не сегодня, так завтра все закончится. Его расстреляют. В самые критические моменты, когда не оставалось надежды на спасение, Зелимхан всегда говорил товарищам: "Надо выдержать всего полчаса, и все кончится. Или мы прикончим врагов, или они прикончат нас". Ему осталось всего лишь потерпеть до суда, и все кончится. Беды и несчастия, что было и что есть. Все. Но как же прекрасен этот мир. Конечно же, ему хочется жить. Но он умрет. Чтобы ингушский народ не испытывал из-за него никаких бед. Не только народ, чтобы из-за него не пострадал ни один человек. Чтобы ни одна мать, ни один ребенок не пролили ни одной капли слез...

Саламбека, в окружении все того же караула, завели в здание суда. Его посадили на жесткую скамью за невысокой деревянной перегородкой в стороне от судей. Эта защита показалась Саламбеку смешной. Он все равно не смог бы бежать. Из этой комнаты только один выход, ее охраняют казаки и полицейские. На окнах решетки из толстых железных прутьев. Здание набито людьми. Вдобавок, его руки и ноги в кандалах. Будь он даже свободен, разве он смог бы пробиться через все это? Да и мыслей о побеге у него не было. Михеев дал слово не вешать его. Саламбека расстреляют. Иного ему и не нужно.

С одной стороны сидят председатель суда и старейшины. Они военные, офицеры. С другой стороны - прокурор. Он тоже офицер. Саламбеку устроили особый суд. Военно-полевой. Это инициатива генерала Михеева.

В здании суда не хватает скамеек, многим приходится наблюдать за происходящим стоя. Суламбек, Арслан, Хадижат, Алихан. Родственники, аульчане. Они пришли в надежде на то, что суд освободит Саламбека. Наверное, есть и такие, которые понимают безнадежность его положения и пришли, чтобы в последний раз взглянуть на него.

Прокурор произносит обвинительную речь. Саламбек хорошо понимает каждое его слово. Во всех грабежах, похищениях и убийствах Зелимхана и его отряда прокурор обвиняет Саламбека. Потом начинается опрос свидетелей. Путники, которых Саламбек ограбил несколько лет назад. Он не знает этих людей. Потом заводят Архипа Месяцева. Он свидетельствует, что во время его похищения в группе Зелимхана был и Саламбек. Вслед затем были опрошены работники Кизлярского банка. Они показали, что во время ограбления их банка Саламбек лично убил двух солдат. Двух свидетелей Саламбек узнал. Худой, очкастый, маленького роста русский с козлиной бородкой и толстая женщина, визжавшая тогда в банке, словно зарезанная свинья.

Опрос свидетелей длился два дня. Многих из них Саламбек вообще не знал. Не знали его и они. Но они свидетельствовали, обвиняя его даже в том, чего он не

совершал. На третий день прокурор выступил с заключительным словом и попросил суд приговорить подсудимого к смертной казни через повешение.

Пораженный Саламбек, вскочил, гремя цепями.

- О чем это ты говоришь? - крикнул он. - Генерал Михеев дал слово расстрелять меня.

Председатель позвонил в колокольчик, призывая к тишине.

- Терпение, Саламбек, - тихо сказал Башир, сидящий за маленьким столом перед подсудимым, обернувшись к нему. - Прокурор обязан сказать это. Чтобы он ни говорил, приговор выносит суд. Да и я еще должен выступить.

После обеденного перерыва слово предоставили адвокату. Его выступление было коротким, но содержательным.

- Господин председатель суда! Господа старейшины! Уважаемый прокурор! Вот уже третий день перед вами сидит, связанный по рукам и ногам, абрек Гасаоджев Саламбек, к которому власти за последние десять лет приклеили дозорные ярлыки злодея, грабителя, убийцы, разбойника и так далее. Уважаемый прокурор обвинил его во всех преступлениях, совершенных в области за эти десять лет. Обвиняемый признался в злодеяниях, совершенных им самим или в сговоре с кем-то. Но многие преступления, в которых его обвиняет прокурор, Гасаоджев не совершал ни в одиночестве, ни в сговоре с кем-то. Хотя уважаемый прокурор представил множество свидетелей, во время их допроса адвокатом стало очевидным, что их показания не имеют под собой никакой почвы и что они выдуманы ими. Я еще раз говорю: Гасаоджев чистосердечно признался во всех своих действиях и поступках. Уважаемый прокурор попросил уважаемый суд приговорить моего подзащитного, Гасаоджева Саламбека, к смертной казни через повешение. Я прошу уважаемый суд учесть, во-первых, то, что Саламбек добровольно сдался властям. Во-вторых, что он чистосердечно признался в совершенных им преступлениях и сожалеет о них. И в-третьих, то, что он добровольно сдался властям после того, как генерал Михеев дал слово казнить его именно через расстрел. Саламбек не просит помиловать его. Он просит лишь, чтобы к нему не применили казнь через повешение. Потому что, по традициям и обычаям вайнахов, быть повещенным большой позор, по исламу же - большой грех. Господин прокурор старательно перечислил и преступления, совершенные моим подзащитным Гасаоджевым Саламбеком, и преступления, к которым он не имеет абсолютно никакого отношения. Но господин прокурор ни словом не обмолвился о тех причинах, которые толкнули Гасаоджева на путь абречества, кто его на это толкнул и почему он оказался там. Как писал Зелимхан в своем письме в Государственную Думу, ни Зелимхан, ни Саламбек не родились абреками. Их сделала абреками существующая власть, именно она толкнула их на скользкий путь зла. Власть отобрала у отца Саламбека землю его отцов и подарила его казакам. Когда же он поехал туда работать, обрабатывать исконно ингушскую землю, платя за это право деньги, чтобы выращивать там хлеб и как-то прокормить семью, по команде властей казаки сожгли хибару Гасаоджа, отца Саламбека, а его самого убили. Двоюродного брата Саламбека убили пьяные казаки, случайно встретившиеся ему на дороге. В обоих случаях власти не привлекли к ответу виновных. Такое случилось не с одним только семейством Саламбека, такое происходит сплошь и рядом, с сотнями ингушских семей, с другими горскими народами. С одобрения и поощрения властей казаки грабят аулы, убивают горцев, оскорбляют их женщин. Виновные остаются безнаказанными. Народ доведен до отчаяния бесконечными поборами. Власти не делают абсолютно ничего в плане развития национальной экономики, культуры, образования. Жестокость и несправедливость властей сделала Саламбека абреком. Это власть вложила в его руки оружие. Власть вывела его на преступный путь. Если бы мы вершили правый суд, то сегодня на скамье обвиняемых должен был бы сидеть не Саламбек, а чиновники администраций области и округов, атаманы и отделов, которые превратили мирного человека в абрека. Их никогда не усаживали на эту скамью, потому что за убийство чеченца, ингуша или любого туземца никого не привлекают к ответу. Потому что туземцев

не считают людьми, их поставили вне закона. Поэтому я прошу уважаемого председателя суда и старейшин, учитывая сказанное мною выше, оправдать Гасаоджева Саламбека и освободить его из-под стражи.

Председатель суда повернулся к Саламбеку:

- У вас есть просьба к суду? Саламбек посмотрел на адвоката.

- Проси помилования для себя.

- Я не буду просить помилования, - решительно произнес Саламбек. - Но я прошу у суда справедливости. Генерал Михеев дал слово не вешать меня. Прокурор же попросил у суда приговорить меня к повешению. Хотя знал об обещании генерала Михеева. Зная это, почему прокурор говорит совсем другое?

- Требования подсудимого справедливы! - подкрепил его слова Башир.

Прокурор попросил слова.

- Господин председатель суда! Господа старейшины! Требования обвиняемого и его адвоката противоречат закону. В законах Российской империи не сказано, чтобы воров и разбойников приговаривали к расстрелу. Такой почетный приговор выносится только военным. А уважаемый мною Его превосходительство не имеет права и полномочий менять закон. Поэтому я прошу уважаемый суд приговорить разбойника, грабителя и убийцу Гасаоджева Саламбека к смертной казни через повешение.

Суд удалился в совещательную комнату. Время совещания длилось для Саламбека бесконечно долго. Родственники и друзья подошли к барьеру, за которым он сидел, чтобы хоть как-то поддержать дорогого для них человека. Арслан простоял здесь все три дня, ни на минуту не покидая зал. Изредка к барьеру подходили Хадижат и сын Алихан. Они молча стояли и смотрели на Саламбека, пока полицейские не отводили их оттуда.

Когда судьи вернулись в зал, все встали. Председатель суда зачитал приговор, в соответствии с которым Саламбек должен был быть повешен.

- Вы не имеете права на такой приговор! - закричала Хадижат. - Вы нарушили слово генерала!

Казак оттеснил Хадижат, рвавшуюся к председателю суда.

- Хадижат! Не позорь нас! - крикнул Саламбек. - Не важно, как меня убьют!

- Враги Божьи! Будьте вы прокляты! Свиньи!

- Хадижат! Хватит!

Хадижат проклинала суд всеми проклятиями, какие только приходили ей на ум. Арслан и Алихан вывели ее из зала, пытаясь как-то успокоить. Но и на улице она еще какое-то время продолжала сыпать проклятия... Обессилевшая женщина заплакала, зовя Саламбека...

Много сыновей чеченского и ингушского народа отдали свои жизни за честь и свободу народа на полях сражений, в тюрьмах, на каторге и виселицах. У человека, уходящего на войну, есть шанс вернуться оттуда живым. Есть надежда возвратиться из тюрьмы, с каторги, если смерть пощадит арестанта и он доживет до окончания срока, к которому его приговорили. Но в истории чеченцев и ингушей были два героя, которые пошли на смерть ради народа, Отечества, ради спасения соплеменников, не имея ни малейшего шанса, ни малейшей надежды на спасение.

Алибек-Хаджи Алдамов из Симсара и Саламбек Гасаоджев из Сагопши.

Алибек-Хаджи возглавил восстание чеченцев 13 апреля 1877 года, в двадцать пять лет. Когда восстание, длившееся восемь месяцев, было с невероятной жестокостью подавлено царскими войсками, когда власти стали терроризировать народ, требуя выдачи имама, молодой Алибек-Хаджи добровольно сдался властям... Чтобы ни одна женщина, ни один ребенок не пролили из-за него ни единой капли слез.

Когда его, с кандалами на руках и ногах, на телеге подвезли к виселице, имам ударом ноги выбил зубы офицеру, подошедшему к повозке, чтобы высадить с нее пленника. После этого он сам сошел на землю, подошел к виселице, взобрался на табуретку, сам надел на свою шею петлю и, откинув табуретку из-под ног, повесился. Во имя народа. Во имя Родины.

Сердце Саламбека предчувствовало, что приговор суда будет приведен в исполнение в ту же ночь. Совершив ночную молитву и омыв тело принесенной надзирателем водой, совершив предмолитвенное омовение, он прилег на жесткую тюремную кровать в ожидании появления людей, которые поведут его на смерть. Хотя Саламбек прекрасно знал, что не увидит завтрашний день, утренний восход солнца, он был удивительно спокоен. Безгранично верующий и богобоязненный, он верил, что весь его жизненный путь и ожидающая этой ночью смерть - от Всесильного Аллаха. Что все действия суда, старейшин и прокурора происходили по Его воле. По воле Аллаха вынесен ему такой приговор. Не захоти этого Создатель, ни суда, ни приговора не было бы. Аллах вдохнул в него душу, Аллах и заберет ее к себе.

О себе, о своей жизни Саламбек не думал. Как говорится, один раз рождаемся и только один раз умираем. Но, как ни старается, он не может отогнать мысли о семье. Дети малы. Два мальчика, две девочки. Старшей дочери пятнадцать лет, старшему сыну - двенадцать. Другие двое и того меньше. У них в хозяйстве есть лошадь, корова, несколько овец. Есть небольшой участок. Но Хадижат будет очень непросто тянуть хозяйство. Лет через пять надо выдать замуж дочь, женить сына. Вся надежда Саламбека на Суламбека и братьев Хадижат. Они не позволят его семье голодать и мерзнуть. Потом подрастет Алихан и возьмет на себя заботу о семье. В любом случае, все в руках Аллаха...

После полуночи Саламбек заснул и проспал два часа. Ему снились Хадижат и дети. Суламбек и Алихан. Его сон оборвали скрежет ключа в замке и скрип открываемой железной двери. В камеру вошли надзиратель и солдаты. Саламбек встал, не дожидаясь команды, и вышел вперед.

Саламбека отвели недалеко. Виселица была сооружена во внутреннем дворе тюрьмы. Под ним качалась на ветру веревка с петлей на конце. Тут же стояла и табуретка.

Саламбек попросил полчаса времени для подготовки к смерти.

Жизнь абрека сопряжена с ежеминутной опасностью. Рядом со смертельно раненым человеком в диких лесах и горах не бывает муллы, который прочитал бы ему суру из Корана "Ясин". Поэтому Зелимхан и его товарищи выучили наизусть Ясин и аяты, которых принято читать во время захоронения умершего. Саламбек тоже знал все это наизусть. Саламбек сел на табуретку под виселицей и не спеша прочитал Ясин и еще несколько аятов из Корана. Завершив все это долгой доа, он встал. На небе ярко светила полная луна, вокруг нее, словно разбросанные чьей-то рукой, сверкали не менее яркие жемчужины звезд. И совершенно особая утренняя звезда. Это небо, эту луну и эти звезды он видел в последний раз. Он в последний раз вдыхал этот холодный и чистый воздух.

Полчаса закончились. Палач сделал два шага в его сторону. Но Саламбек, подняв руку, остановил его:

- Не прикасайся ко мне. Я сам сделаю твою работу.

Саламбек не хотел, чтобы в последние минуты жизни к его телу прикасались руки

неверного, руки врага.

Поправив табуретку и взобравшись на нее, Саламбек слегка потянул веревку, как бы проверяя ее крепость. Петля была обильно смазана мылом и хорошо скользила. Растянув петлю, Саламбек вдел в нее голову, стянул петлю на шее, крепко сжал зубы, отбросил табуретку и повис. В течение нескольких минут по телу пробегали конвульсии, его стягивали судороги. Но Саламбек не издал ни одного стона, ни единого звука. Он молча принял смерть.

Убедившись в том, что душа навсегда покинула это тело, палач с помощью солдат срезал веревку, положил труп возле стены и прикрыл его лицо двумя старыми мешками.

На второй день труп Саламбека выдали родственникам...

Шали своеобразная столица Чечни. Он не намного крупнее других больших аулов. Но есть много серьезных причин, чтобы признать Шали главным аулом Чечни. Он расположен на широкой равнине у подножия Черной горы, вдали от Грозного и казачьих станиц. Его окружают крупные чеченские аулы - Герменчук, Курчалой, Автуры, Гельдиген, Сержень-юрт, Атаги, Майртуп, Мескер-юрт, Цацан-юрт, Бачи-юрт, Аллерой и другие. С востока, со стороны Ичкерии, сюда ведут несколько дорог.

В Шали живут крупные алимы, известные купцы, офицеры, скотовладельцы и землевладельцы. Здесь есть большие магазины, по пятницам собирается крупный базар, куда стекаются торговцы и покупатели из окружных и дальних аулов, из Анди.

Шалинская мечеть тоже крупнее и богаче украшена, чем мечети в других аулах. Сегодня, на пятничную молитву, сюда собралось много народу. Из Шали и ближайших аулов. Многие из них пришли сюда специально, что-бы послушать проповеди Соип-муллы.

Попал на молитву и Овхад, который приезжал к Соип-мулле по делу. Ему сразу же бросилось в глаза, что даже здесь, в храме Аллаха, среди людей нет равенства. Аллах говорит, что создал всех людей равными, с одинаковыми правами. Не отталкивайте слабого, бедного и обездоленного, не пытайтесь возвыситься над ним, наоборот, приласкайте его, будьте с ним добры и ласковы, говорит Он. Не позволяй гордыне овладеть своим сердцем, не уповай слишком на свое богатство, должность, силу. Все это дал тебе Я, говорит Всевышний, и Я же могу забрать это у тебя в любой день. Все люди, собравшиеся сегодня в этой мечети, считали себя глубоко верующими, богобоязненными, они пришли молиться единому Аллаху. Но они не следуют его заветам. Богачи, хаджи и просто имущие люди сидят в первых рядах, а слабые и бедные - в последних.

Под руководством имама мечети Овта-хаджи, крупного, крепкого старика в зеленом восточном халате и красной турецкой тюбетейке на голове, совершили молитвы. Овта-хаджи семь раз совершал хадж в Мекку, а его сын Шамсуддин-хаджи - девять раз. Овта-хаджи вот уже много лет являлся кадием в Шали, а Шамсуддин-хаджи - в Герменчуке. На одну-две поездки в Мекку деньги еще можно скопить, подумал Овхад, но откуда у отца и сына нашлись средства на семь и девять поездок?

После молитвы по просьбе собравшихся поднялся Соип-мулла. Слегка погладив рукой белоснежную бороду, закрывающую всю его широкую грудь, он начал проповедь:

- В Коране и хадисах пророка, алай салам, рассказывается о чудесах, свидетелями которых люди станут накануне конца света. Сначала на землю сойдет Махди. Он восстановит религию, установит между людьми мир, согласие, справедливость, наладит мирную и обеспеченную жизнь. Потом, через какое-то время, когда люди вновь отойдут от религии, в наказание им Аллах отправит на землю Даджала,

который распространит на земле все грязное, поведет людей по неверному пути. Смилостивившись над людьми, Аллах вернет на землю, Алай Салам, пророка Ису. Иса убьет Даджала и восстановит ислам. Но люди опять отойдут от веры. Чтобы наказать их за это, Аллах нашлет на людей жестоких Йаджудда и Маджудда, которые посеют среди людей раздор и безверие. Тогда по воле Аллаха солнце взойдет с запада. И оно воспламенит землю. Из этого огня выйдет странное существо, которое будет говорить на человеческом языке. Потом, по приказу Создателя, ангел Исрапил подует в свою зурну. Звук этот оглушит все живое и неживое, возвещая о крушении мира. После чего произойдет и само крушение.

Это, так сказать, большие знамения приближения конца света. Но крушение мира произойдет не в одночасье, люди сами потихоньку будут разрушать его. О маленьких знамениях рассказал наш пророк, Алай Салам. Со временем станет все меньше людей, владеющих религиозными знаниями, в конце концов, они исчезнут вовсе. Распространятся хмельные напитки, увеличится число людей, употребляющих их. У них будут рождаться умственно отсталые и физически неполноценные дети. Обучение исламу, отправление его ритуалов перейдет в руки недостойных, неправедных людей. Они превратят ислам в куплю-продажу, в средство наживы. Мудрые, сознательные, праведные, благородные люди не будут уважаемы и почитаемы. Не будет помогающих бедным и обездоленным во имя Аллаха, во имя добродетели. Мужчины будут находиться под влиянием женщин, дети пойдут против родителей. Грязные, развратные, подлые и малодушные люди будут пользоваться уважением среди народа. Отбросив всякие молитвы, люди предадутся веселью, песням, играм на гармонях и барабанах. Забыв слово Аллаха и Судный День, люди погонятся за мирскими благами, отстроят многоэтажные дома, в которых будут не молиться, а собираться для увеселений и разврата. Молодые не будут уважать отцов своих и стариков, они будут считать их глупыми. Верных, честных и праведных людей будет мало. Люди будут удивляться, услышав, что где-то есть такой человек. Среди людей распространится взаимная ненависть, убийства и вражда. Мужчины будут одеваться в шелковые одежды, носить золото на руках и во рту. Последователи безбожника Даджала овладеют умами людей. Они забудут Слово Аллаха и Сунну пророка. Власть будет находиться в руках неправедных, глупых, несознательных, подлых и жестоких людей. Они уничтожат тех, кто будет говорить правду, бороться за правду и справедливость. Молодые отойдут от веры, все грешное, недозволенное и грязное станет для них обычным делом. Исчезнет согласие между людьми, не будет между ними любви и уважения. Слава и почитание будет окружать тех, кто отошел от прямого пути Аллаха. Они объявят сумасшедшими тех, кто будет веровать и жить праведной жизнью. Женщины будут красить волосы во всевозможные цвета, они будут носить прозрачные, прилегающие одежды. Мужья и жены будут между собой в недозволенной связи, они будут явно прелюбодействовать. Люди не будут советоваться с умными людьми, они будут слушаться глупых, бесчестных, неверующих людей и следовать за ними. Ислам и Коран потеряют вес и почет, люди забудут их советы и назидания. Молитва Всевышнему будет считаться чем-то постыдным...

Среди внимательно слушающих людей кое-где слышались рыдания и тихий плач. Сосед Овхада с трудом сдерживал слезы.

- Эти признаки, о которых поведал, Алай Салам, наш пророк тринадцать столетий назад, уже стали появляться среди нас. Добрые отношения между родственниками рушатся, в семьях нет прежнего согласия. Молодежь не советуется со стариками, не слушается их, не прислушивается к советам умных и образованных людей. Дети не слушаются родителей. Многие люди не почитают Слово Аллаха. Большинство совершают обязательные молитвы, держат пост, но наряду с этим совершают и недозволенное Аллахом. Люди думают, что если они совершают молитвы и целый месяц держат пост, Аллах простит им все грехи. Как же они ошибаются! В нашем крае распространились воровство, грабежи, убийства и другие злодеяния. Аллах говорит, что все, не заработанное тобой собственным трудом, является недозволенным для тебя. Он говорит, что простит своему рабу его неусердие в молитве и других богоугодных делах, но Он не имеет права прощать чужое

имущество, украденное, отобранное или присвоенное каким-либо иным путем против воли собственника. За это на том свете придется держать ответ, за это придется гореть в аду. Многие думают, что ограбление или убийство христиан не наказуемо. Аллах для всех один. Все люди созданы Им. Христиан наделил имуществом тоже Он. Всякий, кто притронется к собственности христианина, укравший ее или обративший себе на пользу против воли хозяина, ответит за это перед Создателем. В наших краях с каждым днем все больше убийств. Только в редких аулах нет кровной вражды. Всевышний проклинает всякого, кто сознательно убивает мусульманина, такой человек будет вечно гореть в аду, говорится в Коране. Алай салам, наш пророк сказал: "Убивший одного человека будет виноват перед Аллахом также, как разрушивший весь мир". Как и убийцу, накажет Аллах и того, кто помог ему в этом преступлении. Аллах простит убийство тому, кто сделал это для спасения своей жизни и своей семьи, если у него не было иных путей для этого. Не трогайте собственность мусульман и христиан, не убивайте ни тех, ни других. Те немногие чеченцы, которые совершают кражи, грабежи и убийства, позорят весь наш народ, порождают у соседних народов ненависть и недоверие к чеченскому народу. Верующий, богобоязненный человек не будет творить такое зло...

Когда Соип-мулла закончил проповедь, в мечети на какое-то время установилась тишина. Сидящий рядом с Овхадом горец задал мулле вопрос:

- Соип-мулла, я слышал от некоторых алимов, что если человек покаялся в своих грехах и вернулся к праведной жизни до своей смерти, то Аллах простит ему все его грехи. Когда я был молод и силен, я не молился должным образом, случалось мне и участвовать в кражах. Я покаялся в своих грехах, искренне жалею о том, что допускал их, молюсь в меру своих знаний, даю милостыню бедным и обездоленным, посильными делами оказываю помощь людям и аулу и живу такой жизнью уже двадцать лет. Простит ли мне Аллах мои грехи, как о том говорят иные алимы?

Соип-мулла покачал головой и улыбнулся.

- Аллах милосерден и щедр, все в Его власти. Но Он и справедлив. Если Он поставит на одну ступень и того, кто строго следует Его заветам, оберегается от недозволенного, зарабатывает себе хлеб честным трудом, и того, кто не был усерден в молитвах, позволял себе недозволенное Аллахом, воровал, грабил, убивал людей. Если Он, говорю я, поставит их всех на одну ступень, как ты думаешь, будет это справедливо? Каждый человек должен отвечать перед Аллахом за грехи, совершенные им на земле, и понести соответствующее наказание. За большие грехи - большое наказание, за меньшие - меньшее. А алимы, говорившие тебе, что Аллах прощает грехи, если человек покаялся, ошибаются, или ты их неправильно понял. Безверие, придание Аллаху сотоварищей, непризнание пророка, алай салам, грехи, совершенные в жизни, прощаются людям, которые покаялись перед смертью и уверовали в Аллаха и Его пророка, алай салам, которые жили до того, как наш пророк, алай салам, возвестил по воле Аллаха ислам. А после появления пророка, Алай Салам, после возвещения им ислама и после ниспослания на землю Корана прошло тринадцать столетий. В течение этих тысяча трехсот лет людям ежедневно разъясняют требования Корана, хадисов пророка, алай салам, и шариата. Если человек, несмотря на это, не соблюдает эти требования, не усерден в молитвах, прожил жизнь в грехе, а потом, перед смертью вдруг испугался и покаялся, Аллах не прощает грехи, и не простит. Человеку, присвоившему чужое имущество, следует вернуть его хозяину еще при жизни и добиться у него прощения. Тогда он может рассчитывать на прощение Аллаха...

Соип-мулле задали еще несколько вопросов. В мечеть вошел какой-то человек, подошел к Овта-хаджи и нашептал ему на ухо несколько слов.

- Слушайте, люди! - крикнул Овта-хаджи. - Вчера на рассвете во Владикавказской тюрьме повешен уважаемый и почитаемый вайнахами, мужественный, благородный, стойкий и верный сын ингушского народа Саламбек Гасаоджев. Соип-мулла, соверши доа...

Сотворив после доа специальную молитву по убиенному, люди разошлись с хмурыми лицами...

"Совершенно секретно.

Помощнику по гражданской части наместника Его Императорского Величества на Кавказе.

Начальник военного отряда полковник Моргания донес мне, что студенты (преимущественно армяне) числом около 60 человек постановили привлечь известного абрека Зелимхана для революционных целей, с каковой надобностью командировали в Чечню 5 человек своих товарищей, которые после долгих переговоров через жителя села Шали Шахита Борщикова около месяца тому назад имели свидание с Зелимханом. Затем 19 апреля состоялось совещание, в котором принимали участие 22 человека, в числе коих были два агента военного отряда и кроме названных студентов еще 5 человек, привезших Зелимхану бомбы. На этом совещании студенты просили Зелимхана поддержать революцию, которая должна вспыхнуть в России, когда начнется война с Китаем. В знак верности студенты обещали Зелимхану следующее: один из них совершит при помощи бомб покушение на мою жизнь, генерал-майора Степанова и ротмистра Донагулова, другой студент бросит бомбу одному грозненскому обывателю, если последний не исполнит требования Зелимхана и не выдаст 7000 рублей, третий студент обещал взорвать мосты, когда будут проходить войсковые части, вызванные по ложной тревоге, 4-5 студентов взялись доставлять точные сведения, когда будут идти поезда с большими деньгами и на условленном месте остановить поезд с помощью тормоза Вестингауза.

На первом плане у Зелимхана стоит стремление ограбить почту, которая идет из Гудермеса в Шелкозаводскую и далее. Более того, сообщаю, что начальник станции Гудермес находится в сговоре с руководителями стачки, и пообещал сообщить Зелимхану о времени прихода поезда с большими деньгами. Вообще, Зелимхан заявил, что будет грабить поезда и почту, но заложников с целью выкупа брать не будет.

С планами заговорщиков мною ознакомлены управление жандармерии Терской области, полиция и военные отряды.

Генерал-лейтенант Михеев".

ГЛАВА XXI НОВЫЕ БЕДЫ

Окруженный врагами,

Зажат я в кольцо,

И со злобным оскалом

Смотрит смерть мне в лицо,

Но с надеждою глядя,

Спасения жду...

Народная песня

Любая кампания, предпринятая Михеевым против Зелимхана, заканчивалась позорным провалом. Зелимхан свободно рыскал по Чечне и Ингушетии. А о том, что он творил в соседних областях и губерниях, генерал даже не задумывался. За это спрашивать будут не с него. Михееву хватает проблем и в его области. Генерал думал, что если он схватит в качестве аманатов семью Зелимхана и бросит ее в тюрьму, сердце абрека смягчится и он сдастся властям, чтобы не допустить истязания в застенках женщин и детей. Где там! Наоборот, его акции стали еще более дерзкими и жестокими. Он стал даже угрожать ему, Михееву, начальнику области. Абрек написал письмо, в котором угрожал взять в плен Михеева. Михеев сначала старался не принимать всерьез это письмо. Он только изредка выезжал из города, и то в окружении большого количества охраны, поэтому генерал не боялся пленения. Но временами письмо харачойца вселяло в его душу какое-то беспокойство. Это чувство преследовало начальника области на работе, по пути в канцелярию и обратно домой. Во время отхода ко сну и утреннего пробуждения. Зелимхан ведь способен на все. Все помнят случай с богатым купцом из Грозного Шавеловым. Зелимхан дважды писал ему, угрожая наказать его в случае неуплаты денежного ясака. Купец оставил письмо абрека без внимания. Он не выплатил деньги и не ответил на письмо. Тогда Зелимхан вместе с двумя товарищами средь бела дня забросал бомбами дом строптивого торговца. Генерал боялся, что и по отношению к нему будет предпринято что-то подобное. Но Михеев старался успокоить свои нервы, убеждая себя в том, что Зелимхан не осмелится устроить такое в городе, полном полиции, жандармерии и солдат.

Но второе письмо Зелимхана вконец лишило спокойствия генерала. Его зять, француз Шарль Акс, работал главным дорожным инженером. Он часто разъезжал. Особенно в Осетию, Ингушетию и Кабарду. Иногда ездил он и в Чечню. Ходил с женой в театр, на концерты, выезжал с ней и за город на природу. Все это было хорошо известно Зелимхану.

Несколько дней назад Михеев получил от Зелимхана короткое письмо:

"*Милостивый государь, начальник Терской области.*

Пишет известный тебе человек, который уже несколько лет держит Кавказ в ужасе. Люди, которым царь доверил здесь власть, нарушают законы, и прежде всего - ты. Вероломными и неправедными путями вы безмерно обогащаетесь. Я пришел в этот мир свободным и также свободно хотелось мне жить, но несправедливость, жестокость и насилие, которые вечно исходят от тебя и от власти, превратили меня в абрека. Ни в чем не повинную мою семью ты пленил, заточил в тюрьму и издеваешься над ней. Если ты не остановишь эту жестокость и не освободишь мою семью, я возьму в плен тебя самого, твою дочь-проститутку и твоего зятя Шарль Акса".

Кровь прилила в глаза Михеева после прочтения этого послания. Потом по спине генерала пробежал холодок. Начальник области долго не приходил в себя. Вчера суд тайно приговорил семью Зелимхана к пяти годам ссылки. К счастью, Зелимхан

этого не знает...

"Надо вывезти из этих краев семью Зелимхана, пока он не узнал об этом, - думал Михеев. - Но сделать это быстро невозможно. Потребуется время. А до этого надо улучшить условия их содержания..."

Спрятав письмо в ящик стола, Михеев вызвал своего помощника генерала Степанова.

- Каковы условия содержания семьи Зелимхана? - спросил он, когда Степанов сел.

- Точно такие же, как и у всех арестантов.

- У меня к вам просьба, Николай Иванович. Поезжай-те, не откладывая, в тюрьму, проверьте условия содержания этой семьи, узнайте, в чем они нуждаются. Если женщины чего-нибудь попросят, пусть это будет им предоставлено. Возложите на начальника тюрьмы обязанность обеспечивать их всем необходимым. После этого позаботьтесь, чтобы эту семью вывезли отсюда как можно скорей.

- Хорошо, Николай Андреич.

Сразу же после ухода Степанова в кабинет вошел дежурный офицер и доложил, что в приемной дожидается представитель наместника Казаналипов.

Асельдербек Казаналипов был кумыком из Темирхан-Шуры. Это был знаменитый на весь Дагестан богач и помещик. В свое время он служил шталмейстером при дворе царя, сейчас же являлся чиновником по особо важным делам в окружении наместника. Наместник уже в третий раз за последнее время присылал его в Терскую область для ознакомления на месте со сложной обстановкой в области и оказания помощи Михееву в наведении порядка.

Казаналипов имел большие связи среди Северо-Кавказских народов, точнее, с их богатеями. Однажды наместнику тайно донесли, что Казаналипов не верен царю и правительству, что он ведет двойную политику. Явную - с властями, тайную - с турками. Иными словами, с одной стороны, будучи крупным чиновником русской власти, он проводит на Кавказе российскую политику, с другой стороны преследует цель отделения Дагестана от России и создания независимого государства, в случае же если это не получится - передачи Дагестана под протекторат Турции. Удостоверившись, что некоторые из этих обвинений имеют под собой почву, наместник поговорил с помещиком один на один, дал, как говорится, взбучку. После этого не было слышно, чтобы Казаналипов вел где-нибудь такие крамольные речи. Или он испугался и перестал заниматься этими опасными играми, или стал более осторожным.

Казаналипов был полным, небольшого роста человеком пятидесяти лет с круглым лицом, пухлыми румяными щеками, широким носом, коротко подстриженной седеющей бородой и аккуратными усами.

По кавказскому обычаю, справившись о здоровье друг друга и семей, оба перешли на официальный тон.

- Что нового в Тифлисе, Асельдербек Казаналипович?

- Ничего особо нового, Николай Андреич. Экстаз демократии свел людей с ума. Эпидемия большевизма распространилась повсюду. Они призывают народы стать братьями и всем вместе подняться против власти. Вам же хорошо известны их лозунги. Утописты! Между народами никогда не будет согласия. К примеру, азербайджанцы и армяне. Вражда между ними уходит корнями в глубь веков. В Петербурге и Тифлисе определенные люди раздувают тлеющий пожар этой вражды. По-видимому, эти народы близки к кровопролитию.

- Не дай Бог. Мы и так находимся на Кавказе в непростой ситуации. Вы принесли для нас что-нибудь утешительное?

- Не знаю, каким вам покажется то, что я принес. Наместник посоветовался со мной на счет обстановки в Терской области и переброски сюда, на помощь вам еще до одного полка. Я не согласился. Я сказал, что Зелимхана нельзя поймать, даже если прислать сюда несколько дивизий. Никто не знает, где он. Однако, вместе с тем, он везде. Среди народа. В Чечне, Ингушетии, Дагестане, Осетии, Хевсуретии. Эти народы берегут его, они никогда не выдадут Зелимхана. Какие бы беды не обрушивались на них из-за него. Мы, кавказцы, хорошо знаем себя и свои нравы.

- Тогда как же нам, по-вашему, поступить? Что вы посоветуете нам?

- Надо поссорить эти народы с Зелимханом.

- Мы пытались сделать это, но не достигли никаких результатов.

- Вы не сумели достичь результатов, потому что не знаете обычаев и нравов этих народов. Большинство товарищей Зелимхана убийцы, над которыми висит кровная месть. В первую очередь надо провести работу с их кровниками. Надо дать им оружие, деньги. Второе, надо объявить щедрую награду за голову Зелимхана. Вам выделят деньги на эти расходы. Но большую их часть надо взимать с населения. Чтобы они возненавидели Зелимхана. Третье, сила Зелимхана - это его сторонники. Отдельно от товарищей он бессилен. Мы не сможем схватить или уничтожить их одним ударом, потому что они не собираются все вместе. Надо ликвидировать их поодиночке. После этого не составит труда схватить или убить Зелимхана. Четвертое, надо поднять чеченский народ против Зелимхана, а другие народы - против Зелимхана и самого чеченского народа. Другими словами, надо посеять вражду между чеченским народом и соседними народами.

- Все это мы пытались делать, Асельдербек Казаналипович. Но все наши усилия ни к чему не привели.

- Наверное, вы допустили кое-какие просчеты. Или какие-то факторы оставили без внимания. Мне представляется, что будет правильным начать эту работу вновь, учитывая весь опыт прошлого. Начинание Вербицкого завершилось позорным провалом. Андронников убит. Донагулов жив, но он в таком состоянии, что предпочел бы смерть. Родственники аварцев, убитых на Ассинском мосту, объявили Зелимхану кровную месть. Они с удовольствием примут участие в захвате или убийстве Зелимхана. Надо провести с аварцами хитрую и вместе с тем аккуратную работу. С этой работой хорошо справится временно исполняющий обязанности начальника Веденского округа поручик Кибиров. Но основные свои надежды мы возлагаем на начальника Дагестанского полка полковника Моргания и ротмистра из того же полка Долидзе. Кибиров - осетин, Моргания - абхазец, Долидзе - грузин. Кроме этого, будет создан специальный отряд из дагестанцев для окончательного решения проблемы Зелимхана. Все это я говорю по поручению наместника. Уже подписан приказ о переводе в ваше подчинение Моргания и Долидзе. Кибиров же и так у вас.

- Спасибо, Асельдербек Казаналипович. Когда приедут Моргания и Долидзе?

- Моргания передает полк своему заместителю. На днях он прибудет.

После ухода Казаналипова Михеев облегченно вздохнул, будто тяжелая гора свалилась с его плеч.

Моргания был одним из самых богатых князей Абхазии. Он владел несколькими сотнями десятин земли, лучшим в своих краях домом, стадами, отарами и табунами. Правда, у него не было крепостных крестьян. Когда в России в шестидесятых годах XIX века отменили крепостное право, реформа эта коснулась и Абхазии. Но так же, как и во всей России, в Абхазии была осуществлена только видимость реформы. Освобожденные от крепостного рабства крестьяне не получили землю, она осталась в руках помещиков и государства. Им пришлось наниматься на работу к своим прежним хозяева. Абхазские бедняки почти бесплатно трудились на землях Моргания и других князей.

До революции 1905 года Моргания был поручиком. Проявившего усердие в ее подавлении князя заметили и оценили, в результате чего он за несколько лет дорос до полковника. Князь принял активное участие в подавлении революционных выступлений в Тифлисе, Кутаиси, Батуми, Чиагири и крестьянского восстания в Гурии. Вот уже год он командовал Дагестанским полком.

Более двух месяцев назад его перевели в Чечню, назначив начальником специального карательного отряда. Начальники округов передали ему своих доносчиков, но для Моргания этого было мало. За то короткое время, что он был в Чечне, князь наладил тайные связи со всякой сволочью из чеченцев. Он нашел с ними общий язык, кого-то припугнул, кого-то купил или приласкал.

Постучав в дверь и спросив разрешение, в кабинет начальника специального карательного отряда вошел доносчик. Это был атагинец маленького роста с круглым лицом, которое обрамляла давно нестриженая борода. Широкие ноздри, узкий лоб, синие на выкате лягушачьи глаза, длинные руки и не соответствующие такому телу короткие ноги. На вид посетителю было лет сорок.

- Добрый день, полковник! - поприветствовал он хозяина кабинета и остановился в дверях.

- Добро пожаловать, Юша.

Горец сделал пару шагов вперед в надежде, что полковник поздоровается с ним за руку, но тот не стал этого делать. Даже не пригласил присесть, хотя стул стоял тут же.

- Как дела, полковник? Есть известия от семьи? Как они? Как ваше здоровье?

- Все хорошо. Что за дело привело тебя сюда?

- Сколько денег вы заплатите, полковник, если этой ночью я приведу вас к одному из самых близких людей Зелимхана - Аюбу?

- Ни одной копейки.

- Почему?

- Аюб мне не нужен. Мне нужен Зелимхан. Если ты приведешь нас к нему, тебе дадут восемнадцать тысяч рублей.

- Я не знаю, где Зелимхан. Но я знаю, где этой ночью будет Аюб.

- В таком случае наш разговор окончен.

- Дай мне сто рублей, полковник, и Аюб будет сегодня у вас в руках.

- Где он?

- Сначала деньги! - доносчик протянул вперед руку и потер пальцы.

- Хорошо, Юша. Но если ты меня обманешь, я с тебя с живого шкуру сниму.

- Разве я тебя когда-нибудь обманывал, полковник? Мое слово крепче гранита.

Моргания вытащил из нагрудного кармана кителя сто рублей и бросил их на стол. Юша схватил купюры, тщательно пересчитал их, сложил вдвое и засунул в карман штанов.

- Завтра первый день месяца жертвоприношений... Курбан-байрам.

- Я знаю. Мусульмане в эти дни режут скот, раздают милостыню бедным и неимущим.

- Отец Аюба будет резать завтра быка. На этот день он позвал домой сына. Сегодня ночью Аюб будет с семьей.

- В какой части Атагов расположен их дом?

- На самом краю.

- В таком случае тебе придется пойти с нами. В двенадцать часов ночи будь здесь.

- Хорошо. Но заранее предупреждаю, я покажу вам их дом и сразу же покину это место.

Выйдя на улицу, Юша засунул руку в карман, нащупал деньги и ласково потер их.

Последние дни февраля 1910 года были холодными и дождливыми. Временами падал мокрый снег, которого сменял холодный дождь. Иногда и то, и другое обрушивалось на землю одновременно. В иные дни ложился густой туман, сквозь который в десяти шагах ничего невозможно было разглядеть.

Но, несмотря на это, кое-где на опушках лесов уже пробивалась зеленая трава, почки на некоторых деревьях начали набухать.

В эту пасмурную ночь, ступая по густой грязи, Аюб шел в родной аул Старые Атаги. Завтра первый день месяца жертвоприношений. Его отец каждый год в этот день режет скотину. На этот раз он специально для этого откормил быка. Старик хочет, чтобы каждый год в этот день Аюб находился дома. Вчера он передал сыну свое желание видеть его завтра дома.

До Дуба-юрта Аюб добрался верхом на коне. Оставив у друга коня, он с первыми сумерками покинул Дуба-юрт. Дальше абрек решил идти пешком, так как всадник привлекает к себе излишнее внимание. Аюб часто останавливался, чтобы с помощью палки, которую он нес в руках, очищать сапоги от прилипающей к ним грязи. Хотя ночь была холодная, его рубашка на спине вся промокла от пота. Оружие на поясе и плечах становилось все тяжелее. Когда показались первые огоньки Атагов, Аюб сел на камень у дороги и дал ногам небольшой отдых. К счастью, их сакля стояла на том краю аула, с которого подходил абрек. Он опасался идти домой по улице. Надо было пробираться через соседские огороды.

У Аюба была причина опасаться. Ровно три месяца назад здесь был предательски убит его аульчанин и друг абрек Абубакар Хасуев. Они были неразлучными друзьями еще с детства. И никогда им не приходило в голову, что станут они абреками. Детство проходило в играх с ровесниками у берегов Аргуна и в лесах. Летом купались, ловили рыбу. Наряду с начальной арабской грамотой в аульском медресе, Аюб научился и русской грамматике. Когда ему исполнилось двенадцать лет, отец отдал его в русскую школу в Грозный. Учеба давалась ему легко. Но через три года школу пришлось бросить - у семьи не было возможности оплачивать учебу. Аюб читал книги русских писателей, сочувствовавших горцам. Пушкина, Лермонтова, Толстого. Читал он книги и других русских авторов, которые клеветали на чеченцев, называя их бандитами, разбойниками, убийцами, хищниками, дикарями. Однажды в руки Аюба попала маленькая книжица Якова Абрамова "Кавказские горцы". Абрамов со всей достоверностью показал всю несправедливость властей по отношению к горцам и особенно - к чеченцам. В сердце молодого Аюба возникла и окрепла лютая ненависть к царской власти, у него никогда уже не будет иных чувств к ней. Молодой и бесхитростный Аюб не умел скрывать эти чувства. Он высказывал свое мнение о власти принародно, выражал недовольство по какому-либо поводу прямо в лицо старшине и приставу. Аюба арестовали и бросили в тюрьму. Оттуда его угнали в Сибирскую ссылку на пять лет. Он бежал оттуда и вернулся домой. Но взгляды и убеждения его не изменились. Наоборот, их еще больше укрепили политические заключенные, с которыми ему довелось встречаться в тюрьме и в ссылке. Аюба арестовали вновь и вторично отправили в Сибирь. На этот раз его приговорили к десяти годам. Но атагинец сбежал и во второй раз. Власти опять стали преследовать его. Для Аюба

оставался только один путь. Абречество.

К тому времени Абубакар уже был с Зелимханом. Когда Абубакар и его товарищи пошли в казачью станицу за добычей, возникла стычка, в которой было убито несколько казаков, а сам Абубакар получил ранения. Это стало известно приставу. Власти предприняли попытку арестовать его, и Абубакар ушел к Зелимхану. Через него прибился к харачойцу и Аюб.

Они абречествовали девять лет. На самые опасные операции тоже ходили вместе. Оберегали друг друга в самые критические минуты. Они делились последним куском чурека, одежда и оружие у них были общими. Были они схожи и характерами. Даже в моменты крайней опасности, когда смерть уже дышала им в лицо, два атагинца продолжали подшучивать друг над другом. Оба были безобидными, мужественными, благородными и жизнерадостными людбми. В молодости Аюб и Абубакар вместе ходили на вечеринки. Девушки, с которыми они встречались и на которых позже женились, тоже были подружками. Абубакар был на год старше Аюба. Договорившись между собой, раньше привели невесту в дом Абубакара. Через месяц после завершения свадебных торжеств порог Аюба тоже переступила невеста. У обоих было по двое детей, по одному сыну и по одной дочери. У обоих были старые родители, но ни у одного не было братьев. Поэтому они жили, став друг другу братьями.

Сейчас родители Абубакара остались одни, без опоры. Молодая Шовда раньше времени стала вдовой с двумя детьми на руках. Долг Аюба заботиться о них. Точно так же, как о своих родителях и своей семье...

Аюб пересек два соседских огорода и вошел в свой двор. Из окон комнат родителей и его семьи пробивался свет. Неожиданно громко залаяла мохнатая кавказская овчарка, но опознав в ночном госте Аюба, она радостно заскулила, приветствуя хозяина.

Аюб допоздна просидел у родителей и пошел в комнату своей семьи. Перед самым рассветом он отчего-то проснулся. Сон так и не вернулся к нему, но и вставать было лень. Аюб долго пролежал в постели с открытыми глазами, думая о чем-то своем. Вдруг соседские собаки подняли шум, они стали свирепо лаять. Аюб, привыкший всегда быть начеку, проворно вскочил, быстро оделся, натянул шерстяные носки, надел поверх них сапоги, пристегнул патронташ, схватил ружье и бросился к двери. Но жена остановила его.

- Подожди, тебе не надо выходить. Я посмотрю, почему расшумелись собаки, - чуть оттолкнув мужа обратно, она вышла за дверь.

Еще из сеней она увидела стоящих на улице людей. Одеты они были в горские костюмы, но по особым формам папах, висящим на боку шашкам и необычным бородам женщина без труда определила казаков. Она медленно повернулась и, стараясь сохранять спокойствие, вошла обратно в саклю.

- На улице стоят казаки! - закричала она в испуге. Когда Аюб сделал шаг к двери, жена обвилась вокруг его тела.

- Они убьют тебя! Ты выйдешь только через мой труп. Аюб нежно отстранил жену.

- Перестань! Ты что, ума лишилась? Если я сдамся, они повесят меня, как повесили Саламбека. Если окажу сопротивление, нас всех убьют, в том числе и детей. Я попытаюсь спастись!

В мгновение ока он оценил создавшуюся ситуацию. На задней стене нет окон. Взобраться на крышу тоже нет возможности. Сакля наверняка окружена. У него только один путь. Выскочить через дверь и бежать, прорвав кольцо окружения. Аюб так и решил поступить. Возложив все надежды на Аллаха, он резко открыл дверь, направил вперед винтовку и выскочил. Во дворе стояли Кибиров и двое казаков.

- Стой! Стрелять буду! - крикнул Кибиров.

Аюб не остановился. Когда он побежал по сеням, выскочил старый Тама. Казаки замешкались и не стреляли, по-видимому, боясь попасть в старика. Воспользовавшись этим мгновением, Аюб добежал до курятника и скрылся за ним. Укрываясь за деревьями, он добежал до края сада и, перемахнув через плетень, оказался в огороде соседей. Здесь его ждали казаки. То ли у них был приказ схватить его живым, то ли еще почему-то, но казаки не стреляли, только орали во все горло. Когда Аюб перепрыгнул еще через один забор, по нему со всех сторон начали стрелять. Аюб тоже отвечал огнем. До того, как он добрался до третьего сада, пули попали ему в руку, ногу и плечо, но Аюб не останавливался. Раны горели, по телу стекала кровь. Собрав последние силы, Аюб преодолел уже пятый плетень. Здесь прямо перед ним оказались два казака с обильной растительностью на лице. Они направили винтовки на грудь Аюба и одновременно выстрелили.

В глазах Аюба потемнело, земля задрожала и закрутилась. Привиделись обвившая его жена, выскочивший в сени испуганный отец, послышался истошный крик матери. И Абубакар...

Двое казаков произвели еще по выстрелу в тело Аюба, один - в голову, другой - в сердце.

Тело Аюба стянула последняя судорога, и он затих. Мужественный, жизнерадостный, веселый, чистосердечный красавец Аюб.

Схватив оружие Аюба, казаки с победными криками пошли к своим товарищам.

Полковник Моргания одержал большую победу. Силами отряда из ста сорока казаков он окружил и убил одного абрека. В тот же день полковник написал Михееву рапорт:

"Сообщаю вам, что 1-го марта рано утром при попытке побега из собственной сакли убит один из ближайших сподвижников Зелимхана Аюб Тамаев. В ожесточенной схватке с абреком не убит и не ранен ни один казак. У Аюба Тамаева найдена трехлинейная винтовка №14148. Прошу разрешить мне препроводить командиру Кизлярско-Гребенского полка, для украшения полкового собрания, как память о доблестях казаков 6-й сотни, трехлинейную винтовку № 14148, найденную при убитом ими 1-го марта абреке Аюбе Тамаеве".

За последние одиннадцать лет своей жизни Зелимхан испытал много горя и несчастий. О лишениях и говорить не стоит. Мужчина создан испытывать их. В течение каких-то четырех-пяти лет умершими и убитыми он потерял самых близких родственников. Деда, отца и брата. Дядей и кузенов. Остались только пятнадцатилетний брат Бийсолта и один единственный кузен Эламха.

Тяжело переносил Зелимхан и смерть товарищей. Двадцать из них убиты кровниками. Двадцать человек, которые делили с Зелимханом все тяготы абреческой жизни.

Но больнее всего по его сердцу ударила гибель Саламбека и Аюба. Это были отважные, благородные, стойкие товарищи. Мало называть их товарищами и друзьями. Это были верные братья Зелимхана. Когда они находились рядом, он не замечал опасностей, спокойно ложился и засыпал. У него не было никаких тайн от них. Теперь их нет. Зелимхан остался без рук и глаз. Ему обрезали крылья.

Товарищей потерял. Семья в Сибири. Он получил от них всего пару писем, но вот уже год нет никаких вестей. Неизвестно, что с ними, живы они или нет.

Он угрожал начальнику области, грозился взять в плен его самого, его дочь и зятя, если генерал не освободит его семью. Но генерал отправил его семью, женщин и детей, в Сибирь на пять лет. Зелимхан не забыл о своей угрозе. Он выполнит то, что обещал.

С Зелимханом было два абрека по имени Джамалдин: Джамалдин Анагаев и другой Джамалдин, которого товарищи звали Пешхо. Этот последний когда-то абречествовал вместе с Зелимханом. Позже вернулся к мирной жизни. Но в последнее время опять связался с абреками, стремился возобновить свои отношения с Зелимханом. Два дня назад Пешхо пришел к харачойцу.

- Я нашел способ выполнить твое обещание, - сказал он весело.

- Какое обещание? - удивился Зелимхан.

- Обещание взять в плен зятя Михеева.

- Что за способ?

- В Дагестан приезжала комиссия из Петарбуха для проверки работ по строительству и ремонту дорог. Они завершили свою работу там и через Анди поедут в Грозный. С ними и зять Михеева. Более того, говорят, что у них с собой много денег, которых везут для выплаты зарплат рабочим.

- Когда они приедут сюда?

- Пятнадцатого дня этого месяца. Через пять дней.

- Откуда тебе это известно.

- От Сайда.

- Кто он такой?

- Ты не знаешь Сайда из Ведено? Дорожного мастера?

- Как же не знать. Человек, который кормит в своем доме проститутку Кибирова.

- Ну да. Кибиров рассказал об этом Сайду, Сайд - мне. Если ты захватишь его зятя, Михеев возвратит твою семью из Сибири. Вдобавок, ты получишь неплохой куш.

После ухода Пешхо к Зелимхану пришли Бетарсолта Гацаев и Джамалдин Анагаев. Зелимхан рассказал им о состоявшемся между ним и Пешхо разговоре.

- Я не совсем доверяю ему, - сказал Зелимхан в конце. - Когда-то он был нашим товарищем. Потом отошел. Теперь лезет обратно к нам. Источник его информации тоже не вызывает доверия. При разговоре его глаза беспрерывно бегают. Они никогда не смотрят на собеседника. Может, Кибиров через него хочет устроить нам какую-нибудь подлость.

- Узнать все это не составит труда, Зелимхан. К завтрашнему вечеру мы все проясним. Если окажется, что Пешхо говорит правду, устроим засаду и схватим зятя Михеева.

- Пешхо попросил меня взять его с нами.

- Это даже лучше. Надо взять. Если он предпринял какую-нибудь подлость, мы должным образом накажем его.

Вернувшийся вечером следующего дня Бетарсолта подтвердил подозрения Зелимхана насчет Пешхо.

- Пешхо рассказал правду. Пятнадцатого дня этого месяца комиссия действительно проедет. Но Пешхо ведет себя как-то непонятно. Он уже пустил слух о том, что Зелимхан готовится устроить засаду на комиссию, чтобы захватить деньги и пленить зятя Михеева. Это явное предательство.

- Не сводите с него глаз. Если он не пойдет с нами добровольно, мы поведем его силой. Как ты и сказал, Бетарсолта, если он сделает какую-нибудь подлость, мы

должным образом накажем его. На подготовку у нас осталось только четыре дня. Кто знает, распустив слух, что выйдут из Анди пятнадцатого, комиссия может выйти и на день-два раньше? Надо взять под наблюдение дорогу между Ботлихом и Ведено.

Бетарсолта Гацаев был родом из Ведено. Зелимхан и он как свои пальцы знали Чеберлойские и Андийские горы. Каждое ущелье, каждый родник, каждая скала, каждое дерево, каждый куст.

Полковник Моргания активизировал в эти дни работу своей агентуры. Усердно помогал ему и временно исполняющий обязанности начальника Веденского округа Кибиров. Их агенты заранее наладили связи с живущими в горах чабанами. Была подготовлена к действиям и стоящая в Анди вторая сотня Дагестанского полка под командованием ротмистра Котиева. На всякий случай в резерве стояла сотня Гасанилова из того же полка. В Ведено, в подчинение Кибирова, была переброшена и знакомая ему шестая сотня Кизлярско-Гребенского полка. Помимо этого, пристав Гумбетского участка, коллежский регистратор Саадуев собрал отряд добровольцев.

Но агентура Зелимхана работала намного активнее и усерднее агентуры Моргания. Те же чабаны, много жителей чеченских и дагестанских аулов верно служили ему. Они передавали Зелимхану сообщения о каждом шаге властей.

Пешхо сразу же передал Кибирову содержание своего разговора с Зелимханом. В том, что Зелимхан устроит засаду, у него не было никаких сомнений. Но Пешхо не знал, сколько с ним будет людей. В любом случае, предположил он, их может быть больше десяти человек.

Кибиров немедля передал эту информацию Моргания. Именно ему было поручено уничтожить Зелимхана и его абреков. Моргания и Михеев составили план захвата или уничтожения группы Зелимхана. С планом ознакомили и начальника Дагестанской области. Нечего было и говорить об осуществлении этого плана путем окружения абреков или открытого нападения на них. Здесь нужна была хитрость. А ее у Моргании было более чем достаточно. Когда план утвердили во всех инстанциях, Моргания вызвал к себе Долидзе.

- Пятнадцатого числа этого месяца из Ботлиха в направлении Ведено выйдет инженерная комиссия. Зелимхан решил устроить на нее засаду в Керкетии, в районе озера Казеной-Ам. Наша агентура передала ему, что с комиссией будет находиться зять Михеева Шарль Акс. Вдобавок, чтобы у разбойников возбудить аппетит, им сказали, что комиссия везет много денег. Конечно, Зелимхан не нападет на комиссию ради денег. Особенно, если он не будет точно знать об их наличии у комиссии. Главная цель Зелимхана - пленение зятя Михеева. Он хочет обменять его на свою семью, сосланную в Сибирь. Когда комиссия будет выходить в путь, Шарля Акса отделят от нее. У нас появляется реальная возможность уничтожить банду Зелимхана. Выполнить эту задачу в открытую мы не сможем. Нам надо пойти на хитрость. Комиссию из Ботлиха поведете вы. Если Зелимхан увидит большую охрану или большое количество людей, он что-то заподозрит. С вами будет двенадцать всадников из Дагестанского полка. Ни на одном из вас не будет военной формы. Чтобы разбойники не подумали, что охраны нет вообще, верхом на лошадях будут ехать четверо солдат в военной форме. На вас, на всех тринадцати, должны быть горские костюмы. Оружия не показывать. Спрячьте его в фаэтонах. Сотни Котиева и Гасанилова будут ждать наготове, чтобы в случае необходимости немедленно подоспеть к вам, поступит помощь и из Ведено. Нет никаких сомнений в успешном завершении операции. Когда все закончится, дадите телеграмму из Ботлиха в Ведено. И да поможет вам Бог!

За два дня до назначенного срока Зелимхан со своим отрядом остановился на Чермойской горе над дорогой из Ботлиха в Ведено. У него не было возможности, как в былые годы, выбирать для подобных дел лучших из многих. Товарищей оставалось мало. Многие были убиты кровниками и властями. С ним было десять человек, считая и Бийсолту. Абрек остановился подальше от определенного для

засады места. Отсюда же, с Чермойской горы, с хребта Абдуллы, дорога из Ботлиха на Ведено была видна как на ладони. Комиссия может остановиться у дорожной будки рядом с Казеной-Амом. А там власти держат постоянную охрану. Зелимхан не отставляет от глаз бинокль. Если откуда-нибудь с другой стороны появится опасность, чабаны разведут костры, дым от которых будет ему сигналом.

15 сентября к полудню на дороге показались четыре фаэтона и четверо верховых солдат за ними. На двух фаэтонах, по пять на каждом, сидели десять дагестанских кавалеристов. На двух других - инженеры и по одному кавалеристу.

Зелимхан, наблюдающий за ними через бинокль, улыбнулся. Долидзе считал его дураком. Зелимхан еще с того самого момента, когда комиссия тронулась в путь, знал, кто едет вместе с инженерами. Долидзе, двенадцать дагестанских кавалеристов и четыре солдата. Ему хватило бы одного взгляда на этот караван, чтобы понять это. Даже если бы он не получал никаких сообщений. У него вызвало бы подозрение присутствие с ними двенадцати горцев. Два-три человека, чтобы указать путь, еще куда ни шло.

Более того, одного мимолетного взгляда было достаточно, чтобы определить, что это военные люди.

Зелимхан заранее установил своих людей у крутых каменных склонов по обеим сторонам дороги в том месте, где она делает поворот. Даже пушки не смогли бы нанести им вред. А путникам, сколько бы их ни было, абсолютно некуда было бежать, негде было укрыться от их пуль.

В минуты опасности Зелимхан всегда выходил вперед. И для примера товарищам, и чтобы принять на себя первый удар. Иногда он менял внешность, чтобы оставаться не узнанным и чтобы враги не вели огонь только по нему. Сегодня он прицепил желтую бороду поверх своей настоящей и надел на глаза темные очки.

- Если они притронутся к оружию, я убью этого грузина, - сказал он товарищам. - Потом стреляйте все. Убивайте солдат и дагестанских всадников, не упускайте никого. Постарайтесь не задеть инженеров.

Зелимхан не знал в лицо зятя Михеева. Он боялся, что пули могут задеть француза. При таком исходе весь труд последних дней и это кровопролитие становились напрасным. Зелимхан мог и сам выйти на дорогу. Ему для этого не нужен был никто. Но абреку не хотелось отпускать от себя Пешхо. Кто знает, чего от него ждать. Но идти против врага только с ним тоже было опасно.

- Бетарсолта, Пешхо, следуйте за мной! - приказал он.

Инженеры остановились возле дорожной будки. Слово будка не совсем точно, вернее, совсем неточно передает облик сего здания. Это был большой дом с террасой и коридором. С печью, столом и стульями внутри. С большой широкой кроватью для отдыха дорожников после рабочей смены. То ли ее вычистили к приезду гостей, то ли содержали в таком виде всегда, но территория вокруг блестела чистотой.

Когда инженеры подъехали к будке, из нее вышел дорожный подрядчик Илев.

- Добро пожаловать, дорогие гости! Заходите! Самовар только что вскипел. Есть свежий хлеб и печенье. Найдется и по чарке водки.

- Спасибо, - от имени всех руководитель комиссии инженер Орловский поблагодарил гостеприимного хозяина. - Но мы спешим. Нам надо засветло добраться до Грозного.

Путники закурили и завели меж собой негромкий разговор. Илев подошел к вахмистру Магомаеву.

- Слышь, кунак? Дальше дорога опасна. С позавчерашнего дня здесь стали

появляться какие-то незнакомые люди. Поговаривают, что где-то поблизости бродит и шайка Зелимхана. Вышли вперед дозоры.

Вахмистр сказал двум аварцам несколько слов на родном языке и на лошадях солдат послал их вперед.

- Куда они? - спросил вахмистра Долидзе.

- Проверить, безопасен ли путь.

- Верни их назад! - прикрикнул на него вахмистр. - Не думаешь же ты, дурак, что банда Зелимхана будет стоять на дороге!

Долидзе был туповат, жесток и хитер, но трусом он не был. Он хорошо знал, что еще до Ведено они обязательно наткнутся на засаду. Знал, что если завяжется бой с Зелимханом, компромисса не будет - или они погибнут, или по-гибнет абрек. В любом случае победу будет праздновать только одна сторона. Ни одно существо, созданное Всевышним, не может не бояться смерти. Боялся ее и Долидзе. Он не хотел умирать. Он еще молод. Но грузин изо всех сил старался не показывать свой страх.

Сразу же за поворотом, там, где дорога проходит между подступающими к ней вплотную двумя отвесными скалами, они наткнулись на трех человек, стоящих посреди дороги с направленными вперед винтовками. Обладатель красной бороды и темных очков впереди, двое других на пару шагов позади. Одного из них ротмистр узнал. Он видел этого горца в кабинете Моргания. Другими словами, это был доносчик полковника. Третьим был высокий худощавый человек с большим длинным носом и густыми усами.

- К оружию не прикасаться! Если тронете его, мы откроем огонь! Сходите по одному на землю и ложитесь лицом вниз!

Бетарсолта много раз сидел с русскими в тюрьме. Он вполне сносно говорил на русском языке. Освоил он и письмо. Он был вторым после Аюба толмачом и своего рода писарем Зелимхана.

С винтовкой в руках с фаэтона соскочил Долидзе.

- Мы не трусливые бабы, мы воины! - крикнул он и нажал на курок.

Зелимхан оказался в подобной ситуации в первый раз. Когда Долидзе выстрелил, абрек резко отклонился вправо. Пешхо обхватил его сзади своими сильными руками и крепко стиснул.

- Сегодня у тебя последний день, Зелимхан Харачойский! Проси у Аллаха прощения для...

Пешхо не успел докончить фразу. Выстрелы сверху одновременно уложили Долидзе и Пешхо. Меткая пуля одного из товарищей попала в правое ухо Пешхо и вылетела с другой стороны, отколов часть головы. От непрерывного огня с обеих сторон дороги дагестанские кавалеристы запаниковали. Воспользовавшись этим, Зелимхан и Бетарсолта поднялись к товарищам. Быстро пришедшие в себя аварцы укрылись за фаэтонами и лошадьми и открыли беспорядочную стрельбу.

Бой длился два часа. В начале, когда был убит их командир, дагестанцы могли еще спастись, просто отступив назад. Но они этого не сделали. Ведь они тоже были горцами. Им неведома была трусость. Мужественные, стойкие, ответственные. Их выбрали из целого полка, им доверили охрану инженерной комиссии, и они не желали, чтобы в горах о них говорили как о людях, трусливо бежавших с поля боя, забывших перед лицом опасности о своем долге. А когда бой приобрел накал, отступать было уже поздно. В первом часу боя уже несколько человек из них было убито. Из двенадцати дагестанцев десять лежали мертвыми. Двое оставшихся в живых тоже были ранены.

Когда огонь со стороны дороги прекратился, Зелимхан подозвал к себе Бетарсолту Гацаева и Джамалдина Анагаева и вместе с ними спустился вниз.

На дороге валялись трупы дагестанцев, четырех солдат и нескольких гражданских лиц: на спинах, с разбросанными в стороны руками, лицами вниз, сидя, словно вот-вот заснув. Кто-то замер, уткнувшись лицом в землю и прижимая рукой рану. Зелимхан и его товарищи уложили всех аварцев в один ряд лицом на юг, тщательно поправляя все члены и закрывая глаза. После этого они прикрыли лица погибших их же башлыками и прочитали над ними молитву.

- Да сжалится над вами Всемогущий Аллах. Вы были горцами, нашими соседями, братьями по вере. Обманутые мирскими благами, направленные против нас алчностью. Аллах рассудит, кто из нас прав.

На труп Пешхо абреки не обратили никакого внимания.

После этого они осмотрели остальных убитых и раненых. Убитыми лежали ротмистр Долидзе, четверо солдат, статс-секретарь Войтченко, инженер Орловский, дорожный мастер, дорожный контролер. Вахмистр Магомаев, дорожный мастер, два ямщика, подполковник Чикалин и один дагестанец получили ранения.

Зелимхан осмотрел каждого из них.

- Ваши раны не опасны. Врач перевяжет их, и они быстро заживут. Меньше чем через час к вам прибудет помощь. До этого придется потерпеть.

Зелимхан остановился над раненым в руку русским, которому на вид можно было дать чуть больше шестидесяти лет, с серой бородой и длинными густыми усами. На плечах русского были какие-то странные погоны.

- Кто это такой? - спросил он раненых. Никто не ответил.

- Я спрашиваю, кто этот русский? - поднял он голос. Все молчали.

- Когда к вам попадает кто-то из наших, вы избиваете его, ломаете ему кости, пытаете огнем, требуя выдать товарищей. Мы этого не делаем. Мы не палачи. Мы не истязаем слабых и безоружных. Почему вы не говорите, кто этот русский?

Вахмистр Магомаев, упершись руками в землю и стиснув от боли зубы, присел.

- Зелимхан, имя которого гремит в горах, известный своим благородством и честью! Почему ты задаешь нам такой вопрос? Как бы ты посмотрел, если бы в такой ситуации твой товарищ предал тебя?

Зелимхан засмеялся:

- Ты прав, Махма! Я жалею, что задал этот вопрос.

Мы берем с собой этого русского. Он сам расскажет нам о себе. Все остальные свободны.

Зелимхан поднял винтовку одной рукой и выстрелил в воздух. Не прошло и десяти минут, как прискакали его товарищи.

- Оружие собрать. Живых лошадей поймать. Фаэтоны разломать. Этого русского посадить на коня Пешхо.

За два часа боя товарищи Зелимхана не получили ни единой царапины.

В течение получаса завершив все дела, абреки ушли в горы.

Моргания дал слово Долидзе, что в случае опасности помощь подоспеет вовремя. Она не подоспела. Аварские чабаны, которые должны были сообщить в случае

нападения Зелимхана на комиссию, не сделали этого. Вернее, сообщили, но через четыре часа после того, как Зелимхан уничтожил отряд Долидзе и ушел в горы.

По следу Зелимхана пустили три отряда. Две сотни Дагестанского полка во главе с Котиевым и Гасаниловым из Анди, Саадуева с отрядом добровольцев и Кибирова с сотней Кизлярско-Гребенского полка из Ведено.

Зелимхан поспешил убраться подальше от места боя. Он пересек хребет Абдуллы рядом с Чермойской горой, проскакал через аварский аул Ихарой и остановился на отдых в ущелье Хоя. Каждый абрек имел при себе определенный набор медикаментов и бинты. Здесь Чикалина перевязали и Зелимхан допросил его. Бетарсолта переводил вопросы и ответы.

- А теперь рассказывай, кто ты такой?

- Подполковник Чикалин.

- Где ты работаешь?

- В Ботлихе. Я инженер-дорожник.

- Ты входил в комиссию?

- Нет. Я в отпуске. Я собирался поехать вместе с комиссией в Россию.

- Ты знаешь Шарля Акса?

- Познакомился вчера. Правильнее будет сказать, увидел вчера.

- Он был среди убитых сегодня инженеров?

- Нет.

- Его не было с комиссией?

- Был. Но перед самым выходом из Ботлиха его отделили от нас и повезли в Темирхан Шуру. Оттуда он поедет во Владикавказ.

Зелимхан заскрежетал зубами. Сегодня утром он был уверен, что зять Михеева будет в его руках. Был спокоен, будто уже осуществилась его цель обменять француза на свою семью. Теперь потеряна и эта надежда. Если не навсегда, то, по крайней мере, на определенное время. Теперь опять придется охотиться за ним. Может, больше и шансов не появится. А Беци, Зезаг и дети все еще в Сибири. От них нет вестей уже несколько месяцев. И у инженеров нашли только двести сорок рублей. Все труды, его и его товарищей, пролитая кровь, все оказалось напрасным.

- Мы заберем тебя с собой, полковник. И если за тебя заплатят много денег, освободим. Например, две тысячи червонцев.

- У меня нет таких денег. Даже близко. Кроме зарплаты, у меня нет иных источников дохода.

- У тебя есть имущество в России? Дом, земля, скот?

- Нет ни того, ни другого, ни третьего. Я не помещик.

- Сколько денег ты сможешь заплатить?

- Десять-двадцать червонцев.

- У тебя есть родственники, друзья?

- Есть. Такие же бедные люди, как и я. И старые.

- Ты врешь, полковник. Ваш царь не поднимает до такого звания бедного русского.

Только богача. Бедные становятся солдатами. У тебя есть деньги, есть и имущество в России. Более того, вы жестоко грабите здешних горцев. Офицер, приехавший сюда из России в потертых штанах, через год одевается как князь. Ты напишешь письмо своему начальнику, родственникам, друзьям. Ты сообщишь им, что если в течение одного месяца они не передадут Зелимхану две тысячи червонцев, абрек снимет с тебя голову.

Перекусив всухомятку и дав небольшой отдых коням, абреки примерно через час опять вскочили в седла.

Когда они подходили к Макажою, на окраине аула их встретила толпа жителей. Зелимхан спокойно подъехал к ним. Он и мысли не допускал о том, что может встретить в их лице хоть какое-то препятствие.

В горах много аулов, раскинувшихся у берегов рек, в их поймах. Это обычно небольшие населенные пункты, дворов в сто, которых и аулами-то можно назвать только с большой натяжкой. К ним ведут очень плохие дороги, по которым и в засушливое лето трудно пробираться. Но известие о любом событии, как бы далеко оно не произошло, расходится здесь с невероятной скоростью, словно по телеграфу, о котором мало кто в горах имеет представление. Макажой расположен не очень далеко от Казеной-Ама и дороги на Ботлих. Поэтому макажойцы раньше всех узнали о том, что произошло там сегодня.

Макажойцы не раз оказывали сопротивление властям. Власти считали Макажой одним из самых мятежных, непокорных аулов Веденского округа. Много жителей этого аула было сослано в Сибирь, поодиночке и вместе с семьями. Некоторые погибли там, другие вернулись, кто отсидев срок, кто сбежав. Макажойцы знали, что Зелимхан со своей группой придет в их аул. Знали они и какими будут для них последствия, если впустят абреков в аул. Власти жестоко наказали бы аульчан. Горцы не хотели, чтобы на их аул обрушился гнев властей. Поэтому старшина Макажоя Мусло поднял весь аул, чтобы не пропустить через него Зелимхана.

Когда абреки приблизились, макажойцы перекрыли дорогу. Зелимхан узнал стоящих впереди аульчан Мусло, Ясаа, Умара и нескольких других.

- Эй, Мусло! Что это вы делаете? Почему не даете нам дорогу?

- Ты не войдешь в наш аул, Зелимхан!

- Это еще почему? Эта дорога запретна для нас? Вы что, испугались властей? Или, может, продались ей?

- Мы не испугались и не продались, Зелимхан. Много наших людей сослано в Сибирь. Многие умерли там. Есть и те, кто сидит там и поныне. Некоторые сосланы туда из-за тебя. Если власти узнают, что мы пропустили тебя, они покарают аул.

- Если не хотите ссоры, уйдите с дороги!

- Не уйдем. Вы пройдете по аулу, только переступив по нашим трупам.

Зелимхан задумался. Не было сомнения в том, что Мусло подбил этих людей против него. У многих оружие. Если попытаться пройти в село против их воли, кто знает, может, какой-нибудь дурак и выстрелит. Тогда им придется ответить. Может произойти и убийство. А многих из этих людей Зелимхан знает лично. Ведь Макажой и Харачой расположены по соседству. Между многими семьями этих аулов есть родственные связи. У Зелимхана и так уже много врагов. Зачем ему еще и новые? Но эту суку Мусло нельзя оставлять безнаказанной.

Зелимхан натянул поводья, прижал пятки к бокам коня, поднял его на дыбы, потянулся и ударил Мусло плеткой по голове. Старшина вытащил из кобуры револьвер и направил его на абрека. Но до того, как он успел нажать на курок, Бетарсолта ловким ударом подбросил его руку вверх. Раздался выстрел, пуля ушла

в воздух. Макажойцы и абреки двинулись друг на друга.

- Не стрелять! - крикнул Зелимхан абрекам.

Не хотели стрелять и макажойцы. Но завязалась драка. Расталкивая аульчан, огревая плеткой самых драчливых, абреки пробили себе дорогу и проехали через аул.

Когда они немного отъехали, Зелимхан вдруг вспомнил о пленнике. Его нигде не было видно.

Чикалин сбежал, воспользовавшись суматохой. Макажойцы же не стали его задерживать.

Миновав Макажой, Зелимхан стал думать, в какую сторону безопасней всего податься. Останавливаться в Чеберлойских горах было рискованно. Скорее всего сюда со своими казаками поднимается Кибиров. Зелимхан подумал было поехать в сторону Шаро-Аргуна. Но и от этого пришлось отказаться - Кибиров наверняка закрыл туда дороги. Вдобавок был слух, что Моргания с двумя сотнями казаков поднимается вверх по Аргуну. Чтобы запутать следы, Зелимхан с товарищами поскакал в сторону Шаро-Аргуна, а потом свернул в сторону аварского аула Ригаха. Он решил оставить следы в Андийских горах, чтобы преследователи искали его там, вернуться в Чечню, распустить товарищей, а самому укрыться.

Абреки шли со стороны Галгатлы в сторону Чермойской горы. Дороги были очень трудными. Узкие, то круто поднимающиеся вверх, то скатывающиеся вниз. Попадались и такие места, где абрекам приходилось спешиваться и вести четвероногих друзей под уздцы. С невероятными трудностями поднялись на Чермойскую гору. Здесь было почти квадратное плато в две-три версты в ширину и длину. Когда абреки устроились на привал, на них неожиданно наткнулся отряд во главе с братом раненого Зелимханом на Ассинском мосту ротмистра Донагулова. Спасаться бегством не было никакой возможности. Впереди шел Донагулов, за ним со своими сотнями следовали Котиев и Гасаналиев. Справа и слева поляна резко обрывалась. Пешком спуститься по этим крутым каменным стенам как-то можно было, но о том, чтобы проделать это верхом на коне не могло быть и речи. Приняв бой здесь, они однозначно обрекали себя на смерть.

Увидев абреков, всадники Донагулова, издавая дикие крики и размахивая шашками, понеслись в атаку. Сам Донагулов скакал впереди. Он дал клятвенное обещание отомстить Зелимхану за искалеченного брата... Абреки дали залп из винтовок. Два-три человека из числа атакующих свалились с коней, но остальные продолжали безумно скакать вперед. На какую-то минуту Зелимхан попрощался с жизнью. У аварцев хорошие кони. Вдобавок, приученные к горным условиям. Да и сами аварцы лихие наездники, ни в чем не уступающие абрекам.

Повернув коня вправо и отпустив уздцы, Зелимхан беспрерывно стрелял по преследователям. Не отставая от него неслись Бийсолта, Бетарсолта и Соип. Когда до обрыва оставалось шагов двадцать, обернувшийся Зелимхан не заметил Бийсолту. Конь брата стоял на месте, сам же Бийсолта свисал у него с боку с застрявшей в стремени ногой. Быстро соскочив с коня, Зелимхан подбежал к юноше. В первую очередь он освободил его ногу и потом только посмотрел на окровавленную голову. Пуля раздробила юноше череп. Зелимхан повернул лицо брата к югу и поправил руки и ноги. В это время подбежали Бетарсолта и Соип.

- Ему уже не нужна наша помощь, Бетарсолта. Вы постарайтесь спастись.

- Что будем делать с ним?

- Придется оставить здесь. Мы все погибнем, если попытаемся забрать его с собой. Я не хочу, чтобы из-за нас двоих погибли товарищи. Эти всадники мусульмане. Или они похоронят его по законам нашей религии, или отдадут труп.

- А ты что собираешься делать?

- Я постараюсь их задержать, насколько хватит сил. А вы спасайтесь.

- Зелимхан, ты не имеешь права погибнуть здесь!

- Уходите скорей.

Между ним и всадниками оставалась сотня шагов. Зелимхан стрелял. Иногда кое-кто из всадников падал с коня убитым или раненым, другие прижимались к коням или свисали, зацепившись ногой за стремя. В голове Зелимхана пронесся целый клубок мыслей. Убит последний его брат. Юный Бийсолта, которому было всего лишь пятнадцать лет. Когда Бийсолта попросил Зелимхана взять его с собой, сердце абрека смягчилось, и он разрешил мальчишке следовать за собой. В надежде, что рядом ему будет безопасней. Эх, если бы он оставил его тогда с Беци и Зезаг! Он был бы жив, пусть и в Сибири. Когда-нибудь вернулся бы домой. Зелимхана мучило чувство вины, он обвинял в смерти брата только себя. И не только в его смерти. А в смерти деда, отца, другого брата, дядей и двоюродных братьев. В том, что оказались в Сибири Беци, Зезаг и дети...

Всадники все приближались. Зелимхан уже отчетливо различал их лица. Широкие, длинные, круглые. Черные, рыжие бороды и усы. Красные, безумные глаза...

Что изменится, если он погибнет здесь? Бийсолта ведь от этого не оживет. Не воскреснут и погибшие до него. Не вернет это и его семью из Сибири. Он должен остаться в живых. Чтобы отомстить за них за всех. Да, погибшие не воскреснут. Но если здесь погибнет и он, что станется с Беци, Зезаг, детьми?

Прижав винтовку к телу, абрек откатился к обрыву и устремился вниз. Каменные выступы немного облегчали спуск. Зелимхан перепрыгивал с одного выступа на другой, кое-где перед прыжком приходилось провисать на руках, чтобы смягчить приземление, в иных местах он скользил вниз. Когда стрельба на верху затихла, Зелимхан нашел товарищей. Они сидели в унынии, не зная, что произошло с их предводителем. Появление харачойца вызвало у них крики радости. Прижимаясь к откосу, чтобы их не заметили сверху, абреки поспешили прочь от этого места.

Всадники спешились и стали смотреть вниз. Но Зелимхана и его товарищей нигде не было видно. Поняв, что их уже не догнать, некоторые из преследователей собрали оружие абреков и выловили их коней. Семнадцать винтовок, отобранные у команды Долидзе, абреки бросили здесь, свое оружие забрали с собой. Мертвым лежал и знаменитый на всю Чечню вороной конь Зелимхана. Какой-то аварец снял с него переметные сумы и передал их Донагулову. Открыв их, ротмистр нашел чистое нательное белье, шерстяные носки, носовой платок, бинокль, электрический фонарик, маленький ломик, личную печать абрека, которой он скреплял свои письма, портреты Шамиля и Хаджи-Мурата...

"*Начальнику Терской области, наказному атаману Терского казачьего войска.*

...Доношу Вашему Превосходительству, что получил сведения, что разбойник Аюб Тамаев, после убийства 1-го декабря прошлого года в сел. Старые Атаги товарища своего абрека Абубакара Хасуева, скрылся. Мною были получены агентурные сведения о том, что в праздничные дни жертвоприношения Аюб Тамаев будет дома. В результате проведенной операции вышеназванный разбойник убит.

Донося о вышеизложенном, ходатайствую перед Вашим превосходительством о неналожении какого-либо административного взыскания на жителей сел. Старые Атаги, так как поимка сего абрека, как и Абубакара Хасуева, была учинена не без тайного содействия некоторых из жителей сего селения.

...Я полагаю, что если даже сему селению будет оказано поощрение, то эта мера может послужить залогом дальнейшему успеху в этом направлении.

Полковник Стрижев, начальник Грозненского округа".

ГЛАВА XXII СОКОЛ С ПОДБИТЫМ КРЫЛОМ

Оставили беркута удаль и страсть,

Уперся на крылья он, чтоб не упасть,

Стоит он, повергнутым быть не желая...

А прожил ведь жизнь, над горами витая,

Мощными крыльями в небо врываясь...

М. С. Гадаев

После гибели Бийсолты на Чермоевской горе сердце Зелимхана в какой-то степени смягчилось. Когда были живы дед, отец, братья и кузены ему были нипочем беды и лишения, он не боялся никого и ничего, даже смерти. В те годы самому себя он казался гордым, отважным соколом, парящим среди облаков, слетающим на вершину горы, чтобы с этой головокружительной высоты окинуть зорким взором раскинувшуюся далеко внизу землю. Никого из них уже нет на этой земле. Сейчас он казался себе смертельно раненым соколом с подбитыми крыльями, умирающим на дне глубокого ущелья. Тоскливо взирающим на свободные облака и величественные горы, с которыми он когда-то был на ты. Сердце-то по-прежнему полно отваги и бунтарства. Но все-таки эти чувства не такие яркие, какими они были в прошлом. Оно, его сердце, устало, ослабло. Его сжимает, не отпуская ни на минуту, неизбывное, непреходящее горе.

С другой стороны вся эта боль ожесточает его сердце. Оно призывает к мщению. Требует покарать врагов, обрекших его на одиночество. Отомстить убийцам деда, отца, братьев, родственников. В такие минуты тело его наливается силой, дух укрепляется.

После событий в горах прошел месяц. Все это время власть не бездействовала. Нападение на инженерную комиссию буквально вывело ее из себя, начиная от Владикавказа и кончая Петербургом. То, что Зелимхан сумел средь бела дня ограбить Кизлярский банк, еще как-то можно было понять. Хотя и предупреждал он заранее Вербицкого, кто мог тогда предположить, что он посмеет войти в Кизляр, в котором стоит многочисленный воинский гарнизон, проделав перед этим двести верст через земли, охраняемые тысячами и тысячами вооруженных до зубов казаков? Но ведь о том, что Зелимхан устроит засаду на инженерную комиссию, было известно за три дня. Был составлен план уничтожения его отряда, провели подготовительную работу. Задействовали три сотни казаков, отряд добровольцев. Руководил операцией грамотный, храбрый, хитрый офицер, имевший опыт в подобного рода делах. Но, несмотря на все это, Зелимхан убил солдат и кавалеристов, охранявших комиссию, несколько дорожных инженеров и рабочих. И спокойно ушел с поля боя без малейшего вреда для себя и своих товарищей. Наткнулся позже на отряд Донагулова, но и здесь ему удалось уйти, бросив тело убитого брата, коней и трофейное оружие.

Наместник Кавказа Воронцов-Дашков был рассержен. Он отправил в Терскую область своего помощника генерала Шатилова, ответственного за военные дела и работу с горскими народами, с поручением обязать начальника области расследовать инцидент с инженерной комиссией, уничтожить Зелимхана вместе с его бандой и раз и навсегда покончить с преступностью в области.

Шатилов, прибывший в Грозный в спецвагоне, собрал у себя на совещание Михеева, начальника Дагестанской области генерала Ермолова, полковника Моргания, начальников округов, приставов участков, старших офицеров и Донагулова-второго, приехавшего отомстить Зелимхану за брата.

Шатилову было лет шестьдесят. Высокий рост, широкие плечи, узкая талия. Волосы на голове и бровях, когда-то черные, уже поседели. Генерал был гладко

выбрит. Неестественно голубые глаза резко выделялись на стальном лице. Морщины на высоком и широком лбу собрались в жесткий узел. Взглянув на его тонкие губы, можно было с определенной долей уверенности предположить, что этот человек никогда, или почти никогда в жизни не улыбался.

- Господа! - начал он стальным голосом. Генерал в течение часа перечислял преступления, совершенные в области за последние несколько лет, просчеты и упущения местных властей. - Это, уважаемые господа, позор Российской империи и русскому оружию! Везде только и слышно, Зелимхан да Зелимхан. Зелимхан ограбил путников, богачей из городов, казаков, кассу станции, Кизлярский банк, пленил и убил людей. А убитые им в Киркетии кавалеристы Дагестанского полка, солдаты, инженеры? Вы прекрасно знали, что Зелимхан устроил там засаду. Он ушел от трех сотен всадников и отряда добровольцев. Разбойник Зелимхан противостоит властям в области не в одиночку. Ни он сам, ни сотня таких же Зелимханов не в состоянии творить то, что приписывают ему. У него есть крепкая опора в Чечне и Ингушетии. Эта опора - народ. А в один организованный кулак эти народы собрали религиозные деятели. Всевозможные шейхи. Вы прекрасно знаете, что во время налета Зелимхана на Кизлярский банк и железнодорожную станцию рядом с ним был сын лидера одной из сект шейха Баматгери-Хаджи. Вы могли бы поклясться в том, что сыновья других шейхов и мулл не были тогда с Зелимханом или их нет с ним сегодня? По приказу своих шейхов или по одному только их желанию мюриды готовы нырнуть в адское пламя. Они входят в банду Зелимхана и в другие банды разбойников. Если мы не уберем из области этих шейхов, преступления здесь не прекратятся никогда. Пока они здесь, будет существовать и Зелимхан. Если вы поймаете или убьете одного Зелимхана, появятся другие Зелимханы. Выселите из области этих шейхов вместе с семьями, других религиозных фанатиков! Разбойники отсиживаются в маленьких хуторах, которые находятся в горах и лесах, вдали от крупных аулов и над которыми у вас нет контроля. Разрушайте эти хутора и переселяйте их жителей на равнину, в большие аулы. Более того, для оказания помощи семьям убитых Зелимханом в Керкетии дагестанцев, солдат, инженеров и дорожных рабочих взыщите с чеченских аулов деньги в сумме не менее ста тысяч рублей. На выполнение этого поручения вам отводится один месяц. Выставьте во все чеченские аулы карательные отряды. Обеспечение их продовольствием возложите на жителей этих аулов. Любая семья, целый аул, приютивший у себя не только Зелимхана, просто любого разбойника, должны быть подвергнуты суровому наказанию. Чтобы другим семьям и аулам было неповадно. Знайте, его Величество император ознакомлен с установившейся в области обстановкой и вашей мягкотелостью, и он очень недоволен вами. Какая вам нужна помощь для окончательной ликвидации разбоя в области? Вам будет предоставлена любая помощь. Но и вы проявите немного живости, активности. Его превосходительство наместник не намерен далее терпеть такую обстановку у вас.

Участников совещания охватили тяжелые мысли. Чего от них хочет этот паркетный генерал? Чтобы он стал делать, если бы оказался на их месте. Они ведь делают все, что в их силах. Взимают штрафы с аулов, разрушают их, выселяют горцев с семьями в Сибирь. Но этот дурной, бунтарский народ почему-то не сдается...

Деши чувствовала себя счастливой.

Она знала, что такое горе и каков его вкус. Как же не знать, если за тридцать лет после ссылки Болата она каждый день пожинала его.

Она вспоминала восемь месяцев, которые Болат провел на войне. Ежеминутное ожидание худшего. Слова мужа, сказанные ей накануне его ареста. День, когда его увели солдаты. Она дала мужу слово не плакать по нем. Деши с трудом сдержалась, пока он не скрылся из вида. Только потом она дала волю слезам. Тогда она носила Соипа под сердцем. В первые дни после расставания с Болатом Деши боялась, что горе убьет ее или сведет с ума. Она стала просить старшего сына Али Умара поехать с ней во Владикавказ, к Болату. Деши твердо решила сесть с мужем в тюрьму и, если хакимы пустят ее, уйти с ним в Сибирь. Чтобы разделить с ним все тяготы, а когда придет время, то и умереть рядом с ним. Ей не нужны были

этот мир и эта жизнь вдали от Болата. Но большой хаким не разрешил ей ни сесть в тюрьму с мужем, ни поехать с ним в Сибирь. Если захочешь, поедешь за ним следом, сказал он.

Через два месяца после ареста Болата родился Соип. Она вырастила сына одна, без всякой посторонней помощи. Лишенная хозяйских рук сакля обветшала. Деши пришлось продать волов и свой небольшой клочок земли - у нее все равно не было сил ни ухаживать за рабочим скотом, ни обрабатывать свой участок... Продала, чтобы не голодать, чтобы не просить милостыню.

Потом Соип подрос. У него уже были силы на некоторую работу по хозяйству. Помогали Ахмад и Усман. Завелась кое-какая живность, вырастили двух волов. Ахмад подарил им одну из своих просек. Когда настало время женить Соипа, пришлось задуматься о посуде, постели и всяком необходимом. Появилась нужда в деньгах. А их у них не было. И появиться им тоже было неоткуда. С каждой весной многие аульчане выезжали на заработки на притеречные земли. Осенью возвращались, заработав кое-какие деньги. Соип тоже захотел поехать туда. Деши не хотела отпускать свою единственную опору, всю радость и надежду своей жизни в такую даль. Но нужда заставила ее согласиться.

Потом произошло то, чего она боялась всегда. Они ожидали беду вовсе не с этой стороны. За один месяц, что Соип сидел в Веденской тюрьме, она состарилась на многие десятилетия. Голова побелела как снег. Спина сгорбилась. Лицо перепахано морщинами. Ее сына, если и не повесили бы, но в Сибирь сослали бы точно. Он пропал бы там без вести, как и его отец. Тогда род Болата прекратился бы. И что тогда оставалось бы делать самой Деши. Ведь и старость уже подступила голодной волчицей. На кого бы ей было тогда опереться. Кто бы заботился о ней, когда старость и болезни свалят ее с ног. Кто бы похоронил ее, кто бы посещал могилу...

Аллах не допустил этого. Он прислал им на помощь Зелимхана. Харачоец отобрал из рук солдат Соипа и вернул его ей, матери. Устроил им хорошую саклю в маленьком ауле далеко в горах, помог наладить хозяйство. Женил Соипа. Через несколько лет, когда власти забыли о Соипе, они вернулись в родной аул. Сейчас они были не одни. У Соипа жена и двое сыновей. За короткое время с помощью Овхада, который собирал людей на белхи, восстановили саклю и хозяйские постройки.

Деши чувствовала себя счастливой.

Как же ей было не чувствовать себя такой, когда у его единственного сына есть двое своих сыновей! Когда у Болата есть потомки. Ведь будут еще дети. Девочки и мальчики. Чтобы окружить Деши заботой на старости лет. Радовать ее сердце.

Деши чувствовала себя счастливой все эти недолгие годы. Она была по-настоящему счастлива. Но месяц назад мир омрачился.

В эти дни она видела Соипа хмурым. Он начинал какую-нибудь работу по хозяйству и тут же бросал ее. В конце концов однажды вечером у них состоялся разговор.

- Нана, я решил уйти к Зелимхану.

Сначала Деши ничего не поняла. Она вопросительно посмотрела на сына.

- Ты часто рассказываешь о муках, которых ты испытала, когда я сидел в Веденской тюрьме. Ты рассказывала, что когда меня перевозили в Грозный, сердце твое чуть не разорвалось. Если бы Аюб и Абубакар не вытащили меня тогда из рук солдат, я давно уже был бы убит, или пропал бы в Сибири. Чтобы спасти меня в тот день они пошли на смертный риск. Потом они отвели меня далеко в горы. Наладили мне хозяйство, перевезли туда и тебя. Они женили меня. Одним словом, ты все знаешь и сама. Родные братья не сделали бы то, что они сделали для меня. Оба они предательски убиты. Убиты два моих брата. За них некому отомстить, кроме меня. У них нет братьев. Только по одному сыну, которым по четыре-пять

лет. Мне надо уйти к Зелимхану и отомстить за братьев.

Наконец до Деши дошел смысл слов сына. С одной стороны он, конечно, был прав. Аюб и Абубакар заменили Соипу братьев. Они были для Деши как родные сыновья. Все это она знала и понимала даже лучше, чем Соип. Но материнское сердце... Она же носила Соипа в себе. Девять месяцев. Она чуть сама не умерла, давая ему жизнь. Она провела над ним сотни бессонных ночей. В страхе за его жизнь, за его здоровье. Он же у нее единственный. Правда, есть два внука, которых она любит больше жизни. Но Соип - это ее кровь. Ее сердце. Она не переживет его смерть.

- С одной стороны я рада, что ты так рассуждаешь, Соип, - сказала она. - Твои слова - это слова конаха. Сын Данчин Болата не имеет права не быть конахом. Ты показал свое мужество и настоящий горский характер еще когда тебе не было и двадцати пяти лет. Конах обязан прийти на помощь другу. Это его долг. Особенно, если речь идет о таких людях, как Аюб и Абубакар. Но ты знаешь, что может произойти с тобой еще до того, как ты отомстишь за них. Твое отмщение не воскресит их. Поэтому, я думаю, что твой долг не в том, чтобы отомстить за них, а в том, чтобы заботиться об их старых родителях и малых детях. Но прежде чем принять решение уйти к Зелимхану, тебе нужно было, Соип, подумать о жене и детях. Обо мне, о старой, и говорить не будем. Ты собираешься подвергнуть Аминат и детей лишениям, какие я уже испытала когда-то?

Соип обхватил голову руками, уставился на пол и долго молчал.

- Зная, что меня охраняет множество солдат, зная, что они вооружены, несмотря на смертельную опасность, они вышли на дорогу и спасли меня, нана. Тогда они не знали, кто я, не слышали обо мне ничего. Но, несмотря на это, они пошли навстречу явной опасности. А об их братской помощи потом ты и сама знаешь. Как же я взгляну им в глаза на том свете, если уйду из этого мира, не отомстив за них.

Не смотря на уговоры и слезы матери, Соип не изменил своего решения. Не зная, что делать, Деши позвала на помощь Охвада. Но и ему не удавалось переубедить Соипа.

- Хорошо, Соип, - сказал Овхад в конце. - Ты не понимаешь нас с Деши, или не хочешь понять. Но я еще вот что скажу. Зелимхан отважный, благородный человек, верный сын нашего народа и настоящий конах. Его вывели на путь абречества те же мысли, что крутятся сейчас и в твоей голове. Зелимхан мстил людям, которые увели любимую девушку его брата. Там от его руки погиб человек. Те ответили тем же. В это дело вмещались власти. Мужчин из семейства Зелимхана арестовали. Он сбежал из тюрьмы и стал мстить своим врагам и власти, терроризирующей народ. После этого с каждым днем у него и у его товарищей стали появляться все новые враги. С одной стороны - кровники, с другой - власть. Из большого количества верных, мужественных, стойких товарищей, окружавших его в былые годы, в живых остались только единицы. Многие из них убиты кровниками и властью. Убьют и его самого. Один, сто, тысяча человек не смогут свергнуть эту власть. Даже крупные восстания во главе с мудрыми людьми не добивались этого. Всех их, тысячи и тысячи борцов за свободу, уничтожили, расстреливая, вешая, угоняя в Сибирь. У власти в руках сила. Законы, войска, полиция, жандармерия, суд, чиновники. Тюрьмы, каторги, лагеря. Богачи и высшее духовенство тоже на стороне власти. Поэтому борьба абреков против власти бессмысленна. Не только бессмысленна, но и вредна, прежде всего для нашего народа. Абреки грабят путников, богачей, казаков, а возмещать нанесенный ими ущерб заставляют несчастный народ. С него взимают в десять, сто раз больше. Абреки убивают хакимов, а власти ссылают в Сибирь совершенно безвинных людей. Ты присоединишься к Зелимхану, чтобы отомстить за убитых друзей. А власти завтра, через месяц, через год, но когда-нибудь убьют и тебя, и Зелимхана. Какую пользу, какую помощь получат от твоей смерти Аюб, Абубакар, ваши семьи, чеченский народ?

Но Соипа ничто не могло остановить. Два месяца назад он ушел из дома. Против воли Деши. Когда уходил из дома, у Соипа не было оружия. Но через неделю он

вернулся вооруженный винтовкой, револьвером и бомбой. Когда по аулам прошел слух о боях у озера Казеной-Ам и на Чермойской горе, Деши не находила себе места. К счастью, там Соип не пострадал. А сейчас опять неизвестно, где он и что с ним.

Да, прошли те немногие годы, когда Деши чувствовала себя счастливой. От одного вида Аминат и двух ее сыновей у нее разрывалось сердце...

Узнав, что власти взыскали с аулов 10000 червонцев для помощи семьям погибших возле Казеной-Ама дагестанцев, солдат и дорожных рабочих, сердце Зелимхана бурлило от негодования. Народ не виноват в том, что он делает. Почему власти истязают ни в чем неповинный несчастный народ. У людей отобрали заработанные тяжелым трудом копейки, которых они копили для самого необходимого! У тех, кто не смог заплатить деньги, увели единственную корову, кормившую детей, последнюю овцу, козу. У кого не было и этого, забрали домашнюю утварь. Хотя знали, что за этот хлам нельзя выручить ни копейки. Забрали просто назло. А у некоторых весь домашний скарб сложили прямо во дворе и сожгли. Тоже просто назло. Под плач женщин и детей. Назло. Во многих аулах были сожжены жилища. Их поджигали или просто закидывали бомбами. Это были сакли людей, помогавших абрекам. Дававших им еду. Под плач женщин и детей. Оставляя их без крыши над головой перед надвигающейся жестокой зимой.

Нет, Зелимхан не оставит безнаказанной эту дикую жестокость властей. Он будет безжалостно убивать сотворивших это хакимов, дагестанских всадников, солдат, казаков. Моргания, Кибиров, Донагулов. Последнего он не убьет. Он схватит этого аварца и отрежет ему мужское достоинство. В первую очередь надо убить осетинскую сучку Кибирова. Короткое время он был начальником Веденского округа. Пока на эту должность не назначили другого. Сейчас там другой человек. Подполковник Каралов. Ублюдок, непонятно из какого народа произошедший. Эта власть коварна и хитра. Раньше, говорят, чеченцев терроризировали русские офицеры. Потом, то ли посчитали такое поведение недостойным для себя, то ли не захотели пачкать свои руки, только эту позорную работу русские передали представителям других национальностей. Дагестанцам, осетинам, грузинам, абхазам, армянам. Нашлись такие палачи и среди чеченцев и ингушей. Правда, они делают эту работу тайно. Донося на своих соплеменников. Эти делают самую позорную работу. За деньги. Лучше воевать с оружием в руках против своих братьев по крови, братьев по вере, чем тайно продавать их. Трусливые шакалы!

Зелимхан долго думал, как отомстить властям. Нынче очень трудно сделать это. Во всех аулах стоят войска. Кормить их заставляют опять-таки чеченцев. В собственных саклях. Обеспечивая солдат едой и постелью, а их коней - фуражом. И это в то время, когда горцам и самим-то есть нечего.

Смерть своих врагов и врагов своего народа тоже не успокоит Зелимхана. Ему надо возместить ущерб, нанесенный властью народу, вернуть отобранные у него деньги. Взыскав их с власти. В местных банках таких денег не будет. С тех пор, как Зелимхан стал их грабить, в них стараются не держать большие суммы. Их хранят в южных городах России. Есть и такие, кто перевел их в Москву и Петербург. Оставленные в банках на небольшие расходы деньги внимательно стерегут внутри помещений. Их стальные двери и замки крепки. Увеличена и охрана.

После долгих размышлений Зелимхан принял решение ограбить Грозненскую ярмарку. Туда приезжают купцы из ближайших городов. Из Осетии, Дагестана, Кабарды, Ставрополя. Из более отдаленных мест. Продавать свои товары и покупать местные. Зелимхан запросто наберет 10000 червонцев, ограбив даже несколько купцов. Но этой суммы мало. Это только то, что отобрано у горцев. Кроме этого сожжено много дворов, уведен скот, плюс еще домашний скарб. Чтобы восстановить все это, 10000 червонцев будет мало. Нужно взыскать с этих шакалов самое меньшее 20000 червонцев.

Надо ограбить и какой-нибудь банк в Грозном. Их там четыре. В двух из них, говорят, бывает много денег. Зелимхан знает, где эти два банка. Один - на улице

Александра, рядом с городским парком, где собираются на отдых богатеи. Второй находится под отелем "Франция", у входа в который Зелимхан когда-то поджидал своего врага Вербицкого. Первый, Азовско-Донской коммерческий банк, расположен в удобном для ограбления месте. Рядом с парком.

Если ограбить банк и ярмарку в один день, власти бросили бы свои силы за одной группой, и другим было бы легко завершить дело и уйти. Но у Зелимхана нет людей на два отряда. Поэтому он остановил свой выбор на ярмарке. Эта операция имела все шансы на успех. С банком он разберется позже.

Но осуществить этот замысел будет невероятно сложно. Раньше они добирались до места большими и маленькими группами. Сейчас это сделать практически невозможно. В каждом ауле и по дорогам стоят солдаты и казаки. Любого горца, вызвавшего у них малейшее подозрение, они останавливают, обыскивают, задерживают.

Вдобавок ко всему, с Зелимханом нет и прежних товарищей. Нет многих из тех, кто был с ним в Кизляре два года назад. Саламбека, Аюба, Абубакара, Джабраила... Многих других. Во время рейда в Кизляр во главе двух отрядов стояли Саламбек и Аюб. Зелимхан доверял им, как самому себе. Сейчас их нет. Их и многих других.

Для ограбления купцов с ярмарки Зелимхан отобрал двадцать человек. Он разбил их на две группы. Во главе поставил четырех самых храбрых и стойких абреков. О том, чтобы добраться до города всем вместе, нечего было и говорить. Входить в город даже впятером было рискованно. Зелимхан запретил брать с собой коней. Когда все заботится, на ярмарке их будет достаточно. В город следует войти накануне вечером. Чтобы по одному, по два переночевать у друзей и на второй день, когда ярмарка будет в самом разгаре, встретиться на условленном месте. На ярмарку следует приехать на арбах, спрятав оружие под сеном или кукурузными стеблями. Все должно быть завершено в течение получаса. После этого надо быстро ускакать на первых попавшихся конях. Добравшись до своих коней, следует отпустить коней с ярмарки.

Место сбора - окраина Дуба-юрта.

Все было обдумано и взвешено. Выбирая товарищей на эту операцию, Зелимхан не назвал имя Соипа. Обиженный этим, он подошел к Зелимхану:

- Зелимхан, почему ты не назвал мое имя среди тех, кого берешь с собой в Грозный?

- Я не беру тебя с собой.

- Почему?

- Не беру и все.

- Ты не доверяешь мне?

- Что это за вопрос? Разве не я вырвал тебя из рук солдат, не зная даже, кто ты и чей?

Соип покраснел.

- Ты у матери только один. У тебя двое детей. Мы предприняли очень опасное дело. Может быть, никто из нас не вернется обратно.

- Разве на Чермойской горе не было опасно?

- Не так, как сейчас. Тогда враг был перед нами. Мы шли на войну. Завтрашняя акция будет своеобразной.

- Я не отстану от тебя, Зелимхан. На Чермойской горе убит твой последний брат, и ты сейчас одинок. Бийсолта был на пятнадцать лет младше меня... У тебя нет

больше братьев... я твой брат.

Как не противился Зелимхан, Соип твердо стоял на своем. В конце концов, Зелимхан вручил его Бетарсолте, наказав по возможности беречь парня.

Сначала Зелимхан пошел к Деналбеку Шерипову. Его юного друга Асланбека здесь не было. Он учился в кадетском корпусе в Полтаве.

- Письма хоть пишет?

- Часто.

- Ну и как у него дела?

- Пишет, что учится хорошо. Изучает еще несколько языков, кроме русского. В каждом письме спрашивает о тебе.

- Дай ему Аллах долгих лет. Это будет настоящий конах. Я понял это с первого взгляда. Стальной цвет лица. Черные, умные глаза. Когда будешь писать ему, передай от меня привет.

Братья Шериповы хлопотали о возвращении из Сибири семьи Зелимхана. Они делали это через уважаемого в Москве и Петербурге адвоката Ахматхана Мутушева.

- У Ахматхана состоялась беседа с несколькими влиятельными депутатами Государственной Думы. Министр юстиции, контролирующий работу судов и прокуратуры, дал ему слово сократить твоей семье срок. Иными словами, уменьшить пятилетний срок до двух лет. Эти два года уже проходят. С помощью Аллаха скоро твоя семья вернется.

Не задерживаясь у Деналбека слишком долго, Зелимхан глухими темными улочками выбрался из города и вступил в Старую Сунжу. Там жили одни из самых верных друзей Зелимхана - братья Одиевы, Юнус и Юсуп. Они распределили его людей по дворам сунженцев. Братьям было известно о планах абреков. Хотя они и не подавали вида, их беспокоила эта затея. Ее исход мог быть самым трагическим. В думах об этом, за ничего не значащей беседой братья просидели до полуночи и легли спать.

Зелимхан долго не мог заснуть. Его очень обрадовало сообщение Деналбека. Он давно уже махнул рукой на мечты зажить мирной жизнью. Да и смерть подступала все ближе, сжимая вокруг него кольцо. Главное, чтобы вернулись Беци и Зезаг с детьми, тогда он мог бы умереть спокойно. Когда сон стал смыкать его веки, перед глазами встали образы детей. Только тогда, с еле заметной улыбкой на устах, Зелимхан уснул.

Зелимхан держал в большой тайне подготовку к рейду. О том, что он готовится ограбить ярмарку, знали только его товарищи и еще несколько человек. Как бы там ни было, но один из них рассказал об этом кому-то. Недаром же говорится в народе: тебе я верю, но не верю тому, кому веришь ты. Так, от одного к другому, слух этот дошел, в конце концов, до ушей Юши из Атагов. Он сразу же побежал к Моргания. Хотя Аюба Юша продал за сто рублей, Зелимхана он согласился сдать только за пятьсот.

Этот торг состоялся ночью 15 октября 1911 года. Полковник взял с собой три роты Дагестанского пехотного полка, две сотни казаков, шестнадцать аварских конников и окружил Старую Сунжу. На высотки установили пулеметы, все дороги из аула были заблокированы. После этого рота поручика Епифанова вместе с Юшой выступила к дому Одиевых. Показав поручику дом Одиевых, Юша исчез. По приказу Моргания солдаты и казаки захватили весь квартал.

Лай собак разбудил весь аул. Появление солдат почему-то особенно злило собак. Поняв, что лают они не спроста, Зелимхан вскочил. Одновременно с ним на ногах

оказался и охранявший его, только-только заснувший Юнус. Укладываясь спать, у кого бы он ни останавливался. Зелимхан клал оружие рядом, чтобы его в случае надобности удобно было схватить. Одевшись, Зелимхан обвязал талию патронташем и ремнем с висящим на нем кинжалом, повесил на плечо маузер, пристегнул к ремню две бомбы, схватил винтовку и шагнул к двери. Хозяин последовал за ним.

- Ты оставайся здесь, - Зелимхан рукой загородил ему путь. - Если пойдешь со мной, тебя убьют! Если останешься дома, только арестуют и все.

Зелимхан выскочил, перебрался в сад и побежал. В эти дни шли непрекращающиеся дожди, и земля сильно намокла. Грязь прилипала к ногам. Не успел он пробежать и двадцати шагов, как наткнулся на солдат. Не желая ложиться на мокрую землю, они сидели на корточках, направив вперед винтовки.

О Зелимхане ходило много легенд не только в России, но и далеко за ее пределами. Никто никогда не сомневался в его мужестве и выносливости. Его не берут пули и клинки. Какими бы силами его не окружали, как джин он проскальзывает между солдат и уходит. Одним лишь взглядом лишает человека сознания, забирает зрение, останавливает кровь в его жилах, заставляет неметь тело. Он может летать, превратившись в птицу, принимает облик любого зверя и рыщет по лесам. Или же бродит по аулам, превратившись в какого-нибудь там быка. Темные солдаты глубоко верили в эти мифы. Неожиданное появление Зелимхана с винтовкой в руках настолько напугало солдат, что они пустились бежать, боясь даже оглянуться и стараясь не отставать друг от друга. Зелимхан знал, что если он повернет в другую сторону, там в засаде его будут ждать другие солдаты. Неизвестно, как себя поведут они. Решив, что выгоднее всего ему будет уйти как можно дальше вместе с этими испуганными солдатами, Зелимхан слился с ними и побежал. Поручик Епифанов выскочил на дорогу перед напуганными солдатами и, крича во все горло, попытался их остановить. По погонам на его плечах Зелимхан определил, что это офицер и командир этих солдат. Не останавливаясь и даже не замедляя бег, абрек направил винтовку на грудь офицера и выстрелил, уложив на месте его и еще одного солдата. После гибели офицера солдаты разбежались в разные стороны и освободили дорогу Зелимхану.

Только-только оторвавшийся от них Зелимхан напоролся на новую засаду. Услышав их крики, харачоец без труда узнал аварских конников. В солдат абрек стрелял только в крайнем случае, они охотились за ним по принуждению. Их привели сюда насильно, аварские же всадники пришли добровольно. Зелимхан не удержался от соблазна и несколько раз выстрелил в то место, откуда слышались крики аварцев.

Солдаты не сделали в Зелимхана ни одного выстрела, но пули аварцев буквально изрешетили полы его черкески и рукава. Ни одна из них не задела тело.

Сам-то Зелимхан спасся, однако его беспокоила судьба товарищей. Если доносчик выдал дома, где они остановились на ночь, кое-кто из них мог погибнуть или попасть в плен. Или, может, предатель охотился только за Зелимханом? Если так, то товарищам опасность могла и не угрожать.

Обходя улицы, осторожно пробираясь по огородам аульчан, Зелимхан выбрался из аула, не натыкаясь на новые засады.

Абрек пробрался к одиноко стоящей на отшибе сакле и попросил у хозяина коня.

Ближайшая дорога к условленному месту встречи проходила возле крепости Воздвиженской и дальше через Атаги. Поэтому Зелимхан повернул на восток от Атагов и пошел по полям. Коню было тяжело идти по намокшей мягкой земле. Зелимхан отпустил поводья, предоставив коня самому себе, и задумался. Он готовил операцию в полной тайне, насколько это возможно. Он тщательно перебирал в уме каждого товарища и приходил к выводу, что все они верные, надежные люди. Он смог бы поклясться на Коране, что братья Юнус и Юсуп тоже не предатели. Но как же тогда узнал полковник о намеченной им акции и о том,

что он остановился на ночь у Одиевых? Может, кто-то из товарищей рассказал брату или другу? А они в свою очередь пересказали тем, кому сами доверяют? Или кто-то видел, как он, Зелимхан, заходил к Одиевым? Сколько ни думал, Зелимхан не находил ответы на эти вопросы.

Встретив на условленном месте всех товарищей, Зелимхан успокоился. Но с другой стороны осталось сожаление, что подготовленная им с таким трудом операция провалилась. Он же поклялся восстановить нанесенный горцам ущерб. Где ему теперь достать такие деньги?

Аул Солжа русские называют Старой Сунжей. Расположенный в пяти-шести верстах от Грозного он не входил в число крупных аулов Чечни. В нем проживало около двух тысяч человек. Это был новый аул, заложенный оставшимися здесь жителями снесенных Ермоловым аулов. На том месте, где когда-то процветали их родные аулы, недоброй памяти проконсул возвел крепость Грозную.

События ночи с 14 на 15 октября вызвали у Михеева звериную злобу. Для начала он сорвал ее на Моргания. Зелимхан с тридцатью абреками был в ту ночь в Старой Сунже. А Моргания, имеющий большую сеть агентуры, не узнал даже, что с Зелимханом есть еще разбойники. Погнался за Зелимханом и упустил двадцать других разбойников. Они ушли из-под носа трех рот солдат, двух сотен казаков и шестнадцати аварцев. Ни один разбойник не получил даже царапины. Сам Зелимхан убил поручика Епифанова и одного солдата.

Эта Старая Сунжа считается гнездом разбойников еще с ермоловских времен. Чеченские аулы, лежащие вблизи русских военных укрепления, под дулами русских пушек, как эта Старая Сунжа, называли тогда мирными аулами. Но они оставались мирными только потому, что не имели сил противостоять русским войскам с оружием в руках. Рядом с ними в крепостях стояли большие военные гарнизоны, пушки были направлены прямо на эти аулы. Вдобавок, кругом возвели казачьи станицы, которые как бы окружали их. Но эти аулы оказывали посильную помощь своему народу, борющемуся против колонизаторов. Воины из этих аулов уходили в чеченские войска, многие чеченские разведчики были именно из этих аулов. Договариваясь через них, на чеченскую сторону перебегали русские солдаты. Зная все это, русское командование предпринимало карательные акции против этих аулов. С другой стороны наседал на них и Шамиль, обвиняя их в связях с русскими и в нежелании воевать против них. Все долгие десятилетия войны эти аулы находились, как говорится, между двух огней.

Михеев издал специальный приказ, которым поручил Моргания строго покарать Старую Сунжу. Не довольствуясь этим, к полудню генерал сам явился в аул. Он нашел жителей аула на площади перед мечетью. Сюда собрали всех. Молодых и старых. В том числе и детей. Полковник заранее позаботился об этом. День был холодный и ненастный. Все стояли на ногах, под льющим без остановки дождем. Старики - впереди. Молодые - сзади. Женщины - в сторонке, прижавшись друг к другу.

Для Михеева был подготовлен помост из досок, прибитых к четырем столбам. Моргания взял генерала за руку и помог ему подняться наверх. Полковник стал рядом с начальником, держа над ним раскрытый зонт. Перед помостом и по обеим его сторонам выстроились адъютанты генерала, приставы, старшины близлежащих аулов. Оглядев стоящих на площади мужчин и женщин, Михеев погладил рукой густые рыжие усы, приподнял брови и устремил взгляд поверх толпы. Тихо переговариваясь между собой, аульчане притихли.

- У меня будет с вами короткий разговор. У вас нет ума понять долгие и красивые речи. Бог лишил вас сознания и памяти. Вас собрали для того, чтобы продемонстрировать, какое наказание ждет тех, кто приютит у себя разбойников, кто окажет вооруженное сопротивление царским войскам, кто убьет царского офицера, солдата, или поможет разбойникам сделать то или другое. Местный старшина и вы сами прекрасно знаете, в чьих домах были Зелимхан и двадцать его разбойников. У кого был Зелимхан, знаем и мы. Но мы не знаем, у кого ночевали

другие двадцать разбойников. Вы же укрываете людей, принявших их у себя. Не выдает их и старшина аула. Поэтому я освобождаю его от этой должности. Я лишаю вас так же предоставленного вам права самим выбирать старшину. С сегодняшнего дня не вы будете выбирать его, старшину будут назначать власти. Я знаю имена людей, принявших у себя разбойников, но у нас нет никаких свидетельств. Поэтому, чтобы не нарушать закон и из жалости к женщинам и детям, я оставляю этих людей безнаказанными. Но дома и постройки Одиевых, приютивших Зелимхана, мы превратим в пепел. Самих же братьев Одиевых ждет Сибирь.

Старосунженцы прекрасно знали, в чьих домах находились в ту ночь двадцать товарищей Зелимхана. Как ни угрожал Моргания, они не выдали аульчан. И не выдали бы, если бы даже аул сожгли алым пламенем, а их всех вместе с детьми поголовно отправили бы в Сибирь. Конечно же, они боялись. Боялись за женщин, за детей. И сердца за них болели. Но они готовы были принять самое жестокое наказание, но ни в коем случае не опозорили бы аул, выдав властям десять семей, приютивших товарищей Зелимхана, и отправив их в Сибирь. А Одиевых, принявших у себя Зелимхана, выдали не они. Об этом властям донес кто-то посторонний. И старосунженцы найдут его. Когда-нибудь. И тогда он не уйдет от их возмездия.

Да не осудит их Аллах за это, но когда Михеев сказал, что накажет только Одиевых и не тронет остальных, старосунженцы облегченно вздохнули. Ведь власти знали о том, что они приняли Зелимхана. Как же не знать, если он на глазах солдат вышел из их дома и своей отвагой пробил себе путь на свободу. Поэтому аульчане не в силах спасти два этих дома. И то хорошо, что сожгут только два дома, сошлют две семьи, зато десять семей спасутся. Да, семьи Одиевых сошлют в Сибирь, но, с помощью Аллаха, отсидят свой срок и вернутся. Аульчане помогут им восстановить дом и хозяйство. Вдобавок, братья, понимая, что им не миновать наказания, еще вчера отогнали к родственникам скот, вывезли из жилищ наиболее ценное имущество.

Генерал со своей свитой ушел, возложив исполнение приказа на Моргания.

Через час во дворах Одиевых раздались оглушительные взрывы. Сначала их дома и хозяйственные постройки подорвали пироксилином. После этого облили керосином и подожгли.

ГЛАВА XXIII В ОКРУЖЕНИИ

Как мед пчелиный, сладок мир,

Согретый солнечным теплом.

Подобно желчи, горек мир,

Когда в душе печали ком...

Народная песня

Последние три года Зелимхана преследовали неудачи. С тех самых пор, как на Бенойском хребте погибли Гуш-маца и Солтамурд.

До тех пор любое его начинание заканчивалась успехом. Грабил богатых путников, брал пленников, взимая с них ясак. Обчищал банки и кассы. Уничтожал врагов своего народа - Добровольского, Митника, Чернова, Галаева... За последние три года ему удались только три серьезных дела. Убийство Андронникова и Долидзе, месть Донагулову и ограбление кассы Грозненской станции. Но во время уничтожения Долидзе и его команды он понес тяжелую утрату - погиб его последний брат Бийсолта. Не удалось и зятя Михеева пленить, сколько он ни охотился за ним. И сейчас, и тогда на Чермойской горе он не достиг главной цели - пленения Шарля Акса и ограбления ярмарки.

Но не только это терзало Зелимхана. Из-за обеих этих акций от рук властей пострадало множество людей. После уничтожения команды Долидзе, инженеров и дорожных рабочих в Сибирь сослали сто девяносто близких Зелимхану людей. У него не хватило сил возместить ущерб, нанесенный этим людям властями. А из-за провалившейся операции в Грозном в Сибирь сослали Юсупа и Юнуса Одиевых, которые всегда были для него верными друзьями. Их дома сожгли. В прошлом месяце арестовали и увезли в Россию вместе с семьями семерых авлияов. Власти заявляют, что и их они арестовали из-за Зелимхана.

Это только те, кто попали в тюрьмы и в Сибирь в этом году. А сколько их было за все одиннадцать лет его абречества! Может это их проклятия преследует его сейчас? Проклятия женщин, детей, стариков?

Но он убивал только тех, кто особо жестоко угнетал народ. Да и те в большинстве своем - царские офицеры и хакимы. Правда, из-за Зезаг он убил двух мужчин семейства Элсана. Но и они убили двоих с их стороны. От руки Зелимхана случайно погиб и сын Саракаевых. Зелимхан убивал доносчиков и предателей. И Зелимхан, и его товарищи. Невинных они не трогали.

Его отца и брата убил продавшийся властям беноец Буццу. В отместку Зелимхан убил брата Буццу Межеда. Еще одного предстоит убить. Ведь Гушмаца, Зелимхан и Солтамурд никогда не имели и не делали ничего не только против Буццу, но даже против и бенойцев вообще. Буццу и его люди продались властям. За деньги. За жизненные блага. Поэтому, когда месяц назад власти взыскивали с чеченских аулов 10000 червонцев, с ближайших родственников Буццу не взяли ни копейки. Потому что они их слуги, рабы. Таких предателей надо убивать. Искать и убивать. Чтобы изжить отсюда их корень. Таких людей не останавливают ни родственники, ни однотейповцы. Они ведь хорошо знают, что это проститутки. И все равно не останавливают. А когда их убивает Зелимхан, тут же лезут с кровной местью. Это же несправедливо. Близкие и родственники сами должны убить своего взбесившегося пса.

Зелимхан устал. И не только устал. Обессилел. Эти одинадцать лет лишили его жизненных сил. Днем и ночью на ногах. Всегда бодрый, всегда начеку. Изредка в чужом доме ему удается поесть горячую пищу, лечь в мягкую постель. Но основное

время он проводит в голоде, холоде, засыпая под открытым небом. И здоровье уже не прежнее. С тех пор, как погибли отец и брат, стало беспокоить сердце. А ему только сорок лет. Тяготы, беды и лишения состарили его раньше времени. Он оторван от всех, остался один на этом свете. И от семьи нет вестей. Восемь месяцев их держали во Владикавказе, потом угнали в Сибирь. Изредка от них приходили письма. Сообщали, что здоровы, живут хорошо, просили не беспокоиться о них. Потом пришли несколько писем с совсем другим содержанием. В них писали, что живут они в ужасных условиях. Почему, мол, ты заставляешь их страдать из-за себя? Почему не сдаешься властям и не освобождаешь их от этих мук?

Зелимхана удивили эти письма. Как могут Беци и Зезаг попросить написать такое? Они же терпеливо сносили еще большие беды и страдания. И ни разу, ни одним словом не выразили своего возмущения. Наоборот, поддерживали Зелимхана. Или, может быть, Сибирь сломала их волю? Получив несколько таких писем, Зелимхан засомневался в их происхождении. И был прав. Местная жандармерия читала письма женщин. Убирала их и вместо них клала в конверт другие письма, написанные в жандармерии. Именно эти письма и получал Зелимхан.

После поражения в Старой Сунже Зелимхан потерял всякий интерес к жизни. Нет ни одного брата. Прежние верные, мужественные, стойкие товарищи почти все погибли. Они убиты властями и кровниками. Тело стало поддаваться болезням. Побаливает сердце. Болят печень и желудок. Ему хотелось дать отдых уставшему телу. Останавливаться в аулах и хуторах было опасно. Везде стояли солдаты. К тому же Зелимхан знал, что против него тайно собирают чеченцев. Его кровников и трусливых дворняг, готовых за деньги продать собственных родителей. Некоторых из них он знал. Но было и множество незнакомых.

Больше месяца он скрывался в этой пещере. В трех верстах от Харачоя, в верховьях Хулхулау. На середине высокого каменного откоса. Подняться сюда чрезвычайно трудно. Вход в пещеру узкий, внутри же она длинная и просторная. Здесь у него есть постель, котел, посуда, самовар, кукурузная мука, сушеное мясо, курдюк, соль, другие припасы. В углу стоит деревянная кровать. Пробраться сюда не смог бы даже зверь. Ни снизу, ни сверху. Тем не менее, вход в пещеру он закрывает плетенью. По обеим сторонам входа в пещеру в передней стене он проделал два отверстия. Абрек знал, что если это его жилище найдут солдаты, ему придется принять бой.

О том, что Зелимхан здесь, знают только Бетарсолта, Джамалдин и Соип. Каждую третью ночь сюда приходит Соип и приносит все необходимое. Он останавливается внизу и специальным паролем сообщает о своем прибытии. После этого поднимается в пещеру. Иногда Зелимхан спускается к Хулхулау за водой. Временами садится у входа в пещеру и, глядя вниз на Хулхулау или на высокую гору напротив, думает о своей жизни. Свободные высокие горы, древние леса, равнины. Этот мир огромен. Но для Зелимхана не осталось на нем места... Вернее, ему его не оставили...

Сорокалетний харачоец Асхаб Мусхабов, как и все его односельчане, занимался земледелием. Он жил не богаче и не беднее других. Как у всех, было у него немного земли, два вола, несколько голов крупного рогатого скота, немного овец и коз. Была и сакля, ничуть не хуже, чем у других. Как и все, молился Аллаху. Но в душе это был завистливый, жестокий и алчный человек. Другие аульчане жили ничуть не богаче Асхаба, однако его нестерпимо жгло уже одно то, что кто-то сравнялся с ним по достатку. Он много трудился, добиваясь, чтобы в его хозяйстве коров или овец было хотя бы на одну голову больше, чем у соседа. Его сердце сушили две вещи: то, что есть у других, и то, чего нет у него. Когда у кого-то из аульчан случалась радость, сердце его наполнялось злобой, когда же на кого-то обрушивалась беда, душа его ликовала.

Не мог он также терпеть, если рядом кого-то хвалили. Его терзало и то, что Зелимхан, его ровесник, с которым они вместе росли, играли в детские игры, прогремел на всю Чечню, то, что его называли отважным, благородным конахом. Если бы у него хватило сил, если бы в его сердце набралось хоть чуточку храбрости

и решительности, и если бы была уверенность, что об этом никто не узнает, он, не моргнув глазом, убил бы Зелимхана. Но Аллах не наделил его силой. Это был худой и слабый человек маленького роста. Аллах не дал ему и храбрости. Поэтому он очень хотел, чтобы Зелимхана убили другие. Солдаты, кровники. Кто угодно, только не он сам.

Однажды, возвращаясь поздней ночью от знакомого, в двадцати шагах впереди себя Асхаб увидел одинокого человека. При слабом лунном свете он заметил висящую на одном плече незнакомца винтовку и переметные сумы на другом. Асхаб узнавал своих аульчан не только в лицо, но и со спины, по походке, по стойке. Этот человек не был харачойцем. Сначала он подумал было, что незнакомец - вор и уносит в переметных сумах чье-нибудь добро. Но эту версию Асхаб быстро отмел. Вор не пойдет так свободно и безбоязненно по большой улице, рискуя быть замеченным, он будет искать тихие, безлюдные улочки или же вообще будет пробираться по садам и огородам. Может, это абрек? Кто-то из товарищей Зелимхана? Голова Асхаба стала усиленно соображать. Уже больше месяца о Зелимхане ничего не слышно. Абрек где-то укрылся и затих. Поговаривали, что скрывается он не где-нибудь, а где-то здесь, рядом с Харачоем.

Асхаб пошел за человеком, стараясь сделать это как можно скрытно. Выйдя за пределы аула незнакомец остановился и внимательно огляделся. После этого он повернул в сторону гор по ущелью Хулхулау. Временами человек останавливался, как бы для отдыха, и внимательно вглядывался в темноту впереди и позади себя. В трех верстах от Харачоя он остановился у самой реки. Прождав какое-то время, незнакомец трижды свистнул, каждый раз по-разному, и по специально сделанным уступам поднялся на гору.

Асхаб вернулся домой. Теперь у него есть зацепка. Остальное он разведает потом. Асхаб знал, что в горе, на которую поднялся незнакомец, есть пещера. Как же не знать, если в детстве они, в том числе и Зелимхан, играли в ней. Теперь же он стал подозревать, что Зелимхан мог скрываться именно в этой пещере. Но подозрения подозрениями, а удостовериться в этом надо, чтобы все было наверняка.

На второй день Асхаб взял винтовку и отправился в горы в сторону пещеры. Асхаб ни у кого не вызвал бы подозрений - харачойцы часто охотились в этих горах. Он не пошел к пещере, а поднялся на гору на противоположной стороне реки. Спрятавшись там за скалой, Асхаб бросил взгляд на пещеру. Вход в него был закрыт плетенью. Через верхний край входа сочился еле заметный дым. На занесенных снегом уступах на откосе были видны свежие человеческие следы.

Асхабу все стало ясно. В пещере жил человек и им мог быть только Зелимхан. Но чтобы не осталось абсолютно никаких сомнений, ему следовало уточнить, что за человек ходит к пещере. В течение трех дней он ходил по знакомым и родственникам в Харачое, Ведено, Дишни-Ведено и Эшалхоте, задавая им один и тот же вопрос: не видели ли они здесь кого-нибудь не из этих аулов, лет примерно тридцати? В конце концов Асхабу удалось выйти на горца, не раз видевшего незнакомца. Горец не знал, как зовут этого человека и из какого он аула, но сообщил, что лет пять-шесть назад этот молодой человек был отбит Зелимханом у солдат, которые перевозили его из Ведено в Грозный.

Асхаб потерял покой. В его душе спорили ненависть и алчность. За голову Зелимхана власти объявили награду в восемнадцать тысяч. Но только тому, кто отдаст его в руки властей живым или мертвым. Асхаб же не в силах потащить его туда ни в том, ни в другом виде. А дадут ли деньги тому, кто укажет место, где скрывается Зелимхан? За такую услугу награду не объявили. Но тысяч пять наверняка дадут. Асхабу хватит и одной тысячи рублей. Тогда он отстроил бы такой дом, какого нет ни у кого не только в Харачое, но и во всех аулах по берегам Хулхулау и Басса. Купил бы пару крепких коней, тачанку, скот, овец. Он стал бы самым богатым человеком в этих краях. А если не дадут ни копейки, что ж, пусть не дают. Ему, в конце концов, достаточно и того, что Зелимхана убьют. Тогда сердце Асхаба, снедаемое черной завистью, успокоится.

С доносом не нужно было идти далеко. Во всех аулах стояли отряды карателей. В Харачое тоже стоял отряд пластун и казаков. Начальником отряда был подполковник Мокруцкий. Но ему Асхаб не доверял. Подполковник из Ведено стоял выше него. Он начальник округа. На следующий день Асхаб пошел к подполковнику Каралову. Доносчик заговорил с ним о награде. Спросил, сколько денег дадут власти за информацию о местонахождении Зелимхана. Каралов скривил рот и, закручивая кончики усов, словно собирался вдеть их в игольное ушко, с улыбкой стал разглядывать Асхаба, будто невиданного доселе никем диковинного зверя. Подполковник так внимательно изучал внешность посетителя, словно в самом деле пытался запечатлеть в своей памяти этот образ. Безволосое лицо, узкий лоб, сплющенный нос, бесцветные лягушачьи глаза почти на лбу, тонкие губы, упершийся в горло подбородок. В целом подполковник нашел, что лицо доносчика удивительно похоже на мордочку крысы. Он понял, что перед ним трусливый, алчный и коварный предатель. Подполковник ненавидел таких людей.

- Награда объявлена тому, кто приведет к нам Зелимхана, живого или мертвого, - сказал он, сделав большую затяжку и глядя в лицо Асхаба. - А не тому, кто сообщит, где он. Но ты должен рассказать, где укрывается Зелимхан. В противном случае... - в глазах начальника округа блеснула молния, - в противном случае я сейчас же брошу тебя в тюрьму. Потом отправлю в Сибирь и сгною там.

Волосы на голове Асхаба вздыбились, по телу пробежал мороз. Заплетающимся от страха языком он рассказал о пещере, в которой скрывался Зелимхан. Объяснил, где она и как до нее добраться.

- Старшина знает, где эта пещера. Все знают. Но я прошу никому не выдавать меня...

Подполковник уже забыл Асхаба. Он не знал даже его имени. Эта крыса ему уже была не нужна.

На рассвете в Харачой прибыл отряд во главе с подполковником Караловым, состоящий из пластунов, двух рот солдат и трех сотен казаков. У Мокрицкого сидел ничего непонимающий старшина аула. Его без объяснения причин срочно вызвали из дома. Каралов провел короткое совещание с подполковниками Мокрицким, Масленниковым и несколькими другими офицерами. Была составлена карта местности, на которой находилась пещера.

- Здесь прямая атака ничего не даст. Снизу и сверху пещеры крутой откос. Ни подняться к входу в пещеру, ни спуститься к ней сверху невозможно. К пещере ведет только одна тропинка. Вернее, своеобразная лестница из прорубленных в каменной стене уступов. Зелимхан в пещере один. Но у него может быть много оружия, он убьет каждого, кто полезет наверх. Я думаю, его надо окружить со всех сторон, лишив малейшего шанса на спасение, и вынудить, таким образом, сдаться. Мы разделим отряд на три части. Я с одним отрядом засяду у реки под пещерой. Мокрицкий займет гору над пещерой, Масленников - гору напротив пещеры. Сначала мы проведем с Зелимханом переговоры. С этой целью к Зелимхану надо послать кого-нибудь из его родственников. Человек, которому доверяет Зелимхан и который, естественно, устроит нас. Такого человека найдет местный старшина. У меня все. Прошу господ офицеров высказаться.

Два подполковника одобрили предложенный план.

- Я думаю, было бы не плохо послать телеграмму начальнику Андийского округа с просьбой перекрыть границы с Дагестаном, - сказал поручик Кибиров. - Кто знает, не сунется ли Зелимхан туда, если ему удастся выйти из окружения.

- Это тоже не будет лишним, - согласился Каралов.

9 декабря 1911 года в 8 часов утра Каралов начал операцию по намеченному плану. Масленников, укрепившийся на горе на противоположном от пещеры берегу реки, сообщил, что виден вход в пещеру, закрытый плетенью. На обстрел из

винтовок по плетенью из пещеры никакого ответа не последовало. По приказу Каралова Масленников выслал в разведку поближе к пещере войскового старшину Яковлева, подъесаула Варламова, пятерых казаков-добровольцев и одного кровника Зелимхана. Разведчики с трудом добрались до середины откоса и дали по пещере винтовочный залп. Из пещеры раздались два выстрела. Варламов и кровник Зелимхана полетели вниз, ударяясь об уступы, и упали на дно глубокой расселины. Еще два выстрела из пещеры ранили двух казаков.

Для проведения мирных переговоров Каралов выслал к Зелимхану его родственника.

Как только забрезжил рассвет Зелимхан встал, спустился к Хулхулау, совершил омовение для молитвы и поднялся обратно в пещеру. Он совершил не только обязательные и рекомендуемые молитвы, но и много молитв сверх этого. После этого совершил вирд и прочитал длинную доа. Завершив все эти процедуры, Зелимхан развел огонь, повесил на треножник над ним котел с оставшейся от вчерашнего ужина вареной фасолью и стал готовить самовар. Позавтракав, Зелимхан уселся на кровать, по-восточному подобрав ноги, достал четки и стал читать зикр. Неожиданно перед входом в пещеру пролетел скатившийся сверху камень.

Зелимхан подошел ко входу и внимательно осмотрел гору на том берегу реки и пойму внизу. На горе и внизу абрек заметил солдат. На огонь с противоположной горы Зелимхан не стал отвечать. Когда же солдаты спустились на середину горы и стали стрелять оттуда, он не удержался. С ними были два офицера и чеченец. Абрек не сомневался в том, что чеченец этот кто-то из его кровников. Они всегда сопровождали охотящиеся за ним отряды карателей. Прицелившись прямо в лоб, Зелимхан выстрелил сначала в офицера, потом в чеченца.

После этого солдаты на какое-то время затихли. Но Зелимхан внимательно следил за всем, что происходит вне пещеры. Он знал, что и над пещерой тоже есть солдаты. Оттуда временами сыпались камни.

По прошествии нескольких минут Зелимхан услышал снизу чей-то крик:

- Ва-а, Зелимхан! Не стреляй! Я Асламха! Меня направил к тебе полконак!

Зелимхан отложил винтовку.

Вскоре у входа в пещеру появился задыхающийся от тяжелого подъема грузный Асламха, сын троюродного брата Гушмацы. Зелимхан отодвинул плетень и пропустил его внутрь. Абрек и его родственник обнялись. Зелимхан коротко справился о здоровье семьи гостя.

- Много там этих врагов Божьих?

- Много, Зелимхан. В Харачое было сто казаков и почти столько же солдат. Сегодня на рассвете из Ведено прибыли еще. Несколько сот казаков и солдат. Во главе с Караловым. И еще один полконак. Не знаю, как им удалось найти их так быстро, но с ними и твои кровники. Солдаты захватили прилегающую к реке низину, горы над пещерой и напротив, на том берегу Хулхулау. Ты окружен, Зелимхан, из пещеры невозможно уйти, даже если бы у тебя были крылья.

- С чем прислали тебя?

- Каралов предлагает тебе сдаться, без сопротивления. Зелимхан не стал слушать дальше.

- Скажи этому подлецу-полковнику, что я здесь один. Скажи ему, пусть схватит меня, если он мужчина. Пусть приведет сюда все войска из всей России. Пусть не приводит мусульман, скажи, чтобы выставил против меня побольше русских, христиан. Скажи ему, что меня никто не схватит, пока я жив.

- Они же убьют тебя, Зелимхан. У тебя на них на всех даже патронов не хватит. Что ты будешь делать, когда кончатся патроны? И еды у тебя только на два-три дня. Тебя же заморят голодом...

- Не волнуйся за меня, Асламха. У меня достаточно патронов, чтобы уничтожить этих Божьих врагов. На этот срок есть еда и вода. Иди, возвращайся обратно. Передай мой ответ этому подонку в погонах полковника.

Прежде чем уйти, Асламха обнял Зелимхана. Он был уверен, что видит своего знаменитого родственника в последний раз.

Стрелять в сторону пещеры было бессмысленно. Правда, пули залетали в пещеру через вход, но у Зелимхана было много недосягаемых для них мест. Какой-то есаул отправил солдат за соломой и сухим хворостом. Чтобы разжечь огонь под входом в пещеру и выкурить Зелимхана дымом. Но скидываемые сверху солома и хворост, не задерживаясь на выступе у входа в пещеру, скатывались вниз.

Бессмысленная стрельба продолжалась в течение двух часов. Толку от этого было мало. Для осады необходима была пушка. Более того, Каралов считал свои военные силы недостаточными. Возложив руководство операцией на подполковника Мокрицкого, начальник округа выехал в Грозный. Из Ведено он телеграфом сообщил, что Зелимхан окружен, но для довершения дела ему необходимы пушка, разрывные снаряды, самое меньшее рота солдат и сотня казаков.

Еще до прибытия Каралова весть об окружении Зелимхана распространилась по Грозному. Оттуда во Владикавказ и во все газеты полетели телеграфные сообщения о том, что исчезнувший месяц назад разбойник Зелимхан, о котором ничего не было слышно, обнаружен в горной пещере в трех верстах от своего родного Харачоя. Что он окружен отрядами пластун и казаков и что у него нет иного пути к спасению, кроме как сдаться. Каралов же ходил в Грозном героем. Час, проведенный в городе, был поистине звездным часом подполковника.

- Зелимхан у меня в кармане! - хлопал он рукой по карману своего галифе. - До вечера сегодняшнего дня я доставлю сюда этого разбойника. Связанного по рукам и ногам, живого или мертвого, вываляв в его собственной крови.

Из Грозного Каралов отправил Михееву телеграмму, в которой подробно рассказывал о главном на этот час событии.

Каралову не удалось получить в Грозном роту солдат. Ему выделили одну пушку и одну сотню из Кизлярско-Гребенского казачьего полка. Вместе с этим подкреплением подполковник после полудня прибыл в Харачой. Вместе с ним приехали два фотографа, они собирались сфотографировать пленного или убитого Зелимхана.

Каралову абрек нужен был живым. Чтобы доставить связанного по рукам и ногам разбойника в Грозный и Владикавказ и показать его горожанам. Знаменитого Зелимхана, который одиннадцать лет являлся грозой всего Кавказа, которого войска одиннадцать лет не могли схватить или уничтожить. Который был знаменит на всю Россию, на весь мир. Каралов хотел и себя показать рядом с плененным абреком. Себя, героя, схватившего неуловимого абрека. Чтобы столичные газеты писали о нем. Чтобы имя его вошло в историю. Поэтому перед началом обстрела пещеры из пушки Каралов направил к Зелимхану старшину Харачоя и Асламху. Они пробыли в пещере недолго. По их хмурым лицам подполковник понял, что переговоры не увенчались успехом.

- Ну. каковы результаты? Старшина покачал головой.

- Он не согласен выйти к вам...

- Что он говорит?

- Он предлагает вам быстро поехать в Ведено и отправить телеграмму начальнику

области. Если Михеев даст слово вернуть домой всех горцев, угнанных в Сибирь и посаженных в тюрьмы из-за Зелимхана, он будет вести с вами переговоры. Если сегодня до полуночи он не получит ответ, Зелимхан говорит, что уйдет из пещеры, даже если вы соберете сюда все войска царя и окружите его по земле и по воздуху.

Терпение Каралова лопнуло. Оба ответа Зелимхана были оскорбительными для него, абрек не считал его мужчиной. Но Каралов докажет ему, что он не ровня начальникам округов, бывшим здесь до него. Он сравняет с землей и пещеру, и эту гору. Вместе с самим разбойником.

- Зарядить орудие! - заорал он на пушкарей.

Первый снаряд попал чуть в сторону от пещеры. Артиллеристы передвинули прицел. Но сколько ни наводили они орудие, снаряды не попадали в пещеру. Вход в пещеру был узким, более того, проход вглубь пещеры не был прямым. Попавший во вход снаряд ударялся о скалу, отскакивал и разрывался, не нанося никакого вреда укрывшемуся там человеку.

Больше ста снарядов, выпушенных по пещере в течение двух часов, пропали впустую. В тот самый момент, когда Каралов был особенно зол, не зная, что предпринять дальше, прибыл полковник Моргания. Каралову явно не понравился этот визит. Моргания сразу же стал давать советы, тем самым как бы подчеркивая свое превосходство над начальником округа. Моргания - полковник. Уничтожение Зелимхана и его шайки наместник поручил именно ему. Наделил его широкими полномочиями. До сих пор ему никогда, ни разу не удавалось добиться ни малейшего успеха. Неудач же, наоборот, было предостаточно. В Керкетии, в Старой Сунже. Несмотря на это, лезет с советами к Каралову. Наверное, хочет напомнить, что он выше званием и является представителем наместника. Каралов только подполковник. Ниже на одну ступень. Но он тоже князь, как и Моргания. Каралов не знает, давно ли Моргания князья. Корни же княжеского рода Караловых уходят в глубь веков. Но даже если отбросить все это, Каралов, в конце концов, начальник Веденского округа. Он в ответе за все, что происходит в округе. Он не потерпит никого впереди себя.

- Обстрел из орудия ничего не даст! - произнес Моргания. - Не знаю, зачем его сюда притащили? Пошлите солдат на штурм.

- Это еще что за глупости? Как можно штурмовать, поднимаясь по одному по лестнице из маленьких уступов? Он бы убивал солдат, даже если бы у него не было оружия, просто бросая на их головы камни!

Вернулись двое казаков, которых Каралов посылал в Ведено за пироксилиновыми шашками.

- Они-то вам зачем?

- Как зачем? Чтобы забросать ими пещеру!

- Вы хотите сделать это, пробравшись к входу?

Каралов не удостоил Моргания ответом. Сначала попытались закинуть шашки снизу, но они ударялись о стенки входа и взрывались. Потом двое саперов с трудом спустились сверху и попытались закинуть шашки оттуда. Но из этого тоже ничего не вышло. Убедившись в тщетности этих попыток, Каралов приказал стрелять по пещере из пушки, рассудив, что, хоть и не принесет это пользы, тем не менее, будет нелишне держать Зелимхана в напряжении. Сотрясая ущелье Хулхулау и окружные горы, до самых сумерек по пещере била пушка.

Когда стемнело, Каралов разрешил солдатам отдых. Они замерзли. Солдаты развели костры и устроились на отдых, по очереди неся дежурство. Но Каралов потерял покой. Предчувствие чего-то неприятного глодало его. Он дал в Грозном большие обещания и начальству, и общественности. Хвалился, что Зелимхан у него в кармане. Приехали фотографы, которые собираются запечатлеть плененного или

убитого абрека. Если Зелимхан действительно уйдет из пещеры, Каралов будет опозорен. Правда, его немного успокаивает присутствие здесь еще трех полковников. Особенно Моргания. Главная ответственность ведь лежит на нем. На представителе Михеева...

Зелимхан видел все, что происходит в ущелье. Видел он и прибытие новой сотни казаков с орудием. Узнал и приехавшего вслед за ними Моргания. Смотрел он и как устанавливали пушку, направив дуло на пещеру. Видел, как к нему посылали двух аульчан. Абрек не слышал слов, но видел все отчетливо.

Отослав обратно парламентеров Каралова, Зелимхан отодвинул камни, заслоняющие проделанные им у входа отверстия, и стал наблюдать за происходящим внизу. Первые снаряды попадали поверх пещеры, снизу и по бокам. Зелимхан даже не отходил от своего наблюдательного пункта. Орудие не представляло для него никакой угрозы. Даже будь их здесь несколько тысяч. Сразу же за входом в пещере был своеобразный коридор направо длиной несколько шагов, который дальше опять поворачивал вправо. Снаряд мог долететь в пещеру лишь в том случае, если бы он преодолел этот зигзаг. Наружная же стена пещеры представляла собой монолит толщиной в три аршина. О том, чтобы пробить ее с помощью орудия, не могло быть и речи.

Зелимхан стрелял только изредка, целясь в солдат и казаков на противоположной горе. Каждый выстрел или убивал кого-нибудь из них, или наносил смертельную рану. Зелимхан с удовольствием пристрелил бы Каралова и Моргания. Но они вместе с двумя другими полковниками разбили лагерь прямо под пещерой и были недоступны абреку.

Сегодня Зелимхану не удалось поесть горячей пищи. На обед он съел чурек и сыр прямо на ногах, не отходя от своего наблюдательного пункта. Потом, закрыв вход пещеры, совершил молитву. Утреннего омовения ему вполне хватало до вечерней молитвы. Воспользовавшись небольшой передышкой, когда осаждающие прекратили пальбу из пушки, Зелимхан в первый раз за месяц справил нужду в пещере. Потом абрек развел костер, насыпал угли в самовар и приготовил чай. Совершив вечернюю молитву, прилег на кровать. Он знал, что ночью в пещеру никто не посмеет сунуться.

Зелимхан обдумывал свое положение. У него чуть больше ста патронов, две бомбы, маузер и двадцать патронов к нему. Если каждая пуля убьет по одному солдату, он уничтожит только сотню врагов. А внизу и по горам вокруг их несколько сотен. Есть возможность подтянуть еще больше. Из Грозного, Воздвиженской, Ботлиха, Владикавказа. Есть еще тысячи и тысячи казаков. Что ему делать, когда кончатся патроны? Когда кончится еда?

Зелимхан искал способа выйти из пещеры. Везде установлены дозоры. Уйти незамеченным просто невозможно. Здесь нужны мужество и хитрость. В любом случае до рассвета надо покинуть пещеру. Причем, живым. Он не может допустить, чтобы торжествовали его враги. Обязательно надо уйти живым, назло всем врагам. Чтобы как можно дольше мстить им.

Убрав камни, которыми был закрыт вход, Зелимхан выглянул наружу и внимательно прислушался. Кругом тишина и густой туман. Зелимхан подумал, что туман этот Аллах напустил на землю в помощь ему, чтобы облегчить задачу. Зелимхан слышал, как перекликались солдаты, стоящие на часах. После долгого размышления Зелимхан вылил из самовара остатки кипятка и закидал в него гильзы и несколько мелких камешков. Выбрав из сложенной в углу кучи дров прямое полено длиной в два аршина, он закатал его и самовар в свою бурку, стянул их ремнями, изготовив, таким образом, чучело. Прикрепив к нему сверху медный котел, абрек обмотал его своим башлыком. Привязав к чучелу алюминиевую миску и чайник, Зелимхан потащил ее к выходу и сбросил вниз. Чучело покатилось вниз, нарушая ночную тишину сильнейшим грохотом. Услышавшие это солдаты стали кричать и стрелять, подняв невообразимый шум.

Зелимхан знал одно место, по которому можно было пробраться наверх. Вручив свою судьбу в руки Аллаха, абрек вылез из крепости и стал карабкаться наверх, хватая камни руками и упирая ноги в маленькие уступы. Где-то на середине пути острый камень, на котором он повис, порезал ему руку. Зелимхан нашел удобное место и остановился, чтобы дать небольшой отдых уставшим рукам и ногам. Здесь было, куда упереть ноги и за что зацепиться руками. Достав из кармана носовой платок, Зелимхан перевязал руку. Дальше откос был не очень крутой. Зная, что наверху дежурят солдаты, абрек осторожно, пытаясь не шуметь и не задевать мелкие камни, которые могли скатиться вниз и выдать его, поднялся наверх.

На хребте тоже стоял туман. В пяти-шести шагах от себя невозможно было ничего разглядеть. Зелимхан пошел вперед, держа наготове заряженную винтовку. Не успел он сделать и десяти шагов, как наткнулся на двух солдат. Отложив в сторону винтовки и прислонившись спинами к скалам, они сидели на корточках, с трудом борясь с одолевающей их дремотой. Сначала Зелимхан решил было пристрелить их, но это могло выдать его, и ему пришлось бы удирать от погони. Абрек направил на солдат винтовку и твердым шагом пошел вперед. Солдаты с ужасом посмотрели на надвигающегося на них Зелимхана, подняли руки и медленно присели на снег. Поняв, что они настолько напуганы, что не представляют для него абсолютно никакой угрозы, Зелимхан спокойно взял их винтовки, снял с них затворы и бросил их в пропасть. Жестами посоветовав им не поднимать шума, Зелимхан исчез в тумане...

Бравые заявления Каралова о том, что знаменитый абрек у него в кармане, что он приведет его живого, связанного по рукам и ногам, или мертвого, вывалянного в его собственной крови, быстро распространились по Ведено и близлежащим аулам. Множество горцев из этих аулов, сочувствующие Зелимхану, собрались сюда утром второго дня. Они стояли мелкими группами по берегам реки и на склонах ближайших гор. Горцы не уходили, хотя солдаты временами предпринимали попытки отогнать их.

Прошлой ночью на ущелье и горы опустился густой туман. Из-за этого Каралов вынужден был прекратить обстрел пещеры из пушки. К девяти часам утра туман рассеялся, и выглянувшее солнце осветило горы. В ущелье стояла тишина. По приказу Каралова солдаты сделали по пещере несколько винтовочных залпов. Но оттуда в ответ никто не стрелял.

- Кажется, Зелимхана нет в пещере, - сказал Каралову подошедший прапорщик Гамиев. - Будь он там, обязательно выстрелил бы в ответ.

Каралов и сам стал сомневаться в том, что абрек до сих пор в пещере, но подполковнику не хотелось верить в это.

- Куда ему деться? Наверное, готовит какую-нибудь хитрость, - неуверенно ответил он.

- Дозвольте мне пробраться к пещере.

- О чем вы говорите? Он же подстрелит вас, как воробья.

- И все-таки, разрешите попробовать.

Каралов не дал такого разрешения Гамиеву. Он подозвал к себе одного из стоящих в ущелье чеченцев и послал его осмотреть пещеру. Чеченец с трудом добрался до пещеры и исчез внутри. Минут через пять он показался у входа.

- Здесь никого нет! - крикнул он. Это сообщение вызвало у всех шок.

Каралов вспомнил чучело, найденное солдатами внизу под пещерой. Он отнес тогда это к шутке, придуманной Зелимханом для устрашения солдат. Сейчас же в голове подполковника крутились, спотыкаясь друг о друга, тысячи мыслей. Неужели абреку удалось уйти, перехитрив их? Но как? Каким путем? Кто ему помог? Среди солдат и казаков предателей быть не может. Среди дагестанцев? Ни

в коем случае. Зелимхан их враг...

Пока Каралов пытался найти ответы на терзавшие его вопросы, человек двадцать чеченцев поднялись в пещеру. За ними, словно муравьи, карабкались и другие. Пришедший, наконец, в себя Каралов тоже поднялся в пещеру в сопровождении Моргания, Мокрицкого, Масленникова и казачьего есаула. С их появлением чеченцы, за исключением нескольких человек, покинули убежище Зелимхана. В пещере стояли кровать, треножник над все еще теплой золой и немного посуды в углу. Зелимхана не было. Бессильная ярость, граничащая с помешательством, охватила Каралова. В голове тут же завертелись неприятные мысли. Громкие обещания, которые он щедро давал позавчера в Грозном. Телеграмма Михееву. Прибывшие с ним фотографы. Каждое слово, которое позавчера слетело с его уст, наверняка уже опубликованы в газетах. А Зелимхан ушел. С каким лицом теперь Каралов предстанет перед глаза Михеева?

- Как же он ушел отсюда? - задумчиво произнес Мокрицкий.

- Кто его знает. Ночью был густой туман. Скорее всего, он воспользовался этим.

- Я подозреваю собравшихся здесь чеченцев, - сказал Моргания. - Может, это они его вывели. Я с самого начала не был доволен тем, что вчера и сегодня они собираются сюда.

- Это нереально. Как они могли вывести его у нас на глазах?

- Запросто. Когда ты направлял сюда этого чеченца, Зелимхан, скорее всего, все еще был в пещере. Когда он крикнул, что здесь его нет, человек двадцать чеченцев поднялись в пещеру. Когда вошли сюда мы, многие из них вышли. Зелимхан тоже, наверное, ушел с ними, а из нас никто не знает его в лицо. Если бы мы догадались пересчитать всех, кто вошел в пещеру и потом вышел из нее, точно знали бы, ушел с ними Зелимхан или нет. Я уверен, что они собрались сюда и разыграли этот спектакль единственно для того, чтобы спасти Зелимхана!

- Это же смешно, полковник! - версия Моргания показалась Каралову не совсем серьезной. - Чеченцы не могли знать, что я отправлю в пещеру этого человека! Мне и самому пришло это в голову неожиданно.

- И все-таки осмелюсь дать вам совет, - не унимался Моргания. - Не теряя времени, арестуйте человека, которого вы посылали в пещеру и тех чеченцев, которые поднялись туда вслед за ним.

- Кто их сейчас найдет?

- Некоторые из них до сих пор здесь. Прикажите схватить их, они выдадут и остальных.

Каралов посмотрел на Масленникова.

- Не исключено, что Зелимхан спасся именно так, как предположил Моргания, - сказал Масленников. - Но для расследования этой версии надо найти виновных и свидетелей. Поэтому, я думаю, не будет лишним задержать присутствующих здесь чеченцев.

Каралов приказал есаулу арестовать чеченцев, находящихся в пещере.

Когда офицеры спустились из пещеры, к Каралову подошел войсковой старшина Яковлев.

- На откосе над пещерой найдены следы крови. Но неизвестно, чья эта кровь.

Каралов не счел нужным обратить внимание на это сообщение. Да будь это капли крови самого Зелимхана, что с того? Он ведь все равно ушел. Потом он стал размышлять. По всему видно, что абрек сбросил вниз чучело, а сам поднялся

наверх. Наверное, порезал руку о какой-нибудь острый камень. Ночью был густой туман. Сам Бог помог ему спастись...

Областные газеты сделали то, чего так опасался Каралов. Они распространили сообщение о том, что пещера, в которой укрывался Зелимхан, была окружена несколькими сотнями пластун и казаков во главе с начальником Веденского округа подполковником Караловым, полковниками Моргания, Масленниковым, Мокрицким, поручиком Кибировым. Абрек, которого держали в окружении трое суток, ушел, убив двух солдат, двух казаков, одного стражника и ранив семерых, а Каралов и Моргания безрезультатно ищут его.

Каралов дал себе клятву уничтожить опозорившего его Зелимхана или погибнуть самому...

"Помощнику наместника Его Императорского Величества на Кавказе по гражданской части.

1911 год, 12 декабря. N 125551. Веденская слобода.

Вашему Превосходительству доношу:

В девятом часу вечера 8 декабря сего года, я получил от своего агента сведения, что разбойник Зелимхан Гушмазукаев скрывается сегодняшнюю ночь в пещере Харачойской горы, в трех верстах от Харачоя, родины Зелимхана...

Приняв меры к совершенно секретному выступлению, так как в Чечне очень трудно отдать какое-либо распоряжение, чтобы через несколько минут оно не сделалось достоянием многочисленных агентов Зелимхана, я в 2 часа ночи с этим отрядом выступил из слободы Ведено на селение Харачой...

В ночь цепи окружили пещеру сжатым кольцом в диаметре не более от 150 до 300 шагов. В 8 часов вечера для усиления цепи, которая охватила лощину с нижней стороны, мною была выслана команда из стражников и добровольцев в числе 6 человек, старшему моему стражнику Сужаеву мною было отдано приказание доложить подъесаулу Варламову и подпоручику Лопатчикову, что я рекомендую им подвинуться ближе к пещере, сделать все возможное, чтобы Зелимхан не ушел за ночь и при возможности попытаться ворваться в пещеру.

С вечера стрельба прервалась и затихла до 12 часов ночи, когда она внезапно возобновилась и продолжалась 7-10 минут, причем, ясно были слышны характерные выстрелы Зелимхана из пещеры.

Следующие одиночные выстрелы последовали в шестом часу утра и более не возобновились. Утром с рассветом люди с постов были сменены частями из резерва.

Вслед за сим прапорщик Гамиев испрашивал у меня разрешение осмотреть пещеру, так как, по его убеждению, Зелимхан ночью вышел из нее. При осмотре Зелимхана действительно там не оказалось...

...В заключение считаю своим долгом доложить, для того, чтобы положить конец этому гнусному издевательству над правительством чеченского населения, в особенности же харачойцев, которые 13 лет кормят и укрывают его в 3-х верстах от своего селения, а в 600-х шагах от пещеры, искусственно укрепленной руками этого же населения, находятся кутаны тех же харачойцев, которые ежеминутно обращаются с ним не как с разбойником, а как с желанным имамом Чечни, который служит орудием борьбы с правительством политиканствующих интеллигентов и шейхов, всеми средствами тормозящих русское влияние в Чечне, и легендарным народным героем защитником их от этого влияния, я нахожу необходимым применить к населению Харачоя единственное радикальное средство, а именно: предъявить к населению Харачоя и ко всем ближайшим и дальним родственникам Зелимхана категорическое требование выдать его в недельный срок, в противном случае разгромить все

харачойское селение как неверноподданного Его Императорскому Величеству государю Императору.

Подполковник Н. Каралов".

ГЛАВА XXIV В СИНЕЙ СИБИРИ

С отчизною нас разлучили враги,

Ослаблены голодом, холодом, горем,

Как призраки бродим по синей Сибири,

И нет кроме Бога товарища с нами.

Народная песня

Жизнь в Гати-юрте текла своим чередом. От больших бед Аллах миловал, а к малым гатиюртовцам было не привыкать. По аулам рыскали отряды карателей. Хотя их действия в Чечне были не столь безжалостными, как в ингушских аулах, немало чеченцев было схвачено ими и брошено в застенки. Для этого карателя находили сотни поводов. Больше всех страдали аулы, откуда родом были товарищи Зелимхана, иные неугодные властям люди, известные воры и грабители. Вслед за ними шли аулы, на которых были непогашенные налоги и штрафы. До всех ичкерийских аулов дошли известия о том, что разрушены Нелхе, Коке, Цорхе, а их жители сосланы в Сибирь.

Три года назад, после убийства Зелимханом начальника Веденского округа полковника Галаева, с ближайших к Ведено аулов было собрано 16426 рублей. Деньги эти предназначались тому, кто выдаст властям, живыми или мертвыми, Зелимхана и его ближайших соратников. А в этом году с аулов было собрано еще 100000 рублей для содержания войск, размещенных в Чечне и Ингушетии. Более того, в не уплативших государственные долги, в проявивших непокорность или повинных в чем-либо ином перед властями аулах размещались военные отряды. Аульчане должны были размещать их в своих саклях, обеспечивать едой, а их лошадей - фуражом. Вдобавок, при их передислокации горцы обязаны были выставлять подводы. И все это совершенно бесплатно, не рассчитывая даже на элементарную благодарность.

Гатиюртовцы очистились от всех государственных долгов с помощью Сайда, Абди и других обеспеченных аульчан. Но власти требовали выдачи Доши и Хомсурки, входящих в отряд Зелимхана, угрожая в противном случае сжечь дома их родственников, а самих родственников сослать в Сибирь. Для осуществления этих угроз и для наказания аула здесь около двух месяцев продержали кавалерийский эскадрон.

Как ни бедно им жилось, аульчан не слишком тяготило то, что им приходилось кормить солдат. Трудно было терпеть другое. Жить с христианами в одном дворе, под одной крышей. Странные и грязные это были люди. По большой нужде ходят без воды. Малую нужду справляют стоя, не утруждая себя даже посещением уборной. На глазах у женщин и детей, ходят полуголыми, без рубах. Грязно ругаются. Присваивают себе любую понравившуюся вещь. Кормят лошадей сеном и кукурузой хозяев. Но тяжелее всего было терпеть ужасное зловоние, исходящее от них, которым пропитался весь воздух.

Неизвестно как, через кого удалось Сайду убрать их отсюда. По-видимому, он и Абди дали немалые деньги тому, кто разместил их здесь. Вдобавок, у Абди через купцов были большие связи во Владикавказе.

Переждав несколько лет в маленьком хуторе высоко в горах, решив, что власти забыли о нем, вернулся в Гати-юрт и Соип. Двор, о котором никто не заботился, обветшал. Прогнившая снизу изгородь вокруг огорода кое-где свалилась. Сам огород зарос сорняками. Крыши хлева и навеса обвалились. Туалет накренился на бок. Соип и за год не сумел бы привести в порядок все это хозяйство. Но ему помогли Усман, Овхад, Магомед.

В последнее время Овхад стал часто бывать в родном ауле. Как и везде в России, в Терской области тоже стихла революционная буря. Не успевшие уехать отсюда руководители местных организаций большевиков и других демократических партий были арестованы властями. Не слышно было о митингах, забастовках, стачках. Революционеры ушли в подполье.

Этой ночью Овхад был в гостях у Али. Не только в Гати-юрте, но и во всей Ичкерии не было человека, который понимал бы их мысли, цели жизни, взгляды на мир. У этих двоих, испытавших немало бед и лишений на каторге, повидавших множество умных, образованных людей, узнавших многие народы, познакомившихся с их обычаями, нравами и условиями жизни, у этих двоих были особые взгляды на жизнь, особое восприятие всего, что происходит. Им было о чем поговорить, о чем посоветоваться друг с другом.

Жена Усмана Медана накормила Али и его гостя вкусными чепалгами, которые они запили чаем. Совершив вечернюю молитву, Али и Овхад стали обсуждать обращение Соип-муллы и Аббас-муллы к чеченскому народу, Зелимхану, абрекам и грабителям, опубликованное в местной газете.

В своем обращении они говорили, что абрек Зелимхан Гушмазукаев из Харачоя является злоумышленником, который приносит чеченскому народу только вред и несчастия, что его путь противоречит шариату, и что в любой стране мира такого человека строго покарали бы. То, что творит Зелимхан, не позволил бы себе ни один умный, человечный, набожный человек. Того, кто освободит народ от этого злодея, подчеркивали муллы, Всемогущий Аллах щедро вознаградит.

Газета публиковала также имена товарищей Зелимхана, которые были убиты кровниками. Геха из Старо-юрта, Успа из Азамат-юрта, Джабраил из Ишхой-юрта, Висха из Автуров, Муса, Мута-Али и Магомед из Назрани, Эска из Атагов, Зелимхан из Гельдигена, Олснук из Цацан-юрта, Эдалгери из Экажево, Элаха и Селаха из Энгель-юрта, Хамзат и Хасанбек из Гехов, Бера из Герменчука, Абубакар и Бийсолта из Шали, Гушмаца и Солтамурд из Харачоя и другие. Газета писала, что Зелимхан и его товарищи вышли на путь абречества не ради народа, не во имя его свободы, они стали абреками, спасая свои жизни от мести кровников, чьих родственников они убили. Газета утверждала, что они есть грабители, убийцы, враги чеченского и ингушского народов.

- С одной стороны, конечно, Соип-мулла и Аббас-мулла правы, - сказал Овхад. - Я тоже недоволен действиями этих абреков и грабителей. Когда они убивают какого-нибудь хакима, русского или казака, власти арестовывают и ссылают в Сибирь десятки чеченцев. Когда же они грабят кого-то из них, с чеченских аулов взимают в сто раз большую сумму. Из-за этих грабежей большие убытки и лишения терпят и те несчастные чеченцы, которые выезжают за Терек на заработки. Сейчас-то свою жестокость власти оправдывают борьбой с абреками и грабителями. Но ведь народ наш угнетали и истязали еще и тогда, когда абреков среди нас не было. Россия восемьдесят лет без перерыва воевала в Чечне. В этой войне уничтожена половина народа. Нет аула, который не разрушили и не сожгли по несколько раз. Много чеченцев выселили в Турцию. Сколько наших людей погибло в Сибири! А жестокое угнетение народа в мирное время, когда войны давно уже нет! Несправедливость. Жестокость. Но против всего этого невозможно бороться только оружием и войной. Нам надо искать другие пути. Без крови. Но Соип-мулла и Аббас-мулла глубоко не правы в другом. Заявление о том, что действия абреков приносят беды народу, что от убийства ими царских хакимов и солдат царская власть не ослабнет, что от ограбления русских и казаков месть не свершится, и они не уйдут с наших земель, что действия абреков противоречат шариату и так далее еще куда ни шло. Но утверждения о том, что Зелимхан враг народа и что освободившего от него народ Аллах вознаградит, мне кажется неприкрытым предательством.

- Ты прав. Было бы лучше, если бы они сказали все это Зелимхану лично. Или на каком-нибудь собрании чеченцев. Но человек, который с подсказки врагов, во исполнение их желания клевещет на своего соплеменника или предпринял что-

либо против него, такой человек либо трус, либо продался этой власти.

- Многие говорили Зелимхану, чтобы он не давал властям повод хватать и ссылать людей в Сибирь. И Соип-мулла, и другие. Говорил ему это и я. Возьми с властей слово оставить тебя на свободе и сдавайся. Если нет, то прекрати хотя бы убийства хакимов и грабежи.

- Если бы он поступил так, как орстхоец Саламбек.

- Зелимхан не хочет этого. Он зол на власть за убийство деда, отца, дядей, братьев, кузенов. Говорит, что пока жив, будет мстить врагам народа.

- Но если он и подобные ему не отойдут от избранного пути, наш народ всегда будет испытывать беды и лишения. Некоторые чеченцы дают властям повод для ужесточения террора. А ведь русской власти достаточно малейшего повода для того, чтобы усилить давление на чеченский народ.

Потом беседа перешла на инцидент, который произошел недавно в Харачое. Когда размещенный здесь отряд казаков занялся грабежом, при этом позволяя себе вольности по отношению к женщинам, аульчане не выдержали. Во главе оказавших сопротивление харачойцев стоял помощник старшины Товсолта Аминов. В перестрелке один казак погиб, двое получили ранения. Но харачойцы пострадали больше. В стычке были убиты Товсолта, отец и сын Бациевы и маленькая соседская девочка.

- Как с этим мириться? - глубоко вздохнул Али. - Когда власти совершают беспредел над народом, в ответ поднимается весь народ или отдельные его сыны. Последние двести лет состоят из единой, не обрывающейся цепи этих событий. Но тем не менее только оружием, войной и своей доблестью нам не одолеть врага.

Овхада очень огорчало отсутствие единства в рядах лидеров чеченского народа. Он сильно охладел к двуличным чеченским богачам. У этих было два пушистых хвоста. С одной стороны, они не хотели портить отношения с Российской властью. Им, имевшим тесные связи с купцами в Петербурге, Москве, Ростове, Новгороде, Харькове и других крупных городах, нужно было возить туда на продажу свои товары и завозить оттуда их товары. Поэтому перед властями они виляли одним хвостом.

С другой стороны им мешали осевшие в этих краях, чувствующие себя здесь хозяевами русские, немецкие, английские, французские, бельгийские, армянские богатеи. Чеченские толстосумы сами хотели владеть местными заводами, фабриками, банками, магазинами, нефтью. Поэтому чеченские богачи тайно виляли вторым хвостом перед Зелимханом, любым чеченцем, недовольным властью, так или иначе противостоящим ей.

После ухода Овхада Али совершил ночную молитву и только сел с четками в руках, собираясь совершить вирд, как в комнату ворвались сыновья Усмана. На их лицах светились радость и гордость. Перебивая друг друга, мальчики буквально выстрелили принесенную ими новость.

- Дада!

- Ва, дада!

- В аул приехал Зелимхан!

- Говорят, идет к нам!

- К тебе!

Али даже не успел что-либо спросить - мальчики так же быстро выскочили обратно.

Издалека послышался цокот конских копыт и лай собак. Звуки эти с каждой минутой приближались. Али, решив, что дети что-то напутали, продолжал сидеть, перебирая четки. Но вскоре стук копыт остановился у их калитки. Али поднялся и стал натягивать одежду, собираясь выйти. Но пока он этого делал, во дворе послышались голоса.

Вошедший первым Доша поздоровался с Али и, отойдя в сторону, остановился, пропуская вперед следующего за собой человека.

- Али, это Зелимхан. Он давно хотел увидеть тебя.

К Али подошел человек среднего роста в бурке, с обмотанным башлыком лицом. Видны были только глаза и нос вошедшего.

- Ассалам алейкум, доброго тебе вечера, Али!

- Ваалейкум салам, добро пожаловать, Зелимхан. Али протянул руку.

- Спасибо, Али, - Зелимхан обхватил руку старика своими большими, крепкими руками. - Да пребудут вечно в этом доме милость Аллаха и достаток.

- И тебе пусть Он дарует долгие годы жизни в здоровье, свободе и благополучии. Да убережет тебя Аллах от позора, предательства и коварства. Как хорошо, Доша, что вы пришли. Живо, скидывайте с себя лишнюю одежду. Да возблагодарит вас Аллах за этот визит...

Когда Зелимхан снял бурку и башлык, Али оглядел его с ног до головы. Висящая за плечом дулом вниз короткий кавалерийский карабин, три патронташа, перекрещивающиеся на груди, кинжал, два револьвера.

- Пройди сюда, Зелимхан. Присядь поближе к огню. Доша, устройся куда-нибудь. Усман, Медана пошла к больной матери. Отправь за ней мальчика.

Зелимхан передал оружие за поясом Доше, но винтовку прислонил к стене рядом с собой. Виноватые глаза абрека ясно говорили: "Тебе-то я верю, хозяин, ты мне друг, но у меня много врагов. Они всегда бодрствуют, всегда начеку, следят за каждым моим шагом. Кто знает, может быть в данную минуту они ползут к твоему дому? Тако-ва жизнь абрека - у него глаз должен быть зорче, чем у других, слух - тоньше, ум - острей, рука - быстрей. Он должен быть осторожным".

- Итак, Зелимхан, от семьи какие-нибудь известия есть? Как у тебя у самого здоровье?

- Аллах милостив, у меня все хорошо. От семьи давно уже ничего нет. Вы-то сами как?

- Спасибо, все хорошо.

Пока Али и гости справлялись о житье-бытье, Усман зарезал одного из трех своих овец, освежевал ее, занес тушу в комнату и повесил ее на крюк, вбитый в потолочную балку. Потихоньку завязалась беседа. Глядя на Зелимхана, Али размышлял о его судьбе. Али много слышал о Зелимхане. Но он не знал этого человека, кто он есть именно в его собственных мыслях, думах и чаяниях. Хотелось ему знать и о цели визита знаменитого абрека. По слухам, Зелимхан стал абреком в результате стычки, возникшей из-за женщины. Но человек, над которым висит кровная месть, всего лишь укрывается от кровников, пока они не убьют его или же не простят. Покидает вместе с семьей родной аул и переселяется в какое-нибудь далекое селение. Среди таких людей редко появляется грабитель. Он идет на такое лишь в крайнем случае, когда не на что уже опереться, когда не остается иных возможностей заработать что-нибудь на еду, одежду и оружие. Он изо всех сил старается не навлекать на себя новую месть. Он не хочет настраивать против себя власти, хорошо понимая, что у него не хватит сил уберечься от кровников и властей одновременно. Человек, над которым висит кровная месть, заботится

только лишь о спасении своей жизни. А Зелимхан? После начала абречества у Зелимхана появились новые кровники. И немало. Он не только не стал кокетничать, осторожничать с властями, а наоборот, явно пошел против них. Нет, не кровная месть, преследующая его, подняла Зелимхана против властей, не она заставляла его мстить жестоким чиновникам и сосущим кровь народа богачам. Здесь совсем другие причины. Так кто же Зелимхан? Смог бы он возглавить чеченский народ? Если бы народ поднялся на борьбу за свою свободу, смог бы он повести его против царя, сблизить, объединить его с другими мусульманскими и христианскими народами? Насколько известно, Зелимхан умен, но не образован. Мужественный, стойкий, благородный, умный, но темный чеченец. Ум сам по себе бесполезен, если рядом нет науки. И наука ничего не стоит, если нет ума, чтобы обратить ее на пользу. Оба они вместе тоже бесполезны, если их обладатель не является благородным, честным, мужественным человеком.

Именно желание заглянуть в сердце этого знаменитого абрека, узреть глубину его ума и было той причиной, которая рождала у Али стремление увидеться с ним. Али стал осторожно задавать гостю вопросы. А немногословный Зелимхан коротко и неохотно отвечал на них. Но позже, когда вопросы старца стали задевать раны его сердца, абрек перестал сдерживать себя.

- Нет, не кровная месть вывела меня и моих товарищей на этот путь, - наконец ответил он на первый вопрос Али. - И не нищета, голод, обездоленность, которые испытывает большинство, сделали меня абреком. Виновником всех наших бед, горя и несчастий является эта царская власть, будь она трижды проклята. Нищету можно как-то терпеть. И голод человек способен переселить.

Смерть. Она когда-нибудь да наступит, не сегодня, так завтра. Но труднее всего, Али, с чем невозможно смириться, что лишает всякого терпения - это унижения, когда тебя отказываются считать не только мужчиной, но даже просто человеком. Пока существует крепость в Ведено, пока в ней стоят войска, зло, несправедливость в Ичкерии не исчезнут. А сколько таких крепостей по всей Чечне? Это язвы на теле чеченца. Мало этого, разрезая острым ножом по живому нашу землю, наш народ, заложили казачьи станицы. Ты не был в Веденской крепости? Не был бы там и я, и ни один чеченец не пошел бы туда по доброй воле, но нужда заставляет. Нужда всегда берет верх в споре с волей бедняка. За стенами крепости располагаются магазины русских и чеченских купцов. Да и какая разница, чьи это магазины. Все они одинаковы, все они свиньи. Человеку нужна одежда. В хозяйстве необходимы коса, серп, лопата и другие инструменты. Их негде купить, кроме как у них. Конечно, можно поехать за покупками в другие места, но куда бы ты ни поехал, тебя встретят такие же свиньи. Али, ты не был в Веденской крепости, и не дай тебе Аллах съездить туда. Входить туда надо с развязанным, словно у женщины, поясом, сдав кинжал солдатам, согнувшись под их штыками. Слушая их смех, ржание, оскорбления в твой адрес. Кто знает, что они говорят и над чем смеются? Обыскивают. Даже женщин... Их смешит все, что есть в нас, они оскорбляют все наше - Аллаха, религию, нравы, обычаи, одежду. Деду моему был сто один год. Седой, сгорбленный старик. Когда меня и моего отца посадили в Грозненскую тюрьму, он, по наивности своей, пошел в Ведено к полконаку Добровольскому с просьбой отпустить нас домой. Добровольский схватил его за седую бороду и, дергая ее, грязно обругал. Как тебе это? Я заставил его пожалеть об этом. Все живущие внутри крепости считают себя князьями, а живущих за ее стенами - рабами. Любой русский имеет право жить в крепости, лишь бы он был русским. Чеченец же - только если он офицер или какая-нибудь сволочь. Кто там живет? Проститутки! Грязные, продажные проститутки, потерявшие все человеческое. Беспрерывно, целыми днями и ночами играют в карты и пьянствуют! Развратники! Офицеры же из чеченцев, пытаясь подражать русским, переходят все границы, оставляя далеко позади своих учителей. То же самое творится и в Шатойской крепости, и в других крепостях. Зловоние, исходящее от этих крепостей, испоганили наши горы.

Спокойный в начале голос Зелимхана понемногу твердел, как сталь, суровые глаза метали молнии.

- Это и есть несправедливость, жестокость властей, оскорбление ими наших чувств. Это и есть, Али, то, что отталкивает от них людей, то, что и меня вывело из дома. Власть не уважает обычаи наших отцов. Берет в свои руки то, что мы спокойно уладили бы между собой, и, вместо примирения, распаляет, углубляет вражду. Кого власть ставит во главе аулов? Она не допускает туда умных и справедливых людей. Выбирает людей богатых, из крупных тейпов, готовых, не взирая ни на что, сделать все, что она потребует. Именно таковы все старшины, кадии и муллы. Их помощники тоже из сытых. Все они давно уже продались власти. И именно потому, что они на ее стороне, а нам враги, власть и посадила их на эти должности. Все они заодно! Конфликт между нами и нашими сватьями не зашел бы так далеко, если бы в него не вмешались старшины нашего аула и Махкетов. Вражда между нами возникла из-за их тайных интрижек. Обе стороны потеряли убитыми по одному человеку. Мстить далее друг другу было не за что. Оставалось только в знак примирения пожать друг другу руки. Но в конфликт грубо влезла власть. В лице нашего старшины и пристава Чорни. Старшина донес приставу, и он вызвал нас в Ведено. Пять человек. Отца, меня, моих двоюродных братьев Элимху и Израила, друга Солтамурда Ушурму. Мы явились туда. Без оружия, даже не подозревая, что по отношению к нам может быть совершено коварство, предательство. Уверенные, что конфликт уже улажен, лишь бы туда не вмешалась власть. За стенами крепости, среди солдат, Чорни осмелел. Приказав связать мои руки и ноги, он дал мне пощечину... Оттуда нас перевезли в Грозный, приговорили на суде к различным срокам и отправили в Сибирь. Почему? Потому что на взятую нами в свой дом невесту махкетинский старшина хотел женить своего сына. Потому что он оказался другом старшины нашего аула. Потому что все они оказались хакимами этой власти, ее сообщниками, моими врагами, врагами таких, как я. Двести рублей, вырученные от продажи нашего имущества и уплаченные адвокату, пропали, словно брошенные в воду. Наше небогатое хозяйство, лишенное мужских рук, развалилось. Умер мой дед, не выдержав оскорбления полконака и обрушившегося на нас горя. Покатав по Сибири, нас опять вернули в Грозный, на повторный суд. Но Чорни снова влез в это дело. Он знал, что его ждет, если меня освободят. Прежний приговор оставили в силе. Израил умер в тюрьме. Я сбежал. И сделал это не из боязни оказаться в Сибири. И не из страха смерти. Я никак не мог забыть пощечину Чорни. Я не мог забыть, что Добровольский дернул моего деда за седую бороду и обругал его. Не выходил из головы Махкетинский старшина, женивший своего сына на отнятой у нас девушке. Поэтому я и бежал. Не мог я забыть и Веденскую крепость, это скопище проституток и свиней. Поэтому я и бежал. Чтобы сотворить справедливую месть. Отомстить врагам народа. Чтобы бороться с ними до конца своих дней, чтобы безжалостно уничтожать их.

- Но власть через свои газеты говорит совсем другое. Она утверждает, что ты борешься не во имя свободы своего народа, а просто выступаешь против русских, их власти. Она преподносит тебя грабителем, убийцей и коварным человеком. Люди, не знающие тебя, верят этому, особенно представители других народов.

Лицо Зелимхана резко помрачнело. Абрек на некоторое время затих, опустив голову на руку и уставившись на огонь. Его широкая грудь медленно поднималась и опускалась, словно кузнечные меха.

- Я знаю. Но все это неправда, - произнес он, глубоко вздохнул. - Меня тоже не радует такая жизнь. Ни минуты покоя. Я ем горячее и ложусь в теплую постель только изредка, когда оказываюсь в доме верного человека. Все остальное время провожу в лесах и горах, словно дикий зверь. Под открытым небом, летом и зимой, всегда. И не я один влачу такое существование. Но я не убийца. Я убиваю коварных псов, хакимов этой власти и их помощников, чьи руки и морды в чеченской крови. Ни одного человека я не убил предательски, из-за угла. Прежде чем наказать кого-нибудь из них, я заранее объявляю им свой приговор: если прекратишь злодеяния - ты свободен, если нет - я убью тебя. Предельно коротко и предельно ясно. Я безжалостно убиваю того, кто гонится за мной, даже не находясь на службе, пытаясь получить объявленный за мою голову выкуп. Я убиваю доносчиков и предателей. Я враждую не с русскими и не с христианами. Я не убивал ни одного мирного русского или христианина. Я воюю с царской властью, ее хакимами, их

приспешниками, с теми, кто держит нас в угнетении. Будь они мусульмане, христиане или вообще безбожники. Будь они русские, чеченцы, грузины, аварцы или осетины. Будь они моим отцом, братом или сыном! Я воюю именно с ними. Грабежи! Да, я граблю тех, кто сосет кровь народа, нажил добро неправедным путем. Я опустошаю царские банки. Я увожу в плен богачей и беру с них выкуп. Но из всего, что приходит в мои руки, на свои личные нужды я не трачу ни копейки. Раздаю все обездоленным. И не только чеченцам, мусульманам, но и русским, и другим. Бедным, нищенствующим, которых жизнь бьет если не как нас, то почти как нас. А многих из тех грабежей, которых власть приписывает мне, я не совершал вовсе. Али, я не граблю путников, мирных людей. Только богачей, сосущих кровь народа. Граблю банки, кассы. Есть злодеи из русских, чеченцев и других народов, которые занимаются грабежами, называя себя Зелимханом или его товарищами. Многие из них действуют по указке и с ведома власти. Чтобы запятнать мое имя в глазах народа, чтобы народ не доверял мне, относился ко мне враждебно. Если в мои руки попадается кто-то из таких, я жестоко караю его. Отвожу его к ограбленному им, заставляю возвратить награбленное и на глазах пострадавшего избиваю. Но до всех этих подлецов у меня просто не доходят руки.

- С одной стороны ты, конечно же, прав, Зелимхан, - Али продвигался к своей цели. - Никто не может осудить тебя. Но от того, что ты будешь раздавать деньги, добытые тобой из банков и ограблением богачей, люди не обретут права и свободы, они не станут богаче. Ты не задумывался над этим, Зелимхан. От того, что ты будешь убивать царских хакимов, власть не падет. На место убитых назначают других, наиболее грязных и жестоких. Вдобавок, когда ты убиваешь одного хакима, власти в ответ убивают десять безвинных чеченцев и сотню ссылают в Сибирь. Сам не зная и не желая этого, ты приносишь людям горе. Власть, в конце концов, убьет тебя. Или в открытом бою, или же коварством, руками какого-нибудь предателя. За твою голову власти объявили 18000 рублей денег и триста десятин земли. Эти деньги взяты не из казны государства или карманов богачей. Их собрали с чеченских бедняков. И земля эта тоже народная. Ну ладно, появится после тебя еще один Зелимхан. И с ним, в конце концов, будет то же самое. Нет, этот путь не приведет нас к победе. Зелимхан печально засмеялся.

- Али, что взять с остальных, если и ты так говоришь? Царские войска уничтожали аулы еще со времен шейха Мансура, ссылали горцев в Сибирь, где они пропадали без вести. Разве все эти беды происходили по моей вине? Я ведь только сорок лет на этой земле. Что же мне делать? Или жить, терпя несправедливость и жестокость царя и его власти, согласившись с некоторыми муллами, которые утверждают, что всякий царь и всякая власть от Аллаха?

- Нет, Зелимхан, я не призываю к этому ни тебя, ни кого бы то ни было. Но от того, что ты будешь убивать хакимов, царская власть не падет. Чеченцы не смогли свергнуть ее даже за восемьдесят лет беспрерывной войны. Не смогли мы и остановить рвущихся на наши земли русских. Этого не удалось добиться ни одному народу, живущему в России. Сколько раз они поднимались, и в одиночку, и вместе с соседними народами. Но каждый раз власть купала эти народы в их собственной крови. Не смог свергнуть эту власть и огромный, многочисленный русский народ. Победить можно лишь в том случае, если объединятся все народы России - мусульмане и христиане - и поднимутся как один против царя и его власти. Ты сказал, что матерью всех наших бед и несчастий является существующая власть. Ты прав. Пока есть эта мать, ее детеныши - богачи, генералы, офицеры - будут плодиться и расти. Именно поэтому и бесполезен твой путь - путь уничтожения хакимов. Чтобы не рождались эти детеныши, которые и превращаются в хакимов, надо уничтожить мать, рожающую их, - царскую власть. Мы получим свободу лишь тогда, когда уничтожим ее и установим свою, народную власть, власть бедняков...

Хмурые тучи, застилавшие глаза Зелимхана, сверкающий в них огонь, исчезли без следа. Теперь в этих уставших глазах проглядывалась какая-то теплота. Мечта, счастье, на миг овладевшие им, осветили его лицо.

- Ты знаешь, где я впервые услышал это? В Сибири, от одного русского. Потом то же самое мне говорили двое солдат в Шатойской крепости. Один из них был

врачом. Махсум. Оба они были удивительно хорошими людьми. Махсум исцелил двух моих товарищей, тайно посещая нас. И деньги не взял, сколько я ни просил его об этом.

- Они все еще в Шатое?

- Али, ее арестовали и сослали в Сибирь. А Махсума убрали из наших краев.

- Ну что ж, значит, ты уже кое-что знаешь об обстановке в России. По всей видимости, в России скоро разыграется новая буря. Народы с оружием в руках поднимутся против царя и его власти. Мы должны быть в одном строю с ними. Сейчас не те времена, когда нас поднимали на священный газават против неверных. И мусульманские, и христианские народы стали сознательными. Они уже понимают, кто их враг, а кто друг. Мы поднимем оружие не против русских, грузин и других христиан, а вместе с ними против нашего общего врага - царя и его власти. Во имя нашей общей свободы. Нужны конахи большого ума, мужества, благородства и стойкости, чтобы указать народу правильный путь в этот непростой исторический период. Люди, которые болеют за свой народ, которым небезразлична его судьба, которым верит и которых почитает народ. Слава о тебе давно перекинулась за пределы Чечни, тебя уважают и почитают в Дагестане, Грузии, Осетии. Ты и такие же конахи, как ты, очень скоро понадобятся нашему народу.

Когда поели еду, приготовленную Меданой от всей души, Али спросил о цели визита Зелимхана.

- Мне давно хотелось встретиться с тобой, Али, иных дел в Гати-юрте у меня не было. Часто слыша о тебе, я возжелал увидеть тебя. Люди говорят о тебе, как о человеке, повидавшем мир, хлебнувшем не мало горя, испытавшем достаточно бед и лишений, человеке, которого долгие и тяжелые годы одарили мудростью. Мне нужен был твой совет. Просто хотелось увидеть тебя. Как бы там ни было, но не так уж и много осталось в живых воинов Шамиля. Ты меня прости, Али, но ко всем прочим моим бедам прибавилась и проблема с семьей. Мысли-то о них меня никогда не покидали за эти одиннадцать лет. В том числе и тогда, когда они были здесь, в Чечне. Может, ты слышал, в прошлом году их выслали в Сибирь.

- Я слышал. Большая у тебя семья?

- Жена и пятеро детей. Вдова брата Солтамурда и ее сын. Две женщины и шестеро детей. Подумай, Али, вдалеке, в неведомых краях, в невыносимо тяжелой и для мужчин Сибири две женщины с шестью детьми. Которые не знают ни русского языка, ни письма.

- Письма хоть приходят от них?

- Пришли два письма. Но вот уже полгода ничего нет.

- Где именно они в Сибири?

- В местности под названием Минусинск. Что это за край такой, Али? Тебе доводилось бывать там? Я был в Сибири непродолжительное время. Но ничего не слышал об этом Минусинске.

- Я тоже не был в Минусинске. Большую часть ссылки я провел восточнее Минусинска, в Нерчинске. Между ними примерно такое же расстояние, как отсюда до Турции. Что пишут в последнем письме?

- Его написала старшая дочь. Сообщала, что все здоровы, что местные русские хорошо относятся к ним. Пишет, что русские часто приглашают их к себе в гости и просят рассказать обо мне. По ее словам, одна меташка научила ее чтению и письму. Сообщает, что все они научились более-менее общаться на русском языке.

- Да-да, нам очень нужен русский язык, нужны знания. Неграмотный человек за

пределами Чечни становится подобен скоту. Вдобавок и власти не открывают в аулах школ для обучения наших детей. Чеченцев не подпускают к светским наукам. Ведь темного человека легко обмануть. Злодеяния невозможно совершать при свете. Но и из нашей среды изредка выходят ученые люди. Правда, некоторых из них обучает сама власть. Такие сразу же переходят на ее сторону и садятся на шею народа. Но так будет не всегда. Хотя наука находится в руках врагов, народ сумеет извлечь из нее пользу. Нашему народу нужно светское образование, чтобы власть, богачи не могли обманывать его. Чтобы освободиться от их кандалов. Как воздух нужно нам и религиозное образование. Из-за незнания глубин религиозных наук мы часто отходили от шариата. Не умеем отличать дозволенное Аллахом от недозволенного Им. Если бы народ владел обеими этими науками, на нашей земле не было бы тех злодеяний и бед, которых мы наблюдаем сегодня.

За беседой хозяин и гость пропустили время ночной молитвы. Они встали на ее сотворение после полуночи.

- О Аллах, Великий и Милосердный, - просил Зелимхан в своей доа. - Если я замыслю неугодное Тебе, отврати мои мысли от этого, придержи мои руки и ноги. Если я замыслю угодное Тебе, дай мне силы осуществить его, укрепи мои руки и ноги, сделай глаз острым. О Аллах, Всесильный и Щедрый Владыка, защити меня от коварства, предательства и позора, подари мне праведную смерть. Прости мне грехи, осознанно и неосознанно совершенные мной в борьбе с несправедливостью. О Аллах, милосердный наш Господин, убереги всех - и мусульманина и христианина - от несчастной доли, которую влачу я, от несчастий, бед и лишений этого грешного мира. Возврати домой живыми и здоровыми всех тех, кто разлучен с родиной из-за меня, возмести сторицей понесенные людьми из-за меня убытки. Прости и помилуй всех умерших, о наш Великий, Щедрый и Милосердный Аллах...

Несчастный знал, что когда-нибудь, однажды днем или ночью, чей-то коварный язык продаст его. Но не знал, что этот предатель будет человеком, которому он доверял. Не знал, что получив собранные властями с бедных людей 18000 рублей и триста десятин земли, этот человек приведет к нему, больному и обессиленному, наемников власти, что предательски выстрелит ему в спину, когда он, как сейчас, с воздетыми к небу руками, будет разговаривать с Всезнающим Аллахом, Властелином Судного Дня...

Напрасными были доа несчастного абрека...

В эту минуту Зелимхан не знал, что в далеком Минусинске у бездыханных тел маленького Ахмада и Лом-Али, обняв остальных четырех детей, сидят Беци и Зезаг и с ужасом взирают на этот страшный мир...

Продержав восемь месяцев во Владикавказской тюрьме, ранним утром их с вещами повели на станцию и подняли в какой-то особый вагон с железными прутьями на окнах.

В вагоне было несколько купе, двери которых запирались на ключ. В коридоре, часто меняясь, дежурили солдаты. Беци, Зезаг и детей затолкали в маленькое купе в конце вагона, где они с трудом поместились. Их дверь не стали запирать. Иногда в коридоре появлялись и арестанты из других купе - изредка солдаты водили их в туалет.

Эшелон шел целый месяц. Сначала на северо-восток, потом все время на восток. Через окно они смотрели на разнообразную природу. Бескрайние степи, гряды гор, леса, большие и маленькие реки. В ушах стояли непрекращающийся перестук колес, хриплое дыхание паровоза и визгливый гудок, издаваемый при приближении к станции. На иных станциях эшелон стоял подолгу. В паровоз заливали воду, загружали дрова. Через какое-то время состав дергался, паровоз выдыхал черный дым и продолжал путь на восток.

В начале дети с удовольствием смотрели на эти диковинные места, споря за удобное место у окна. Через несколько дней этот калейдоскоп надоел и дети стали

коротать время, рассказывая друг другу сказки, часто придумывая их. Но кончились и сказки, однообразные игры тоже уже не захватывали. Теперь они в основном спали. Иногда солдат приносил в купе еду. Черный хлеб, жидкий суп из прокипяченной воды, в котором варили капусту либо пшено, или жидкая каша. Они привыкли к такой еде еще в тюрьме. Приходилось ее есть, чтобы хоть как-то поддержать силы.

После почти месяца пути арестантов высадили в Красноярске и перегрузили на пароход, который повез их на север. Чем дальше на север, тем шире становилась река.

На палубе парохода и в трюме было оборудовано два своеобразных больших помещения для арестантов. Отдельно для мужчин и женщин. Здесь тоже семье Зелимхана отвели отдельную, маленькую каюту. Изредка на пару часов их выпускали на палубу, подышать свежим воздухом. Правда, к пассажирам не подпускали. Это было излишне - они все равно не знали русского языка. В эти часы женщины могли наблюдать величественный и прекрасный Енисей, плывущие в разных направлениях большие и маленькие корабли. Густые, высокие, дремучие леса и небольшие деревни по обоим берегам реки.

С каждым днем продвижения на север ощущалось усиление холода. По обоим краям реки виднелся толстый лед. После четырех дней плавания пароход остановился вблизи небольшого населенного пункта. Охранявшие их до сих пор солдаты передали своих подопечных поднявшимся на борт жандармам. Жандармы дали им поношенные фуфайки, валенки, ушанки. Потом спустили их на берег, усадили в две сани, запряженные парами лошадей, и повезли дальше. В селах жандармы останавливались, чтобы дать отдых лошадям. Женщин и детей оставляли сидеть в санях, а сами заходили в трактир. Они выходили оттуда веселые, с покрасневшими глазами. Иногда они приносили хлебец или булочку. Но бывали дни, когда им до самого вечера не попадались ни такие села, ни хутора, ни даже отдельные избы.

Дети мерзли, несмотря на то, что были закутаны в фуфайки и теплые платки, а на головы были натянуты шапки. Мороз буквально обжигал неприкрытые ничем щеки и носы. Женщины терпели холод, голод, как-то боролись со сном. Детям было труднее. Они устали, к ним не шел сон. Редкие куски хлеба или булочки не утоляли голод, пожиравший все внутренности. Продлись этот путь еще ненадолго, дети могли бы уже не выдержать. Наконец добрались до места, отведенного им для ссылки. В село Ермаковка Минусинского уезда Енисейской губернии. Как и все Сибирские села, большое по местным меркам село Ермаковка с разбросанными между деревьями избами, располагалось в тайге, на берегу маленькой речушки. В центре села стояла церквушка, сложенная из бревен, с высокой колокольней. Вокруг нее изб было больше и стояли они плотнее друг к другу. Женщин удивили сибирские дома. Они были построены из прямых толстых бревен без единого гвоздя. Ни один из них не был обмазан снаружи глиной. Одноэтажные и двухэтажные. Ссыльных поместили на первом этаже двухэтажного дома. По-видимому, местные власти специально для них сняли это помещение у владельца двухэтажного дома. Сами хозяева жили в маленьком доме, стоящем отдельно от двухэтажки. Вечером они принесли ссыльным постельные принадлежности, деревянное ведро для воды и дрова, после чего выставили на стол приготовленную ими самими пищу.

В жизни Беци и Зезаг было много тоскливых, печальных, тревожных вечеров. Но тогда они были на родине. Они десять лет скрывались от преследования властей, разлученные с домом, аулом, родственниками. Но тогда они все равно находились среди чеченцев, ингушей. Соплеменники оберегали их от всяких бед. В самые тяжелые минуты женщинам было с кем поговорить, кому излить душу. Эти добрые люди не давали им голодать и мерзнуть. И дети могли играть со своими ровесниками. Часто к ним приходил и Зелимхан. Там, на Кавказе, все было близко, все свое, родное. Горы, леса, речушки. Вся природа. Здесь же все чужое. Люди, их язык, обычаи. Вдобавок, когда сюда изредка приходят какие-нибудь слухи или известия о Зелимхане, так и не удается узнать, тревожные они или же, наоборот,

успокаивающие. Какие-то сообщения могут вызвать у местных и ненависть к ссыльным, сибиряки будут смотреть на них как на врагов. И природа здесь своеобразная. Нет ни одного дерева, похожего на тех, что растут у них на родине. Очень холодно. Им, южанам, очень трудно переносить такие морозы. Они не раз слышали, что было очень много случаев, когда оказавшиеся здесь южане быстро умирали, не перенося перемены климата. Здоровые, сильные молодые люди. А они всего лишь женщины, и дети слишком малы. Первую ночь в ссылке Беци и Зезаг провели без сна, в тревоге за свою судьбу. Иногда очень хотелось плакать, но женщины не давали волю чувствам, с трудом сдерживая слезы, наполнившие глаза. Они не имели права быть слабыми, от них зависела судьба детей...

Оказалось, что Беци и Зезаг зря боялись местных жителей. То ли им хотелось посмотреть на семью знаменитого Зелимхана, то ли они сами по себе были хорошими людьми, но, начиная со второго дня, сельчане стали посещать их. Женщины, дети. Без конца. Приходили не с пустыми руками. Люди приносили хлеб, булочки, картофель, капусту, молоко, сыр и многое другое. Мужчины предлагали свою помощь. Особенно большую заботу о них проявили Аркадий Петрович и Николай Трофимович.

Аркадий Петрович привозил им на санях дрова, распиливал их с помощью сына и аккуратно складывал. Когда печь стала дымить, он прочистил дымоход, и клубы синего дыма беспрепятственно потянулись вверх.

На весь дом была только одна уборная во дворе. В него ходили по нужде и хозяева с их детьми, и молодая ссыльная, живущая на втором этаже. Чеченская семья стеснялась ходить туда. Вдобавок, в нужнике было очень грязно. Не понятно, каким образом Аркадий Петрович узнал, что у них на душе, но он договорился с хозяином дома и построил для Беци и ее семьи отдельный туалет.

Особенно много для них сделал Николай Трофимович. Он был умелым плотником. Он принес ссыльным стол, четыре табуретки и подставку под ведра, изготовив их в своей мастерской. В одном из углов установил сделанный им самим шкаф. Но больше всего их обрадовали сооруженные им дощатые нары. Одна кровать в комнате была, короткая и узкая. На ней с трудом помещались четверо детей, женщинам же и двум девочкам приходилось спать на полу. По ночам они мерзли, часто просыпались. Теперь же все они могли спать на кроватях.

Но самым близким человеком для них в этом чужом краю стала живущая в одной из комнат на втором этаже молодая русская девушка Валентина Михайловна Карташова. Валентина была из Петербурга, родилась и выросла в семье интеллигентов. Отец ее был профессором университета, мать - врачом. Учась на втором курсе исторического факультета университета, девушка подпала под влияние большевистской идеологии. Она распространяла среди студентов научные труды Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, воззвания большевиков. По чьему-то доносу ее исключили из университета. Валентина принимала участие в революционных событиях пятилетней давности. Позже, став в ряды партии большевиков, она создала нелегальную партийную ячейку среди студентов университета, в котором ранее училась. На девушку опять донесли. При обыске у нее дома нашли революционную литературу. Ее арестовали и сослали сюда.

Валентине Михайловне было двадцать шесть лет. Это была очень красивая худощавая девушка среднего роста со светлым цветом кожи, с коричневыми волосами, какими-то бездонными глазами, длинными, густыми бровями, прямым носом, пухлыми красными губами, с симпатичными ямочками на щеках и подбородке. Ее мягкий, нежный голос хотелось слушать и слушать.

Валентина пересказывала Беци и Зезаг все, что пишут газеты про Зелимхана. Однажды она подозвала к себе Муслимат и Энист.

- Вы обе довольно сносно говорите по-русски. Если мы с вами немного потрудимся, вы будете владеть им свободно. Но вам нужно научиться чтению и письму. Тогда вы сами сможете читать газеты.

Девочки не верили, что они смогут научиться читать и писать. В семье Муслимат называли Бедаг, а Энист - Эни. Валентина же произносила эти имена по-своему.

- Бадик! Аниска! Вы не верите мне? Здесь нет ничего трудного! Даже пятилетние дети овладевают этим в течение трех месяцев. А вы - взрослые умные девочки. Начнем занятия сегодня же. Вместе с вами будем обучать и Магомеда с Лом-Али.

В тот же день Валентина сходила в местную школу и принесла несколько тетрадей, карандаши, мел. На следующий день Николай Трофимович изготовил небольшую доску и покрасил ее черной краской.

Как и предсказывала Валентина, за три месяца дети научились читать и писать. Но успехи не были одинаковыми у всех. Лучше всех усваивала уроки Энист. Магомед и Лом-Али ленились учиться, или, говоря иначе, им все время хотелось играть. Но все равно, мальчики кое-как писали и читали. Муслимат же и Энист через год учебы довольно бегло читали и красиво писали.

Большую часть времени Валентина проводила в чеченской семье. Она беседовала с детьми, поправляла их, когда они произносили русские слова неправильно, давала им читать и писать. Для Беци и Зезаг девушка стала почти членом семьи. Когда эта девушка была рядом, они забывали о своем горе. Но через год им пришлось расстаться. Минусинские власти узнали, что Валентина сблизилась с семьей разбойника Зелимхана. Девушку перевели в Минусинск.

Днем к ним приходили Аркадий Петрович и Николай Трофимович. Они проверяли, не нуждаются ли в чем-либо женщины и дети, кололи дрова, делали что-нибудь по хозяйству и уходили. Ночами же женщины оставались наедине со своим горем. Они были здесь уже год, местные жители относились к ним хорошо, никакой угрозы для себя и детей женщины не чувствовали, но тем не менее на ночь они запирали дверь на засов.

Однажды ночью, когда они уже легли, кто-то тихо постучал в дверь. Беци, Зезаг и две девочки еще не успели заснуть, но они боялись отпирать дверь. Когда стук повторился несколько раз, Энист встала и подошла к двери.

- Кто там?

- Я, - еле слышным шепотом отозвался кто-то за дверью. Голос был странный. Невозможно было определить, кто находится за дверью - женщина или мужчина. Все же Энист показалось, что голос больше похож на женский, нежели на мужской.

- Ночью мы не открываем дверь! - повысила голос Энист.

- Бадик! Аниска!

- Ты кто?

- Я Валя... Открой быстрей дверь, Аниска... Сомнений быть не могло - это был голос Валентины.

Энист отодвинула засов и открыла дверь. Но она сразу же пожалела об этом. Перед ней стоял русский мужик с рыжей бородой и в огромной ушанке. Поняв, что девочка испугалась, Валентина одной рукой сняла шапку, а другой отцепила бороду.

Какое-то время все молчали. Насмотревшись на дорогих для нее людей, Валентина занесла оставленный ею в коридоре мешок.

- Чтобы не идти с пустыми руками, я принесла небольшие подарки, которые могла позволить себе. Я же живу на деньги, которые родители присылают мне раз в месяц. - Гостья развязала мешок и стала выкладывать на кровать подарки. - Это пальто для Беци и Зезаг. Носите по очереди. Валенки и шляпки я принесла для

Бадик и Аниски. Шапки и валенки для Магомеда и Лом-Али, они же целыми днями носятся по улице, на холоде. Играют во всевозможные игры, катаются на санках. Конфеты и пряники для Умар-Али и Ахмадика. Чай и сахар - для всех.

Валентина надела пальто на Беци, а на девочек - шляпки.

- Как они идут вам! - восклицала она, обнимая девочек. - Какие вы хорошенькие!

Зезаг стала накрывать стол, но Валентина остановила ее:

- Мне некогда, Зезаг! Я уже должна идти.

- Это еще что за разговоры? Никуда ты не уйдешь, переночуешь у нас! Как можно приехать из такой дали, и уйти, не переночевав? Тем более, уже далеко заполночь.

- Мне надо до рассвета быть в Минусинске.

- Почему?

- Мне запрещено покидать город без разрешения жандармерии. А они мне его не дали бы. Вот я и пришла в тайне от всех. Разве вы не заметили на мне мужской костюм?

- Твоя одежда нас так удивила. Мы думали, что ты надела все это ради шутки.

- Нет. Я сделала это, чтобы меня не смогли узнать жандармы и полицейские. Они вернули бы меня назад. Может быть, и этим не ограничились бы. Могли и в тюрьму бросить.

- Но как же ты пойдешь в такое позднее время?

- На улице меня ждет извозчик на санях.

- Попей хоть горячего чая перед дорогой.

- Это можно. Но, прошу вас, ничего больше. Валентина быстро выпила чай, обняла и перецеловала детей, натянула шапку, прицепила бороду и надела шубу.

- Валя, да возблагодарит тебя Всевышний за твою доброту. Пусть Он поскорее возвратит тебя к родителям здоровой и свободной, - сказала Беци и обняла гостью.

- Как мало я принесла, Беци, по сравнению с тем, что хотела бы подарить вам.

Последняя минута перед расставанием для Валентины была самой трудной. Чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы, она резко повернулась и выскочила на улицу...

Проводив ее и вернувшись к себе, все опять стали разглядывать подарки. А потом, несмотря на поздний час, разбудили Магомеда и Умар-Али и всей семьей сели пить чай.

- Какие все-таки странные существа люди, - произнесла Беци, когда укладывались спать.

- К чему ты это? - не поняла Зезаг.

- Мы считаем этих русских своими врагами. Виним их во всех наших бедах. Особенно - казаков. До нашего пленения я тоже так думала. А они в большинстве своем, оказывается, хорошие люди. Чистосердечные, добрые, щедрые. Когда нас везли во Владикавказ, помнишь, мы проезжали через Слепцовск. Казачки, против воли стерегущих нас дагестанцев, бросали в нашу телегу хлеб, булочки, сыр, фрукты. Иные плакали, глядя на нас. И здесь со всех сторон мы наблюдаем только доброту, заботу, желание помочь нам. А эта Валя? Она пришла к нам ночью, издалека, рискуя попасть в тюрьму...

- Не все русские одинаковы, Беци. Как, впрочем, и чеченцы тоже. И среди нас, и среди русских есть и добросердечные, и безжалостные люди. Щедрые и жадные. Благородные и коварные. Что делать, Аллах именно такими создал людей. Это жестокая власть не дает людям сблизиться. Нет плохих народов. Но среди каждого народа есть плохие люди...

"Синяя Сибирь", о которой чеченцы сложили немало печальных песен, окружала Беци, Зезаг и шестеро детей своей безграничной жестокостью. Правда, голодать им не приходилось. Конечно, если бы не было иной еды, кроме того, что выделяли власти, все они давно умерли бы от истощения. Но сердобольные сельчане обеспечивали их продуктами даже сверх того, что они могли съесть. Мука, картофель, капуста, молоко, масло, сыр и многое другое.

Сначала они не ели мясо, которое приносили им местные жители. Сознание того, что животные, чье мясо им предлагали, было забито без соблюдения мусульманского ритуала, возбуждало какое-то отвращение. Но позже пришлось есть и его. И к морозу потихоньку привыкли. Вдобавок, Аркадий Петрович щедро снабжал их дровами. Сам распиливал, колол и складывал их. Жители, особенно Валентина Михайловна, обеспечивали их всех теплой зимней одеждой. Здешние люди изо всех сил старались угодить несчастным ссыльным, делали все, чтобы они не чувствовали себя одинокими и брошенными.

Вкусная еда, хорошая одежда, теплый дом... Этого явно недостаточно, если на душе у человека горе. Удобства быта и материальная обеспеченность не могут погасить его. А в душах этих восьмерых человек алым пламенем горела неизбывная тоска, сжигая истерзанные сердца. Для них, для их сердец все здешнее было чуждо - люди, их язык, их нравы и обычаи, природа. Уже второй год они не видели чеченца, не получали весточек с родины. Не знали, что с Зелимханом и Бийсолтой. В голове крутились мысли, одна страшней другой. Где они, что с ними? Убиты, брошены в тюрьму или так же, как и их семья, мерзнут в далекой Сибири, снедаемые тоской по милой родине. Или может сожжены родные аулы, а их родственники с семьями угнаны в неведомые края, где умирают в разлуке друг с другом. А по ночам мучили сны. Изредка снились и другие сны. Отчизна, друзья, родственники, все близкие сердцу люди. Эти редкие сны были такими сладкими, что не хотелось просыпаться. Но в основном снились кошмары. Образы умерших родственников и знакомых, солдаты, разрушенные и сожженные аулы, изуродованные трупы и прочее, и прочее, и прочее. От таких снов пробуждались потные, со стонами или криками. После таких снов тоска и горе удесятерялись.

После отъезда Валентины, которая была для несчастных женщин и детей тем солнцем, которое рассеивает дождевые тучи или густой туман, изливая на землю радость и оптимизм, Беци, Зезаг и все остальные почувствовали какую-то пустоту. Днем приходили Аркадий Петрович и Николай Трофимович. Делали что-то по мелочи, то, что требовало мужской руки, и уходили. Изредка посещали их и соседки. Коротали вечер за женскими беседами и тоже уходили к себе. А они оставались наедине со своими тяжелыми мыслями.

Во вторую зиму от какой-то неведомой болезни, терзавшей его две недели, умер Ахмад. За все это время он не съел абсолютно ни кусочка еды, все время просил пить и день ото дня худел. Вскоре после этого от той же болезни и в тех же муках умер Лом-Али.

Дома, на родине, в таких случаях мать не оставляют рядом с умирающим ребенком, если и оставляют, то ни в коем случае не одну. Вместе с матерью у ее умирающего чада дежурят члены семьи, родственники. Их присутствие рядом как-то смягчает боль, горе несчастной. А здесь, в этом диком краю, некому было прийти на помощь Беци и Зезаг. Им самим пришлось поворачивать умирающих лицом к Килбе, закрывать им глаза, поправлять подбородки и руки. Они сами омыли трупы своих детей, завернули их в изготовленные самими саваны.

Сыновей им дал Аллах. Он же и забрал к себе, в назначенный Им самим срок. Это

женщины понимали и не смели роптать на волю Всевышнего. Тяжесть на их сердцах оставило другое. Ахмад был мал и чтение Ясина ему, быть может, и не было необходимо, но женщины очень хотели, чтобы в этот момент оказался рядом кто-нибудь, кто прочел бы священный аят у его изголовья, облегчая ему переход в мир иной. Нужно было еще позаботиться о похоронах. Вырыть могилу. А кроме христиан, здесь некому это сделать. Допустимо ли, чтобы могилу мусульманину готовили христиане? В крайнем случае, могилу-то женщины и сами кое-как выкопают. Но надо же еще положить туда Ахмада. Прочитать над могилой, если не Ясин и Заам, то хотя бы какие-нибудь аяты из Корана, доа. А Беци и Зезаг ничего этого не знали. Но самая большая проблема женщин заключалась даже не в этом. Больше всего их беспокоило, где похоронить мальчика. Они знали, что мусульманина нельзя хоронить на христианском кладбище. А мусульманского кладбища здесь не было. О том, чтобы похоронить Ахмада среди христиан, не могло быть и речи. Если похоронить где-нибудь отдельно, женщин всю жизнь терзало бы чувство, что они выкинули своего ребенка где-то в лесу.

Женщины поделились своим горем с Николаем Трофимовичем. Он сразу понял их проблему.

- В соседнем селе с давних пор живет около полусотни татарских семей. У них есть отдельное кладбище, где они хоронят своих умерших. Наверняка есть среди них и мулла. Я хорошо знаю этих татар. С двумя из них у меня дружеские отношения. Если вы согласны, я приведу оттуда пару человек, мы отвезем туда Ахмада и похороним на их кладбище.

Как же им было не согласиться - Николай Трофимович наполовину облегчил их горе.

Николай Трофимович сразу же запряг пару лошадей в сани, немедля выехал и через час вернулся вместе с двумя татаринами. Один из них был муллой. Поехала с ними и Зезаг - женщины хотели знать, где и как похоронят мальчика. Более того, они собирались навещать могилу.

Умершего вскоре Лом-Али тоже похоронили татары.

О себе Беци не думала. У нее-то еще два сына и две девочки. Хотя никто и не мог знать, выживут ли они. У Зезаг же не было других детей. Оставшись вдовой еще в молодости, когда Лом-Али не было и года, она переносила с Беци и ее семьей все тяготы последних двенадцати лет. После смерти Лом-Али Беци не только не ласкала своих четырех детей на глазах у Зезаг, но даже ни разу не улыбнулась им.

...Зелимхан был у Али именно в те дни, когда Беци и Зезаг находились в глубоком горе и печали после смерти Лом-Али. Какие-то неведомые силы, тайны природы донесли до сердца Зелимхана известие о беде, обрушившейся на его семью в далекой Сибири...

ГЛАВА XXV В ПЕТЕРБУРГЕ

Русский народ не может завоевать себе свободу, не борясь за свободу других народов.

В. И. Ленин. ПСС. Т. 15. С. 171

Любое восстание чеченского народа за свою свободу, против колониального гнета царская власть и официальные историки переводили в религиозную плоскость. Хотя и не опускались до осуждения ислама вообще. Когда в Чечне возникало какое-нибудь организованное сопротивление, в столичных и местных газетах тут же начиналась античеченская пропаганда. Чтобы возбудить у кавказских, у всех народов России ненависть и недоверие к чеченскому народу, чтобы они не перешли на тот путь, который выбрали чеченцы. Иначе говоря, чтобы эти народы не поднимались против существующей власти.

Смысл и содержание этих пропагандистских измышлений сводился к следующему. Чеченцы по своему сознанию и общественному развитию далеко отстают от современности, это дикий народ, поклоняющийся тем ценностям, которыми жили наши предки тысячу лет назад. Хотя они и называют себя мусульманами, чеченцы ни в коей мере не соблюдают требования, возложенные на мусульман Кораном и Сунной пророка. Аллах и Мухаммад дозволяют пользоваться только добытым собственным трудом и запрещают прикасаться к чужой собственности.

Чеченцы же промышляют воровством и грабежами. И в своей среде, и по отношению к представителям других народов и религий. Аллах запрещает мусульманам убивать созданного Им человека. Будь он мусульманином или другого вероисповедания. Аллах говорит, что убивший мусульманина теряет всякую надежду на рай, что он тысячи и тысячи лет будет гореть в аду. Чеченцы же убивают запросто. Убивают и своего соплеменника - чеченца, мусульманина. И представителя другого народа, другой религии. Аллах говорит им, что все мусульмане являются друг другу братьями, независимо от национальности и цвета кожи, на каком бы языке они не говорили. Между ними должны царствовать мир, согласие, равенство. Аллах призывает не разделяться на нации, тейпы и рода. Не делиться на группы и секты. Среди чеченцев же нет ни согласия, ни мира. Они разделились на тейпы, тукумы и секты. Больший тейп терроризирует малый, богатый, сильный - бедного, слабого. Аллах повелевает им отвратить злоумышленника от преступного пути, а если он не повинуется - наказать его. Но чеченцы никак не реагируют на злодеяния своих соплеменников, не наказывают их по шариату. Аллах требует повиноваться поставленным по Его воле царю, начальникам, власти. Чеченцы же всегда выступают против царя и власти, а поставленных над ними начальников просто убивают. Они не веруют в Аллаха и не боятся Его, иначе соблюдали бы требования, возложенные на них Аллахом и пророком Мухаммадом. Поэтому у соседних мусульманских народов нет к ним ни уважения, ни доверия.

Это была, так сказать, общая античеченская пропаганда. С другой стороны пропагандистские усилия властей были направлены также на то, чтобы настроить сам чеченский народ против Зелимхана или, в крайнем случае, на отчуждение абрека от народа. Власти утверждали, что единственной причиной всех бед чеченского народа является Зелимхан и его банда.

С чеченскими религиозными лидерами власти проводили своеобразную и осторожную политику. Знали, что в их руках находится большая сила, и что они имеют очень большое влияние на народ. С одной стороны власти относились к ним подчеркнуто уважительно, пытаясь перетянуть их на свою сторону. С другой стороны обвиняли их в нежелании остановить преступность в Чечне, в пособничестве злоумышленникам. Власти угрожали строго наказать религиозных деятелей, если они не настроят народ против Зелимхана и его абреков.

Часть чеченских религиозных лидеров ни в коей мере не одобряли и не

поддерживали злодеяния, творимые на этой земле. Они были решительно против воровства, грабежей и иных преступлений. Они призывали мусульман очиститься в вере, исключить из своих взаимоотношений зависть и вражду, призывали общество к единению. Религиозные лидеры призывали власть строго наказывать по шариату всех тех, кто позорит нацию, кто приносит беды народу. Однако, они выступали и против несправедливой политики властей, против притеснения народа, против истязания из-за воров и грабителей ни в чем неповинного народа, стариков, женщин, детей и несчастных бедняков.

Но несмотря ни на что власти сомневались в благонадежности религиозных лидеров. Особенно лидеров кадарийской ветви тариката. По меньшей мере две трети чеченцев были приверженцами этого течения тариката, иначе говоря, входили в вирд Кунта-Хаджи. Когда антизелимхановская пропаганда среди народа потерпела фиаско, власти избрали другой путь. В ноябре 1911 года были арестованы и вместе с семьями сосланы в Калужскую и Астраханскую губернии наиболее известные лидеры кадарийской ветви тариката - Баматгери-Хаджи Митаев, Соип-мулла Гайсумов, Абдул-Азиз Шаптукаев, Батал-Хаджи Белхороев, Кана-Хаджи Хантиев, Магомед-мулла Назиров, Чиммирза Хамирзаев.

Среди народа был распространен слух, что в ссылке религиозных авторитетов повинен один лишь Зелимхан, и что сосланные тут же будут возвращены домой, как только Зелимхан сдастся властям или мюриды схватят и выдадут его. Поверившие словам представителей власти некоторые мюриды вышли на поиски Зелимхана, но из Калуги от Баматгери-Хаджи пришло сообщение о том, что власти врут, что в их аресте повинна она, а не Зелимхан и абреки. Он призывал не верить пропаганде властей, запрещал выдавать Зелимхана и его товарищей.

Когда и такая политика не принесла ожидаемых результатов, власти избрали другие методы воздействия на этот своенравный народ. Жестокие карательные акции против аулов, приютивших Зелимхана хотя бы на одну ночь, уничтожение абрека с помощью верных властям старшин, кровников харачойца и просто жадных до денег людей.

На Балканах шла война.

Антанта и Россия заключили союз против австро-германской экспансии. В союз так же входили Болгария, Сербия, Греция, Черногория. Но возглавляющие союз монархические династии и национальная буржуазия повернули его не в выгодную для Антанты и России сторону - против Турции. С согласия и одобрения своих союзников - Франции и России - Италия вступила в войну с Турцией, преследуя цель захватить Северо-Африканские Триполитианию и Киренаики. В течение нескольких дней Италия заняла Триполи, Хомс, Дерну, Бенгези, Тобрук. Но дальнейшей агрессии Италии решительное сопротивление оказали арабские народы.

Без сомненья, у Турции хватило бы сил выкинуть из Северной Африки 50-тысячный итальянский корпус. Тем более, что она могла рассчитывать на помощь арабских народов. Но в октябре 1912 года против господства Турции восстали Албания и Черногория. Через несколько дней в войну против Турции вступили Болгария, Греция, Сербия. Первый месяц войны принес Турции ощутимые потери. И этому были веские причины. Туркам приходилось воевать на два фронта. С Италией с одной стороны и с союзниками с другой. Более того, союзники имели над турками военное превосходство. Против 412 тысяч их солдат союзники выставили 603 тысячи своих солдат. Вдобавок, войска союзников были лучше подготовлены и оснащены. Большую помощь союзникам оказывали и местные народы, имевшие с ними общий язык, религию и культуру.

В ноябре союзники захватили турецкие провинции в Европе. Флот Греции занял ряд турецких островов и взял в блокаду Дарданеллы. Болгарские войска приблизились к Стамбулу на 35-45 верст. Но туркам удалось остановить их дальнейшее продвижение.

Антанта не желала поражения в этой войне Турции и установления на Балканах господства Болгарии, Греции и Сербии. Особенно не хотела этого Россия, преследовавшая в этом регионе далеко идущие цели. Сотни лет она мечтала контролировать Босфор, Дарданеллы и Средиземное море. Держать под своим влиянием балканских греков и братьев - славян. Присвоить себе восточную часть Турции. Казалось, что России выгодны преследующие Турцию на Балканах неудачи, ослабление турков в этой войне. Но возникновение и укрепление на Балканах независимых славянских государств не могло не беспокоить Россию. В этом случае они подпали бы под влияние Австрии и Германии и были бы для России утеряны навсегда. Тогда России пришлось бы навсегда распрощаться со своей исторической мечтой. Поэтому Россия не оказывала в этой войне военной помощи братьям-славянам. Но несмотря на это в рядах греческих, сербских и болгарских войск воевало много добровольцев из России. Царь же и правительство стояли в стороне.

Во-вторых, если бы Россия вступила в эту войну и отправила бы на помощь братьям-славянам свои войска, возникала опасность, что кавказские народы поднимутся против колонизаторов. В том, что это сделает Чечня, не было никаких сомнений. А тогда другие горские народы примкнули бы к ней. За последние двести лет горцы поступали так каждый раз, когда возникал военный конфликт между Россией и Турцией. И всегда чеченцы находились в авангарде. Вдобавок ко всему, в последнее время не спокойно и в Грузии, Армении и Азербайджане, которые всегда были верны России. Они стремятся отделиться от России и создать независимые государства.

Поэтому, когда болгарские войска приблизились к Стамбулу, Россия заявила им о своем желании прекратить эту войну. В декабре 1912 года на состоявшейся в Лондоне по инициативе Антанты конференции был заключен мирный договор. Но вскоре он был нарушен младотурками, пришедшими к власти в Стамбуле в результате переворота. Их не устраивал договор, по которому у союзников оставались захваченные ими в ходе войны турецкие провинции в Европе. Теперь, в июне 1913 года, уже Турция начала войну. Она оказалась для нее успешной. Согласие между союзниками было нарушено. Более того, кое-кто из них уже воевал между собой.

Декабрьская ночь в Петербурге была морозной. Ветер подхватывал и кружил в вихре густо падающий снег, гнал его по земле, образуя рядом с тротуарами, деревьями и домами глубокие сугробы. Свет уличных фонарей с трудом пробивался сквозь облепивший их стекла снег. Прохожие спешили в теплые дома, они шли скорым шагом, задрав к верху воротники своих пальто и шуб и надвинув поглубже шапки. Раздавались крики извозчиков, требовавших от прохожих освободить дорогу. Медленно продвигались автомобили, оставляя на снегу глубокий след.

В центре города, на берегу Невы стоял небольшой красивый особняк. В библиотеке особняка за накрытым всевозможными блюдами столом в мягких креслах с высокими спинками восседали двое пожилых мужчин.

Один из них был хозяин особняка профессор Петр Иванович Ковалевский. Маленького роста, полный, с небольшим клочком волос на затылке большой головы, густыми седыми бровями, большим носом с широкими ноздрями и длинной белой бородой.

Его собеседник, худощавый, среднего роста, с седеющей головой и длинными густыми бровями, с тонким орлиным носом и гладко выбритым лицом, занимал пост начальника третьего тайного отдела правительства. Звали его Алексей Павлович Липранди.

Дружба между ними завязалась еще в те времена, когда оба они учились на первом курсе юридического факультета Петербургского университета. После учебы их обоих направили на Кавказ, откуда они одновременно вернулись через десять лет, проработав все это время в администрации наместника. Липранди стал чиновником третьего тайного отдела правительства, а Ковалевский -

преподавателем юрфака университета. В настоящее время Липранди возглавлял этот самый отдел, а Ковалевский являлся профессором университета.

Они хорошо знают Кавказ. Узнали его в период работы в администрации Кавказа и во время частых поездок и исследований. В текущем году у обоих вышли в печати научно-исследовательские работы. "Кавказ и Россия" Липранди и "Восстание в Чечне и Дагестане в 1877-78 го-дах" Ковалевского. Ковалевский хорошо знал древнюю историю Кавказа, а Липранди, как руководитель третьего тайного отдела, был прекрасно осведомлен о нынешней ситуации там. Словом, однокашникам было о чем поговорить.

- Мы уже двести лет владеем Кавказом, - говорил Липранди. - Прошло больше пятидесяти лет с тех пор, как мы усмирили горские народы. Если быть точным, мы вырвали Кавказ из когтей Англии, Персии и Турции. Мы заплатили за нее дорогую цену. Но и сегодня там нет русской государственной власти. К примеру, возьмем Закавказье. Там очень мало русского населения, можно сказать, там нет его вовсе. До революции среди туземцев в этом регионе было расселено 150000 русских. Сейчас их всего 130000. Одних убили туземцы, другие вернулись в Россию, спасая свои жизни. Дошло до абсурда. Русский имеет право поехать в любую страну мира, при желании временно или постоянно жить там. Но в Закавказье, которое входит в состав России и подчиняется русской государственной власти, туземцы закрыли дорогу для русских. Они даже не пытаются скрывать своей неприязни к русским. Особенно армяне. Раньше армяне, живущие в России и находящиеся на государственной службе у себя дома, изменяли свои фамилии, переиначивая их на русский лад. Например, Меликян - Меликов, Аванесян - Аванесов и так далее. Окончания своих фамилии "янц" и "ян" меняли на "ов" и "ев". Сейчас же идет обратный процесс. Католикос Макария запретил армянам общаться между собой на русском языке, причем, это касается даже тех, кто живет в России. Они заявляют, что армяне - древняя нация, что она имела собственную государственность, письменность, историю и высокую культуру еще в те времена, когда дикие русские племена носились по лесам, облаченные в шкуры животных. Там образовалось какое-то политическое объединение под названием "Молодая Армения". Эта партия преследует цель отделения Армении от России и создания независимого армянского государства. Там радушно принимают и обустраивают бежавших из Турции армян. Если эту преступную идею не подавить в зародыше, армянская эпидемия распространится на всю империю. Завтра возникнет политическое объединение "Молодая Грузия", вслед за ним - "Молодая Чувашия", "Молодая Мордва", "Молодая Якутия", "Молодая Юкагирия" и так далее. От них заразятся другие народы. И тогда Российская империя развалится на части. Местные народы станут изгонять со своих земель русских. Нынешняя русская власть почему-то не задумывается над этим.

- Мне кажется, Алексей Павлович, что наша власть на Кавказе чересчур мягка.

- Ее вообще нет, ни мягкой, ни жесткой. Наместник, возглавляющий там нашу власть, лишь номинально русский. Он всего лишь ширма для туземцев. Они вытворяют свои дела, скрываясь за его спиной. В Закавказье с государственных должностей повсеместно увольняют русских. К примеру, кто там ходит в помощниках наместника? Кто фактически управляет Кавказом? Петерсон, Мицкевич, Борман, Вейденбаум, Баккел, Тизенгаузен, Бауэр, Фон-Паркау, Фольбаум, Рудольф, Колберг, Штернберг, Кийкер и так далее. Ни одного русского! Короче говоря, нижнее звено власти в руках туземцев, пропитанных революционной дурью, а высшее - в руках немцев, поляков, православных евреев.

Петр Иванович приготовил кофе, немного разбавив его коньяком. Последние слова гостя вызвали у него улыбку, которую он, впрочем, скрыл. Они оба ведь тоже не русские. Липранди был обрусевшим греком, а Ковалевский - поляком. Их предки не меняли фамилий, но изменили имена. Они оба тоже носили русские имена. Тем не менее, его друг смеет упрекать в чем-то немцев, поляков и евреев, находящихся у власти на Кавказе.

- Армения не представляет для нас никакой угрозы, - сказал он, придвигая к гостю

кофе. - Армяне христиане. Из страха перед Турцией они всегда будут опираться на Россию. Главная опасность - это Чечня. Угрозу для нас составляют чеченцы, созданные Богом отважными, непокорными и воинственными. Чеченцы не стремятся отделиться от России и создать собственное государство, подобно грузинам, армянам и азербайджанцам. Таких намерений у них не было никогда. Более того, у них нет сознательности, чтобы думать о таких вещах. Но именно чеченцы не дают установиться на Кавказе миру и согласию. Алексей Петрович Ермолов удивительно точно охарактеризовал этот народ. Чеченцы, сказал он, змеи, другие же народы просто комары. Их не берут даже чума, холера и сибирская язва, которые буквально косят другие народы. Чечня - это гнездо разбойников. Чеченцы с распростертыми объятиями встречают беглых преступников из других народов. Во время Кавказской войны наши дезертиры тоже уходили к чеченцам. Они видели там свободу. Вернее, анархию. Чеченцы говорят, что все они князья. Но они не князья, они анархисты. Они не хотят никакой власти вообще. Им нужна ничем не ограниченная свобода. Разбойничья свобода. Чтобы воровать, грабить, похищать и убивать людей, похищать женщин, иметь множество жен и при желании беспрепятственно разводиться с ними. Они уважают только того, у кого в руках оружие, кто богат или из большого рода. Вернее, они боятся такого человека. Боятся силы, жестокости. Шамиль держал их в кулаке двадцать лет. Отсекая головы не только тем, кто выступал против него, но даже тем, у кого появлялись подобные мысли. В его руках чеченцы были податливы, как воск. Имам творил над ними все, что взбредет ему в голову!

- Вы правы. А теперь и Зелимхан со своей шайкой держит чеченцев в страхе. У них не достает мужества убить его или сдать его властям.

- Нет, не из страха перед Зелимханом не делают это чеченцы. Они оставляют его в покое потому, что он действует против власти, угнетающей их. И не только оставляют в покое, а оберегают, помогают ему. Народ за Зелимхана. Что такое Чечня? Это 250000 орлиных гнезд! По территории она не больше любого нашего уезда, но одновременно это своеобразная неприступная крепость. Везде дремучие леса, высокие горы. Глубокие ущелья, от одного взгляда из которых наверх кружится голова, узкие горные расселины. Нет иных дорог, кроме пешеходных троп. Они разъезжают верхом на лошадях и ослах. Каждое дерево, каждый куст, каждый камень для чеченца - крепость. Я говорил, что чеченцы не хотят никакой власти и никаких законов. Однако у них есть своеобразные законы. Их общественный строй и сознание до сих пор находятся на общественно-родовой ступени развития. Чеченцы - своеобразные магометане, имеющие довольно примитивное понятие об исламе. Они живут в своем большинстве не умом, а фантазией, глазами, сердцем. Не думают о завтрашнем дне. Они молятся своему Аллаху, однако среди них очень мало людей, соблюдающих возложенные на них Им и пророком обязательств. У чеченцев демократия. У них нет князей, дворян, высших и низших. Все имеют одинаковые права. Иными словами, они вольны делать все, что им заблагорассудится. Так сказать - военная демократия. Они не почитают умных и благородных, их общество никак не наказывает преступников. Их демократия и свобода - это разбойничья демократия и свобода. Народ, во главе которого не стоят мудрые и благородные предводители, у которого нет обязательных для всех единых законов, не есть свободный народ. Это несчастный народ.

Липранди допил кофе и поставил пустую фарфоровую чашку на стол.

- Еще кофе?

- Спасибо. Пока не надо.

- Немного коньяку?

- Позже. Удивительное дело. Этот народ, не имеющий никаких институтов власти, законов и единства в своих рядах, воевал против России на протяжении восьмидесяти лет.

- В своей среде среди чеченцев нет единства и согласия. Мне неизвестен другой народ, в ком взаимная неприязнь была бы такой повсеместной и явной. Но они умеют отбросить взаимные распри, вражду и объединиться перед лицом внешней угрозы. Поэтому у того, кто знает характер, нравы чеченцев, такое долгое их противостояние России не вызывает удивления. Я говорил о чеченской религиозности. Они не знают глубин Ислама. Потому что среди них чрезвычайно мало по-настоящему ученых алимов. Поэтому они берут из религии только то, что можно легко усвоить, и то, что кажется им наиболее привлекательным. За редким исключением не курят, не пьют. Все, что они усвоили и приняли, это ненависть к своим врагам - гяурам, русским. Чеченец готов умереть, убивая гяура. В случае смерти он не теряет ничего. В жизни он беден, испытывает голод, находится под властью гяуров. В случае же смерти, в его понимании, он обретает рай, молочные реки и ласки райских гурий. Особенно, если он убьет гяура или гяур убьет его. Хозяйство чеченца нехитрое. Человек, имеющий одну десятину земли, две-три скотинки и несколько овец считается у них богачом. У многих чеченцев совсем нет земли или же ее у них очень мало. Много тех, кто не имеет абсолютно никакой живности. Но даже самый бедный, нищий чеченец имеет крепкого коня и превосходное оружие. С детства у чеченца только одна мечта - показать свое мужество и выносливость. В бою с гяурами. В грабеже гяуров. Его враг - это гяур-русский. Потому что он пришел в его края и отнял его землю. Потому что отнял у него свободу. Потому что он поработил его.

Алексей Павлович бросил взгляд на висящие на стене большие часы. Было около девяти. Хотя идти ему до дома было недалеко, Липранди не хотелось выходить на улицу в такую пургу.

Липранди подошел к окну и выглянул на улицу. Все было окутано мглой. От сильного ветра дрожали стекла на окне. Начальник третьего отдела стал разглядывать дорогие книги, уставленные в высокие, до потолка, шкафы вдоль стен, одновременно слушая хозяина особняка.

- Чтобы понять нынешнюю ситуацию, нам следовало бы знать историю нашего народа и поразмыслить над ней. В нас живет жадность и жестокость. Вся история нашего государства - это сплошные войны. Со слабым мы воюем сами, с сильным - в союзе с другими. Мы захватили земли слабых народов и поработили их самих. С запада, востока и юга. Наших близких и далеких соседей. Одни оказали слабое сопротивление, многие же покорились без единого выстрела. Но чтобы покорить чеченцев, нам пришлось воевать около ста лет. Русских солдат, погибших в Чечне, невозможно сосчитать. Их сотни тысяч. Чеченцы же не смирились и сейчас. И не думают смириться. В последние двенадцать лет во главе этого народа стоит Зелимхан. Он откровенно смеется над нашим правительством. Средь бела дня заявляется в города и грабит граждан, банки, кассы. Не дает русским свободно передвигаться. Угрожает пленением губернатору. Когда его окружают наши войока, спокойно уходит. Убивает начальников администрации. Берет в плен богачей. За три дня до акции сообщает о своих планах атаману Вербицкому, указывая день и час, строго в назначенное время приходит в Кизляр и грабит банк. Зелимхана называют разбойником. Но нет, он не разбойник! Он чеченец, имам чеченского народа! Имам Чечни! Нет никакого сомнения в том, что во главе самой большой секты в Чечне, который мы называем зикризм, стоит Зелимхан!

- Эта секта что, не прекратила своего существования после ссылки в 1864 году Кунта-Хаджи и его смерти?

- Только на какое-то время. В последние годы секта активизировала свою деятельность. Особенно с тех пор, как чеченцев возглавил Зелимхан. Я слышал, что несколько шейхов этой секты арестованы и сосланы...

- Главный из них, Баматгери-Хаджи, умер в Калуге. Сыновья и родственники перевезли его в Чечню и похоронили в родном ауле.

- Я этого не слышал.

- А другую новость вы слышали? Семья Зелимхана, находившаяся в ссылке в Минусинске, освобождена и возвращена на родину.

- Почему? Разве их ссылали не на пять лет?

- Им сократили срок до двух лет. Этого добивались несколько депутатов Государственной Думы и министр юстиции, крича на всех углах о том, что женщины и дети неповинны в преступлениях Зелимхана.

- Зря они это сделали. Пока его семья находилась в ссылке, Зелимхан был не так агрессивен. За эти два года он не совершил серьезного преступления. Притих после нападения на инженерную комиссию. Говорят, и зикристы зашевелились после начала войны наших братьев-славян с турками. Это не впервой. Как только в отношениях между Россией и Турцией возникает напряженность или между ними начинается война, турки усиливают свою пропаганду среди чеченцев. По пути в Мекку и обратно чеченские паломники пересекают Турцию. В основном турки обрабатывают их, но помимо этого засылают своих эмиссаров и в саму Чечню. Вы заметили, аккурат каждый раз, когда между Россией и Турцией возникает война, чеченцы поднимают восстание? Другие горские народы нет, а чеченцы - да. Отсталые в своем сознании чеченцы легко поддаются пропаганде, обмануть их просто. Я еще раз говорю, Зелимхан не разбойник. Он был им двенадцать лет назад. Тогда он грабил, убивал и русских, и чеченцев. Когда его схватили и бросили в тюрьму, он сбежал оттуда. После этого он уже не трогал чеченцев, но буквально терроризировал гяуров. Сейчас он имам чеченцев. Поэтому и рыщет безнаказанно по Чечне. Его охраняет двести пятьдесят тысяч чеченцев. Он грабит русских, врагов своего народа. Безжалостно уничтожает предателей из числа чеченцев. Их не спасает от его пули ни оставление должности, ни отъезд из края. То же самое он творит и с русскими. Приговоренный им к смерти должен непременно погибнуть, где бы он ни находился. Зелимхан милосерден по отношению к нашим солдатам. Он знает, что они пришли в Чечню не по доброй воле. Начальников же и наемников абрек уничтожает безжалостно. Зелимхан затих, словно заснул, но мы, русские, не должны спать в то время, когда активизировался фанатизм чеченцев, когда наши братья-славяне проливают кровь под турецкими ятаганами. Да, мы не должны спать, если не хотим, чтобы чеченцы повторили нам 1877-1878 года.

Отдельные полки книжного шкафа были уставлены книгами по истории Кавказа. Ермолов, Потто, Дубровин, Зиссерман, Фадеев; тома "Кавказский сборник", "Акты кавказской археологической комиссии", "Сборник сведений о кавказских горцах" ; журналы "Военный сборник", "Русская старина", "Русский инвалид" и многие другие. Вся эта литература была хорошо знакома Липранди. Он перевел взгляд на оружие, висящее на стене поверх ковра. В основном это было кавказское оружие. Подаренное хозяину или же купленное им.

- Вы говорите об истории Кавказа, Петр Иванович, - сказал он, усаживаясь в кресло. - Это все в прошлом. Давайте вернемся к сегодняшнему дню. На ваш взгляд, что нужно сделать правительству, чтобы в Чечне не было Зелимханов, религиозных фанатиков и антирусских восстаний?

- Это же проще простого, Алексей Павлович! Источником всех злодеяний в Чечне ее отставание в экономическом и культурном развитии. Со времен покорения Чечни прошло пятьдесят три года, но правительство не сделало абсолютно ничего в деле распространения среди чеченского народа образования, для подъема его культуры и экономики. Их культура и экономика находятся на том же самом уровне, на котором они были еще до начала нашей с ними войны, то есть на уровне XVII века. Если быть еще точным, мы разрушили и ту экономику, которая была у них к тому времени. Мечом и огнем. Все, что было создано этим народом в поте лица на протяжении многих столетий. Уничтожены два поколения искуснейших земледельцев. Поколения, выросшие после войны, отошли от земледелия, скотоводства и других видов трудовой деятельности. Специальностью, навыком новых поколений стали оружие и грабежи. А для того, чтобы они оставили преступный промысел, сменили оружие на орудия труда и перешли к мирному

труду, прежде всего надо внедрить в их общество ценности европейской цивилизации и русскую культуру. Второе, нужно помочь им наладить свою экономику. К примеру, открывать школы в больших аулах, выдавать земледельцам кредиты для закупки сельскохозяйственных орудий, волов, лошадей, скот. За прошедшие же пятьдесят три года правительство не открыло в Чечне ни одной школы, ни одной больницы.

- Вы говорите об одном из главных, Петр Иванович. Но это не первое из главных. Русский народ около ста лет проливал свою кровь, чтобы вытащить Кавказ из пасти турок и англичан. Кавказ должен быть русским, там должна быть русская государственная власть, на этих землях должны жить русские. Их должно быть там в два-три раза больше, нежели туземцев. Они должны стать надежной и крепкой опорой русской власти в крае. Понимая это, Ермолов долго стучался до сердец и ума царя и правительства. Но никто к нему не прислушался. Важнейшая, самая главная задача - поселить на Кавказе как можно больше русских. Да, надо внедрять в чеченское общество европейскую цивилизацию. Еще раньше - русский язык, культуру, обычаи. С этой целью надо открывать для чеченцев школы. Чтобы русифицировать малые народы Кавказа, ассимилировать их среди русских. Грузины, армяне и азербайджанцы подняли головы в последнее время. Поговаривают даже о создании независимых от России государств. Мне кажется, эти народы не представляют для нас никакой угрозы. Грузины и армяне никогда не поднимались против России. Во-первых, эти народы одной с нами религии. Во-вторых, они боятся, что в случае отделения от России попадут в рабство к туркам. Азербайджанцы мусульмане, поэтому их симпатии на стороне мусульманской Турции. Но в Грузии и Армении проживает много азербайджанцев. Много армян живут и в Турции. Турки притесняют их у себя. В прошлом году из Турции в Армению перебежало 50 тысяч армян. Армяне смотрят на азербайджанцев как на своих исторических врагов. Взаимоотношения грузин и азербайджанцев не так остры, но два этих народа никогда не объединятся против России. Поэтому в Закавказье может возникнуть большой политический шум, но это не представляет для России абсолютно никакой угрозы. Главная опасность - Чечня. Главный возмутитель спокойствия на Кавказе. В одиночку ей никогда не справиться с Россией. А чтобы объединить против нас все горские народы и возглавить их... У чеченцев нет таких мудрых политических и религиозных деятелей, как Шамиль. Если мы не уничтожим этот народ до последнего человека или поголовно не переселим их в северные губернии России и в Сибирь, если не рассеем их в этих необъятных просторах по две-три семьи, чеченцы всегда будут беспокоить нас, не давая установиться на Кавказе миру и спокойствию.

- Мы пытались добиться и этих целей, но, как вы сами знаете, безрезультатно, - глубоко вздохнул Липранди. - Сейчас уже нечего об этом и мечтать. Это двадцатый век. Эпоха цивилизации. Такую жестокость страны и народы мира нам не простят.

Выпив с хозяином еще по рюмке коньяку и чашке кофе и попрощавшись с ним, Липранди нехотя вышел в пургу.

ГЛАВА XXVI СУДЬБА АЛИ

Мужчина познается в беде.

Ф. Вольтер

Ушло и это лето, не привнося в жизнь Гати-юрта существенных изменений. Неделю назад один из гатиюртовцев в землянке в Арчхи нашел распухший труп Мусхи. Его тихо похоронили и через месяц забыли.

Из Крыма пришло письмо от Мудара. Новоиспеченный стражник сообщал, что они живы и здоровы, что работа не трудная - охрана имущества помещиков, о которых рассказывал Али, за что их кормят и одевают. Что они тоскуют по родине. Но надо терпеть. Пока не закончится условленный срок, возвращаться нельзя. Мудар также сообщал, что Хомстха Визиев из Герменчука, присланный к ним для того, чтобы добровольно или принудительно вернуть их в Чечню, арестован и посажен в тюрьму.

Али, только что вернувшийся вместе с Усманом с поля, нашел дома письмо.

Одного взгляда на конверт было достаточно, чтобы понять, что оно от друзей. Письмо было от Николаза.

Али сел, забыв даже снять верхнюю одежду. Не обращая внимания на уже наступившее время молитвы, вскрыл письмо.

"Я знаю, что ты обижен на меня за долгое молчание. Ты же знаешь наше положение, знаешь, что мы подневольные люди. Прошу простить меня.

Времена, о которых мы рассказывали тебе, уже наступают. Во всех больших городах по всей России рабочие готовятся подняться с оружием в руках. Еще с лета наши крестьяне противостоят богачам. Может быть, тебе все это у лее известно. Все трудящиеся нашей страны объединяются под знаменем революции в борьбе за свою свободу. С нами будут русские, грузины, армяне, азербайджанцы, украинцы, горцы и многие другие. У всех у них одна цель - создание счастливой, сытой, справедливой жизни для всех народов. Но в руках богатеев до сих пор большая сила. Они сеют раздор между народами. Одна группа отделилась от нашей партии. Они оказались предателями. Их называют меньшевиками. Али, верь только большевикам, только они ищут для трудящихся, для всех народов свободу и справедливость. А о Ленине, об этом необычном человеке, я расскажу тебе при нашей встрече.

У меня для тебя приятная новость - наш Петр недавно тайно вернулся с каторги. Мы вместе. Мы мечтаем обнять тебя и пожать твою мужественную руку.

А что поделывают чеченцы? Мы слышали, что и у вас там случаются стычки с властями. Смотрите, будьте осторожны, не дайте обмануть себя. Миша и Кирилл тоже на свободе. Они действуют в России. Датико до сих пор на каторге.

Передай от нас горячий привет братьям-чеченцам.

Петр. Николаз".

Али еще и еще раз перечитывал письмо. Он начисто забыл о голоде и молитве. Не заметил, как потихоньку опустился за хребет день. Его мысли носились по далекой Грузии, по ее величественным горам. Ему казалось, что он видит своих друзей, слышит их голоса.

Мысли, вихрем кружившие в голове, напрочь отогнали сон.

Еще на каторге Али дал себе слово, что если когда-нибудь вернется домой и если ему позволит здоровье, он обязательно посетит могилы погибших на турецко-российской границе брата Арзу и его друга Чоры. Али не забыл о своем обещании. Но сложная обстановка в Чечне заставляла его откладывать поездку на неопределенное время. Такая же непростая обстановка была в Грузии и Армении. Сначала революция, потом крестьянские восстания, стачки и забастовки рабочих. В этих условиях поездка в Турцию представлялась небезопасной. Получив письмо от товарищей по каторге, Али решил осуществить свою мечту и посетить, наконец, могилу брата. По пути туда и обратно он увидится с Петром и Николазом. Если быть откровенным, Али задыхался в этом ауле. Конечно, понимая его тоску, люди не раз заговаривали с ним о женитьбе. Упоминались его ровесницы, женщины моложе него, привлекательные и воспитанные, готовые связать с ним свою жизнь, из Гати-юрта и соседних аулов. Али благодарил своих доброжелателей и тактично прерывал эти разговоры. Ему трудно было забыть замужество Айзы, хотя ничего позорного для него в этом не было. Каждый раз, оставаясь наедине с собой, ему невольно вспоминались их молодые годы, безграничная любовь, властвовавшая в их сердцах. Время, проведенное в разлуке, в мечтах друг о друге. Сердечные раны, поразившие их на старости лет.

Он надеялся, что с течением времени раны эти заживут. Но они не заживали. Али унесет их в могилу. Может быть, покинув на какое-то время аул, он сможет освободиться от этих гнетущих дум. Заодно посетил бы и могилу брата. Была еще и маленькая надежда найти в Турции Магомеда, сына Арзу.

По всей видимости, в горах скоро грянет новая буря. Грозные тучи - ее предвестники - уже заслонили небо. Если народ поднимется против власти, он не может оставаться в стороне. Борющемуся с таким врагом народу нужны мужественные, мудрые, стойкие предводители. Али сомневается в том, что сегодня они у чеченского народа есть. Одних поглотила война, длившаяся десятилетия и закончившаяся поражением чеченцев, других безжалостно уничтожила победившая царская власть, третьи умерли своей естественной смертью. Да и сами чеченцы не те, что были раньше. Одни напуганы, другие покорились судьбе, похоронив мечты о свободе, остальные с безразличием взирают на собственное угнетенное положение.

Более того, в настоящее время очень много чеченцев куплено властями. Чеченские купцы, офицеры, землевладельцы. Они владеют сотнями десятин земли, тысячами голов скота, магазинами. Их абсолютно не волнует тяжелое положение народа. Они и сами эксплуатируют своих же чеченцев. Они готовы служить любому царю, любой власти, даже дьяволу, лишь бы те защищали их богатства, должности, собственность. Они сделают все, чтобы среди народа не было единства. Понимая, что в противном случае он, народ, пойдет не только против царя, но и против них тоже.

А среди чеченцев и так нет единства. Да и как ему быть, если чеченцы отошли от веры и благородных обычаев предков. Конечно, народ поднимется против угнетателей, но его опять, в который уже раз, ждет поражение. Как всегда. Прольется кровь. Тысячи людей погибнут, тысячи будут сосланы неведомо куда.

Теперь уже Али в этом мире не держит ничего, у него нет ни мечты, ни надежд. Усман и его семья устроены. Хотя и не богато живут, но не хуже других. Али беспокоило одно. Судьба Седы. Он очень любил ее, наверное, потому, что у него у самого не было дочерей. Али каждый день ждал ее прихода, скучал, если она почему-то задерживалась. Когда девушка приходила, Али забывал обо всем прошлом, вмиг исчезали терзающие его сердце горести, на душе становилось тепло и светло. Седа была очень похожа на Айзу в дни ее молодости. Али много думал о Седе. Когда он увидел ее в первый раз, девушке было пятнадцать лет. С каждым днем она становилась все краше и стройней. Была хорошо воспитана. Мастерица на все руки. Али хотел устроить ее замужество. Выдать ее за благородного человека, отдать в хорошую семью. Но в Гати-юрте такого человека Али не находил. Кроме Овхада. Овхад умный, мужественный, благородный человек. Имеет светское и религиозное образование. Знает мир и людей. Его почитают в

ауле и во всей Чечне. Покинул родину еще в молодости, двадцать восемь лет терпел лишения и потому знает цену счастью. Но он старше Седы на тридцать два года. Али готов был закрыть на это глаза. Он знал много случаев, когда молодые девушки выходили за людей на сорок, пятьдесят лет старше и были счастливы.

Али поделился своими мыслями с Ахмадом и Айзой. Они выразили согласие. Овхад сначала воспротивился. Ему, говорил он, - 53 года, а Седе - только 21. Через двадцать лет он будет глубоким стариком, а Седа - сорокалетней женщиной в самом расцвете сил, молодой и жизнерадостной. Тогда разница в возрасте будет ощущаться особенно остро. Седа согласилась на этот брак. В прошлом году Али все устроил, Овхад и Седа стали мужем и женой. Сейчас у них уже маленький сынишка Болат. Теперь Али был готов попрощаться с этим миром в любую минуту.

На второй день, оставшись наедине с сыном, Али рассказал о своем решении.

Усман растерялся.

- Это же далекий путь, дада. Да и здоровья у тебя нет для такой поездки.

- Здоровье-то, слава Аллаху, у меня еще крепкое. Что же касается расстояния. Дорога в Турцию в десять раз короче пути, который я проделал из Сибири домой. Сяду в Гудермесе на поезд и через пару дней буду на месте.

Усман не хотел мешать осуществлению планов Али. Но он опасался отпускать старого отца, возвращенного ему Аллахом. Боялся, что из этой поездки он уже не вернется. Ведь он стар. Да и смерть в это непростое время ходит по пятам каждого человека. И стариков, и молодых...

- Ну что ж, если ты твердо решил ехать, поедем вместе.

- Нет. Я поеду один. Тебе нельзя покидать хозяйство. Дома и на поле много работы.

- И слышать ничего не хочу!

- Нет, Усман. Я съезжу один. Молодым опасно разъезжать в наше неспокойно время. Ты должен оставаться с семьей. А обо мне не беспокойся. Хвала Аллаху, здоровье мое еще крепко. Я знаю русский, турецкий и арабский языки. Немного говорю и по-грузински. Да и путь не такой уж и далекий. Если меня не задержат поиски Магомеда, обернусь через месяц.

Лицо Али на какое-то время помрачнело. В памяти всплыл спор с Арзу, который состоялся 47 лет назад, когда он, Маккал и Чора стали готовиться к отъезду в Турцию. Али не хотел отпускать единственного брата в такую даль одного. Арзу был против того, чтобы его сопровождал Али. У тебя жена, двое детей, говорил он, если поедешь и ты, дом опустеет, оставайся дома. Но Али не сдавался. Тогда Арзу обнял его и погладил по голове. Как тогда, в детстве, когда они остались одни после гибели родителей, брата и сестер...

Где-то в глубине души Усмана шевелилась тревога. Сердце ныло от плохих предчувствий. Но и спорить с отцом он не имел права. Усман решил позвать на помощь Ахмада...

По аулу разошелся слух о том, что Али собирается поехать в Турцию. Ахмад тоже не смог отговорить его. И он, и аульчане боялись, что с Али может что-то случиться в пути. Ведь это не совсем спокойное время. Но для Абди и ему подобных решение Али стало приятным сюрпризом. Они считали благоприятным для себя делом уже одно то, что он покидает аул, пусть и на время. В глубине души надеялись, что старик не вернется живым.

В канун отъезда Али аульчане собрались в его доме на мовлид. Прочитали молитвы, прося у Аллаха счастливого возвращения Али, попрощались с ним. После их ухода у Али задержались Ахмад, Лорса, Овхад, Соип, Янарка и еще несколько человек.

Али рассказал им о переселении чеченцев в Турцию, о нечеловеческих лишениях и бедах, которых пришлось испытать переселенцам. О том, как двух тысяч чеченцев, решивших вернуться домой, турки встретили на границе огнем пушек.

- Мы перевидали много ужасов на войне, когда враги выжигали наши аулы, убивали женщин и детей. Но то, что произошло в тот день на русско-турецкой границе, было чем-то невообразимым. Более двух тысяч человек предприняли попытку вернуться домой, чтобы не умереть от голода в чужом краю. Старики, женщины, дети. Не люди, а какие-то жалкие тени. Больные, истощенные. Против них выставили русские и турецкие войска. Чтобы помешать им вернуться домой, на землю отцов. Опередив русских, турки стали гнать их обратно, кося людей пушечным огнем. Первым пал Чора, за ним Арзу. После этого все поле наполнилось трупами женщин и детей...

Присутствующие не раз слышали о судьбе переселенцев. Но они внимательно слушали Али, видевшего все это собственными глазами.

- Я бы никогда не поверил, что мусульмане могут учинить такое над такими же мусульманами, Али, если бы об этом рассказал кто-нибудь другой! - воскликнул Лорса. - Аллах ведь запретил мусульманину убивать такого же мусульманина...

- Когда речь заходит о мирских благах, никто не выбирает, где мусульмане, а где неверные, - сказал Ахмад. - Разве мы, чеченцы, не только одной веры, но и одного племени, разве мы не убиваем друг друга? Дрались друг с другом, разделившись на тейпы, еще в шамилевские времена. Когда поднял восстание Алибек-Хаджи, против него тоже воевали чеченцы, встав в ряды русских войск. Ты думаешь, нас любят нынешние Абди, Хюси и им подобные?

- В том, что в нас стреляли турецкие власти, нельзя винить турецкий народ, - сказал Али. - Несколько тысяч переселенцев поставили в невероятно сложную ситуацию местных жителей. Как ни трудно жилось им самим, они оказывали нам посильную помощь. Едой, жильем. Старались как-то облегчить наше горе. Когда случилась эта трагедия на границе, на помощь нам пришли живущие поблизости турки, курды, грузины, армяне. Помогали хоронить убитых, спасали выживших. Зло, совершенное единицами, приписывают всему народу. Когда же такими же единицами совершается добро, его народу не приписывают или же о таких благородных поступках не говорят вовсе. Нет на земле плохих народов. Все они созданы одним Богом. Но среди любого народа есть плохие люди. И среди чеченцев не мало коварных, грязных, беспринципных людей. Мы видим их на каждом шагу. В лагере со мной сидели представители всех народов. Было среди них множество отважных, благородных, умных людей, но были и такие, в которых не было ни капли человечности. Все мы созданы Аллахом. И хорошие, и плохие.

Постепенно беседа перешла на нынешнюю обстановку в Чечне.

- Али, может ли дать какой-нибудь положительный результат сопротивление властям отдельных аулов?

- Не противится угнетению только раб. Но надо знать, когда и как нужно выступать. У нас есть одна безумная черта - всегда добиваться свободы именно своей отвагой, оружием. Поэтому в борьбе с превосходящим противником мы каждый раз терпим поражение, все завершается для нас огромными бедами. Нам надо хотя бы раз попробовать добиться свободы умом. Отдельные народы поднимаются в одиночку. Власть запросто подавляет их. Потом наступает очередь других. Ни один народ России не сможет добиться свободы для себя одного. Нам нужно объединиться с такими же обездоленными народами, не обращая внимания на религиозную принадлежность, и вместе идти на врага.

- А народы смогут договориться?

- В России есть люди, которые без устали работают, пытаясь добиться этого.

- Да поможет им Аллах.

- Чеченцам самим бы объединиться, не говоря уж об объединении с другими народами. Сначала разделились на тейпы, потом на секты, везде черная зависть и вражда. Поэтому любой власти легко держать нас под своей пятой...

Гости ушли. Ахмад остался с другом наедине.

- Али, конечно, мы немало говорили об этом... И все же, пусти меня с собой!

- Нет, Ахмад. Наступили смутные времена. Если внезапно грянет буря, ты будешь нужен здесь, в ауле. Когда разыгрывается жестокая буря, свирепый ветер клонит к земле молодую поросль, если среди нее нет закаленных силой природы старых, могучих чинар и дубов. Когда беды обрушиваются на народ, подобные нам с тобой должны быть впереди. А обо мне не беспокойся, меньше чем через месяц я вернусь.

...Попрощавшись со всеми этой же ночью, с рассветом Али вышел в путь.

Он никому не позволил проводить себя. Отправив обратно поднявшихся с ним на хребет Ахмада, Овхада, Лорсу, Усмана и Янарку, Али на несколько минут задержался там.

Сначала его глаза остановились на выделяющейся среди других деревьев высокой, крепкой чинаре. На сухой ветке его кроны сидел одинокий коршун. Али родился под этой чинарой. Этот древний, густой буковый лес был его первым домом. Эти леса, раскинувшиеся вокруг, растили его тридцать лет, заботясь о нем, как родная мать. Он знает каждую пядь этого хребта. Его сердцу милы каждый его куст, холмик, яма, родник... И небо здесь какое-то близкое, родное. Кажется, будто и солнце здесь светит по-иному, улыбаясь тебе, лаская тебя своими лучами. А земля? Земля Отчизны! Разлученный с тобой чувствует себя младенцем, оторванным от груди матери. Как же любит тебя Али, как долго он тосковал по тебе! Ради тебя проливали свою кровь и безвременно отдали тебе свои жизни его отец, братья, сын... В мечтах о тебе, подложив под щеку твою горсть, лег в чужую землю Арзу. Сколько, сколько тысяч пали, сколько тысяч еще падет во имя того, чтобы их дети мирно и свободно жили на тебе!

Али упал на землю и стал тихо разговаривать с ней.

- Родившая меня мать, растивший меня отец, щедро политая нашей кровью родная земля! Я третий раз показываю тебе свою спину, третий раз покидаю тебя, оставив с тобой свою душу. Но я вернусь, если смерть не заберет меня раньше. Вернусь, если не живым, то мертвым. Я успокоюсь только в тебе, только если ты меня укроешь. Может быть нам не суждено больше увидеться, поэтому я хочу попрощаться с вами. Прощайте, дорогие земля, леса, горы, прощайте места, лелеявшие мое несчастное детство! Оставайтесь свободными!

Али взял горсть земли, насыпал его в газырь и встал. Еще раз окинув взглядом окружающую его природу, Али засунул полы черкески за ремень и зашагал вперед.

Он шел быстрым шагом, не оглядываясь вокруг и изредка на ходу поправляя мешок за плечом. Мешок, который он принес в аул из самой Сибири.

Остановившись на опушке, он еще раз бросил взгляд на милые сердцу места и исчез в лесу.

Коршун на вершине чинары беспокойно оглянулся по сторонам, два-три раза тоскливо крикнул, взлетел и стал кружить над лесом.

Внезапно подувший ветер закачал древний лес. Сорванные им желтые листья кружились в воздухе и ложились в овраги и под кусты.

Неожиданно появились черные тучи. Где-то далеко засверкали молнии. Прогремел сильный гром. Большие капли дождя подняли над дорогой пыль.

В ту же минуту природа преобразилась.

А Али шел вперед. Над его головой скрипели и плакали ветви старых деревьев, которые раскачивал и переплетал ветер. В лицо били струйки дождя. С каждым шагом ноги все крепче вязли в грязи. Но он не замедлял ход. Ветер раздувал полы черкески. Казалось, какая-то неведомая сила природы оторвала его от земли и несет вперед.

Перед глазами Али вставали суровые дни шестнадцати военных лет. В ушах звучало завещание Арзу. Али казалось, что брат зовет его к себе...

Прошло два месяца с того дня, как Али покинул Гати-юрт. В аул не поступало никаких вестей от него. Неизвестно, где он и что с ним. Единственное, что знают домашние, так это только то, что сказал им сам Али: еду в Турцию на могилу Арзу. Усман потерял покой. Еще несколько лет назад он клялся себе, положив голову на колени вновь обретенного отца, что никогда не разлучится с ним. Что нет в мире силы, способной разлучить их теперь. Как же было легко раньше, когда все давно уже смирились с его смертью, когда и сам он считал, что отец его давно уже лежит в земле. Он же был Усману не только и не столько отцом... Как и гатиюртовцы, как и все чеченцы, живущие в приаксайских аулах, Усман считал Али своим предводителем. Али уехал, сказав, что задержится на месяц, но обязательно вернется. Запретив им искать себя. Гонимый снедавшими его сердце беспокойством и тоской, Усман съездил в Грозный, во Владикавказ, но нигде не нашел ни самого отца, ни его следов. Каким бы послушным сыном ни был Усман, он все же решил нарушить отцовский запрет и съездить в Грузию. Поеду, твердил он себе, найду отца и не вернусь без него, чтобы никогда впредь не расставаться с ним.

Усман не мог заснуть. Он лежал в темноте, то и дело переворачиваясь с одного бока на другой. Хотя Усман и бодрствовал, но не слышал завывание бури и лай потревоженных кем-то собак. Его мысли бродили где-то далеко. По незнакомым ему краям. По Турции, по грузинским горам.

- Усман!

Услышав свое имя, Усман прислушался. Кто-то тихо стучал в окно.

Вскочив с постели, Усман быстро натянул специально под руку сложенную одежду, обвязался ремнем с висящим на нем кинжалом, засунул за него револьвер, привязал патронташи, перекрещивая их на груди, схватил японскую винтовку и выскочил на улицу.

Увидев стоящих в темноте людей и не узнав их, Усман остановился.

- Кто вы? - крикнул он.

- Это я, Усман.

- Доша, ты? Заходите.

Оставив своих товарищей на улице, Доша подошел к Усману.

- Со мной гости из далеких краев, Усман. Они не вайнахи, кроме одного.

Усман поздоровался с гостями и позвал их в дом.

- Усман, сначала зайди, зажги лампу, подготовь для них комнату, - сказал Доша. - Мы подождем на улице.

- Хоть от ветра спрячьтесь, Доша. Я сейчас, мигом все сделаю.

Медана быстро затопила очаг в комнате для гостей. Гости, одетые не по зимнему, окружили пылающий в очаге огонь. При свете огня Усман сразу же определил, что один из троих чеченец, а другие двое русский и грузин.

Усман не задавал гостям никаких вопросов. Какое-то необъяснимое предчувствие жгло его душу, словно в глотку ему влили целый чан горящих углей.

- Эти трое приехали из Грузии, - сказал Доша. - Они попали в Самби-хутор, там наткнулись на меня...

- Эти двое... Неужели это друзья моего отца? - высказал Усман то, что терзало его с первой же минуты. - Их черты очень похожи на тех, о которых он говорил.

- Похоже, это они и есть...

Медана поставила перед гостями чурек и горячее молоко. Это было ее традиционное блюда, когда на приготовление иных блюд не было времени. Сегодня к ним прибавился приготовленный на молоке и масле калмыцкий чай. Когда гости согрелись и поели, после недолгой беседы о ситуации в Чечне, Усман задал им волновавший его вопрос.

- Итак, гости чужеземные, откуда вы и что привело вас в мой бедный дом? Поделитесь своим делом, и, с помощью Создателя, мы разрешим его.

- Мы трое прибыли из Грузии, - сказал грузин. - Я и Петро познакомились с твоим отцом в Сибири. Когда он примерно месяц назад приехал в Грузию, мы втроем встретились вновь.

В душе Усмана огонь забушевал с новой силой.

- Как вас зовут?

- Это Егоров Петр, мое имя Николаз. Николаз Беридзе.

- Вы самые близкие друзья отца.

- Да. Твой отец нам не только друг, мы почитали его как своего собственного отца.

Гости притихли. Они поняли, что Усман стал что-то подозревать. И в самом деле, Усман неожиданно спросил:

- Я одного не понимаю, Николаз. С тех пор, как отец выехал к вам, прошло около трех месяцев. Почему он не вернулся вместе с вами, почему остался там?

- Ты прав, Усман. Когда он приехал к нам, вместе мы пробыли недолго. Нам двоим пришлось съездить в Россию на месяц. Али сказал, что он поедет в Турцию. Он говорил, что там на границе похоронен его брат, что в Турции живет его племянник, бежавший с японской войны. Али собирался посетить могилу брата и попытаться найти племянника. Он планировал вернуться из Турции в Грузию ко времени нашего возвращения из России. На тот случай, если он вдруг не вернется оттуда, Али оставил завещание для тебя и вашего аульчанина по имени Ахмад.

- Нельзя рассказать мне, что там?

- Нет, Усман, нельзя, - покачал головой Беридзе. - Ты и человек по имени Ахмад, вы должны присутствовать оба.

"О Аллах, что же за сообщение они принесли, - сердце Усмана билось все сильней и тревожней. - Если бы было что-то хорошее, давно уже рассказали бы..."

- Сегодня позовем Ахмада? Или дело можно отложить до утра? - спросил Усман.

- Как это ни хлопотно для тебя, Усман, пригласи его сейчас. Здесь у вас тоже не очень спокойно. Кто знает, что может произойти завтра.

Не теряя времени, Доша пошел за Ахмадом.

Ахмад еще не ложился спать. Только что вернувшийся откуда-то старик сидел над сапогами из сыромятной кожи, готовя их к завтрашнему дню. Увидев хмурое лицо заявившегося в столь поздний час Доши, хозяин понял, что явился он не с добрыми вестями.

- Доша, что за дело привело тебя ко мне? - спросил он как можно спокойней.

- Из Грузии приехали товарищи Али. Тело Ахмада покрылось холодным потом.

- Али с ними? - Нет...

- Почему?

- Да, с ними... Али погиб, они привезли его тело. Услышав, что здесь солдаты, мы оставили труп в Самби-хуторе. Усману еще не сообщили.

Ахмад засунул обратно в сапоги вытащенные только что мокрые подкладки, обулся, накинул на плечи оттаивающий на тепле тулуп, натянул на голову баранью папаху и вышел на улицу.

Когда Ахмад вошел, гости вскочили. Один из них был ровесником Усмана, с черными волосами на голове, красивыми, закрученными к верху черными усами и носом с заметной горбинкой. Другой же, чуть старше первого, с начинающей седеть рыжей бородой, с залысинами и добрыми синими глазами, был русский. Здороваясь, Ахмад по очереди обнял их и прибывшего с ними чеченца.

- Это Егоров Петр, - сказал черный. - А я Беридзе Николаз.

- Я безгранично рад, что познакомился с вами. Али много рассказывал нам о вас. От него только и было слышно - Николаз, Петр. Присаживайтесь.

Ахмад повернулся к Усману:

- Гости поели?

- Немного перекусили.

- Хорошо. Ну что ж, гости дорогие, рассказывайте, как это произошло?

Гости растерянно посмотрели друг на друга. Удивился и Усман.

- Ничего, друзья. Я знаю, что вы пришли не просто так. Рассказывайте, мы привыкли к горю.

"Расскажи ты", - взглядом попросил друга Николаз. А Петро уже не на кого было перекладывать эту тяжелую необходимость.

- Мы знаем, Ахмад, что на вас обрушивались нечеловеческие беды и испытания, что у вас достанет мужества и терпения перенести любое горе. Поэтому я говорю смело: Али нет в живых...

Хотя Ахмаду и сообщили об этом ранее, лицо его изменилось, брови вздулись. Он увидел, как повлажнели глаза Усмана. Отогнав овладевшую им на миг слабость и расстегнув ворот бешмета, Ахмад обратился к Усману:

- Будь конахом, Усман, конахом. У жизни есть и такие стороны. Столько людей испытали подобное. Но нужно быть терпеливым, стойким. Ни твой отец, ни мы, его ровесники, не проронили ни капли слез, когда наши отцы и братья погибали на войне. Как же болели наши сердца, как же было трудно нам, четырнадцати, пятнадцатилетним юнцам, терпеть это. Слезы ничего не могут изменить. Мы брали в руки оставшееся от них оружие и вставали на их место. Такими должны быть и вы, Усман. Рассказывай, Петро...

- Усман, мы понимаем твое состояние, - говорил Петро. - Смерть родителей

тяжелый удар, испил эту чашу и я. Но у меня отец умер дважды, Усман. Несчастный Али был не только твоим отцом, мы любили его ничуть не меньше. Поэтому я говорю: у меня отец умирал дважды - тот, который дал мне жизнь, и Али, которого я любил и почитал как родного отца. Когда он рассказывал на каторге о своей судьбе, товарищи слушали его с нескрываемыми слезами на глазах. Его благородство, стойкость, терпение давали нам силы преодолевать все тяготы, смело идти вперед в борьбе с несправедливостью. Он был настоящим героем. Он приехал к нам в Грузию в тот момент, когда крестьяне нескольких сел восстали против власти. Состоялся бой. Мы сделали все, чтобы отговорить его от участия с нами в этом бою, пытались отправить его обратно в Чечню до начала боевых действий. Но он не послушался нас. "Я не имею права покинуть вас, - сказал нам Али. - Мужчина не покидает друзей в беде". Всегда и во всем он был рядом с нами. Его отвага, стойкость, военное искусство удивляли и восхищали людей. Но жестокая пуля настигает даже таких. Две недели назад, когда мы отходили в горы Хевсуретии, пущенные за нами казаки ранили его в грудь...

Петро попросил у Усмана воды. Выпив залпом всю воду из глиняной кружки и протерев губы носовым платком, Петро продолжал:

- После ранения он прожил три дня. Все это время, до самой последней минуты, Али находился в сознании. Он попросил нас привести к нему чеченского муллу и, если ему суждено будет умереть там, перевезти тело в родной аул. Выполняя его просьбу, мы привели муллу из какого-то приграничного с Хевсуретией чеченского аула. Вместе с этим муллой пришел туда и присутствующий здесь Муса. Когда Али умирал, все необходимые процедуры, предусмотренные вашей религией, совершены. Потом мы перенесли его в тот аул, подготовили там тело и привезли сюда. Узнав, что в вашем ауле есть солдаты, мы оставили его в соседнем хуторе, а сами явились к вам. Он оставил это письмо и наказал вручить его вам.

Петро достал из внутреннего кармана пиджака синий конверт и протянул его Ахмаду.

- Спасибо вам. Да возблагодарит вас Всевышний. Вы сделали очень большое дело.

Ахмад внезапно замолк, крутя в руках конверт и уставив на него глаза. Николаз увидел, как он стиснул зубы и стал часто дышать, как задвигался кадык на его иссохшем горле. Но глаза оставались сухими. Ахмад даже не моргнул ни разу. Николаз не знал, думает о чем-то этот грозный старик или пытается успокоить обожженное тяжелым известием сердце.

- Эх, Али, какую же тяжелую жизнь ты прожил, - сказал он, наконец, глубоко вздохнув. - Не осталось на земле горя и бед, которых ты не пережил бы. Да простит Аллах тебя... и нас. Усман, воля Аллаха свершилась. Отец и мать умирают только однажды, но горечь двух этих дней должен испытать каждый. Али уже не вернешь. Мы не должны терять присутствие духа, от нас требуется терпение, особенно в это сложное время. Рано утром нужно послать людей в соседние аулы, чтобы сообщить о случившемся. Надо подготовить место, людей соберется не мало. Надо вырыть могилу и подготовить все для похорон. Работы много, будь терпелив. Пошли кого-нибудь за Овхадом. Нам, конечно же, хотелось бы хотя бы два-три дня продержать у себя гостей, но это опасно - в ауле солдаты. Поэтому надо этой же ночью проводить их и привезти домой тело Али. Но прежде чем сделать это, надо посмотреть, что Али написал в своем письме. Ты как думаешь, Усман?

- Так будет правильно.

- Тогда ознакомьте их с нашим решением.

Усман немало потрудился, пытаясь донести до гостей смысл их с Ахмадом разговора. Он легко объяснил им, что они сегодня же должны покинуть аул, но много времени потратил на объяснение, почему они должны сделать это так скоро.

- Мы все понимаем, - остановил его Петр. - Но мы не можем уехать, пока Али не

будет похоронен. Али не простит...

- Об этом нечего и говорить. Вы ничем не можете нам помочь, но если с вами что-то случится, мы будем казнить себя всю оставшуюся жизнь.

В эту минуту появился Овхад. Посланный за ним уже сообщил ему о случившемся.

Ахмад раскрыл синий конверт и протянул Овхаду две бумаги, исписанные на русском и арабском языках.

- Овхад, прочти нам это. Овхад вслух зачитал:

"Зная, что смерть ходит по пятам, я заранее пишу это завещание. Я знаю, что если здесь меня настигнет смерть, друзья, выполняя мою волю, перевезут мое тело в родной аул. Это завещание адресовано вам, мои братья и сыновья.

Когда крестьяне из нескольких здешних сел, никогда не нюхавшие порох, объединились и вступили в бой с царскими войсками, когда они стали падать, сраженные их пулями, я не удержался и встал в их ряды. Если бы я не сделал это, опозорил бы свои седины.

Я воюю. Воюю против нашего общего врага, за общую для всех свободу. Не знаю, сегодня я погибну или завтра. Но ничего, если даже я умру сто раз в день! Принять смерть рядом с такими людьми, в такой борьбе одно удовольствие!

Ахмад, мои дети! Я не пророк, чтобы предсказывать будущее, но я знаю одно: когда-нибудь, но наступят счастливые времена. Знаю, что народы тогда будут жить как одна семья - в дружбе, согласии и взаимной любви. А семью, в которой есть согласие, никогда не покидают счастье и достаток. Да будет так! Это увидят наши дети, их дети... Так говорят мне большевики, а они чистосердечные, добрые и мужественные люди, готовые на любые лишения, поклявшиеся отдать свои жизни во имя счастья народов. Я поверил, что они действительно такие, потому что в одном ряду с ними стоят испытанные мной в бедах и лишениях, всегда остававшиеся верными и преданными мне Петр, Николаз, Михаил, Датико, Кирил и многие другие.

Борьба нашего народа против царской власти, начатая сто двадцать лет назад, не прекращена до сих пор. Скольких конахов она забрала, сколько семей оставила сиротами! Наш маленький народ не справлялся с наседавшей на нас огромной силой, у нас не было согласия не только с другими народами, но и между собой. Другие народы, которых силой или обманом заставили выступить против нас, казались нам врагами. Но это оказалось не так. Все мы одинаковые бедолаги, угнетаемые царем и богачами. Только объединившись, сумеем мы, большие и малые народы, одолеть общего врага, только так мы сможем завоевать свободу.

Знайте, мы сможем вернуть отобранную царем у нашего народа свободу и справедливость, лишь объединившись с другими народами и выступив против врага в едином с ними строю.

Петр, Николаз! Когда я, разлученный с родиной и своим народом, потерявший всякую надежду вернуться к ним, смирился со своей судьбой, вы возвратили меня к родным горам. Вы и ваши товарищи сняли пелену, застилавшую мне глаза десятки лет. Мой маленький народ находится в такой же темноте, в какой находился я до встречи с вами. Но он не виноват в этом, в бедности и злобе, нельзя винить его в том, что он не доверяет другим народам. Больше ста лет его уничтожает, истязает русский царь. Больше ста лет его обманывают богачи и их слуги. Несправедливость, бедность обозлили его, убили в нем доверие к кому бы то ни было. Он находится в темноте, для него закрыта дорога к свету.

Я прошу вас и ваших товарищей, которых я никогда не видел и не знал, я прошу вас всех оказывать моему народу братскую помощь, быть с ним вместе до тех пор, пока он не обретет свободу, за которую пролил реки своей крови.

Ахмад, сорок семь лет назад ты спас меня от смерти. Восемнадцать лет назад ты заменил моему сыну отца. Не будет Усману моего прощения, если он в чем-то нарушит твою волю.

Да объединит Аллах весь наш народ в его священной борьбе за свободу!

Это завещание написано Али, сыном Абубакара, уроженцем Гати-юрта, 20 числа месяца шавваль 1331 года".

В комнате установилась тишина. Это тягостное молчание нарушил Петро:

- Вражеская пуля разлучила тебя с нами, наш дорогой друг, мужественный воин революции. Но ты всегда будешь жить в наших сердцах. Ушедший из этого мира так, как это сделал ты, не умирает никогда. Твои товарищи по каторге не забудут тебя. Человека, боровшегося с несправедливостью на протяжении всего долгого жизненного пути, геройски сражавшегося за родину, за свой народ, отдавшего жизнь за свободу грузинских крестьян, которые не были тебе ни соплеменниками, ни единоверцами. Ты научил меня преодолевать трудности, смело идти вперед в священной борьбе. Я буду помнить это всегда. Я и Николаз, которых ты любил и почитал как своих собственных сыновей, мы клянемся выполнить твое завещание. Клянемся отдать все силы, а если придется и жизни, за дело освобождение от угнетателей таких любимых тобой гор. Можешь быть уверен, что в этой борьбе рядом с твоим народом будут все верные сыны России!

На следующий день, когда люди, хоронившие Али, покинули кладбище, Ахмад задержался у могилы друга.

"Нет, Ахмад, ты не поедешь со мной, - вспоминал он последние слова Али, мягко водя рукой по могильному холму. - Ты нужен здесь. Приближается буря, жестокая буря. Когда разыгрывается жестокая буря, свирепый ветер клонит к земле молодую поросль, если среди нее нет закаленных силой природы могучих чинар и дубов. Когда беды обрушиваются на народ, подобные нам с тобой должны быть впереди..."

Проворно вскочив на ноги, Ахмад положил руку на рукоятку кинжала, бросил взгляд мужественных глаз на суровые горы и твердым шагом пошел за товарищами в аул, не склоняя гордого стана перед жестокой бурей...

Против воли самого Соипа Зелимхан отдалил его от себя. Соип изо всех сил пытался воспротивиться этому, говорил, что не оставит харачойца одного. Но Зелимхан настоял на своем решении. Не оставил он с собой ни Бетарсолту, ни Джамалдина. Зелимхан знал, что власти пустили по его следу тайных агентов. Старшин отдельных аулов и кровников. Но старшины каких именно аулов и что за агенты, он не знал. Понимая, что где-то в самом неожиданном месте его ждет коварство, предательство, он не оставлял рядом с собой товарищей. Считал, что одному ему будет легче скрываться.

Соип уже больше месяца был дома. Но иногда пропадал на сутки, а то и больше, и никто не знал, где он бывал.

Овхад слышал, что Зелимхан серьезно болен, но не знал, каково его состояние на самом деле. Он подозревал, что Соип посещает абрека. Когда Соип оказался рядом с ним по пути из кладбища, Овхад попытался разговорить его.

- Как поживает Деши? Она здорова?

- Здорова, все хорошо. Тебя давно не было, она часто справляется о тебе.

- Каждый раз, когда собираюсь навестить ее, что-то да помещает... Тебе известно что-нибудь о состоянии Зелимхана? - неожиданно спросил он.

Соип с недоверием посмотрел на него.

- Нет, мне ничего о нем не известно.

- Ты не доверяешь мне?

- Почему не доверяю? Разве ты не был самым близким другом моего отца? Уже больше месяца я не с Зелимханом. Я не знаю, где он.

- Через товарищей тоже ничего не слышал?

- Они каждый раз говорят, что он болен.

- Каково же его состояние?

- Говорят, ничего опасного.

Овхад не стал дальше спрашивать. Соип или не бывал у Зелимхана, или если и бывал, ничего не хотел говорить...

ГЛАВА XXVII СМЕРТЬ ГЕРОЯ

...Он любил свободу, был храбр, благороден

... Он шел к жене и детям, когда его убили.

А. Макеев

После окружения в харачойской пещере и своего невероятного спасения Зелимхан затих. В области случались мелкие грабежи, но после расследования таких фактов выяснялось, что знаменитый абрек в них не участвовал. Генерал же Михеев в любом преступлении в области видел руку Зелимхана.

После побега Зелимхана из пещеры Михеев провел карательные операции в целом ряде аулов Веденского и Грозненского округов. Сто пятьдесят человек из числа родственников Зелимхана и тех, кто, по сведениям властей, давали ему приют, были сосланы в Сибирь. Семь шейхов, подозреваемых в связях с Зелимханом, вместе с семьями на пять лет отправили в ссылку в Калугу и Астрахань. Самый известный из них, Баматгери-Хаджи, умер в Калуге. Родственники перевезли тело шейха в Чечню и похоронили в родном ауле Автуры.

Этим летом из Минусинской ссылки возвратили домой и семью Зелимхана. Такого решения властей через Государственную Думу и министра юстиции добился знаменитый чеченский адвокат Ахматхан Мутушев. Семье абрека запретили проживание не только в Харачое, но даже в любом чеченском ауле. Их поселили в Грозном, в доме чеченского купца Мурзаева, выставив вокруг дома усиленную охрану.

Михеев не был против возвращения из ссылки семьи Зелимхана. Зелимхан своими угрозами держал его за горло. После нападения абрека на инженерную комиссию генерал потерял покой, ему везде мерещился страшный харачоец. Вдобавок, даже после ареста семьи и ссылки шейхов, Зелимхан не отступил ни на шаг. Наоборот, он еще более обозлился, акции его стали еще более дерзкими. Знаменитые свои нападения на Ассинском мосту и Чермойской горе он совершил именно после ареста семьи. Чуть было не ограбил банк и ярмарку в Грозном. Харачойская пещера... Михеев был уверен, что пока жив Зелимхан, в Терской области не будет ни мира, ни спокойствия.

Правда, в настоящее время Зелимхан был не так опасен, как раньше. Популярность абрека несколько пала в глазах народа. Он был одинок. Не было рядом знаменитых храбрецов, которые находились рядом с ним десять долгих лет. Одни тянули срок в Сибири, других уничтожили карательные отряды, третьих убили кровники. Зелимхан опасался набирать в свой отряд новых людей, не доверял им. Старые его товарищи были особыми разбойниками. Бежавшие из каторги, те, на ком по тем или иным причинам лежала кровная месть. Преследуемые властями. Словом, те, у кого не было обратной дороги к мирной жизни. Даже их Зелимхан тщательно проверял, прежде чем приблизить к себе, брать в свой отряд. Зелимхан верил своим товарищам, потому что у них не было в жизни иного пути, кроме абречества. Если бы они вернулись к мирной жизни, власть либо казнила бы их, либо сослала бы на каторгу лет на двадцать. А за теми, кто примкнул к нему после совершения убийства, охотились кровники.

Сейчас рядом с Зелимханом уже нет этих товарищей. Он остался в одиночестве. Но тем не менее представляет опасность для властей. И в Тифлисе, и у самого Михеева есть сообщения, что в Чечне и Дагестане готовится восстание, руководство которым планируется вручить Зелимхану. Главный организатор, по доносам, Абдул-Межид Коджаев, бывший пристав Кизляра. Говорят, что в том случае, если не удастся поднять народ на восстание, он собирается призвать его переселиться в Турцию. Он распространил слух, что его уволили со службы из-за поддержки им угнетенного властью народа. Темный народ верит этой брехне.

Поговаривают также, что Зелимхан получил письмо от одного шейха из Эрзерума. Укройся на некоторое время, будто бы пишет шейх абреку, береги себя, как только в Чечне и Дагестане все будет готово к восстанию, тебя провозгласят имамом.

Перекликаются с этими сообщениями и агентурные данные, получаемые начальником Веденского округа подполковником Караловым. Как пишет подполковник, Зелимхан планирует в ближайшее время поднять в Чечне восстание. Мюриды кадирийских вирдов распространяют назмы, восхваляющие Зелимхана и его подвиги. Есть случаи, когда в аулах проводились тайные собрания. Часто стали поговаривать и о газавате.

Говорят так же, что среди темных, фанатичных чеченцев Зелимхан распространил сплетни о том, что когда войска окружили тройным кольцом пещеру, в которой он прятался, на помощь к нему явились шейх Кунта-Хаджи, пророки Хизир и Ильяс, которые вынесли его из пещеры, перенесли в безопасное место и только после этого ушли. И главное, население ведь верит всем этим бредням. Короче говоря, во что бы то ни стало Зелимхана надо ликвидировать.

Вся надежда теперь на Каралова.

Михеев не любил князя Каралова. Впрочем, не любил он всех туземцев. И не только он. Не любили туземцев и все русские, работающие в Кавказских администрациях. Каралов и Моргания князья. В России русские князья имеют большой вес и почет. Ведь они дворяне, родовые корни которых уходят в глубь веков. Они владеют обширными землями, у иных в собственности крупные заводы, фабрики. Они занимают высокие посты в окружении царя, в правительстве, губерниях. А кто такие Караловы, Моргания? Одни названия, не больше и не меньше. У них может быть несколько клочков земли в горах, сотня голов скота, лошади и дома, чуть больше и выше своих аульчан. Словом, это люди, которые богатством, умом и сознательностью стоят не намного выше своих соплеменников-туземцев. Но, несмотря на все презрение к ним, они нужны здесь русской власти. Как охотничьи, как сторожевые псы.

Михееву необходимо охотиться за Зелимханом. Уничтожить его и других преступников в Чечне. Чтобы окончательно припугнуть, утихомирить чеченцев.

Каралов сел напротив генерала в мягкое кресло с высокой спинкой. Смуглый кавказец. Заносчивый гордец, забывший свое место. Коротко справившись о здоровье, оба сразу же перешли к делу.

- Что нового? - спросил Михеев, приготовившись слушать.

Каралов раскрыл свою папку, вытащил из нее какие-то бумаги и разложил их перед собой.

- Донесения о том, что Зелимхан готовится поднять против нас чеченцев, я уже доводил до вашего сведения раньше. По этому вопросу от моей агентуры поступило несколько новых сообщений. По всей видимости, восстание это готовит не сам Зелимхан. Здесь действуют другие люди. Известные и уважаемые в народе. Особенно мюриды вирдов кадирийского течения тариката. В маленьком ауле под названием Хаджи-Хутор близ Ведено находится могила матери Кунта-Хаджи. Говорят, что предводители будущего восстания поклялись на этой могиле в верности Зелимхану и друг другу. Зелимхан, по поступающим сведениям, написал письмо своим единомышленникам с поручением сформировать партизанские отряды. Отправлены им письма и авторитетным лидерам, религиозным деятелям Чечни и Дагестана. Но ни одно такое письмо в наши руки не попало. По-видимому, Зелимхан не согласен возглавить восстание, потому что с предложением возглавить его организаторы восстания обратились к Моса-хаджи из Шали. Тот тоже не согласился. По сведениям начальника Ботлихского округа полковника Гвилисиани, такое же предложение поступило и жителю этого округа Аслудди-хаджи, и помещику Нажмуддину Гоцинскому. Они тоже, говорят, отвергли это предложение. Как всегда по Чечне распространился слух, что Турция скоро начнет

войну с Россией, что она захватит Кавказ, что турецкие войска по военно-грузинской дороге войдут в Терскую область.

- Вам известны имена тех, кто распространяет эти сплетни?

- Только некоторых. Но у меня нет против них явных улик, чтобы можно было упрятать их за решетку. Если сказать в двух словах, народ мутят люди, которые раньше находились на государственной службе, но изгнаны оттуда по тем или иным причинам. Прежнего авторитета среди народа у Зелимхана уже нет. Окончательно его авторитет упал после того, как он бежал, оставив своих товарищей, во время последней стычки с нашими отрядами. Последние немногие товарищи, все еще остававшиеся с ним, уже покинули его.

Кое-что из того, что сообщал Каралов, Михеев уже знал. Его интересовало другое.

- Тифлис требует схватить или уничтожить Зелимхана. Пока он жив, в области не будет мира и спокойствия. Вы и Моргания не раз давали слово решить эту проблему. Время идет. А Зелимхан жив. И жив, и на свободе. Чем вы занимаетесь? Что собираетесь предпринять?

Каралов взял одну из лежащих перед ним бумаг.

- Сначала мне казалось, что Зелимхана можно уничтожить, преследуя его войсковыми подразделениями. Но это оказалось не так-то просто. Наоборот, чем больше преследователей, тем легче преследуемому уходить и прятаться. У Зелимхана большая агентура, которая работает лучше нашей. Поэтому я создал особую команду для тайной работы против него. В состав команды входят старшины аулов Новые Атаги, Махкеты, Шали, Автуры и целого ряда других. Шесть стражников, шесть всадников дагестанского полка. Десять чеченцев, шесть аварцев. Шестнадцать человек. Храбрые, выносливые, стойкие. Я заставил их поклясться на Коране в том, что в деле уничтожения разбойника Зелимхана они будут верны друг другу, будут помогать друг другу, не жалея последней капли крови. Сделано это для того, чтобы у них не возникало и мысли предать друг друга. Более того, по обычаям горцев, они провозгласили себя братьями, смешав свою кровь.

Михеев довольно кивал головой.

- Есть у них какие-нибудь успехи?

- Есть. Они вышли на след Зелимхана.

- Это не успех, подполковник. По следу Зелимхана мы ходим уже тринадцать лет!

- Я хочу, Ваше Превосходительство, чтобы вы верили: этот разбойник недолго будет ходить на свободе. Я знаю о каждом шаге Зелимхана.

- Где он сейчас?

- Мы нашли человека, который знает где он. Зелимхан лежит больной. Доносчик отказывается назвать место, где он лежит.

- Почему?

- Просит денег.

- Мы объявили награду в 18000 рублей всякому, кто выдаст Зелимхана.

- Доносчик просит 20000.

- Двадцати тысяч нет. Только восемнадцать. Собранные с чеченцев 10000 и 8000, выделенные администрацией.

- Он не уступает. Я долго с ним спорил.

- Кто этот доносчик?

- Братья Бортиговы. Из Шали. Но я поручил поручику Кибирову добиться от них того, что нам нужно.

- Надежда есть?

- Есть. Эти братья и сами хотят смерти Зелимхана. Он убил одного из них. Мне кажется, они согласятся и на 18000. При этом они убивают двух зайцев: и врага уничтожают, и деньги получают.

- Сколько вам понадобится времени.

- Самое меньшее месяц.

- Хорошо. Будем считать, что это ваше последнее слово. Каралов собрал бумаги и убрал их обратно в папку.

- У меня просьба к Вашему Превосходительству. Поощрить подарками, сойдут и недорогие, старшин Махкетов и Новых Атагов, стражника Муслима Гайтукаева и всадника Дагестанского полка Абдул-Межеда Муртазалиева. За усердие в выполнении возложенных на них обязательств.

- Очень хорошо. Они будут примером для других. Напишите рапорт и передайте моему помощнику.

Недалеко от Шали рядом с поймой Хулхулау, в одинокой сакле на опушке леса лежит больной Зелимхан. Поблизости нет никаких соседей. В саклю никто не приходит. Здесь нет даже семьи Йовмирзы. Она в Шалях. Их увезли туда еще до появления Зелимхана - дети могли раструбить о присутствии здесь абрека.

Здесь небольшой земельный участок Йовмирзы. В этом году выдался хороший урожай кукурузы. С утра до вечера он работает. Сначала уложил скошенные стебли кукурузы в ряд. Сейчас отделяет от них початки, а сами стебли связывает в снопы, аккуратно складывая их в стог. Он не приводит на помощь себе жену и детей. Йовмирза сам убирает кукурузу. Сам ухаживает и за немногочисленной скотинкой. Он всю эту работу взял на себя. Чтобы защищать от внешней угрозы больного Зелимхана.

Зелимхана мертвой хваткой схватила болезнь. Нет, он еще не свален ею с ног, но силы убывают с каждым днем. Изредка колет в сердце, бывает трудно дышать. Тело все время мерзнет, словно в лихорадке. Он не снимал бы верхней одежды даже в постели, если бы не стыдился хозяина. Все эти тринадцать лет Зелимхан строго соблюдал личную гигиену, тело его всегда было чисто. В теплое время года часто купался в многочисленных горных ручейках, зимой же - когда останавливался у наиболее близких людей. Смерть носилась за ним, буквально наступая на пятки. Она могла нанести удар в любую секунду, и ему хотелось быть в этот момент чистым душой и телом. Ухаживал он и за своей внешностью, вовремя подстригал ногти, бороду и усы. В последнее время не всегда удается уделить этому минуту-другую. Приходится часто менять место, спасаясь от агентов Каралова, Моргания, Кибирова, передвигаясь из одного аула в другой. Переходы эти становятся для него с каждым днем все трудней. Нет сил. Исхудал. Лицо вытянулось. Отросли усы и борода.

Несколько чеченских лекарей лечили его. Поили всевозможными отварами, настоем шиповника, кормили медом, смесью из чеснока, лука и меда. Варили разнообразные травы, кору дуба и парили его тело. Но болезнь не отступала. Приводить же к нему русского врача или отвезти его самого в какой-нибудь город было опасно.

Уже наступил первый месяц осени. Скоро заладят дожди, а за ними и снег покроет землю.

Если болезнь не отступит и к зиме, что же с ним станет?

Его семью возвратили из Сибири. Говорят, Беци, Зезаг и дети в Грозном, в доме Мирзоевых. В окружении охраны, как в тюрьме. Он больше двух лет не видел жену и детей. Около года от них не было никаких вестей. Сейчас он знает все. Первым пришло горькое известие - Ахмад и Лом-Али умерли в Сибири. Как же, должно быть, трудно и невыносимо одиноко было женщинам в эти дни. Одни, в далекой, до ужаса чужой Сибири, где рядом нет не только соплеменника, но даже единоверца. Смерть собственного сына Зелимхан переживал не так сильно. У него есть еще два сына. Магомед и Умар-Али. Но Лом-Али, единственный ребенок Солтамурда. У брата уже не осталось наследника, даже наследницы. Как-будто и не было Солтамурда никогда. И Бийсолта погиб еще не женившись. Подростком. Пятнадцати лет от роду. У трех братьев Зелимхана не осталось потомства... У Хаси, Солтамурда, Бийсолты. Все трое убиты.

Что ждет четверых его детей? Муслимат, Энист, Магомеда, Умар-Али? У Зелимхана много кровников. Дочерям-то ничего не грозит. Женщины не подпадают под кровную месть. Пока нет ничего опасного и для сыновей. До пятнадцатилетия. Потом...

У Бортага было три сына. Двое младших находились на государственной службе. Шахаб был царским офицером, Шедид - подрядчиком по строительству и ремонту дорог в горах. Хотя они и не входили в число богатых чеченцев, братья Бортиговы были вполне обеспеченными людьми. Есть поговорка о том, что жадный чеченец ничем и никогда не насыщается. Не хватало своего состояния и им. Им хотелось сравняться с теми, кто богаче них, а потом и оставить их позади. 18000 рублей, объявленные за поимку Зелимхана, так и плыли к ним в руки, без особых усилий с их стороны. А о том, что их предательство, которое когда-нибудь да всплывет наверх, ляжет несмываемым позором на них и их потомков, что их проклянет весь народ, об этом братья даже не задумывались.

А то, что известно хотя бы одному человеку, когда-нибудь да перестает быть тайной. Не сегодня, так завтра народ узнает обо всем. И прежде всего это касается сотрудничества с властью. Письменный донос остается на бумаге, власть хранит ее. Хранит и имена тайных осведомителей. Через десять, пятьдесят, сто лет эти документы рассекречиваются. Об этом тоже предатели предпочитают не думать.

Жадность и коварство толкают их на жестокость. А тот, в чьем сердце, мыслях, теле есть три этих порока, не может рассчитывать на милость Аллаха на том свете. Потому что они не верят ни в Аллаха, ни в Судный День.

Сыновья Бортага водили дружбу с Кибировым и другими офицерами. Причем, шалинцы и не пытались скрывать своих близких отношений с ними. Считали себя на одной ступени с ними по богатству и должностям. Поэтому братьям не приходилось тайно пробираться к Кибирову со своими доносами. Поручик нередко бывал у них в гостях, посещали поручика и они. На виду у всего народа. Кичась своей близостью с Кибировым.

Сегодня Кибиров и старшина Шали осетин Михаил Дослихов гостят в доме Шахаба. Стол уставлен богатой едой. Жирное мясо, галушки из кукурузной муки. Чесночная приправа. Жареные цыплята. Зеленый лук. Ароматный чай. И главное - водка. Изредка Шахаб наполняет им стаканы. Гостям - побольше, себе - меньше. На самом деле Шахаб не любил спиртное и обычно его не пил. Только когда приходили дорогие гости, подобно сегодняшним, он позволял себе глоток - другой.

Время от времени заходит Шедид. Посмотреть, не нужно ли чего гостям. Пока водка не ударила в голову, Кибиров заводит разговор о том, что собственно и стало причиной сегодняшней встречи:

- По поводу твоего предложения у подполковника Каралова состоялся разговор с Михеевым. Генерал был не против выплатить тебе 20000 рублей. Но сказал, что у него нет таких денег. Только 18000. А генерал Флейшер, назначенный вместо

Михеева начальником области, жадный человек. Если ты согласен, он готов выплатить эти 18000 рублей. Говорит, что больше у него нет ни копейки.

- Я не могу уступить.

- Шахаб, ты подумал о том, что ты офицер русской армии? Ты же приносил присягу быть верным царю!

- Я верен своей присяге и никогда не нарушал ее.

- Нет, Шахаб, у тебя какая-то двойственная позиция. Ты знаешь, где Зелимхан. Но не говоришь ничего, пока тебе не заплатят. Вдобавок, торгуешься. Ты такой же офицер русской армии, как и я, хотя в настоящее время и не служишь в войсках. Ты такой же слуга русского царя, как и я. Если бы ты на самом деле был верен присяге, тебе следовало бы рассказать о месте, где прячется Зелимхан! Без всяких денег! Более того, тебе следовало бы самому схватить его и сдать властям. Это же твой долг! Если ты не выполнишь этот свой долг, власть припомнит тебе это.

- Во-первых, поручик, я уже не служу в армии. Во-вторых, я не знаю, где укрывается Зелимхан. Это чужая тайна. Я всего лишь посредник между ними и властями. Человек, который знает, где укрывается абрек, отказывается сообщить нам это, если ему не выплатят 20000 рублей. Я всего лишь передал его слова тебе и Каралову. Передам и ваш ответ.

Кибиров попросил чаю.

- Где этот человек? Я сам с ним поговорю.

- Недалеко. Но он не захочет говорить с тобой.

- Почему?

- Доносчик хочет сохранить в тайне свое имя. Я попытаюсь снизить его требования до 18000 рублей.

...Шахабу не пришлось идти далеко. Он даже не вышел из собственного дома. Его аульчанин и дагестанец, в совершенстве владевший чеченским языком, ждали его в соседней комнате.

- Они твердо стоят на восемнадцати тысячах. Вы согласны на такую сумму? - спросил он.

- Мы повременим. Не уступай им нашу цену.

- В ближайшие дни начнутся дожди, приближается зима. Если кто-то опередит нас и власти убьют его, или если он умрет от болезни, мы не получим и восемнадцати копеек.

Шалинец и дагестанец посмотрели друг на друга.

- Шахаб прав, Муртаз-Али, - сказал шалинец.

- Хорошо. Они сейчас заплатят?

- У него нет с собой денег. Он принесет их после завершения дела.

- Ты веришь ему?

- Верю.

- А если он обманет и тебя.

- Выплату вашей доли я беру на себя.

- Ну что ж, мы согласны. Можешь рассказать им, где Зелимхан. Муртаз-Али поведет туда отряд.

Когда Шахаб вернулся к гостям, все выпили за достигнутую договоренность. Поручик и старшина - по полному стакану, хозяин же, как всегда, пару глотков. Каралов вышел из дома Шахаба, съев перед этим две куриные ножки, и поспешил на хутор Йовмирзы.

Галаев, Каралов, Моргания, Донагулов, Долидзе, Кибиров...

Все они были горцами. Грузины, осетины, абхазцы, дагестанцы... Гончие псы русской власти. Пуская их по следу Зелимхана, власть преследовала две цели - убить абрека и вбить клин между чеченцами и соседними народами.

Поручик Александр Кибиров был осетином. Родился в станице Черноярской Терской области. Начал воинскую службу в Кизлярско-Гребенском казачьем полку. Потом был в царском конвое, в чине старшего офицера. После этого поступил в Оренбургское казачье училище. Но из-за низкой успеваемости вынужден был вернуться в царский конвой, так и не завершив учебу.

Когда началась русско-японская война, Кибиров вместе с Куропаткиным ушел на фронт. Участвовал в боевых действиях в составе второго Дагестанского кавалерийского полка. После завершения войны с тем же полком прибыл в Дагестан, повесив на грудь Георгиевские кресты третьей и четвертой степеней, которыми его наградили за проявленные в боях мужество и героизм.

Сам Кибиров предпочитал не обращать внимания на свои былые подвиги. И чин поручика казался ему до неприличия низким. Если бы ему удалось схватить или убить Зелимхана, считал он, можно было бы надеяться на полковничьи погоны. Правда, его несколько беспокоил целый ряд перемещений в администрации области, которые произошли десять дней назад. Генерал Михеев, с которым у Кибирова наладились хорошие отношения, освобожден от занимаемой должности. Его перевели в Тифлис с понижением в должности. Уволены еще несколько чиновников, с которыми у Кибирова были дружеские отношения. Начальником области назначен Флейшер Сергей Николаевич. Обрусевший немец. Первая встреча Кибирова с ним прошла, можно сказать, успешно. Но говорят, что новый начальник области чрезмерно дисциплинированный и придирчивый служака. Это и понятно, ведь в его жилах течет немецкая кровь. Но если сегодняшняя операция завершится успешно, Кибиров плевать хотел на весь гонор, всю спесь генерал-лейтенанта.

Короче говоря, сегодня определится судьба карьеры Кибирова...

Зелимхан совершил ночную молитву, зикр и прилег отдохнуть. Керосинная лампа, пристроенная на прибитую к стене доске, светила слабо. Зелимхану все время было холодно, и он постоянно поддерживал огонь в печи. Тем не менее абрек не снимал с себя суконный бешмет, брюки и шерстяные носки. Во-первых, когда он снимал верхнюю одежду, его тут же охватывал жестокий озноб. Во-вторых, в случае опасности на одевание не хватило бы времени. Сапоги тоже всегда стояли у кровати.

На улице щедро лил дождь. Капли, стучащие в оконное стекло, навевали тоску. Йовмирзы не было дома. С первыми сумерками он пошел в Шали. Сказал, что принесет свежие чуреки, сыр и что-нибудь еще из съестного, а заодно отдаст постирать грязную одежду.

Зелимхан в этом доме остался один, наедине со своими думами. Как он ни старался, мысли все время возвращались к семье. Ему хотелось увидеть Беци, Зезаг, детей. Он не видел их больше двух лет. Если бы он был здоров и если бы рядом были прежние верные товарищи, он вытащил бы семью, какие бы силы ее ни охраняли, и перевез бы в горы. Потом попытался бы уехать вместе с ними в Турцию. Но Зелимхан болен. А если бы и был здоров, рядом все равно нет прежних

товарищей. Саламбека, Аюба, Абубакара, Усмана, Джабраила, многих-многих других.

Выйдя из дома Шахаба, Кибиров собрал свой отряд, сформированный из конников Дагестанского полка, и поспешил в хутор Йовмирзы. С отрядом шли старшина Шали Михаил Дослихов, его помощник Мурад Гази-магомедов, тайные агенты властей из числа чеченцев. Дождь, густая грязь, темная ночь. Время от времени молния на миг освещала саклю, навес, стог сена, стога кукурузных снопов. Оставив лошадей в чаще и распределившись вокруг хутора, наступающие стали потихоньку пробираться к сакле со всех сторон. Скрываясь за деревьями и стогами, постепенно сужая кольцо окружения. Слишком приближаться к приюту абрека опасались. Они хорошо знали Зелимхана. Никто из них не хотел умирать.

Шедид бывал в сакле Йовмирзы. В комнате, где обычно живет семья хуторянина, есть окошко на чердак, которое закрывается крышкой из досок. Если снять с крыши несколько черепиц, пролезть на чердак и приподнять крышку, можно было застрелить Зелимхана, одновременно оставаясь в относительной безопасности. Если, конечно, абрек там. Шедид получил от Кибирова приказ пробраться к сакле. Ведь Кибиров, в конце концов, ничего не терял, даже если бы Зелимхан убил этого предателя-чеченца. Имей он такую возможность, поручик с удовольствием уничтожил бы всех чеченцев, не оставляя в живых никого. А Шедиду еще и заплатят, если харачоец действительно окажется в сакле. Если этот шакал и умрет, то только лишь ради себя и из-за самого себя.

Зелимхан находился в плену безрадостных дум, но слух его был чуток. Он слышал, даже если на улице передвигалась кошка. Услышав на чердаке тихие шаги, абрек внимательно прислушался. Не было сомнения, что по чердаку кто-то пробирался. Это не мог быть Йовмирза. Как может оказаться на чердаке ушедший в Шали Йовмирза? Даже будь он дома, что ему делать на крыше. Зелимхан посмотрел на проем в потолке. Крышка стала медленно подниматься. Зелимхан прицелился и выстрелил примерно туда, где могла оказаться рука того, кто наверху. Абрек вскочил, засунул револьвер в карман бешмета, накинул на шею патронташ, схватил винтовку и выскочил в темноту в одних носках, не тратя время на сапоги.

Пуля Зелимхана легко ранила руку Шедида. Зная, что абрек сразу же выскочит на улицу, он проворно соскочил на пол. Увидев бегущего за навес Зелимхана, Шедид, не обращая внимания на свою рану, выстрелил ему вдогонку. Но тот скрылся за навесом.

Пуля Шедида попала Зелимхану в плечо. Абрек рвался в чащу. Оттуда его встретили винтовочным огнем. Зелимхан стрелял в ту сторону, откуда раздавались вспышки. Он не мог бежать, ослабленный болезнью. Вдобавок, ноги вязли в мокром кукурузном поле. Шерстяные носки давно сползли с ног. В лицо бил дождь, застилая глаза. С трудом добравшись до стога, абрек присел на корточки. Идущий впереди дагестанских конников Кибиров выстрелом из револьвера ранил его в руку.

Из ран на руке и плече обильно текла кровь. С каждой минутой силы покидали Зелимхана. Не смотря на темноту, ему удалось разглядеть Кибирова. Собрав остатки сил, Зелимхан взял винтовку в здоровую руку, прицелился и выстрелил. Абрек увидел, как тот наклонился, схватившись обеими руками за живот, и уткнулся головой в землю. Вперед вышел другой офицер, это был дагестанец прапорщик Абдуллаев.

У Зелимхана уже не было сил поднять винтовку. Абрек вытащил из кармана бешмета браунинг и стал стрелять из него, пока не кончились патроны.

Враги приближались со всех сторон. Зелимхан слышал, как они изредка переговаривались между собой на русском, чеченском, аварском языках. Наступающие вели по стогу беспрерывный огонь. Зелимхан получил еще одну рану. Поняв, что это смертельные раны и что у него нет ни единого шанса на спасение, абрек начал читать Ясин.

Зелимхан читал его до тех пор, пока не остановился язык. После этого он читал священный аят уже сердцем. Перед его глазами возникали образы деда Бахо, отца Гушмацы, братьев Хаси, Солтамурда и Бийсолты. Беци, Зезаг, детей. Верных товарищей, разделявших с ним тяготы и лишения долгих тринадцати лет...

Не прекращая огонь, враги подползли к стогу и остановились. Они боялись подниматься, хотя в них никто уже не стрелял. Самые смелые подползли еще ближе. Возле стога они увидели Зелимхана, который замер, склонившись над винтовкой. Они не верили Зелимхану. Боялись, что он притворяется мертвым, что абрек сейчас вскочит и начнет стрелять. На всякий случай вояки произвели по телу харачойца два-три винтовочных залпа. Зелимхан не сдвинулся с места. Лишь после этого они решились подойти к абреку, держа наготове оружие. Впереди шли Абдуллаев, Дослихов, Боршигов. В первую очередь они схватили винтовку и браунинг Зелимхана, валявшиеся рядом с ним. После этого двое перевернули труп на спину. Убедившись, что абрек мертв, убийцы издали победные крики. На русском, чеченском, аварском языках, поздравляя друг друга с победой.

Услышав эти крики, раненый Кибиров, которого двое казаков несли на руках, несмотря на сильную боль, сморщил лицо, скривил рот и еле заметно улыбнулся. Теперь он был спокоен. Если останется жив, он станет героем, если умрет от этих ран, имя его войдет в историю...

Известиям о смерти Зелимхана никто не верил. За последние два года печать не раз распространяла такие слухи. Столичные газеты "Русские ведомости", "Голос Москвы" и другие публиковали любую информацию о Зелимхане, даже не пытаясь проверить ее достоверность. Несколько раз они сообщали о смерти Зелимхана, о его побеге в Турцию. Поэтому нынешним сообщениям тоже мало кто верил. Одни, привыкшие к сплетням прессы, стали недоверчивыми, другие просто не хотели верить в смерть своего героя, своего защитника. Поэтому когда труп Зелимхана привезли в Шали и выставили на базарной площади, туда потянулись люди со всех концов Чечни.

Пришел сюда и Овхад, по какому-то делу оказавшийся в этот день в Шали.

Зелимхан лежал на старой камышовой циновке с подложенной под голову свернутой черкеской. Правая рука, полусогнутая в локте, лежала вдоль тела, левая покоилась на животе, ноги были чуть раздвинуты. Левая босая ступня лежала на боку, правая стояла пальцами вверх. На нем были бешмет из голубого сукна и синие брюки из сатина, черная каракулевая папаха лежала на земле рядом с головой. Худое лицо, впалые щеки, заострившийся нос. Небольшие залысины. Застывшие глаза. Давно не стриженные седеющие усы и борода.

По площади носился прибывший из Грозного фотограф, снимая своим аппаратом все и вся. Газеты заплатят ему за эти снимки большие деньги. Купят их и стоящие здесь люди, ведь они на всю жизнь запомнят этот день. Их дети и внуки с гордостью будут показывать фотографии отца, деда, позирующего рядом с убитым Зелимханом.

В первую очередь у трупа сфотографировались участвовавшие в убийстве абрека казаки и дагестанцы. Многие надели специально для этого лучшие, украшенные всевозможными выкройками черкески, рубашки со стоячими воротниками. Бараньи и каракулевые папахи. Браво закручивали усы.

Сначала фотографировались у трупа, как он есть, потом повесили на его шею патронташ, а винтовку положили на живот. После этого переложили труп на разостланную бурку и, облокотив спину, придали ему полусидячее положение. Прицепили два патронташа, перекрещивая их на груди. На колени, поперек тела, положили винтовку. В одну руку сунули браунинг, привязали ремень с кинжалом. Сначала у трупа стали все офицеры и кавалеристы. Потом отдельно офицеры. Потом все желающие. Каждый раз в первом ряду позировали Каралов, Моргания, Абдуллаев и другие офицеры.

В памяти Овхада навсегда остался один снимок. На автомобиле привезли молодую женщину, девушку и мальчика. Женщине было лет тридцать пять. Худое, длинноватое лицо, высокий стан. На ней были длинное черное платье и большой теплый платок, концы которого были обвязаны вокруг талии. На девушке лет 17-18 было длинное зеленое платье, на голове большой белый платок с бахромой, в левом кулаке она сжимала скомканный носовой платок. На мальчике лет семи-восьми были низкая каракулевая папаха и длинное пальто из тонкого сукна с каракулевыми полосами на воротнике и концах рукавов.

Кто-то из стоящих рядом с Овхадом горцев сообщил, что эта женщина - вдова брата Зелимхана Солтамурда Зезаг, а дети - сын и дочь абрека. Каралов подвел их к трупу Зелимхана и о чем-то спросил женщину. Овхад не расслышал вопрос. По-видимому, их привезли на опознание. Завершив эту процедуру, Каралов не отпустил женщину и детей. Он собрал всех участников ночной операции - казаков и дагестанцев - и выстроил их у трупа. Перед ними, у изголовья Зелимхана, подполковник поставил Зезаг, двух детей и какую-то старуху. Фотограф сделал несколько снимков.

Овхада поражала эта дикая жестокость. Эти люди фотографировались на память, поставив детей рядом с трупом отца, а сами, его убийцы, становились за ними. Не было никакого сочувствия, жалости к ни в чем не повинным детям. Это были жестокие, озверевшие люди, которым неведомы были ни стыд, ни совесть.

В течение этих тринадцати лет одно лишь упоминание имени Зелимхана вызывало у солдат и казаков животный страх. Когда абрек средь бела дня врывался в полный войсками город, они в ужасе разбегались, словно куры при приближении ястреба или овца при появлении волка. Не было сомнения в том, что Зелимхан ушел бы и вчера, разогнав эту стаю шакалов, если бы не был ослаблен болезнью. От одного его вида немели руки и ноги врагов.

Сегодня они героями кружили вокруг бездыханного тела абрека. Как черные вороны и трусливые шакалы вокруг тела мертвого льва.

Зелимхан был мужественным и благородным конахом. Он жил в соответствии с временем. У него не было сил и мудрости, чтобы подняться выше сознания своего темного народа. Он хотел только свободы, для себя и своего народа. Он боролся за эту свободу в меру своих сил и сознательности. Все эти тринадцать лет он мстил врагам, отнявшим у его народа свободу, землю, вогнавшим чеченцев в нищету и голод, подвергающим их насилию и угнетению.

В течение всего этого времени Зелимхан совершил немало ошибок. Были случаи, когда он и его товарищи приносили беды безвинным людям. Зелимхан и его товарищи не были ангелами, пророками или святыми, они были людьми. На земле нигде и никогда не было созданного Всевышним человека, который в жизни не совершал бы ошибок.

Увиденное сегодня вызывало у Овхада тяжелые чувства. Люди - странные существа. Когда человек им нужен, когда он приносит им пользу, они возносят его, когда же становится бесполезным, безжалостно скидывают вниз, отворачиваясь от него и обрекая на одиночество. Никто не хочет помочь, уберечь от опасности и бед, отдать хоть каплю своей крови человеку, который пожертвовал своими силами, счастьем, жизнью во имя других.

Овхад вспомнил героев, от которых отвернулся народ, и которые умерли в одиночестве.

Шейх Мансур, первый имам горских народов. Провозгласив его имамом, чеченцы через два месяца отвергли его, в результате чего он вынужден был покинуть Чечню. После этого царские войска взяли его в плен, и он умер в Шлиссельбургской крепости.

Бейбулат Теймиев, состарившийся, больной и слабый, отвергнутый всеми, с

помощью царских властей был коварно убит каким-то кумыкским князем.

Знаменитый полководец Шоип-мулла Центеройский был убит людьми своего же тейпа.

Знаменитый полководец Талхиг из тейпа курчалой. Какие-то люди вскрыли могилу наиба, вытащили труп и ночью прислонили его к дверям дома, в котором жила семья Талхига.

Знаменитый герой Байсангур Бенойский продолжал борьбу за свободу народа даже после потери в бою одной ноги, одной руки и одного глаза. В конце, когда он, преследуемый царскими войсками, укрылся в пещере недалеко от Беноя, именно чеченец привел к его убежищу преследователей. Байсангура повесили в Хасав-юрте. А его товарищей Умму Дуева и Атаби Атаева сослали в северные губернии России.

Защитник несчастного народа, принявший смерть на пути Аллаха эвлия Кунта-Хаджи, с помощью некоторых чеченцев изгнанный Шамилем, несколько лет жил в Мекке и Медине. Вернувшись на родину после пленения Шамиля, он был опять предан отщепенцами из числа чеченцев, арестован, отправлен в ссылку и умер вдали от родных гор, в Устюжино Новгородской губернии.

Также отвергнутый народом двадцатипятилетний Алибек-Хаджи добровольно сдался царской власти, чтобы из-за него не подвергался наказанию народ. Он сам взошел на скамью под виселицей, сам накинул на свою шею петлю, сам отбросил скамейку из-под ног, не позволив презренным палачам прикасаться к своему благородному телу. То же самое сделали в этот день предательски выданные аварцами в руки русской власти Умма Дуев и его сын Дада.

А сейчас и Зелимхан. Когда он был молод, здоров и силен, когда был народным мстителем, горцы вознесли его до небес. Но они отвернулись от него, когда он, разлученный с отцом, братьями и семьей, сваленный с ног болезнью, остался один. Не только отвернулись, но и предали.

Прав был Шамиль, когда говорил: у чеченцев нет горы, на которую они возносят своих героев, и ямы, куда бросают своих преступников.

Через несколько дней Северо-Кавказские и столичные газеты по всему миру разнесли радостную весть о гибели Зелимхана. Только одна газета, "Вести с Кавказа", сообщала об этом с прискорбием. Журналист - большевик А. Макеев опубликовал в ней маленькую статью под названием "Герой убит":

"...Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: "Не хочу против народа". Он любил свободу, был храбр, благороден... Он шел к жене и детям, когда его убили... Те, кто ловил его, - черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами... И не хочется верить смерти Зелимхана!.."

Поручик Кибиров, тяжело раненый Зелимханом, из-за отсутствия нужных специалистов-медиков в области, был перевезен в Петербург. Там его положили в лучшую больницу и к его лечению приступили лучшие врачи. В больницу к нему поступали сотни писем с проклятиями и угрозами отомстить за убийство Зелимхана. Авторами писем были не только чеченцы и ингуши, большую часть из них писали русские, грузины, осетины, дагестанцы, представители других горских народов.

В больнице Кибирова постоянно охраняли два человека, которых выбрал он сам. Но он не был здесь так смел, как в то время, когда рядом с ним находился большой отряд из вооруженных до зубов головорезов. Из-за страха за свою жизнь он не мог заснуть по ночам. При каждом посещении врачом его палаты по телу поручика пробегали мурашки. Ему мерещилось, что к нему, переодевшись в белый халат,

входит чеченец или какой-нибудь другой мститель. Опасаясь, что он от такого напряжения, в конце концов, сойдет с ума, Кибиров настоял, чтобы его перевезли в больницу петербургской тюрьмы. Там была большая и надежная охрана, надзирающая за арестантами.

Через два месяца Кибиров выписался из больницы вполне здоровым. Получил он и звание полковника, о котором так долго мечтал.

Все офицеры, участвовавшие в последней операции против Зелимхана, были повышены в званиях, а рядовые казаки и дагестанцы получили от царя щедрые подарки.

"Начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска.

30 сентября 1913 г. N 10684.

Слобода Ведено.

РАПОРТ

Вашему Превосходительству доношу:

В ночь на 26 сего сентября, зловредный разбойник и религиозный фанатик Зелимхан Гушмазукаев, ранее до этого обезвреженный разгромом всей шайки, убит на Шалинском хуторе чинами военного отряда под командой поручика Дагестанского конного полка Кибирова, при наличии правительственного старшины селения Шали вверенного мне округа осетина Михаила Дослихова, помощника его чеченца из селения Шали Мурада Газимагамаева, агентов чеченцев жителей вверенного мне округа. В отряде ранены: поручик Кибиров - в правое плечо и юнкер Закаръя Дебеков - оба тяжело и два всадника Дагестанского конного полка: Абаз Магомадов и Закаръя Абдулазисов - первый из них в ногу, а второй в руку - легко.

Разбойник Зелимхан крайне преступную свою деятельность проявлял в течение почти 14 лет. История зелимханиады говорит о переворачивании поездов с их ограблением, о наглых появлениях массовых шаек в городах чуть ли ни среди белого дня, о разрушении магазинов с ограблением, о нападениях на вокзалы в городах и ограблении вокзальных касс, о денных набегах на города и ограбление правительственных учреждений (Андреевское сельское правление и Кизлярское казначейство), о повальных пленениях зажиточных обывателей и, наконец, о систематических уничтожениях верных своему долгу членов Терской нагорной администрации...

Вступив в управление вверенного мне округа в мае 1911 года и сознавая, что на меня, как на начальника округа, возложена великая миссия русификации туземного населения, приобщения его к русской культуре, привития ему трезвых и здоровых взглядов на чужую собственность и жизнь, а так же нравственного и умственного развития высочайше вверенного мне населения округа, я начал принимать меры путем убеждения населения, с целью дискредитирования Зелимхана в глазах народа, доказывать всю бесплодность и безрезультатность его мечтаний, и, считая священным долгом оградить население от больших несчастий, признал необходимым прежде всего в корне уничтожить эти преступные мысли в народе и поставлять себе для того главную задачу - уничтожение этого вредного разбойника, со всеми его сподвижниками, приступил с подчиненными мне чинами округа, при помощи влиятельных, благонадежных и преданных правительству туземцев, к борьбе с ним и его сподвижниками.

Таким образом, в течение 2-х лет, несмотря на неоднократные угрозы и покушения на жизнь, при неблагоприятной топографии местности в дебрях Чечни, неутомимая борьба велась административными чинами округа, при дружном содействии военного отряда, состоящего из 4-х сотен Дагестанского конного полка и сотен пластун 2-го Кубанского пластунского батальона,

героическая служба коих говорит сама за себя.

Будучи осведомлен точными агентурными сведениями о местонахождении Зелимхана и его шайки, а также его укрывателей, полученными мною от преданных правительству туземцев-чеченцев, мною принимались самые энергичные меры к разрушению его организации, и результатом этого неустанного преследования было то, что Зелимхан не мог в течение 2-х последних лет произвести какого-либо преступного выступления, а при столкновении лишался своих товарищей. Так: из 10 человек постоянного разбойничьего кадра в 1911 году было убито трое, пять человек было задержано живыми и, будучи преданы военному суду, двое из них приговорены к смертной казни, а трое - в арестантские отделения сроком на 6 лет каждый, девятый раненый бежал в Турцию и десятый Зелимхан, оставшись одинокий и тем обезвреженный, как затравленный зверь скитался по глухим хуторам, лишенный прежней симпатии и поддержки населения и доведенный до отчаяния, намерен был бежать в Турцию, но этого ему не удалось, так как будучи застигнут на Шалинском хуторе, был убит.

Начальник Веденского округа подполковник Каралов".

ГЛАВА XXVIII ЭПИЛОГ

Любовь к своей родине, защита своей родины есть признак Веры.

Хадис

Истинным мусульманином является лишь тот, кто не причиняет вреда другим своим языком и своими руками.

Хадис

Во время революции и гражданской войны в России чеченский народ разделился на несколько частей.

Одни чеченцы пошли за осевшими в Ведено аварцами - имамами Узун-Хаджи, Нажмудди и засланным сюда турками внуком имама Шамиля Саид-Беком.

Другие последовали за большевиками Орджоникидзе, Кировым, Гикало, Таштамиром Эльдархановым и Асламбеком Шериповым.

Третьи встали на сторону Горского правительства во главе с Тапой Чермоевым.

Четвертые выбрали белогвардейцев Деникина, Бичерахова, Алиева, Чуликова.

И, наконец, пятые, не следуя ни за кем, создали свои шайки и занимались грабежами. Им было решительно наплевать и на красных, и на белых, и на пестрых. Они убивали солдат и казаков, какому бы цвету они ни поклонялись, отнимали у них оружие и одежду, а изуродованные трупы попросту выкидывали на съедение птицам и зверью.

И все же симпатии большинства чеченцев были на стороне большевиков. Во-первых, они свергли ненавистную им царскую власть, которая на протяжении веков уничтожала их, отняла свободу и землю, держала в жестоком рабстве. Во-вторых, большевики заявляли, что они передадут власть в руки бедняков, отдадут народу землю, фабрики и заводы, предоставят полную свободу всем народам и религиям, наладят справедливые взаимоотношения между большими и малыми народами. Чеченцам же, в частности, большевики обещали вернуть земли, отобранные у них царем. Быть свободными, быть полноправными хозяевами на своей земле - вот все, о чем веками мечтали чеченцы. И в-третьих, именно с большевиками были наиболее умные и сознательные представители чеченского народа - Таштамир, Асланбек, Али Митаев, Солса-хаджи, Соип-мулла и многие другие.

Когда войска Деникина, состоящие из сорока тысяч офицеров, вошли в Чечню, чеченцы выступили против них на стороне большевиков, Советской власти. Тысячи и тысячи чеченских парней сложили свои головы в боях с армией белого генерала. Деникинцы сожгли, разрушили и разграбили немало чеченских аулов. Азамат-юрт, Берды-кель, Гудермес, Гойты, Кулары, Далаково, Кади-юрт, Мелчухе, Нойбера, Устаргардой, Хадаз-юрт, Цацан-юрт, Алхан-юрт, Чечен-Аул, Энгель-юрт и многие другие. Но, тем не менее, отборные войска Деникина были разбиты, а их остатки выкинуты из Чечни.

В эти смутные времена Овхад был с большевиками. Вел разъяснительную работу в войсках. Иногда случалось и принимать участие в боях с оружием в руках. К примеру, в стодневных боях в Грозном, в обороне аулов Гойты и Алхан-юрт. Во время гибели Асланбека в бою под Воздвиженской Овхад был рядом с ним. После завершения Гражданской войны работал в органах областного ЦИК. В первые же годы советской власти Овхад охладел к ней и к большевикам. Особенно когда чеченцы, участвовавшие в революции и Гражданской войне, начали грязную борьбу за должности. Они открыто клеветали друг на друга, доносили в органы ЧК. Оклеветанные в такой борьбе одни чеченцы были уволены с работы, других сослали на каторгу, третьих уничтожили в тюрьмах. В их числе были почитаемые

Овхадом Таштамир Эльдарханов, Соип-мулла Гайсумов, Али Митаев и многие другие алимы и истинные сыны чеченского народа.

Начавшаяся позже коллективизация вызвала протест среди горцев. Отдельные аулы выступили против Советской власти, которая жестоко подавила эти выступления, бросая одних в тюрьмы, других расстреливая на месте. Объявляя кулаками более-менее зажиточных горцев и выселяя их вместе с семьями в Казахстан, предварительно конфискуя имущество до последнего гвоздя. Несмотря на замену царской власти на советскую, никаких позитивных изменений в Чечне не наблюдалось. Правда, если раньше все эти ужасы творили солдаты и казаки, то сейчас среди бесчинствующих было и много чеченцев, объединенных в милицейские, партизанские отряды и отряды дружинников. Доносительство среди чеченцев распространилось до невиданных доселе размеров.

Не выдержав всей этой жестокости и несправедливости, уволившийся с работы, чтобы не быть участником этой вакханалии, Овхад вернулся в Гати-юрт и устроился учителем в только что открывшейся школе. Школа находилась в бывшем доме его брата Абди. Абди, Сайд, Хюси и еще несколько гатиюртовцев были объявлены кулаками и сосланы в Казахстан, а их дома и имущество передали в собственность колхоза и сельсовета.

В 1937 году развернувшиеся по стране в полную силу репрессии докатились и до самых отдаленных ее уголков. Овхад, без всяких оснований, был объявлен врагом народа и сослан в Сибирь с самым мягким для тех времен приговором - десятью годами каторги. Дома остались жена Седа, сын и три дочери. Сыну минуло двадцать пять лет, он был женат, имел ребенка. Одна дочь была замужем, две другие жили с матерью.

Отсидев от звонка до звонка все десять лет, в феврале 1947 года Овхад освободился. По прибытии в Грозный он узнал о выселении чеченского народа в Казахстан и Среднюю Азию. Надеясь, что кто-то все же остался дома, Овхад поехал в Гати-юрт. В ауле были новые жители, насильно переселенные с гор аварцы. Аул весь обветшал. Ни здесь, ни в близлежащих аулах не было ни одного чеченца. Аварцы рассказали, что в Чечне оставлена только одна чеченская семья - семья абрека Зелимхана.

Овхад поехал в Ведено. Сорок три года назад он пришел в Ведено после семи лет в Грузии и Азербайджане и двадцати лет в Сибири, сейчас шел после десяти лет разлуки с родным краем. Когда он шел сюда в тот раз, ему было сорок четыре года, сейчас - восемьдесят седьмой год...

Здесь тоже жили аварцы. Первый же встречный отвел его к сыну Зелимхана Умар-Али. К самому ненавистному ему зданию - к дому милиции. Умар-Али был начальником районного отдела НКВД. Узнав, кто он такой и почему оказался здесь, Умар-Али отвел Овхада к своей сестре Муслимат. Вечером к ним пришла и другая дочь Зелимхана - Энист. Они рассказали Овхаду, как проходило выселение чеченского народа. По их словам, большую часть жителей Веденского района переселили в Павлодарскую область Казахстана.

- Нас осталось только трое, - рассказывал Умар-Али. - Моего старшего брата убили бандиты двадцать лет назад. Ты, наверное, помнишь времена, когда жители отдельных аулов поднялись против коллективизации и раскулачивания. Тогда в Махкетах и убили его кулаки. Во время выселения народа нас троих, из уважения к нашему отцу, оставили дома. Скоро пять лет как я служу в органах НКВД. Здесь очень трудно. По горам разгуливает много бандитов. Аварцы, остатки чеченских банд. Мы вынуждены бороться с ними, не зная покоя ни днем, ни ночью.

Легли поздно, но Овхад долго еще не мог заснуть. Иногда Овхаду казалось, что в людях не осталось ничего, что могло бы удивить его. Но и время, и люди каждый раз преподносили что-то еще более неестественное. Зелимхан ведь был героем, своей отвагой, своим благородством широко известный во всей России, Иране, Турции, Европе. Он ведь на протяжении долгих тринадцати лет боролся за свободу

своего народа, против притеснения и угнетения его царской властью. Испытывая нечеловеческие беды и лишения. В конце концов он положил на этот алтарь и свою жизнь. Народ считал его своим защитником, своим преданным сыном. Именно таким и остался он в памяти народа. А царская власть объявляла его разбойником, бандитом, убийцей. Зелимхан же писал в своем письме в Государственную Думу, что он не родился абреком, что абреком его сделала несправедливость, жестокость властей.

Теперь те же ярлыки приклеили и к людям, скрывающимся от властей в горах и лесах. Бандиты. Как и за Зелимханом, за ними охотятся милиция, НКВД. Конеч-но, могут быть в этих горах и собственно бандиты. Были такие и во времена Зелимхана. Воры и грабители. Но и тогда, и сейчас есть благородные, честные люди, вынужденные спасаться от несправедливости и ничем неоправданной жестокости властей. Не разбирая, где настоящий бандит, а где честный человек, выведенный на эту стезю властями, одинаковый ко всем, сегодня за ними охотится сын Зелимхана. Как когда-то охотившиеся за его отцом Галаевы, Вербицкие, Андронниковы, Донагуловы, Моргания, Кибировы.

Удивляло Овхада и другое. Почему семья Зелимхана осталась дома, когда весь их народ выселили? Почему они не покинули родину вместе со своим народом, чтобы разделить с ним тяготы, беды и лишения?

Утром, когда гость собрался уходить, Умар-Али выдал ему на дорогу бумагу от НКВД.

- В этих краях чеченца милиция не жалует. Правда, у тебя есть документ, выданный в лагере. Но, тем не менее, не помешает и этот.

Овхад поехал в Казахстан на поиски своей семьи, своего народа.

Он расставался с родиной в третий раз.

В первый раз, когда он покидал Чечню, ему было семнадцать лет, когда его ссылали в Сибирь - двадцать четыре. Возвращался он оттуда уже сорокачетырехлетним пожилым человеком.

Когда его второй раз отправляли в Сибирь на каторгу в сопровождении охраны, Овхаду было семьдесят семь лет.

Сегодня, когда он покидает Чечню добровольно, без конвоя - восемьдесят семь лет.

Сегодня он пустился в далекий путь, чтобы никогда уже не вернуться в отчий край. Ему ведь восемьдесят семь лет...

Хотя со дня смерти Зелимхана прошло около ста лет, чеченцы с любовью и уважением хранят память о нем. Но мне не раз доводилось видеть и представителей других народов, которые относятся к его имени с не меньшим трепетом.

В Киргизии со мной работал Николай Пантелейчук. Он был главным бухгалтером колхоза, я - его помощником. Отец его был молдаванином, мать - русской. Он был на несколько лет старше меня. Еще в детстве он видел кинофильм о Зелимхане. Он часто пересказывал мне его содержание. Николай считал Зелимхана одним из величайших героев в истории человечества.

В 1975 году, гостя у меня в Мескетах, Пантелейчук изъявил желание побывать в родном ауле Зелимхана. Мы поехали в Харачой. Когда мы стояли на окраине аула, к нам подошел молодой человек. Поздоровавшись с нами и справившись о здоровье, он спросил, откуда мы и какое дело привело нас сюда. Получив ответы на все эти вопросы, он показал нам место, где когда-то стоял дом Зелимхана. Место это пустовало, не было вокруг него даже ограды. Никто из харачойцев не присвоил себе этот участок, но никто и не ухаживал за ним.

- Хотите увидеть дочерей Зелимхана? - спросил молодой человек. - Внук Муслимат мой друг. Если хотите, я отведу вас к ней в Ведено.

Еще бы мы этого не хотели! Я давно уже мечтал увидеть дочерей Зелимхана.

Муслимат приняла нас радушно. Сразу же отправила кого-то за Энист. Забили барана и устроили пир. Они, оказывается, читали главу о Зелимхане из моего романа "Именем свободы".

Вскоре после этого в гости ко мне из Тифлиса приехал друг, литературовед Зураб Георгиевич Кикнадзе в сопровождении еще одного научного работника. Во время прежних наших встреч Зураб тоже много говорил о Зелимхане. Грузинские гости тоже захотели посетить Харачой. На этот раз я поехал прямо к Муслимат.

Как и прежде, она позвала Энист, и сестры устроили нам прием, который удивил и восхитил грузин.

В обе мои поездки к дочерям Зелимхана сестры рассказывали очень много интересного о своем отце. Показывали фотографии, газетные материалы. Кое-что из рассказанного ими я уже знал из книги Константина Гатуева. Оказывается, Гатуев тоже встречался с дочерьми абрека.

Сестры рассказали о жизни в ссылке, о том, как их поддерживали местные русские, когда умерли Ахмад и Лом-Али. С особенной теплотой говорили о ссыльной молодой революционерке Валентине Михайловне Корташевой. О ее помощи семье абрека, об уроках чтения и письма.

- Когда мы получили разрешение вернуться в Чечню, Валентина Михайловна пришла провожать нас. Принесла в корзинах булочки, вареные яйца, молоко, сыр и многое другое. Дала денег на дорогу. Прочитав в газетах сообщение о гибели отца, прислала из Минусинска в Грозный письмо с соболезнованиями. Это была очень хорошая девушка, чистосердечная, добрая, щедрая.

Муслимат рассказала, как их повезли в Шали на опознание, как хоронили Зелимхана.

- Нас привезли в Грозный. Как только высадили с поезда, к нам приставили конвой из солдат и жандармов. Эти фотографии сделаны тогда. Нас с Энист поставили в сторонке, как будто знали, что мы переживем всех членов семьи. Жить в аулы нас не пустчли, поселили в доме Мирзоевых. Вокруг дома выставили охрану. Первым к нам пришел Мухтаров. Азербайджанский богач, друг нашего отца. Он поведал матери о своем желании устроить на учебу Магомеда и Энист. Говорил, что нам необходимо учиться. Энист в то время болела. Поэтому у нее ничего не получилось. Магомеда устроили в реальное училище.

- Откуда вы получали средства на еду, одежду?

- Власти выдавали нам двадцать пять рублей в месяц. Этого, конечно, было мало. Помогали родственники. Приносили кукурузную и пшеничную муку, мясо, творог, другое. Поэтому ежемесячные двадцать пять рублей мы могли тратить на одежду и обувь. А к роскоши, естественно, мы и не стремились. Так и перебивались.

- Как вы узнали о гибели отца?

- В тот день я пошла на базар за мелкими покупками, - рассказала Энист. - Там все говорили о смерти Зелимхана. Я прибежала домой и рассказала матери о том, что на базаре все только и говорят о гибели отца. В эти дни мать болела. Она и Зезаг не поверили этим слухам. Говорили, что такую новость напечатали бы в газетах. Магомед сбегал за газетой. На ней об отце не было ничего. Вскоре к нам пришел какой-то полковник. Он сообщил, что Зелимхан убит, труп привезли в Шали, что для его опознания матери следует поехать с ним туда. Мать ответила, что она болеет и не сможет поехать в Шали. Полковник с недоверием посмотрел на лежащую в постели Беци. Он ушел и через полчаса вернулся с врачом. Врач

внимательно осмотрел мать и подтвердил болезнь. После этого полковник предложил поехать Зезаг.

Муслимат и Энист в совершенстве владели русским языком. Я и мои друзья грузины говорили на нем с акцентом, чего в речи сестер не было совсем.

- Когда Зезаг собралась, я и Магомед последовали за ней, - продолжила уже Муслимат. - Полковник не был против. Нас на автомобиле отвезли в Шали. На базарной площади стояла большая толпа. Чеченцы и аварцы из аулов, русские из Грозного и станиц. Казаки и аварские всадники разгоняли людей, но те собирались вновь. Нас подвели к отцу. Он лежал на старой циновке. Под головой лежала свернутая в подобие подушки его собственная черкеска. На одежде была свернувшаяся, но еще не до конца засохшая кровь. Я не узнала отца. Он не был похож на того, которого я видела два года назад. Когда я видела его в последний раз, лицо отца было круглое, а тело не таким худым. Бороду и усы он носил тогда коротко подстриженными. Сейчас же передо мной лежал совсем другой человек. Худое, длинное лицо, тонкий нос, длинные усы и борода, впалые щеки. Но больше всего я не узнавала его руки. Я помнила руки отца белыми, чистыми и мягкими. У лежащего же передо мной человека они были черными и грубыми.

- Это Зелимхан? - спросил нас полковник.

- Я ответила отрицательно. Зезаг подтвердила, что это действительно он. Разогнав окружившую толпу, труп перенесли в канцелярию старшины аула. Сказали, что нужно произвести вскрытие. Отца закопали в нашем присутствии, возле солдатской конюшни. Не омыв, не завернув в саван. В испачканной кровью одежде. В конце концов, со всем этим можно было бы и смириться. Потому что принявшего смерть в газавате допускалось хоронить без омовения, савана, без чтения над могилой Ясина и Заам. Но только на кладбище. Трудно было смириться с тем, что отца похоронили возле конюшни, в том самом углу, куда обычно выносили навоз.

Многое из рассказа Муслимат было мне знакомо. Но грузины не пропускали ни одного слова. Кое-что Зураб записывал в свой блокнот.

- Мы постояли над могилой отца и вернулись в Грозный. Полковник вез нас на автомобиле. Мать не верила в смерть отца. Она еще и еще раз спрашивала нас, действительно ли это был отец. Я отрицала, Зезаг подтверждала. Мать поверила Зезаг. Она спросила, как и где его похоронили. Мы рассказали. Наш рассказ очень расстроил Беци.

"Конечно же, я знала, что когда-нибудь этот день наступит, - говорила она. - Я тринадцать лет жила, не зная ни минуты покоя. Прислушиваясь к каждому шороху за окном, ожидая, что вот-вот придет человек с сообщением о гибели вашего отца. Смерть, конечно же, от Аллаха. Каждое созданное Им существо когда-нибудь да умрет. Видно, такая смерть была написана у него на роду. Но он же был человеком. Мусульманином. Можно же было разрешить похоронить его на сельском кладбище. А то закопали как дохлую скотину. Нет, Зезаг, не будет покоя у меня на душе, пока его не похоронят на кладбище..."

- Утром следующего дня мать поехала в Ведено, к начальнику округа Каралову, - продолжала Муслимат. - С просьбой разрешить перезахоронить отца на кладбище. Начальник округа такого разрешения не дал. Сказал, что это не в его власти, что это может позволить только начальник области, и посоветовал обратиться непосредственно к нему. Мать вернулась с разбитым сердцем. Поехать во Владикавказ, конечно, не представляло труда - между этим городом и Грозным было железнодорожное сообщение. К счастью, начальником области был уже не Михеев, дней десять назад его перевели куда-то на новую должность. Вместо него был другой начальник. Какой-то генерал по фамилии Флейшер. Кажется, он был немцем. Поэтому мать питала определенную надежду. Она решила поехать к генералу. Я поехала с ней, потому что мать плохо знала русский язык. Поехал с нами и Мухтаров. Мы не застали Флейшера на месте, по каким-то делам он поехал в Кизляр. Мы не знали, что предпринять. Подумав, что раз начальника нет в

городе, кто-то должен его замещать, мы выяснили, что первым помощником Флейшера является некий генерал Степанов. Однажды мы уже видели его. Он приходил узнать условия нашего содержания в тюрьме и не нужно ли нам чего-нибудь. Это было еще до нашей ссылки в Сибирь. Тогда он показался мне плохим человеком. Генерал не узнал нас. Я назвала наши имена, сообщила, что перед ним стоят жена и дочь Зелимхана.

- Зачем вы пришли? Зелимхан убит. Похоронен. Он тринадцать лет терзал вас. Из-за него вы перенесли не мало страданий, в тюрьмах, Сибири. Вам следовало бы радоваться, что вас наконец-то освободили от этого тирана!

- Не спорю, мы пережили немало горя. И он, и мы. Но виноват в этом не он, и уж, конечно же, не мы. Его вывела на этот путь несправедливость некоторых хакимов. Но даже будь он в чем-то виноват, это же наш отец. Освободились от него и вы. Сейчас он не представляет для властей уже никакой опасности. О чем можно спорить с покойным? У всех народов, во всех религиях принято хоронить умершего на кладбище, предварительно омыв его, завернув в саван или одев в чистые одежды. А нашего отца закопали в Шали возле солдатской конюшни, в каком-то грязном месте, без каких-либо ритуальных обрядов. Мы хотим похоронить его на кладбище с соблюдением исламских обычаев.

- Я не имею права удовлетворить вашу просьбу, - сказал Степанов. - Я же не начальник области. Я всего лишь его помощник. Я только выполняю его приказы.

Генерал встал и стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину. После этого он вышел и вскоре вернулся с какой-то женщиной.

- Ольга Михайловна, это жена и дочь Зелимхана, - представил он нас. - А это супруга начальника области Ольга Михайловна.

Не знаю почему, но эта женщина мне сразу понравилась. Она была одета в длинное облегающее бархатное платье. На ногах - такого же цвета туфли, на шее висела золотая цепочка с золотым медальоном. Длинные смоляные косы, красивые черные брови, немного удлиненное лицо, еле заметная курносость, пухлые алые губы. Женщине было лет сорок. Обняв меня, Ольга Михайловна заплакала. Выразила соболезнования по русскому обычаю. Некоторым чеченцам кажется, что все русские жестоки и бессердечны. До нашей ссылки думала так и я. Но там я узнала, что многие русские добры и отзывчивы. Тем не менее, я не могла даже предполагать, что жена генерала окажется такой доброй женщиной.

- Мой муж, Сергей Николаевич, в отъезде, - сказала она, вытирая глаза красиво вышитым маленьким белым платочком. - К вечеру он вернется. Я помогу вам как родным сестре и дочери. Оставайтесь сегодня в городе, завтра утром я сообщу вам хорошую новость.

На ночь мы не остались во Владикавказе. Вернулись в Грозный. На второй день Каралов пригласил к себе мать. Я тоже поехала с ней.

- Начальник области дал разрешение похоронить Зелимхана где вам угодно. Но предупредил, чтобы при его перезахоронении не было большого скопления людей. Там должно быть не больше сорока человек.

Каралов написал записки старшине и приставу Шали и направил нас туда. Несмотря на запрет начальников округа и области, на похороны собралось много народа. Приведенные к кладбищу дагестанские всадники пытались разогнать людей. Но с каждой минутой их становилось все больше. Тело отца занесли в чей-то дом, омыли, завернули в саван и похоронили на шалинском кладбище с соблюдением мусульманских традиций и чеченских обычаев. Люди подходили к нам с соболезнованиями:

- Да смилостивится Аллах над Зелимханом. Да примет Он его газават! Зелимхан был мужественным, благородным, честным человеком, верным сыном своего народа. Вы показали, что у него были достойные его жена и дочь...

- В живых из нашей семьи остались только я и Муслимат, - сказала в конце нашей беседы Энист. - У отца и матери было пятеро детей. Первым умер самый младший - Ахмад, это было еще в Сибири. Потом ушел от нас Магомед. В первые годы советской власти были люди, оказывающие ей вооруженное сопротивление. Восставшие против власти кулаки убили в Махкетах работавшего к тому времени в органах ЧК Магомеда. В 1943 году Умар-Али пошел работать в органы НКВД. Будучи начальником отдела НКВД Веденского района, он был предательски убит бандитами в 1947 году. Власть почитала Умар-Али. Он был членом бюро райкома партии. Был награжден медалями "За оборону Кавказа" и "За победу над Германией в Великой Отечественной войне". Одной из улиц Хасав-юрта присвоено его имя.

- Где находится его могила?

- В Ведено, рядом с могилой Магомеда.

- Как погиб Умар-Али?

- Когда выселяли чеченцев, власти, из уважения к Зелимхану, нас, троих его детей, оставили дома, - рассказала Муслимат. - Меня и Энист вместе с нашими семьями, Умар-Али и сына двоюродного брата отца Эламхи Ваху. После выселения чеченского народа в Веденских горах появилось много бандитских шаек. Самой жестокой из них была банда Абаева. Умар-Али, бывшему тогда начальником Веденского районного отдела НКВД, удалось уговорить несколько бандитов добровольно сдаться власти. Абаев сообщил Умар-Али, что он хотел бы поговорить с ним, и просил назначить время и место встречи. Брат согласился. Он жил у меня. Однажды вечером, вернувшись с работы, он сообщил мне, что к нам приедет гость, и попросил накрыть стол. На мой вопрос кто он, брат ответил, что к нам придет Абаев и что каким бы он ни был человеком, гостя следует хорошо накормить. На рассвете в наш двор вошел Абаев. Он был вооружен. Между ним и братом состоялась беседа, длившаяся несколько часов. Через приоткрытую дверь их слушал мой сын Барон, а во дворе под окном стоял Ваха. Умар-Али предлагал Абаеву добровольно сдаться властям. Тот соглашался только при условии, если Умар-Али даст слово, что он не будет убит. После обеда разговор пошел на повышенных тонах. Абаев стал грязно ругаться. Не притрагиваясь к висящему на боку маузеру. Абаев неожиданно вытащил пистолет, спрятанный за пазухой, и выстрелил в Умар-Али. Ваха разбил стекло и несколько раз выстрелил в Абаева. Когда Барон ворвался в комнату, бандит был уже мертв. К раненому Умар-Али немедленно привезли опытного хирурга из Махачкалы. Его прооперировали, но это не помогло. У Умар-Али была только одна почка. Пуля попала именно в нее...

Муслимат и Энист показали мне старые фотографии. Несколько фотографий с казаками и дагестанцами, стоящими у тела убитого Зелимхана. На одной были Зезаг, Муслимат, Магомед и какая-то женщина.

- Кто эта женщина? - спросил я.

- Мы ее не знаем. Ее откуда-то привели и поставили рядом с нами.

Сестры дали мне свои последние фотографии, снятые вместе. После нашей встречи они прожили пятнадцать лет. Муслимат умерла 13 сентября 1990 года, Энист - через неделю после смерти сестры...

Соседние народы как зеницу берегут свои исторические и культурные памятники. Древние строения, орудия труда, инструменты, оружие, посуду, домашнюю утварь. Даже сейчас, в век автоматики и электроники, они не забывают о своих национальных древних ремеслах, передавая их подрастающим поколениям. В Дагестане есть много мастеров по золоту и серебру, меди, железу, камню и керамике. Много мужчин и женщин владеют искусством изготовления бурок, истангов, ковров и другими древними ремеслами. Каждый аул имеет написанную многовековую историю. Каждое поколение заносит в эти летописи информацию о мало-мальски значимых событиях, произошедших в данном населенном пункте.

Письмена эти передаются из поколения в поколение.

Народ, не знающий своего прошлого, не сможет создать ничего нового, не сможет построить свое будущее. Прошлое - это фундамент, корень настоящего и будущего. На протяжении всей своей истории у чеченского народа не было сознательности, чтобы оберегать прошлое и думать о будущем. Поэтому у него нет ничего из вышеперечисленного, ничего, что можно было бы показать нынешним и будущим поколениям. Даже для сохранения древних башен и кладбищ в горах он не делает абсолютно ничего. Наоборот, разрушает и растаскивает все, что еще можно разрушить и разграбить.

За последние годы чеченцы нанесли невосполнимый урон национальной науке, образованию, культуре, здравоохранению и природе. Государственное и общественное имущество разграблено, разрушена электрическая и телефонная связь. Безжалостно уничтожается национальное достояние - леса, нефть, газ, другие природные ресурсы, экология.

В Дагестане своим национальным героям, совершившим добрые, полезные для общества дела сынам, деятелям науки, писателям, художникам, композиторам, певцам ставят памятники в столице и в их родных аулах.

Но в Чечне такой памятник не поставили никому.

Рядом с Сержень-юртом, на правой стороне дороги в Ведено стоит скульптурный памятник, построенный в советские времена: остановившийся на отдых чеченец поит коня. Может быть, скульптор и не имел в виду абрека, но народ принял это как памятник Зелимхану. Вокруг памятника стояла изгородь, внутри которой было чисто и красиво. Через несколько лет чеченцы начали разрушать скульптуру. Выводили на ней свои имена, стреляли в нее на меткость. В настоящее время вокруг памятника нет никакого ограждения, все заросло и обветшало. Но чтобы сохранить его, уважать и почитать, у чеченцев не хватило ни сознательности, ни культуры...

25 октября 1997года - 18 мая 1999 года.

Мескеты.

Автор и редколлегия выражают сердечную благодарность Хусейну Джабраилову за помощь в издании Собрания сочинений Абузара Айдамирова

13.7.2005

Примечания

1

Андийцы, мелардойцы, цадахаринцы - представители дагестанских народностей.

2

Кудал - медный кувшин с узким горлышком.

3

У чеченцев нет понятия "полусирота". Сиротой в полном смысле считается ребенок, у которого нет отца.

4

Синяя Сибирь - чеченцы наделяют Сибирь эпитетом "синий" из-за ее географической отдаленности и холодного климата.

5

Вирд - произнесение "Ла илаха иллаллах" дважды по сто раз. При этом человек, совершающий вирд, перебирает четки, чтобы не ошибиться в счете.

6

У с т а з - религиозный, духовный наставник.

7

Кунта-Хаджи - основатель новой религиозной секты в Чечне. Кунта-Хаджи - выходец из селения Иласхан-Юрт (Гудермесский район в Чечне). Проповедовал тарикат кадирийского толка. В настоящее время его последователи составляют большую часть населения Чечни и Ингушетии.

8

Д о а - молитва с произвольным текстом. Читается после обязательных и рекомендуемых молитв, перед началом и после завершения любых важных дел.

9

Шариат - свод законов и правил общежития по исламу.

10

Пурстоп - пристав.

11

Ч у р т - надмогильный камень.

12

Конах - рыцарь по духу, молодец, благородный человек.

13

М ю ж г и - от слова "мужик". Так называют чеченцы русских мужского пола.

14

Кумган - медный кувшин для воды.

15

Адат - свод неписаных законов.

16

Хаджи - человек, совершивший хадж в святые для мусульман места в Мекку.

17

Бяччи - предводитель, вождь.

18

Г и р д а - чеченская мера веса, равная 12 кг.

19

"...С пустым кудалом в р у к а х". Встретить человека с пустой посудой для воды в руках - плохая примета для путника.

20

Остопируллах - (араб.) покаяние перед Аллахом. Дословно: "Прости, Аллах!" В некоторых случаях чеченцы используют это слово как возглас крайнего удивления, изумления.

21

Чапилги - чеченское национальное блюдо, подобные блинам лепешки, начиненные творогом..

22

И с т а н г - войлочный ковер или палас.

23

адвокат

24

Бозбуунчалла - магия.

25

Пандур - струнный музыкальный инструмент.

26

Таш-Гечо - нынешнее село Аксай в Хасав-юртовском районе.

27

Д и р к и - чеченские лыжи, круглые щиты из переплетенных тонких прутьев.

28

Я с а к (тюрк.) - контрибуция, дань.

29

Махма - распространенное среди аварцев мужское имя. К незнакомому аварцу обычно обращаются этим именем.

30

Меташка - от слова "матушка". Так чеченцы называют русских женщин.